

Сергей
БАЙМУХАМЕТОВ

Сергей БАЙМУХАМЕТОВ

Призраки
истории

Историческая
библиотека

Призраки истории

Исторические расследования — скандальные,
парадоксальные и увлекательные!

СЕРГЕЙ
БАЙМУХАМЕТОВ

ПРИЗРАКИ
ИСТОРИИ

МОСКВА

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Б18

Все права защищены, ни одна из частей этой книги не может быть воспроизведена или использована в любой форме и любом виде без разрешения автора и издателя. За информацией следует обращаться в ООО «Агентство «КРПА «Олимп».

Баймухаметов, С.Т.

Б18 Призраки истории / Сергей Баймухаметов. — М.: АСТ: Олимп, 2008. — 480 с.

ISBN 978-5-17-046745-7 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-7390-2102-1 (ООО «Агентство «КРПА «Олимп»)

С: Ист. библиотечка. (84).

ISBN 978-5-17-051232-4 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-7390-2222-6 (ООО «Агентство «КРПА «Олимп»)

С: Ист. библиотечка. (новая).

Призвания варягов не было. Александр Невский — приемный сын хана Батая. Петр Первый — основатель азиатчины в России. Бездарность Сталина — источник наших бед в великой войне. Исторические расследования Сергея Баймухаметова, несмотря на то что они основаны на исторических источниках, вызывают ожесточенные споры. Осознанно или неосознанно, каждый человек выбирает для себя только ту часть правды, которая ему приятна. Полная правда раздражает всех. Автор расследует ключевые моменты истории от Рюрика до Сталина, книга читается как исторический детектив.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

© С. Баймухаметов, 2008

© ООО «Агентство «КРПА «Олимп», 2008

В 9-томном «Курсе русской истории» В. О. Ключевского великий князь Александр Невский упоминается 15 (пятнадцать) раз в 15 (пятнадцати) строчках; Куликовской битве посвящено 6 (шесть) строчек.

Автор

Глава 1

ПРИЗВАНИЯ ВАРЯГОВ НЕ БЫЛО!

Опровержение «Повести временных лет»

«Летописи полны лжи и позорят русский народ»

В 1749 году в Петербургской академии наук разгорелся грандиозный скандал, с которого и начинается то, что у нас называют «антинаучной норманнской теорией» происхождения Российского государства и с которой идет борьба на протяжении веков...

Обязан сказать, что работа академика Готлиба Байера «О варягах» вышла задолго до этих событий. Причем не где-то на «вражеской» стороне, а в «Комментариях» Петербургской академии наук, где Байер был одним из первых и уважаемых академиков. (Рабочим языком Академии наук тогда был немецкий язык, и потому работа «О варягах» впервые опубликована на немецком.) Но тогда она не привлекла к себе особого внимания. А страсти разгорелись в 1749 году, когда другой академик, Герард Миллер, 6 сентября должен был выступить на торжественном заседании Академии наук с речью «О происхождении народа и имени Российского». По правилам тех времен, речь предварительно рассматривалась комиссией. Тредиаковский высказался «за», заметив, однако, что сама «материя спорна». А вот Ломоносов яростно выступил против. Он нашел речь

Миллера «ночи подобной». С Ломоносовым согласились почти все члены комиссии. Речь не только запретили к выступлению, но даже решили отобрать у автора. Миллер пожаловался на необъективность, и тогда президент Академии распорядился рассмотреть ее на генеральном собрании. Рассмотрение длилось шесть месяцев(!) и закончилось тем, что работу Миллера постановили уничтожить!

Вот какие далеко не научные страсти... Как писал В. О. Ключевский, *«причиной запальчивости этих возражений было общее настроение той минуты... Речь Миллера явилась не вовремя; то был самый разгар национального возбуждения...»*.

А еще Ключевский говорил, что споры вокруг «варяжского вопроса» есть патология общественного сознания. И трудно с ним не согласиться. Ведь два с половиной века спорим НЕ О ТОМ! До идейной ненависти схлестнулись: славянином или норманном были Рюрик и варяги? Как будто кровное происхождение династии могло повлиять на многовековой уклад и жизнь громадной страны. Или кто-то доньше всерьез думает, что Ярослав Мудрый, Александр Невский и Дмитрий Донской — нерусские?

Вы будете смеяться, но уже **два с половиной века** спорят, опровергают научную работу, которую никто не читал. Разумеется, читали Ломоносов, Тредиаковский и еще несколько ученых в то время. А потом речь Миллера была уничтожена. И на русском языке никогда не публиковалась. Я в своих любительских поисках нашел одну справку: эта работа Миллера была напечатана на немецком языке в 1768 году в «Allgemeine historische Bibliothek», том IV. Очень сомневаюсь, что сей древний манускрипт широко известен даже в узких научных кругах... А это ведь тоже патология — опровергать то, что не читал.

Должен еще заметить, что Герарду Миллеру русская историческая наука обязана многим — он ведь был ее основателем и зачинателем, первым официальным русским историографом. Он был основателем исторического и первого научно-популярного журналов, первым ректором Петербургского университета, инициатором экспедиций в Камчатку и Сибирь, за 50 лет трудов создал историографическую школу, оставил библиотеку(!) впервые изданных чужих и своих работ, в том числе первую «Историю Сибири», описание языков сибирских и повол-

жских народов, многое другое. Он вошел в историю уже тем, что первым начал изучать и публиковать летописи! Именно по инициативе Миллера в 1732 году впервые начали выходить на немецком языке сборники древнерусских литературных памятников. Но — в сокращенном виде, отрывками, выдержками. Когда же в 1734 году Академия — по инициативе Миллера, разумеется, — обратилась к Сенату за разрешением на издание летописей в полном виде, то Сенат переадресовал прошение ученых Синоду, а Синод запретил, постановив, что летописи полны лжи и позорят русский народ.

Так что история с речью Миллера, случившаяся через пятнадцать лет после решения Синода, была вполне в духе тех времен.

Такой идеологически-запретительный подход к *летописям* властвовал в России вплоть до царствования Екатерины II, когда с ее одобрения стараниями Новикова, Мусина-Пушкина, Щербатова, Болтина и других были изданы первые памятники древнерусской истории и литературы. Со времен оных прошло более двухсот лет, а нельзя сказать, что мы далеко продвинулись. При коммунистах было издано всего несколько летописей. Да и те подверглись чудовищному сокращению. Сейчас запретов нет, но, как говорят, нет денег. Вернее, нет желания и стремления. Так или иначе, а Россия, наверно, единственная страна в мире, которая не имеет полного собрания национальных летописей, изданного на современном русском языке. То, что издавалось со времен Мусина-Пушкина по сей день, выходило микроскопическими тиражами, а самое главное — в репринтном издании, на церковнославянском языке! То есть абсолютно недоступно читателям.

Но это отступление.

А у нас же речь о Новгороде и о варягах.

Заклятие

Странные чувства испытываешь, бродя по улицам Великого Новгорода. У меня это, наверно, от детства. Одной из первых прочитанных книжек, еще в пятилетнем возрасте, была повесть о древнем Новгороде. А детские впечатления — это как долгий сон, как будто сам жил и был там...

И сейчас, спустя полвека, такое ощущение, будто я здесь жил всегда. С древнейших времен. Понятно, что «дают» все знания взрослой жизни. У кого ж сердце не дрогнет в городе, откуда есть пошла Русская земля! Но те же знания говорят, что отсюда пошло и унижение земли Русской. И суть не в *норманнской теории*, по которой русская государственность и само Русское государство есть произведение пришлых чужеземцев. Суть — в первоисточнике.

Как пишет «Повесть временных лет», *«варяги из заморья взяли дань с чуди, и со славян... Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть. И не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англ...»*.

То есть, устав от разлада и смуты, не кто-нибудь, а именно новгородцы пришли к варягам и сказали: *«Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами»*.

Эти слова стали закланием русской истории и судьбы. Не только потому, что сказано и написано талантливой рукой. Нет, прежде всего потому, что они, слова, все время подтверждались жизнью. Во всяком случае, в годы советской власти каждый второй грамотный человек повторял про себя и вслух: *«Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет...»* Но тогда, в годы коммунистической бесхозяйственности, никому и в страшном сне бы не приснилось, что с нами станет после падения власти коммунистов! И потому летопись воспринималась и воспринимается как пророчество и заклание: ничего, мол, не поделаешь, так было всегда, так на руду нашем написано...

Если бы это была отдельная рукопись, отдельная летопись — одно дело. Но это — «Повесть временных лет», основа основ российской истории, литературы, народного самосознания. Не случайно же ее называют Начальной летописью...

Ничего удивительного, что вскоре после опубликования летописей в XVIII веке возникла и так называемая норманнская теория, задевающая национальные чувства россиян. Поскольку она, эта теория, выводила возникновение Российско-

го государства исключительно из деятельности пришлых варягов-норманнов. Также понятно, что ее тотчас начали оспаривать и оспаривали всегда. Начиная с Ломоносова и заканчивая главными идеологами КПСС.

Но... Каждое положение исторического документа проверяется другими источниками. Скажем, некоторые факты и даты из той же «Повести временных лет» уточнены, подтверждены или опровергнуты исследованиями Шахматова, Гумилева, Лихачева и других ученых, сопоставлениями с европейскими и арабскими источниками.

А историю о призвании варягов проверить невозможно! Ни в европейских, ни в арабских, ни в еврейских источниках нет упоминаний об этом событии. Варяжская страница в «Повести временных лет» подобна стене несокрушимой — ни обойти ее и не объехать. Нет больше исторических свидетельств! И потому, наверно, историки, начиная с Соловьева, Ключевского, Костомарова и заканчивая Гумилевым, Лихачевым, Петрухиным, лишь отмечали противоречия легенды (очень точно!), пытались **объяснить ее** или же подвергнуть сомнению. Но — не более того.

Я же попытаюсь доказать, что призвания варягов не было. Пользуясь только логикой. Ну и, разумеется, для иллюстрации прибегая к аналогиям.

Как создаются мифы

В VIII веке Испания, как известно, уже принадлежала маврам-мусульманам. Один из мавританских эмиров затеял войну с эмиром Сарагосы и позвал на помощь Карла Великого, короля франков, будущего императора, основателя династии Каролингов. Карл пришел, помог, не бесплатно конечно, и двинулся в обратный путь. Но в узком Ронсевальском ущелье на его армию напали испанские баски. (Как видим, баски и тогда считали себя отдельными от испанцев и были неукротимы.) В этом бою погиб Роланд, вместе со своими воинами прикрывавший отход армии и фактически спасший армию и Карла.

Таковы факты. Но что мы читаем в дошедшей до нас «Песни о неистовом Роланде», сочиненной (по крайней мере записанной) позже, уже в XII веке? А то, что император Карл пошел

войной на нечестивцев(?) за веру Христову(?), на его армию напали мавры-сарацины(?), но храбрый Роланд, верный рыцарским традициям(?), спас армию и императора, пожертвовав собой. Понятно, что все это сочинено уже *в свете идеологии крестовых походов и идеологии рыцарства*, которых тогда, в VIII веке, и в помине не было. На первых рыцарей (конных воинов), вышедших из диких германских лесных ватаг, людей пещерных нравов, Роланд наверняка смотрел со снисходительной брезгливостью, поскольку был он ближайшим сподвижником короля, и — ни много ни мало — маркграфом Бретани, то есть особой коронованной.

И сейчас уже неважно, в какой степени трубадуры сами отредактировали древние легенды и сочинили новые «в духе времени», а насколько им подсказали: «Ребята, нехорошо напоминать о том, что наш Карл Великий участвовал в разборках мавров, нехорошо говорить, что на христианское войско напали христиане же — баски...» Скорее всего, и то было, и другое. Так создаются мифы.

Возьмите нас под свою защиту

Да, в истории подобное часто случалось. Скажем, присоединение Казахстана к России, когда Абулхаир, хан Младшего Жуза (Младшей Орды), спасаясь от нашествия джунгаров, устал от извечных стычек на границе с башкирами, попросился в российское подданство. Или Грузия, которая искала защиты от турецкой экспансии, заключила с Россией Георгиевский трактат и укрылась «за гранью дружеских штыков».

В этих случаях более слабое государство входит в состав более сильного. Но в любом случае — **государство обращалось к государству**.

А был ли Новгород в IX веке государством? Да, был. Городом-государством, с высокой культурой и цивилизацией, причем с обширными владениями. И нас не должна смущать относительная его молодость — раскопки экспедиции академика В. Л. Янина показывают, что Новгород существует с VIII века. Потому и назвался Новым городом. А старый, как свидетельствуют недавние археологические открытия, был скорее всего в Старой Ладогe — древнейшем центре поселения славян на

Северо-Западе. Кстати, по более поздней Ипатьевской летописи, Рюрик пришел сначала княжить именно в Старую Ладугу, а затем, освоившись, основал Новый город и перевел свою ставку туда, в Новгород.

Итак, к какому же **государству** обратилось за покровительством **государство** Новгород? К Варяжскому? Так не было такого государства!

Рюрик — тезка

Противоречия и несообразности летописи приводили даже крупных историков к неубедительным гипотезам. Действительно, вначале платили дань варягам, потом выгнали варягов, но тотчас же вслед за этим попросили их «владеть нами»? Несуразица явная. И потому В. О. Ключевский предполагает, что звали «других варягов». Каких «других»?

Историк-эмигрант Г. В. Вернадский (и вслед за ним Л. Н. Гумилев) в «нашем» Рюрике видят Рюрика (или Рерика, Рорика) Ютландского. Если так, то все нормально, обратились не к какому-нибудь сброду, а к знаменитому человеку. К государству! Не стыдно родословную оттуда вести. Но в этой гипотезе противоречий еще больше, чем в летописи. Во-первых, от Новгорода до Ютландии-Дании почти две тысячи километров. Значит, и новгородской делегации, а самое главное — Рюрику с дружиной, надо было идти через немецкие, польские, литовские, жмудские, псковские земли и наверняка прорываться с боями, потому что врагов у него было много. И об этом в летописи — ни слова! А если он шел на кораблях вдоль побережья Балтики, по Неве поднялся в Ладугу, а оттуда по Волхову пришел к Новгороду — все равно бы просто так окрестные племена его не пропустили. И не мог бы остаться в Европе незамеченным такой дальний поход, по сравнению с которым прежние походы Рюрика в земли франков и англосаксов — короткие воскресные прогулки...

Во-вторых, трудно представить, что Рюрик тотчас и с готовностью променял свое положение владельца Ютландии-Дании на столь далекий от Европы Новгород. Но даже если и так, то почему в западных источниках нет о таком событии никаких упоминаний? Между тем о предыдущей жизни Рюрика Ютландского известно очень многое. И родители его, и побе-

ды, и поражения. Ведь он был знаменитым в Европе воителем, снаряжал в походы до трехсот(!) кораблей, поднимался вверх по Эльбе и захватывал германские земли, ходил к берегам Англии, подвергал разору и грабежу англосаксов. И вдруг такой его поступок, уход в Новгород, который наверняка поразил бы его современников, двухтысячекилометровый поход — остался никем не отмеченным!? Очень-очень сомнительно!

Видимо, историков сбила с толку еще и фраза: «Пошли за море». Вроде как если «море», то само собой разумеется, что Балтика. В действительности же славяне называли морем и Чудское озеро, и Ильмень, и Онегу, и Ладогу, вокруг которой были лагеря и стоянки «своих», ближних варягов.

Вспомним еще раз слова летописи:

«Варяги из заморья взимали дань с чуди, и со славян... Изгнали варяг за море... И пошли за море к варягам...»

И вот здесь я скажу, что многие ответы и многие разгадки на виду и на слуху, **в языке**. Самом долговечном и надежном свидетеле. Вы согласны, что конструкция фразы самая что ни на есть бытовая: изгнали за море, пошли за море? Согласитесь, если бы пошли просить варягов за две с лишним тысячи километров в Ютландию, строй фразы был бы другим, совсем другим! Даже если б не упоминалось, что поход великий, а море Варяжское, как именовалась в древности Балтика. А здесь — просто море. То есть по эту сторону Ладоги был город славян, мери, чуди и кривичей — Старая Ладога. А по ту сторону Ладоги, за морем, стойбища варягов... Вот и весь секрет. И если вспомнить еще, что, по Ипатьевской летописи, Рюрик в начале начал пришел в Старую Ладогу, то многое становится на свои места...

Да и почему, собственно, речь идет только о Ладоге? Точно так же Ильмень называли «морем», и точно так же за Ильменем были стойбища варягов.

Кто такие варяги?

Варягами славяне называли викингов. Викинги же, если отбросить современную киноромантизацию, были тогда просто-напросто морскими разбойниками, бандитами. Это были молодые люди, которые не хотели жить мирно и ловить селед-

ку, как их отцы и деды. И уходили из родных поселений в *вик* (по русски — выселок, а буквально — *путь*). Промышляли разбоем, грабежом. Со временем они стали страшной силой и три века терроризировали Европу, поднимаясь в своих ладьях вверх по течению рек и сжигая города и села. А когда не было походов, нанимались в армии сопредельных воюющих государств. В общем, наемники, ландскнехты.

Нанимали их и славянские города-государства. Многочисленные свидетельства тому — в летописях. Причем везде о найме варягов говорится как о деле обыденном, никуда далеко за ними не ходили, они всегда были под рукой. Приведу одно из самых ранних свидетельств.

980 год. Новгородский князь Владимир ведет войну против Ярополка, убийцы их брата Олега, и нанимает варягов. Разбивает дружину Ярополка, захватывает Киев, а самого Ярополка приглашает на переговоры в свой шатер. Едва вошел туда Ярополк, как два варяга пронзили его мечами с двух сторон...

Да, Владимир наш отличался истинно варяжской жестокостью, необузданностью, пренебрежением всех человеческих норм и неразборчивостью в выборе средств, редкими даже для нравов тех времен. Получив отказ от полоцкой княжны Рогнеды — та не захотела идти за него, потому что Владимир был бастардом, незаконным сыном Святослава от древлянской рабыни-ключницы Малуши, — Владимир идет на Полоцк войной, захватывает город и насилует Рогнеду на глазах ее отца и матери. Как отмечает летописец, *«был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женищин и растляя девиц»*. Убив Ярополка, он тотчас берет его жену, то есть жену своего брата. А она была уже беременна. Родился сын, от Ярополка. И отношение к нему в семье было соответствующим. Как в свое время и к самому Владимиру. И вел он себя, надо полагать, тоже соответственно. В общем, вырос Святополк, убийца своих же братьев Бориса, Глеба и Святослава, прозванный летописцем Святополком Окаянным...

Но так или иначе, а князь Владимир, столь страшный в своих необузданных страстях, стал ключевой фигурой в истории Руси. Все, что вершилось после него, — лишь следствие его выбора веры. Второй такой фигурой в истории Руси был только Александр Невский, о котором в этой книге будет сказано еще много...

Князь же Владимир через восемь лет после убийства Ярополка окрестил Русь и стал Владимиром Святым. Быть может, Господь и простил ему за это все его грехи. Как заключает летописец, *«был невежда, а под конец обрел вечное спасение»*.

В этой фигуре, на мой взгляд, явлены нравы тех времен в самых крайних выражениях. От бушующих комплексов неполноценности до таких поступков, как крещение Руси, определившее развитие эпохи, течение самой истории.

Впрочем, братоубийство нельзя сводить лишь к недобрым чувствам незаконных сынов и пасынков. Начал-то убивать вполне законный Ярополк. А вспомним опять же убийство Бориса, Глеба и Святослава. Да, Святополк, конечно, Окаянный. Но вот скандинавские источники недвусмысленно указывают на причастность к этому убийству Святополкова братика Ярослава, названного впоследствии Мудрым. Так что остается гадать, отчего Ярослав так яростно воевал, изгонял отовсюду Святополка: то ли как братоубийцу окаянного, то ли как свидетеля общего преступления? А если вспомнить их предка Рюрика, то нельзя не отметить более чем странную одновременную смерть его братьев Синеуса и Трувора, после которых Рюрик становится единоличным властителем на Северо-Западе. (Надо, однако, упомянуть, что некоторые исследователи считают Синеуса и Трувора вымышленными фигурами.)

Братоубийство — обыденное явление в семейной хронике Рюриковичей. Из одиннадцати детей Владимира своей смертью умерли, кажется, только четверо или пятеро. Ярослав Мудрый, один из них, говорил перед смертью детям: *«Любите друг друга, потому что вы братья родные, от одного отца и одной матери»*. Но бесполезно — сыновья и внуки Ярослава, как их отцы и деды, нещадно воевали друг с другом... Самый разумный из них — Владимир Мономах — пытался устроить мир уступками, отдавая родичам то Киев, то Чернигов. Но Олег и Давыд Святославичи продолжали братоубийственные войны даже после съезда князей в Любече, где все они целовали крест и договорились о мире. Что не помешало Давыду Игоревичу и Святополку тотчас после этого схватить Василька Теребовльского и выколоть ему глаза. И т. д. и т. п.

Да, когда речь идет о власти, тут уже не до родства. Так было во всех династиях и во всем мире. Но все же я полагаю, что

Рюриковичи в мировой истории занимают особое место по пролитой родной крови... Наверно, это обусловлено было особенностями громадной страны и тем, что изначально, при Святославе и тем более при многодетном Владимире, не был определен жесткий порядок наследования и распределения земель. Но нельзя не учитывать и происхождение...

Языческие славяне — мирный и гостеприимный народ. Это отмечали все древнейшие хронисты. Славяне чтили род, старшинство в роду, семью.

Варяги-викинги — это сознательное и бессознательное, полное, абсолютное отрицание семьи, отца и матери. В древней воинской ватаге был один закон — безусловное подчинение вожаку. А в почете — только сила и полное пренебрежение всем остальным. Потому-то среди викингов особо ценились так называемые *берсерки* — психопаты, люди-звери, бешеные, одержимые, обладающие пещерной свирепостью и столь же пещерным бесстыдством и презрением к любым ограничениям.

Вот такая среда породила Рюрика, вот по каким законам и нравам воспитывались его сын и внук. Вот такая кровь бушевала в его правнуках и праправнуках.

Да, с одной стороны, нравы княжеских семей смягчали славянские жены и традиционно близкие к женской половине дома православные священники. Представьте только: два брата при одобрении третьего отдают приказ выколоть глаза племяннику, а четвертый брат, не в силах остановить их, пытается увещевать и современников, и потомков:

«Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен в смерти, то не губите никакой христианской души. Если вам Бог смягчит сердце, пролейте слезы о грехах своих...»

Представьте человека, воспитанного матерью в православных духовных традициях, который в кровавой мути жестокого века пишет такие слова:

«Зачем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня? Уповай на Бога, ибо верю в Него...»

Это — Владимир Мономах.

А с другой стороны, по мужской линии, шло воспитание «в традициях отцов и дедов». Огромным было и влияние на княжичей-отроков их варяжских наставников-воевод, вроде Све-

нельда. Ведь Свенельд, первый советник Ярополка, играл ключевую роль в убийстве Олега. Да и неваряжские воеводы были немногим лучше. Например, Добрыня — воевода уже Владимира. Добрыня был братом Малуши. Той самой рабыни, матери князя Владимира. И когда полоцкая княжна Рогнеда отказала Владимиру, указав на его происхождение от рабыни, то Добрыня шибко оскорбился за сестру. И как мог настропалял юного Владимира на войну с Полоцком. В общем, эта свирепая солдатня реализовывала свои мстительные или честолюбивые планы при помощи княжичей, приучая их и подвигая их на поступки, немыслимые для их возраста...

Но это — отступление. В данном случае нас интересует коллизия «варяги и Владимир». Тот, первый, которого потом называли Святым.

Убив Ярополка и утвердившись на киевском престоле, Владимир решил, что наемникам теперь можно и не платить. Выгнал их в Византию (в летописи — они сами попросились: «Обманул нас, так отпусти в Греческую землю»), прежде послав византийскому императору предупреждение: *«Вот идут к тебе варяги, не вздумай держать их в столице, иначе наделают тебе такого же зла, как и здесь, рассели их по разным местам, а сюда не пускай ни одного».*

Разумеется, и этот поступок князя не красит. Но сам потомок варягов, Владимир, видимо, знал, как следует обращаться с этой братией.

Одним словом, точно установлено, кто такие были варяги, как относились к варягам и кем они были для славян в 980 году. Так можно ли считать, что веком раньше они, варяги, были цивилизованными представителями какого-либо цивилизованного «варяжского» государства?

Разумеется, нет.

И логично ли, что представители цивилизованного Новгородского государства пришли в буйную, дикую ватагу, живущую по пещерным законам и нравам, и позвали их «княжить и владеть нами»? По-моему, смешно. Это все равно, что вольный город Гамбург в XVI веке призвал бы на правление атамана из Запорожской Сечи...

Более того, это вдвойне смешно, если обратить внимание на то, что речь идет о самом вольнолюбивом городе древней и средневековой Руси. Новгородцы никогда не терпели у себя

княжеского всевластия. Поэтому сыновья великих киевских князей шли сюда с большой неохотой. Новгородцы даже Александра Невского не признавали! А тут — полное раболепие и унижение, да еще и перед варягами!

Для прояснения ситуации проведем современную аналогию. Допустим, два могущественных московских олигарха — Березнер и Гусев — что-то не поделили. Придет ли кто-нибудь из них к уголовникам из люберецкой преступной группировки и скажет ли: «Олигархия наша велика и обильна, но порядка в ней нет. Придите и владейте нами...»? Не придет. Не скажет. А вот нанять — может.

Кстати, одно из первоначальных значений слова «варяг» — «наемник».

Что же было?

Была рознь. Это очевидно. За власть в Новгороде боролись, видимо, две партии. Партия Вадима Храброго и партия некоего Гостомысла. Исторически личность его не установлена, по легенде он считается новгородским посадником. Легенда эта широко пошла от историка Татищева, который даже родословную Рюрика вывел от Гостомысла. При этом Татищев ссылается на летописи, которых нет. То ли придумал, то ли пропали те летописи. В общем и в целом Татищев в ученом мире пользуется репутацией почти сомнительной.

Л. Н. Гумилев предполагает, что Гостомысл — это вовсе не имя, что это была скорее партия «гостомыслов», то есть людей, симпатизирующих иноземцам, гостям. Вот они-то, гостомыслы, и наняли варягов, чтобы установить выгодные им порядки.

А дальше все пошло, как часто бывало и бывает в истории. Наемники, почувствовав свою силу и слабость мирного города, просто-напросто захватили власть в Новгороде. И когда два года спустя, в 864 году, Вадим Храбрый поднял восстание, жесточайшим образом расправились с ним и его сторонниками.

«Оскорбишася новгородцы, глаголюще, яко быти нам рабом и много зла всяческа пострадати от Рюрика и ради его... Того же лета уби Рюрик Вадима Храброго и иных многих изби новгородцев советников его» (Никоновская летопись).

Вслед за Новгородом варяги захватили власть и в других русских городах.

То есть «призвания» не было. Была узурпация. Обычная история в Средневековье. Конечно, то, что позволили чужакам захватить власть, тоже нас особо не украшает. Но варяги в новгородской ойкумене не были такими уж чужаками. И несомненно — признанными воинами. А вот «призвание», да еще в его летописном варианте — полное уничтожение. Тем более, — никаких оснований для него не было.

Особые отношения

Немногие историки обратили внимание на особые отношения, сложившиеся между Новгородом и князьями Рюрикава дома. Обычно активную к ним нелюбовь, неприязнь новгородцев объясняют демократическими традициями вольного города. Но это применимо только к ситуации, возникшей в более поздние века. А тогда, в изначальные времена, никаких таких традиций, ни демократических, ни аристократических, еще не было. И никаких князей на Руси не было вообще. Они начались с Новгорода!

Но если Новгород призвал варягов Рюриковичей и — так получилось — навязал их всей Руси, то новгородцы должны, по всем законам логики, коллективной ответственности, психологии, на всех углах говорить, какие варяги хорошие, отважные, как защищают народ и как плохо будет всем, если они уйдут. То есть должны быть главной опорой Рюриковичей.

Однако все было наоборот! Вся Русь признала Рюриковичей, а Новгород их не любил и не скрывал этого. Такое ощущение, будто новгородцы знали о Рюриковичах что-то такое... Мол, это вы в других городах Руси можете вешать лапшу на уши, что вас призвали, а мы-то знаем, что вы бандиты-захватчики... И Рюриковичи как будто это понимали... Во всяком случае, с великой неохотой шли туда на княжение. Например, когда распределялись уделы между внуками Ольги, то Новгород отвели Владимиру, потому что на лучшее он не мог претендовать, так как был сыном Святослава от рабыни Малуши. На тебе, что нам негоже...

Похоже это на отношения «добрых князей» и «благодарных пейзажей», с поклоном позвавших князей владеть ими?

Да и с принятием христианства Новгород не спешил, оставаясь верным своим языческим божествам, защищая волхвов от княжеской расправы. Мы привыкли к идеализированно-лубочному образу волхвов, с длинными волосами и постно-благообразным выражением лица. На самом же деле и зачастую это были бесноватые личности, которые в XI веке прошли по Русской земле от Суздаля до Новгорода, сжигая живьем женщин, обвиняя их не то в возникновении голода, не то во всех остальных бедах. И этих изуверов новгородцы закрыли собой, спасли от княжеского гнева. Можно сказать, что христианами новгородцы окончательно и бесповоротно стали только в XIII веке, когда волхвы, снова надеясь на народную поддержку, подняли восстание, но новгородцы отвернулись от них и, более того, расправились с ними.

Безусловно, в первоначальном и долгом неприятии христианства сказалась удаленность от Киева как центра русского православия. Но вполне возможно, что здесь сказалась и неприязнь к Рюриковичам. Народ заранее с предубеждением воспринимал все, что исходит от них, в том числе и новую веру.

И здесь читатель может сказать: «Да, выдумка о призвании варягов — это самоуничтожение. Но хрен редьки не слаще, и час от часу не легче! Выходит, нашими князьями-правителями стали бандиты и наемники?!»

Как создаются династии

Увы, такова история. Правящие династии очень часто приходили со стороны. И далеко не всегда из среды высокородной и благонамеренной. Скажем, отчаянные воики туркмены сами жили трудно и тяжело, спасались от врагов в пустыне. Но в то же время многие правящие династии Азии состояли из людей туркменского происхождения, бывших гвардейцев, охранников и наемников. Даже главный притеснитель туркменов персидский Надир-шах был по матери туркменом.

Богатый Египет на всех невольничьих рынках мира скупал мальчиков, воспитывал их в воинских лагерях и создавал из них

армию и гвардию мамелюков. Потом мамелюки половецкого происхождения захватили власть в Египте и основали свою, бахритскую династию султанов. Из рабов — в султаны!

Про викингов я уже говорил. Через три века после начала их походов и сами они выдохлись, и европейские государства окрепли и выгнали их за пределы Европы. Норманны-викинги закрепились лишь на полуострове, названном Нормандским, и создали там свое государство — герцогство Нормандское. «Герцог» в первоначальном значении — вождь племени. Затем Вильгельм, бывший варяг, а ныне герцог Нормандский, переправился через Ла-Манш, разбил англосаксов при Гастингсе и стал основателем английской королевской династии...

Так что не мы были первыми и последними.

А зачем Нестор так написал?

«Повесть временных лет» создавалась через три века после событий в Новгороде. Уже три века как Русью правят князья из династии варяга Рюрика. Они, Рюриковичи, крестили Русь и ввели ее в русло новой, христианской цивилизации. Они, Рюриковичи, везде и всюду, от Киева до Новгорода, от Владимира до Волыни. За эти триста лет в стране сменилось, наверно, десять-пятнадцать поколений. Что должны были и что могли помнить, думать о своих князьях воины, монахи и смерды через триста лет после их прихода во власть? Что внушали своим подданным князья?

Разумеется, что их власть от Бога, что их призвали и позвали!

И вполне понятно, что Нестор так и думал, так и написал.

Ну а если предположить, что он знал правду, так могли он написать, сидя под рукой и мечом киевского князя, что Рюриковичи родом из бандитов, бандитски захвативших власть?

Весьма и весьма сомнительно. Это потом, гораздо позже, летописание стало как бы будничной работой, обязанностью, службой монастырей. К тому времени церковь стала более самостоятельной и даже влияла на князей, угрожая им проклятием в случае крамолы, а более всего — при подозрениях в сговоре с католиками, с католическими правителями Европы и Прибалтики. А во времена создания «Повести временных лет» церковь, введенная в духовную власть Рюриковичами, полностью была

подконтрольна Рюриковичам и ни о какой неподцензурной летописи, видимо, говорить не приходилось. Свидетельство тому — судьба одного из первых летописцев, Никона, который бежал из Киева в Тмутаракань от гнева князя Изяслава...

Однако предположим невероятное: летописец Нестор знал правду о варяге Рюрике и написал правду!

Но все исследования говорят, что летопись потом редактировалась монахом Сильвестром **под присмотром Владимира Мономаха**, а затем еще раз редактировалась неизвестным монахом **под присмотром Мстислава, сына Владимира Мономаха**.

Более того, не исключаю, что к «Повести временных лет» приложил руку и сам Владимир Мономах. У него были к этому все основания и предпосылки. Во-первых, абсолютная власть над иноками-летописцами. Во-вторых, собственный личный интерес к слову, к литературному творчеству. А самое главное — образование, культура и большой литературный талант.

Так или иначе, а Владимир Мономах и его сын еще в древности знали, что написанное пером — не вырубись топором. И потому тщательно следили, чтобы изначально было написано то, что им надо.

Все так писали...

Д. С. Лихачев считал сюжет о варягах «легендой искусственного происхождения».

В. Я. Петрухин, автор скрупулезнейшей монографии «Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков», возражает, доказывает естественность, которая проявляется как раз в ее противоречиях: если бы это были позднейшие вставки, тогда **бы** уж позаботились о гладкости.

Но оба они сходятся в одном: сюжет отвечает традициям.

У Лихачева — традициям средневековой истории, возводящей происхождение правящей династии к иностранному государству.

У Петрухина — коренным фольклорным традициям самых разных стран и народов.

И вроде бы действительно: у евреев есть такая легенда, у корейцев, у чехов, у саксов есть легенда, что они призвали бриттов!..

Одно меня смущает: что это за фольклорная традиция, самоуничижающая народ? А ведь самоназвания народов часто говорят об обратном. Ведь люди скорее склонны к возвеличению своего и умалению чужого. Самоназвания некоторых народов в переводе часто означают: «настоящий народ», «настоящие люди», «большие люди» и даже просто «люди». Как же одно сочетается с другим?

Но зато все довольно точно встает на свои места, если предположить, что эти «фольклорные традиции» инициировались представителями правящих династий. Для оправдания, для утверждения законности и возвышения династии и своего правления.

Доказательством от противного может служить завоевание Англии Вильгельмом Нормандским. Здесь ничего возвышать и узаконивать не надо было: и так все законно — более сильное государство завоевало более слабое. Потому и нет легенд. Думается, а захоти Вильгельм или его ближайшие потомки — и нашлись бы авторы, и сложились бы, и вошли бы в историю Англии сказания о призвании норманнов. Но потомки Вильгельма в этом не нуждались.

Итог

Опять же надо начинать с начала. Потому что с самого начала в дело вмешалась идеология — то есть настроения, мнения, симпатии и антипатии, эмоции... Которые имеют место и ныне.

Например, нынешней исторической науке известна древняя скандинавская сага (на древнеисландском языке!) об Олаве Тригвессоне. Олав, сын норвежского конунга и будущий норвежский король, спасаясь от врагов, бежал на Русь и жил при дворе нашего киевского князя Владимира-Вальдамара. Со своей дружиной, разумеется. Затем, начав странствия по белу свету, принял христианскую веру и уговаривал Вальдамара принять крещение.

Странно, что эта сага не входит в широкий исторический обиход. Мы ведь очень любим с неким преувеличением приписывать себе широкие европейские связи и европейскую значимость. Казалось бы, вот свидетельство европейских связей Древней Руси! И сага подлинная, древняя, не записанная в по-

здние века, переписанная, как наши летописи. И речь в ней идет о реальном историческом персонаже, короле Норвегии Олаве Тригвессоне! Однако она нечасто упоминается в популярных работах о том периоде. Видимо, потому, что противоречит столь любимой и якобы патриотической теории, по которой никаких варягов-германцев не было, а варягами звали исчезнувшее южнобалтийское славянское племя. А тут — прямое свидетельство, что спустя сто лет(!) после Рюрика норвежский конунг считал киевского Владимира своим, близким, варяжским, и прятался у него от врагов. Но... «Не надо нам этого!» Ради того, чтобы «доказать свое», наша официозная наука не только чужие источники отбрасывает, но свои летописи искажает до полной противоположности.

Так, титулованный историк Андрей Сахаров в интервью «Норманнская теория — абсурдное дело!» утверждает, что варяги — южно-балтийское славянское племя. И, пытаясь обосновать это, переиначивает летописца Нестора так, что даже страшно: *«Когда Нестор говорит о варягах, он пишет: есть норвежцы, шведы, есть датчане, а есть варяги — «Русь». То есть он перечисляет определенные этносы и среди них отдельно выделяет скандинавский и отдельно — варяго-русский этнос».* («Известия», 17.07.2004.)

Ничего подобного Нестор не писал, «норвежцев» и «датчан» не «перечислял», и уж тем более «скандинавский этнос» не «отделял»! У него написано так: *«И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англ...»*

И таким образом искажает первоисточник, то есть совершает надругательство над исторической наукой, не какой-нибудь воспаленный дилетант, а директор Института российской истории! Это уже не наука, а пропаганда.

Так стоит ли удивляться, что в некоторых современных исследованиях критика «норманнской теории» доходит до того, что сопровождается цитатами из... Гитлера! Мол, тут одна единая завоевательная линия. Полноте, господа...

«Норманнская» теория, теория норманнского, западного происхождения русской государственности и Русского государства возникла в XVIII веке не где-нибудь на стороне, на Западе, а в России, в Санкт-Петербурге, в научном, интеллектуальном центре страны — в Академии наук!

И ее основатели, академики Готлиб Байер и Герард Миллер, возвели ее не на голом месте, а исключительно на фундаменте русских летописей.

Основателями и первыми членами Петербургской академии наук были исключительно иностранцы. В том числе и такие европейски знаменитые ученые, как Леонард Эйлер, братья Иоганн и Даниил Бернулли... Основана была Академия в 1725 году, а первый русский академик — Ломоносов! — появился только в 1745 году, через двадцать лет.

Поверьте, я не из числа тех, кто любит возмущаться «засильем иностранщины». А по отношению к тем временам, я считаю, это подло и неблагодарно. Ибо иностранцы создавали русскую науку, русскую академию. И плевать им вслед, вначале воспользовавшись их умом и трудами, — предел плебейства и хамства.

Другое дело, что были среди них и такие, что свысока или высокомерно-снисходительно относились к «русским аборигенам». Равно как и то, что были среди русских те, что ничего не могли предъявить науке, кроме своего местного уродения, и недостаток таланта оправдывали «немецким засильем».

В общем, старый и вечно новый, как мир, сюжет.

Но очевидно, что уже к середине XVIII века в Академии возникла *атмосфера* смутно обозначенного противостояния. И когда Готлиб Байер написал работу о варягах, а затем, почти через двадцать лет, Герард Миллер сделал попытку выступить на торжественном собрании Академии наук с речью «О происхождении народа и имени Российского», вспыхнули далеко и не только научные страсти. Вспомним еще раз слова В. О. Ключевского: *«Причиной запальчивости этих возражений было общее настроение той минуты... Речь Миллера явилась не вовремя; то был самый разгар национального возбуждения...»*

В борьбе с «норманнской теорией» впопыхах, в порыве ущемленного самолюбия, «в разгаре национального возбуждения» **изначально неправильно был сформулирован вопрос**. Говорили не **о призвании**, а вообще о варягах! Одни утверждали, что варяги — это славяне, другие, что это наши братья-литовцы, третьи, что варягов вообще не было. Но куда ж от них денешься, если послы Олега ко двору византийских императоров писали: *«Мы от рода русского — Карлы, Инегелд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид...»* Вот такие русские имена! И ирония моя здесь

может быть понята двояко. Ведь действительно «русские» имена. Но — не славянские. И потому четвертые говорили, что да, варяги были, но в очень небольшом количестве и в русской истории никакой роли не сыграли. А коммунистические историки незамысловато утверждали: норманнская теория не соответствует марксистскому учению об истории — и баста!

В общем, от кривой палки не бывает прямой тени. Неправильный вопрос неизбежно порождает двусмысленный ответ. Разгорается борьба. В ходе которой окончательно теряется существо дела.

Но так или иначе, а именно идеологи от истории и историки от идеологии навязали нации два исторических комплекса: норманнский комплекс и комплекс татаро-монгольского ига. Для них это — «борьба», занимающая их жизнь и даже составляющая им пропитание.

А людям неискушенным с этим приходится жить.

Изначально же национальное унижение состояло не в варягах — такие варяги есть в истории каждого народа — а в их **«призвании»**, в формулировке: *«Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами»*.

Надеюсь, мне удалось доказать, что такого не было и не могло быть, что все это придумали в угоду тогдашним князьям Рюриковичам.

Только и всего.

Так что у нас не было и нет никаких поводов для национального комплекса неполноценности.

Правда всегда неприятна

И потому я систематически поливаю себя холодным душем. Полезно вообще. И в частности. Чтобы не обольщаться: вот, мол, как обрадуются русские люди, прочитав!.. Почти уверен, что особой радости и даже удовлетворения мое опровержение призвания варягов не вызовет. Причем не у отдельных специалистов, а у населения. Ведь в массе своей люди не хотят знать правды. Неприятна она им, отвратительна. Тут много причин. И личных (выходит, я, веривший во все это, теперь дурак дураком?), но прежде всего — общественных.

У нас всегда говорят о вечном противостоянии государства и интеллигенции, а шире — государства и народа. Кто это придумал — не знаю. Но никто не сомневается, вроде как фундамент и краеугольный камень...

А на самом деле наш народ почти всегда был и есть на стороне государства. Даже так: народ и государство — едины. И все официальные мифы государства удивительным образом совпадают и потворствуют желаниям и настроениям масс. Или — с веками преобразовываются так, что потворствуют. Тот же миф о призвании варягов. Какое неприятие вызвал он среди русских академиков в 1749 году! А сейчас поди опровергни. Заклюют!

Причем академики, может, и промолчат. А вот широкие массы — возмутятся. Потому что миф с веками приобрел новое наполнение. Мол, мы не лыком шиты и не лаптем щи хлебаем, мы тоже — Европа(!), ведь нас основали «благородные князья германского происхождения» — так и написал мне один разгневанный читатель...

Ну, варяги все-таки область не массового знания. А вот с татаро-монгольским игом просто беда. Все все знают! И все во всем уверены. Вросло в кожу, начнешь отдирать — кровь идет. Больно и обидно! Так, что тебе морду разобьют за твои поганые слова о том, что ига не было. Все упрятано в подсознание, или вообще стерто, или искажено так, что тяжело становится. Понимаете, признавать, что русский народ триста(!) лет жил под монгольским сапогом, терпел иго, — это вроде как совсем непозорно и даже патриотично. А попробуй отрицать — тут же обзовут антипатриотом. А суть — все в том же преобразовании мифа, в служении его новой лжи. Если мы — Европа, то у нас ничего общего не могло быть с азиатами монголо-татарами, никакой общей жизни в общем государстве, это все злопахательство, а было только вечное противостояние и вечная война. В которой мы в конце концов победили. А отрицать иго — значит отрицать еще и нашу великую победу над таким могучим врагом...

Вот как закручено.

Причем начали писать и утверждать в сознании народа все это великие русские историки прошлого, пред именами которых нельзя не склониться в почтении. Их поддержали и продолжили коммунисты, и продолжают нынешние, не знаю, как их назвать... А народ, в результате массовой обработки со

школьной скамьи, однажды приняв и освоив, сделал мифы своими, кровными.

Потому и предупреждаю себя и читателей, чтобы не обольщались.

О мифологизации сознания, вообще о мифе как национальной идее очень сильно и очень точно написал современный ученый-богослов Александр Мусин: *«История — всегда проблема. Миф — прост и понятен. Тем и привлекателен для народа и власти. Но всеобщая усредненность и ожидаемая «легкость бытия» могут стать невыносимыми для России».*

Иными словами — нельзя все время самим себе вешать лапшу на уши. Это может плохо аукнуться в будущем.

Загадочное слово — «русский»

«И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы...».

Вроде бы все ясно. Русы, русичи, русские ведут свое название от варягов, от какого-то варяжского сообщества людей, называемого «Русь».

Однако человек так устроен, что хочет знать все, до истока, до самого начала. Но тут мы столкнулись с такой частью истории, где до истока дойти очень сложно. Дело в том, что редко народ именуется так, как сам себя назвал, — по самоназванию. К примеру, чеченцы — нохчи или вайнахи, немцы — алеманны, албанцы — скептарии (шкиптарии), венгры — мадьяры и так далее. Как правило же, название народу чаще всего дают соседние племена, причем совершенно по случайным признакам — и потому докопаться до первоисточков практически невозможно.

Самый яркий пример тому — венгры.

В Казахстане в шестидесятые годы среди обычных среднеграмотных слоев населения почему-то популярна была легенда о родственных казахско-венгерских связях. Находились деятели в той и в другой стране, которые успешно спекулировали на этом и всячески эксплуатировали «родственную» тему.

На самом же деле родства нет. Правда, было очень близкое соседство. Откуда и ведется некоторое количество слов, общих по звучанию и значению.

В действительности же венгры — народ угро-финского происхождения. Но с фантастически причудливой судьбой. В древние времена венгры — по самоназванию мадьяры — обитали в среднем течении Оби, в районе нынешних Тобольска и Тюмени. Они составляли южную часть родственного сообщества западносибирских угро-финских народов. На севере — ханты и манси, а на юге — мадьяры. И обликом были такие же, как нынешние ханты и манси.

В первые века нашей эры началось Великое переселение народов. Инициаторами его были гунны, ввергнувшие в общий водоворот сотни племен и народностей, перекроившие исконную, традиционную карту народов мира. Северным крылом гунны подхватили, сорвали с насиженных мест мадьяров. И те в течение нескольких веков кочевали в конгломерате гуннских племен, в основном тюркских по языку. Отсюда — заимствованные тюркские слова в их лексиконе. На Руси они тогда были известны под именем угров.

Столицей гуннской империи, ставкой вождя гуннов Аттилы, была Паннонская низменность. Соседние германские племена Аттилу обожествляли. Чему свидетельство — древнегерманский эпос «Песнь о Нибелунгах», в котором вожди германских племен приезжают на поклон к царю Этцелю. Этцель — германское произношение имени Аттила.

В середине V века Гуннская империя распалась. Мадьяры, на удивление сохранившись как единое племя, остались жить в Паннонии. И их, мадьяров, угро-финнов по происхождению, по языку, соседние германские племена называли гуннами, хуннами, хунграми. Так и страна называется доныне — Хунгария. По-нашему — Венгрия, венгры. Хотя к гуннам-хуннам они имеют отношение соседское.

Но если сравнить, поставить рядом нынешнего ханта или манси и венгра, то угадать родство будет очень трудно. С веками изменилось чуть ли не самое главное — облик человека, генотип нации. Но самое главное осталось — язык.

И доныне одно из самых популярных имен в Венгрии — Аттила.

Вот какими фантастическими путями возникают иногда названия народов! Для сравнения приведу тех же «татар» или «таджиков». «Татарами» называли себя несколько союзных

родов в монгольской степи. Китайцы распространили это название на всех кочевников. Однако по велению Чингисхана с 1206 года все его подданные стали «монголами». Но этноним «татары» дошел до Восточной Европы и сохранился: так русские стали именовать подданных Астраханского, Крымского и Сибирского ханств, оставшихся после распада Золотой Орды. В том числе и подданных Казанского ханства, которые на самом-то деле болгары или булгары...

То же самое и с «таджиками». В Центральной Азии в VII веке «таджиками» называли пришедших сюда арабских воинов. Но современные-то таджики — персы. Какие водовороты истории тут бурлили — даже представить трудно, голова кружится...

Вот почему практически неразрешимой загадкой истории является происхождение этнонима «русский». Ведь в Скандинавии не было и нет, не выявлено никаких следов рода (племени, народа) «Русь». А значит, открывается широкий простор для фантазий и гипотез. Чего только не придумывали, где только не искали корни слова!? От кельтов-рутенгов и иранцев-роксоланов до сирийцев!

Мне же из этого сонма предположений наиболее вероятной представляется версия В. Я. Петрухина — традиционная, ведущая начало от летописи. Вспомним — славяне составляли только часть населения Старой Ладogi и Новгорода, а две другие части составляли меря и чудь. То есть угро-финские племена. А они издавна называли выходцев из скандинавской стороны «рууси» или «рооси». А древнескандинавские корни этого слова означают: «гребец, участник похода на гребных судах».

Тут очень многое совпадает даже не по словам, а по логике жизни. Потому что «варяги» и «викинги» никогда не были родом, племенем, то есть этносом. Они были — социальной группой. И именовались не по этническому признаку, а по социальному. Викинги, как уже говорилось, происходят от слова «вик», по-русски — «выселок», буквально — «путь». И «русы» — потому что «участники похода на гребных судах». Профессиональное название!

Вспомним: варяги-викинги по рекам, на лодках совершали свои походы-набеги на города Западной и Восточной Европы.

Славянское население городов и весей было оседлым, ремесленным и земледельческим. И только варяги-русы шарахались по всему свету, от Балтики до Византии. А поскольку они часто были наемниками восточно-славянских городов-государств, то как бы и представляли в окрестных народах и государствах славян. И окрестные народы-государства стали называть население Киева и Чернигова «русами» по названию варягов. (Также подданных Московского царства еще в XVI веке называли «татарами».)

Одновременно в самом Киеве, Чернигове и других городах «русами» стали называть княжеских дружинников, а затем и всех граждан Киевского государства. За один век этноним стал всеобщим! А своих, славянских, доморожденных речных разбойников в Новгороде именовали ушкуйниками. От слова «ушкуй» — большая лодка...

Также вполне объяснимо двойное название — и варяги, и русы. Это очень характерно для сообществ со смешанными языками, каким и было население Новгорода. Славянское и угрофинское. Но при всем при том напомним, что любая версия остается и скорее всего останется версией, более или менее обоснованной. А разгадка слова «русский», видимо, так и пребудет тайной истории.

Глава 2

ОТ ОЛЕГА ДО РИЧАРДА

Анатомия мифа

В этой главе речь пойдет о том, как создаются мифы. О происхождении мифа и анатомии мифа. Впрочем, в любой книге, касающейся исторических событий, без собственно мифов и анализа мифов не обойтись, мифы в прямом и переносном смысле сопровождают всю жизнь человечества. Говорил я о них и в главе о варягах, буду говорить и в последующих главах. Но в этой — отдельно и специально, потому что лучшего примера и представить нельзя. Здесь я соединяю два диаметрально противоположных мифа, назвать которые можно так — белый миф и черный миф.

Летописец Нестор — изобретатель скейт-сёрфинга

Миф мифом, а попутно я сделаю попытку доказать, что научная фантастика как жанр мировой литературы зародилась на Руси в XII веке!

И первым автором, создателем жанра, был летописец Нестор, автор «Повести временных лет». А «Повесть временных лет» — это начало начал истории, фундамент русской литературы и истории, она лежит в основе большинства последующих летописных сводов. Не случайно же ее называют Начальной летописью...

Все мы помним одно из самых красочных мест «Повести...» — поход князя Олега, Вещего Олега, на Царьград-Константинополь.

Когда он в знак победы повесил свой щит на ворота Царьграда. А перед этим поставил корабли на колеса, поднял паруса, и так они *«пошли со стороны поля к городу. Греки же увидев это, испугались и сказали через послов Олегу: «Не губи города, дадим тебе дани, какой захочешь».*

Как ни странно, но многие ученые прошлого, да и настоящего, приняли этот белый миф, эти строки летописи как абсолютно достоверные сведения. Они вошли в гимназические дореволюционные и в советские школьные учебники. Вошли в новый фольклор, вплоть до песни Высоцкого: «Как ныне собирается Вещий Олег щита прибивать на ворота. А тут подбегает к нему человек — и ну шепелявить чаво-то...» В общем, всем известно и само собой разумеется. Хотя при самом элементарном применении здравого смысла тотчас же возникают неразрешимые противоречия и тупиковые вопросы. Однако к здравому смыслу мы еще придем, а пока продолжим об ученых. Несмотря на всеобщее ослепление, очень серьезные историки (от Шахматова до Лихачева) относились к данному эпизоду всего лишь как к красочной легенде. Д. С. Лихачев вообще делал особый упор на литературные достоинства и литературное значение «Повести временных лет». Анализ, проведенный исследователями, доказал, что такого похода Олега в 907 году — как точно указывается в летописи — не было. И вообще — не было. В 904 году на Константинополь ходили походом арабы.

В том же году совершали набег на Царьград вольные воины из диких ватаг, обитавших в устье Днепра и на побережье Черного моря. Еще раньше, за сорок лет до того, был поход варяжско-киевского князя Аскольда. Некоторые историки полагают, что Нестор приписал Олегу тот поход Аскольда. Но если учесть, что летопись он создавал спустя два века после тех событий, то путаница могла возникнуть и сама по себе. Объяснимы также многочисленные нестыковки по событиям и датам.

А самое главное — о том летописном походе нет никаких сведений в подробнейших византийских хрониках. Хотя там в деталях описаны и поход арабов, и набег славяно-варяжской вольницы. И другие, совсем уж незначительные события того времени.

А уж такого, как щит на вратах Константинополя, тем более поход кораблей на колесах под парусами, — византийские хронисты просто не могли не отметить! Да и другие — арабские, еврейские, западно-европейские хронисты не могли пропустить. Однако ж нигде — ни слова.

Но в данном случае для меня и для моих читателей не это — главное. Прежде чем перейти к сути, остановлюсь на подступах к главному. Начну с количества воинов в том походе. В летописи точно указано: 2000 кораблей, **«а было в каждом корабле по 40 мужей»**. Итого — **80 000** человек!

Собрать по тем временам такую армию в Киевской Руси практически было невозможно. По очень старой и донныне авторитетной книге знаменитого профессора Урланиса «Рост населения в Европе», в 970 году в Киевской Руси было около двух миллионов жителей. Можно предполагать, что в 907 году — около миллиона. Тут ведь речь идет не только и не столько о росте за счет рождаемости, а о присоединении новых земель и новых племен. А к тому времени, к летописному 907 году, самой русской государственности-то было едва пятьдесят лет. Те же древляне в Искоростени, что совсем рядом с Киевом, Киеву тогда не подчинялись и спустя пятьдесят лет все еще бунтовали, убили князя Игоря и были жестоко покараны уже княгиней Ольгой. Легко ли, возможно ли было в таких условиях собрать армию в 80 тысяч человек!?

Проведем параллели. Население могущественной Византии в то время насчитывало 20—24 миллиона человек. Мощное госу-

дарство с устоявшимся четырехсотлетним укладом жизни, порядка. Не говоря уже о том, что государственность Византии, Восточно-Римской империи, берет начало аж в античном Древнем Риме. Одним из главных врагов Византии была тогда не менее могущественная Болгария. Так в решающий, грандиозный поход на болгар византийский император-полководец Иоанн Цимисхий повел армию в 300 кораблей, 15 тысяч пехотинцев и 13 тысяч всадников. Война та описана опять же со всеми подробностями, так как была по тем временам событием эпохальным.

Или еще пример — из более поздних веков. Поход монголов, ставший потрясением для тогдашнего мира. Нашествием, как его называют некоторые историки.

В первом походе, когда монголы прошли через всю территорию нынешнего Казахстана и Узбекистана, разбили войска Хорезм-шаха, перевалили с боями через Кавказ, попутно разгромив грузин, затем рассеяли половцев хана Котяна и хана Юрия Кончаковича и закончили битвой на Калке с русско-половецкой армией, было их, монгольских воинов, 20 тысяч человек. Два тумена, две дивизии по 10 тысяч всадников.

А во втором походе, под началом Батыея, когда они военным маршем прошли через Русь, вошли в Европу и докатились до Адриатики, было их, как подсчитывают историки, 30 тысяч человек. И это очень близко к истине, потому как **всех** монголов, от стариков до детей и женщин, тогда было 700 тысяч. А кто-то ведь должен был дома оставаться, работать, а к тому же у них был второй, главный фронт — с Китаем...

Тут надо сделать отступление. Мир был прежде всего потрясен молниеносными победами монголов. Такая организация, такая тактика боя, что в те века и долго еще потом с ними не могла сравниться ни одна армия. Однако и количество воинов поразило воображение современников. Учтем, что 30 тысяч — это только воины. А ведь каждый воин имел двух коней (потому и были такие стремительные, молниеносные походы и атаки), а еще сопровождающие армию обозы... В общем, конная армада.

И потому русская армада в **2 000 кораблей** и **80 000 воинов** уж точно не могла остаться незамеченной арабскими, византийскими и западно-европейскими хронистами! Это ведь все-ленский поход по масштабам тогдашней Европы!

Но опять же меня в данном случае больше всего интересует не фактографически-историческая сторона, а — те самые **корабли на колесах!**

Мы их не замечаем просто потому, что современного человека такими штуками не удивишь. Тем более, в последнее время даже соревнования, гонки устраиваются по шоссейным дорогам под парусами! Называется — скейт-сёрфинг.

Но ведь это — сейчас. Когда к услугам гонщиков абсолютно ровные дороги и совершенные, по последнему слову техники сделанные скейты на каких-то немыслимых роликах. Да он и без парусов помчится куда хочешь!

А представьте, насколько это возможно было тогда. Вот высадились на берег воины Олега. Поставили корабли на колеса. Но ведь на каждый корабль надо, как минимум, четыре оси и восемь колес. Где они взяли 16 тысяч колес на 2 тысячи лодок? А к ним еще 8 тысяч осей? Для этого надо конфисковать весь гужевой транспорт в доброй половине империи!

Предположим, что конфисковали.

Но вы представляете, какое было трение, какое трудное вращение тогдашних ступиц на тогдашних осях? Ведь тяжесть-то какая: корабль на 40 воинов. Да еще и 40 воинов в нем. Не пешком же они шли. А иначе зачем было затевать все это?

Итак, поставили корабли на колеса, сами залезли в корабли. Подняли паруса и пошли к городу через поле?..

И тут вам любой взрослый человек скажет, что на «поле», на неровном фунте, на пересеченной местности такое сооружение, **такая махина и с места не сдвинется.** Под любыми парусами. Если нет глубокого киля, то под большим парусом, под большим напором ветра **это сооружение просто-напросто опрокинется!**

Понимал ли это летописец, человек своего времени?

Уверен, что понимал.

Тогда почему написал нечто несусветное?

Тут вариантов множество. От чрезмерного желания возвеличить, прославить князя Олега до осознанной, рассчитанной мины-провокации. Этакого тайного кукиша через века. Мол, если заставили меня писать неправду, приписывать Олегу несуществовавший поход, то вот вам! Потомки, дойдя до кораблей на колесах, сразу поймут, что все здесь брехня. От начала и до конца... Вот уж они посмеются...

Может быть, может быть... Однако здесь нет никакой логики. По всей «Повести временных лет» чувствуется, что Нестор к Олегу относился с глубочайшим уважением. Зачем же он выставлял его на посмешище?

И потому очень даже не исключен самый простой и естественный вариант. Полет фантазии! Действительно, почему бы и не позволить себе? В хронике — нельзя. Но тут-то весь поход выдуманный, так где же еще разгуляться фантазии, как не здесь?! Особенно на такой выигрышной исторической фигуре, как князь Олег! Ведь не на пустом месте фантазировал Нестор, а наверняка основывался на красочных легендах, которые сопровождали знаменитого князя и дошли, наверно, до Нестора через два века.

И потому я считаю Нестора-летописца первым научным фантастом в русской литературе, основателем жанра.

Ведь что такое научная фантастика? Это **современные достижения науки и техники, которым автор дает в будущем преувеличенные формы**. Например, если сделать громадную пушку, в снаряд поместить людей и выстрелить в небо — что будет? Будет роман Жюль Верна «Из пушки на Луну»!

Когда есть такое замечательное достижение современной техники, как телега на колесах, когда есть такое чудо, как корабль под парусами, то что будет, если их соединить?

Так Нестор-летописец изобрел современный скейт-сёрфинг! Шоссейные гонки под парусами на колесах! Прошу любить и жаловать и выдать мне патент на открытие открытия!

Но самое интересное было у летописи впереди. Доподлинно установлено, что «Повесть временных лет» редактировал монах Сильвестр **под присмотром Владимира Мономаха**. Что они думали, читая про такие диковинные туры на колесах? (Туры на колесах — это деревянные башни на колесах, под прикрытием которых штурмующие подходили близко к крепостным стенам.) Да, со дней Олега прошло уже два века, но практическая жизнь не изменилась — те же телеги, колеса... Тс же корабли под веслами и парусами. Тот же путь волоком из варяг в греки. И все, кто читал летопись Нестора, хорошо знали, что такие туры на колесах невозможны! Почему же не вычеркнули? Ведь тогда авторского права не было, и к летописям относились как к общему достоянию, каждый правил и переписывал как хотел, вписывал, что он посчитает нужным. Но этот сюжет — никто не тронул!

Может, разгадка в великом Киевском князе Владимире Мономахе? Человек яркого литературного таланта, он, как никто другой, способен был оценить полет чужого пера и чужой фантазии. Оценить, восхититься и сказать: «Ай да Нестор! Ай да сукин сын! Это ж надо такое придумать — корабль на колесах под парусами!»

А потом, после Мономаха, уже никто не трогал, не осмеливался...

А потом мы читали, даже не задумываясь...

Вот так, по моему мнению, Нестор-летописец в одном только сюжете своей великой книги явил нам первое произведение научной фантастики и изобрел современный скейт-сёрфинг!

Злодей Ричард, король Английский

Жертва черного мифа — герцог Ричард Глостер, потомок королевской династии Плантагенетов. Его и назвали в честь великого предка, короля Ричарда Первого Плантагенета. Того самого Ричарда Львиное Сердце, героя крестовых походов, многочисленных романов и народных баллад.

Но никто из родных и близких Дика Глостера никогда не думал, что Дик действительно станет королем. Даже когда началась война за престол Англии между династией Ланкастеров (Алые розы) и династией Йорков (Белые розы), к коей и принадлежал герцогский дом Глостеров. (Йорки и Ланкастеры — боковые ветви Плантагенетов.)

Йорки в той войне победили. Ланкастеры бежали во Францию. Королем Англии стал старший брат Ричарда — Эдуард IV. А после смерти Эдуарда трон должен был занять (и занял!), по праву престолонаследия, его сын Эдуард, малолетний племянник Ричарда.

Но через три месяца правления малолетнего Эдуарда V королем Англии стал Ричард. Однако и он правил недолго. Изгнанные Ланкастеры объединились с Тюдорами и свергли Ричарда. Так на английском троне возникла новая династия — Тюдоров.

Всего два года царствовал Ричард. Но в истории остался навечно. **Как один из самых страшных злодеев. Узурпатор, обманом захватил трон, родных племянников задушил...**

Мы с детства знаем его по «Черной стреле» Стивенсона. Есть там такие строчки: «И зловещий горбун поскакал навстречу своей страшной славе...»

Но еще раньше окончательный приговор Ричарду вынес Шекспир:

Ты адом сделал радостную землю,
Проклятьями и стонами наполнил...
Оставь наш мир и спрячься в ад, бесстыжий
И гнусный демон, — там царить ты должен!

(В. Шекспир, «Ричард III»)

Да, прибавьте ко всему, что бедный Ричард был горбат. Представляете, какой образ «злодея»! Страшный горбун, руки по локоть в крови, вурдалак, исчадие ада... Что еще надо для создания образа всесветного чудовища, воплощения абсолютного зла?!

Как часто бывает, все это — чушь собачья. Да, в войне Алой и Белой роз Ричард показал себя храбрым рыцарем и жестким военачальником. В общем и целом — действовал в рамках тогдашних правил и нравов. А в мирной жизни — добрейший был человек. И королем он стал не по своей воле, не хотел и уж тем более не «отстранял» малолетнего племянника, как пишут сплошь и рядом во всех справочниках и энциклопедиях.

После смерти короля Эдуарда IV оказалось, что его сын, малолетний Эдуард, права на престол не имеет. Вскрылось, что король состоял в тайном, но законном браке с женщиной, которую спрятал в монастыре. И, таким образом, его жена, считавшаяся королевой Англии, — незаконная, и дети ее — незаконнорожденные. Вся эта история обсуждалась в парламенте, в палате лордов. В общем, возник династический кризис, и никто, кроме Ричарда Глостера, не мог занять трон. Естественно, с ведома и решения Английского парламента.

И став королем, Ричард никаких злодейств не совершал. А уж племянников своих берег как зеницу ока. Да и зачем ему их убивать, если они **официально** признаны незаконнорожденными и не могут быть ему соперниками в борьбе за престол, если таковая борьба когда-нибудь и начнется?! Более того, всех побежденных противников, Ланкастеров, он вернул из Франции и дал им возможность жить тихо и мирно в Англии. Вот опито, за все хорошее, и отомстили Ричарду!

Но прежде чем перейти к доказательствам документальным, фактическим, довольно известным в мире, приведу свое доказательство, быть может субъективное, а может — и самое **что** ни на есть убедительное.

Я имею в виду гибель Ричарда. Очень показательная смерть. С точки зрения человеческой, с точки зрения того, что называется **логикой характера**.

В битве при Босворте, состоявшейся в 1485 году, где граф Генрих Ричмонд в союзе с Ланкастерами одержал победу и стал королем Генрихом VII, родоначальником новой династии, Тюдоров, все преимущества были на стороне Ричарда III. И если бы не предательство Генри Перси, второго графа Нортумберленда, исход сражения был бы совершенно иным.

Ричард смотрел с холма, как тюдoro-ланкастерские воины теснят и истребляют его войска.

Как должен поступить в такой ситуации государственный деятель? Наверно, в первую очередь сохранить себя, как знамя движения, сохранить верных сторонников, увести войска с поля боя. А затем набрать новую армию и продолжить борьбу. **Война одним сражением не решается.** Тем более, за ним все преимущества **законного** короля... То есть за ним парламент и народ Англии!

Вместо этого Ричард в сопровождении немногочисленной свиты ринулся с холма в гущу сражения, стремясь добраться до Генриха Ричмонда-Тюдора и решить исход сражения рыцарским поединком, как в старые добрые времена. И погиб, один сражаясь против армии врагов.

Поступок безрассудного рыцаря.

Это его предок, Ричард I Плантагенет, он же Ричард Львиное Сердце, частенько пренебрегал государственными обязанностями, увлекаясь рыцарскими приключениями. Так и погиб в одном из походов в дальние края. Но с тех пор прошли века, и короли научились быть королями. Не королевское это дело — мечом махать. Тем более в такие сложные для страны времена. Но Ричард поступил так, как поступил... Погиб в бою, как и Ричард Львиное Сердце.

Так государственные деятели не поступают.

Но так не поступают прежде всего проныры, хитрецы, мерзавцы!

Скажите, способен ли на такой безрассудно рыцарский поступок изощренный интриган и злодей, человек низкой души, каким выставляют Ричарда? Нет, нет и нет.

Логика характера. Это не пустые слова.

Но как получилось, что даже в Англии имя Ричарда окружено до сих пор зловещим ореолом?

А очень просто: спустя сорок шесть лет(!) после гибели Ричарда появилось «историческое свидетельство». Не кто-нибудь, а канцлер Англии Томас Мор написал мемуары, в которых и изложил все «злодейства» Ричарда. Которым, злодействам, он якобы был свидетелем. Хотя при ближайшем рассмотрении не составляло труда выяснить, что в год смерти Ричарда III будущему мемуаристу Томасу Мору было всего восемь лет, и никаким «свидетелем злодейств» Ричарда он быть не мог. Но он много слышал. Слышал в первую очередь от своего приемного отца кардинала Мортон, ярого врага Йорков, приверженца Ланкастеров и Тюдоров. Мортон был одним из активных участников заговора против короля Ричарда! Естественно, в духе ненависти к Ричарду он воспитал и своего приемного сына Тома. Затем маленький Том вырос, стал служить Ланкастерам, был канцлером герцогства Ланкастерского, а затем канцлером Англии у Генриха Тюдора!

Какой объективности можно ждать от человека, который не только служил Ланкастерам-Тюдорам, но и осуществлял, проводил в жизнь политику Тюдоров-Ланкастеров?!

Очевидно же, что Томас Мор написал свою «Историю Ричарда III» не только по велению души и полученному воспитанию, но и по прямому заказу Тюдоров-Ланкастеров. И тем самым исторически как бы оправдал их правление, их репрессии: ведь Тюдоры-Ланкастеры, придя к власти, в отличие от Ричарда, чуть ли не всех Йорков истребили. Громко крича при этом, что они уничтожают Йорков исключительно во благо народа доброй старой Англии, потому как с такими злодеями жить на одной земле невозможно.

Скорее всего, мемуары Томаса Мора со временем так бы и канули в неизвестность, стали бы материалом для ученых-историков, если бы ими не воспользовался человек по имени Уильям Шекспир. По ним, по этим мемуарам, он и написал свою знаменитую трагедию «Ричард III». А спорить с Шекспи-

ром в Англии — все равно что спорить с вечными скрижалями, с божественными предначертаниями. И вся история Англии пошла моровско-шекспировским путем. Многие последующие ученые с теми или иными вариациями повторяли все ту же историю Мора о злодействах Ричарда.

Вот так рождаются и живут мифы. Даже в Англии, где все источники всегда были и есть открыты, где не было и нет единого и обязательного какого-нибудь «Краткого курса» истории, как у нас. Однако в широких массах там до сих пор здравствует миф о злодее Ричарде Глостере, захватчике трона и убийце родных племянников... А что уж о нас говорить. Нам бы со своими мифами и рифами истории разобраться. Где уж тут до английских... И потому как постановили однажды — так и пишем до сих пор во всех справочниках то, что наклеветал когда-то Томас Мор.

Кстати, Томас Мор — это тот самый изучавшийся во всех советских школах Томас Мор — автор знаменитой «Утопии». В которой, как говорили нам, воплощены мечты прогрессивного средневекового человечества о будущем коммунистическом обществе.

Что говорить, причудливо переплетаются иногда сюжеты истории.

Глава 3

КРЕЩЕНИЕ

Князь Владимир, названный потом Святым, сжигал христиан.

История его страшных деяний насильника и убийцы известна — от изнасилования полоцкой княжны Рогнеды на глазах ее родителей до подлого убийства брата Ярополка, которого он пригласил в свой шатер на переговоры, а на входе два варяга пронзили его мечами с двух сторон. «Под пазухи», — говорится в летописи.

Но мало кто знает, что Владимир был фанатичным врагом христианства.

Что он сделал прежде всего, убив брата Ярополка и взяв штурмом Киев? Поставил идолов, языческих кумиров.

Летопись гласит: «Поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, и Хорса, Дажьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь. И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили своих сыновей и дочерей, и приносили жертвы бесам, и оскверняли землю жертвоприношениями своими. И осквернилась кровью земля Русская и холм тот».

Какими «жертвоприношениями»? Какой «кровью»? Об этом широкий читатель не знает.

А в данном случае речь идет о ритуальном убийстве христиан.

О жертвоприношении языческим богам.

Жребий пал на Феодора и его сына Иоанна — христиан, переселившихся из Византии на Русь, в Киев. Их убили и сожгли на том холме.

О человеческих жертвоприношениях на Руси пишут многие европейские и византийские хроники. Например, жен сводили в могилу вместе с хозяином. А убийство пленных превращалось в гекатомбу. Взрослых — сжигали, детей — душили и топили в реке. Одна из таких гекатомб описана в «Истории» Льва Диакона. То есть культ жертвоприношения ушел не в такое уж далекое прошлое, если людей сожгли заживо в Киеве X века, в относительно цивилизованные времена. Видимо, Владимир вспомнил о былом кровавом обычае не случайно. Это был знак и символ. Знак и символ возврата к древним языческим устоям.

Ведь Киев к тому времени медленно, но верно уходил от язычества. Бабушка Владимира, княгиня Ольга, приняла христианство, ее сын, язычник Святослав, в годы своего правления не препятствовал крещению и проникновению христианства в Киев. Его сын Ярополк, воспитанный бабушкой Ольгой, женился на гречанке-христианке.

Да, в Киеве над христианами смеялись, но не издевались, не преследовали. А смеялись, наверно, так, как часто смеются некоторые деревенские люди над попавшим в их среду городским человеком — над его чудными для них привычками. Примерно такое было отношение. То есть происходило проникновение христианской культуры, закладывался другой культурный стереотип.

И тут власть захватил Владимир!

Ему, уязвленному, обиженному бастарду, незаконному сыну Святослава от рабыни Малуши, отстраненному от киевского двора и сосланному на окраину, в глушь, в Новгород, — ненавистен был сам дух Киева, его атмосфера. «Казалось, малокультурная, полуфинская, новгородская окраина Руси религиозно победила столичный огречившийся Киев», — писал крупнейший исследователь истории Русской церкви В. Карташев.

Но что же произошло потом?

Не только мы сегодня задаемся этим вопросом. Митрополит Илларион через полтора века после смерти Владимира Святого вопрошал над его гробом:

«Как ты уверовал? Как воспламенился любовью Христовую? Как вселился в тебя разум, высший разума земных мудрецов, чтобы возлюбить невидимое и стремиться к небесному? Как взыскал ты Христа? Как предался Ему?.. Не видел ты Христа: как же стал ты учеником Его?.. Дивное чудо! Руководствуясь только своим добрым смыслом и острым умом, ты постигнул, что един есть Творец невидимого и видимого, небесного и земного, и что послал Он в мир для спасения Своего Возлюбленного Сына. И с сими помыслами вступил ты в святую купель. Таким образом, что другим казалось безумием, то было для тебя силою Божией... Скажи нам, рабам твоим, скажи нам, учитель наш, откуда повеяло на тебя благоухание Святого Духа?»

Нам не дано знать.

Возможно, произошло чудо духовного преображения.

Возможно, снизошла на эту страшную душу благодать Божья.

Мы можем анализировать лишь земные перипетии жизни Владимира.

По летописи известна всем сцена выбора веры. Она, сцена, наводит на грустные размышления: можно ли предполагать, что все было бы так, как решил один конкретный человек, каган Владимир? По летописи, Владимир, выбирая веру, выслушивая византийских, хазаро-иудейских и болгарских мусульманских послов, отказался от ислама, потому что мусульманская религия запрещает пить спиртное, мед. Когда дошло до этого, он будто бы сказал болгарским посланцам: э, ребята, нет, питье на Руси есть веселие...

А если б мусульманам разрешалось пить? Или болгарские посланцы сказали бы, что для Руси в исламе делается исклю-

чение, потому что питье на Руси есть веселие. Это все маловероятно. Но очень вероятно, что Владимир мог быть больным, язвенником и трезвенником. И тотчас бы ухватился за такую религию, которая запрещает пить. С радостью превеликой! И стала бы Русь мусульманской?..

Вообще, как отмечает исследователь истории Русской церкви Карташев, есть в этой сцене что-то карикатурное. Но так часто бывает, когда летописи переписывают, подгоняют под тот или иной идеологический канон, пытаются свести к «краткому курсу». Каждый переписчик вставляет что-то свое и корректирует по-своему. И получается в итоге что-то невообразимое. Современный журналист Андрей Воронин как-то написал: «Абсурдистский стиль русских летописей».

Но «Повесть временных лет» в данном эпизоде тем не менее отражает суть — время выбора веры. А если точнее — время выбора пути, цивилизации. Восемь лет великокняжеской власти — с убийства Ярополка и захвата Киева до крещения Руси — срок немалый. Особенно по тем временам. За то время Владимир из бастарда превратился не просто в кагана по должности, но во взрослого человека, мужчину, государственного деятеля. Положение обязывает. При всем показном возвращении к язычеству жизнь в Киеве отменить трудно. Одна казнь — как символ. А дальше — нельзя. Тогда надо вырезать христиан поголовно. В том числе и жену-христианку, доставшуюся ему от убитого им брата Ярополка. Да и среди варягов, при всей их буйности и полном пренебрежении ко всему и ко всем, нет-нет да и встречаются новообращенные. Особенно из вождей-конунгов. Вспомним ту же скандинавскую сагу об Олаве Тригвессоне, сыне норвежского конунга и будущем норвежском короле, который жил при дворе Владимира и уговаривал его принять христианскую веру.

А непосредственные события, приведшие к крещению Владимира, описаны в древних арабских и византийских хрониках.

В 986 году в Византии началась гражданская война. Мятеж поднял генерал Варда Склир, а затем к нему присоединился генерал Варда Фока. Они начали переговоры с арабским халифом о совместной войне против императора Василия. Таким образом, с юга и с востока Византии угрожали мятежники и арабы. Мало того, с севера и с запада — Болгарский каганат и

Киевский каганат (государства под названием «Киевская Русь» в природе не было, это некий исторический научный термин, введенный для удобства обозначения; то государство называлось Киевским каганатом, иногда — Русским каганатом. А князь Владимир звался каганом.). Таким образом Византия попала в окружение, война сразу со всех фронтов! Император Василий начинает переговоры и заключает мир с болгарами, оставляя им завоеванные на тот момент византийские земли. Какое уж тут «возвращение», когда все можно потерять! А к Владимиру обращается за военной помощью. Плата за помощь — византийская царица Анна. При этом ставится условие — крещение Владимира.

На наш взгляд, странные условия. И от веры в Перуна откажись, и воинов предоставь. За что? За женщину? По-русски говоря — за бабу?!

Нет — за престиж!

Спору нет, Киевский каганат молод и могуч. Однако — варварская страна. И сам Владимир ощущает себя варваром. А византийская династия — древнейшая в мире, «настоящая», освященная веками! Женитьба на Анне — это вхождение не просто в императорскую семью, а посвящение в клан «настоящих» царей-базилевсов! Владимир становится таким образом аристократом среди властителей молодых государств. Ни болгарский каган на Дунае, ни болгарский каган на Каме с ним уже не сравнятся.

Так он думал или не так — мы знать не можем.

Владимир пошел на союз с императором Василием и оказал ему военную помощь в борьбе с мятежниками. Об этом подробно пишут арабские и византийские хроники.

Однако император Василий попытался обмануть кагана Владимира. Царицу Анну за него не отдали. Что и как там было — неизвестно. Может, Анна воспротивилась, не захотела, подобно полоцкой княжне Рогнеде, идти замуж за сына рабыни. А может, император Василий решил, что теперь, когда угроза миновала, можно и пренебречь обещаниями, данными северному варвару.

Но не тут-то было. Владимир немедленно пошел в поход на Корсунь-Херсонес и захватил город, угрожая пойти на Константинополь. Да еще в союзе с болгарами. Император Василий испугался и немедленно прислал царицу Анну, с которой

и обвенчался наш Владимир там же, в Корсуни, а город Корсунь великодушно возвратил Византии как выкуп за невесту.

Отсюда, из Корсуни, и пошел он в поход уже на Киев, на Русь. Неся Крест.

Как свидетельствует летопись, по возвращении из Корсуни князь Владимир «повелел опрокинуть идола — одних изрубить, а других сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву взвозу к Ручью и приставил 12 мужей колотить его палками... Когда влекли Перуна по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные, так как не приняли еще они святого крещения. И, притащив, кинули его в Днепр. И приставил Владимир к нему людей, сказав им: «Если пристанет где к берегу, отпихивайте его. А когда пройдет пороги, тогда только оставьте его». Они же исполнили, что им было приказано. И когда пустили Перуна и прошел он пороги, выбросило его ветром на отмель, и оттого прослыло место то Перунья отмель, как зовется она и до сих пор. Затем послал Владимир по всему городу сказать: «Если не придет кто завтра на реку — будь то богатый, или бедный, или нищий, или раб, — будет мне врагом». Услышав это, с радостью пошли люди, ликуя и говоря: «Если бы не было это хорошим, не приняли бы этого князь наш и бояре».

Это — наша летопись, написанная, понятно, христианами монахами. Сладкая сказка о радостном крещении всех киевлян: «Пошли люди, ликуя...» На самом же деле реальность выдаете головой предыдущая фраза: «Если не придет кто завтра на реку — будет мне врагом». Это даже не ультиматум, а прямая угроза. И попробуй кто не подчинись — Киев хорошо знал бешеную натуру Владимира, помнил сожжение христиан.

При этом обязательно оговорюсь: нам не дано знать, что происходило в его душе. Возможно, крестился он из меркантильных, политических соображений. Возможно, в момент крещения произошло в его душе чудо Преображения. Возможно, он ощутил себя великим миссионером — спасал души варваров, обращал их в истинную веру, открывал им свет истинной веры. Но даже если он просто поворачивал страну и народ в русло другой, более развитой цивилизации, он ведь руководствовался при этом высшими целями и самыми благими намерениями — вот в чем дело!

Так или иначе, Владимир провел крещение Руси с варяжской неукротимостью и жестокостью. Как военный набег на вражеский город. В Киеве народ батогами загнали в Днепр и Перуна били палками. А в Новгороде, для пушшего презрения к прежним идолам и кумирам, Перуна волокли «по калу». Летопись свидетельствует: «И по другим городам стали ставить церкви и определять в них попов и приводить людей на крещение по всем городам и селам. Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них; ибо не утвердились еще они в вере и плакали о них как о мертвых».

На этом кончается одна история и начинается другая.

Как говорили и писали раньше, крещение Руси было безусловно прогрессивным явлением. Поставившим нашу страну в русло христианской цивилизации.

А я здесь и сейчас скажу о том, о чем никто еще не говорил и не писал. О том, сказалось ли и как сказалось на судьбе нашей страны насильственное крещение?

Был ли другой путь? Безусловно, был. Свидетельство тому — древние хроники. По Северному Причерноморью гуляли в те времена отряды славяно-тюркско-варяжской вольницы, проще говоря — разбойников. Их называли русами, русью. В житии святого Георгия, архиепископа Амастридского (примерно IX век) рассказывается: «Было нашествие варваров — руси, народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия. Зверские нравами, бесчеловечные делами, обнаруживая свою кровожадность уже одним своим видом, ни в чем другом... не находя такого удовольствия, как в смертоубийстве, они... достигли наконец и до отечества святого, посекаяя нещадно всякий пол и всякий возраст».

Ворвавшись в храм, они бросились грабить гробницу святого Георгия, но неожиданно окаменели. И освободились только после молитвы за них одного из пленных христиан. После чего «они уже более не оскорбляли святыни».

Этот древний документ говорит, что в изначальные времена северные варвары сталкивались с христианской цивилизацией в Причерноморье. Во всех русских летописях упоминаются Корсунь и Тмутаракань (Херсонес и Тамань) не как дале-

кие края, а соседские, привычные. Проникновение христианства и христианской цивилизации на Русь через Крым было спокойным и неостановимым. Оно захватывало как народ, так и высшие слои. Пример тому — княгиня Ольга.

Владимир же с истинно варяжской грубостью и жестокостью сломал начавшийся эволюционный путь. Что, на мой взгляд, отразилось на дальнейшей истории Руси. Просто никто об этом не задумывался.

Одно дело — самому князю обратиться в веру.

И совсем другое — насадить веру в подданной стране насильственным путем.

Обратиться в веру — значит смиренно просветиться духом.

Насадить веру — значит возвыситься над ней, сделать веру и церковь инструментом своей власти.

В этом — коренное отличие православной России от Европы.

В этом — коренное отличие мусульманских стран от Европы.

Современная Европа возникла после церкви и веры. Вначале была вера, церковь, папство, а потом возникли государство франков, Англия, Германия, Италия, Франция и т. д. В Европе надо всем был и остался Папа Римский, глава католиков всего мира, наместник Бога на земле.

А у нас вначале было государство — Русь, Золотая Орда, великий князь и великий хан. Великий князь Владимир крестил Киев, батогами загнав народ в Днепр. А великий хан Узбек в 1312 году обратил всех в мусульманство, рубя несогласным головы. Это счастье, что Узбек, насильно вводя ислам в Золотой Орде, не ввел мусульманство в подданной ему Руси, не пошел поперек традиций. А по этим традициям ханы со времен Батыя покровительствовали Русской православной церкви. Одним словом, князь и хан дали нам веру и церковь. И потому вера и церковь всегда были у нас на третьих и четвертых ролях.

Конечно, неким противовесом княжеской власти был патриарх Константинопольский, который утверждал или назначал митрополитов на Руси. Да, с каждым годом и веком это назначение и утверждение становились все более формальным. Но тем не менее митрополиты хотя бы формально считались независимыми от Киевского, а затем Владимирского и Московского великих князей. Но и этой малой доли независимости государство не терпело. Надо сказать, что и сами наши митрополиты хотели быть самостоятельными, сами хотели быть

патриархами. Так совместными усилиями великих князей и митрополитов была порвана тонкая ниточка между Русью и Константинополем. И у нас стала своя автокефальная Русская православная церковь, свой патриарх. Разумеется, подчиненный великому князю, царю.

Но даже и в таком виде церковь мешала светской власти. Очень уж велик был в народе авторитет патриарха. Учтем еще, что патриархи Филарет и Никон были фактически правителями Руси в самые сложные времена и официально назывались, как и царь, Великими Государями.

И потому Петр Первый, укрепившись во власти, упразднил патриаршество, создав Синод и сделав церковь практически одним из департаментов государственного аппарата.

У мусульман же никогда не было единого церковного центра. После падения Багдадского халифата, где халиф соединял в одном лице светскую и высшую церковную власть, имамы и муфтии стали заложниками эмиров и султанов.

Когда вера приходит сама, завоевывая умы и сердца, — она приходит как благодать Божья, как высшая власть.

Когда крестят огнем, мечом и кнутом — высшая власть у того, кто держал тогда в руках кнут и меч.

Казалось бы, через века уже все забылось, давно уже все истинные урожденные христиане независимо от первого крещения. Ан нет. Ни один король Англии или Франции не мог сказать, что это его славный предок сделал христианами этих варваров. А у нас — мог, и говорил. И соответственно вел себя. Вспомним как крайний случай Ивана Грозного или Петра. Более того, смею полагать, что есть нечто выше нашего личного сознания — сознание общественное. Некая аура, витающая над той или иной страной, над тем или иным народом.

Религия, насажденная государственной властью, стала прислужницей государства — идеологической подпоркой. Таким образом, православие и мусульманство в России изначально не имели и не могли иметь того значения, какое имела церковь в Западной Европе.

Вот в чем наше отличие от Европы. Полагаю, именно поэтому мы стали такими, какие есть, и история наша сложилась так, как она сложилась.

Глава 4

СПАС НА КРОВИ

Самая жестокая битва в истории Руси и самый загадочный храм на Руси — в одном городе, в Юрьеве-Польском

«Золотое кольцо» ЦК КПСС

Почему Юрьев-Польской не включили в «Золотое кольцо»? Такой же древний, как Переславль-Залесский, в один с ним год основан великим князем Юрием Долгоруким. Конечно, не так богат монастырями и храмами, но все же... Сохранился земляной вал XII века, опоясывающий исторический центр, буквально завораживает глаз Михайло-Архангельский монастырь, в котором сошлись архитектурные стили нескольких столетий.

И, наконец, там, в Юрьеве-Польском — Георгиевский собор тринадцатого века, который даже среди уникальных памятников древнерусской архитектуры занимает особое место.

И тем не менее — Юрьев-Польской обойден. Что, конечно, обидно и досадно и властям, и самим горожанам. Ведь включение в туристский маршрут, по которому возят иностранцев, — это не только лестное «включение» в большой мир, но и немалая выгода. И деньги в бюджет пошли бы другие, и строительство давно бы здесь развернули, чтобы не ударить перед иностранцами лицом в грязь. Преобразился бы город. Но...

Никто не знает точно, в чем же причина. Может, в том, что неказист городок, сильно проигрывает соседнему Переславллю-Залесскому и тем более соседнему же Суздалию. Мол, опозоримся перед иностранцами. Хотя все тут спорно. Для кого «неказист», а для кого как раз мил своим тихим, почти сельским бытом, не изуродованным, как в некоторых районах Переславля, железобетонными и угольными свалками, угрюмыми заборами, зловещими каркасами и ангарами так называемой промышленной зоны.

Может, был там заводик или цех, работающий на оборонную промышленность. Какие-нибудь резиновые или ватные прокладки делали для танков или торпед. Вот и засекретили, закрыли город для иностранцев. Знаете, как было в советские времена: против оборонки никто слова не мог молвить. По каким-нибудь радиоголосам не то что директоров, а начальни-

ков цехов ракетных заводов по фамилиям называли и с выполнением квартального плана поздравляли, а в самом городе газеты не имели права написать, что этот завод «машиностроительный». Мол, нет у нас никакого «машиностроения».

А может, были тут резоны особые, **идеологические**.

Представим себе коридоры власти, где в начале семидесятых «утверждался» список городов, включаемых в «Золотое кольцо». На совещании в ЦК КПСС присутствуют люди самые разные, но среди них, конечно, есть ученые, которые объясняют, отвечают на вопросы. Учтем, что мероприятие с самого начала **идеологическое**, потому как, во-первых, иностранцы, а во-вторых, история. А уж когда они соединяются вместе, то бдительность удесятренная.

И вот представим, что, дойдя до Юрьева-Польского, выслушав рассказ о монастыре, расположенном там музее, Георгиевском соборе, большой партийный начальник спрашивает:

— А что там еще есть?

Ученые люди, не привыкшие к **количественному** критерию оценки памятников истории, тем не менее поддаются логике начальства и добавляют:

— Там еще рядом Липицкое поле, на котором Липицкая битва произошла.

— Какая такая Липицкая битва? — удивляется начальник.

Ученые рассказывают, объясняют, и чем дальше, тем сильнее хмурится начальник, атмосфера совещания недобро сгущается. Это чувствуют и ученые, но поздно — слово вылетело.

— Ни в коем случае! — постановляет начальник. — Не хватало еще иностранцам про **это** рассказывать.

— Так мы и не будем! — пытаются оправдаться ученые и начальники рангом поменьше. — Мы и не включили Липицкое поле в маршрут, да там и возить некуда и показывать нечего, иностранцы про него и не знают.

— Ну да, не знают! — саркастически обрывает их большой начальник. — А как только попадут туда, так сразу и начнут выспрашивать да выпытывать. А потом растрезвонят по «голосам». Нет уж, Юрьев-Польской вычеркиваем! И вообще! — поднимает он голову и обращается уже ко всем. — Внимательней надо быть, товарищи. Не вам объяснять, какая сейчас обстановка в мире, так что мы тут все должны учитывать!

Повторюсь — это мои домыслы, предположения. Возможная модель возможных событий. Скажем так, вполне вероятных. Потому что более весомых причин для невключения Юрьева-Польского в «Золотое кольцо» просто нет.

Страшная сеча на Липице

А малоизвестная и поныне Липицкая битва, или битва на реке Липице, близ города Юрьева-Польского — самая страшная в истории средневековой Руси сеча между русскими и русскими.

Чтобы представить масштаб ее, перечислим участников, удельные княжества, которые выставили своих воинов.

С одной стороны — все вооруженные силы Владимиро-Суздальского великого княжества. *«И были полки у них очень сильны, —* отмечает летописец, *— из сел погнали даже пеших».* То есть было нечто вроде тотальной мобилизации. Владимир, Суздаль, Муром, Переславль, Нижний Новгород, Торжок, Юрьев — всех собрали. А еще были в том войске и не владимирские люди, а пришлые, наемные, называли их бродниками.

Против владимирской рати вышли на поле битвы объединенные войска Новгорода, Пскова, Смоленска и Ростова Великого...

Рязанские в сече не участвовали. Рязани тогда не было. Накануне ее дотла сжег, камня на камне не оставив, великий Владимирский князь Всеволод Большое Гнездо.

Рязань всегда держалась наособицу. Но если бы вступила в нынешнюю распря, то наверняка бы на стороне Новгорода и против Владимира — своего заклятого врага. И это сразу бы дало новгородско-псковско-смоленско-ростовскому войску очевидное преимущество, потому что в те времена рязанцы считались самыми отчаянными вояками.

Особое ожесточение противостоянию придавало то, что в обоих лагерях и войсках во главе стояли выступившие друг против друга в смертельной вражде родные братья — сыновья Всеволода Большое Гнездо.

Вражда между ними началась из-за отцовского наследства. Умирая, Всеволод Большое Гнездо хотел, по обычаю, передать великое княжение старшему сыну, Константину, дав ему Вла-

димир, а второму сыну, Юрию, — Ростов. Но Константин захотел и Владимир, и Ростов. Им руководила не жадность, а боязнь за свою еще неполученную власть. Хотя Владимир и считался столицей великого княжества, но все же Ростов древнее, значительнее. Княжение Юрия в Ростове он посчитал угрозой для себя. Отец же разгневался и лишил его старшинства. Передал великокняжеский стол Юрию. По тем временам — поступок чрезвычайный, чреватый многими последствиями. Так и вышло. Сразу же после смерти Всеволода в 1212 году началась распря. Три года междуусобной войны привели к Липице...

Владимирской ратью командовали князья Юрий и Ярослав Всеволодовичи, помогал им младший брат Святослав, а в противостоящей объединенной новгородско-псковско-смоленско-ростовской армии вместе с Мстиславом Удалым тон задавал их старший брат Константин Всеволодович, князь Ростовский, боровшийся за то, чтобы ему, старшему из сыновей Всеволода, и достался по праву отцовский престол во Владимире. Да и Мстислав Удалой тоже не чужак — он был тестем своего врага Ярослава.

И все же, когда рати выстроились друг против друга, за день до битвы, противники попробовали договориться. К Ярославу и Юрию пришли послы с предложением: *«Дадим старейшинство Константину, посадим его во Владимире, а вам вся Суздальская земля»*. Юрий и Ярослав дали Константину такой ответ: *«Пересиль нас, тогда вся земля твоя будет»*. Потому что они накануне уже все поделили. После битвы смоленские ратники в одном из брошенных шатров нашли «грамоту», в которой письменно был закреплен их устный договор: *«Мне, брат Ярослав, Владимирская земля и Ростовская, а тебе — Новгород; а Смоленск брату нашему Святославу, а Киев дадим черниговским князьям, а Галич — нам же»*.

Все поделили.

А чтобы имена их не были отвлеченными, напомним, что Юрий — это тот самый Юрий, который через двадцать один год не придет на помощь рязанцам, бьющимся с Батыем. Что делать, в те века рязанцы и суздальцы были заклятыми врагами друг другу... И Юрий вскорости сам бесславно погибнет на реке Сити в битве с теми же монголо-татарами, которые, разгромив рязанцев, придут и на суздальскую землю...

А Ярослав впоследствии родит сына Александра, который станет Невским. Затем Ярослав, будучи после Юрия великим князем Владимирским, предложит русским князьям назвать Батыя «своим царем». Ярослава отравят в Орде по доносу боярина Федора Яруновича. Сыновья Ярослава, Александр и Андрей, убьют клеветника. Александр Невский станет побратимом ордынского царевича Сартака, приемным сыном Батыя и заключит союз Руси и Орды.

А князь Святослав после смерти Ярослава станет великим князем Владимирским. Но ненадолго. Его свергнет Михаил Тверской. Остаток дней своих он проведет в Орде, добываясь справедливости. Но в истории тихий и смирный Святослав останется другим — в 1234 году он закончит в Юрьеве-Польском строительство Георгиевского собора, не просто уникального, но самого загадочного творения древнерусской архитектуры...

Но это — будет потом, потом, через два десятка лет. А пока — войска стоят друг против друга. Одни — на Авдовой горе, другие — на Юрьевой горе. Меж ними — ручей Тунег. Чуть в стороне — речка Липица и то самое поле, куда они сейчас отойдут и где начнется та самая битва.

О предстоящей жестокости сечи говорило и то, что некоторые особо отчаянные воины на поле боя *«выскачили босыми...»*. Летописец никак не комментирует, не поясняет сию деталь. Видно, для современников она и не требовала объяснений. Мне же остается только предполагать. При тогдашних нравах мародерство, *«обдирание мертвых»*, то есть раздевание и разувание убитых, почитались чуть ли не нормой. И потому, наверно, демонстративно разуваясь, воин как бы объявлял, что не рассчитывает остаться живым, выходит на *смертный* бой. В предположении этом можно быть уверенным, если вспомнить, что некоторые князья в самые отчаянные схватки вели своих воинов с *обнаженной головой*. То есть знать снимала шлем, а простолюдины скидывали сапоги и лапти...

Когда закончилась сеча, *«можно было слышать крики живых, раненых не до смерти, и вой проколотых в городе Юрьеве и около Юрьева. Погребать мертвых было некому... Ибо убитых воинов Юрия и Ярослава не может вообразить человеческий ум»*.

За один день 21 апреля 1216 года в сражении на Липицком поле было убито *«девять тысяч двести тридцать три»* русских воина, гласит летопись.

Русский Спас

Но летопись не дает однозначного ответа: это *общие* потери или только одной стороны? Тогда — какой? Действительно, трудно представить владими́ро-суздальцев и новгородцев, совместно убиравших и считающих убитых. Поэтому некоторые историки полагают, что это потери лишь владимирского войска. Но почему владимирского? Ведь автор летописи новгородец, он и приводит эту цифру? Зачем ему, какое ему дело до потерь владимирцев? Да и зачем новгородцам пересчитывать на поле боя трупы своих врагов с точностью до одного? Значит, *«девять тысяч двести тридцать три»* — это новгородцы. Но если так, то сколько же погибло в тот день владими́ро-суздальцев?! Ведь потери *побежденных* всегда значительно больше. Страшно представить, сколько же всего там было убито русских людей. Мужчин в расцвете лет. При тогдашней численности населения это было равносильно чуме или моровой язве. О потерях владими́ро-суздальцев ярче всего говорит такой факт. Когда князь Юрий в одной сорочке, даже подседельник потеряв, загнав трех коней, на четвертом примчался к стенам Владимира и обратился к горожанам с призывом запереть ворота и дать отпор врагам, те ему ответили: *«Князь Юрий, с кем затворимся? Братие наша избита..»*

Впрочем, это — слова. Более предметно масштаб потерь — 9233 человека — можно представить, если знать: через шесть веков(!), в XIX веке(!), население губернского города Владимира составляло 13 200 человек!

Сколько же всего полегло в той владими́ро-суздальско-му́роморо-нижегородско-юрьевско-новгородско-смоленско-псковско-ростовской междоусобице, включая стариков и женщин, всегдашних жертв мародерства и пожарищ, никто не знает и не узнает. В одной из опубликованных бесед Л. Н. Гумилев с нескрываемым ужасом восклицает: *«Столько не потеряли за время войн с монголами!»* Однако, по сведениям, приводимым историком А. Н. Насоновым, в годину монгольского нашествия только на Галицкую Русь всего там погибло 12 000 человек. Анализируя эти и другие данные, Л. Н. Гумилев заключает: *«...следует признать, что поход Батыя по масштабам произведенных разрушений сравним с междоусобной войной, обычной (Курсив мой. —*

С. Б.) для того беспокойного времени». К концу своей жизни Владимир Мономах подсчитал и написал в «Поучении», что *«все-го походов было восемьдесят и три великих, а остальных и не упомяну меньших»*. Из них девятнадцать — на половцев, которых нельзя было назвать чужими, потому что русские распри были одновременно распрями их родственников, половецких ханов, и — наоборот. В общем, восемьдесят три похода за пятьдесят восемь лет княжения. Получается — **полторы войны на каждый год сознательной жизни**. И такую жизнь провел не какой-нибудь воспаленный маньяк-войка, а смиренный, глубоко верующий человек, призывавший: *«Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен в смерти, то не губите никакой христианской души»*, призывавший к миру своих кровавых братьев, которым еще Ярослав Мудрый завещал любить друг друга хотя бы *«потому что вы братья родные, от одного отца и одной матери»*. Вот они, братья... **Русский Спас, он точно на крови**. Правда, у других народов в те века было то же самое. Хотя был один еврей, который призывал построить **Спас на любви**, но все знают, чем это кончилось...

Но даже для смутных лет Руси та кровавая распря и завершившая ее битва на Липице — событие особо трагическое... И потому нельзя не согласиться с Л. Н. Гумилевым: *«Именно здесь в 1216 году была подорвана мощь Великого княжества Владимиро-суздальского, единственного союзника Новгорода в войне с крестоносцами»*.

Четыре года войны и завершившая ее битва на Липице закончились тем, что Владимир, Переславль-Залесский и другие владимири-суздальские города сдались на милость победителей — Константина и Мстислава Удалого. Константин сел на великий стол во Владимире, стал великим князем, а Мстислав стяжал себе еще один лист в венок своей славы рыцаря и полководца.

Через три года Константин умер, и великим князем вновь стал Юрий. Все вернулось на круги своя... А если читатель проникнется горечью и сожалением, и спросит небеса: зачем, за что загублено столько жизней? — самым правильным будет ответ: затем, что времена и нравы были такие, и с этим ничего не поделаешь...

А иностранные туристы не ездят в Юрьев-Польской и по сей день. И, за собственным отсутствием, *не просят* повезти их на Липицкое поле, рассказать и показать. Да и показывать там

нечего... В створе видеокамеры дрожит сухая былинка на ветру, за ней — буро-желтые весенние увалы, жесткая прошлогодняя стерня, черная пахота, нежная зеленая полоса озимых. А все остальное — буйный кустарник, корнистый и крепкий. Так и карабкается с бугорка на бугор, с увала на увал. *Горок*-то, поди, уже нет, сровнялись с землей. Глядь, какая старуха в Юрьеве еще вспомнит про *Юрьеву Горку*, да за голову схватится: то ли сама придумала, то ли неведомо откуда на язык пришло от прабабок еще. *Авдова гора* и вовсе не упоминается, про ручей *Тунег* никто и слыхом не слыхивал, а услышит — так примет за что-либо немецко-басурманское, язык сломаешь... Все поглотила и все забыла земля за восемь прошедших веков.

Конечно, здесь надо поставить памятник. Или крест. Или часовню. И не иностранцев, а наших людей надо возить сюда. Наших.

Кстати, повесть о битве на Липице написал новгородец. Он и не скрывает симпатий к своим. Но ведь те же смоленцы — *союзники* новгородцев, и летописец мог хотя бы к ним относиться дружелюбнее. Но нет. Он пишет: *«Новгородцы же не ради добычи бились, а смольняне бросились на добычу и обдирали мертвых...»* Но ведь знал же летописец, что мародерство по тем временам не считалось большим грехом, что мародерствуют и те, и другие, но поди ж ты, *своих* изобразил борцами только лишь за идею, а *смольнян* навеки пригвоздил к позорному столбу. Нет, того, что мы называем объективностью, не было и тогда.

Наших людей надо возить на Липицкое поле, наших...

Ряд безобразий всегда на виду

Лев Толстой, прочитав «Историю...» С. М. Соловьева, написал: «Приходишь к выводу, что рядом безобразий совершилась история России. Но как же так ряд безобразий произвели великое единое государство?»

Толстой субъективен. У Соловьева не только «ряд безобразий». Но Толстой прав в глобальном, общечеловеческом смысле. Только историк Соловьев тут ни при чем. И Россия — тоже. Упрек Толстого надо адресовать всему человечеству и каждому человеку в частности. Натуре человеческой.

Летописи и Хроники всех времен и народов — это войны, распри, раздоры, интриги и братоубийства правящих династий. На том стоит история. Во всяком случае, древняя.

Попробуйте найти в ней то, что было в промежутках между войнами и распрями.

А между тем в этих промежутках умом и руками людей создавалась Человеческая Цивилизация.

Но не только историки — мы сами не видим и не замечаем. Даже когда свидетельства созидательной работы у нас перед глазами.

Вот вам пример. Во время осады Москвы войсками Тохтамыша в 1382 году в Москве уже были огнестрельные орудия. Что-то вроде пищалей. Называлось — *тюфяки*. И даже пушки были! В малоизвестной летописной «Повести о нашествии Тохтамыша» прямо говорится: «*Тюфяки пущаху... пушки пущаху.*»

Вокруг того похода и доныне кипят страсти. Он, поход, от начала до конца представляет из себя загадку, некий средневековый шпионский детектив, где закрученная-перезакрученная интрига, где сплошь двойные и тройные агенты, и не понять, кто на кого работает, кто кого использует и какие интересы преследует. А еще надо учесть, что «Повесть...» за века несколько раз переписывалась, редактировалась в соответствующем духе. Так что — сплошная головоломка. (Вариант ее разгадки я предлагаю в главе «Заговор против Дмитрия Донского».)

И за всем этим для нас совершенно затерялся сам факт, что в Москве в 1382 году (!) было огнестрельное оружие! Быть может, купили его на Западе. А более вероятно, что уже были свои оружейники. Если колокола издревле отливали, то могли отливать и стволы. Да и слог летописи самый обыденный: *тюфяки пущаху, пушки пущаху...* Похоже, не были они тогда такой уж диковинкой.

А где пушки, там и порох. Значит, в Москве уже в 1382 году было свое пушечно-литейное и химическое производство! Но кто сейчас об этом знает и говорит?

Да и в самой летописи пушки упоминаются мельком, только лишь в связи с войной. Про войны — пожалуйста, про достижения ума и рук человеческих — ни слова.

То-то и оно...

Другой пример — Святослав, князь Юрьев-Польской. Кто его знает? Был он сыном Всеволода Большое Гнездо. Дядей

Александра Невского. Братом великого князя Ярослава, который призвал русских князей признать хана Батыя своим царем. Наконец, самые образованные знают, что после смерти брата Святослав стал великим князем, но его сверг Михаил Тверской.

И почти никто на Руси вам не скажет, что Святослав построил в 1234 году храм, каких не было, нет и не будет в истории человечества. Что Святослав пригласил (или принял на работу, или пригрел) и поныне неизвестного миру гения, масштаб личности которого просто несоизмерим с тем временем.

Так что, Лев Николаевич, историк Соловьев тут ни при чем. Это натура человеческая такая. Это не только С. М. Соловьева, а всех нас надо спрашивать: «Люди, почему у вас всегда и везде Миних и Безбородко — фельдмаршалы и канцлеры, а Пушкин — камер-юнкер? Или, если перевести на воинские звания, — лейб-гвардии полковник Пушкин... А если в гражданские чины — статский советник Пушкин... Много это или мало, а?..»

А творение того безвестного гения и малоизвестного Святослава — вот оно, всегда было и есть перед нами.

Храм

Девочка рисует на сером асфальте рожу с оттопыренными ушами, и, чтобы не было сомнений, кого она изобразила, крупно надписывает: «Вовка Никитен дурак, осел и глупый крокодил». У палисадников, на кудрявой траве, пасутся гуси. Бабушки беседуют на лавочках, а мужики перекуривают, сидя на свежераспиленных чурбаках: дрова к зиме уже заготовливают. К церковной железной ограде привязана палевая пушистая коза. Когда хозяйка подходит к ней, коза вытягивает шею и нежно целует хозяйку в лицо.

Идиллия маленького городка. Юрьев-Польской. Круглая церковная площадь. Тихий вечер.

И в центре площади, в центре этого обыденного житейского круга, приземистый каменный куб с таким же массивным, тяжелым куполом — Георгиевский собор.

Горожане, особенно те, чьи дома выходят окнами на площадь, его почти не замечают. Когда они родились, он уже сто-

ял здесь. И когда их отцы родились, он тоже был. И когда их деды, прадеды и прапрадеды... Для них он — масть пейзажа, как небо.

Георгиевский собор в Юрьеве-Польском — единственный на Руси.

Он сам по себе, еще с момента рождения, некая художественная загадка. А дорогу к ее решению как будто нарочно запутала судьба.

Нынешний собор построил в 1234 году практически неизвестный в истории князь Святослав, один из многочисленных сыновей Всеволода Большое Гнездо. При этом он разрушил старый, будто бы обветшавший храм, поставленный при основании города его дедом — Юрием Долгоруким, и на его месте возвел новый. Да такой, что спустя сто лет его взяли за образец при строительстве Московского Успенского собора.

Но в середине пятнадцатого века случилось непонятное — Георгиевский храм в Юрьеве-Польском обвалился. Любители предзнаменований могут вспомнить ту, старую, разрушенную церковь, и спросить: так ли уж обветшала древняя каменная кладка за каких-то восемьдесят лет, что ее надо было сносить с лица земли? Может, то гордыня говорила в Святославе, желание утвердить себя и построить свое? Пусть даже ценой разрушения старого храма. И вот, мол, расплата...

Кто теперь знает, как было на самом деле. Вообще-то князь Святослав был далеко не самым амбициозным из многочисленных буйных детей Всеволода, заливших немалой кровью родную землю. Скорее наоборот, Святослав был, по сравнению с братьями, тихим. Во всяком случае, удельный городок Юрьев-Польской в то время почти никакой роли в политике не играл, и летописями Святослав никак не отмечен.

В XV веке Юрьев-Польской был уже владением Москвы, и потому сюда из Москвы направили зодчего Ермолина с заданием — восстановить Георгиевский собор. Что он и сделал, собрал его из прежних блоков. Но при обвале некоторые блоки раскололись, и потому другая их часть оказалась «лишней», так что одного-двух поясов явно не хватает и нынешний собор гораздо приземистей, чем он был при рождении.

Вдобавок ко всему, многие блоки перепутались, чего нельзя было допускать никак, потому что они являлись составными частями единой композиции. Единой картины.

Суть в том, что Георгиевский собор в Юрьеве-Польском, пожалуй, единственный на Руси, снизу доверху украшен резьбой по белому камню.

С художественной стороны горельефы собора сами по себе давно уже признаны всеми специалистами «уникальными», «непревзойденными», «вершиной древнерусского искусства», так что не мне состязаться с ними в оценке. Я — о другом. О самом мастере и — о темах, о сюжетах его работы.

Гений

Итак, представим себе: на дворе у нас начало XIII века. Городок Юрьев-Польской — довольно глухой уголок Руси вообще и Северо-Восточной Руси в частности. Не Ростов Великий и не Муром, не Суздаль и не Владимир, тем более не Новгород и не Киев, не Болонья, Кембридж или Саламанка с их тогдашними университетами и богословскими кафедрами. Однако мир христианской культуры един. И потому вполне естественны и понятны сюжеты-композиции «Троица», «Преображение», «Семь спящих отроков эфесских», «Даниил во рву львином», «Вознесение Александра Македонского»...

Но дальше начинается нечто не очень понятное. Во-первых, львы. Их много, на всех стенах. Скорбные, мудрые, ухмыляющиеся, философски задумчивые, размышляющие, сложив тяжелую голову на скрещенные лапы в позе совершенно человеческой... Как будто сошли с древнеперсидских миниатюр, со страниц персидского эпоса и персидской истории, в которой традиционно львы — опора престола, гроза всем и всему. А здесь... Многовато их все-таки для владимирского городка, не самый популярный и не самый характерный зверь для тутошней природы. Ну хорошо, говорю себе, и древнеперсидские «львиные» мотивы не диковинка, потому как торговля всегда шла и персидские ткани всегда ценились, да и давно уже лев повсеместно стал символом мощи и власти. В Персии живые львы сидели по обе стороны от престола царя царей. В евангельских преданиях от Матфея и Иоанна лев становится символом могущества Христа. Лев появляется на знаках английского и шведского королей.

Произведения искусства — особая статья, они могут питаться и отраженным светом из глубины минувших веков, и фантазия-

ми и личными пристрастиями художника или группы художников. Но вот факт самый что ни на есть государственно-житейский: на гербах всех владимирских городов — лев. Лев с крестом.

Понятно, гербы городов появились в России уже при Петре Великом. Но задолго до этого лев был знаком галицких (нынешний центр Галиции — город Львов) и владими́ро-суздальских князей...

Наверно, трудно точно установить, где раньше появился лев — на храме Покрова на Нерли, воздвигнутом в 1157 году, или на знаках владимирских князей. Во всяком случае, на личной печати Александра Невского — а он жил век спустя — конный воин, поражающий копьём дракона...

Но ни древнеперсидские, ни русско-державные поздние львы не идут ни в какое сравнение с юрьев-польскими — загадочными, как сфинксы...

Однако и ангелы здесь тоже не совсем обычные. У них я, присмотревшись, увидел на горельефах четко прорисованные детали крепления крыльев к рукам! То ли автор знал миф об Икаре и Дедале и творил нечто по мотивам мифа, то ли... Впрочем, меня занесло, сдаюсь, поскольку в древнерусском искусстве мало что смыслю, и более чем вероятно, что за детали крепления я принял традиционные, постоянно повторяемые художественные приемы, как и доказывала мне музейная научная работница, поначалу даже растерявшаяся от неожиданности моего дилетантского предположения.

Но ведь среди тех, кто смотрит горельефы, специалистов — считанные единицы, так что мы, простые смертные, имеем небольшое право на свое восприятие и на удивление. И как же не удивляться этим сюжетам, столь непривычным для православных храмов. Позднее они будут расцениваться блюстителями церковных правил как «языческие» и даже «кошунственные», неподобающие для убранства церквей. Так их и не будет потом. А это — начало XIII века, и жесткого церковного канона для художников на Руси еще нет.

Вот, например, чудо-юдо непонятное: торс и голова человека с узкоглазым скуластым ликом — на туловище зверя. Лауреат Ленинской и Государственной премий доктор исторических наук Николай Воронин, всю жизнь отдавший изучению архитектуры Владимиро-Суздальской земли, называет эти существа кентаврами-китоврасами. Но ведь кентавры — это полулюди-полуко-

ни. А здесь же ничего лошадиного нет, туловище и лапы — львиные. Так что, скорее всего, это больше *сфинкс*, нежели *кентавр*.

Но в любом случае ясно одно: этот человек, автор, художник, мастер древний — одинаково хорошо знал мифы и о кентаврах, и о сфинксах, если сотворил по мотивам легенд нечто напоминающее и тех, и других. Кстати, все львы у него — почти с человеческими лицами. Чуть-чуть подправить — и юрьев-польской сфинкс. А на той стене, где изображены маски людей и зверей, совершенно отчетливо и сознательно все двойится: не то льво-человек, не то человеко-лев, а может быть, и человеко-волк...

Но и это не все. На одном горельефе рядом — целитель Козьма и... *грифон*. Это чудище из древневосточных мифов — помесь опять же льва с орлом.

Еще одна птица — на другом горельефе. Точнее, полудева-полуптица. *Сирена* — из древнегреческих мифов.

И еще сюжеты, понять, уразуметь которые я не могу, потому что знаний не хватает. А я все-таки книжки читал, поскольку в XXI веке живу, и ученые люди собрали эпосы, мифы народов мира, перевели на русский язык и таким образом дали мне возможность узнать их.

А тогда, повторю, на дворе стоял XIII век. Если точно — 1230 год. И университета в городке Юрьеве-Польском не было, и библиотеки, и книгопечатания, да и бумаги тоже... Князь был, дружинники были, смерды в курных избах, мастера-камнерезчики...

И был мастер, художник, автор. Человек, который все это придумал. Человек, который знал все мифы стран и народов тогдашней ойкумены. Не только знал. Он жил в них, трансформировал, переводил их на язык рисунка и камня. Кто он был, кем он был? Княжеского ли рода сын, вместо меча взявший в руки кисть и резец? А может, из дружинников, а то и из смердов? Где он учился, в каких краях? Или залетная птица? Из византийских, македонских, болгарских, ближних литовских пределов? Как попал он сюда?

Смотрю на городок, на сорняки в канавах, на избы и сараюшки, воображаю, каким же он был почти восемь веков назад. И поневоле хочется крикнуть изумленно: не мог в ту пору жить здесь такой человек!

Однако ж он был! Вот в чем дело!

Плотен туман восьми веков, трудно, невозможно вживе и въяве представить себе этого человека, тем более в тогдашнем

юрьев-польском быте. Имя бы знать, но имя неизвестно. И остается лишь вековой туман.

Хорошо, хоть знаем имя князя, задумавшего и волей своей поставившего храм. И не только имя — лицо его можем видеть воочию. Маска Святослава, кстати, из горельефа храма, сейчас хранится внутри, под стеклянным колпаком. Но я все равно боюсь за нее. Зимой собор промерзает насквозь, заледеневаает. Весной оттаивает, и потоки воды струятся по стенам. О реставрации же собора по нынешним временам и речи нет. Да и раньше не было. Несколько блоков-горельефов, оказавшихся «лишними» во время восстановления собора в XV веке, лежат прямо на улице. Так и представляешь себе какого-нибудь пьяного мужика с кувалдой, который, куражась, на спор вдребезги разбивает «каменюгу» с трех ударов...

Работая над книгой, я звонил в Юрьев-Польской, спрашивал, по-прежнему ли блоки лежат на улице. А мне сказали, что нет, они все в запасниках. И только я порадовался, как служительница музея добавила, что никогда они на улице и не лежали. Вот тут я и засомневался...

А про маску я уже говорил. Слов нет, драгоценная, древняя. Но... Иногда я думаю, что будь эта маска другого князя, тотчас бы забрали ее в Москву, хранили, показывали, писали и говорили. А что Святослав... Ничем и никому не известен. Если бы он сжег сорок деревень и городов чьих-нибудь или 10 000 русских людей вздернул на дыбу, тогда — да, тогда мы сразу признали бы его «исторической личностью» и создавали вокруг него легенды. А так — что ж... Ну, поставил храм. Пусть даже и единственный в своем роде. Ну и что. Этим нас не удивить.

Глава 5 НЕ СМЕШИТЕ МОИХ СТАРЫХ РВАНЫХ ТАПОЧКОВ...

Как только заходит речь о тайнах и парадоксах нашей истории, в широких читательских кругах тут же возникает вопрос: «А как вы относитесь к работам Фоменко?»

То есть исторические эскапады математика-академика А. Фоменко стали уже чем-то вроде популярного фильма. О них,

во всяком случае пусть даже понаслышке, знают почти все. Мы «Повесть временных лет» в полном, неурезанном виде не читали, что означает слово «полк» в «Слове о полку Игореве» — не знаем, а Фоменко — пожалуйста, у всех на устах. На всех прилавках. Гигантскими тиражами выходит. Так что феномен не в Фоменко, а в нас. И потому и тем более нельзя обходить его стороной. Нельзя отворачиваться ни в коем случае.

Новомодные исторические теории академика-математика Фоменко опровергаются очень просто. Одним примером. Если самые разные источники говорят о посланиях Папы Римского Иннокентия IV к великому монгольскому кагану Гуюку и Александру Невскому в 1248 году, то они были. И послания, и персоны, и год. Все хронисты-летописцы древности договориться не могли. Да и ради чего? Чтобы одурачить г-на Фоменко? Который не одурачился и ныне всех разоблачил? Как говорят в Одессе, не смешите моих старых рваных тапочков.

Но тем не менее серьезные ученые собирались в МГУ на специальную научную конференцию и приняли решение издать целый том материалов, разоблачающих теории А. Фоменко. И такая книга была издана. Правда, олимпийцы от науки могут сказать: «Не много ли чести? Зачем из пушки по воробьям?» Но «воробей» Фоменко — массовый. А к массовым явлениям, по-моему, не стоит относиться свысока.

Феномен Фоменко прост. Он — в пролетарском сознании большинства населения. У нас — особенно. С первых лет революции внедрялось, что простой человек заранее умнее всех этих очкариков... Не хрена нас учить, мы сами с усами. Одним махом — всех побивахом.

История увлекательна в книгах. А писать ее — утомительное занятие. Самая главная и самая трудная дисциплина в истории — источниковедение. Любое свидетельство, любую летопись-хронике ученый проверяет со всех сторон, каждый ее факт. Сопоставляет со всеми документами всех стран и народов! Потому как мало ли что может написать хронист! Забыл, перепутал, под влиянием ложных идей писал, под давлением князя-герцога-хана, который заставил умолчать свое поражение, зато велел приписать ему подвиг другого князя, в другое время совершенный. Потом, хроники ведь переписывались. А у переписчиков тоже были свои мысли и свои идеи на сей счет, они тоже что-то убрали и вставляли свое. Разбираться в этом — голову сломаешь!

То ли дело, узнав о противоречиях в летописях-хрониках, заявить: «Все это брехня! Все это сочинено в XVIII веке. На самом деле ничего не было! Дурают нашего брата!»

Какая радость для «нашего брата»!

Самую яркую иллюстрацию этого тезиса подбросила сама жизнь. В «Комсомольской правде» — газете с огромным тиражом — вышло интервью с Фоменко, в котором он утверждал, что Георгий Победоносец — это Чингисхан. А общий заголовок, которым газета снабдила это интервью и еще несколько мелких материалов, такой: «Георгий Победоносец — это Чингисхан. Только в чалме».

Фоменко неведомо, что культ Георгия Победоносца сложился за века до Чингисхана, что одно из первых иконописных изображений датировано аж X веком. А его поклонникам в редакции «Комсомольской правды» неизвестно, что Чингисхан **к чалме никогда и никакого отношения не имел**. Но «нашему брату» ведь все равно: если азиат — то мусульманин, и нечего тут сложности разводить... Так, одна литературная героиня из Шотландии считала, что за пределами Эдинбурга весь мир — это первобытные джунгли с редкими дикарскими стойбищами в Лондоне, Париже и Риме...

Вот в каком конфузе трогательно сошлись два апломба — Фоменко и его почитателей в редакции «Комсомольской правды», в редакциях многих других газет.

Еще один источник феномена Фоменко — Мечта об Одной Книге, в Которой Сказано Все. Не случайно же многие, в том числе и великий шахматист, говорят: «Ну все, теперь я все знаю, никакой историк меня с толку не собьет». Это и есть та самая мечта об Одной Книге. Не хочется всю жизнь читать и что-то узнавать по крупицам. А тут прочитал Одну Книгу — и сразу в дамках, все науки превзошел.

При всем при том у Фоменко всегда под рукой блистательный выход из положения. Он в любой момент может сказать: «Ребята, да я же вас разыграл! А вы и всерьез подумали!? Ха-ха!»

И все останутся в дураках. А Фоменко — в белом. Да ладно бы последователи и почитатели Фоменко — туда им и дорога. Но ведь и его опровергатели, серьезные ученые, тоже окажутся вроде как в неловком положении...

Но не надо этого бояться! Был уже такой случай, когда не сочли нужным... А потом не знали, куда глаза прятать...

Фоменко играет на скептицизме. И действительно, нас столько обманывали, что разрушителям и развенчателям теперь верят сразу, не задумываясь. А в семидесятые годы был такой же Фоменко, который играл на патриотизме. «Почему это история славянства ведется только с начальных веков нашей эры? — гневно вопрошал он. — Нет, славяне были задолго до нашей эры!» И начинал доказывать, что Ахилл — не кто иной как древнерусский князь (архонт).

Да-да, не смейтесь. Все тогда всерьез было. Его сочинения на сей счет издавались и переиздавались.

И ладно бы, на здоровье. Но дело в том, что никто и нигде ему не возразил. Не спорили! Боялись обвинений в «непатриотизме»... Лишь легкомысленный журнал «Юность» однажды, скорее всего по неосторожности, откликнулся на изыскания в юмористическом (!) разделе. Но тут же последовал грозный окрик из тогдашней «Литературной газеты»: кто вам дал право так непочтительно говорить об уважаемом писателе?!

Хорошо помню свой тогдашний разговор с крупнейшей специалисткой по античной литературе А. А. Тахо-Годи, кстати, женой всемирно известного исследователя античной философии и античной эстетики А. Ф. Лосева. Я спросил, почему она не вмешается в этот балаган, не скажет свое веское слово. Она посмотрела на меня как Зевесова орлица и сказала клеочущим голосом, испорченным древнегреческим произношением: «Молодой человек, вы нашли точное слово! Это балаган! И мы никогда не опустимся до этого балагана!»

Одним словом, олимпийцы. Но мне все-таки гораздо ближе и понятней позиция современных ученых, которые не стесняются испачкать свои белые одежды спором с Фоменко. Хотя... известна почти притча о том, как на экзамене по английскому некий недоросль стал читать: «Тхе...тхе...» На что преподаватель сказал: «Молодой человек, идите...» Потому что когда начинается «Тхе, тхе...», то говорить совершенно не о чем.

Точно так невозможно всерьез спорить с Фоменко, который утверждает, к примеру, что «Ватикан» ведет свое название от русского «Баты-хан», а точнее, «Батя-хан», потому что именно так русские звали хана Батю и принесли его отеческое имя в католическую столицу! Понимаете, это уже полное «тхе...». Но — надо спорить. И опровергать. Как писал Л. Н. Гумилев, задача

науки — борьба с невежеством. И с шарлатанством тоже — добавлю я от себя. Хотя я и не научный работник, и мне достаточно услышать «тхе, тхе, тхе», чтобы сказать: «Идите...»

Глава 6

Княжеский крест

Александр Невский — спаситель или предатель Русской земли?

Уничтожать свою историю мы мастера. Равно как и мастера исказить ее в ту или другую сторону. Именно об этом и именно такими словами думал я, сидя ранним утром в большой лодке посреди Плещеева озера.

Слева от меня на фоне неба четко прорисовывались купола Никитского монастыря. Понятно, когда храм стоит прямо на берегу, над тихой водой. Но ведь Никитский монастырь в большом отдалении отсюда, на взгорках — а все равно непостижимым образом отражается в озерной глади!

А прямо по носу лодки — город Переславль. Причал, забитый маленькими суденышками, — рыбацкая слобода. Метров двести правее, где в озеро вливается река Трубеж, — Сорокоствятская церковь. Если пойти вверх по реке, по древнему земляному валу, откроется Спасо-Преображенский собор. Их, таких, всего три на Руси. Но первый — этот, Спасо-Преображенский в Переславле. За ним возник Покрова на Нерли, затмивший все. И почти век спустя поднялся в Юрьеве-Польском родственный им Георгиевский собор...

В XIII веке Спасо-Преображенский собор переходом соединился с деревянными палатами князя Ярослава. По всей видимости, именно в этих палатах и родила половецкая жена Ярослава маленького княжича Александра.

Этот человек определил судьбу народа.

Однако споры о его роли в истории Руси длятся и поныне.

«Есть такой сатана русской истории — Александр Невский. У него была цель — княжить во Владимире, и ради шкурных интересов он насадил на Руси лютое татарское иго. И сделал это самым гнусным образом — предав брата».

(М. Горелик «Огонёк»)

«Русский народ, русская свобода были преданы и проданы изнутри. Они стали жертвой своего рода заговора. И ключевой фигурой его был русский «национальный герой» Александр Невский... Александр родился в семье Ярослава... Именно от него (Ярослава. — С. Б.) исходила идея исторического предательства, именно им-то и принято было роковое решение отдать Русь азиатским пришельцам ради установления деспотической системы власти. Позор русского исторического сознания, русской исторической памяти в том, что Александр Невский стал... знаменем того самого народа, чью историческую судьбу он жестоко исковеркал».

(М. Сокольский. «Неверная память». М., 1990)

«Можно ли считать великим национальным героем татарского прихвостня, капитулянта и коллаборанта по имени Александр?.. Человека, который своими руками насаждал иноземное господство, призывал на собственных братьев монгольские рати (главным русским князем его поставила именно Неврюева рать, науськанная им на старшего брата Андрея)... побратался с Сартаком Батыевичем, а потом подписал с Берке все условия вассальности и данничества... После чего не стеснялся водить свои дружины против несогласного с этим русского населения.

Культы Сталина и Ленина «разоблачили», причем настолько успешно и убедительно, что шансов на их возрождение нет. Культа из Петра I не получается. Слишком много о нем известно такого, что святоподобная фигура не складывается. Остается один Александр Ярославич из рода Рюриковичей по прозвищу Невский. Интерес к нему никогда не угасал, но в последние годы он приобрел черты, почти не уступающие формам прославления Иосифа Виссарионовича. Точно так же игнорируются факты, противоречия и вещи совершенно очевидные, но не укладывающиеся в общепринятую схему. Относится это к разряду общественных патологий.

Как судить о народе, который сам себе придумал, высосал из пальца и поставил в главные национальные герои и символы фигуру, которую, как ни крути, иначе чем предателем не назовешь?»

(Николай Журавлев, Интернет-журнал «Арба»)

«Александр Невский был первым из великих князей русских, который вместо сопротивления татарам пошел на прямое сотрудничество с ними. Он начал действовать в союзе с татарами против других князей: наказывал русских — в том числе и новгородцев — за неповиновение завоевателям, да так, как монголам даже не снилось (он и носы резал, и уши обрезал, и головы отсекал, и на кол сажал)... Но сегодняшнее мифологическое сознание воспримет известие о том, что князь фактически являлся «первым коллаборационистом» совершенно однозначно — как антипатриотическое очернительство».

(Ю. Афанасьев, журнал «Родина»)

«Александр Невский... Герой, святой, наше знамя... Он сказал татарам: я вам соберу дани больше, чем вы сможете. Но за это подмогните побить моих соседей. Подмогли и побили. И дали ему титул великого князя...»

(Ю. Афанасьев, «Общая газета»)

Вот так пишут нынче об Александре Невском некоторые российские историки и публицисты.

Обвинения Александра Невского в предательстве не являются изобретением наших современников. В западной исторической науке об этом еще в незапамятные времена писали польский ученый Уминский и немецкий историк Амман. Из современных западных историков договор Александра Невского с Ордой назвал «позорным и бессмысленным» англичанин Джон Феннел.

Увы, и русская историческая наука XIX века относилась к Невскому достаточно прохладно. Правда, тогдашние ученые не осмеливались открыто обвинить святого князя. Это называлось бы святотатством. И потому в трудах основоположников, Соловьева и Ключевского, он упоминается мельком. Пусть даже и уважительно.

А вот русские зарубежные и советские историки XX века уже не стеснялись. В 1931 году в Париже вышла книга Георгия Федотова, в которой прямо говорится, что святой-то святой, а в «Житии...» почему-то не написано, что он с ордынцами дружил, «перед ханом унижался» и тем самым унижал всю Русь...

И в Советском Союзе, до 1940-х годов, Александр Невский считался предателем. В Малой советской энциклопедии

1930 года о Невском писали так: *«В 1252 году А. достаёт (чувствуете отношение: «достаёт»! — С. Б.) себе в Орде ярлык на великое княжение... Подавлял волнения русского населения, протестовавшего против тяжёлой дани татарам. «Мирная» (в кавычках! — С. Б.) политика А. была оценена ладившей с ханом русской церковью: после смерти А. она объявила его святым».*

В общем, интриган, предатель и угнетатель русского народа, вместе с церковью продавшийся Золотой Орде. Никак иначе... Однако тем самым косвенно признавался союз Александра Невского и Русской церкви с Ордой!

Так продолжалось до 40-х годов, когда начался сталинский период его героизации: Отечественная война, немцы-захватчики... Когда вышел одноименный фильм, сделавший Александра Невского народным героем, защитником Руси от нашествия тевтонов... И тогда уже любое упоминание об Орде было изъято из всех книг.

В результате исторических умолчаний и сокращений сама фигура Александра Невского повисла в воздухе, превратилась в некий исторический фантом. Всего одиннадцать лет был он великим князем на Руси. За что его причислили к лику святых? Ведь не за сражение на Чудском озере: как-то, по-житейски говоря, маловато... За что его считают национальным героем? Неизвестно...

И в тех, и в других случаях всячески **замалчивалась и замалчивается суть политики** Александра Невского. Замалчивается **главный конфликт эпохи** — крестовый поход Запада на Русь, начатый после того, как Александр отказался принять католичество. Замалчивается **главный союз той эпохи** — военно-политический союз Руси и Орды.

Начнем с обвинений в заговоре.

Отец Невского, князь Ярослав, не мог навести монголов на Русь. Потому что он был тогда не очень значительной фигурой, удельным князем в Переславле-Залесском. А самое главное — он о монголах, возможно, и не знал. Да-да, на Руси тогда вовсе не знали или мало что знали о существовании монголов. А монголы, в свою очередь, быть может, только слышали о Руси и русских. На Русь они попали в азарте погони... Никто не может сказать, что толкнуло монголов в тот западный поход. Нельзя же всерьез брать за основу марксистские утверж-

дения о нехватке пастбищ. Это при тогдашнем-то населении?! До сих пор почему-то хватает.

Да, племенной союз Чингисхана постоянно враждовал на западных границах с половцами-кипчаками, прямыми предками нынешних казахов. Однако дело ограничивалось большими или малыми набегами, стычками на спорных территориях в приграничье, но тотальных военных действий не было. Почему же Чингисхан начал большую войну?

Есть очень интересная и, на мой взгляд, убедительная версия... Наверно, она будет неприятной для моих соплеменников-казахов, но из песни слова не выкинешь. А из истории — выкидывали! В советские времена официальная наука и литература пытались хоть как-то отделить половцев-кипчаков, предков казахов, от империи Чингисхана, от Орды, много писалось о том, что казахский город Отрар первым принял удар монгольских туменов. И это действительно было так. Сейчас та же наука утверждает, что Чингисхан был чуть ли не казахом, во всяком случае — тюрком уж точно, потому как имя его — Темучин. На общем собрании родов, провозгласивших его Чингисханом, большинство представляли не монгольские, а тюркские роды, и среди них — кияты, меркиты, жалаиры, аргыны — самые обычные нынешние казахские роды, составляющие нынешний казахский этнос. И это тоже правда.

Но и то, и другое — лишь части правды.

Известно, что Чингисхан налаживал дипломатические связи своего молодого государства с миром, покровительствовал торговле. В 1219 году из Монголии в страну хорезмшаха Мухаммеда пошел один из крупнейших и богатейших караванов в истории средневековья. На одном из переходов он остановился в кипчакском городе Отраре, уже владениях хорезмшаха. Отрар — знаменитый город азиатского средневековья, здесь родился Аль Фараби — второй Учитель мира после Аристотеля. Мои соплеменники казахи гордятся Аль-Фараби, считают его своим, кипчаком-половцем из доныне существующего казахского рода берш, гордятся Отраром, его историей и культурой. И как-то все время умалчивается, что именно в Отраре и был разграблен тот знаменитый караван, а купцы и слуги убиты. И не разбойниками какими-нибудь, а кипчакским правителем города и его гвардейцами-сардарами-кипчаками. Но гра-

бить купцов, остановившихся в вашем городе, под защитой законной власти — это полный беспредел. Только таким словом из современного уголовного лексикона можно наиболее точно определить то, что произошло. По средневековым понятиям этому просто нет слов. Средневековый мир ахнул. Средневековый мир Востока жил по четким правилам — послы и купцы неприкосновенны! Чингисхан отправил послов к хорезмшаху, чтобы получить объяснения, но тот одних послов выгнал, а других — убил. Вот тогда-то, чтобы наказать тех, кто разграбил караван, наказать хорезмшаха, и начал Чингисхан войну, послал три тумена — три конные дивизии под командованием Субудай-багатура, Джэбе-нойона и Тугачара...

В том первом походе, преследуя хорезмшаха, загнав его на безлюдный остров в Арале, монголы оказались у Кавказа. Разгромив попутно грузин, вышли через перевалы к половцам в тыл и рассеяли конницу хана Котяна и хана Юрия Кончаковича, сына того самого Кончака: с одной стороны, врага князя Игоря, известного по «Слову...», а с другой стороны — его свата. Кстати, Юрий Кончакович, как и многие половцы, был крещен в православии.

И здесь-то монголы столкнулись с русскими... Если бы Чингисхан изначально замыслил поход на Русь, то зачем было коннице делать крюк в несколько тысяч километров, аж через Кавказ перебираться?

Половцы, как известно, бросились к русским князьям, своим сородичам. И попросили защиты. На совете русских князей активнее всех в защиту половцев выступал Мстислав Удалой, князь Галицкий — вояка по натуре, он был к тому же зятем половецкого хана Котяна.

Монголы, случайно попав на Русь, впервые встретив русских, отправили к ним послов. Мол, мы вас не знаем и никакого зла на вас не имеем, но отдайте нам половцев — и мирно разойдемся: *«С вами нам нет войны... Мы вашей земли не занимали, ни городов ваших, ни сел, на вас не приходили...»*

На вас не приходили!

Но русские князья вступились за половцев. Честь им и хвала, что не выдали родственников. Но при этом русские князья убили послов. То есть совершили, по монгольским понятиям, страшное преступление против закона и морали!

Результаты битвы на Калке известны.

Другое дело, что о «случайности» тут можно говорить весьма условно. Монголы и русичи должны были столкнуться **по логике событий**. Воюя с половцами, тесня их, монголы не могли не попасть на Русь. И русские не могли не заступиться за половцев. Другое дело, что произойти это могло иначе. Но произошло так, как на Калке...

Затем, через 14 лет, начался поход уже под водительством хана Батыея. Как считает Л. Н. Гумилев, одним из поводов для него было стремление найти и покарать тех, кто **убил послов**. Но цели завоевать Русь у монголов не было. Они прошли ее военным маршем за три года и направились далее в Европу. Нигде в русских городах не осталось монгольских гарнизонов.

Кстати, и здесь были половцы. К тому времени вся половецкая земля вошла в состав монгольской империи, и половцы стали самыми многочисленными ее подданными, ударной военной силой. С того времени горстка монголов практически растворяется в половецкой, тюркской массе. Но в тот поход Батыея, второй поход монголов, одна половецкая Орда бежала от монголов в Венгрию. Это была Орда хана Котяна, того самого, который был еще при Калке, когда убили монгольских послов. Монголы устремились вслед за ней и ворвались в Европу...

Непонятно, каким образом еще в пушкинские времена возник миф, что Русь остановила монголов и таким образом спасла Европу. Миф, живущий и доныне. В двух сражениях монголы наголову разгромили польско-немецкую армию Генриха Благочестивого и венгерско-хорватскую армию Белу IV. И вышли к Адриатике. Но тут в Каракоруме умер великий каган Угэдей. Монголы обязаны были прекратить все военные действия вплоть до выборов нового кагана. И хан Батый повернул коней...

Вернувшись из Европы, Батый обосновался в низовьях Волги, где и построил город Сарай и основал Золотую Орду. С этого времени и начинается то, что одни называют татаро-монгольским игом, а другие — установлением вассальных отношений Руси и Орды, вхождением Руси в Золотую Орду и в монгольскую империю. На правах вассального государства.

И вот здесь уже можно говорить о роли князя Ярослава, к тому времени ставшего великим князем Владимирским, и его сына Александра, уже ставшего Невским. Князь Ярослав в 1245 году предложил русским князьям признать Батыея «своим царем», а Александр в 1257 году окончательно оформил союз Руси и Орды.

Да, Александр Невский верно служил Золотой Орде. Более того, князь Александр был **приемным сыном хана Батыея и названным братом Батыева сына — царевича Сартака**. В те времена легко преступали через кровное родство — могли убить родного брата, если стоял на пути к власти, шел поперек. Но **названное братство почиталось как святыня и было незыблемым**.

Таким образом Александр Невский обеспечил себе поддержку Орды в отражении крестового похода на Русь и православную веру, начатого Римской католической церковью в XIII веке.

После взятия крестоносцами в 1204 году Константинополя православный патриарх ушел в Никею, и, таким образом, Рим мог считать, что оплот православия на Востоке практически уничтожен. После этого ощутимо усилился натиск католической церкви на Русь...

Стоп! Стоп! Стоп! Во время одной из бесед со студентами я понял, что об этом нельзя вот так, походя, в придаточном предложении, как о вещах общеизвестных! Необходимы подробные пояснения. Потому что многие не знают... Или, по крайней мере, не задумываются. Это ведь как массовый гипноз. А на самом деле — глобальное искажение русской истории. Навязанное давно, еще в XVIII веке, и покорно воспринимаемое поныне. Как сказал мне один студент: «И мы с этой лапшой на ушах живем три с лишним века?!»

Да, живем. Во-первых, трехвековой гипноз преподавания истории. Во-вторых, пиетет перед Западом. И потому отдельные слова о многовековой экспансии Запада против Руси пролетают мимо ушей и сознания.

Вот почему я здесь сделал паузу. Перерыв. Чтобы не в придаточном предложении сказать, а — остановить внимание.

Задумаемся же над очевидным. Предположим, что в XIII веке русские войска взяли штурмом, разграбили, сожгли Рим, и Папа Римский бежал, к примеру, в Неаполь. Представляете, сколько места в мировой истории было бы посвящено этим событиям!? А у нас про штурм и разгром Константинополя — мелким шрифтом несколько строчек...

Спросим себя: почему, на каком основании армия крестоносцев, армия христианского Запада, в 1204 году взяла штурмом, разграбила и сожгла христианский город Константинополь!?

Да потому, что для Римской церкви в те времена не было никакой разницы между православными византийцами, пра-

вославными русскими и мусульманами-сарацинами. И те, и другие, и третьи — общий и одинаковый объект крестовых походов. Потом в сферу этих «объектов» Римская церковь, на свою беду, включила и монголов...

Итак, после падения Константинополя ощутимо усилился натиск Римской церкви на Русь. Доходило до того, что папа Гонорий III и вслед за ним папа Григорий IX объявляли Руси экономическую блокаду. То есть запрещали соседним государствам торговать с русскими городами, в первую очередь — оружием и продовольствием. Тогда же, в самом начале XIII века, их устами русские были названы «врагами веры», а в 1256 году объявлен «крестовый поход против схизматиков и татар», то есть против Руси и Орды. И наконец, уже папа Климент VI отчеканил формулу противостояния Рима и Руси. «Русские — враги католической церкви», — написал он твердой рукой. И шведские, и немецко-орденские, и литовские походы на Русь возбуждались и координировались из одного центра.

Русские князья к тому времени уже разделились на сторонников Орды и сторонников Запада, склонных к введению на Руси католичества. Никто из историков не говорит и не задается простым вопросом: а за что Русская православная церковь причислила Александра Невского к лику святых? А ведь тогда интересы церкви были неотделимы от интересов народа, страны и государства. И значит, были у Невского совершенно особые, исключительные заслуги перед православной верой и русским народом. Какие? И если Золотая Орда — зло для страны и народа, то почему православная церковь причислила к пантеону святителей князя, который был приемным сыном хана Батые? Почему?

Ответ на эти вопросы тянет за собой такие неприятные для тогдашних историков выводы, так не укладывается в западную систему русской истории, что лучше на них не отвечать. Лучше — промолчать, утаить.

Посмотрим многотомный труд С. М. Соловьева «История России с древнейших времен». О ключевой фигуре русской истории — святом великом князе Александре Ярославиче Невском — там говорится сжато, сухо и без всяких объяснений: отверг предложения Папы Римского, с армией монголов напал на брата Андрея... А почему на брата родного меч поднял?

Какие посулы Папы отверг? С какой это стати Батый дал Александру армию? Ни слова. Потому что тогда надо говорить, что Папа Римский предлагал одновременно великому монгольскому кагану Гуюку и князю Александру перейти в католическую веру, что оба они отвергли союз с Римом, а Даниил Галицкий согласился и получил через несколько лет титул «Русского короля»; тогда надо говорить, что Андрей породнился с Даниилом, а ведь Андрей был тогда великим князем Владимирским... Таким образом, вся власть на Руси принадлежала сторонникам прозападного курса развития, говоря современным языком! Но в те времена этот «курс» однозначно предполагал принятие католичества и подчинение Риму.

Александр Невский тогда княжил в потерявшем свое значение Киеве. Он немедленно помчался в Орду, к Батыю. Вот тогда-то и связали себя навек клятвой в побратимстве сын Батыя христианин-несторианин Сартак и православный христианин Александр. Батый, став приемным отцом Александра, дал ему конницу Неврюя для похода на Андрея... Это был страшный, кровавый поход, оставшийся в летописях как «Неврюева рать». Ордынцы и русские во главе с Невским огнем и мечом уничтожали своих же русских во главе с князем Андреем и князем Даниилом. Андрей бежал в Швецию, Александр стал великим князем Владимирским, немцы приостановили наступление на Псков и Новгород...

Так сплелись судьбы князей и судьбы государств и народов.

Ю. Афанасьев говорит *«о глубочайшем различии между галицкими и московскими князьями»*. Московских князей он характеризует как *«подлых и коварных коллаборационистов, которые, выступив на стороне татар, казнили и угнетали свой народ хуже, чем любые завоеватели»*. М. Сокольский, утверждая, что Александр Невский *«жестoko исковеркал историческую судьбу»* русского народа, противопоставляет Александру Невскому князя Даниила Галицкого. Вот, мол, по какому пути надо было вести Русь, вводить ее в русло западной цивилизации.

Даниил Галицкий, напомним, приняв католичество, был возведен Папой Римским в сан «Русского короля».

Что ж, посмотрим, что они, Александр и Даниил, оставили после себя. Будем судить по результатам.

После Александра Ярославича Невского, после его духовных и кровных наследников остались Владимирская и Москов-

ская Русь, из которых выросла могучая Россия. Вот она, перед нами.

А после Даниила Романовича Галицкого, уже через 85 лет после его смерти, Галицко-Волынская Русь была разделена между Польшей и Литвой (1349 г.), а впоследствии полностью отошла к Польше. На пять веков! Причем без сопротивления, практически без единого выстрела! То есть Западная Русь перестала существовать. А славяне, ее населяющие, белорусы и украинцы, на пять веков стали «быдлом» и «холопами»!

Я не могу понять логики Сокольского, Афанасьева и других. Или они хотели бы и для Владимирской Руси участи галицко-волынского населения, потерявшего свою государственность и веру? Тогда конечно, тогда Даниил Галицкий — идеал.

Вот еще один самый простой пример, сопоставление, которое я не устаю приводить вновь и вновь. Потому что все вроде на виду, но ведь никто не смотрит, не видит очевидное, не складывает два и два! В городах Киевской и Владимирской Руси, бывших «под игом», и донныне сохранились: Софийский собор, Золотые ворота, комплекс Киево-Печерской лавры, Выдубецкий монастырь, церковь Спаса на Берестове, Кирилловская церковь... Это — в Киеве. В Чернигове — Борисоглебский собор, Спасо-Преображенский собор, Пятницкая церковь, Спасо-Преображенский монастырь в Новгороде-Северском... Во Владимире — Успенский собор, Золотые ворота, Дмитриевский собор, храм Покрова на Нерли, собор в Боголюбове, Георгиевский собор в Юрьеве-Польском, собор Рождества Богородицы в Суздале, Спасо-Преображенский собор в Переславле, Софийский собор и церковь Спаса на Нередице в Великом Новгороде, соборы Мирожского и Ивановского монастырей во Пскове...

Я называю только **памятники мирового значения**, только **XI—XIII** веков. А то, что построено после, даже и не называю за именем места. Однако про древние города, где они стоят до сих пор, в словарях и справочниках по-прежнему пишут: «разрушен монголо-татарами». Вот откуда растут сокольские, кстати...

А теперь посмотрим на древние славянские города Гомель, Житомир, Минск, Могилев, Львов, Луцк, Ровно, Ужгород, отданные Даниилом под власть «культурного католического Запада». **Здесь нет ни одного православного храма XI, XII, XIII, XIV, XV и XVI веков!**

Все было стерто с лица земли. Римская католическая церковь не признавала равенства религий, в отличие от Чингисхана.

Другими словами, после Даниила, уже через 85 лет после его смерти, канула в небытие Галицко-Волынская Русь. Не осталось ни государства, ни веры, ни древних церквей... Кто же более «исковеркан»?

Названное братство Александра с Сартаком и положение приемного сына Батыя положили начало военному союзу Руси с Золотой Ордой, который всячески поддерживали и крепили продолжатели дела Александра Невского. Рядом с русскими ратниками сражалась против крестоносцев и ордынская конница. А Запад монголов боялся как огня...

Тем же, кто в течение веков этот союз, основанный на политической и другой выгоде, называет «игом» и все время ссылается на «дань», можно напомнить: дань русские начали платить **через двадцать лет** после начала Батыева похода! И каковы же были размеры той пугающей дани? Московское княжество, как указано в завещании Дмитрия Донского, платило 960 рублей в год. А вся Русь в XIV веке — 5 000 рублей. При тогдашнем населении 5 000 000 в итоге получается — 0,1 копейки на человека. Тогда на копейку можно было купить пуд хлеба. В общем, дань составляла полторы буханки хлеба на человека в год. (С. М. Каштанов. «Финансы средневековой Руси». М., 1988. С. 9,10.)

А если учесть, что выплата дани началась как раз тогда, когда Папа Римский объявил крестовый поход против «схизматиков» (православных) и «татар», то это уже не дань, а общий котел для ведения войны, военный налог. Так что речь, скорее всего, надо бы вести не об «иге», а о вассальном государстве.

Объективно, Александр Невский спасал Русское государство и православную веру, за что и был причислен церковью к лику святых.

Смерть его — до сих пор тайна. Историк Л. Н. Гумилев пишет, что не могут не наводить на некие предположения в один год наступившие смерти Александра и великого князя литовского Миндовга (Миндаугаса), убитого на охоте. Тогда еще Литва не стала полностью и окончательно католической. Недавно обращенный католик Миндовг за три года до смерти отрекся от католичества, объявил войну крестоносцам и начал переговоры с князем Александром. Они вдвоем, да при поддержке

Орды, составили бы тогда несокрушимую силу, непроходимый щит против западной экспансии. Так что убийство Миндовга почти не оставляет места для домыслов.

А вот смерть Александра Невского необъяснима. Но коли зашла речь о гипотезах, не могу не упомянуть предположения Л. Н. Гумилева: великий князь мог умереть оттого, что мы называем современным словом «стресс».

Чтобы осознать парадоксальную точность этого современного слова по отношению к тем временам, надо представить себе короткую жизнь Александра...

Вечные стычки с Новгородом. Эта неблагодарная вольница умела только буянить. Как только нависала над городом опасность — звали Александра. Он приходил, спасал — а потом уже новгородцы проявляли свой «вольнлюбивый» нрав. По отношению к нему, разумеется...

Неожиданная смерть отца, князя Ярослава, в Каракоруме, на коронации великого кагана Гуюка. Где они, Ярослав, Александр и Андрей были почетными гостями.

Затем — смертельный раздор с родным братом, с Андреем. Война, в которой Александр победил и изгнал родного брата из страны.

Незадолго до заключения официального союза с Ордой умирает Батый, приемный отец и покровитель — стена несокрушимая. Ханом Золотой Орды становится его сын Сартак — христианин несторианского толка, побратим Александра. Но в тот же год погибает от яда и Сартак. К власти приходит брат Батя — Берке. Берке — мусульманин. И стоит за новую веру в Орде. Но на Русь это требование, как и затем при мусульманине Узбеке, не распространяется.

Мы не знаем, что чувствовал Александр, когда одна за другой рухнули две его главные опоры в Орде — приемный отец и названный брат. Быть может, у него возникло желание отомстить? Ведь в Сарае тогда многие говорили, что Сартак был отравлен не без участия Берке. Дескать, Берке после смерти грозного Батя сам решил поцарствовать...

По всем законам Александр должен был отомстить за смерть названного брата. Мог ли он это сделать? Если бы захотел, мог. В Орде у Берке тоже было немало противников, и они с радостью приняли бы в свои ряды могучего союзника Александра,

хозяина Руси. Не будем забывать, что Русь хоть и была подчинена Золотой Орде, но в то же время Золотая Орда, сам Батый нуждались в Руси как в мощном союзнике. Союз с Русью помогал владыкам Золотой Орды держать себя независимо в отношениях с верховными каганами в Каракоруме... Так что Александр в Орде был влиятельным человеком.

В общем, Александр мог примкнуть к противникам Берке и принести тому немало неприятностей, если бы захотел. Но, может, он не верил сплетням? А если верил, то что его удержало?

Так или иначе, а Александр не подвергал ни малейшему риску дружеские отношения с Ордой, с сегодняшним ханом Золотой Орды, кем бы он ни был. Александр, ни минуты не колеблясь, шел к своей цели. К тому, что замыслили еще его отец Ярослав и хан Батый, чему он сам отдал все годы своего великого княжения.

Все прежние устные договоры остаются в силе. И наконец-то заключен официальный союз с Ордой (с Берке!) о военной помощи с платой в виде ежегодного налога — «выхода». С этого момента, с 1257—1258 годов, через двадцать(!) лет после похода Батя, и начинается то, что наши историки назвали данью.

Невский везет ордынских баскаков в Новгород для переписи и учета «выхода». И тут получает страшный удар от родного сына Василия. Василий, пьяница и буян, поднимает бунт против отца и ведет заговорщиков убивать ордынских посланников. В тот миг на карте стояла судьба всего дела Александра и Руси. **Убийства послов монголы не прощали никогда.** Спасибо верной дружине. Александр выводит послов из города и получает свободу рук. И — карает бунтовщиков. Вот, наверно, откуда слова Афанасьева: «Он убивал русских, обрезал им носы и уши так, как не делали этого сами татары».

Не только носы и уши отрезал... Доподлинно зафиксировано: он глаза выкалывал бунтовщикам! Как свидетельствует летописец, «*вынимал очи*». Причем говоря при этом, что людям, которые не видят очевидного, глаза не нужны. Вполне возможно, что так поступал Александр и в другие времена, и в других местах. Время и нравы были жестокие, и князья вели себя в соответствии с ними. Но совершенно точно известно: с Новгородом он тогда расправился с беспощадной жестокостью...

Александр вместе с ханом Берке (мусульманином) И внуком Батя царевичем Менгу-Тимуром (язычником) открыва-

ют в Сараяе, столице Орды, подворье православного епископа. Православная вера в Орде утверждается официально.

Миндовг отрекается от католичества, начинается дружба Александра с великим князем Литовским, намечается союз с Литвой. За западные границы можно быть более или менее спокойным.

Позади двадцать лет кровавого крестного пути, когда одни — открытые враги, на других — надежда слаба, а большинство — враждебно не понимает... Кажется, можно наконец отдохнуть от страшного напряжения этих двадцати лет. Но тут приходит весть об убийстве Миндовга... А Литва без Миндовга — снова противник, причем могущественный противник.

Сколько еще может выдержать один человек!?

Нет, очень точное современное слово употребил Гумилев: стресс...

Великий князь Александр отошел в мир иной на дороге своей судьбы, на пути из Сарая во Владимир, в маленьком, красивом городке Городце на высоком берегу Волги, откуда вся ширь земли открывается. Если есть на небе ангелы, они должны были ему донести, чтобы он не тревожился... Что вскоре после его смерти немцы опять пошли на Новгород, но буйный Новгород, из-за которого чуть было не рухнуло дело жизни Александра, в соответствии с договором обратился к тогдашнему хану Менгу-Тимуру, и тот, опять же в соответствии с договором, прислал конницу — и немцы тотчас отступили и подписали мир на новгородских условиях. Как говорит летописец, немцы «*замиршася по всей воле новгородской, зело бо бояхуся и имени татарского...*» А затем Смоленск, вольный город(!), устав от постоянного давления Литвы, тоже попросился в русско-ордынский союз и стал его заставой на западных границах... И еще о многом и многом должны были рассказать ему ангелы.

Русский Александр Великий определил судьбу народа.

Историк, эмигрант, Г. В. Вернадский писал: «...Два подвига Александра Невского — подвиг брани на Западе и подвиг смирения на Востоке — имели единственную цель — сбережение православия как источника нравственной и политической силы русского народа».

Отчего же не восстанавливается подлинная роль Александра Невского в русской истории? Зато, не говоря о главном,

его по-прежнему называют предателем, ханским прихвостнем и т. д. Почему?

Вопрос более чем наивный и опасный. Потому что **Александр Невский** — **ключевая фигура русской истории и русского самосознания**. Символ. Восстановить подлинную роль и значение Невского — значит пересмотреть всю историю средневековой Руси. То есть покуситься на основы основ. Сотрясти все основы. Бесстрашный ученый Л. Н. Гумилев в интервью «Известиям» признавался: боюсь сказать на страницах газеты с миллионным тиражом, что Александр Невский был приемным сыном хана Батыея, не знаю и опасуюсь, как воспримут это наши люди, воспитанные на теории «ига».

Ведь веками воспитывали народ российский на противостоянии Орде в частности и степнякам вообще, «половцам поганым». А теперь что — в друзья-братья их записывать? Ну хотя бы в союзники? А ведь дальше — больше. Они же родственники! Там начнут выяснять, что невестка князя Игоря, того самого, «непримиримого врага» из хрестоматийного «Слова...», — половецкая княжна и две невестки Владимира Мономаха — то же самое. То есть жена Юрия Долгорукого (основателя Москвы!) — узкоглазая степная девушка. И сын его, святой русский князь Андрей Юрьевич Боголюбский, — внук половецкого хана Аепы. И Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, и сын его Ярослав предположительно тоже были женаты на половчанках. Получается — сплошь и рядом. О чем красноречивее всех слов говорит фотографически точный, скуластый и узкоглазый облик Святослава, сына Всеволода Большое Гнездо, родного дяди Александра Невского, — чуть ли не единственное прижизненное изображение древнерусского князя, сохранившееся до наших дней в горельефе Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, первая половина XIII века. (Все остальные изображения деятелей средневековья — полет воображения, фантазии художников и скульпторов...) То есть прабабушка Невского, бабушка и мама его, судя по некоторым источникам, тоже половецкого происхождения? Выходит, наш символ на две трети или даже на три четверти — *оттуда*? Нет, хорошо, что посмертной маски не было или она не сохранилась. Достаточно и изображения Невского на покрове (посмертном покрывале) начала XVII века, где ликом похож он на дядю Святослава. Хо-

рошо, что это не маска-фотография, не подлежащая сомнению, иначе это ж такой удар... На сплошь немецкое происхождение последних наших царей мы согласны, но *такое* — никто не в состоянии выдержать...

А из этого уже следуют частные интересы и мотивы представителей ученого мира. Наверно, одним трудно отказаться от «теории ига». Выросли на этом, диссертации написали... И что теперь, вся ученая жизнь псу под хвост? Другие просто не могут жить без образа врага-супостата-азиата. На позиции третьих, безусловно, очень сильно влияет современная идеология, споры о выборе российского пути. Ведь доходило до того, что некоторые историки и публицисты звонили в редакции газет и говорили: «Зачем вы печатаете такие статьи Баймухаметова? Ведь тем самым вы настраиваете наших людей против Запада и Запад против нас, играете на руку национал-коммунистам! А нам сейчас надо интегрироваться в Европу, в цивилизованный мир...»

Не ставлю под сомнение искренность этих людей, их стремление к лучшему. Но не могу тут не привести абсолютно циничное высказывание известного западного интеллектуала: *«Важно, чтобы история писалась нами. Ибо тот, кто пишет историю, контролирует настоящее»*. Получается довольно странное единство взглядов на историю у таких, казалось бы, разных людей! Мол, надо трактовать историю так, как нам это выгодно, а на поиски истины и на саму истину — наплевать и забыть! Так получается?

Но и в том случае, когда авторы искренне заблуждаются, доказывая свою идею, и в том случае, когда история цинично используется, и те, и другие, кто невольно, а кто сознательно, **игнорируют факты**. Вернее, одни их искренне не замечают, а другие — подтасовывают.

Увы...

Общим местом стали рассуждения о том, что истории как науки практически не существует, что история всегда служила и служит для оправдания ныне существующей системы.

Это так. И не так. Идеология всегда присасывалась, как пиявка, к истории. Потом умирала и облетала мертвой шелухой. Потом снова присасывалась. И снова облетала.

Так и живем...

Глава 7

Сын Батыя?

То, что Александр Невский — приемный сын хана Батыя, давно уже аксиома. То есть положение, не требующее доказательств. Из него исходят в дальнейших построениях и рассуждениях.

Например, одни утверждают, что никакого татаро-монгольского ига не было, а был союз, симбиоз, федеративное, а точнее — конфедеративное государство во главе с ханами Золотой Орды и великими каганами в Каракоруме. О каком иге можно говорить, если Александр Невский, приобщенный Русской православной церковью к лику святых, был побратимом царевича Сартака и, соответственно, приемным сыном Батыя?!

Другие — опровергают, утверждают, что иго было, и помогли его установить предатели русского народа — великий князь Ярослав и его сын Александр Невский, — ради личной власти над Русским улусом пошедшие на союз с Золотой Ордой. И даже на то, чтобы побрататься с Сартаком и стать приемным сыном Батыя!

И ни разу не встречал я дилетантского вопроса-возражения — а откуда вы взяли, что Невский был сыном Батыя? Где это написано? В каких летописях-документах?

Нигде не написано.

Прямых доказательств нет.

Но в истории, тем более древней, средневековой, прямых доказательств вообще мало. Тем более — прямых документов. Да что там древняя! Например, нет документа о сдаче японцам Порт-Артура 20 декабря 1904 года (2 января 1905 г.).

Нету.

История, тем более древняя, средневековая, — это всегда совокупность косвенных доказательств и свидетельств. Если на их основе вырабатывается «непротиворечивая версия» (термин Л. Н. Гумилева), значит, истина установлена. Или — почти установлена.

Для профессиональных историков это опять же аксиома, азбука.

Но почему просто читатели ни разу не усомнились, не потребовали прямых доказательств побратимства Александра и Сартака?

Наверно, авторитет Льва Гумилева был бесспорен. Бесспорна непротиворечивая версия, система выстроенных им косвенных доказательств. Собственно, история Руси того периода.

Одно из косвенных, но очень существенных доказательств побратимства Сартака и Александра я нашел в... «Житии» Александра Невского. То есть оно всегда было на виду.

Конечно, здесь мы имеем сложный, противоречивый текст. Как и во всех летописях. Оригиналлов ведь нет. Все писалось-переписывалось-редактировалось на протяжении нескольких веков. «Житие» начали создавать примерно через 120 лет после смерти Александра. Из каких источников брался материал — неизвестно. Сколько раз потом переписывалось, редактировалось — тоже неизвестно. В итоге мы имеем текст XV—XVI веков о деяниях XIII века. Перепутаны имена, события, даты. Например, пишется, что Александр после смерти отца навел ужас на Владимир, **а потом поехал в Орду:** *«После смерти отца своего пришел князь Александр во Владимир в силе великой. И был грозен приезд его, и промчалась весть о нем до устья Волги. И жены моавитские начали стращать детей своих, говоря: «Вот идет Александр!»»*

Но Ярослав умер в 1246 году, а тогда у Александра не было «силы великой», во Владимире законно княжил Андрей, и никаких походов на город в истории и не зафиксировано. А ужас на Владимир он мог навести, и навел, только в 1953 году, уже после поездки в Орду, получив от Батыея конницу.

Вообще, поездка в Орду представляется в «Житии» как единственная. Хотя Александр жил там, наверно, не меньше, чем дома. Ну как нынешние губернаторы постоянно бывают в Москве — работа такая. И если отмечается в «Житии» какая-то поездка в Орду — значит, было тогда Событие. Но Событие потом отредактировали, перепутали, вообще вычеркнули, и осталась поездка. Со словами Батыя, совершенно непонятными.

«Решил князь Александр пойти к царю в Орду... И увидел его царь Батый, и поразился, и сказал вельможам своим: «Истину мне сказали, что нет князя, подобного ему».

Зададимся вроде бы простым, дилетантским, а на самом деле очень даже профессиональным вопросом: «А с чего это вдруг Батый так восхищается нашим князем Александром?»

Ну с каких таких коврижек?

Если исходить из теории ига, то полный абсурд. Приехал в ставку к хану-завоевателю удельный князь завоеванной им, ханом, страны. По делам приехал, с просьбой какой-то. Или же хан его вызвал, чтобы дать указания.

С чего вдруг такие изъяснения чувств?

А если исходить из того, что ига не было, а были союзнические и даже дружеские отношения, все равно абсурд. В «Житии» написано так, будто Батый впервые увидел Александра. И поразился. На самом же деле знал он его давно. Батый — давний друг великого князя Ярослава, отца Александра. Именно Ярослав еще в 1245 году призвал русских князей признать Батю «своим царем».

Да и в любом случае Батый не стал бы поражаться. Не тот человек. Не та ситуация. Не та, наконец, традиция.

Не мог Батый говорить такое. Он и не говорил.

Говорил скорее всего Сартак.

Это — ритуал побратимства. Почти одинаковый у скифов, тюрко-монголов, славян. Обмениваются оружием, одеждой, пьют из общей чаши, превозносят друг друга. Не только во время ритуала, но вообще — везде и всюду. Прочитируем «Сокровенное сказание» монголов. Джамуха так говорит врагам монголов о своем побратиме Темучжине (будущем Чингисхане): «Это подъезжает мой побратим Темучжин. Все тело его залито бронзой... железом оковано: негде иглою кольнуть. Он словно сокол».

В таком каноническом стиле говорил, как я полагаю, и Сартак, превознося великую доблесть и княжескую мудрость своего побратима Александра: *«Нет князя, подобного ему»*.

И Александр говорил примерно так же, превознося храбрость и отвагу названного брата — царевича Сартака, наследника трона Золотой Орды.

Ритуал.

Оттуда и залетели эти слова в «Житие» Александра Невского. Кочуя из летописи в летопись, видоизменяясь, потеряв первоначальный смысл(!), сохранилось-таки в единственном документе.

Иначе объяснить эту фразу невозможно.

Надеюсь, моя версия непротиворечива. То есть реконструирует ситуацию и отвечает на вопросы.

Глава 8

Тайна Куликова поля

Против кого воевал Дмитрию Донской?

«Спросите у любого человека, кто такой Дмитрий Донской? Куликовская битва, освобождение от татар... Если бы самому Дмитрию Донскому сказали эти слова — «освобождение от татар», он бы с ума сошел. Потому что царем, которого он признавал, был именно татарский царь. А Мамай, которого побил, был самозванец, узурпатор, от которого он этого самого царя защищал. И ничего даже близкого «освобождению от татар» у него в голове не было. А ведь это — святая святых нашей истории».

(Ю. Афанасьев, «Общая газета»)

Понятен пафос ученого, восстающего против фальсификации истории в угоду чему бы то ни было. И нельзя его не разделить. Но при этом Юрий Афанасьев пытается развенчать Дмитрия Донского, ставя ему в вину союз и защиту «татарского царя». Мол, первый слуга, а никакой не борец...

Так историк, опровергая одни мифы, тут же предлагает вместо них другие, столь же идеологизированные, но уже с другим знаком.

Возможно, Александр Невский и Дмитрий Донской преследовали только личные цели, хотели только личной власти, которой добились при поддержке Орды. Они не оставили письменных свидетельств, как нам надо толковать и в чем искать смысл их деяний. Но мы, слава Богу, имеем возможность и **обязаны судить по результатам**. А результаты известны — мы живем в России, которую создали, отстояли и укрепили именно Александр Невский и Дмитрий Донской. **Каким образом** — вот в чем суть всех страстей нынешних!

«Западники» открыто пишут о дружбе Невского и Донского с ханами Орды и называют это низкопоклонством и предательством. Но умалчивают при этом об объявленных крестовых походах Запада против Руси. И «патриоты-славянофилы», при всей своей нелюбви к Западу, тоже об этом почему-то умалчивают. Зато стараются выдать святых князей за яростных бор-

цов против Золотой Орды. И получается полная нелепость. Бред сивой кобылы, простите! И как тут можно спорить, когда сам предмет спора не обозначен, стыдливо и неуклюже замолчан, просто-напросто оболган? В таких случаях всегда, вольно или невольно, в ход идут идеологемы, в общем — эмоции. Вот откуда невнятица, горячность, сумбур.

Духовный, исторический и политический наследник Александра Невского — князь Дмитрий — на Куликовом поле также сражался не против Золотой Орды, а за Орду.

Но тут надо многое прояснять. Потому что наша официальная и массовая история с соловьевско-ключевских времен долбит одно и то же, невзирая на очевидные факты, на русские же летописи, не говоря уже об армянских, к примеру... У нас Мамай до сих пор считается ханом Золотой Орды. И битва Дмитрия Донского на Куликовом поле считается войной с Золотой Ордой и победой над Золотой Ордой. Ничего подобного у Дмитрия Донского и в мыслях не было — тут Афанасьев трижды прав. Потому что ни Дмитрий, ни другие русские князья, ни — главное — православная церковь никогда в то время не выступали против Золотой Орды, и никогда не ставили знак равенства между Мамаем и Золотой Ордой. В то время в Золотой Орде, как отмечают русские летописи, наступила «великая замятия». Твердой власти не стало, ханы убивали и травили друг друга в тайной войне за трон. Да, мятежник и узурпатор воевода Мамай пользовался в Золотой Орде огромным влиянием. Но ханом он не был, и не мог быть никогда по причине того, что не являлся потомком Чингисхана. И потому, наверно, создал свою орду — Мамаеву. Кстати, в русских летописях иногда встречается «Мамаева орда», но ее опять же все историки и тем более писатели-публицисты отождествляют с Золотой Ордой. Мол, разные названия одного и того же. И только в конце XX века (!) пробился первый свет, появилось первое сообщение. Вадим Кожинов незадолго до смерти определил и доказал, что «Мамаева Орда» и Золотая Орда — совершенно разные образования. Он привел ранее никогда не упоминавшиеся в исследованиях **«Памятные записи армянских рукописей XIV века»**, в которых черным по белому начертано:

«Завершена сия рукопись в 1371 году во время владычества Мамаия в области Крым...»

«Написана сия рукопись в 1377 году в городе Крым во время владычества Мамая — князя князей...»

Переводы сделал и представил Вадиму Кожинув армянский ученый В. А. Микаелян. А значит, вся наша историческая наука до Кожинова и Микаеляна не удосуживалась заглянуть в древние армянские рукописи, живя с армянами в одном государстве — России и Советском Союзе? Остается только вздохнуть...

Одним словом, была отдельная и довольно могущественная Мамаева Орда в Крыму. Причем Мамай одновременно набирал в свою армию и конников из Золотой Орды, где он пользовался огромным влиянием. В общем, властелин громадных пространств, командующий огромной армией, диктовавший свою волю и Москве, и Рязани, и Золотой Орде, и в чем-то даже Ягайле, великому князю Литвы. Вот против кого и выступил Дмитрий Московский...

Но назвать князя Дмитрия последовательным борцом с Мамаем опять же будет ошибкой. Не было в то время и в тогдашней политике прямых, однозначных решений и действий. Ко времени усиления Мамая великий князь Дмитрий был уже взрослым человеком и вполне зрелым политиком. Учтем, что всю жизнь, с младых лет, он руководил страной по советам своего наставника с детства — митрополита Алексия, фактического правителя Руси с 1353 года. (Об этом человеке, забытом русским народом и церковью, создателе Русского государства, говорится в очерке «Три патриарха».) А митрополит был верным и последовательным союзником Золотой Орды, его связывала личная дружба с ханом Джанибеком и ханшой Тайдулой. Но когда Джанибека и Тайдулы не стало, когда в Орде начались разор и смута, когда огромная власть сосредоточилась в руках Мамая, — Алексей и Дмитрий пошли если не на союз с Мамаем, то, по крайней мере, признали его власть. А куда было деваться? Объявлять Мамаю войну бессмысленно. И главное, во имя чего? Ради вассальных обязательств перед Золотой Ордой и законной ханской властью, которых тогда просто не существовало? Это все равно что воевать с ветряными мельницами... Митрополит Алексей и князь Дмитрий жили в сложном и жестоком мире, и были изошренными политиками. Их использовал Мамай в своих целях, но и они использовали Мамаю. Например, князь Дмитрий вместе с Мамаем воевал против

Олега Рязанского, своего ближайшего соседа и вечного противника. И очередной ярлык на великое княжение, то есть на власть над Русью, получил из рук Мамаю. При этом нет никаких свидетельств, что Дмитрий хоть как-то поддерживал Мамаю в его стремлении занять трон Золотой Орды. То есть Орда остается как бы за скобками сегодняшней политики Руси: есть Мамай, с ним и поддерживаем отношения.

Такова реальность. И она, между прочим, говорит об Алексии и Дмитриии больше, чем абсолютно непонятные умолчания или прямые искажения с целью возвеличения. Но ложью можно только унизить...

И тут нельзя не сказать о... назову это мифом. Да это и есть миф. Ставший абсолютным каноном миф о том, что Сергей Радонежский благословлял князя Дмитрия на Куликовскую битву. **Но в первоначальном «Житии Сергия Радонежского» ничего не говорится о такой встрече.** И вообще, их отношения были очень напряженными, если не сказать — враждебными. (Об этом — в главе «Три патриарха».) А миф написали уже потом, и успешно внедрились в сознание масс. Но это — сопутствующая тема...

К концу десятилетия, особенно к 1380 году, политическая картина изменилась, положение Мамаю резко ухудшилось. Законным преемником золотоордынского трона стал Тохтамыш — хан Синей Орды, владения которой простирались в нынешней Западной Сибири, Северном Казахстане, по бассейну Ишима, Иртыша и Оби. Очень сильный, могучий хан, самый авторитетный в то время в монгольской империи. Он собрал армию и двинулся к Золотой Орде, к своему законному трону.

Как раз к тому времени, за два года до того, происходят стычки русских войск с мамаевскими на Пьяне и на Воже. Дмитрий делает решительный выбор — порывает с Мамаем и переходит на сторону Тохтамыша. На Руси хан уже провозглашен «царем Тохтамышем».

Ситуация, критическая не только для Мамаю, но и прежде всего для Запада. Если сильный хан Тохтамыш утвердится в Золотой Орде, то планы католической церкви рухнут в очередной раз, как это было при Александре Невском, который и заключил вечный военно-политический союз Руси и Золотой Орды. Владимирская Русь во времена Александра Невского и Дмитрия Донского была опорой Орды. Точно так же, как Зо-

лотая Орда стала опорой для Владимирской Руси. Связаны воедино. Рухнет один — легко одолеют и другого. А против объединенной русско-ордынской конницы ливонско-тевтонские рыцари были бессильны. Потому-то и срочно снарядили армии Мамай и великого литовского князя Ягайло, отрекшегося от православия и перешедшего в католичество. Литва в те века была копьём Запада, направленным против Востока. В двухтомном труде германского историка Эдварда Винтера «Россия и папство» прямо говорится, что Ватикан планировал *«завоевание Руси при посредстве Литвы... Во имя пап и с их благословения. Литовские князья действовали так усердно, что образовавшееся Великое княжество Литовское на 9/10 состояло из областей Древней Руси... При Клименте VI Литва заняла центральное место в планах захвата Руси»*. Не случайно же великий литовский князь Ольгерд перед смертью передал власть младшему сыну Ягайле, нарушив все династические правила преемственности власти. Очевидно, что Ольгерд, убежденный противник Москвы, из своих сынов выбрал того, кто целиком и полностью разделял его неприязнь к Москве и Дмитрию Московскому. Ведь Ольгерд предпринял два похода на Москву, а в перерывах между ними всячески поддерживал Тверь в ее постоянной вражде к Москве. Тут надо обязательно напомнить, почему Тверь не пришла на Куликово поле. Да потому, что была союзницей Литвы. Потому, что за пять лет до Куликова поля московские войска Дмитрия Донского вели осаду Твери.

А что до династического противостояния в Литве, то дети Ольгерда, православные братья Андрей и Дмитрий, бежали от своего новообращенного католического брата Ягайло на Русь. Андрей был посажен на княжение во Пскове, а Дмитрий, который был князем в литовском тогда городе Трубчевске, сдал его Москве и в обмен получил княжение в Переславле-Залесском. И Андрей, и Дмитрий в составе московского войска вышли на Куликово поле против своего брата Ягайлы. В той битве они возглавляли передовой полк и сражались героически, что общеизвестно.

Эти подробности, я думаю, убедительно говорят о том, насколько убого, примитивно и несостоятельно привычное всем нам упрощение, «выпрямление» истории. События, настроения, противоречия эпохи не укладываются ни в какую схему.

Но общая линия в истории безусловно присутствует. За Мамаем и Ягайлой стоял Запад во главе с Папой Римским, католическая церковь, которая еще полтора века назад **объявила крестовый поход** против *«схизматиков и татар»*, то есть против Руси и Золотой Орды. Если с севера наступление шло через Литву, то с юга — из Крыма. В XIII веке там образовалась мощная генуэзская колония — города Кафа (Феодосия), Чембало (Балаклава), Солдайю (Судак)... К тому времени Золотая Орда утратила власть над Крымом, а Мамай, ставший там «царем», сам опирался на финансовую мощь этих городов, стоящей за ними Генуи и, соответственно, папство. В сказаниях о Куликовской битве с точностью указываются наемники, в том числе и «фряги» — то есть итальянцы из генуэзских колоний в Крыму, а также говорится о замыслах Мамаю: *«Когда войду в Русь и убью их князя, то какие грады прекрасные подойдут нам, там сядем и будем Русью владеть»*. А это еще раз говорит, что Мамай к политике ханов Золотой Орды никакого отношения не имел и действовал как раз против ее воли, традиций, законов и интересов. Во-первых, Золотая Орда никогда не прибегала к услугам наемников, тем более итальянцев. А во-вторых, — и это самое главное — Золотая Орда никогда не завоевывала и не стремилась завоевать Русь. Двести пятьдесят лет, со времен Батыя и Александра Невского, они сосуществовали рядом, на правах союзных государств, на правах сюзерена и вассала. Со всеми конфликтами, набегами, походами, участием в усобицах удельных князей, однако без завоевания. Очевидно, что Мамай тут выполнял волю своих западных союзников.

Но общие планы крестового похода совпадали и с личными устремлениями и планами Мамаю. Его положение было чрезвычайно сложным. С приходом Тохтамыша власть бывшего темника кончалась сама собой. А теперь, когда Дмитрий порвал с ним и поддержал Тохтамыша, надежды на сохранение хотя бы влияния на Орду и вовсе превращались в дым... Значит, оставался только Крым, но и там Мамай не чувствовал себя хозяином, потому как там уже правили деньги генуэзских купцов. (Доказательство чему — дальнейшая судьба Мамаю. После поражения на Куликовом поле от Дмитрия и на Калке — от Тохтамыша, он бежал в Крым, где его и убили при неизвестных обстоятельствах. В общем, марионетка, не оправдавшая ожиданий.)

Последний шанс Мамаю — перенести свою ставку в Москву. И потому он моментально заключает союз с Олегом Рязанским против Дмитрия — Мамаю непременно надо завоевать Москву и другие русские города до прихода Тохтамыша, *«там сесть и Русью владеть»*, разделив ее между собой, Ягайлой и Олегом. К полному удовлетворению последних. Олег Рязанский в письме к Ягайле уже подробно расписывает, кому что достанется: *«Царь даст тебе град Москву, да и иные грады, прилегающие к твоему княжению, а мне даст град Коломну, да Владимир, да Муром, что стоят близко к моему княжению»*. И откровенно радуется и предвосхищает успех: *«Ныне же, князь, пришло наше время!»*

И действительно, три армии — рязанская, литовская и мамаевская — вышли в тот поход, абсолютно уверенные в успехе. Прежде всего потому, что они опережали Тохтамыша — Тохтамыш со своей армией не успевал ни к Сараяу, ни к Москве, ни к Куликову полю.

Но, видно, Господь простер тогда руки свои над Русью. К сече на Куликовом поле на один день, на один переход опоздала армия Ягайлы, потому что она шла через покоренные литовцами черниговские и новгород-северские земли, население которых всячески ей препятствовало. (Тут непременно надо сделать большую географическую поправку. А то когда я пишу «Ягайло», «Литва», то перед взором читателя предстает нынешняя Литва, Балтика, западное направление. На самом деле Ягайло шел к Куликову полю с юго-запада, от Киева. Ставка Ягайлы, а затем Витовта была в Киеве, который в те времена являлся одним из главных городов великого княжества Литовского.) Опоздал к битве и Олег Рязанский. Как и почему — неизвестно до сих пор. Но на всякий случай князь Дмитрий перевел ополчение через Дон, навстречу Мамаю. Положение было отчаянное: Дмитрий сам себе ограничил маневр, возможность отступления, потому как за спиной у него был Дон. Но им же, Доном, он на всякий случай оградился от удара в спину со стороны дружин Олега Рязанского.

И кто знает, как сложилась бы история Руси, соединись тогда армии Мамаю, Ягайло и Олега Рязанского...

Таким было положение в Восточной Европе, в Орде и на Руси на день 8 сентября 1380 года — день Куликовской битвы. После которой, как известно, князь Дмитрий Московский стал

Дмитрием Донским. Русские разбили Мамаю и сохранили трон Золотой Орды для законного хана Тохтамыша. И тем самым отстояли себя, свою государственность и веру. Не случайно именно на Куликовом поле, как нигде и никогда ранее, ошутимо проявилось даже не влияние, а руководство православной церкви. Ведь главным союзником Мамаю был Ягайло, то есть за Мамаем стояла могучая католическая Литва, через которую шло наступление Римской церкви. А русские князья, объединенные вокруг Дмитрия Донского, и православные иерархи во главе с Сергием Радонежским считали своим сюзереном законного хана Золотой Орды «царя Тохтамыша»...

Такова подоплека тех событий.

Другое дело, что они получили в официальной истории одностороннее и странное истолкование. Например, в хрестоматийной литературе о Куликовской битве практически не употребляется самое раннее описание битвы — из Симеоновской летописи. Поскольку князь Дмитрий в ней фигурирует как живой, то создана она никак не позже 1389 года, то есть **бесспорно** является документом, **написанным по следам событий**. Но Симеоновской летописи, повторю, в хрестоматиях и сборниках о Куликовом поле нет. Зато широко распространены другие, более поздние. Не потому ли замалчивается Симеоновская летопись, что там князь Дмитрий, хан Тохтамыш и все русские князья после победы над Мамаем обмениваются поздравлениями, подарками и посольствами!

Но аналогичные и даже более развернутые сведения есть, к примеру, и в Рогожской летописи. Там прямо говорится, что русские князья отправили послов *«со многими дарами к царю Тохтамышу»*. Впрочем, гораздо важнее, **как** формулируется там известие от Тохтамыша, который окончательно разбил Мамаю в сражении на Калке и утвердился на троне Золотой Орды. И тотчас отправил своих послов к *«Дмитрию и всем русским князьям»*. С известием, *«как супротивника своего и их врага Мамаю победил»*.

«Супротивника своего и их врага!» Общего врага!

Из современных авторов на странности нашей историографии о Куликовской битве обратил внимание еще в 1980 году Вадим Кожинов в журнале «Наш современник». От себя добавлю: в обстановке несколько взвинченного державного празднования 600-летия Куликовской битвы надо было иметь небольшое мужество, чтобы высказать такие крамольные мысли.

Однако еще за двадцать лет до Кожинова известнейший исследователь древнерусской литературы академик М. Н. Тихомиров в одну из своих статей вставил абзац (всего лишь один абзац!), в котором намекнул (всего лишь намекнул!), что в древних источниках есть совсем другие сведения о Куликовской битве, и не все древние источники введены в оборот современной науки.

Но если у нас уже принята и взята на идеологическое вооружение теория «ига», то получается, что, сражаясь против «татарского хана», мы тут же посылали гонцов к «татарскому хану»? За что боролись и с кем боролись? Не нужна нам такая правда и такие летописи!..

Так и жили, так и воспитывали поколения своих граждан.

(До сих пор на раке с мощами Дмитрия Донского в Архангельском соборе Кремля укреплен табличка с надписью о том, что Дмитрий на Куликовом поле воевал с Золотой Ордой...)

На Куликовом поле Дмитрий Донской не просто помогал Тохтамышу утвердиться на троне Золотой Орды, но тем самым укрепил Русь. Он продолжил и упрочил союз с Ордой, заложенный Александром Невским: внук Батые хан Менгу-Тимур помогал Новгороду, посылал конницу против немецких рыцарей, Тохта дружил с Михаилом Тверским, Джанибек — с митрополитом Алексием, хан Узбек был шурином великого князя Юрия Даниловича Московского (выдал за него свою сестру Кончаку, в крещении — Агафью), а после смерти Юрия дружил с его братом Иваном Калитой... Союз, благодаря которому они совместно противостояли Западу вообще и Литве в частности. Историки-то знают, а нам для ясности надо чаще смотреть на древние карты. В те века Московская Русь была маленькая, а Литва велика и могуча и при случае могла поглотить Московское княжество, как до этого поглотила Киев, Чернигов, Смоленск, Брянск, Полоцк...

На Куликовом поле князья впервые сплотились вокруг Москвы и признали ее главенство. Это мы называем их русскими, а они себя считали ярославцами и белозерцами, муромцами и рязанцами. И только на Куликовом поле и после него как будто некое дуновение истории просквозило души: в князьях и дружинниках, боярах и смердах появилось осознание, что все они — русские. Конечно, междоусобная резня продол-

жалась еще долго. И не случайно, что самая жестокая рознь была с тверичами и новгородцами, которые на Куликово поле как раз и не пришли...

Дмитрий Донской, как и Александр Невский, причислен Русской православной церковью к лику святых. То есть церковь точно знала, что князья-воители, во всем опиравшиеся на «поганных татар», защищали прежде всего православную веру от католической экспансии Запада. Церковь точно знала, что «поганные татары» — это боевой щит православной веры в течение трех веков средневековья, трех веков становления Русского государства.

Однако союз Руси и Золотой Орды противостоял не только Западу, но и Востоку. К тому времени началось нашествие железных армий Тамерлана, которые уже захватили Елец. Вот они-то и несли с собой иго в подлинном, римском значении этого слова. Не дружина, не ополчение и не вольная конница, а невиданные по тем временам **регулярные войска** утверждали на завоеванных землях городскую мусульманскую культуру, общинно-бытовое и государственное устройство на свой манер. От их наступления на Русь отвлекал и закрывал Русь с Волги, с Востока, хан Тохтамыш. Вся его долгая и бурная жизнь после Куликова поля прошла в битвах с Тимуром и тимуридами. Золотая Орда в этой борьбе истощила последние силы и вступила в полосу заката.

После смерти Тохтамыша в Орде вновь началась смута. Но Московская Русь уже была крепкой. Через какое-то время Золотая Орда распалась сама собой, и вассальная зависимость от Золотой Орды сама собой отпала. А затем уже Русь заняла на этих огромных пространствах главенствующее положение.

Как писал один из основателей евразийской исторической школы князь Н. С. Трубецкой, произошла *«замена ордынского хана московским царем с перенесением ханской ставки в Москву»*. То есть Русь, Россия, Российская империя стала наследницей империи Чингисхана. Кстати, цитата взята из ключевой работы Н. Трубецкого, вышедшей еще в 1925 году, которая так и называется — «Наследие Чингисхана». Но признавать это официальная русская наука со времен Петра не пожелала. Она желала признавать только наследие Византии и европейского Запада, пусть даже и через уничижительное «призвание варя-

гов». Но факты не спрячешь, ученые — народ настырный, их гонят в дверь (к примеру, в эмиграцию), а они лезут в окно. И потому, по логике вещей, история становится идеологией, учеба и образование — вдалбливанием официального канона.

«Сознание россиян веками формировалось для того, чтобы быть манипулируемым... Преподаваемое знание очень часто ни на чем, кроме господствующей идеологии, не основано. А имя этой идеологии — официально насаждаемый государственный патриотизм...»

(Ю. Афанасьев, «Общая газета»)

В том и парадокс конкретной ситуации, что я привожу высказывания Афанасьева для подтверждения своих рассуждений. Афанасьев здесь невольно опровергает сам себя. Восставая против стереотипов в преподавании истории, он сам никак не может преодолеть стереотип «ига». И потому, раз дружили Невский и Донской с Сартаком и Тохтамышем, — значит, они предатели, помогали татарам держать Русь «под игом»... Рассказывая о своей работе в коммунистические времена, он приводит примеры такой смелости инакомыслия: «Иногда удавалось сказать что-то невероятное для советского времени. Так, профессор Зимин написал о глубочайшем различии между галицкими и московскими князьями. Последних он описал как подлых и коварных коллаборационистов, которые, выступив на стороне татар, казнили и угнетали свой народ хуже, чем любые завоеватели».

А между тем, коли взялся он столь резко судить о московских князьях вообще и святых князьях Александре Невском и Дмитрии Донском в частности, то, как человек широко образованный и критически мыслящий, мог бы задуматься над очевидными фактами, мимо которых проходили и проходят почти все.

Например, над тем, что за 250 лет «ига» не было национально-освободительного движения русского народа против «завоевателей». Это ведь не просто странно, а даже как-то нелепо. Ну не бывает такого! И не может быть. Если было «иго», то обязательно должны были восстать. По логике природы. Однако ж не восставали... Даже поздние источники не отмечают национальной, а тем более религиозной вражды между Русью и Ордой. Вражда появилась значительно позже, когда многие со-

седние народы, осколки Орды, стали мусульманами, **возникли религиозные отношения**, началась эпоха крымских набегов и войн с Крымом, за которым стояла мусульманская Османская империя. Примерно тогда же в книги о давно прошедших временах и событиях задним числом при переписывании летописей стали вставлять элементы и детали религиозной розни, **характерные для времени переписывания летописей**.

Орда же до начала XIV века жила не по законам религии, а по законам Ясы. До вероисповедания разноплеменных ее подданных никому не было дела. (Кстати, религией очень многих в Орде было христианство. Более того, в 1260 году хан Хулагу и нойон Кит-Буга повели ордынские тумены в крестовый поход за освобождение Гроба Господнего, так называемый Желтый крестовый поход... Но у нас здесь речь только о Золотой Орде.) В 1312 году к власти там пришел хан Узбек, который объявил ислам государственной религией, а несогласным рубил головы. Все, кто не отказался от веры отцов, бежали на Русь, к своим единоверцам. Так что против Мамаю на Куликовом поле стояли уже и внуки некогда изгнанных православных ордынцев. Историк Гумилев навскидку приводит такой список русских фамилий ордынского происхождения... Аксаков, Алябьев, Апраксин, Аракчеев, Арсеньев, Ахматов, Бабичев, Балашов, Баранов, Басманов, Батулин, Бекетов, Бердяев, Бибииков, Бильбасов, Бичурин, Боборыкин, Булгаков, Бунин, Бурцев, Бутурлин, Бухарин, Вельяминов, Гоголь, Годунов, Горчаков, Горшков, Державин, Епанчин, Ермолаев, Измайлов, Кантемиров, Карамазов, Карамзин, Киреевский, Корсаков, Кочубей, Кропоткин, Куракин, Курбатов, Кутузов, Милюков, Мичурин, Рахманинов, Салтыков, Строганов, Суворов, Таганцев, Талызин, Танеев, Татищев, Тимашев, Тимирязев, Третьяков, Тургенев, Турчанинов, Тютчев, Уваров, Урусов, Ушаков, Хомяков, Чаадаев, Шаховской, Шереметев, Шишков, Юсупов... Понятно, что Гумилев называет фамилии известные, которые на слуху. Но, с другой стороны, закономерно: ведь это все фамилии дворянские. А выходцы из Орды как раз и становились служивым сословием, русским дворянством. Вообще же словарь русских фамилий тюркского происхождения, составленный филологом и историком Н. А. Баскаковым, — большая книга. Тот, кто просмотрит ее от корки до корки, поневоле задумается. От постоянного **противостояния** уг-

нетаемых и угнетенных, завоевателей и завоеванных, одним словом — от **ига** — такого не бывает...

Историк Афанасьев мог обратить внимание и на само слово «иго». Русские в XIII—XV веках не подозревали, что они живут «под игом». Хотя бы потому, что не знали такого слова. «Иго» — слово латинское, из времен Римской империи. А в Россию оно попало лишь в самом конце XVII — начале XVIII века. И, как видим, утвердилось в научном обороте, вошло в учебники истории, а через них — в народный обиход. И более того — в **народное сознание**.

И этому есть объяснение. Во-первых, почву подготовила церковь. Католицизм ей уже не был опасен, и церкви, как и любому идеологическому институту, для упрочения своей власти необходим внешний враг. А затем — реформы Петра, его решительный поворот к Западу. Что и породило жестокий комплекс европейской неполноценности. Общество, пытаясь «соответствовать» новым веяниям, лихорадочно отрещивалось от всего «азиатского». И потому подброшенное словечко «иго» стало радостной находкой. «Иго» разом объясняло и оправдывало «отсталость» перед Европой. И никто не задумался и до сих пор не задумывается над тем, что зависимость от Орды закончилась уже в XV веке. И что же мешало за прошедшие столетия преодолеть «отсталость»?

Теория «ига» как нельзя кстати пришлась и коммунистической исторической науке. Здесь ведь главное было — «бороться с врагами», «кругом одни враги» и т. д. И это еще раз доказывает правоту рассуждений Афанасьева о **«манипулируемом сознании и преподаваемом знании»**. Если уж что-то вдолбили в школе про «иго», то потом вытравить это невозможно. Даже такому образованному и самостоятельно мыслящему человеку, как Юрий Афанасьев... Не случайно же в 1985 году Ю. Афанасьев писал в журнале «Коммунист», что теории *«симбиоза Орды и Руси»* отличаются *«внеклассовым подходом»* и находятся в *«прямом противоречии с марксистско-ленинскими критериями»*. А в 1985 году обвинение в «немарксизме» было еще чревато большими неприятностями...

В спорах вокруг Александра Невского и Дмитрия Донского сошлись два навязанных и навязываемых обществу мифа. И оба построены на... неверных посылах, скажем так. «Патрио-

ты-славянофилы» возвеличивают Александра Невского и Дмитрия Донского как государственных деятелей, но при этом лгут, что они боролись с Ордой. А «либералы-западники» низвергают великих князей с пьедестала как раз за то, что они пошли на союз с Ордой. Ни так называемые «западники», ни так называемые «патриоты-славянофилы» ни за что не хотят признать очевидное — Александр и Дмитрий потому и великие, что пошли на союз с Ордой и благодаря этому сохранили, упрочили и возвеличили Русь.

А в заключение, чтобы несколько разрядить обстановку, — курьез, анекдот, поучительный факт из истории... Называйте как угодно. Кстати, о Мамае.

Вроде бы с ним теперь все ясно: никакой не хан, тем более не хан Золотой Орды, а интриган, узурпатор и так далее. Но его след в русской истории на этом не стирается. Потому что Мамаевичи породнились с Рюриковичами! После Куликовской битвы потомки Мамаея служили Литве. Одного из них, кстати также по имени Мамай, великий князь Витовт пожаловал городом Глинск и княжеским титулом. Так возник могучий клан князей Глинских. Потом знатные **литовские** князья Глинские ушли на Русь и стали **русскими** князьями Глинскими. Елена Глинская вышла замуж за великого Московского князя Василия III и стала матерью княжича Ивана, известного как первый русский царь Иван Грозный...

Глава 9

ЗАГОВОР ПРОТИВ ДМИТРИЯ ДОНСКОГО

Детектив 1382 года — опыт расследования

Очень многие, прочитав в журнальных и газетных вариантах очерк «Тайна Куликова поля», писали на интернетских форумах, в откликах: «Вроде все убедительно, но как объяснить, что Тохтамыш через 2 года, в 1382 году, пошел в поход на Дмитрия Донского и сжег Москву?»

Действительно... Ровно два года назад отгремела Куликовская битва, в которой Московский князь Дмитрий разгромил узурпатора Мамаея и тем самым обеспечил Тохтамышу трон хана

Золотой Орды. В знак общей победы они обменивались посольствами и подарками, Тохтамыш назвал Дмитрия младшим братом. И вдруг — поход. Да еще вместе с Олегом Рязанским, который был на стороне Мамая. Да еще вместе с нижегородско-суздальскими князьями, которые на Куликово поле не пришли, а выжидали у себя, чья возьмет. Что случилось? Что за странный союз? Почему Тохтамыш доверился вчерашним врагам?

Со стороны Тохтамыша — просто подлость. Да, времена, да нравы, но смысл, смысл-то какой? Не видно большого политического смысла. И даже малого. Летописи ничего не объясняют.

В летописях, затем в «Истории...» С. М. Соловьева и в установившейся официальной трактовке этот поход подается как набег супостата на Русь святую. И говорится о нем мельком. Мол, хан Золотой Орды обеспокоился растущим могуществом Москвы и решил ее устроить. Дмитрий Донской хотел выехать на встречу и дать сражение, но московские полки были ослаблены Куликовской битвой, и потому князь уехал в Кострому.

В результате такой обработки истории отдельные читающие люди, элементарно сопоставляющие факты, спрашивают друг друга: «Получается, Дмитрий Донской — трус и предатель?! Ведь мало того что сам сбежал и бросил Москву на растерзание, так еще и жену с малым ребенком оставил на поругание татарам! Ну кто он после этого?!»

В общем, совместными усилиями летописцев, Соловьева и советских историков пытались что-то «подправить», что-то умолчать и «сделать как лучше», а получилось, как всегда.

В той же тональности выдержана и летописная «Повесть о нашествии Тохтамыша», но она очень подробна, развернута, и **потому сам текст дает большой материал** для анализа, сравнений, сопоставлений, логических заключений — словом, для расследования. В советские времена историки в нее не углублялись. Начнешь разбираться — грехов не оберешься. А нынче никому не интересно, да и опять же времена возвращаются, требуют от истории «патриотического воспитания» в том смысле, в каком его видит власть. А власть воспитана опять же на тех же школьно-институтских уроках истории. Так что круг замкнулся.

Мне представляется очень интересной и убедительной версия того загадочного похода, выдвинутая и разработанная историками Ольгой Кузьминой и Александром Быковым и ос-

нованная как раз на анализе летописной «Повести о нашествии Тохтамыша». Конечно, я субъективен, потому что их работа в общих чертах совпадает с моим анализом летописной «Повести...». Но я, в отличие от данных авторов, не выдвигаю гипотезу или версию, а исследую логичность или нелогичность текста, его вопиющие противоречия. А такие противоречия возникают всегда, когда события пытаются подогнать под какую-нибудь заданную схему. Или кто-то **переписывает** ранее написанное в том или ином идейном духе. **Ведь оригиналов нет.** То есть нет документов, современных событиям. Летописи мы изучаем по «спискам», иначе говоря — переписанным вариантам. Эта «Повесть...», как и все сказания времен Куликовской битвы, дошла до нас в переписанном варианте XVI века. Кто ее и сколько раз за прошедшие **двести лет** переписывал, как переписывал, что дописывал и вставлял от своего имени, «исправляя» на свой лад и по своему пониманию — неизвестно... С этим мы сталкиваемся постоянно, читая внимательно те или иные древние тексты, от французской «Песни о Роланде» до русских летописей. Но действительность сопротивляется, и вылезает наружу в виде несоответствий элементарной логике.

Начну с общего. Это время, когда Владимирская Русь уже становилась Московской Русью. Как ни противились тому нижегородско-суздальские князья. Которые с тревогой смотрели, как возрос авторитет Москвы и князя Дмитрия после Куликовской битвы. Они-то и устроили заговор против Дмитрия Донского. Во главе его — 50-летний князь Дмитрий Константинович Нижегородский и великий литовский князь Ягайло. Их подручный союзник — Олег Рязанский. Ягайло и Олег — старые **открытые** враги Донского, их цели и поступки ясны и понятны. Еще с недавнего их союза с Мамаем. Но вот Дмитрий Константинович Нижегородский — это гроссмейстер средневековой интриги! Он уже получал ярлык великого князя на Руси. Но не смог удержаться на троне. Митрополит Алексей его переигрывал и в конце концов утвердил на великокняжеском столе своего воспитанника Дмитрия. Но Алексей, чей авторитет был абсолютен для всех, четыре года назад умер. И нижегородско-суздальский властелин делает последнюю попытку взять власть на Руси. Но вступает не в открытую борьбу, как Олег и Ягайло. А действует через своих сынов, пытаясь использовать Ягайло, Олега и самого Тохтамыша!

В том походе Тохтамыша на Москву много нюансов, закрученная-перезакрученная интрига, как в современном шпионском детективе, где сплошь двойные и тройные агенты, и трудно разобрать, кто на кого работает, кто кого использует и какие интересы преследует. Там все так переплетено, что, честно говоря, голову сломаешь, выбирая главное и отбрасывая второстепенные подробности, потому как действующие лица друг другу и враги, и союзники, а еще и мужья-жены, тести-зятья, сваты-шуряки и т. д.

Но в общем картина вырисовывается следующая...

По версии Кузьминой и Быкова, хан Тохтамыш шел вовсе не на Москву. Воевать с Донским у него не было решительно никаких оснований. А шел он войной на Ягайло. И первоначальный его маршрут — на Новгород-Северский — это подтверждает. Тут еще раз надо сделать большую географическую поправку. А то при словах «Ягайло», «Литва» современный читатель сразу представляет нынешнюю Литву, Вильнюс. Но Тохтамыш шел на Киев! Через Новгород-Северский и Чернигов. Потому что ставка Ягайлы, а затем Витовта была в Киеве, который в те времена являлся одним из главных городов Великого княжества Литовского. Вот куда шел Тохтамыш. На соединение с ним выступил Дмитрий Донской. Цель похода — совместно добить Ягайло. Очень удобный момент: в княжестве Литовском — междоусобная война. Против Ягайлы, авторитет которого пошатнулся после Куликовской битвы, выступил его дядя Кейстут и захватил Вильнюс.

Это — повторю — версия Кузьминой и Быкова. Политически и логически обоснованная. Потому что нигде нет даже намеков, тем более прямых свидетельств об ухудшении отношений Руси и Орды, Дмитрия и Тохтамыша. Не было никаких оснований для похода на Москву. А вот мощная Литва по-прежнему представляла угрозу для Москвы и Орды. И момент для похода на Ягайло был выбран, повторю, очень удачный.

Дальше начинаются факты, причем из летописи. В пути войско Тохтамыша догоняют суздальские князья Семен и Василий, посланные отцом, князем Дмитрием Константиновичем Нижегородским. Зачем? Что им надо от Тохтамыша? Ведь если Тохтамыш пошел в поход на Русскую землю, как говорится в летописях, то надо бежать от него, а они — к нему? Летопись

не объясняет. Зато дает факт: **суздальцы вместе с Тохтамышем пошли на Москву...** В работах А. В. Экземплярского (1846—1900 гг.) и Л. Н. Гумилева (1912—1992 гг.) утверждается: суздальские князья оклеветали Донского, приглашение митрополита Киприана из Литвы на Москву они представили Тохтамышу так, будто бы Донской изменил ордынскому хану и сговорился с Литвой, с Ягайлой. **Значит, убедили?** И сейчас ордынская конница и суздальская дружина идут на Москву. С какой целью? Летопись не объясняет. А ведет их, указывает им броды через Оку князь Олег Рязанский.

Вроде бы хитрая комбинация по уничтожению Донского удается вполне. Тохтамыш вроде бы поверил...

А теперь наберись терпения, читатель, я постараюсь коротко. Уверяю, это очень любопытно: **ведь все на виду, в тексте летописной повести!**

По летописной, установившейся в истории версии считается, что Дмитрий выступил из Москвы, чтобы сразиться с Тохтамышем. По версии Кузьминой и Быкова — чтобы соединиться с Тохтамышем и пойти на Ягайло. Но в любом случае — армия вышла в поход. Далее в «Повести о нашествии Тохтамыша» говорится, что в походе между князьями, воеводами и боярами началась *«розность»*. В результате Донской бросает армию и уезжает *«вборзе на Кострому»*. «Вборзе» — значит «быстро». То есть бежит. Да что ж случилось такое, что великий князь бежит из своего войска? В летописной повести употреблено аккуратное такое слово *«розность»*, вроде разногласий на кухне. Но ведь действие происходит в армии, в походе! И если великий князь-командующий **бежал** от такой *«розности»*, это значит был **заговор, мятеж** с угрозой для жизни князя.

В чем суть мятежа? Войска ведь, по летописи, вышли против Тохтамыша. Значит, князья-бояре-воеводы не захотели воевать против «супостата-татарина»? Или все-таки на самом деле Дмитрий шел на Ягайло, а князья-бояре-воеводы не хотели сражаться с Ягайлой? Летописная повесть не отвечает, не объясняет. А наука история вообще умалчивает.

Я все время избегаю здесь слова «летописец». Вместо него говорю: «летопись», «Повесть...» и т. д. Потому что автор-летописец тут может быть совершенно ни при чем. У него в **первоначальном** тексте, уверен, все было ясно, понятно, логично, как

оно и происходило на самом деле. А недомолвки, пропуски, логические нестыковки и просто глупости появились уже в результате идеологического редактирования первоначального текста в течение двух веков после событий. А за это автор-летописец не может отвечать, и поэтому я здесь нигде не упоминаю автора-летописца...

По логике, Донской должен бежать к Москве, к своему оплоту. Куда ж еще?! Тем более, там его жена и новорожденный ребенок. Но он бежит *«на Кострому»*. Почему? А потому, что в Москву ему уже нельзя, там, в Москве, одновременно с мятежом в войске, вспыхнул бунт! Тут уже в летописной повести прямо говорится: *«А на Москве бысть замятня велика и мятеж велик зело»*. Мятеж! Слово все-таки произнесено. Начинаются убийства, грабежи, разгром пивных и медовых подвалов, обычная в таких случаях пьяная вакханалия.

Остановимся на общем перечне людей, очутившихся в тот момент в Москве: *«Бояре, сурожане, суконщики и прочие купцы...»* «Сурожанами» на Москве звали не только купцов из Сурожа — генуэзской колонии в Крыму, а вообще всех генуэзцев из Крыма. Судя по тому, что они попали в общий список, они были обыденной частью московского населения. А генуэзские купцы — если мы не забыли — как раз и были союзниками и вдохновителями Мамаю в том последнем его походе на Москву. То есть врагами Дмитрия.

Одни люди бегут из города — это понятно... А вот другие — отмечено в *«Повести...»* — *«сбежались с волостей»*. Кто побегит в город, охваченный бунтом? Понятно, вор и мародер, тут можно пожить. А также тот, кто знает и участвует в общем заговоре, тот, кто поспешил поддержать мятеж. Это свои люди, из Московского княжества.

Но далее, после *«волостей»*, написано: *«и елико иных градов и стран»*. То есть люди из других городов и стран! Вот те и на... Как же быстро они здесь очутились. И что им надо, зачем приехали? Нет ответа в летописи. Хорошо еще, что эти четыре слова сохранились...

И снова главный вопрос: против кого и чего мятеж? И снова нет ответа... И получается полная чушь. Если Донской, по летописной версии, защитник Москвы и земли Русской от «поганных татар», то почему Москва свергает его?

Значит, бунтовщики за татар? Но почему тогда они не встречают Тохтамыша хлебом-солью? А наоборот, запираются и открывают огонь со стен. Значит, они против Донского и против Тохтамыша. Тогда — за кого? Кого они принимают, встречают и привечают?

В «Повести...» дается ответ: «*Приехал в град литовский князь Остей, внук Ольгердов*». Добавлю — племянник Ягайлы. И что же он сделал? Читаем: «*И ободрил людей...*» Стал там вождем, временным князем, организовал и возглавил оборону от Тохтамыша...

Снова вопрос: а почему именно литовский Остей? С какой стати Москва сразу же доверяется чужаку? Были ведь среди мятежников свои бояре-князья. Но летопись не объясняет, почему вожаком стал именно приезжий человек.

Из всего этого следует, что заговор был весьма и весьма масштабный, разветвленный. Суздаль, Нижний Новгород, Рязань, Литва, московские бояре-князья, а также люди «*из других городов и стран*»...

Вот такое положение было в Москве, когда к ее стенам подошел передовой отряд ордынской конницы. Татары спросили: «*Есть ли здесь князь Дмитрий?*» Им со стен ответили: «*Нет*». При этом одним словом ответ не ограничился, а состоял из многих разных слов, потому как, отмечается в «Повести...», на стенах было много шатающихся пьяных: «*Пиани шатахуся...*»

Подошли основные силы ордынцев. Дальнейшее поведение Тохтамыша загадочно. Он начинает штурм. Зачем? Ведь цель хана — найти и покарать Дмитрия Донского якобы за измену. А если по летописи — просто так, чтоб не возвеличивался. Но Дмитрия-то в городе нет. Это с одной стороны. А с другой стороны — зачем штурмовать и убивать тех, кто в данный момент является врагом Донского и, значит, его союзником?

Мятежники отчаянно сопротивляются. И тогда на сцену выходят сыновья Дмитрия Константиновича Нижегородского. Они начинают переговоры, уверяют бунтовщиков, что Тохтамыш пришел сюда лишь покарать Донского, а против них ничего не имеет. Князь Остей и другие вожаки мятежа, князья-бояре и купцы, ему верят. Почему? Не потому ли, что они — свои, участники общего хитро закрученного заговора, и теперь считают, что они совместно обманули Тохтамыша. Отворяют ворота Москвы и выходят навстречу чуть ли не крестным ходом.

Но переговоры-то с ними вели князья Семен и Василий, а не Тохтамыш. Хан им ничего не обещал. Он дает знак своим воинам — и начинается страшная резня...

Причем первым убивают *«литовского князя Остея...»*. А ведь князей в те времена на войнах не убивали. В течение 137 лет, до сражений с Мамаем на Пьяни и на Воже. *«С 1240 по 1377 год ни один из удельных или великих князей Владимирской Руси не погибал на поле битвы»*. (Академик Л. В. Черепнин. «Духовные и договорные грамоты великих князей». М.; Л., 1950. № 12. Стр. 33—37.) Попавших в плен князей выменивали, выкупали — но не убивали. Таков средневековый закон, которого неукоснительно придерживались ордынцы... А гибли князья в междуусобицах, тайных интригах, заговорах. Убийство князя Остея означает, что поход на Москву Тохтамыш не считал **войной**. И Остей был выведен за рамки **военных** законов. Просто **заговорщик**.

Итак, Тохтамыш взял Москву, уничтожил мятежников. И увел свою конницу. А через несколько дней Донской въехал в Москву как полноправный хозяин. Ни князь Нижегородский, ни князь Тверской, тотчас же примчавшийся в Орду хлопотать о своем назначении, великого княжения не получили. Тохтамыш вновь вручил ярлык хозяина Руси Дмитрию Ивановичу Донскому.

И что же в итоге получается?

«Получается, что Тохтамыш на протяжении всего похода действовал в интересах Дмитрия Ивановича, — пишут Ольга Кузьмина и Александр Быков. — И разгром восставшей против Дмитрия Москвы, и разорение давнего противника Москвы — княжества Рязанского — можно рассматривать как ответный шаг Тохтамыша, благодарного Дмитрию за те жертвы, которые понесло Московское княжество на Куликовом поле. Новый хан Золотой Орды, царство которого заработано в том числе и легшими костями у Непрядвы полками Дмитрия, таким образом просто поддерживал пошатнувшуюся власть своего верного и очень ценного вассала. И одновременно сохранял власть Орды над Москвой. А ведь эта власть могла уйти из Тохтамышевых рук, если бы пролитовский переворот в Московском княжестве удался!» (Ольга Кузьмина, Александр Быков. «Сожженная Москва». «История». № 35. 2000 г.)

И еще получается, что Тохтамыш изначально знал или потом уже понял тайные замыслы заговорщиков. И вел свою

партию, играя с ними в кошки-мышки. Как будто он всех и все насквозь видел. Я пишу «как будто», потому что Тохтамыш — новичок в сложной европейской, русско-ордынско-литовской политике, он всего два года назад пришел из Сибири. А вот Донской в этих интригах живет с детских лет княжения, для него здесь тайн нет. Вполне возможно, он через своих гонцов и направлял Тохтамыша, информировал, раскрывал ему, кто есть кто в этом хитросплетении. Впрочем, я уже строю гипотезы и выдвигаю версии, от чего зарекся в самом начале.

А что же было с заговорщиками и доносчиками, с суздальско-нижегородскими князьями? Ни-че-го... Ни Тохтамыш, ни Донской никаких карательных мер против них не предприняли. Ведь Дмитрий Нижегородский открыто против Тохтамыша не выступал, а наоборот, его сыновья, суздальские князья, были рядом с ханом под стенами Москвы. И помогли усмирить бунтовщиков. Очень помогли! Ведь они убедили их открыть ворота. После чего и началась жестокая резня! В лоб-то штурмовать Москву было нелегко, особенно при наличии пушек у осажденных... А что до облыжного навета на Донского, то извиняйте, ошибочка вышла, мы с сыновьями запутались в сложностях политики, но не из злого умысла, а единственно из неумного желания служить вашему царскому ханскому величеству... Однако Тохтамыш на всякий случай забрал одного из суздальцев, Василия, с собой в Орду. Заложником. В таком виде, запутавшиеся в интригах и напуганные, суздальско-нижегородские князья, наверно, были удобны Тохтамышу. А может, еще и Донской за них слово замолвил...

Потому что Дмитрий Нижегородский был тестем Донского: его любимая жена Евдокия — дочка нижегородского князя. А его сыновья, суздальские князья, шурины Дмитрию, соответственно. О чем я и говорю, почему и старался по ходу основного сюжета опускать подробности еще и семейные. Ведь когда Евдокия осталась в Москве во власти мятежников, они ее не тронули, выпустили из Москвы, позволили уехать к мужу в Кострому. Да, подвергли поношению неслыханному, ограбили, оскорбили — как свидетельствуют Тверская и Никоновская летописи. (Кстати, в «Повести о нашествии Тохтамыша» сюжета с Евдокией вообще нет, яко небывши. То ли автор постеснялся, то ли сократили, «отредактировали» потом переписчики...) Это

была, скорее всего, перепившаяся награбленным медом толпа. Но толпу, видно, живо приструнили главари. Им, главам московского бунта, конечно, было бы выгодно оставить великую княгиню заложницей. Но они не могли этого сделать, потому что Евдокия хоть и жена Донского, но — дочка Дмитрия Нижегородского, тайного союзника мятежников в их общем заговоре против Донского. Вот как закручена история в деталях. В общем, когда все закончилось, Дмитрий Донской тестя не тронул...

Против Ягайлы тоже похода не предпринимали. Удобный момент был упущен. К тому времени Ягайло расправился с узурпатором Кейстутом, укрепился, и война с могучей Литвой не принесла бы быстрой победы. Если бы вообще принесла.

Москва сгорела. И в ней — церковь, **доверху набитая книгами**. Если все это вместе — пожар и церковь с книгами — не домыслы или не типичная ошибка какого-нибудь позднейшего переписчика, когда в одном сюжете совмещаются несколько событий, произошедших в разные года. Потому что, во-первых, странно, что во время штурма город не загорелся от тех же зажигательных стрел, если они применялись, а загорелся после штурма, после сдачи. Во-вторых, Тохтамышу не имело смысла жечь уже сдавшийся город. Ведь старался он ради Дмитрия, зачем ему жечь город «младшего брата» Дмитрия. В-третьих, так ли уж он сгорел, если Дмитрий уже через несколько дней выступил из него в поход на Олега Рязанского. В-четвертых, в такой «замятне» деревянный город мог загореться от опрокинутого горшка с углями. В-пятых, общая скорбь автора «Повести...» о поругании церковью занимает в повести несоразмерно много места и очень схожа по гладкости стиля с такими же летописными общериторическими описаниями, которые признаны позднейшими вставками. В-шестых, почему и как в открытой деревянной церкви оказалось такое количество книг, в то время как они всегда хранились в каменных подвалах монастырей.

Но если все так и было на самом деле, то представляете, ЧТО там сгорело?! Подумать даже страшно, и безысходная тоска берет при мысли, чего мы лишились, чего мы не знаем и никогда не узнаем... И кто виноват? У нас на все один ответ: время было такое...

Сильно пострадал Переславль-Залесский. Он-то при чем? При том, что Переславль-Залесский — отчина князя Остeya.

«Литовский князь Остей» уже три года как русский князь. Его отец — Дмитрий Ольгердович, православный — бежал на Русь от своего католического брата Ягайлы, получил в удел Пере-славль-Залесский, вместе с московским князем стоял плечом к плечу на Куликовом поле против Мамаю. А вот сын его оказался вовлеченным в заговор против Донского...

Сильнее всех пострадало Рязанское княжество. Но о нем и о князе Олеге Ивановиче Рязанском — отдельный разговор.

Глава 10

Клеймо предателя

Судьба Олега Рязанского

Чаще всего князя Олега Рязанского называют предателем. Но это далековато от... От чего «далековато»? От «правды», «истины»? Но получится, будто я тут вещаю правду-истину в последней инстанции. Скажу лучше так: это далековато от исчерпывающего представления о тогдашней действительности.

Почти все, что знает массовый читатель об Олеге Рязанском, — его союз с Мамаем и совместный поход на Москву с Мамаем и великим Литовским князем Ягайлой. Поход, который закончился разгромом Мамаю на Куликовом поле. О подоплеке и значении тех событий я подробно рассказал в очерке «Тайна Куликова поля».

Почему Олег опоздал к месту встречи с Мамаем, неизвестно до сих пор. Это дало повод некоторым современным толкователям и беллетристам изображать Олега тайным сторонником Москвы, внедрившимся к Мамаю... Но эта гипотеза никак не обоснована фактами. Во-первых, рязанцы, опоздавшие к Куликовской битве, отыгрались на том, что нападали на обозы с ранеными, идущие к Москве с Куликова поля: «*Ловили, грабили и отпускали нагими*». (ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. IV. С. 82.) Хороши «тайные союзники»! Во-вторых, история отношений Москвы и Рязани такова, что не оставляет места для подобных версий. Если говорить серьезно...

А иначе так и будем анализ подменять навешиванием на Олега тех или иных ярлыков. Раньше считалось, что он преда-

тель, потому что за Мамай, за Золотую Орду. Теперь выяснилось, что Мамай и Золотая Орда — это далеко не одно и то же, что Мамай-то как раз и был ярым врагом ханов Золотой Орды, мятежником и узурпатором; выяснилось, что другие русские князья как раз за Орду, за ее законного хана и воевали на Куликовом поле — но все равно Олег оказался предателем... Потому что для официального общественно-государственного сознания нет разницы, с кем ты, главное — что был тогда против Москвы. И уж тем более — в союзе с Мамаем.

Это уже называется — «рязанское счастье». Потому что у Рязани особая судьба.

Начнем с того, что киевские князья очень любили красивый город Переяславль на реке Трубеж. Ведь изначально Русская Земля, Киевская Русь, тогда состояла из трех главных городов — Киева, Чернигова и Переяславля. И когда шли киевские князья год за годом, век за веком на север, осваивать и покорять нынешние русские земли, то, увидев красивую речку, тут же называли ее Трубеж и ставили город. Так и возник Переяславль на Трубеже у впадения в Оку. Чтобы не путать его с южным, «настоящим», стали звать его Переяславль-Эрзянский, по названию крупного мордовского племени Эрзя. Ясно, стал он зваться просто Эрзянь, но сразу же произошла метатеза, перестановка звуков для удобства славянского произношения, и он превратился в Рязань, а с XVIII века официально — Рязань.

Идут наши киевские князюшки дальше на север и снова видят красивую речку, впадающую в озеро, — ну прямо родной Трубеж! И тут же ставят городок Переяславль. Но, чтоб совсем уж не запутаться, именуется он уже Переяславлем-Залесским. За лесами, дескать, аж за владимирскими, вон как далеко от Киева!

В этой милой идиллии — географическая, историческая, трагическая судьба Рязани.

Итак, Рязань — удельное княжество Черниговской земли, передовой форпост Киевской Руси. Но со временем Киев теряет главенство, и на Северо-Востоке возникает могучая Владимирская Русь. Вся страна теперь называется Владимирской Русью, и главный русский князь — великим Владимирским князем.

А Рязань — между ними.

Вскоре Южная Русь угасает, становится владением великих литовских князей. И Рязань остается один на один с Владимиром-Суздальским государством, которое помнит, что рязанцы — чужаки, ставленники черниговских князей.

Скажите, кого должны любить и ненавидеть рязанцы и Олег Рязанский? Ну ясно, в каждом справочнике написано, что Батый сжег город, оставив, правда, какое-то каменное городище.

Так Батый пришел однажды и ушел.

А великий Владимирский князь Всеволод Большое Гнездо вначале выколол рязанским князьям глаза. За то, что они пошли в поход на Москву и сожгли ее. Правда, сам Всеволод не хотел такой жестокой казни, он даже хотел отпустить князей. Но народ суздальский возмутился и настоял на изуверстве. Так суздальцы ненавидели рязанцев. А затем, после казни, Всеволод пошел на Рязань и поджег ее. А когда буйные рязанцы снова напали на его сына, Всеволод вывел людей за город и спалил Рязань уже дотла. Камня на камне не оставил. Так что к подходу Батыев рязанцы не очень-то успели отстроиться и укрепиться. Но здесь они смирили свою гордыню и попросили о помощи тогда уже великого Владимирского князя Юрия, сына своего злейшего врага Всеволода. Но Юрий, как известно, на помощь рязанцам не пришел.

Московские князья — потомки и наследники Всеволода. И поэтому мира с Москвой никогда не было. Вначале рязанцы жгли ее как форпост Владимира, в потом уже и как самостоятельную силу.

И вообще, за что Олегу любить Дмитрия, будущего Донского? *«Юноша Олег, преждевременно зрелый в пороках жестокого сердца, действовал как будущий достойный союзник Мамаю»*, — пишет Карамзин. Очень уж складно получается. Порочный и жестокий — и потому союзник Мамаю. Или — союзник Мамаю — и потому, ясное дело, порочный и жестокий. Но!..

За 9 лет до Куликовской битвы Дмитрий получил ярлык на великое княжение не от кого-нибудь, а от Мамаю! То есть будущий победитель Мамаю князь Дмитрий Московский был **ставленником Мамаю**. И они **вместе с Мамаем** в 1371 — 1373 годах успешно жгли и опустошали рязанские земли.

Не в оправдание Дмитрия, а в пояснение говорю, что союз с Мамаем был вынужденным, иного не было дано. Но со вре-

менем изменилась политическая ситуация на Руси и в Орде. И сам Дмитрий, уже зрелый муж и политик, и церковные иерархи во главе с Алексием и Сергием Радонежским приходят к выводу, что Мамай — фигура временная, и время его кончается, а Золотая Орда, как бы она сейчас ни была слаба, все-таки — Золотая Орда. И дальнейшее спокойствие Руси — в союзе с ней и в поддержке законного хана, а значит — в открытой войне с Мамаем. Так Москва пришла к Куликовской битве.

Но Олег Рязанский, видимо, не силен в стратегии, в политическом предвидении. А может, его обуревают мстительные, враждебные чувства. Он тотчас же примыкает к Мамаю и могучему литовскому князю Ягайло: *«Радостную весть сообщая тебе, великий князь Ягайло Литовский! Знаю, что ты давно задумал изгнать московского князя Дмитрия и завладеть Москвой. Пришло теперь наше время: ведь великий царь Мамай идет на него с огромным войском. Присоединимся же к нему».*

Из письма видно, кого Олег считает в этом триумвирате главным. Конечно же Мамай! Ведь Мамай, пишет он далее, раздаст им, Олегу и Ягайле, московско-владимирские города и земли! Но по большому политическому счету и Мамай, и уж Олег, разумеется, были марионетками Запада, католической церкви. Мамаю до лампочки, какая вера будет на Руси — католическая или православная. Дают деньги — и он ведет армию на Москву. Тем более интересы совпадают — раз ему не удастся взять власть в Золотой Орде, захватим московские земли. Таким образом законные ханы Орды лишатся мощного союзника и вассала. А там, с помощью Ягайлы, можно будет утвердиться и в окончательно ослабленной Золотой Орде.

Олег — православный, покровитель церквей и монастырей, скажи ему, в чем глубинная суть и дальняя цель их похода на Москву — может и задумался бы. Но он дальше сегодняшнего дня не смотрит и не мыслит, для него главное — уничтожить Дмитрия и Москву как вечного соперника.

Так что в этом триумвирате — если смотреть в большом политическом смысле — главным все же был Ягайло. Литва — копьё Запада, направленное на Русь и Орду.

Да, рязанцы не участвовали в Куликовской битве. И быть может, именно поэтому, после поражения своего союзника Мамай, срывая досаду, повели себя страшно. Когда повезли в Мос-

кву обозы с ранеными, рязанцы нападали на них и грабили беззащитных. Вместе с ними грабили обозы и добивали раненых не подоспевшие к сечи воины из отрядов Ягайлы — в большинстве своем славяне из киевских и белорусских пределов. (ПСРЛ. Т. IV. С. 82.; А. В. Экземплярский. «Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г.» Т. II. СПб., 1891, с. 586—587; Бегунов Ю. К. «Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище»»//Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С.506—509.)

Жестокий век, жестокие сердца...

Итак, литовско-мамайско-рязанский триумвират разбит Дмитрием и Тохтамышем. Рязань подписывает мир с Москвой, в котором Олег признает Дмитрия Донского «старшим братом». То есть не сюзерен, но все-таки... Однако вскоре разрывает договор. Причем самым вероломным образом. В 1382 году Олег Рязанский вместе с суздальскими князьями Василием и Семеновом ведет Тохтамыша в поход на Москву! Указывает ордынской коннице броды через Оку...

То есть и здесь Олег Рязанский — на вторых ролях. И так всю жизнь, все 52 года княжения. Что очень даже ярко характеризует и его личную судьбу, и историческую судьбу Рязани.

Но эта роль и судьба — тяжелые. Как я уже написал — рязанское счастье. Например, в итоге этого неудавшегося нижегородско-суздальско-рязанско-литовского заговора сильнее всех пострадало Рязанское княжество. Ягайло неприступен, у нижегородцев-суздальцев хитромудрые прикрытия и отговорки, и только Олег остался весь на виду — открытый и главный враг Донского. Он не строил козни за спинами других, как суздальцы, к примеру... За что и получил то, что получил. Отходя от Москвы через рязанские земли, ордынская конница подвергла их грабежу и насилию. То ли потому, что озверевшей от крови и пожаров рядовой солдатне недосуг было разбираться, кто на сегодня рязанцы — враги или союзники, то ли потому, что Тохтамыш так отомстил Олегу за союз с Мамаем и последующие интриги против Донского.

И Донской, конечно, не простил Олегу участия в заговоре. Как гласит летопись, *«по прошествии нескольких дней князь Дмитрий послал свою рать на Олега Рязанского... Землю его всю захватил и разорил — пуще, чем татарские рати».*

Олег затаился на три года. А затем, собравшись с силами, с боем взял и разграбил дочиста богатый московский удел — Коломну...

Суди не суди, а это политическая действительность того времени. Все вступали друг с другом в кратковременные союзы, рождались (к примеру, через семь лет после Куликовской битвы и через пять лет после разорения Москвы **Дмитрий и Олег стали сватами** — Дмитрий выдал свою дочь за сына Олега) и тут же предавали друг друга, чтобы затем снова соединиться против вчерашнего друга, а может, и врага... И добром это, как видим, не кончалось. Я имею в виду, добром не кончалось для простых людей, для тех же смердов — извечных жертв истории и деяний исторических личностей...

Закат жизни Олега едва не увенчался большой победой. Объявив войну Литве, он отбил у нее Смоленск. К сожалению, ненадолго. Тут же потерпев поражение, Олег умер. Можно сказать, не сходя с седла.

А просидел он в княжеском седле ни много ни мало — 52 года! И, как писал Иловайский, «весь период самостоятельного княжества для Рязанцев сосредоточился в одном Олеге; более они не помнят ни одного князя. С этим именем связана большая часть остатков старины, разбросанных по долине средней Оки, и большая часть народных преданий».

Обозрим же кратко врагов-союзников, соседей Олега и княжества Рязанского.

Ягайло, Мамай, Дмитрий Донской, Дмитрий Нижегородский, Михаил Тверской, Тохтамыш. Грозная Орда, гигантская Литва, Владимир, Суздаль, уже могучая Москва, богатый Нижний Новгород, богатая Тверь, еще более богатый Новгород.

А маленькая Рязань — одна в чистом поле. Одна против всех.

Не случайно тогда на Руси считали, что самые культурные — владими́ро-суздальцы, самые богатые — новгородцы. А самые **воинственные** — рязанцы.

Даже не любящий Олега за «гнусную измену» историк Карамзин называет его тем не менее смелым, отважным, мудрым, богатым умом.

Говоря житейским языком, вина и беда Олега в том, что в **исторически важный момент** он оказался **не там, где надо...**

Вся вина или беда Олега Рязанского в том, что он не был государственным деятелем **общерусского масштаба**.

Он знал и защищал, как мог, одну лишь свою Рязань!

А дорога и судьба Русского государства в то время шла не через Рязань, а через Москву. Прежде всего потому, что здесь престол митрополита, и московские священники, князья, служивые люди и простолюдины вольно или невольно втягивались в орбиту общерусских интересов, а не интересов какого-либо отдельного княжества.

Общепризнанным авторитетом и собирателем земли тогда мог стать только князь, осененный идеей общерусского православного государства.

А кто им был тогда? Только Александр Невский. К горькому сожалению, великим князем Владимирским, то есть хозяином Руси, он пробыл всего 11 лет... А Олег княжил на Рязани 52 года!

Один Александр Невский, гений земли Русской, еще за 130 лет до описанных здесь событий вынашивал и железом утверждал идею единого государства на основе православной веры.

После него Русь снова погрузилась в кровь и ужас раздоров.

Счастье, что был Дмитрий Донской и его наставник и фактический правитель государства в отроческие годы Дмитрия — митрополит Алексей. Они властью церкви и властью князя собирали Русь в единое государство.

Вот на каком фоне разворачивалась судьба нашего героя — буйного, многострадального князя Олега Рязанского.

С его смертью закончилась одна и началась другая эпоха.

Началась Московская Русь.

А Олег Рязанский остался в прошлом.

Помянем его тихим словом. Мир его праху.

Глава 11

ЧЕГО МЫ ХОТИМ ОТ ИСТОРИИ?

Сама постановка такого вопроса — чего мы хотим от истории? — глубоко порочна. И неумна по сути. Да мало ли чего мы «хотим»? Какое дело истории до нашего пигмейского человеческого «хотения»? Смешно, право слово... Но мы ж — люди, и потому «хотим». А когда мы, люди, становимся служителями

государства, то начинаем считать, что наше «хотение» — для блага и могущества государства. Марк Блок писал, что история как наука существует для оправдания ныне господствующей системы. Или еще для каких оправданий, утверждений, убеждений или заблуждений. Отсюда и все яростные споры, проповеди и отповеди.

Мои очерки в течение десяти лет, в процессе работы над книгой, печатались в десятках российских и американских газет и журналов. И даже вызывали отклики. А поскольку в последние годы письма в редакции приходят единичные (в советские времена носили мешками), то можно считать, что мои заметки вызвали некоторый интерес.

Из всех писем-откликов, опубликованных и неопубликованных, выделю три статьи, три имени, трех человек. Это доктор исторических наук Борис Орлов (Москва), дизайнер Рустем Абдуллин (Минск) и доктор исторических наук Владимир Ступишин (Москва). На мой взгляд, они выражают самые типические мнения в споре о средневековой истории Руси, связанной с монгольской империей, с Золотой Ордой. Равно как и Лев Аннинский, книга которого попала в поле моего зрения во время работы над этими полемическими заметками.

Новгород мог стать Нойбургом

Из статьи доктора исторических наук Б. Орлова (Москва):

По своей основной специализации я германист. Несколько лет назад, поставив перед собой задачу сопоставить политическую культуру России и Германии, я помимо прочего стал изучать деятельность Ганзы — своего рода торгового государства, просуществовавшего на территории нынешней Германии несколько столетий, которое объединяло несколько десятков городов, торговало, строило, благоустраивало территории... Так я вышел на Новгород Великий... Передо мной предстала своеобразная цивилизация со своими выборными порядками, логичной структурой управления и высокой по тем временам культурой. Именно новгородцы ввели и на протяжении нескольких веков строго придерживались права приглашать князей к себе на службу, заключать с ними договоры, четко оговаривающие

права сторон, и если князь артачился, то указывали ему на дверь. Они не делали исключения и для князя Александра, прозванного Невским, и здесь он вовсе не был полновластным хозяином как это подают литературные и иные источники. Находясь в Новгороде и наблюдая за раскопками (а они продолжают по сей день), я мог сравнительно легко представить себе, чем и как жили здесь русские люди много веков назад. Дороги, регулярно настилавшиеся бревнами, усадьбы со своим миропорядком, водопровод (Москва узнала о нем столетия спустя). Но прежде всего берестяные грамоты. В них пишут все и о всем. И стар и млад. Уже позже, находясь в Кельне, я зашел в городской музей, чтобы специально узнать, как обстояли здесь дела с письменностью в те времена. А никак. Была латынь, которую знали лишь немногие священнослужители. А ведь Кельн — один из стариннейших городов Европы. И вот главный вывод, к которому я пришел в результате собственных изысканий и размышлений: Новгородская городская вечевая цивилизация была устойчивым путем развития, о котором так много пишут нынешние экономисты. Тем великим шансом, который открывался перед страной. И прежде всего — сточки зрения самоутверждения человека как личности — не склонявшего голову перед князем, которого приглашал или прогонял, и уж тем более понятия не имевшего о том, что такое крепостная зависимость. Разумеется, все это сопровождалось социальными издержками — бунтами, потасовками. И об этом забывать не следует. Но важно главное: этот великий шанс был пресечен ордынским нашествием, а затем и деятельностью первых московских князей и царей.

В исторической литературе вторжению из азиатских степей и последующему периоду оккупации, растянувшемуся на два с половиной столетия, давались разные названия: «татарское нашествие», «татаро-монгольское нашествие» и очень редко — «ордынское нашествие»... На наш взгляд, эту систему уместнее всего называть «ордынской», поскольку в основе лежит коренное понятие «орда» — особый способ властвования, с особой иерархией, определявшей, куда, в какую сторону посылать войска, какие порядки заводить, как держать в подчинении покоренные земли... Именно в таких условиях формировалось Московское княжество, а затем и царство. Находясь в конкуренции с соседями (с юга — Рязанское княжество, с севера — Тверское), московские правители проявили чудеса изворотливос-

ти, чтобы в конечном счете добиться права на первенство среди поработанных. У ордынских хозяев они многому научились. И не только переписывать население и собирать дань, но прежде всего обращаться с собственным народом. Воцарился полный произвол, не ограниченный никаким правом. Это особенно проявилось при Иване III.

Для меня главная характеристика этого режима — целенаправленное подавление личности, создание закрытого общества. Иван III, один из главных творцов этого режима, в 1471 году направляет московские войска для разгрома «новгородской вольницы». Одни из первых его шагов — выселение из Новгорода всех немецких купцов, прекращение торговых отношений с европейскими торговыми фирмами... В спертый атмосфере закрытости и просуществовало русское общество, считай, самое меньшее двести лет. Двести пятьдесят лет ордынского ига плюс двести лет самоизоляции — по этим счетам мы платим до сих пор...

Тот, кто сегодня говорит, что, мол, в прошлом отношения Руси и Орды были совсем неплохие, а пагубное влияние ига на судьбы России — выдумки историков, и даже выдвигает концепцию особой исторической роли некоего дуумвирата Русь—Орда, тот, может быть того не желая, оправдывает ордынский подход к обществу и человеку в его обновленном, евразийском виде. И историк Ю. Афанасьев... достаточно точно подметил антидемократическую подоплеку всех этих новомодных трактовок.

Ведь быть европейской страной — это не значит утрачивать духовно-культурные особенности России и противопоставлять ее азиатским культурам. И не значит стоять спиной к странам Азии. В силу своего геополитического положения мы просто обязаны развивать тесные контакты с ними. Но при этом мы должны представлять страной с демократическим образом правления и неукоснительным соблюдением прав человека. И демократия — это не просто еще один поворот в истории России. Только при ней мы можем преодолевать опасность размежевания по сугубо этническому признаку.

Мой комментарий:

Я совершенно согласен с доктором исторических наук Борисом Орловым в том, что Орда — антидемократическое политическое устройство, Орда усилила и укрепила жестокую, антидемократическую централизацию Русского государства. (Об

этом — глава «Казнь Великого Новгорода».) Однако Б. Орлов немного преувеличивает самостоятельность Новгорода в рамках Руси. С изначальных времен Новгород уже подчинялся киевскому князю. Затем, с началом смуты на Руси, отделился и вовсе отделился. Затем, вначале с помощью Орды, а потом уже и самостоятельно, русские великие князья подавляли Новгород, единственный росток вольностей, западной демократии и западного рынка на Руси.

Но централизация — процесс неизбежный, как показала история человечества. И немецкие вольные города Ганзейского союза также попали под власть государства, разве не так? Но население того государства было немецким, германским, однородным по языку и по вере с населением вольных городов. Вот в чем самое существенное отличие.

А доктор Орлов представляет Новгород как некое лабораторное вещество в пробирке, вне времени и обстоятельств. Не будь Александра Невского и ордынской конницы, немцы бы не притязали на Новгород? И Псков с Изборском немцы занимали для того, чтобы приобщить нас к рынку и демократии? В том-то и суть.

Орда никогда не покушалась на уклад жизни, язык и веру Руси. Церковь не платила налогов Орде. Более того, золотоордынские ханы давали русским православным церквям охранные грамоты, по которым оскорбление веры и посягательство на церковное имущество карались смертной казнью...

Совсем другое дело — Запад. Он нес не просто крест, а — католический крест. Именно поэтому удельные русские князья клялись великому князю в верности **борьбе за веру**. А тех, кто нарушал, митрополит предавал проклятию.

Диктат чужой веры, чужих обычаев и чужого языка смертелен в изначальные времена, когда нация только складывается. В таких условиях один век — и все потомки новгородцев стали бы говорить по-немецки и город звался бы Нойбург или Нойштадт. Заметила ли история, как славянское поселение Бранный Бор стало немецким Бранденбургом? Многие об этом вообще впервые слышат... То же самое могло произойти и с Новгородом. И мы бы с доктором Орловым сегодня ни о чем не спорили. Действительно, какое нам дело до немецкого Нойбурга и немецких порядков...

Запрещенные болгары

Из письма дизайнера Рустема Абдуллина (Минск):

С пятого класса заболел историей России. Началось все с урока истории в школе. Было это в Казани, где я родился и вырос. Проходили тему «татаро-монгольское иго». И тут русские одноклассники стали тыкать в татар пальцами и со смешком приговаривать: «Вот, это вы нас завоевывали, жгли и мучили!..» Но хорошо помню — неприязни не было, был какой-то всеобщий примиряющий юмор. Дети как-то инстинктивно умеют разделять «идеологию» и жизнь. Но осадок все равно остался.

Я был последовательным ребенком — стал искать ответы на вопрос, откуда и как пришли татары в Казань, где я жил и родился. Долгий это был путь поисков. Тогда-то я и сделал свое первое открытие — я не татарин, а болгарин. Или булгарин. Ох как смеялись надо мной мои первые слушатели — мои старшие братья... До сих пор грустно вспоминать. А ведь не за тридевять земель, а под боком у Казани жили развалины столицы Волжско-Камской Булгарии. Именно — жили. Потому что их все время посещали верующие старики татары, тихо и незаметно. Мы этого не знали. Постаралась идеологическая история...

30 лет я говорил про болгар-булгар во всех житейских спорах-разговорах на исторические темы. И почти всегда видел в глазах собеседников иронию. Хотя и не злую, больше сочувственную: вот, мол, сочиняет парень! Но времена меняются, и люди тоже. После одной из ваших статей, Сергей, один из моих знакомых прибежал ко мне и сообщил «ошеломительную новость», размахивая газетой: «А ты знаешь, Рустем, а ведь ига-то не было!»

И напоследок. У нас в Беларуси недавно скромно отметили 600-летие первого поселения татар на этой земле. 600 лет назад Витовт, великий князь Литовский, призвал к себе на службу ордынскую конницу...

Мой комментарий:

Вот и зададимся теперь вопросом: почему, зачем, с какой целью надо было с детства обманывать этого парня и всех нас? Почему историю татар-булгар утаивали и утаивают до сих пор?

Болгары, кочевой тюркоязычный народ, жили в Приазовье. Великая Болгария была могущественным государством раннего Средневековья, состязалась с Византийской империей.

В VI—VII веках болгары жестоко воевали с хазарами и поэтому, видимо, вынуждены были уйти.

Но общего мнения и согласия, куда идти, у них не было — и народ разделился. Одну часть хан Аспарух увел на Дунай, где они и обосновались навечно среди дунайских славян, приняли христианство, ославянились и даже стали основоположниками славянской письменности. У них хан Аспарух и считается основателем Болгарского царства, Болгарии, национальным святым и героем.

Другая часть болгар ушла под водительством неизвестного хана на Каму и Волгу. Здесь они основали Камско-Волжскую Булгарию, которая довольно быстро по тем временам стала мусульманской. От Аравии, где возник в VII веке ислам, до Камы все-таки далеко. Но уже в X веке посланец болгар предлагал Киевскому князю Владимиру ислам как государственную религию. Владимир, как известно, не согласился и выбрал христианство византийско-православного толка.

Великий Булгар пал во время похода Батыея. Но если Русь стала вассальным государством Золотой Орды, в очень большой степени независимым, то Булгару монголы не дали никакой самостоятельности, сделали его составной частью Золотой Орды.

С распадом Золотой Орды возникли отдельные Крымское, Сибирское, Астраханское и на месте Булгара — Казанское ханство. Подданных этих государств и стали называть татарами. В том числе и подданных Казанского ханства, которые вообще-то болгары или булгары...

Камско-волжские булгары-болгары, в течение веков смешиваясь с местным угро-финским населением, внесли определенный вклад в этногенез мордвы, мари, удмуртов, чувашей. Нынешние казанские татары — прямые потомки камских болгар и по вере, и по языку.

И вот теперь скажите, зачем все это надо было прятать, утаивать от Рустема? От истории. От всех. Зачем? Глупость и тугодумность идеологической системы общеизвестны. Но ведь все равно — какая-то цель преследовалась? Какая? Разделять и владеть? Поддерживать образ врага? Нации нужен супостат? Да и вообще, нельзя позволять хоть что-то знать, кроме того,

что преподносится кратким курсом официальной истории. Потому что одно знание влечет за собой другое, другое — третье, а там недалеко и до подрыва основ?

И так далее, и тому подобное. Перечень причин может продолжить каждый. И все будут верными. Потому что у истины одна дорога, а у лжи — тысяча.

Еще одно подтверждение тому, связанное непосредственно с письмом Рустема Абдуллина, я получил многие годы спустя, когда вышла книга известного нашего критика и литературоведа...

Невеселый смех

Из книги Льва Аннинского «Русские плюс...» (М., 2004.):

Нет, все-таки это необъяснимо, несовместимо, нестерпимо, чтобы за семьсот лет не зарубцевалось! Но почему? Ведь англичане излечились от синдрома норманнского десанта и даже инсценируют битву при Гастингсе. Попробуйте «инсценировать» взятие Рязани, осаду Козельска или битву на Калке... Думаете, «срок» не вышел? От Гастингса как-никак почти тысячелетие минуло, а от Калки — семьсот семьдесят девять. Много? Мало?

Ну так от Грюнвальда — еще меньше. Однако белорусы, немцы и литовцы способны вспоминать эту мясорубку спокойно. Как хватает юмора англичанам и французам разыгрывать карнавальное Ватерлоо в годовщину битвы...

Но какой рок лежит между Русью и Ордой, что кровоточит их разборка пять, шесть, семь веков спустя?..

Теперешние татары и теперешние русские бьются над теперешними проблемами, и потому вопиют в их памяти рязанские и казанские камни, залитые кровью пятьдесят поколений назад...

[...]

Я допускаю, что коломенский призывник испытывает дополнительную гордость, если ему объяснят, где именно князь Дмитрий собирал полки. А призывник из Казани? Какие чувства испытает он, если в годовщину разгрома «мамаевых полчищ» от него станут ждать патриотического подъема?.. Но битва была? Была. Надо ее помнить? Надо. Только не делайте се-

годняшних татар соучастниками тогдашней драки. Или уж позовьте и им отпраздновать кое-что в компенсацию. Взятие Рязани, например. Зеркально: мы берем Казань, они — Рязань. Или еще Калку вспомните...

Мой комментарий:

И тут меня стал одолевать смех. Правда, невеселый. Причем многие мысли Аннинского не вызывают у меня протеста, они интересны, я разделяю его тревогу, озабоченность. Но все дело в том, что татары не брали Рязань! И на Калке не «сидели задами на русских князьях». На Калке их вообще не было и не могло быть!

Ведь Аннинский апеллирует именно к казанским татарам. И поводом к его рассуждениям стала книга «Евразия: за и против», вышедшая в Казани. Только напрасно он отождествляет Орду и казанских татар. Казанские татары к Золотой Орде имеют весьма опосредованное отношение. Калка отстояла от их государства на громадное расстояние, между Калкой и казанскими татарами лежала вся Русь. Но и под Рязанью их, казанских татар, не было и не могло быть! Хотя бы потому, что их в войске Батыея не было. Рязань брал Батый! А потом тот же Батый точно так же взял штурмом столицу татар — Казань (тогда она называлась Великий Булгар). И нынешние казанские татары, к которым обращается Аннинский, тогда назывались булгарами или болгарями. А татарами они называются лишь по случайности истории и этнонимике, и «произошли» они не «от половцев», как пишет Аннинский. Казанские татары вообще в обозримый нами исторический срок ни от кого не «произошли» — они были и остались болгарями. О чем я и писал в предыдущей главе.

И на Куликовом поле, в «Мамаевом побоище», казанские татары не были и не участвовали. То есть частично участвовали, но исключительно против Мамаея, исключительно на стороне законного хана Золотой Орды Тохтамыша и его «младшего брата» Дмитрия Донского...

Теперь вы прощаете мне мой смех? И смеюсь я не над Аннинским, разумеется. То, что он казанских татар уравнивал с ордынцами — не его вина, а общая беда. Все ведь так считают, все в советской школе учились, учебник истории у всех был один.

Но рассуждать об истории, не расставив все по точным местам, — это, простите, смешно. И если такой высокообразо-

ванный человек, как Аннинский, допускает такие ошибки, то можно представить, как въелись эти ошибки в сознание и подсознание людей.

При всем при том мысли Аннинского, повторю, очень интересны. И общая постановка вопроса интересна: «Но какой рок лежит между Русью и Ордой, что кровоточит их разборка пять, шесть, семь веков спустя?»

А тот самый рок. Называется — искажение истории. Давнее, три века преподносимое как само собой разумеющееся. С детства, со сказок и со школьных уроков вбитая мифология. А если проще говорить — прямая ложь, разжигающая вражду между народами. По ней, по этой лжи, Дмитрий Донской «боролся против татаро-монгольского ига» и на Куликовом поле воевал «против хана Золотой Орды». Никогда Дмитрий Иванович, с детских лет опекаемый ханами Золотой Орды, не боролся против этого самого «ига», а, наоборот, всеми силами поддерживал законную власть законного хана Золотой Орды. Что и доказал на Куликовом поле, выступив против Мамаю. Который никогда ханом не был и не мог быть, а был смутьяном, мятежником и узурпатором, общим врагом и для Дмитрия, и для Тохтамыша. То есть и для Руси, и для Золотой Орды. И т. д. и т. п. Но эта ложь поддерживается веками и живет донныне. Вот вам и корень «рока», уважаемый господин Аннинский.

И англичане с французами, и немцы с белорусами и литовцами, как пишет Аннинский, спокойно относятся к своему прошлому. Осмелюсь предположить: потому что у них все там ясно, все владеют информацией, как и что было на самом деле. А у нас — увы. У нас — ложь. Потому и «рок». Видимо, правда всегда успокаивает. А ложь имеет свойство возбуждать страсти. Так мне представляется.

«Доказать своё...»

Из статьи доктора исторических наук Владимира Ступишина на (Москва):

Баймухаметов незаметно подменяет крестоносцев Литвой: «В те века Московская Русь была маленькая, а Литва велика и могуча и при случае могла поглотить Московское княжество...»

И предлагает «чаще смотреть на древние карты». Ну давайте посмотрим на карты. Что же они показывают? А то, что в XII веке совсем крошечная Литва была меньше Полоцкого княжества... В XIV—XVI веках происходит экспансия Великого Княжества Литовского на белорусские и украинские земли, но и в эти времена, собственно, Московию оно было не в состоянии «поглотить»: поперхнулось бы, ибо тогда она, по крайней мере территориально, уже в несколько раз превосходила Литву. Все это хорошо видно на картах, приведенных во втором томе «Истории СССР» (М., 1966 г.).

Мой комментарий:

Литва была «меньше Полоцкого княжества» в самом начале XIII века. Но уже с XIII века Полоцк был под властью Литвы. А затем в Литву вошли также Киев, Чернигов, Минск, Курск, Брянск, Смоленск, границы Литвы подходили к Можайску и Вязьме, великая (большая) Литва простиралась от Балтики до Черного моря. Все это можно узнать из любой общедоступной энциклопедии. Может, недоразумение в том, что д-р Ступишин пользовался, как он сам пишет, картами «Истории СССР» 1966(!) года издания?

Из статьи В. Ступишина:

Баймухаметов утверждает, что даже само слово «иго» попало в Россию только в конце XVII — начале XVIII века. Ну взглянул хотя бы в словари, например в «Историко-этимологический словарь современного русского языка» П. Я. Черных (Т. 1. М., 1994. С. 334). Там он мог бы прочитать, что старославянское слово «иго» было в евангельских текстах, имевшихся на Руси с XI века. Это слово, конечно, сродни латинскому «югум», но попало-то оно в Киевскую Русь не в XVII веке, а в домонгольские времена, когда у русских уже сложились активные связи не только с Византией, но и с Западной Европой.

Мой комментарий:

Вообще-то я утверждал, прежде всего: «Русские в XIII—XV веках не подозревали, что они живут «под игом». Хотя бы потому, что не знали такого слова». В. Ступишин отбрасывает суть и пытается оспорить частность: было раньше слово «иго» или нет? И доказывает, что оно «было в евангельских текстах,

имевшихся на Руси с XI века». Хорошо, было, но я же речь веду не о евангельских текстах, а о том, когда слово «иго» стало общеупотребительным именно в смысле «татаро-монгольского ига». А если о словарях, то есть словенское «иго» в значении «перекладина у саней», и есть латинское — в значении «ярмо». И доктор Ступишин под словом «иго» подразумевает не «перекладину от саней», а как раз латинское значение — «ярмо». Что он тогда доказывает, непонятно.

Ну не знали русские люди в XIII—XV веках, что они живут «под игом»? Не было такого слова в употреблении. А самое главное, понятия не было — «татаро-монгольское иго».

Из статьи В. Ступишина:

Невежеством отдает и ссылка на фокус Гумилева, который, видите ли, «навскидку» привел список «русских фамилий ордынского происхождения». А не надо такие вещи делать навскидку. Обязательно опростоволосишься, как опростоволосился Гумилев. Даже среди приведенных фамилий немало таких, которые никакого отношения ни к Орде, ни вообще к тюркам не имеют. У многих из них просто русские корни, иногда устаревшие, с подзабытой, но легко проверяемой этимологией (Баранов, Горчаков, Горшков, Державин, Третьяков, Хомяков и др.). У других — греческие (Арсеньев), у третьих иудейские (Вельяминов — от библейского Вениамина)... Навскидку можно приписать какое угодно происхождение очень многим фамилиям, хотя они в большинстве своем идут от прозвищ, в образовании которых могли участвовать любые иноязычные слова, вошедшие в русский язык, что далеко не всегда отражало национальность носителя прозвища. Татариновы совсем необязательно из татар, как Шведовы — из шведов, Чеховы — из чехов...

Мой комментарий:

В. Ступишин спутал значение фамилий и происхождение рода, родословную. Его объяснение происхождения фамилий «по этимологии» не имеет никакого отношения к теме моей статьи. Ордынское (и любое другое) происхождение людей, носителей данных фамилий, определяется далеко не только по «словарям» и далеко не только по «этимологии». Конечно, легко сказать, что Аксаковы от тюркского «аксак» — хромой, Богатыревы — от «багатура», Барсуковы — от тюркского «барсук»,

а Вельяминовы, как пишет Ступишин, «от библейского Вениамина». Но эта «этимология» объясняет происхождение фамилий, а не людей. «Аксаком» (хромым) или «багатуром» (богатырем) могли называть и вовсе не выходца из Орды, а самого что ни на есть коренного русака, просто хромого и просто силача. Тюркский язык, многие тюркские слова были тогда в общем употреблении. На самом же деле Н. А. Баскаков свой словарь русских фамилий ордынского происхождения составлял по родословным. Была такая традиция у русских дворян — вести запись своего родословия. И по этим родословным, к примеру, русские дворяне Вердеровские и Апраксины ведут свой род от ордынского воеводы Салахмира, а Зубовы, графы Римской империи, — не от «зуба», а от великого владимирского баскака Амырхана. Одни Вельяминовы ведут род от варяжского воеводы Шимона, который в 1027 году пришел в Русь к Ярославу Великому и принял православие, а другие Вельяминовы — от ордынского мурзы Чета, крестившегося в 1330 году с именем Захария и построившего Ипатьевский монастырь в Костроме

По родословным, а не по «этимологии» проверяется происхождение тех или иных родов!

Из статьи В. Ступишина:

Зря г-н Баймухаметов напоминает о половецких и татарских предках некоторых известных русских людей. Слишком он преувеличивает значение «крови»... Подчеркивание того, например, что все русские — на самом деле татары... глупо.

Мой комментарий:

Согласен — глупо. Но я ничего такого не подчеркивал, никогда не писал, что «все русские — на самом деле татары», и слова «кровь» у меня вообще нет, напрасно Ступишин ставит его в кавычки. Это очень нехороший прием: приписывать оппоненту невесть что, а потом опровергать...

Из статьи В. Ступишина:

Татарщина задержала наше развитие не только тем, что творила во время оно, но и тем, что «азиатское начало» обернулось на Руси крепостным правом и самодержавным деспотизмом, барской дурью.

Мой комментарий:

Это очень удобно: все плохое, что было после XV века, объявлять наследием «азиатского начала». Но, во-первых, очень странно: ни в одной стране послеордынского периода не возникло крепостное право, а только у нас. А во-вторых, основы крепостного права законодательно заложены были еще «Русской правдой» Ярослава Мудрого. Жизнь смерда стоила копейки. А потом и вообще ничего...

Очень популярно и другое утверждение доктора Ступишина: «Татарщина задержала наше развитие...» Но ведь достаточно посмотреть на славянские территории, где не было «ига», где была «Европа», чтобы с изумлением увидеть: да не было там никакого европейского расцвета! Причем это не запредельные, а близкие в славянском, в советском смысле земли. К примеру, Беларусь. Что, она по сравнению с Московской Русью достигла под крылом Запада каких-то невиданных высот в своем развитии!? Нет, Московская Русь уже с XV века была могучим и уважаемым государством, а славянские народы, населяющие Западную Украину и Беларусь, именовались в польско-литовском государстве холопами и быдлом... Однако ж этого как будто никто не видит, не помнит.

Из статьи В. Ступишина:

Г-н Баймухаметов перечисляет несколько православных святынь, сохранившихся там, где было ордынское «влияние»... Мизерное количество памятников домонгольской архитектуры сохранилось до наших дней. Но главное не это, а то, что, назвав менее десятка святынь, Баймухаметов умалчивает о том, сколько их было разрушено во время набегов, включая старинную, X века, Десятинную церковь в Киеве».

Мой комментарий:

Тут странно все. Да, я перечислил «несколько церквей». Чуть более двадцати, **только памятники мирового значения, только XI—XIII веков.** Если количество церквей, сохранившихся при власти монголов, Ступишин называет «мизерным», то по сравнению с чем? По логике, по сравнению с теми, что монголы разрушили. Но Ступишин называет только одну, Десятинную церковь. А сколько еще? Молчит. Не называет. Может,

называть нечего? Тем более, если быть точным (а иначе нельзя!) то единственную названную им Десятинную церковь в Киеве монголы целенаправленно не разрушали. Она сама рухнула от большого скопления людей на хорах во время штурма Киева. О чем совершенно ясно сказано в Ипатьевской летописи.

А всего в русских летописях называется три церкви, пострадавшие при монголах. Это уже упомянутая Десятинная церковь в Киеве, церковь в Рязани, выгоревшая изнутри, и храм Рождества Богородицы в Суздале, также пострадавший от пожара. Однако в той же Лаврентьевской и Тверской летописях говорится, что на следующий год князь Ярослав упокоил мощи своего брата Юрия именно в соборе Рождества Богородицы.

На каком же основании доктор Ступишин называет количество церквей, сохранившихся в Киевской и Владимирской Руси, «мизерным»? Наверно, все на том же, на основании словарей-справочников. Как я уже отмечал в очерке «Княжеский крест», о Киеве, Владимире, Суздале и других русских городах, где стоят храмы XI—XIII веков, в этих словарях и справочниках до сих пор пишут: «разрушен татаро-монголами»... К примеру, такая пометка стоит и в словарях-справочниках о Рязани. Самые старые церкви там датированы XVII веком. И никто не может сказать, какой была Рязань в раннем Средневековье. Потому что древнюю Рязань за 29 лет до похода Батыея **полностью, камня на камне не оставив**, разрушил и спалил дотла великий Владимирский князь Всеволод Большое Гнездо во время очередного похода на Рязань, которая для Владимира всегда была злейшим и главным врагом. Разбив рязанскую рать, Всеволод велел оставшимся в живых рязанцам уходить из города, а сам город — уничтожил. А монголы штурмовали то, что рязанцы успели отстроить за 29 лет на пустом месте...

Это вовсе не значит, что церкви не горели, не разрушались. Война есть война. Когда штурм, когда побоища и пожарища... да что тут говорить. Города же были деревянные, и многие церкви — тоже.. Я же пишу совсем о другом — о том, что монголы не разрушали церкви **целенаправленно**. Это широкие массы судят по урокам истории СССР и словарям-справочникам, а ученые, наверно, знают, что ордынцы не могли разрушать церкви, потому что, во-первых, многие из них были христианами, а во-вторых, Чингисхан приказал почитать все религии, а заве-

ты Чингисхана выполнялись неукоснительно, ибо их невыполнение каралось смертью.

И мне, право слово, неловко это писать. Потому что конфуз получается. Но я обязан. Ибо до сих пор читатели верят вот таким утверждениям, не утруждаясь никакой проверкой, никаким сомнением. А потому как с детства вбито, во всех словарях написано, что монголы все на свете разрушали и разрушили...

Однако постараемся понять и даже оправдать доктора Ступишина. Ведь общий настрой Ступишина о монголах как о разрушителях церковей основывается не на пустом месте. Не только на советских словарях-справочниках. А — на летописях. Да-да, на летописях! Правда, там одни лишь общие слова. Что для летописей весьма странно. Потому как они очень конкретны, наполнены именами, фактами, событиями. Например, вот как описывается штурм и разграбление Киева смоленско-черниговско-половецкими войсками в 1203 году: *«Подолье взяша и пожгоша; ино Гору взяша и митрополью святую Софию разграбиша и Десятинную церковь разграбиша...»* В двух строчках — четыре конкретных названия! А как только речь заходит о храмах, уничтоженных во времена Батыева похода и трехсотлетнего владычества Золотой Орды, — одни общие слова... Как я уже говорил, упоминаются **только три церкви**. Причем одна из них сама рухнула от скопления большого количества людей на хорах, а другая, пострадавшая при пожаре, живет и донныне. Но общий настрой, общие слова — апокалиптические. *«Много святых церковей предали они огню»* — о Рязани. *«Церкви святые огню предали»* — о Москве. Прямо-таки целенаправленный поход ордынцев против православной веры и православных церковей. Но этого не было. Откуда же тогда такой настрой в летописях?

Мы не имеем ни одного оригинала, ни одного подлинника, ни одной рукописи, современной событиям. Все летописи дошли до нас только в «списках», переписанных вариантах. Самая ранняя, Лаврентьевская, — XIV век, Ипатьевская — XV век, остальные — XVI и даже XVIII века. Сколько раз они переписывались за эти века, кем, что там осталось от оригинала, а что **вписано** и дописано монахами-переписчиками по своему разумению и пониманию — разбирать и разбирать... К тому времени, к XVI веку, Константинополь был занят турками, к тому времени уже начались набеги крымских татар на Русь. А за Крымом стояла мусульманская Турция. Два молодых, мощно

развивающихся государства — Русь и Османская империя — начали борьбу за прикаспийско-причерноморские пространства. То есть к тому времени уже сложилось религиозное противостояние, которого не было во времена Чингисхана и Батыя. И вполне закономерно, что монахи-переписчики летописей **вставляли мотивы сегодняшнего религиозного противостояния** в рассказы о давних временах. Норм авторского права тогда не было, более того — рукопись-летопись считалась общим достоянием и чуть ли не исходным материалом для переписчика. Каждый кроил и творил, что хотел. Пример тому — Лаврентьевская летопись, в которой, как доказал Г. М. Прохоров, были вырезаны и заменены другими три страницы, посвященные походу Батыя. Заменены общими описаниями каких-то общих батальных сцен. О том же, о дополнительных, в том числе и идеологических, вставках, говорится и в анализе Лаврентьевской летописи, сделанном Л. Н. Гумилевым.

А вообще это отдельная тема — отношения Орды и православной церкви. Об этом, в том числе о православных святых ордынского происхождения, я расскажу в следующей главе. Чтобы не затягивать этот очерк, сугубо полемический.

Из статьи В. Ступишина:

Ну а если по сути спора, то, на мой взгляд, Русь, оказавшаяся во власти явно чужеродной для нее Орды, знала, конечно, в XIII—XV веках и своих предателей, и своих холуев, лизавших сапоги монгольским ханам... Мы, русские, во всяком случае очень многие из нас, категорически против подавления национального самосознания любого народа. Так уж позвольте и нам сознавать себя русскими с русской историей, а не наследниками Орды. Каким бы сильным ни был «туранский элемент», Русь он, слава Богу, не смог поглотить, она противостояла ему, освободилась от него и, в свою очередь, покорила его. Потому мы и живем в России, а не в Туране. И уж как-нибудь разберемся с Александром Невским и Дмитрием Донским.

Мой комментарий:

Но никто, и я также, не объявлял русских наследниками Орды. Видимо, Ступишин тут спорит не со мной, а с Трубецким, с его работой «Наследие Чингисхана». Однако там говорится не о «русских», а об империи. А это все-таки разные вещи.

Никто не может позволить или не позволить русским быть русскими. И тогда непонятно, что опровергает, с чем и с кем спорит доктор Ступишин. Тут все тот же прием. Вначале оппоненту, то есть мне, приписывается какая-нибудь глупость, а потом эта глупость с жаром опровергается. Увы, обычный прием.

Так получилось, что спор с доктором Ступишиным у нас произошел по частностям. А от обсуждения сути изложенных в «Княжеском кресте» аргументов и фактов доктор Ступишин уклонился. Ничего он не говорит о деятельности Александра Невского, об открытии им в Сарае подворья православного епископа, о его побратимстве с Сартаком, о договоре, по которому ордынская конница ходила аж к Новгороду, чтобы отбить очередной поход немецких рыцарей... Ни слова — о Куликовской битве!

Вот почему я и вынес в заголовок вроде бы неправомерный по сути вопрос: «Чего мы хотим от истории?» Действительно, чего? Выяснения, прояснения, как все было? Или же стремимся с ее помощью утвердить свои мнения, свои идеи и опровергнуть чужие? Как в народе говорят, доказать свое...

Лечебна ли правда?

Вспомним начало главы, фразу Марка Блока о том, что истории как науки нет, что история служит лишь для оправдания ныне существующей системы. А вот что писал по тому же поводу Поль Валери: «История — это самый опасный продукт, вырабатываемый химией интеллекта... Она заставляет мечтать, она опьяняет народы, порождает у них ложные воспоминания... вызывает у них манию величия и манию преследования и делает нации желчными, нетерпимыми и тщеславными. История оправдывает все что угодно. Она не учит абсолютно ничему, ибо содержит в себе все и дает примеры всего».

На первый взгляд, ведь здорово сказано, не так ли? С французской усмешкой и с русским размахом. Наотмашь. Одним махом — всех побивахом! Но в том-то и дело, что наотмашь. А наотмашь всегда выглядит лихо, но далеко не всегда умно.

В данном случае и Марк Блок, и Поль Валери впали, вольно или невольно, в детскую логическую ошибку. Они припи-

сали истории грехи людей. Люди пишут историю! И это они, люди, совершают все то, что Поль Валери приписал истории: опьяняют народы, вызывают манию преследования или манию величия, делают нации желчными, нетерпимыми, тщеславными... А чем они, люди, при этом руководствуются — своими симпатиями, антипатиями, убеждениями или заблуждениями, подлым холуйством или желанием иметь кабинет и зарплату, — в конце концов не имеет значения... Только история тут ни при чем. Не надо, повторю, грехи людей валить на историю.

И вообще, все становится понятно и просто, если мы договоримся об одном — в истории мы ищем и отстаиваем не отдельные интересы государств, наций, этносов, партий, отдельных людей, а только лишь правду, истину, противостоим всяческим умалчиваниям и передергиваниям. Ко всеобщей пользе и ко всеобщему благу. Потому что от всех болезней, названных Полем Валери, существует одно лекарство — правда. Я убежден, что правда всегда лечебна. А когда ее нет, когда она искажена, тогда и начинаются всякие страсти-мордасти, комплексы и прочее.

Глава 12

КАК РУСЬ ЖИЛА ПОД ИГОМ

Удивляется таксист... Говорит: «Если мы триста лет жили под игом, то почему ничего не осталось? Ведь что-то от них за такое время должно было остаться: церкви ихние, дома, обычай... А тут ведь — ничего!»

В главном он прав — в своем здравом смысле. А детали — что осталось, что не осталось — я дополню... С надеждой, что когда-нибудь прочитает он эти строки и вспомнит наш дорожный мимолетный разговор. Остановлюсь на ключевых моментах: политике, экономике, религии, семье, патриотизме, самосознании. И пусть будут повторы, но я иду на них сознательно, потому как предмет разговора есть национальное самосознание народа, определение им ключевой эпохи в своей же истории.

Итак...

Политика: послание от Папы Римского

В 1248 году Папа Римский Иннокентий IV направил Александру Невскому послание с предложением о союзе, о переходе его и народа русского в католическую веру. Рассмотрев лестные посулы, князь Александр их отверг.

На первый взгляд, ничего уж такого особенного. Международная дипломатия и международные отношения.

Но если исходить из теории «ига», то получается чужь собачья! Ведь по этой теории Русь уже десять лет как «завоевана», уже десять лет как «под игом». Какие международные переговоры может вести завоеванная страна и завоеванный князь? Как говорится, тут или — или...

Экономика: какая была дань?

Несколько раз я упоминал о дани, но вскользь. Не грех повторить и сказать подробней. У нас ведь слово «дань» — пугало. Как только зайдет речь о нынешнем тяжелом экономическом положении, так сразу возникает слово «дань». Мол, правительство угнетает народ так, «как не угнетали татары». Это расхожая фраза в современном российском обиходе. И потому повторю: в течение двадцати лет после начала Батыева похода Русь не платила никакой дани. Для несведущего человека это прозвучит дико. Двадцать лет, считается, Русь «под игом», а Золотая Орда ничего с этого не имеет... Зачем, спрашивается, завоевывали?..

Дань, или, как тогда говорили, «выход», Русь начала платить после того, как Папа Римский объявил крестовый поход против Руси и Орды, после того, как Русь и Орда, Александр Невский и хан Берке заключили военно-политический союз. То есть дань-выход была общей кассой для содержания армии, для отражения католической агрессии.

Дань собирал только великий князь. Это преимущество давало великим князьям возможность держать в зависимости удельных князей. Они им очень дорожили и старались не допускать младших родичей до непосредственных сношений с Ордой. Великие князья в договорных грамотах с удельными

князьями записывали: «*Мне знать Орду, а тебе Орды не знать*». (В. О. Ключевский. «Русская история. Полный курс лекций в трех книгах». К. 1. М., 1991. С. 361.)

Теперь — о размерах той пугающей дани. В 1382 году, пишет историк С. М. Соловьев, татары обложили Русь «невиданной данью» — 50 копеек с деревни. В том же году Москва хорошила убитых в результате мятежа против Дмитрия Донского. Летопись отмечает, что князь Дмитрий Донской давал за сорок похороненных 50 копеек. Этот пример дает представление о том, что такое 50 копеек и что такое дань в 1382 году.

Но есть и более точные сопоставления и цифры. Как указано в завещании Дмитрия Донского, Звенигород должен платить 272 рубля, Конов — 22, Суходол, Смоляны и Скирменская слободы — по 9 рублей, Можайск и Можайская волость — 167 рублей, Верея — 22,5 рубля, Коломна и Коломенская волость — 342 рубля. А все Московское княжество платило 960 рублей в год.

Дань всей Руси в XIV веке составляла 5000 рублей в год. При тогдашнем населении 5 000 000 в итоге получается 0,1 копейки на человека. Тогда на копейку можно было купить пуд хлеба. В общем, дань составляла полторы буханки хлеба на человека в год. (С. М. Каштанов. «Финансы средневековой Руси». М., 1988. С. 9, 10.)

Экономика: русский исполин

Уже скучно опровергать устоявшиеся утверждения о том, что «татары задержали наше развитие», что Русь «отстала от Европы из-за татаро-монгольского ига» и так далее. Но — надо. Поскольку эти представления давно уже не просто представления, а состояние умов, быт, сознание и подсознание масс. Когда что-то хотят сказать о тяжелом положении российской экономики, тут же поминают недобрым словом Золотую Орду. И эту, простите, чушь с апломбом несут самые разные люди — от корявых работяг до лощеного премьер-министра.

Повторюсь: чтобы задуматься, достаточно сопоставить Русь—Россию XV—XVII веков, «изнуренную татаро-монгольским игом», и, к примеру, Западную Белоруссию, где не ступа-

ло копыто ордынского коня, которая жила под литовским и польским владычеством и народ которой до XIX века был для Запада быдлом и холопом.

В XIII веке Марко Поло, проезжая по владениям Монгольской империи, в состав которой входила и Русь, писал, что такая организация почтовой службы и ямщицких станций, такой порядок и не снились ни одному из герцогов и королей Европы: «Через каждые 25 миль посланцы великого хана находят станцию, которая по-монгольски называется «ямь», т. е. станцию с почтовыми лошадьми».

В XIV веке, во времена Куликовской битвы, в Москве уже были первые огнестрельные орудия. То есть было свое пушечное-литейное и химическое (порох!) производство!

И наконец, XV век — век «освобождения от татаро-монгольского ига». Если следовать «теории ига», то легко представить, какой была тогда Русь: ослабленной, разоренной, бесконечно отставшей от всего и от всех. Так ведь? По логике?

А вот что пишет о Руси в XV веке Карл Маркс... Тут надо обязательно сказать, что Карл Маркс отношения Руси и Орды рассматривал точно так же, как и все историки Запада. Он писал, что *«Московия воспитана и выросла в ужасной и гнусной школе монгольского рабства»*. Русских он считал монгольскими рабами, которые вдруг стали господами. При этом утверждал, что Петр Великий выполнял завет Чингисхана по завоеванию окрестных земель. Логика тут мутная и смутная. И тем не менее, вопреки своим взглядам и настроениям, экономист Карл Маркс о Руси XV века написал так:

«Изумленная Европа... была ошеломлена внезапным появлением на ее восточных границах огромной империи, и сам султан Баязид (турецкий. — С. Б.), перед которым Европа трепетала, впервые услышал высокомерную речь москвитина».

Тут Карл Маркс невольно опровергает и себя, свои утверждения о «рабстве» русских, и всех остальных сторонников теории «отсталости».

Действительно, что же получается? Значит, триста лет непрерывно приходили в упадок и «отставали» «под игом», а на триста первом году сразу же ошеломили Европу мощью и «высокомерной речью москвитина»? Откуда что взялось? От сырости? От «ига»?

Разговоры об отсталости России из-за монголов возникли в XVIII веке после реформ Петра. Петр породил в русских людях комплекс европейской неполноценности. И «теория ига», возникшая (запомним!) тоже в XVIII веке, была тут как нельзя кстати: она оправдывала и снимала вину за отсталость. Мол, это все монголы, если б не они, мы бы о-го-го!

Хотя уже тогда отдельные люди видели, что Россию сковало и не давало ей развиваться крепостное право. Рабство — непроизводительно. Рабство губительно и для экономики, и для нравственности.

Религия: закон Чингисхана

Один доктор исторических наук как-то попрекнул меня: мол, умолчал я о том, что монголы разрушили Десятинную церковь, храм в Суздале и так далее. Во-первых, это неточно. Десятинная церковь обрушилась сама от скопления большого количества людей на хорах при штурме Киева. А храм в Суздале обгорел, но уже через год действовал. Однако эти неточности, а также и то, что в летописях больше нет ни одного конкретного упоминания о разрушении той или иной церкви, вовсе не означают, что церкви в те три года Батыева похода не разрушались. Ведь была война! Штурмы и пожарища. Но затем — долгие века мира. И я писал о том, что в Киевской и Северо-Восточной Руси, под властью Орды, сохранились многие храмы, начиная с XI века! Да одно только «Золотое кольцо» России посмотрите! А вот в Западной Руси, где правил Даниил Галицкий, в Галицко-Волынской Руси, которая почти на пять веков подпала под власть католической Польши, не сохранилось ни одной церкви старше XVII века!

Веротерпимость Орды вроде бы общеизвестна. Там жестоко и жестко соблюдались законы Чингисхана, который предписал не отдавать предпочтение ни одной религии и сам в молитвах обращался с мольбами о помощи сразу ко всем богам и пророкам: Христу, Магомету, Будде... Он, доктор исторических наук, обязан был знать, что Золотая Орда особо покровительствовала русской православной церкви, давала ярлык, по которому *«за оскорбление церквей, хуление веры, уничтожение*

церковного имущества (книг и т. д.) полагалась смертная казнь». (М. Полубояринов. Русские люди в Золотой Орде. Москва, 1978) Мало кто знает, что названный брат Александра Невского ордынский царевич Сартак, сын Батыя, был христианином-несторианцем. Мало кто знает, что Александр Невский из своего родного города Переславля перенес подворье православного епископа в... столицу Золотой Орды — Сарай. Кстати, тогда там уже правил Берке — мусульманин по вере. Мало кто знает, что правнук Чингисхана, племянник Батыя и Берке, православный христианин, за служение вере был причислен Русской православной церковью к лику святых под именем «преподобного Петра, царевича Ордынского, чудотворца Ростовского...»

Кстати, судьба последнего так характерна для той эпохи, что стоит остановиться на ней чуть подробнее.

Религия: святой Петр — правнук Чингисхана

В 1253 году святитель Кирилл, архиепископ Ростовский, приезжал в Сарай, к хану Батыю, по делам своей епархии в частности и по нуждам церкви вообще. Тогда же он много рассказывал там о чудесах, совершаемых в Ростове у мощей святого Леонтия. И когда через несколько лет в Орде заболел один из царевичей, при дворе вспомнили о рассказах Кирилла и вызвали его в Сарай. К тому времени Батый умер. Умер также, недолго процарствовав, его сын Сартак, христианин. К власти пришел брат Батыя, мусульманин по вере хан Берке (в «Житиях...» его называют Бергаем). Довольно рьяный мусульманин, как это и свойственно многим новообращенным. Но тем не менее именно при Берке в Сарае было открыто подворье православного епископа. Тут, наверно, сказалось и огромное влияние в Орде Александра Невского, и интересы самой Орды, которой выгодно было иметь таких мощных союзников, как Русь и православная церковь, и многое другое. Но в любом случае, как свидетельствует «Сказание...» и «Жития...», никого тогда не смущало, что при дворе мусульманина Берке исцелением его больного племянника занимается православный священник. Во-первых, видимо, атмосфера была такая — всеобщей веротерпимости. А во-вторых, скорее всего, тот больной

монгольский царевич (имя его не сохранилось) был крещеным в православии, потому и позвали Кирилла...

Кирилл молитвами исцелил мальчика, за что был награжден многими дарами и с почестями отправлен домой. Но в пути, говорится в «Сказании о блаженном Петре, царевиче Ордынском...», его догнал один из царевичей, племянников Батыя и Берке, и умолил взять его с собой в Ростов. Наверно, мальчика увлекли рассказы о чудесах, о большом и богатом городе Ростове. Ведь в те времена Ростов Великий был одним из главных городов Северо-Восточной Руси. Да, столица — Владимир, но в начале XIII века Ростов считался значительней Владимира...

В Ростове племянник Батыя и Берке принял православное крещение и был наречен Петром. Хан Берке к поступку племянника отнесся, видимо, с пониманием и обеспечил его соответственно его царственному происхождению: в «Сказании...» говорится о «возках с серебром»... (Обязан заметить: существует версия А. Хорошева, повторенная затем Л. Гумилевым, что царевич этот попал у Берке в опалу и в Ростове «нашел приют». Я же ориентируюсь на «Сказание...») Но при всем богатстве и знатности Петр отличался «скромностью, молчаливостью, богомыслием и склонностью к молитвам».

Однажды Петру было видение, явились апостолы Петр и Павел. После этого знамения Петр построил на берегах озера Неро монастырь, называемый также Петровской обителью.

Тогда же возникла дружба между ордынским царевичем Петром и Борисом, князем Ростовским. Как в «Сказании...» говорится, «любяше князь Петра, яко и хлеба без него не ясти». Архиепископ Игнатий, преемник святителя Кирилла, публично, под сводами церкви, объявил их названными братьями. Дети Бориса, юные княжичи, называли Петра дядей. Князь Борис выбрал для Петра жену, дочь виднейшего ростовского вельможи. И даровал ему, детям и внукам его «множество земли» у озера, а также «воды и леса».

Видимо, Петр свою жену, нареченную ему князем Борисом, очень любил. Потому что, овдовев, сильно горевал, затем постригся в монахи и обосновался в своей же обители.

Почитание Петра как святого началось сразу же после его смерти примерно в 1290—1291 году. «Сказание о блаженном Петре, царевиче Ордынском...» сложилось, как считает

В. О. Ключевский, уже в начале следующего века. Официально он был причислен к лику святых на Соборе 1547 года при митрополите Макарии. Очевидно, сразу же после канонизации и написаны были фрески только что построенного Архангельского собора в Кремле. Обновленные или заново переписанные в следующем веке.

Архангельский собор — усыпальница великих князей и царей. Наиболее выдающиеся из них, как Александр Невский и Дмитрий Донской, изображены там на фресках. Каждому посвящена одна фреска. А блаженному Петру отведена почти вся стена справа от алтаря — две фрески, две большие сюжетные картины. Сцены явления ему апостолов Петра и Павла.

Это говорит о том, что святой Петр был в средние века весьма почитаемым в церкви и в народе.

Вообще же, насколько мне известно, в церковном обиходе икон Петра практически нет. В Ростовском музее есть одна икона XIX века. Да там же, в Ростове, в Успенском соборе, и поныне хранится доска от древней иконы с ликом Петра. А изображение не сохранилось. И не время тому виной, а, как говорит настоятель собора отец Роман, «наше небрежение».

Мощи святого Петра покоятся в Ростове, в развалинах Петровской обители. Как устанавливают Четьи-Минеи, «празднуют его память 30 дня июня». Потомки Петра, живущие в Париже, приезжали в Ростов Великий — поклониться могиле пращура.

Между прочим, в «Сказании...» подробно говорится о его сыне Юрии и внуке Игнатию, названном так, очевидно, в память об Игнатию, архиепископе Ростовском. Были они в Ростове Великом очень влиятельными людьми. Вплоть до того, что в трудные для Ростова и Ярославля дни не то набега ордынцев, не то похода, смутно известного как «Ахмылова рать», когда князь и архиепископ ударились в панику, Игнатий сделал им выговор и сам взялся за переговоры с ордынцами. Которые закончились успехом для Ростова и Ярославля еще и потому, что имя русского прямого потомка Чингисхана для ордынцев не было пустым звуком.

Кстати, одним из потомков блаженного Петра был великий иконописец Дионисий.

Вот такие судьбы.

Религия: святой Пафнутий — правнук великого баскака Амырхана

Коли рассказал о преподобном святом Петре — нельзя умолчать и о святом Пафнутий.

Хан Батый своим наместником на Владимирской Руси назначил нойона Амырхана (в русских летописях — Амирагат). На Руси он именовался «великий Владимирский баскак». В 1255 году сей грозный сатрап Амырхан принял православие и был наречен именем Захарий. И это совсем не означало, как бы мы сейчас подумали, что теперь он стал подданным русского князя — нет, он продолжал служить на прежнем посту как ни в чем не бывало. И никто из его непосредственных начальников — ханов Золотой Орды — ни христианин Сартак, ни мусульманин Берке, ни язычник Менгу-Тимур — на это не обратили и не обращали никакого внимания. (Представим себе, что Дмитрий Козак, полномочный представитель президента в Южном федеральном округе, принял ислам и стал зваться Дин-мухамедом...) Ну захотел наш «великий баскак» креститься в православии — так это его личное дело... был нойон Амырхан — теперь будет нойон Захарий... эка невидаль, в Орде православных, как лошадей в поле... Ставленник Батыя, Амырхан-Захарий продолжал свою службу долго-долго, пережив и Батыя, и Сартака, и Александра Невского, и Ярослава Тверского, и хана Берке, и хана Менгу-Тимура, и умер в 1290 году.

От его праправнука Якова Ивановича по прозвищу Зуб ведет начало род русских дворян Зубовых: «Дворяне Зубовы, графы Священной Римской империи, происходят от древней благородной фамилии Амирагата, а по крещении названного Захарием, который находился в городе Владимире наместником». («Общий гербовник дворянских родов»).

От другого праправнука — Никиты Ивановича по прозвищу Баскак — пошел известный дворянский род Баскаковых.

А вот их дядя Парфён Иванович — правнук Амырхана — оставил совсем другое наследство. Он стал иноком Пафнутием и основал Боровский Пафнутьев монастырь. Пафнутий, как и прадед, был долгожителем. Прожил 83 года и умер в 1478 году, в покое и благолепии, окруженный учениками. В 1540 году причислен к лику православных святых.

А другой ордынец — мурза Чет, предок дворянского рода Вельяминовых, — основал в Костроме знаменитый Ипатьевский монастырь...

Семья: ордынский зять

В 1371 году к Олегу Рязанскому пришел из Орды отряд всадников во главе с юношей — воеводой Салахмиром *«и оказал ему помощь в борьбе с Дмитрием Московским и Владимиром Пронским»*. (Д. Иловайский). Однако маловероятно, что Орда, в то время раздираемая смутой, стала бы встречать только лишь в московско-пронско-рязанские раздоры. Не до того было. Другое дело, если речь шла о помощи против Мамаю. Ведь Дмитрий Московский тогда с Мамаем союзничал, а Олег Рязанский — враждовал. Сторонники законной ханской власти в Орде люто ненавидели Мамаю, узурпатора и смутьяна. И могли прислать на помощь Олегу этот отряд. Но это — мои предположения. В реальности же Салахмир был рядом с Олегом и тогда когда тот воевал с Мамаем, и тогда, когда Олег уже вместе с Мамаем и Ягаило выступил против Дмитрия Московского. И против Тохтамышя, и за Тохтамышя, за Литву и против Литвы воевал вместе с князем Олегом Рязанским ордынский юноша Салахмир. И во многих грамотах Олег ставит его имя рядом со своим, прямо говоря, что он принял то или иное решение, посоветовавшись с Салахмиром.

Быть может, секрет в том, что Олег Рязанский не просто приблизил к себе Салахмира, а еще и *«выдал за него свою сестру Анастасию и пожаловал ему во владение вотчины: Верхдерев, Веневу, Растовец, Веркошу, Михайлово поле и Безпуцкий стан»*. Салахмир окрестился и в крещении стал называться Иваном Мирославичем. *«От Салахмира пошли многие дворянские роды, между прочим Вер(х)деровские и Апраксины»* (Д. Иловайский).

Ну, зять — дело житейское. Однако Олег сыновей своих поминает не так часто, как зятя. В жалованных грамотах Олега то и дело встречается: *«Поговоря с зятем своим, Иваном Мирославичем...»*

Видно, был Салахмир-Иван не просто зятем, а первым помощником.

Литература: ордынский(?) летописец

Другой пример — летописец Софоний, знаменитый в русской истории и литературе автор «Слова Софония Рязанца» («Задонщины»). Достоверно известно о нем одно — он выходец из Рязани. Но «Слово...» — похвала врагам Олега Рязанского, князьям Дмитрию Московскому и Владимиру Серпуховскому. Это значит, что еще до Куликовской битвы Софоний ушел из Рязани, и, видимо, потому ушел, что не согласен был с политикой князя Олега, его союзом с Мамаем и Ягайлой. Его описание бед Рязани говорит о нем как о государственном муже, то есть — боярине. В одном из источников, довольно позднем, в Тверской летописи, он и именуется «боярином». Правда, брянским. *«А се писание Софония рязанца, брянского боярина.»* Но в этом есть и своя логика. Сейчас — брянский боярин, а пришел в Брянск — из Рязани.

Итак, если исходить из того, что автор «Задонщины» действительно рязанский боярин, то найти его можно. Боярин — не травинка в стогу. Тем более, с таким редким именем — Софоний. И искать его следует в кругу ближних бояр Олега Рязанского, по до Куликовской битвы. Таким путем шел переводчик «Слова о полку Игореве», известный исследователь древнерусской литературы В. Ф. Ржига. Он приводит Жалованную грамоту Олега от 1372 года, где князь перечисляет своих ближних бояр, вместе с ним приехавших в монастырь близ Рязани. Их девять. И первым в сем списке идет имя боярина Софония Алтыкулачевича...

Независимо от того, является ли данный боярин Софоний автором «Задонщины», ясно одно — отец его, Алтыкулач, был выходцем из Орды, и, скорее всего, православным, бежавшим от хана Узбека, введившего в Орде ислам. Причем крещеным там, в Орде. Потому что неправославные ордынцы, приходящие служить на Русь, в крещении получали другое, греческое, имя.

В этих историях, таких разных, отразилось само время. И политика, и любовь, и родство с полным подчинением себя возникшим родственным узам, и служение князю, и несогласие с ним, и уход в другие пределы, и выражение своего взгляда на происходящее в слове, в литературе... И это решительно далеко от черно-белой картины непрерывного и постоянного противостояния, какую внушили нам позднейшие историки и идеологи.

Насильно мил не будешь

Почему говорят: поскреби русского — найдешь татарина? В смысле — ордынца. Откуда? С какой стати? Почему в таких количествах? От «ига»? Но это значит, что русские девушки сплошь и рядом заводили шашни с узкоглазыми ненавистными завоевателями?

Во-первых, такого быть не могло! По рассказам отцов и дедов мы знаем, что стоило в годы Великой Отечественной войны хоть одной(!) девушке в селе спутаться с немцем, как она становилась изгоем для всей округи! А ведь ордынцы, по всеобщему убеждению, — такие же завоеватели!

Во-вторых, с любимыми шашнями в те времена было строго. Значит — выходили замуж. А как же родители смотрели на такие браки с «погаными». В том-то и дело, что «поганый» в те времена значило «язычник». Некрещеный. Только и всего.

Но если выходили замуж — значит, не считали их **завоевателями**? Тут или — или. Третьего — не дано.

Пройдя через Русь на Европу, Батый **ни в одном русском городе не оставил гарнизона**. Это вообще означает, что о каком-либо «завоевании» и речи не было. Но меня в данном случае больше всего интересуют «шашни». Если не было в городах гарнизонов, то за кого же русские девушки выходили замуж так активно, что родилась та самая присказка: «Поскреби русского — найдешь татарина»?

Да, были до этого половцы, служившие русским князьям, были отряды ордынцев на службе русских князей, вроде отряда Салахмира. Да, в Минске недавно отметили 600-летие первого поселения на белорусской земле ордынцев, когда Витовт, великий князь Литвы, призвал сюда отряд ордынской конницы. Но так ведь то — отдельные отряды...

Ответ кроется в религии. Религией очень многих в Орде было христианство. Но в 1312 году к власти пришел хан Узбек, который объявил ислам государственной религией, а несогласным рубил головы. **Все, кто не отказался от веры отцов, бежали на Русь, к своим единоверцам. Их были тьмы и тьмы**. Так что против Мамаю на Куликовом поле стояли уже и внуки некогда изгнанных православных ордынцев.

Правда, иногда говорят и пишут, что роднились только князья, а народ, мол, знать не желал чужаков. Что до связи знати и

народа, то вот самый незаметный, но характернейший пример. Тюркско-половецкое имя Арслан (лев) стало в русской транскрипции Русланом и в народ уже ушло как Еруслан... Или было наоборот? Но уж наверняка Арина Родионовна пела-рассказывала про Еруслана, а маленький Саша Пушкин слушал и запоминал... А что до народа, то ведь ордынские витязи-князья «выезжали» на Русь (как в родословных пишут: «Выехал из Орды на Русь к великому князю...») не поодиночке, а снимались всем родом, кланом, со слугами и дружинниками... К примеру, откуда в поэме Некрасова про спасение зайцев у героя такое имя — Мазай? И никто ему, Некрасову, замечания не сделал: мол, что ж ты старику имя-то подходящее не подобрал? Наверно, потому, что в ярославской деревне некрасовского уже времени Мазай, Назары, Ермолаи и прочие были... Мазаями, Назарами и Ермолаями.

Конечно, среди дворян ордынских выходцев неизмеримо больше, потому как рамки ограниченные, к тому же оно тогда только-только складывалось, дворянство, — сословие людей, которые служили лишь центральному правительству, великому князю. И составляли опору великого князя в его борьбе с могущественными боярами. Но и ордынские витязи, и пришедшие с ними простолюдины уже через поколение растворялись и растворились в русской массе. А у дворян осталась память, потому что они вели родословные... Только и всего.

Но нам почему-то все время застит глаза так, что иногда мы не видим очевидного.

Хотя и этому есть объяснение. Его дал много десятилетий назад один из основателей евразийской исторической школы князь Н. С. Трубецкой:

«Трудно найти великоросса, в жилах которого так или иначе не течет туранская (монгольская) кровь. Смущаться этим грешно, так как на свете нет ни одной чистокровной нации, в противном случае она бы выродилась согласно общим законам биологии. Но мы смущаемся, и последние несколько веков благоговейно взираем на Запад, и подражаем ему, и платим мерою непомерной — кровью людской за это подражание».

«Смущаемся» — точное слово. По современному говоря, комплексуем. И старательно подтираем, подчищаем все, что только может напомнить нам о прошлом. То есть фальсифицируем, подделываем в самом прямом смысле. Речь о картинах, скульптур-

ных изображениях и соответственных фотографиях с них. Которые мало что общего имеют с подлинными ликами русских исторических деятелей Средневековья. Я уже говорил, что подлинных изображений людей XIII—XIV веков, равнозначных фотографиям, почти нет. В те времена фотографией была посмертная маска. А ее сохранить трудно. К примеру, маска Александра Невского, как и маска Сергия Радонежского, не сохранилась. Но есть художественные портреты с покрова (посмертного покрывала) XV и XVII веков. По ним мы в какой-то степени можем судить об их облике. И сравнивать с тем, что изображено сегодня на многочисленных картинах... Правда, есть антропологические реконструкции, и они, кстати, очень красноречивы.

Одно из исключений — дошедшее до нас прижизненное изображение князя Святослава, сына Всеволода Большое Гнездо и дяди Александра Невского. Оно сохранилось, потому что вделано было в горельеф Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (первая половина XIII века). Вспомните в него — и многое станет ясным.

Европейцы или азиаты?

Этот вопрос почему-то ставится именно в такой, максималистской форме. Или — или. Причем после такого максимализма все дружно приходят к выводу, что русские, Русь и Россия — нечто особое, отдельное и от Европы, и от Азии. И это действительно так. Европа никогда не считала русских своими. Там даже поляки — католики по вере, но славяне по языку — испытывают некий комплекс неполноценности. Но в большом, общем цивилизационном смысле русские — безусловно европейцы. По сути, по рождению, по укладу жизни, по вере.

Хотя, конечно, история состоит не только из закономерностей, но и из исключений. Так, например, все романские народы — католики. За одним исключением: румыны — православные. Все славянские народы — христиане. За одним исключением: боснийцы — мусульмане. Все тюркские народы — мусульмане. Только дунайские болгары — православные. Впрочем, болгары — особая статья. Степной тюркский народ так давно и полностью ославянился на новых землях, что еще и стал

основоположником славянской письменности... Правда, некоторые исследователи полагают, что Кирилл и Мефодий по происхождению македонцы...

Одним словом, исключения и закономерности. Могли ли русские, пусть и с тысячной долей вероятности, тоже стать одним из исключений христианской, славянской цивилизации? Ибо большей близости с кочевой степной культурой не было ни у кого. Ведь в ранние средние века и киевский князь именовался в летописях не князем, а каганом. И Киевская древняя Русь называлась Русским каганатом. И вся военно-бытовая терминология, которая и определяла тогдашнюю жизнь, была тюркской, и сегодня напоминая о себе казачьими, южно-русскими реалиями: майдан, башлык, чепрак, ермак, караул, кош, курень, айда(гойда!), атас, есаул... Да и вообще, никто ж не знает, сколько в русском языке тюркских слов, от алтына до ярлыка, от болвана до богатыря... Но это — почти ничего не значит. Заимствования до какого-то определенного предела — не более чем заимствования. Скажем, во французском языке две трети — арабские и немецкие заимствования. И что? Ничего...

Суть — в укладе жизни. В том, что я называю — **бытотип**. А он у русичей и степняков — совершенно разный.

Русь никогда не шла степным половецким, ордынским путем, она лишь соприкасалась, соседствовала, перенимала. Все, что можно было взять ценного, необходимого, передового, — Русь взяла. В первую очередь — самую совершенную в те века организацию армии, легкой конницы, тактику ордынского, степного конного сражения с обходами с флангов, прорывами и рейдами по тылам. (Так действовала потом калмыцкая и казачья конница в Отечественную войну 1812 года, так действовали отдельные полки и дивизии генералов Льва Доватора, Иссы Плиева и калмыка Басана Городовикова аж в Великую Отечественную войну.) Уже в средние века тяжело вооруженная рыцарская конница показала свою несостоятельность в столкновениях с русско-ордынской тактикой конного боя.

Другим важнейшим, основополагающим введением ордынцев на Руси было установление ямщицкой почтовой связи, перекладных почтовых станций, своеобразной железной дороги того времени. Если есть связь, есть постоянный транспорт — значит, есть настоящее централизованное государство, соединенное этими железными скрепами цивилизации.

Одним словом, переняв все, что можно у Орды, Русь и дальше пошла своим путем.

Больше перенимать было нечего. Ко времени возвышения Московской Руси Орда достигла пика своего развития. А вернее сказать — не Орда, а — **конно-степная цивилизация**. Одна из древнейших в мире, еще со скифских времен, она к XV веку исчерпала все заложенные в ней возможности, данные природой. Дальше — начиналась другая цивилизация. Воспринять которую не все были в силах.

Ярчайший тому пример — монголы и казахи. Монголы, став буддистами, так и не приняли городскую буддистскую цивилизацию. Казахи, став мусульманами, так и не вовлеклись в русло городской мусульманской культуры. Они остались верны своей древней конно-степной цивилизации. И вплоть до XX века угасали вместе с ней в своих кочевьях, являя миру некий анахронизм. Реликт минувшей эпохи.

А ведь именем монголов называлась самая могучая в Средневековье империя. А предки казахов были самой многочисленной и ударной военной силой той империи...

И только XX век дал этим народам новый импульс.

И этот тезис не надо проверять по первоисточникам. Все происходило на наших глазах. Наши деды еще были участниками и свидетелями последних мгновений конно-степной цивилизации и вовлечения этих народов в новую, мировую цивилизацию.

А Русь, уже Московская Русь, бурно развивалась в своем русле европейской культуры, питаясь одновременно Востоком и Западом. Русь что-то брала из европейской цивилизации, что-то отвергала, но главным образом она **создавала свою европейскую или евразийскую культуру и цивилизацию**.

Московская Русь в те времена была центром притяжения огромной исторической ойкумены. Сюда приходили все и здесь принимали всех.

К примеру, все ордынские баскаки после окончательного угасания Орды остались жить в русских городах. Кстати, это еще раз говорит о надуманности, о придуманности «ига» и непримиримости русско-ордынского противостояния. Ну представьте на самом житейском уровне: если уж так ненавидели татаро-монголов, считали их угнетателями, то уж собирателей

дани — баскаков — должны были ненавидеть вдвойне и втройне. И вырезать, повесить и четвертовать тотчас, как кончилась власть Орды. Однако ж — нет. Одна из самых распространенных на Руси фамилий ордынского происхождения — Баскаковы. В каждом городе найдете Баскаковых...

В Москве жить и служить было **интересно**. Москва уже тогда становилась для народов огромного евразийского пространства столицей мира.

Такой она и осталась поныне. Вот и весь секрет.

Москва погубила град Китеж

Только не надо после этого воображать некий сусальный образ Москвы. Собирательницы, радетельницы, матушки и тому подобное. Централизация — объективный процесс. Жестокый. Каким путем достигалась цель — история не разбирает. Где крестом, а где мечом. Но чаще всего — мечом. Волосы на голове шевелятся, когда читаешь, как при царе Иване III, а затем Иване Грозном, расправлялись с новгородской вольностью: забивали палками, пытали, «терзали неисповедимыми муками», поджаривали на огне живьем, а потом бояр, боярских жен и детей живьем топили в Волхове, привязав детей к матерям...

При расправе с удельными княжествами и городами Московская Русь использовала свое главное преимущество перед остальными русскими княжествами — преимущество в людях. Которое получила благодаря политике потомков Александра Невского, начиная от младшего сына Даниила, внука Ивана и праправнука Дмитрия Донского... А политика ясная и простая — союз с Ордой, дружба и родство с ее ханами.

«Могло пройти еще сто лет и более в Княжеских междоусобиях: чем заключились бы оные? Вероятно, погибелию нашего отечества: Литва, Польша, Венгрия, Швеция могли бы разделить оное; тогда мы утратили бы и государственное бытие и Веру, которые спаслися Москвою; Москва же обязана своим величием Ханам». (Н. Карамзин. «История государства российского».)

Москва принимала всех. А уходят, как правило, сильнейшие. Слабые, средненькие приспособлялись к литовским порядкам в Смоленске, Курске, Брянске, Минске, Полоцке и других городах. Те, кто не желал смиряться, уходили в Москву.

Средний витязь приспособлялся к жизни в Орде, раздираемой смутами, интригами, переворотами. Сильный витязь уходил служить в Москву. А там все было ясно — почет и вотчины получал не интриган и проныра, а храбрец. Который передавал вотчины своим сыновьям. Из которых и сложилось потомственное дворянство, класс государевых людей, которые служили не феодалу-боярину, а великому князю. И зависели не от бесчисленных родо-племенных отношений и распрей, а только лишь от великого князя-государя, то есть — от государства.

Опять-таки не значит, что они были хорошие, эти буйные люди. Каков князь — таков и дворянин. Именно их, к примеру, Иван Грозный превратил в опричников. Именно с их помощью избивал, изничтожал потомственное боярство. И далеко не случайно (а если случайно — тем более!) в поэме Лермонтова опричник зовется — Кирибеевич, потомок какого-то давнего ордынского Кири-бея или Кири-бая.

Все эти пришлые буйные люди, умеющие метко стрелять из лука и рубить врага до пояса, дали потомство и влились в население Московской Руси — Серпухова, Коломны, Мурома, Ростова Великого, Суздаля, Владимира, Юрьева-Польского...

О том, что московские служивые люди резко отличались своими боевыми качествами от прочих, говорит и такой факт, описанный С. М. Соловьевым. В середине XV века Василий Темный пошел в поход на Новгород. Воеводы Оболенский и Басенок в Старой Руссе захватили большую добычу. Отправили ее в ставку великого князя с главной ратью. А сами остались с отрядом в 200 всадников. Тут появилось новгородское войско в 5000 (пять тысяч?!) человек. И эта пятитысячная армада была в пух и прах разбита двумястами московскими всадниками. Тяжеловооруженная, на немецкий рыцарский манер, новгородская армия оказалась бессильной против ордынско-московской тактики конного боя.

О том, что Москва наводила страх на соседей, говорит и сказание о граде Китеже. По легенде, град Китеж стал невидимым в ужасе от нашествия татар. На самом же деле никаких татар давно уже не было. Зато в одном-единственном месте легенды вдруг прорывается антимосковский выпад о «государстве московском», в котором «антихрист царствует... и все его заповеди скверные и нечистые». Там же, в легенде, утверждается, что «сию книгу-летописец мы написали в год 6759 (1250)». Но в 1250 году

Москва была малозначительным городком и уж вовсе далеко было до «московского государства». Много, очень много смутного в «Легенде...». Но если учесть, что окончательно сложилась она лишь к XVII—XVIII векам, да еще в среде старообрядцев, первым врагом которых был московский патриарх, то о многом можно догадаться. В. Л. Комарович, самый авторитетный исследователь «Легенды...», полагает, что безымянные авторы под «татарами» зашифровали «москвичей». То есть даже в устных сказаниях боялись открыто выступить против Москвы... Прямо как в давнем стихотворении Владимира Луговского: «Мне страшно назвать даже имя ее — свирепое имя Родины...»

Патриотизм: почему не боролись?

Почему-то так сложилось, что сторонники «теории ига» как раз и причисляют себя к патриотам, называют себя патриотами. Хотя на самом-то деле все получается наоборот!

А именно: говорить об иге — значит клеветать на русский народ. Ведь что же получается: триста лет терпели! И — не сопротивлялись! Ведь не было ни одного случая войны с ордынцами, восстания, долгой и постоянной борьбы. Сражения были только в первые два-три года Батыева похода. Когда монголы только пришли на Русь. А потом — что?.. Известны стычки в 1257 году в Новгороде, в 1262 году в Ростове, Суздале, Устюге, Владимире и Ярославле, вызванные переписью населения для сбора дани. А дань та собиралась как плата Орде за военную помощь в борьбе с крестоносцами. Ну, народу эти тонкости русские князья не объясняли, а всякое сопротивление жестоко пресекали. Затем, через 70 лет, была стычка в Твери. И — все...

Существует теория (Ключевского), что монголы были так ужасны, так потрясли русское сознание, что ни о какой борьбе с ними и речи не могло быть. Опять-таки это возможно в первые годы Батыева похода и спустя несколько десятилетий после. Но ведь потом Русь видела, что Орду и саму сотрясают интриги, что Орда слаба. Но ни до Куликова поля, ни сто лет после него Русь не делала даже попытки «освободиться от ига». И само «освобождение от ига», датируемое у нас 1480 годом, очень и очень условно. Собственно, освободиться-то было не от кого. Золотой Орды к тому времени не существовало уже пол-

века, она распалась на Астраханское, Крымское, Казанское и Сибирское ханства, которые постоянно враждовали между собой и в этой вражде постоянно прибегали к помощи Московского князя. А «великое стояние на Угре» было уже не против войск Золотой Орды, а против некоего хана Ахмада, который провозгласил себя главой непонятного образования — Большой Орды и пошел походом на Москву.

То есть получается, что и «освобождения от ига» не было!

И здесь, как нож к горлу, — «патриотический» вопрос. Или ига не было — или русские люди были жалкими созданиями, которые за триста лет иноземного гнета даже одного мало-мальски приличного восстания не подняли?

Никуда не денешься.

О беспомощности русских людей говорить не приходится. Не знаю про другие народы, но русские за свою историю не проиграли ни одной большой войны. Проигрывали сражения, военные кампании, но в конце концов, так или иначе, перемалывали противника, переламявали...

И если бы они начали против Орды долгую, затяжную войну (тем более национально-освободительную!), то результат ее был бы очевиден. Но ее не было — войны. Значит... Значит, ига не было. А были другие, более сложные отношения, которые наши историки упростили до непримиримого противостояния, до создания образа вечного врага. Почему они это сделали? Потому что нации нужен супостат?! Но это — уже название следующего очерка.

Глава 13

НАЦИИ НУЖЕН СУПОСТАТ»!

Как и почему была искажена история Руси

Недоумение

Одну из моих статей «Литературная газета» предварила признанием, что никто в редакции не ожидал такого количества звонков и писем, такого интереса к истории. Казалось бы, смутные времена, тяжкая жизнь, не до страстей давно минувших лет. Однако...

Не берусь гадать, чем это вызвано. Скорее всего тем, что это первородный инстинкт человека. Самый благородный инстинкт, делающий человека человеком, — стремление к истине.

Хотя, конечно, сам же человек часто затрудняет путь к истине и даже препятствует ей. Повторю: в 1988 году Лев Николаевич Гумилев заметил, что боится на страницах газеты с миллионным тиражом сказать, что Александр Невский был приемным сыном хана Батыея, не знает и опасается, как воспримут это советские люди, воспитанные на теории «ига».

Гений — боялся!

За это время общество, само не осознавая, прошло большой путь сомнения. Именно сомнения, потому как в сомнениях и таится зародыш истины, ее поиска.

Если можно выразить одним словом суть писем и звонков, откликов на мои статьи, то слово это будет — недоумение. Если мы были так близки с Ордой, если мы были союзниками, то почему и как же в нашей истории, а следовательно, и в народном сознании сложился образ непримиримого врага, который держал нас «под игмом»?

Поверьте, лебезить перед читателем мне ни к чему. Но в данном случае читатель коллективным умом определил главное. Архиглавное! Ведь речь идет, простите, или о чудовищном искривлении в сознании народа, или же о чудовищном по масштабам промывании мозгов?! Только так!

Нелюбовь Запада к монголам объяснима. Золотая Орда волею истории встала поперек завоевательных планов Запада и Римской церкви, направленных на Восток Европы. XIII и XIV века — это время нескольких объявленных крестовых походов против славянства, православия и Орды. «Русские — враги католической церкви» — так определил отношения Руси и Запада Папа Римский Климент VI. Другое дело, что сил не хватило. Но еще до официального союза Руси и Орды, заключенного в 1257—1258 годах, ордынская конница принимала участие в освобождении от немцев Пскова в 1242 году (Рейнгольд Гейденштейн. «Записки о Московской войне»), есть также сведения об участии ордынцев в Ледовом побоище... Увы, я не смог найти не то что источника, но даже ссылки на сей факт. Она, эта ссылка, промелькнула как-то в печати году в 1977-м, причем в форме полемики. Близко к тексту это выглядело так: «И напрасно историк Н. Н. преувеличивает значение и роль легкой

ордынской конницы в битве на Чудском озере...» Однако, по логике, если русские вместе с ордынцами изгоняли немцев из Пскова в 1242 году, то вполне закономерно и естественно, что также вместе воевали против рыцарей и на Чудском озере в том же 1242 году... А наследующий год, 1243-й, великий князь Ярослав, отец Александра Невского, призвал русских князей признать хана Батюя «своим царем»...

Так что нелюбовь Запада к монголам понятна. Но почему русские присоединились к тому хору?

Нации нужен супостат?!

Да, это все объясняет. Если супостата нет, его придумывают. Но мне важна конкретика: почему именно этот человек или этот народ «выдуманы», «назначены», «выбраны» супостатом? Да, три года монголы штурмовали русские города. Но мало ли кто не штурмовал их за века истории? Вплоть до железных армий Тамерлана. Так ведь о походах Тамерлана на Русь вообще почти никто не знает. Очень удивляются, когда слышат, что Тамерлан захватывал такой город, как Елец...

Монголы хоть приходили и уходили, гарнизонов не оставляли. А, скажем, литовцы три века подряд хозяйничали в древнерусских городах от Полоцка до Киева, от Курска и Смоленска до Минска и Бреста. И — ничего...

А монголы что? Обличьем чужие? Жизненным укладом? Да, это так. Но и обличье у монголов, и жизненный уклад такие же, как и у половцев. А с половцами славяне веками жили по соседству и составляли с отдельными половецкими племенами в Киевской Руси единое государство. Женились и переженились, у первых князей на масках и древних портретах почти сплошь узкоглазые лики. Так что не так уж и чужд лик, чтобы на века супостатом сделать.

Я понимаю, что монголы в истории Руси среди всех пришельцев занимают особое место. Такой военной мощи мир еще не видел. Но ведь вместе с нравственным потрясением, которое испытали на Руси от военных поражений, было и немало примеров добрых, союзнических, дружеских отношений. Да что там говорить, вместе воевали против немецких крестоносцев!

Однако в историю вошло только злое. Почему? Просто так совпало?

В очерке «От Олега до Ричарда» я подробно рассказал, как создавался черный миф о зловещем короле Ричарде III. Это — показательнейший пример. Тут сразу же начинается сцепление случаев, включаются невероятные совпадения, от врожденно-го горба до загадочной смерти племянников... Но в начале начал — **умысел**. Ричард был «заказан». Его «заказали» Тюдоры и Ланкастеры, а борзописец Томас Мор по их заказу написал клеветнические мемуары, оболгал и, таким образом, «назначил» Ричарда на роль всеанглийского «супостата»...

Это ключевой момент. Исходя из него попробуем понять, откуда у нас, в нашей исторической науке, ветер дует? Кто же «заказал» монголов?

Крестоносцы-предатели

Как ни странно, ответ довольно прост. Вы не обращали внимания, почему в истории христианства, в истории крестовых походов почти нет упоминаний о Желтом крестовом походе? Когда монголы в 1256—1260 годах пошли освобождать Гроб Господен. Хотя каган великой империи Мункэ, соблюдая законы Чингисхана, и говорил, что для него все религии равны, тем не менее христианство в империи почиталось главной религией. Во-первых, подданные в большинстве своем были христианами, а во-вторых, христианками были жены каганов и ханов. Жена великого кагана Мункэ и жена руководителя крестового похода хана Хулагу исповедовали несторианство...

Да ведь и сам по себе факт Желтого крестового похода, скажем так, экзотический! Падкие на сенсации европейцы должны были «раскрутить» его на весь свет! Однако ж полное молчание.

Восемь веков молчания!

Секрет молчания раскрыл Л. Н. Гумилев в одной из малоизвестных работ, написанной в соавторстве с А. И. Курчки.

Суть в том, что рыцари-крестоносцы, в первую очередь Орден тамплиеров, в 1260 году выступили на стороне мусульман!!!

Эта трагедия веры и торжество предательства еще ждут своего историка.

Поход, как и свойственно было тогда всем монгольским военным начинаниям, был организован и проведен блестяще. Мусульманские твердыни рушились одна за другой. Пал багдадский халифат — центр военной и религиозной мощи мусульманского Востока! А дворец халифа был отдан монголами под резиденцию православного патриарха Востока.

В Европе хана Хулагу сравнивали с императором Константином Великим!

В 1999 и в 2000 годах, в связи со всемирными службами в Вифлееме, на месте Рождества Христова, имя Константина стало достоянием широких масс. Это император, сделавший христианство официальной религией Римской империи и построивший храм Гроба Господня в Иерусалиме.

Так вот, «монгольского дикаря» (по поздней европейской терминологии) хана Хулагу при дворах Европы сравнивали с Константином Великим и служили в его честь мессы.

Это — в Европе. А вот в самой Палестине командоры и магистры рыцарских орденов встретили монголов с нескрываемой враждебностью. И компанию вражды возглавили тамплиеры — главный рыцарский орден в Палестине, да и в Европе.

Почему? Да потому, что Орден тамплиеров жил в Палестине распрекрасно! Деньги в казну ордена из Европы поступали регулярно (за идею, за войну надо платить!). Они в Палестине были хозяевами! Вдали от власти Папы Римского, вдали от королевских властей, командоры и магистры Ордена претендовали чуть ли не на равенство с королями. Но если монголы завоюют Иерусалим, сюда придет Церковь, сюда придет королевская власть — значит, тамплиеры и другие крестоносцы низведутся в разряд простых рыцарей, живущих милостью монархов...

И потому западные крестоносцы не провели в поддержку монголов-крестоносцев ни одной сколь-нибудь значимой военной операции. Более того, на совете орденов в Аккре, главной крепости тамплиеров, обсуждалось совместное с мамелюками-мусульманами военное выступление против монголов!

Оно не состоялось, потому что воспротивился магистр Тевтонского ордена. И тогда было решено просто поддержать мамелюков продовольствием и фуражом. Что в тех условиях, быть может, и побольше, чем вооруженное участие. Заклятые враги — мамелюки и тамплиеры! — мирно соседствовали под стенами

Аккры и ходили в гости друг к другу. Пока армия отдыхала, пока лошади набирались сил после перехода через пустыню.

А ордынские кони пришли к решающей битве под Айн-Джалутой изнуренными. Что и решило исход сражения. Здесь нельзя не отметить иронию судьбы и иронию истории. В сводной монгольской армии значительную часть составляли покоренные монголами степняки-половцы, предки нынешних казахов. А войска мамелюков состояли в основном тоже из половцев, и командовали ими султаны-половцы Кутуз и Бейбарс — половцы из нынешних казахских степей, в детстве проданные в рабство, ставшие мамелюками и захватившие власть в Египте...

Итак, монголы, потерпев поражение под Айн-Джалутой, откатились. А тем временем в Каракоруме, после недавней смерти великого кагана Мункэ, начались династические свары, и Желтый крестовый поход на том закончился.

В Европе предательство тамплиеров потрясло и папство, и королевские дворы. Но вслух о нем ничего не сказали. Потому что это подорвало бы основы тогдашнего мира, основы борьбы за христианство. Получалось, что не только продана сама идея христианства, но и два века подряд Европа платила деньги рыцарям ни за что ни про что!

Нельзя было допустить такой огласки. И ее не допустили.

Но любая утайка правды — ловушка. Европа в нее и угодила. Тамплиеры на всех углах Европы начали кричать (С чего бы это? Их за язык никто не дергал. Или на воре шапка горит?), что монголы — это варвары, это угроза Европе, это такие исчадия ада, что с ними нельзя иметь никаких дел.

И никто им не мог возразить.

Как известно, впоследствии французский король Филипп разгромил Орден тамплиеров и казнил их вождей. Вполне возможно, что одним из поводов было и предательство, помощь мамелюкам. Однако во время процесса о нем не было сказано ни слова.

Разгромленные тамплиеры пуще прежнего продолжали твердить о своем бескорыстном, жертвенном служении христианскому делу, богомерзких монголах и богомерзком короле Филиппе. И снова никто и слова против них не сказал.

Те, кто все знал, молчали. Потому что любое их слово обернулось бы публичным позором Европы и католической церкви. А потом их бы и спросили: что же вы раньше молчали?

Да к тому времени и те немногие люди, знающие подоплеку, просто-напросто вымерли.

А во-вторых, тамплиерская лож легла тогда на более или менее подготовленную почву. Ведь в 1241 году монгольская армия, пройдя Русь, продолжая преследовать половецкую орду хана Котяна, вторглась в Европу. В двух сражениях монголы наголову разгромили польско-немецкую армию Генриха Благочестивого и венгерско-хорватскую армию Белу IV. К тому же в союз с монголами вступил император Священной Римской империи Фридрих II — заклятый враг Папы Римского. Исключительно для того, чтобы свергнуть папу Иннокентия IV. Тогда-то Папа Римский проклял и хана, и императора и бежал из Рима в Лион, под защиту французских королей. Но тут в Каракоруме умер великий каган Угэдей. Монголы обязаны были прекратить все военные действия вплоть до выборов нового кагана. И хан Батый повернул коней...

Но память монголы там оставили надолго. Европа была поражена тем, как легко и быстро она могла рухнуть под ударами неведомых ранее всадников... И после этого поди не поверь в рассказы о «монголах — исчадиях ада».

Так ничего не знающая Европа с веками целиком и полностью приняла точку зрения предателей-тамплиеров. Но — только Европа. Скажем, первые европейские поселенцы уехали в Америку еще до эры всеобщей грамотности и тотальной монголофобии. И потому сегодняшние американцы не испытывают никаких исторических комплексов и фобий при упоминании монголов. Свидетельство тому — Человеком тысячелетия американцы назвали... Чингисхана! В Европе такое невозможно.

Примечание. Все знают Умберто Эко. Знаменитый писатель, историк, ученый-медиевист — в общем, кумир и гуру европейских интеллектуалов. В его романе «Маятник Фуко» герои рассматривают смутную картину расположения сил в Палестине тамплиерских времен, и один из них, указывая на угол картины, говорит: «А это орда Александра Невского».

Для них до сих пор что монголы, что русские, что хан Хулагу, что князь Александр — одно и то же... Кстати, промелькнули сведения, что Александра Невского звали принять участие в Желтом крестовом походе. Но он в Палестину не пошел — нельзя было оставлять Владимирское великое княжество без присмотра.

На поводе

А когда царь Петр распахнул для России дверь в Европу тамплиерская ложь, ставшая европейской национальной идеологией, проникла и в Россию.

Ведь все научные институты России создавались под влиянием европейских ученых. Все великие русские историки (Соловьев — год рождения 1812-й, Костомаров — 1817-й, Иловайский — 1832-й, Ключевский — 1841-й) учились и воспитывались под влиянием европейской исторической школы. Как писал великий востоковед академик Бартольд, *«русские ученые следуют большей частью по стопам европейских и большей же частью принимают взгляды, установившиеся на Западе»*. И вся русская историческая наука, созданная в XVIII—XX веках, проникнута одной идеей: монголы — варвары, а Европа — это свет.

Причем на воззрениях европейских историков сказывалась не только тамплиерская ложь, тамплиерский миф о страшных монголах. Но еще и личная европейская неприязнь. Ведь монгольская конница помогла русским князьям остановить католицизм на границах Руси.

А по замыслам устроителей тогдашних крестовых походов меченосцы, тевтоны и ливонцы завоевывали Прибалтику и Северо-Запад Руси, а там при помощи окатоличенной Литвы — и всю Русь, а затем уже руками и мечами окатоличенных русских — начать войну против монголов... А еще лучше, если бы Русь и Орда начали гигантскую войну друг с другом и, обескровленные, стали затем легкой добычей крестоносцев и католической церкви. В войне двоих всегда выигрывает третий.

Не получилось. Русские не захотели. Александр Невский и православная церковь пошли на союз с Ордой против Запада. Отсюда и досада... Отсюда и «воспитание» молодых русских ученых в духе антимонголизма.

Приведу еще раз в качестве примера только одну фразу из «Истории...» С. М. Соловьева. Рассказ о том, как Александр Невский вернулся из Орды с конницей Неврюя и напал на брата Андрея. Андрей бежал в Швецию, *«где был принят с честью»*. Понятно, что враг Невского — друг шведа. Автоматически. Но на какой почве? А на той самой, на веревке. На католицизме. Андрей был сторонником принятия католицизма. И еще ранее Ярл

Биргер шел на Неву не просто так — шведский поход был составной частью общего крестового похода католической церкви против славянства, православия и Орды. Но даже Соловьев об этом не задумывается. Или — умалчивает. Однако сам пассаж: «где был принят с честью» — говорит за себя. То есть Орда — это автоматически плохо, а Швеция — это Европа... А мы со времен Петра при слове «Европа», особенно если Европа принимает нас «с честью», тут же забывали и забываем обо всем. Например, начисто забыли, повторюсь, о том, что Европа и католическая церковь «приняли с честью» Даниила Галицкого, увенчав его короной «Русского короля». И где та Галицкая Русь, где народ, где вера? Уже через 80 лет после смерти Даниила польский король Казимир без всякого сопротивления присоединил Галицко-Волынскую Русь к Польше. На пять веков...

Так и получилось, что Россия с подачи Запада всячески стала хулить монголов и Золотую Орду, которые помогли Руси спасти православную веру и государственность от экспансии католического Запада.

Увы, так часто бывает в исторической науке. Особенно когда поешь с чужого голоса...

Молчание великих историков

Но в русской истории, идеология которой была навязана Европой, очень многое можно прочесть из того, что... не написано.

Не написано об Александре Невском и Куликовской битве.

В девяти томах «Курса русской истории» Василия Осиповича Ключевского великий князь Александр Невский *мельком* упоминается 15 (пятнадцать!) раз в 15 (пятнадцати!) строчках! И — все.

Я знаю, что вы не поверите. Но пойдите в библиотеку, откройте тома Ключевского на «Указателе имен» и подсчитайте. Андрею Курбскому, к примеру, десятки страниц посвящены, а Александру Невскому — 15 строчек. Причем не в основном по смыслу текста, а в дополнительном, в придаточных предложениях и оборотах.

Ведь если писать подробно, объяснять действия Александра Невского, то придется вытаскивать на свет **основной конф-**

ликт эпохи — поход католической церкви на Русь. Против чего — против введения католицизма на Руси — и выступал Александр Невский, сознательный противник Запада и сознательный союзник Орды. А эти его действия никак не укладываются в схему истории, по которой Европа — свет, а монголы — тьма. Поэтому и С. М. Соловьев, и В. О. Ключевский, говоря об Александре Невском, обходятся минимумом слов. Правда, отзываются о нем в самых превосходных степенях. Например, так: *«Только образ Александра Невского несколько прикрывал ужас одичания и братского озлобления...»* Или так: *«Племя Всеволода Большое Гнездо не блистало избытком выдающихся талантов, за исключением Александра Невского...»*

Но в чем проявился выдающийся талант Александра Невского, в каких деяниях, чем он так выделялся среди «ужаса» и «одичания»? Об этом — ни слова.

Или другой пример, поразительный. Во втором томе «Курса русской истории» В. О. Ключевского, занимающем 398 страниц, Куликовской битве посвящены 2 (две!) фразы!

Как же так? Куликовская битва — одно из ключевых событий русской истории средних веков! А в фундаментальном труде патриарха русской истории о ней — две фразы? Шесть строчек?

Но в том-то и дело, что нельзя было эти события трогать. От Александра Невского до Дмитрия Донского тянется эта прямая нить. Стоит чуть подробнее заговорить о Невском, как непременно выйдет наружу и русско-ордынский договор, и походы немцев на Русь, в том числе и поход 1269 года, уже после смерти великого князя. Когда Орда срочно прислала на помощь Новгороду конницу, и немцы поспешно отступили и заключили мир на выгодных для Новгорода условиях: *«Замиришися по всей воле новгородской, зело бо бояхуся и имени татарского...»* И Куликовская битва в ее истинном свете и в истинном значении ну никак не вписывалась в концепцию «супостата». Заговори о ней подробнее — и нельзя обойти Симеоновскую и Рогожскую летописи, в которых черным по белому написано, что Дмитрий Донской и законный хан Золотой Орды Тохтамыш совместно громили Мамай и совместно радовались победе, обменялись послами и подарками.

И тогда рухнет миф о «злодеях» монголах, об «иге». И выяснится, что Русь совместно с Ордой воевала против Запада, а

не прикрывала Запад от Орды — миф, внушенный всем, в том числе и таким разным людям, как Александр Пушкин и Фридрих Энгельс. Наконец, рухнет европоцентрическая система русской истории, в духе которой выросли и воспитались все наши великие историки.

Вот что скрывается за их молчанием.

Компрачикосы

Не понимаю благодушных разговоров о том, что правда все равно проложит дорогу. Сама собой. Как река промывает свое русло. Оно так, конечно. Если мыслить тысячелетиями. Но что произойдет за время господствующей лжи, никто не говорит. А искажители, замалчиватели истории — страшнее компрачикосов. Были такие люди в Средневековье, которые покупали малых детей у бедных, уродовали их и потом продавали богатым владельческим особам в качестве шутов для развлечения. Среди способов уродования был и самый мерзкий, описанный Гюго в романе «Человек, который смеется»: младенца опускали в сосуд особой формы, и он вырастал, принимая форму сосуда.

То же самое происходит и с тем, кто вырастает на полуправде или прямой лжи.

Вспомним самый характерный пример. Когда на Первом съезде народных депутатов СССР возник вопрос о секретном приложении к пакту Молотова—Риббентропа. Один рабочий депутат прямо заявил: не надо, не хочу знать, потому что тогда нас будут называть оккупантами. То есть правда человеку не нужна — тут все ясно. А многие ведь отрицали сам пакт. Хотя весь мир знает, и мы сами знаем, что в 1939 году разделили Польшу между СССР и гитлеровской Германией, что нам достались от того раздела республики Прибалтики, Западная Украина и Западная Белоруссия, в которых мы живали и бывали. Но вспомните, сколько людей яростно отрицало сговор с Гитлером. А что тут отрицать? Советские же газеты печатали фотографии, как советские генералы вместе с гитлеровскими принимали парад в Бресте, во всех газетах и по радио звучала речь Ворошилова на сессии Верховного Совета СССР в 1939 году: *«Оказалось достаточным короткого удара по Польше со сторо-*

ны сперва германской армии, затем — Красной армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого порождения Версальского договора».

Но ведь упорствовали, требовали: «Докажите!»

И когда им показывали это приложение, с подписями Молотова и Риббентропа, говорили: «Подделка!»

И тут случилось чудо. На складах Министерства иностранных дел СССР нашли ту самую пишущую машинку, на которой печатался текст, провели экспертизу и представили результаты экспертизы. И только тогда отрицатели смирились.

Ну что это, как не психическая неуравновешенность, мягко говоря.

Человек, выросший на утаенной, догматичной, искаженной истории, не приученный к открытому обсуждению, поиску истины, не может быть уравновешенным. Ведь он многое просто чувствует, о какие-то кочки-неувязки спотыкается в книгах и учебниках, на многое закрывает глаза, но так или иначе что-то и где-то прорывается, и от этого в душе возникает чудовищный дискомфорт. Чреватый неизвестно чем. То ли поиском и нахождением таки «врагов», то ли агрессией ко всем «умникам», которые «мутят душу», то ли обвальным нигилизмом: раз так, то все на свете — ложь, ничего не хочу слушать и слышать, и пропадите вы все пропадом со своей страной и своим патриотизмом... И много еще вариантов поведения — ровно столько, сколько людей...

В руках компрачиковосов от истории вырастают больными целые страны и народы.

А как же нелюбовь к «татарам»?

Люди некнижные, знающие о сложностях и парадоксах исторической науки понаслышке, часто спрашивают: а как же так, а откуда тогда вся эта нелюбовь к «татарам» в памяти народной? Ведь летописи и сейчас-то недоступны, а в те времена — тем более. Однако откуда-то взялась же нелюбовь к «татарам» в народе? **«Незванный гость хуже татарина».** Откуда?

Вообще, слово «татары» было собирательное, не имеющее прямого отношения к какому-либо отдельному, конкретному

народу. И прежде всего, например, к казанским татарам, которые на самом-то деле болгары или булгары, из Великого Булгара на Каме. И я уже писал об этом, о происхождении общего названия «татары». Но сегодня, например, при поездке в Казань, в Татарию, при встрече с казанским татаринцом у средне-статистического русского человека если и возникнет историческая ассоциация, то однозначная: «А, татары, которые нас...» Хотя Великий Булгар, как и русские города, пал под ударами Батыея, хотя само Казанское ханство просуществовало всего один век, оно не угрожало и не могло угрожать Руси по причине несоизмеримости сил, и не Казань завоевывала Русь, а как раз наоборот, Русь завоевывала Казань... То есть Русь была агрессором. Но опять же с оговорками. Войны и противостояния **народов** не было. Это были разбирательства наследников Золотой Орды. В которых главным наследником Папы стал Московский царь. Как писал, напомним, историк князь Н. С. Трубецкой, произошла *«замена ордынского хана московским царем с перенесением ханской ставки в Москву»*. И ханы Казанские и Сибирские приняли это как... историческую объективность. При этом, по старым ордынским законам, никто не был низвергнут. Казанский и Сибирский ханы имели при Московском дворе все царские почести, именовались царями и на всех церемониях их имена произносились после имени Московского царя... Впоследствии потомки Едигера Казанского (в крещении — Симеон), Кучума Сибирского и других перероднились с царскими родичами и стали просто русскими князьями. Так что память народная — аргумент весомый, но не всегда бесспорный. Ее, память, можно формировать направленной информацией или же, наоборот, полным отсутствием информации.

Но тут, с «татарами», дело еще и в наложении. Одно наложило на другое, другое — на третье, третье — на четвертое, и все вместе стало называться «татары».

Начнем с половцев. При всем родстве половецких ханов с русскими князьями «походы» были. Как в ту, так и в другую сторону. Причем Киевская Русь была сильнее половцев, и половцы, соответственно логике, от русских понесли потерь больше, чем русские от половцев. Но мы не помним беды, которые принесли другим, зато помним несчастья, которые доставили нам другие. Это закон человеческой памяти и психологии. По-

ловцы принимали участие почти в каждом «походе» — междуусобной военной сваре русских князей, — из которых, «походов», и состояла тогдашняя жизнь. К примеру, в начале 1203 года половцы ворвались в Киев, жгли и грабили город нещадно. «Якого же зла не было от крещения над Киевом...» — свидетельствует летопись. Правда, грабили они не просто так, а в качестве платы за участие в походе, потому что пришли сюда не сами, а по найму, с черниговскими и смоленскими ратниками, во главе со смоленским князем Рюриком Ростиславичем. А вообще всей антикиевской операцией и наймом половцев руководил князь Игорь Святославич — герой «Слова о полку Игореве», сват хана Кончака. Но эти детали через сколько-то лет забываются, а память о половцах остается.

Затем — уже поход Батыя, потрясший Русскую землю. Киев, Рязань, Владимир, Козельск... — это была жестокая война, которая не могла не оставить следа. И какими бы ни были отношения потом, но это все равно отношения вассала и сюзерена, победителей и побежденных. Чужие есть чужие. Никто ж не помнит лютой и вечной вражды и резни между суздальцами и рязанцами, к примеру, потому как теперь все свои, а чужие, повторю, — это чужие... А страшная резня, страшный ордынский поход Неврюевой рати, которую привел Александр Невский на войну со своим братом Андреем? Потом были «Дедюнёва рать», «Ахмылова рать» и другие «рати»...

Те времена давние, и осталась ли память о них в народе, передавалась ли из поколения в поколение или стерлась, затерялась — судить трудно, почти невозможно. Говорю так потому, что, собственно, в русской народной памяти свою роль сыграла высокая культура Руси, письменность. У бесписьменных народов исторические события передаются из поколения в поколение в виде сказаний. Но как только приходит письменность, устный эпос исчезает. А в Великом Новгороде уже в VIII—IX(!) веках обычные люди обменивались берестяными записками, как Чехов и Суворин письмами в Москве XIX века!

Предполагаю, что нелюбовь собственно к «татарам» в памяти народной прочно сформировалась уже потом, после Орды, во времена постоянных набегов крымских «татар». XVI, XVII, XVIII века — это время бурного развития двух молодых могу-

чих государств — Руси и Османской (Оттоманской) империи. Это время гигантской борьбы за прикаспийско-причерноморские пространства. И копьём Османской империи в борьбе с Русью, передовым отрядом империи было Крымское ханство. Три с половиной века существовало Крымское ханство под покровительством Турции — и три с половиной века это были постоянные стычки на границе, мелкие войны, крупные набеги, когда уже по заокской степи носились разезды крымчаков, «татар»... Вот откуда истоки нелюбви к «татарам» в памяти народной. И не только в памяти. Есть и в летописях. Но ведь у нас **оригиналов** нет, то есть нет документов, современных событиям. Все летописи дошли до нас только в «списках», переписанных вариантах. Самая ранняя, Лаврентьевская — XIV век, Ипатьевская — XV век, остальные — XVI и даже XVIII века. Сколько раз и как они переписывались за прошедшие столетия — неизвестно. При переписке летописей монахи-переписчики в события времен Золотой Орды **вставляли** мотивы сегодняшнего, современного им религиозного противостояния. То есть потом эти, крымские, «татары» наложились на события XIII—XIV веков, наложились на ордынцев, которых не только в истории и литературе, но прежде всего в народе стали звать «татарами», иногда — «монголо-татарами».

Кстати. К примеру, в основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище», дошедшем до нас в переписанном варианте уже XVI века, в самом начале, в **оригинале**, нет слова «татары». **В оригинале** — «агаряне». Но при переводе на современный русский язык советские переводчики-академики и редакторы-академики лихо заменили «агарян» на «татар». Мол, чё тут усложнять, людям головы морочить...

Так и живем из века в век, упрощая все до полного искажения.

Я же стараюсь повсеместно употреблять слово «ордынцы» и считаю его наиболее точным. Потому что даже «монголы» в историческом смысле весьма условно. Там изначально был тюрко-монгольский конгломерат. Основную же военную силу составляли тюркоязычные степняки, покоренные монголами половцы. То есть люди, не родственные монголам по языку. Но — близкие по бытотипу, по образу жизни, тому, что называется конно-степной цивилизацией.

О Литве

В одной из статей я писал, что Литва в средние века была велика и могуча и могла при случае поглотить Русь. Достаточно посмотреть на карты и сравнить... Мне тотчас же возразил в «Литгазете» доктор исторических наук В. Ступишин. Мол, достаточно посмотреть на карты в учебнике истории СССР выпуска 1966 года, чтобы увидеть: Литва была мала и слаба, и никакой опасности для могучей Руси не представляла. И нечего, мол, причислять Литву к крестоносцам.

На самом же деле в XIII—XV веках Литва завоевала и удерживала Полоцк, Киев, Чернигов, Минск, Курск, Брянск, Смоленск, границы Великого княжества Литовского подходили к Можайску и Вязьме. Где, в каких школьных учебниках истории СССР написано об этом? Нельзя было, ни в коем случае! Однако так получается, что **доктор исторических наук** возражал мне, исходя из школьного советского курса истории и даже ссылаясь на карты из учебника 1966 года! Кстати, только сейчас спохватился: почти везде в этой книге слово «великий» (великий князь, великое княжество) я употребляю в его тогдашнем, старославянском значении — «большой».

Литва была передовым отрядом католической экспансии на Русь. Как свидетельствует германский историк Эдвард Винтер, папство планировало «завоевание России при посредстве Литвы». И во многом это удалось, на два-три века. Размеры Великого княжества Литовского поражают. Но, но, но...

Вот какая странная мысль посетила меня совсем недавно. Я знаю, что среди некоторых литовских интеллигентов существует ностальгическое восприятие времен Великого княжества Литовского, когда Литва была чуть ли не от моря и до моря, от Балтики до Черного... Однако, сохранись такое положение, сегодня могло и **не быть литовского народа и литовского языка**. Ведь в Великом княжестве официальными государственными языками были литовский и славянский. Но кто знает, сохрани Литва прежние славянские владения, не растворился бы литовский народ и литовский язык в славянском народе и славянском языке. Ведь подданные огромного княжества **в большинстве были славяноязычными**. Да, история не знает сослагательного наклонения. Возможно даже, что литовцы навязали бы

населению свой язык. Возможно. Но вероятней всего, что растворились бы. Как растворились монголы в тюркоязычных степняках-половцах, как растворились тюркоязычные степняки-болгары в славянских придунайских племенах...

ПОСТСКРИПТУМ. Мой друг и старший товарищ Василий Ефимович Субботин, автор знаменитой книги «Как кончаются войны», о штурме Берлина и рейхстага, часто говорит: **«Все равно поймут не так».** По некоторым письмам сужу... С горячностью обвиняют меня сразу во всем: в промосковских, ордынских, православных симпатиях, подозревают в пантюркизме, в анти-мусульманстве и анти-западничестве... Все сразу, в одной куче! В том, наконец, что я один «образ врага» (монголо-татары) заменяю другим — Римская церковь, крестonosцы и вообще — Запад. На самом же деле автор как раз относится к людям, которые ратуют за то, чтобы наша страна как можно быстрее восприняла именно западные ценности: свободу, демократию, торжество закона, частную инициативу и т. д. Но у нас-то речь идет о средневековой истории! А тут уж что было — то было. Как говорится, извините, господа европейцы, я понимаю, что правда неприятна, но что поделать... Кстати, в письмах читателей везде фигурирует слово «мнение». В том смысле, что «я так считаю». Должен сказать, что я нигде не выражал своего «мнения». В этом смысле. Я лишь приводил и сопоставлял факты. И, соответственно, делал из них выводы.

Глава 14

ВЫБОР ВЕРЫ

Ислам ускорил распад Золотой Орды

Как мы знаем, Чингисхан был язычник. Потом он стал молиться Будде, Иисусу и Аллаху — всем сразу, призывая их в покровители. Он родился и вырос в среде, где никогда не было и не могло быть рьяной религиозности, тем более фанатизма. Степняки вообще народ спокойный по отношению к религии: видно, сказывается кочевой образ жизни. Среда, в которой он

вырос, была этнически и религиозно неоднородной. Тут были и китайские элементы, и палеосибирские, монгольские и тюркскоязычные. Вообще, собственно монгольское урождение Чингисхана под большим вопросом. Потому хотя бы, что не только имя Чингисхан, но и его исконное, от рождения, от папы-мамы имя — Темучин — разумеется, не монгольское, а тюркское. Чингисханом его провозгласили на всеобщем собрании представителей степных родов. Причем это были не монгольские роды, монгольские роды там представляли меньшинство, а тюрко-монгольский степной конгломерат. К примеру, упоминаются роды *кият*, *меркит*, *жалаир*, *аргын*. Но это — самые обычные казахские роды, живущие здесь и сейчас. Каждый казах знает, кто он и откуда. И потому нынче живые *кияты*, *жалаиры* и *аргыны* бродят по улицам, заседают в парламенте и едят пельмени в забегаловках. (Аргыны — самый многочисленный родо-племенной союз у казахов.) Уже у тех тюрко-монголов вместе с их языческими религиями присутствовали элементы буддизма и особенно — христианства. К примеру, древнейший и крупнейший казахский род *керей* ведет свое наименование от слова «кереш» — «крест». Древние *керей* с V века нашей эры были христианами-несторианцами.

В общем, Чингисхан с рождения был очень спокойным человеком по отношению к религии. Но он, наверно, и умом понимал, что в такой империи, да еще с вольными степными джигитами, любое навязывание той или иной веры, любое преимущество той или иной веры смерти подобно. И потому в Ясе — в законах своих — повелел соблюдать полную религиозную свободу.

Так и сложилась эта империя, в которой, однако, христианство все же было преобладающей религией. Чему историческое доказательство — Крестовый поход в Палестину за освобождение Гроба Господня, предпринятый в 1260 году Хулагу и Хубилаем. Но то преобладание было лишь количественным, да и то чуть-чуть, и было опять же естественным и абсолютно равноправным — никто никого и ни к чему не принуждал.

Но через пятьдесят лет к власти пришел хан Узбек и начал огнем и мечом насаждать ислам. Или отрекайся от своей веры — или голова с плеч.

Это и стало началом падения Золотой Орды. В устоявшуюся систему был вброшен элемент, который вызвал всеобщее

возмущение и отторжение. Отторжение не в религиозном смысле — к мусульманам в Орде, как и ко всем другим, относились спокойно. Отторжение было вызвано насилием, навязыванием чужой воли.

И начался естественный отбор. Слабые смирились, отказались от веры отцов и дедов. А сильные духом — бежали. Естественно, на Русь, к своим единоверцам. Сотнями тысяч. Так и возникла на Руси чуть ли не каждая третья дворянская фамилия. Говорю о дворянских только потому, что их можно проследить по «Общему гербовнику дворянских родов», в котором то и дело встречается фраза о предке: «Выехал из Орды к великому князю...» Повторю: произошел естественный отбор в пользу Руси и в ослабление Орды. В Орде остались более слабые, а самые сильные, неукротимые духом, ушли на Русь. Как писал Л. Н. Гумилев, их дети и внуки от русских мам и бабушек, перенявшие отцовское ордынское умение разрубать врага до пояса и оттягивать тетиву до уха, в составе русских войск вышли потом на Куликово поле и разгромили Мамаю...

Кстати, то же самое чуть позже происходило и с великим княжеством Литовским, в котором основное население было славянским, государственными языками официально считались литовский и славянский. Я говорю о великой (большой) Литве, которая простиралась от Балтики до Черного моря. Нет, здесь за веру головы не рубили, но все же наступление католической церкви и веры было очень и очень осязательным. И потому православные витязи опять же бежали на Русь к единоверцам. Большинство дворянских фамилий на Руси — ордынские и литовские.

Мне могут возразить: а как же крещение Руси? Оно ведь прошло без разрушения Руси, а наоборот, сплотило ее в единое государство?

Во-первых, Русь изначальная была простой системой: однородной по языку и языческой по религии. И — что особенно важно — введение христианства происходило одновременно с построением государства. В простой системе произошла смена одного лишь знака — язычества на христианство. И то процесс был довольно долгий: с бунтами волхвов и прочим. И церковь, именно церковь смогла сплотить Русь в единое государство лишь к XIV веку, когда фактическим правителем Руси стал митрополит Алексей. А когда система на Руси усложнилась, то даже рефор-

ма внутри христианства вызвала многовековую бурю. Я имею в виду реформу Никона, породившую церковный Раскол. Казалось бы, ну что тут такого уж переломного: креститься теперь надо не двуперстием, а щепотью, служить не так, как привыкли, а по книгам. На саму же веру, на христианство, никто не покушается — так чего ж бунтовать. Ан нет, на костер шли, тысячами бежали за пределы государства... И до сих пор ведь примирения как не было, так и нет. Староверы требуют от официальных православных иерархов официального покаяния, а те почему-то не соглашаются — в общем, конфликт тихо тлеет...

А в Орде же от людей требовали отказа от веры отцов и дедов. Так просто подобное пройти не могло. И не прошло.

После Узбека к власти в Золотой Орде пришел хан Джанибек — как в русских летописях пишут, «добрый царь Чанибек». Все успокоилось. Но после смерти Джанибека началась, как опять же в летописях пишут, «великая замятия». На власть там стал претендовать темник Мамай — узурпатор и мятежник. Началась мамаевщина. Которая закончилась в 1380 году, когда Дмитрий Донской на Куликовом поле, а затем хан Тохтамыш на Калке разгромили и изгнали Мамай из страны.

Тохтамыш — последний великий степной властитель, он на несколько десятилетий остановил распад Золотой Орды. Но процесс уже пошел. После его смерти государство распалось как бы само собой.

Я понимаю, что распад Золотой Орды был неизбежен. Просто время пришло другое. Заканчивалась эпоха конно-степной цивилизации, и приходила другая — земледельческая и городская. (На севере и западе выростала могучая городская и земледельческая Русь, на востоке — возникла мощная городская и земледельческая цивилизация Тимура. Он хоть и тоже родом степняк, выходец из ближайшего окружения чингизидов, но уже — городская мусульманская ветвь этого конгломерата.) Но все же замечу, что надлом начался именно с насильственного навязывания ислама как государственной обязательной религии. Во-первых, вольным степным джигитам навязывать что-то — значит смертельно оскорбить их. Ведь из века в век там жизнь стояла на правиле: сабля острая, конь быстрый, а степь большая. Во-вторых — и это главное — жизнь Золотой Орды была устойчивейшей сложной системой. И ее — разрушили. Ну представим, что в сегодняшнюю многонациональную и многоконфессио-

нальную Россию приходит хан-дурак и говорит: «Отныне все будут молиться Конфуцию!» Представляете, что тут начнется?!

Так и тогда. Во-первых, Узбек покусился на святая святых Орды — на Закон Чингисхана. То есть сам же, своими руками порушил основы государства. Ну разве не дурак, прости, Господи?! Во-вторых, власть своими руками разрушила незримый и неписанный общественный договор, по которому существовало это образование — Золотая Орда. Отныне никто никому и ничем не обязан, и никого ничто не связывает. Раз вы так — то и я так, и пошли вы все туда-то и туда-то...

С этого все и началось.

Кто живет лучше? И почему?

В американском русском журнале «Вестник» (Балтимор, США) прочитал размышления политолога Сая Фрумкина — «Политнекорректная статистика». Уверен, что они многих задела за живое. Особенно в Америке, где политкорректность... насколько могу судить по прессе, это священная корова общего жития. Нам бы в России хоть десятую долю такого сознания и осознания! А то ведь мы в открытую, через прессу, оскорбляем друг друга и по национальному, и по расовому, и по религиозному признаку, мальчишки с арматурными прутьями ходят по улицам и... так далее. Удивляюсь, как еще Россия не раскололась, но все, по-моему, к тому идет.

Однако вернусь к Фрумкину. Он приводит такую простую статистику: на 1,4 миллиарда мусульман приходится 3 Нобелевские премии за научные достижения! При этом Фрумкин пишет, что во времена Средневековья ученые из мусульманских стран были самыми образованными в мире. Во-первых, поправлю: во времена раннего Средневековья. Во-вторых, дополню конкретными примерами. Когда арабские послы во время крестовых войн приезжали в Париж на переговоры, они смотрели на все вокруг широко раскрытыми глазами и думали: это ж дикари, варвары... Конечно, тут, в Париже — коровы в домах дворян живут, а они, арабы, — дети утонченной арабской цивилизации, университет в Эль-Кахире (Каир) — древнейший в мире...

И куда все это делось? И что из этого следует? А то, что ислам, став и государством, и правом, и культурой, и наукой, задал тем самым науку, культуру, право... — одним словом естественное развитие **светской**, общественно-политическо-научно-культурной жизни.

А самое, быть может, главное — ислам подавил женщину. Напрочь исключил ее из жизни общества. Да, многие мужчины в мире до сих пор считают, что женщина — друг человека, у нее другие мозги, к большому творчеству, тем более научно-техническому, не способные. И т. д. Допускаю, что это так. Ведь никуда не уйдешь от факта: точные науки — прерогатива мужчин. Но мало кто задавался вопросом: а почему все свои замечательные открытия в науке и технике все мужчины делали только в тех странах, где женщина была более или менее свободна? И вообще — жизнь лучше там, где женщина свободна. Оставим в стороне исламские страны. Возьмем для пушей наглядности русских и украинцев. Уж куда ближе и наглядней! Правда, на Украине крепостного права не было, что весьма существенно, но в остальном хуже истории не придумать: Украина раздиралась со всех сторон — Турция, Россия, Польша. Не менее страшно раздиралась изнутри. Известна украинская же поговорка: где два хохла — там три гетмана... Но жили — лучше. Потом Украина стала колонией России, союзной республикой в СССР — но жили все равно лучше.

Почему? Для ответа на вопрос прибегну к литературе. Какой образ женщины встает перед нами в русской литературе? Волос долог — ум короток. Бабыя дорога — от печи до порога. Раз бьет — значит любит... И даже некрасовское «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет» можно расценивать по-разному. Ведь лошадей останавливать и пожары тушить должны-то мужики!

А теперь окинем взглядом украинскую литературу. Ничего подобного там нет. С ее страниц перед нами встает некая обобщенная Одарка со скалкой, которая гоняет своего мужика, как Сидорову козу, если он мало или плохо работает. Вот и весь секрет. С одной стороны, самый что ни на есть житейский. С другой стороны — глобальный, общечеловеческий, высокий. То ли женщины вдохновляют, подвигают нас совершать открытия, делать мир лучше, то ли заставляют со скалкой в руках — точно сказать не могу. Но результат — известен. Факты — очевидны.

Конечно, Фрумкин со своей неполиткорректной статистической ступил на опасную почву. А вслед за ним и я. Но ведь есть цифры и факты, которые существуют помимо нас и независимо от нас. Так что вопрос уже переходит в другую плоскость: говорить о том, что есть, или не говорить? Мне скажут: важно, *как* говорить. Это верно. Но так же верно и другое: кто очень хочет, тот и в Нагорной проповеди вычитает инструкцию к погрому.

Уф-ф! В общем, сделав необходимые оговорки, перейду к сути. Мои заметки были написаны по поводу некоторых выступлений нашей прессы о... сельском хозяйстве. А тут как раз — статья Сая Фрумкина. Примерно о том же, о **статистике** (дословное совпадение!), о **закономерностях** в истории и в жизни народов.

В советские времена был анекдот: назовите четырех главных врагов нашего сельского хозяйства? Ответ: весна, лето, осень и зима.

Наши власти всегда пытались внушить народу, что мы живем плохо исключительно не по своей вине, а чужой — враги, войны и, наконец, особый климат. В брежневские годы отсутствие продуктов оправдывали тем, что все наше сельское хозяйство якобы находится в **зоне рискованного земледелия**.

Старый рецепт сгодился вновь. Через журналистов (а через кого же еще?) запускают в общественный оборот новое объяснение: **все процветающие страны находятся в зоне умеренного климата, а все отстающие — южнее или севернее**. К ним, мол, относится и Россия.

Да, почти вся Западная Европа лежит в зоне умеренного климата. Однако и в Российской империи жить было не так уж и страшно. (Договоримся, что мы ведем речь о состоянии мира на период до революции 1917 года. Потому что коммунистический эксперимент дал одинаковые результаты что на Кубе, что на Чукотке.)

Итак, чем хуже Западной Европы в смысле климата были Украина и Ставрополье, Северный Кавказ или Закавказье? А Российское Черноземье? Как известно, **воронежский чернозем принят в качестве всемирного эталона плодородия почвы!** Однако Антон Горемыка (персонаж одноименной повести В. Д. Григоровича, из которой и выросла, на мой взгляд, советская «деревенская» проза) пошел по миру именно отсюда, с плодороднейших земель.

И в то же время строила свое процветание Скандинавия, расположенная у Полярного и даже за Полярным кругом. Да, течет там теплый Гольфстрим. Но все-таки Заполярье...

Еще уязвимее станут новые теории, если мы взглянем на Северную Америку. Ровно половина территории США лежит в раскаленных широтах. На одних и тех же параллелях, что Марокко, Тунис, Алжир, Ливия, Ирак, Иран, Афганистан, Пакистан, Индия, Непал, Китай, Азербайджан, Таджикистан, Узбекистан... Но американцы ухитрились построить сносную жизнь даже в такую жару, а все перечисленные — увы...

Однако и прохлада тоже разная. Между 50-й и 60-й параллелями протянулись Зауралье, Северный Казахстан, Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Красноярский край. То, что у нас называют **зоной рискованного земледелия**. Но знаменитые хлебные провинции Канады — Саскачеван, Манитоба и Альберта, что кормят значительную часть мира, — там же, в той же **зоне!** Это — **юг** Канады! А вся остальная Канада — так и вовсе севернее, аж далеко за Полярный круг.

Значит, география не имеет решающего значения.

Но меня заинтересовала сама попытка объяснить какими-то общими условиями столь разный уровень жизни в странах мира. Напомнила мне мои давние построения на ту же тему. Публиковать их я не торопился, но сейчас, похоже, появился повод.

А что, если уровень жизни стран и народов сопоставить не с географией, а с... исповедуемой религией? И тут выявятся любопытные **системные связи**. Подчеркну — не случайные, а **системные**.

Самый высокий уровень жизни — в христианских странах.

Гораздо ниже — в государствах ислама.

Еще ниже — в индуистских и буддистских.

Но и среди христианских стран и народов наблюдаются существенные различия. И опять же не случайные, не произвольные, а **системные**. Остановимся для примера на Европе, в которой представлены **все** направления христианства. Это будет вполне корректно с научной точки зрения: единая территория, единая религия, одновременное развитие.

Богаче всех, благополучнее всех живут **протестантские** страны — Англия, Германия, Нидерланды, Дания, Норвегия, Финляндия, Швеция, Швейцария... Как тут не вспомнить протестантскую триаду — Закон, Семья, Труд.

Затем идут **католики** — Венгрия, Ирландия, Испания, Италия, Польша, Португалия, Франция... Можно возразить, сказав, что Франция по уровню жизни почти не уступает протестантским странам. Но мы ведь берем общий средний показатель.

И наконец, на третьем месте по уровню жизни среди христианских стран Европы — **православные**: Болгария, Греция, Грузия, Россия, Румыния, Сербия...

Это ведь не «мое мнение», это — статистика. Которая выявляет закономерности.

Но — закономерности **исторического пути**. То есть прошлое, **объяснение того, что было**. А сейчас человечество вступило в качественно иную эпоху. Сегодняшний и завтрашний день каждый народ творит, как хочет и может.

Выбор веры

Но тем не менее — нельзя после этого не задуматься над прошлым. О его закономерностях и случайностях. О роковых весах, на которых с одинаковой долей вероятности раскачиваются и закономерности, и случайности.

Выбор христианской веры на Руси определили безусловные причины. Во-первых и прежде всего, славяне — исконно европейская нация. Они ведь, славяне, и пришли на берега Волхова и Днепра из Европы. И всегда были в языческие времена близки к европейским народам по всей границе с севера до юга, от Новгорода до Киева. Можно назвать это модным нынче словом «менталитет», я же употребляю придуманное мною слово «бытотип», то есть образ жизни. Прежде всего — оседлый, земледельческо-ремесленный. Во-вторых, старые связи с Византией, исконная дружба-вражда с ней. Опять же по близости европейского менталитета, образа жизни.

Да, Киевская Русь называлась каганатом — Киевский каганат, Русский каганат. Великий Киевский князь Владимир назывался каганом. Это от исконных родственно-политических связей киевских князей с половцами. Но ведь половцы-то, как и славяне, были тогда язычниками. Так что никакого сильного, близкого мусульманского влияния не было. Мусульманский Великий Булгар от Киева далеко, на Волге. Гораздо ближе пограничный Хазарский каганат. Там формально правили

ханы-степняки-язычники, а действительная власть принадлежала богатым купцам иудейской веры. Иудейской же веры придерживалось и основное население страны — мелкие купцы и ремесленники. Но влияние Хазарии на Киевскую Русь опять же было несопоставимо с влиянием европейцев.

В общем, христианство предопределено исторически и логически. Но тем не менее выбор-то — был. Не как путь, по которому в ходе исторических перипетий пойдет или не пойдет нация. А как выбор конкретного человека и перед конкретным человеком. Я уже писал о том, что летописная сцена выбора веры наводит на грустные размышления: «Можно ли предполагать, что все было бы так, как решил один конкретный человек, каган Владимир? По летописи, Владимир, выбирая веру, выслушивая византийских, хазаро-иудейских и болгарских мусульманских послов, отказался от ислама, потому что мусульманская религия запрещает пить спиртное, мед. Когда дошло до этого, он будто бы сказал болгарским посланцам: э, ребята, нет, питье на Руси есть веселие...

А если б мусульманам разрешалось пить? Или болгарские посланцы сказали бы, что для Руси в исламе делается исключение, потому что питье на Руси есть веселие. Это все маловероятно. Но очень вероятно, что Владимир мог быть больным, язвенником и трезвенником. И тотчас бы ухватился за такую религию, которая запрещает пить. С радостью превеликой! И стала бы Русь мусульманской?..»

Вот как все качается в иные минуты на весах случая.

Глава 15

ПРОРОК, ИЛИ ТАЙНА ЗАВЕЩАНИЯ

ДМИТРИЯ ДОНСКОГО

Само завещание на русском языке никогда не публиковалось. Да и на старославянском, начиная с 1773 года, выходило раза три.

Из него, из завещания, советские историки цитировали отрывочно полторы фразы. Вставляя их в собственный контекст непримиримой борьбы за свержение монголо-татарского ига.

Вообще-то завещание самое что ни на есть прагматично-деловое. Прежде всего — тщательная перепись, кому из наследников какой удел остается. Это — основа мира в стране. Потому что любая неточность в отцовском завещании всегда вызывала размолвку братьев, ссору, которая превращалась в войну. Вся предыдущая история Руси — тому кровавый пример. К счастью, с тех пор отцы-князья поняли, что такое скрупулезно точное и четкое завещание. Очевидно, что они были и до Ивана Калиты. Но сохранились завещания — начиная с Ивана Калиты. И так совпало, что Калита известен в истории как рачительный и расчетливый хозяин. Такой же, рачительной и расчетливой, и была последняя духовная грамота Дмитрия Донского.

Затем, после распределения уделов между сыновьями, идет перечень слобод, городов и волостей с точным указанием «выхода» — дани Золотой Орде в денежных суммах, в рублях. С Вереи, например, 22,5 рубля, с Суходола, Смоляны и Скирменской слободы — по 9 рублей, со Звенигорода и Звенигородской волости — 167 рублей, с Коломны и Коломенской волости — 342 рубля, а всего с Московского княжества — 960 рублей... И это тоже, наверно, одна из причин того, что завещание... на русском языке не публиковалось и широко не цитировалось. Всю жизнь пугаем народ Золотой Ордой и данью, а тут — 960 рублей в год со всего Московского княжества... Как-то несолидно.

После перечня городов и следует фраза, которую всегда и везде цитируют сокращенно: *«А переменит бог Орду... не... давати выхода»*. И в таком урезанном виде цитата подавалась как завет бороться с Ордой.

В полном же виде она выглядит так:

«А переменит бог Орду, дети мои не имут давати выхода в Орду, и который сын мой возьмет дань на своем уделе, то тому и есть».

Теперь понятно, почему полностью не цитировали. В полном виде слова Дмитрия почему-то не звучат как вызов Орде. И даже получается, что собирали бы деньги как дань Орде, а оставили себе? Тоже нехорошо...

Для современников то завещание было простым и ясным. Потому что все знали предысторию, то есть современную им действительность. Мы — не только не знаем, а еще хуже — знаем в искаженном виде. И потому завещание — загадка и тайна. Которую я попытаюсь здесь разгадать логическим путем.

Два момента особенно привлекают внимание историков.

Первый. После перечня уделов, распределенных по сыновьям, следует фраза:

«А се благословляю сына своего, князя Василия, своєю отчиной, великим княжением».

То есть титул великого князя, главного князя на Руси, он передает как наследственный. Впервые. Потому что до этого при борьбе самих русских князей за трон, великого князя выбирал из них и назначал всегда хан Золотой Орды.

Эта фраза трактуется как вызов Золотой Орде, практически полное непризнание Дмитрием власти хана. Трактуются как смелость и непримиримость.

Но если это так, то Дмитрия следует считать не мудрым князем, а глупцом, несущим горе и погибель Русской земле.

Давайте посмотрим логически. Без эмоций.

Что сделает хан Тохтамыш, получив известие, что Дмитрий Донской перед смертью низложил его власть? Соберет конницу и пойдет на Москву. Получается, что сам-то Дмитрий отошел в мир иной, а на любимую жену, детей и город навлек ордынскую рать. И тогда кто такой Дмитрий? Провокатор? Психопат?

Одно дело — если бы Орда валялась в развалинах. Но к тому времени смута там прекратилась, на троне — законный и сильный хан Тохтамыш. Зачем, с какой целью Дмитрию бросать вызов и натравливать на Москву мощную ордынскую рать? За все время своего великого княжения Дмитрий не давал повода усомниться в верности хану Золотой Орды. Никогда и ни в чем. И доказал эту верность, разгромив Мамай на Куликовом поле. Другое дело, что у нас до сих пор считается, будто он там сражался против Золотой Орды, и на раке с его мощами в Архангельском соборе начертано то же самое — так я ж о том и пишу... Понятно, на Куликовом поле Дмитрий прежде всего отстаивал Москву и всю Русь, но одновременно это была и поддержка законного хана Золотой Орды «царя Тохтамыша», как всегда называл его Дмитрий. И против «своего царя» Дмитрий не выступал никогда. И правильно делал. Ничего, кроме разорения и горя, это бы не принесло.

Эта строка в завещании — *«Благословляю сына своего, князя Василия, своєю отчиной, великим княжением»* — так неожиданна, что поставила в тупик самого С. М. Соловьева. При этом учтем, что С. М. Соловьев — апологет и один из основателей европоцентрического подхода к русской истории, для него Орда —

безусловно тьма, Европа — безусловный свет, и русские только и делали, что постоянно боролись и постоянно мечтали о борьбе с Ордой. Казалось бы, вот и подтверждение тому — Дмитрий Донской объявляет Русь своей вотчиной независимо от воли хана! Но Соловьев знает, что не мог Дмитрий Донской сделать такое. И потому С. М. Соловьев заключил, что это — вызов русским князьям-соперникам, чтобы они отныне не претендовали на великое княжение. Но никак не вызов Орде: *«Донской уже не боится соперников для своего сына ни из Твери, ни из Суздаля»*.

Допустим, вызов русским князьям. Но неужели Дмитрий так уж уверен был во власти Москвы над Русью? Да полноте! 27 лет назад он, малолетний московский князь, мальчик, не выдержал бы соперничества с могучими тверскими и суздальскими князьями, сам никогда не стал бы великим князем на Владимирской Руси, если бы его воспитатель и фактический правитель митрополит Алексей не дружил с ханом Джанибеком, не имел могучие связи в Орде, наконец, если бы Алексей не был митрополитом — человеком, имеющим власть над всей Русью. Конечно, за 27 лет великого княжения Дмитрия Москва укрепилась во власти над Русью, но не безоговорочно. Только что, за семь лет до смерти, суздальские князья пытались натравить на него Тохтамышу, только что закончилась война с могучим Олегом Рязанским. Не было к тому времени полного господства Москвы над Русью, такого, чтобы единоличной волей передавать великое княжение как свою наследственную привилегию, отчину! Непременно возмутились бы, поднялись бы суздальско-нижегородские князья, и неукротимый и воинственный Олег Рязанский, всегдашний враг Москвы, непременно встрял бы в свару! В надежде отхватить кусок от московского княжества. Бросать такой вызов русским князьям — значит обречь сына Василия и всю семью на несчастья, а Москву — на войну и пожары. Не мог Дмитрий сделать такого, если он не выжил из ума.

Но если эту строку в завещании нельзя рассматривать как вызов остальным русским князьям, ни тем более как вызов Тохтамышу, то какой же вывод нам остается? Один-единственный, о котором никто из историков не думал, не писал. Не предполагал.

Что эта строка — не воля одного лишь Дмитрия.

Что это — общая воля. Москвы, Руси и Орды.

Что был договор. Наверняка — письменный. До наших времен дошли грамоты Ивана Калиты, Симеона Гордого, Ивана

Красного и затем уже Дмитрия, договоры с Олегом Рязанским и Витовтом Литовским. Других — не сохранилось. Но очевидно, что они были.

Причем договор был, разумеется, трехсторонний. С одной стороны, князя Суздаля, Владимира, Твери, Рязани, Нижнего Новгорода. Что они признают главенство Московского князя и не будут впредь претендовать на великое княжение. С другой стороны — сам великий князь Дмитрий. И с третьей, наконец, Тохтамыш — хан Золотой Орды. Тохтамышу, с трудом установившему наконец порядок в своих владениях, не нужна была смута в вассальном государстве Русь, вечное соперничество князей за великий стол. Ему тоже был выгоден постоянный и наследственный великий князь. Причем Орда сделала свой выбор давно. С некоторыми исключениями, великими князьями на Руси постоянно становились московские князья — прямые потомки и наследники Ярослава и его сына Александра Невского, заключивших военно-политический союз Руси и Орды. А в данном случае еще был, возможно, и личный мотив благодарности — Дмитрий Донской помог Тохтамышу утвердиться на законном троне хана Золотой Орды, разгромив на Куликовом поле Мамай. Потом, на Калке, Тохтамыш уже только добил узурпатора и мятежника... А начал — Дмитрий.

Дмитрий княжил тридцать лет. Первые восемнадцать лет — под руководством фактического правителя страны — своего наставника митрополита Алексия. Затем двенадцать лет — вполне самостоятельно. И везде и всегда он показывал себя мудрым, осторожным, трезвым политиком.

И, по моим предположениям, был прозорливцем-пророком. В политическом смысле. Что значит фраза: «*А переменит бог Орду...*»? Думал ли он, предполагал ли, что Орда скоро (в действительности — через 50—100 лет) распадется? Можно ли было в расцвет Тохтамышевой крепкой власти даже и помыслить о таком? С одной стороны — никому бы и в голову не пришло. А с другой — давайте подумаем...

Дмитрий на своем веку очень многое видел, тридцать лет княжения в те времена — эпоха! Только у Олега Рязанского да у него был такой долгий опыт власти. И Дмитрий из своего опыта, несомненно, делал какие-то выводы. Дмитрий был семилетним мальчиком, когда умер «добрый царь Чанибек» — хан

Джанибек — и в Орде началась «великая замятня». На долгие годы возник из Крыма смутьян и узурпатор Мамай. Да, потом пришел Тохтамыш, снова Орда окрепла, но...

Но, возможно, Дмитрий прозревал, что все движется своим чередом и распад неизбежен? Потому что идет изматывающая война с могучим Тамерланом, бесконечные стычки-замирения с великим литовским князем Витовтом, он видел, что Орда слабеет: ведь еще за сорок лет до его рождения ордынские витязи начали тысячами и тысячами уходить из Орды на Русь от насильственной исламизации, их дети и внуки становились русскими воинами, русской служивой знатью, что этот исход продолжается и ныне. (После гибели Тохтамыша в 1407 году и возникшей там новой смуты исход ордынских витязей на Русь снова стал массовым, как сто лет назад, во времена Узбека.) И не сделал ли Дмитрий далеко идущие выводы, осмысливая события тридцати лет бурной истории, коим был свидетелем и участником?

Да, это мои логические построения. Да, трудно предположить такое предвидение. Ведь это по сути пророчество, которое начало сбываться через пятьдесят лет и сбылось полностью еще через пятьдесят.

Но ведь он ЭТО продиктовал, написал! К сожалению, всего лишь одну фразу, без всяких объяснений и указаний. И если он не пророк, если он все не предвидел, тогда скажите мне, откуда она возникла, эта фантастически прозорливая его фраза, и в чем ее смысл: *«А переменит бог Орду...»* ?

Дмитрий вел Русь далеко вперед.

И смотрел далеко вперед.

Глава 16

КАЗНЬ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

2 января 1570 года передовой отряд царской дружины окружил Новгород. Чтобы ни один человек оттуда не ушел. Из окрестных монастырей свезли 500 игуменов и монахов; заковали в цепи и поставили на правёж — каждый день били палками.

Иван Грозный, въехав в город, велел тех игуменов и монахов **забить до смерти** и развезти по их монастырям для погребения.

На третий день он приказал разграбить казну и двор Пимена, архиепископа Новгородского, а самого архиепископа посадить под стражу.

Затем устроил многодневный суд над горожанами, пытая их огнем и другими смертными муками. Летописец говорит о «поджаре». Что это такое — не объясняет. Но очевидно, что не открытый огонь. Видимо, какое-то приспособление с раскаленной плитой.

В течение **пяти недель** новгородских бояр, их жен, детей и других «лучших людей» **пытали и топили в Волхове**.

«Иван приказал привести к себе в Городище тех новгородцев, которые до его прибытия были взяты под стражу. Это были владычные бояре, новгородские дети боярские, выборные городские и приказные люди и знатнейшие торговцы. С ними вместе привезли их жен и детей. Собравши всю эту толпу перед собой, Иван приказал своим детям боярским раздевать их и терзать «неисповедимыми», как говорит современник, муками. Потом он велел измученных, опаленных привязывать сзади к саням, шибко везти вслед за собой в Новгород, волоча по замерзшей земле, и метать в Волхов с моста. За ними везли их жен и детей; женщинам связывали назад руки с ногами, привязывали к ним младенцев и в таком виде бросали в Волхов; по реке ездили царские слуги с баграми и топорами и добивали тех, которые выплывали». (Н. И. Костомаров. «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей». М., 1993. С. 307.)

После чего царь Иван приказал грабить окрестные монастыри, городские торговые ряды, амбары и лавки, разрушать дома. Затем такому же погрому подвергли новгородские волости в радиусе 200—250 верст от города.

Через **шесть недель** пыток, казней, грабежей царь Иван собрал оставшихся новгородцев и сказал: «Жители Великого Новгорода!.. Молите господа бога, пречистую его мать и всех святых о нашем благочестивом царском державстве, о детях моих благоверных, царевичах Иване и Федоре, о всем нашем христолюбивом воинстве... А судит бог изменнику владыке Пимену, его злым советникам и единомышленникам: вся эта кровь взыщется на них, изменниках; вы об этом теперь не скорбите, живите в Новгороде благодарно...»

С тем и уехал в Псков. Там всех жителей выгнали на улицы, они падали на колени перед царем, держа в руках хлеб и соль. Но в Пскове лютых казней не было — царь лишь велел разграбить город — вместе с монастырской и церковной казной.

Поводом для казни Великого Новгорода стала, по всей видимости, обыкновенная провокация, по современному говоря — подброс сфабрикованного компромата. (Точного подтверждения, что была провокация, нет, но очень уж все шито белыми нитками.) К царю Ивану в Москву приехал некий человек, который сказал, что новгородцы хотят перейти в подданство польского короля, написали ему грамоту и спрятали ее в Софийском соборе за образом Богоматери. Более потаенного места, конечно, не нашли! И почему спрятали? Если написали — надо отправлять адресату.

Иван послал в Новгород верного человека, тот полез за божницу, а грамота там лежит, его дожидается. Чин чином, подписанная архиепископом Пименом и другими «лучшими людьми». Представьте, сколько дней добирался доносчик из Новгорода до Москвы. Потом царский тайный посланник ехал из Москвы в Новгород. И все это время «грамота» лежала там, за божницей. Повторю: если уж написали, то почему не отправили? Такую бумагу почти на виду хранить — все равно что смертный приговор самим себе подписать.

Иван поднял армию и двинулся в тот кровавый поход.

Вернувшись из него, устроил судилище уже над московскими боярами и дьяками, обвинив их в сговоре с новгородцами с целью предаться Литве, его убить, а на трон посадить его двоюродного брата князя Владимира Андреевича Старицкого. По этому делу казнили князя Оболенского-Серебряного, Висковатого, Фуникова, Очин-Плещеева, Ивана Воронцова и многих других. А вместе с ними — самых-самых верных опричников царя! Вяземского и Басманова! Князь Афанасий Вяземский умер под пытками (наверно, если б знал, в чем признаваться — признался бы!), а Алексея Басманова убил его сын Федор — по приказу царя Ивана.

Уж им-то, Басманову и Вяземскому, сто лет не нужны были Новгород или Литва. Это Курбский мог бежать в Литву — он воевода, а не опричник. А этим-то, Басманову и Вяземскому, никуда от Ивана не деться, шаг в сторону ступить нельзя —

столько на них крови и злодейств. И потому можно предполагать с большой долей вероятности, что все это — плод параноидального сознания царя Ивана, кровавого маньяка. Современные наркоманы про таких говорят: «Сидит на измене». Или — «Попал под измену». То есть докурился-доколотся до того, что в каждом слове близких подозревает заговор против себя.

Царь Иван и был в известном смысле наркоманом. Наркоманом беспредельной власти. Прибавьте тяжелое детство, когда он рос заброшенный всеми, с ненавистью глядя на бесчинства бояр. (Точно так же впоследствии царь Петр жил в ненависти к боярам, вынесенной с детства, с кровавых сцен стрелецкого бунта, когда на его глазах растерзали его дядю Ивана Нарышкина.) Прибавьте очевидную болезнь — параноидальную шизофрению.

И вроде бы все понятно и объяснимо.

Только надо еще учесть, что **речь идет о Новгороде.**

А Господин Великий Новгород — особый город на Руси. С особой судьбой и историей. **Поперечный всем и всему, что производила на Руси власть.**

Кто интересуется, отдельно посмотрит книги. Здесь же коротко скажу: это было государство с отработанной системой демократической власти. Вече — посадник — тысяцкие — сотские — старосты улиц. Все учтено — от жизни улицы и квартала во главе со старостой и сотским до общегосударственной власти. Князь — отдельно. Он — наемный начальник наемной дружины. Для защиты от внешних врагов. С князем заключался договор, где оговаривались права и обязанности сторон. Князь, кстати, не имел права владеть какой-либо собственностью на территории государства. Ни землей, ни людьми.

Конечно, вече — далеко не идеальный способ демократического устройства. «В XV в. вече превратилось в игрушку немногих боярских фамилий, которые подкупали... «худых мужиков вечников», заставляя их действовать в свою пользу; таким образом, с течением времени новгородское устройство выродилось в охлократию, которая прикрывала собой олигархию». (С. Ф. Платонов.)

Так ведь во все времена не без этого. В России XXI века, при тайном голосовании, стариков продуктами наборами подкупают!

Кто знает, как бы дальше развивалось устройство Новгорода. Возможно, вскоре пришли бы к тайному голосованию —

к урнам, к бюллетеням. Из берёсты. Я не шучу. А если шучу, то чуть-чуть. Но только для того, чтобы подчеркнуть — мы мало знаем о том, что Новгород в то время был городом чуть ли не повсеместной грамотности! Жизнь такая — ремесло и торговля, то есть бухгалтерия, учет.

В Новгороде с 1228 по 1462 год было возведено не менее 150 церквей. Москва о таком строительстве и мечтать не могла. Такое мог себе позволить только очень богатый купеческий, ремесленный город. В Новгороде и его младшем брате Пскове дороги и торговые площади мостили бревнами! И — страшно сказать — в Новгороде был тогда водопровод. Москва о нем и не слышала! Узнала только через века.

Новгород ведь входил в Ганзейский союз городов. Это удивительное образование. Ганза существовала четыре века! Она объединяла 70 городов Северо-Западной Европы. Пусть со временем и она не устояла перед централизацией государственной власти, но Ганза заложила многие основы нынешнего европейского миропорядка. Новгород тогда был еще неполноправным членом союза, исключался, затем снова восстанавливался. Но тем не менее был вовлечен, участвовал в европейской жизни европейской торговой организации.

Издатель моих книг как-то спросил меня, на современный разговорный лад: «А как ты думаешь, мог удержаться этот средневековый русский офшорчик в Новгороде?»

Не мог. Ход нашей истории был таков, что никак не мог. Централизация власти в Средневековье объективна. Что для Руси, что для Европы. Взять ту же Германию или Италию с их вольными городами-республиками.

Но при этом отличие — как земли от неба.

В Италии и Германии единое централизованное государство складывалось из многих вольных, **одинаковых** городов. А Новгород на Руси был **один-единственный, с особым устройством**. И он один противостоял уже сложившемуся централизованному государству. Новгород был для всех почти чужой. Подобен зерну между громадных каменных жерновов. Между Литвой-Польшей, немецким Орденом и Москвой.

Пойти на торгово-политический союз с Западом до такой степени, чтобы полностью оторваться от Руси, он не мог, **потому что народ православный**. Вера имела тогда основополагающее значение. Хоть Новгород и сам выбирал архиепископа, но ду-

ховная власть патриарха московского распространялась и на духовенство новгородское, и на народ. К тому времени в Литве уже победило католичество, Литва становилась чужой. А Москва была своей. Страшной, опасной, но своей. Веками Новгород пытался через договоры сохранить свою независимость в рамках федерации, как сказали бы мы сегодня. В статусе особой экономической и политической зоны. Москва соглашалась, подписывала договоры, но с каждым десятилетием все больше и больше прав забирала себе. Не забудем, что и население города, и высшие, и низшие слои, были политически неоднородны — среди них и сторонники Москвы, и сторонники Литвы. Но когда стало окончательно ясно, что Москва не пощадит новгородские вольности, вече постановило идти на союз с Литвой.

С королем Казимиром был заключен договор.

Королевские тиуны, живя на Городище, не имеют права держать при себе более пятидесяти человек. Король не покушается на православную веру. Король не ставит римских церквей ни в Новгороде, ни в пригородах, ни по всей земле Новгородской. В случае похода на Новгород московского князя король обязуется «садиться на коня со всею Радою литовскою и оборонять Новгород».

Но было поздно.

Когда царь Иван III пошел в поход на Новгород, король Казимир не защитил новгородцев — у него в то время возникли свои внутренние и внешние политические сложности. Новгород остался один на один с московской ратью. Была битва на Шелони, которая закончилась полным поражением новгородцев. Затем — еще несколько лет волнений, второй поход московского царя, окончательное лишение вольностей, вплоть до вывоза вечового колокола в Москву.

А жестокая, кровавая, маниакальная расправа Ивана Грозного, через сто лет(!) после вывоза вечового колокола в Москву, не имела никакого более или менее серьезного повода. Но такова была ментальная ненависть русских самодержцев к Новгороду. В Иване Грозном — помноженная на его психическую болезнь.

Повторю: в Германии и в Италии, при включении торговых городов-республик в общее централизованное государство, речь шла только о власти. **Там не было столкновения менталитетов. Столкновения систем, основ жизни.**

А в случае с Новгородом — все иначе.

Все усобицы на Руси были понятны обеим сторонам — и великокняжеской власти, и ее врагам, удельным князьям и заговорщикам-узурпаторам. К примеру, одновременно с новгородско-московским противостоянием разворачивалась кровавая смута потомков Ивана Калиты и Дмитрия Донского. Василий Косой сверг с великокняжеского трона своего двоюродного брата Василия. Но затем Василий, набрав сил, разбил рати Косого, вял его в плен и выколол ему глаза.

Через некоторое время поднялся родной брат Василия Косого — Дмитрий Шемяка. Он захватил в Троицком монастыре двоюродного брата, великого князя Василия, и выколол ему глаза. В отместку за родного брата, которого в свое время тоже предавал, как и двоюродного. Затем Шемяка взял Москву, провозгласил себя великим князем, но на троне долго не удержался. Бояре и дружинники, верные великому князю Василию, названному уже Темным, изгнали Шемяку из Москвы.

Страна содрогалась и корчилась в муках.

Но тем не менее это был спор — пусть и кровавый — между собою. Он проходил, можно сказать, в традиционных рамках тогдашних нравов. Почти каждый из них на месте другого вел бы себя так же — оспаривал трон брата, вырывал свой удел из-под его власти, и так далее.

А Новгород в этом не участвовал!

Новгород жил и хотел дальше жить по своим, совершенно особым европейским правилам европейского вольного города. Что всегда было особо ненавистно самодержцам на Руси.

За то и был казнен Великий Новгород лютой казнью.

Глава 17

УБИВАЛ ЛИ БОРИС ГОДУНОВ ЦАРЕВИЧА ДМИТРИЯ?

Ответ прост до удивления. Разгадка давней истории всегда была на виду. Но что делать, если люди часто запутывают простое и доводят до примитива сложное. А потом сокрушаются.

Обвинение Бориса Годунова в убийстве царевича Дмитрия получило широкое распространение в истории из-за книги

Авраамия Палицына, называемой в научном обиходе «Сказание Авраамия Палицына». Это сейчас она никому не известна, а в XVII и XVIII веках наши предки ею зачитывались!

И само имя Палицына незнакомо нынешним россиянам. А ведь он был в Смутное время соратником правителей Руси — Дмитрия Трубецкого, Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина. В книге (своя рука — владыка!) он насочинял, что мирил их, рассуживал, а то и одергивал и даже вырuchал на поле боя.

Палицын был яростным ненавистником Бориса Годунова. (Подробнее — в очерке «Неистовый Авраамий».) И всю ярость и ненависть излил в книге, обвинив Годунова во всех мыслимых и немыслимых грехах и преступлениях.

А что такое книга в XVII и даже XVIII веках? Это — Книга Чуть ли не скрижали Господни. Истина и правда в последней инстанции.

Прибавьте к этому извечную страсть читателей к дворцовым тайнам, тем более, когда речь о загадочной, так и необъясненной гибели сына самого Ивана Грозного. А потом, через два века, свое слово сказал наш Александр Сергеевич. Если бы Пушкин в драме «Борис Годунов» не написал больше ничего, связанного со смертью царевича Дмитрия, а только одну строчку: «И мальчики кровавые в глазах» — ее было бы вполне достаточно, чтобы мир приговорил царя Бориса.

История — всегда параллели и аналогии. В Англии было то же самое. Один в один! Английская молва объявила короля Ричарда узурпатором, злодеем, который расчистил дорогу к трону, задушив племянников. И там были мемуары ненавистника, сына заговорщика, а потом трагедия Шекспира «Ричард Третий», написанная по этим мемуарам. И — все. Навеки заклеял мен. С Шекспиром в Англии спорить — все равно что у нас с Пушкиным.

Но и Пушкин Александр Сергеевич писал, наверно, не только по книге Авраамия Палицына. Смерть царевича Дмитрия в Угличе — история темная и, за давностью лет, нераскрываемая. Материалы тогдашней следственной комиссии и показания свидетелей чрезвычайно запутаны и противоречивы. Но людская молва и летопись прямо обвинили в углической трагедии Бориса Годунова.

А между тем невиновность Годунова всегда была на виду.

Я говорю не о народной молве того времени. Что с нее взять, с молвы. Народ в массе своей не может сложить или сопоставить очевидные факты, он желает знать только то, что ему мнится. Тем более, когда речь идет о правителе. В любой стране правителей не любят — что Ришелье, что Годунов. Я же говорю о тех, кто жил позже и пытался разобраться в далеких событиях.

Надо всего лишь задаться вопросом: зачем это надо было Годунову? Угрожал ли Дмитрий власти Годунова?

После смерти Ивана Грозного царем стал его старший сын Федор. Жена Федора — царица Ирина. А правителем при них Борис Годунов, брат Ирины.

Младший сын Ивана Грозного, царевич Дмитрий, мог угрожать власти Годунова только в том случае, если Федор и Ирина немедленно умрут, не оставив наследника трона. Тогда — да, тогда Годунова, конечно, отстранят, да и вообще — сошлют.

Но царю Федору на момент смерти Дмитрия 36 лет. По тогдашним меркам, более чем зрелый человек, но не старый, вполне способен произвести наследника, при котором Годунов останется правителем страны, даже если что случится с Федором и Ириной. И, разумеется, при рождении наследника любые разговоры о будущем царствовании Дмитрия не имеют под собой никакой почвы.

Другое дело, если Борис заранее убил Дмитрия, чтобы затем уморить царя Федора и самому стать царем.

Допустим, он убил Дмитрия, а затем уморил царя Федора. Правда, долгонько ждал, аж семь лет.

Но после смерти царя Федора царицей стала Ирина.

Допустим, Борис заранее договорился с ней, что она отречется от престола. В его пользу. Ведь Ирина ему — сестра родная. Допустим, они устроили заговор. Но после отречения Ирины правителем Руси автоматически стал патриарх Иов. Первое лицо в государстве после царя. И как дальше события повернутся — еще бабка надвое сказала.

Допустим, что у Бориса был сговор и с патриархом Иовом. Но сговор сговором, а когда к тебе в руки падает власть над всей Русью, тут можно и не устоять. Впоследствии патриархи Филарет и Никон самовластно правили страной, и при живых царях(!) именовались Великими Государями! А тут — полная власть, без царя и наследников. Бери и правь! Велик соблазн, а

значит, велик был риск для Годунова. Новый правитель Руси мог не только удалить Годунова от двора, но и вообще сослать на Соловки. И многие в стране это бы горячо приветствовали

Но патриарх Иов и не думал править страной. Он собрал бояр, духовенство, и они попросили Бориса принять царский скипетр.

Борис отказался.

Тогда, через сорок дней после кончины Федора Иоанновича, собрали Земский собор, на котором и постановили — царем быть Борису Годунову. После молебна патриарх, духовенство, бояре и «всенародное множество» отправились к Годунову и били челом.

Борис снова отказался.

Тогда патриарх и высшие иерархи церкви решили собрать народ и идти к Борису крестным ходом. И если Борис в третий раз откажется, то отлучить его от церкви, «а самим снять с себя святительские саны, сложить панагии, одеться в простые монашеские рясы и запретить службу по всем церквам».

И только после этого Борис согласился.

Допустим, что и это хитрый ход, заранее сочиненный сценарий. Но ведь велик был риск, что бояре и духовенство скажут: «Ну что ж, на нет и суда нет, давайте другого выбирать...»

Как гласят некоторые источники, было такое предложение. И исходило оно от Шуйских. А Шуйские — не в поле обсевки. Патриарх патриархом, но Шуйские — самые видные Рюриковичи. Первый по влиятельности род в те времена. Они были фактическими правителями Руси до Ивана Грозного.

Согласитесь, Борис, если он разыгрывал сценарий, рисковал страшно.

Наконец, был еще один наследник трона — Касимовский хан Симеон Бекбулатович. Отношение к нему в нашей истории несерьезное, если не анекдотическое: мол, шут-марионетка при Иване Грозном. Это далеко не так. Он носил титул царя и великого князя, каковым и был одно время, сидел на Москве по воле Ивана Грозного. При царе Федоре Иоанновиче и правителе Борисе он именовался царем Тверским, и его имя проносилось чуть ли не вторым после имени московского царя. И — перед всеми остальными боярскими именами! Потом он был сослан в дальнее село, жил бедно, болел и ослеп. И в этом людская молва тоже видит умысел и руку Годунова.

Ох, очень уж много должен был предусмотреть Борис Годунов, очень многих устранить, если стремился в цари и с этой целью убирал со своего пути царевича Дмитрия!

Но и это еще не главное.

Главное — даты. Если их сопоставить.

Царевич Дмитрий погиб в 1591 году. А царем Годунова избрали в 1598 году. Значит, он за семь лет уже думал о своем будущем избрании и заранее, за семь лет, убирал Дмитрия? За семь лет он предполагал, что Федор умрет раньше своей жены Ирины, что Ирина отречется от престола и он при поддержке патриарха будет избран царем на Земском сборе?

Допустим, что так и предполагал. Планировал.

Но ведь царь Федор и Ирина могли за эти семь лет родить сына или дочь. И не одного сына, и не одну дочь. Прямых наследников трона!

Или Борис был абсолютно уверен, что они бесплодны? Так ведь нет! Через год после трагедии в Угличе царь Федор и его жена Ирина родили дочь Феодосию. Но вскоре она умерла. Народ заговорил, что маленькую Феодосию уморил опять же Борис.

А ведь был возможен еще один вариант. Федор мог взять другую жену. У его отца Ивана Грозного их было семь. Более того, царь Федор вообще-то обязан был взять другую жену, чтобы не оставить трон без наследника. В те времена, даже если ты не Иван Грозный, плевавший на все законы и обычаи, это делалось просто. Предыдущая жена постригалась или ее насильно постригали в монахини. И царское ложе освобождалось...

Значит, Борис был уверен, что у царя не будет новой жены?

И потому заранее, за семь лет, убил Дмитрия? За семь лет до своего царства знал, что детей у царской четы не будет, что царь умрет, а царица Ирина откажется от престола? Знал, что на Земском соборе непременно выберут его?

Ну чушь ведь полная, да? А который век обсуждается...

То есть ни в прошедшие века, ни сейчас никто не удосужился сопоставить даты смерти Дмитрия и воцарения Годунова — и сделать элементарные выводы.

И здесь обращу внимание на главное — на сознание народное. И Палицын, и Пушкин ведь были его выразителями. Они отражали то, во что верил народ. В убийство, в насилие — ве-

рил. Сразу. Без раздумий. Потому как вроде само собой разумелось. А в то, что не убивал, не надо было убивать, — не верили. И до сих пор многие не верят. Сознание такое.

Глава 18

СПАСИТЕЛЬ КУЗЬМА

Феномен человека и народа

25(11) июля 1613 года в Успенском соборе Кремля был венчан на царство юноша Михаил — первый царь из династии Романовых.

На следующий день, 26 (12) июля 1613 года, нижегородский купец Кузьма Минич был царским указом пожалован званием думного дворянина и стал членом Боярской думы.

Ох, устаю я иногда от нашего русского народа! Как от себя самого. Наверно, в том и дело. Устаешь от своих недостатков, которые видишь и в других. Видимо, народ наш такой же, как и я, безалаберный, некогда ему текущими делами заняться, необходимые процедуры соблюсти.

Ну вот вам национальный герой — Кузьма Минин! Спаситель Отечества! Вышедший из самых что ни на есть глубин народных. И ладно бы какой безвестный, в рубище. Не в рубище, а в блеске славы. Живет в царском дворе!..

Не когда-либо потом, после важных дел, а сразу, **на другой же день после венчания на царство**, царь Михаил Федорович жалует Кузьму Минина званием думного дворянина. И этим актом всему миру показывает: новая царская династия знает, **кому она обязана тронем**. Понятно, в князя-бояре Кузьму пожаловать невозможно. В бояре пожаловали князя Пожарского. Но думный дворянин — почти боярин, он в Боярской думе сидит, государственные дела вершит! Ну как сопоставить... Значимость нынешних депутатов Госдумы, членов Совета Федерации или рядовых министров и сравнивать невозможно со значимостью членов тогдашней Боярской думы! Быть может, по-нынешнему — это члены Совета безопасности или члены Государственного совета...

Вообще, с 1572 года, с первого упоминания думных дворян в Боярской думе, перебивало их там 18 человек. При царе Михаиле Федоровиче в Думе было два думных дворянина — Гаврила Пушкин (нам больше известен его потомок Александр) и Кузьма Минин. Жалованье Пушкина — 120 рублей в год, жалованье Кузьмы — 200 рублей в год.

В общем, крупный государственный деятель, большой чин. Только с неизвестным прошлым. Ну так спросите его, Кузьму Минина! Кто он, кто его родители, когда и где родился, кто бабушка и дедушка? Запишите. Занесите на скрижали. В конце концов, так положено, это обязанность, протокольное мероприятие. Не прохожий на улице, а член Боярской думы! И на дворе, чай, не какие-нибудь темные времена, а просвещенный и прогрессивный XVII век! Бумага под рукой, чернила. Уже полвека прошло, как первую книгу напечатали! Разве что диктофонов и компьютеров нет.

Однако ж — никто ничего не записал. Не спросил. А если спросили и записали, то потеряли и забыли. Или кто-то забрал в спецхран, в партархив, и так спрятал под грифом «гос. тайна», что и поныне докопаться невозможно...

Но шутки в сторону. Пусть даже и горькие.

О самом главном я скажу в последней главе. А пока — просто о главном. Сколь ни старалась дореволюционная, а потом и коммунистическая история возвеличить Кузьму как **представителя народа**, а все равно Кузьма Минин оказался **приниженным**. Это у нас само собой получается: кто у нас всегда главный, тем более на войне? Царь, боярин, князь, генеральный секретарь, главнокомандующий, маршал... Да вспомните сами курс школьной истории, какой образ исторический перед нами встает? Ну, мясной торговец Кузьма, борода лопатой, обратился с призывом к народу в Нижнем Новгороде, стал собирать деньги на ополчение... В общем, казначей при Пожарском, **представитель народа** при Пожарском и других князьях-боярах...

Все это — вранье!

Кузьма Минин был Главным Действующим Лицом тех событий.

Прежде всего надо четко обозначить: не Пожарский и бояре подняли и повели Кузьму и народ, а народ и Кузьма выбра-

ли, *«указали на Пожарского»* и повели Пожарского, бояр и дворян на Москву.

Сейчас я приведу строчки из практически неизвестного свидетельства:

«Призвавши бога на помощь, пошел Кузьма к царствующему граду... Князь Дмитрий Трубецкой, услышав, что идет Кузьма Минин с войском, отступил прочь... А в то время Кузьма Минин со своим войском облек город-Кремль...»

Помилуйте, братцы, это же не купец Кузьма, а полководец Македонский! Причем на широком историческом фоне идет непрерывный почти личный конфликт за первенство между двумя руководителями двух войск — высокороднейшим князем Дмитрием Трубецким(!) и мясным торговцем Кузьмой Мининым. А Пожарский там вообще фигура третьестепенная...

Это — «Хронограф» из рукописного собрания князя Оболенского. Официальная история его отвергает и вообще нигде не упоминает. Мол, придумки, народные сказки, неизвестный автор был поклонником Кузьмы и чрезмерно возвеличил его роль. Да, конечно, нам читать такие строчки странновато. Но, во-первых, **источник есть источник**. Какой бы он ни был, он требует прежде всего не замалчивания, а обнародования. А «Хронограф», хранящийся в Центральном государственном архиве древних актов, почему-то до сих пор не опубликован. Что более чем странно, если учесть к тому же невероятную скудость источников о личности Кузьмы и его деяниях. А уже потом, после опубликования, можно судить о нем, сопоставлять с другими источниками, опровергать сведения или же подтверждать. То есть анализировать, выяснять. К примеру, что за автор такой и почему он в те времена взялся возвеличивать какого-то Кузьму? Может, он писал по прямому заказу самого Кузьмы или его сына Нефёда? Или же имел свое мнение и решил его выразить. Почему ж тогда мы его мнением пренебрегаем? Учтем, что грамотных людей тогда было мало. А уж таких, кто взялся бы за летописание, — и вовсе единицы. Само по себе ведь интересно, почему образованный, литературно способный человек решил возвеличивать какого-то мясного торговца — вопреки вековой традиции **письменного** возвеличивания великих князей и царей! Что ж мы с порога-то отмечаем свидетельство такого человека!

А во-вторых, если «Хронограф» мы не считаем объективным свидетельством эпохи, то как быть тогда с Никоновской летописью? Ее-то мы признаем как главный источник сведений о Кузьме и его деяниях. От которого и отталкиваются все писатели-исследователи.

Но на деле получается, что мы и Никоновской летописью пренебрегаем, потому как используем ее весьма произвольно. А ведь в ней, в Никоновской летописи, роль и значение Кузьмы прописаны совершенно четко. Везде и всюду говорится: Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский **совместно руководили** освободительным движением, все важнейшие решения принимали совместно. Все грамоты во все края писали и подписывали совместно. Они вдвоем назначали воевод и посылали князей с ратниками в города...

«Князь Дмитрий же Михайлович и Кузьма посла к Ярославлю князь Лопату Пожарского...»

«Думав с Кузмой и даша им воеводу князь Романа Гагарина...»

«Князь Дмитрий же Михайлович и Кузьма отпустиша князь Романа Петровича в Суздаль, а сами поидоша в Ярославль...»

«Князь Дмитрий же и Кузьма тако же писаша под Москву, что... идут под Москву им на помощь, на очищение Московского государства».

И так далее.

И противная сторона воспринимала Кузьму как вождя и вершителя (их!) судеб.

К примеру, знатные бояре, засевшие в Кремле вместе с поляками, боясь штурма, решили спасти своих жен. И обратились с просьбой... Каково им, родовитейшим из родовитых, на царский трон претендовавшим, спесивейшим из спесивых, было просить мясного торговца о милости к их женам — можно только догадываться. Летописец излагает беспристрастно:

«Бояре же... послаша ко князю Дмитрею Михайловичу Пожарскому и к Кузьме... чтобы пожаловали их, приняли без позору».

Вот так! А вы говорите: казначей, деньги собирал...

То время удивительно точно названо Смутным. Смута в стране, в умах, в сердцах. Трудно понять, что происходит, кто с кем, кто друг, а кто враг. Мы до сих пор не разобрали, а каково было современникам?

Чтобы представить смутность и мутность давних лет, нам достаточно вспомнить события с начала перестройки до наших дней. Сейчас мы уже понимаем, что **в итоге** эти путчи, антипутчи и штурмы оказались большой **разборкой** среди своих — **бояр** из советско-российской партийно-чиновной номенклатуры. Мы, людишки, служили массовкой. Были материалом или аргументом. Вполне искренне и по своей воле. По идее. По душевному порыву! Кто-то защищал Белый дом и Ельцина от «коммунистических танков» в 1991 году. Кто-то уже в 1993 году защищал тот же Белый дом уже от «демократических танков» Ельцина. Но и те, и другие остались при своих. Как и были. И даже гораздо хуже. Так ведь? А вот у тех, кто вел нас туда и сюда, ни один волос ни с одной головы не упал и ни один рубль не пропал! Да, кто-то отстранен от высшей власти, но все — вполне благоденствуют. В отличие от нас.

То же самое было и тогда. **Боярские разборки**. И тоже ни один волос с их голов не упал. Разве что Ивана Заруцкого посадили на кол — так Заруцкий в той княжеско-боярской московской камарилье вообще чужак, пришелец с Дона, казачий атаман, смутьян и *беспредельщик*. Его бы в любом случае *замочили*. Не те, так другие или третьи. Ну да, еще четырехлетнего сына Марины повесили. Очевидно, что бояре-советники юного, только что избранного царя Михаила Романова заранее решили, что младенца непременно надо убить, потому что живой сын Марины — будущая угроза и будущая смута, так как в любое время может объявить себя «законным царем», сыном «законного царя Дмитрия». Его казнь — политическая необходимость и неизбежность. И убить его следовало не тайно, а публично, чтобы никаким новым лжедмитриям веры не было. Вот так завершилась десятилетняя смута на глазах народа, у Серпуховских ворот Москвы, когда из Астрахани привезли атамана Ивана Заруцкого и Марину Мнишек с дитем...

Боярские разборки. Вначале бояре во главе с Шуйским и Мстиславским при помощи Лжедмитрия поднялись на Годунова. Потом убили Лжедмитрия и поставили Василия Шуйского. Тотчас же началась смута против него. Иван Болотников не на пустом месте возник: **крестьянский вождь** Болотников был **воеводой** у князя Григория Шаховского — ярого врага Василия Шуйского... Затем те же бояре затеяли мутный хоровод вокруг «тушин-

ского вора» Лжедмитрия II. Затем отвернулись от «тушинского вора», свергли Шуйского и позвали на московский престол польского королевича Владислава. И все эти годы гуляли по стране казачьи ватаги Хлопка, Илейки Муромца, Ивана Болотникова, Ивана Заруцкого — и Русь утонула в крови и разрухе.

И что в итоге? Невинного младенца повесили. Нашли виновника всех бед...

Я не провожу прямые параллели с недавними днями нашей смуты, я говорю о том, что принцип примерно один. А тогда, конечно, было гораздо страшнее, сложнее, смутнее. Потому хотя бы, что противоборствующих лагерей было несколько.

Ну, с поляками и войсками великого литовского гетмана Ходкевича ясно — противники. А как быть с Трубецким и Заруцким? Они оба позавчера служили «тушинскому вору» самозванцу Лжедмитрию II, были пожалованы им в боярское звание. Вчера — целовали крест на верность самозванцу Сидорке — «псковскому вору», Лжедмитрию III (был и такой!). А сегодня они — в народном ополчении? Хорошо даже, что Заруцкий предал ополчение и ушел к Марине Мнишек под Коломну и далее на юг. Хоть под Москвой не вносил смуту. А вот казаки князя Трубецкого вроде теперь на одной стороне с Мининым и Пожарским. Однако Минин и Пожарский **никогда** не ходили на совет в лагерь Трубецкого — боялись, что казаки их убьют. Хороши союзники, да? Так ведь у казаков Трубецкого были свои интересы, отличные от интересов нижегородского и других ополчений. В основном насчет того, как пограбить. В самые решительные минуты казаки отказывались идти в бой, грозились вообще уйти из-под Москвы, если им не заплатят. Дошло до того, что им в залог денег вынесли церковное золото. Правда, тут некоторые казаки слегка устыдились... Но — слегка. Когда Пожарский велел не трогать боярских жен, вышедших из осажденного Кремля, казаки взбунтовались и решили убить князя Дмитрия за то, что не дал пограбить боярынь...

Везде, во всех лагерях были **свои** — бояре, так сказать, соль земли русской, тудить их растудить. И с поляками в Кремле, и у Заруцкого, и у Трубецкого, и у Минина с Пожарским. И многие и многие за эти десять лет Смутного времени не раз переходили из лагеря в лагерь — по мере обстоятельств. Их называ-

ли — «переметная сума». Как тот же первейший из первых, князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой. А теперь он, значит, союзник Пожарского и Минина, тоже за «очищение Московского государства»? Так ведь он гораздо значительнее Пожарского. И держался, вел себя соответственно. И ему тот же Пожарский оказывал почести соответственные. Мало того, Трубецкой потом на Земском соборе претендовал на царский трон. Из корешей «тушинского вора» в законе — да в русские самодержцы! Однако царем не стал, но при дворе был возвышен поболее многих. И никого это тогда особо не смущало.

Вместе с тем же Дмитрием Трубецким при дворе «тушинского вора» состояли патриарх Филарет (отец будущего царя), Салтыковы, Годуновы, Плещеев, Масальский, Вельяминов... Потом они кинулись к польскому королю Сигизмунду — королевича Владислава на русский трон позвали. Где они, с кем они сейчас — кто разберет...

И те, что в Китай-городе и в Кремле с поляками, — первейшие из первых. Имена какие! Юрий Трубецкой, Михайла Салтыков, Федор Мстиславский, Иван Воротынский, Иван Романов!.. Для них Пожарский — «захудалый». Так называли тогда хоть и знатные, но уже не имеющие никакого влияния фамилии.

И те же бояре, что в лагере Минина и Пожарского, морщатся, потому как Пожарский то и дело впереди бояр становится. Да и сам Пожарский понимал двусмысленность своего положения. Кто он такой? Князь-то князь, но князь из захудалого рода. Не боярин, и место свое знать должен. Он и знал. В грамотах о спасении страны, рассылаемых по городам, его подпись — **десятая!** Впереди, как и положено, высокородные — Морозов, Долгоруков, Головин, Одоевский, Пронский, Волконский, Плещеев, Львов, Вельяминов. Подпись Кузьмы Минина — **пятнадцатая!** И это надо считать небывалым смирением знати и признанием главенства Кузьмы! За ним — еще 34 подписи, в том числе и князей Туренина, Шереметева, Салтыкова, Бутурлина...

Понимаю, что моя теория *боярских разборок* применительно к Смутному времени вызовет некоторую настороженность. Потому что мы привыкли искать везде социально-исторические закономерности. Но ведь от фактов никуда не денешься. А с другой стороны, *боярские разборки* — это ведь тоже своего рода

социально-исторические закономерности? Они всегда возникают при слабости верховной власти. В монархические времена власть освящена вековой традицией, ореолом неприкосновенности. Уж что вытворял со страной кровавый маньяк Иван Грозный — а никто и пикнуть не смел. Потому как он — прямой наследник Рюрика на троне, его власть от Бога. Помазанник Божий! И при его сыне, слабом властителе Федоре Иоанновиче, никто не покушался на власть законной династии. Но Федор не оставил наследника. И тотчас же при **выбранном** царе Годунове возник Лжедмитрий. К тому же еще и три года голода в стране, и враждебное родовитое боярство, обрадовавшееся самозванцу... Но Годунов мог выстоять, если бы не смерть. А вот сыну его удержаться уже не было возможности — династия еще даже не сложилась, не обрела еще опоры в боярстве, дворянстве, народе, не говоря уж об ореоле богоданности и неприкосновенности. Также надо заметить, что бояре, породив и вызвав Смуту, сами стали заложниками событий, но поделаться уже ничего не могли, а от того, что они кидались во все стороны, хаос только умножался.

Чтобы яснее представить тогдашние нравы, амбиции, иерархические заморочки и ситуацию вообще, приведу, забегая вперед, характерный пример. Незадолго до церемонии венчания Михаила Федоровича на царство, до выхода из Золотой палаты в Успенский собор, упомянутый уже думный дворянин Гаврила Пушкин закатил скандал. Мол, невместно ему на этой церемонии стоять ниже Пожарского: мы, Пушкины, никогда меньше Пожарских не бывали!.. Понимаете, пустяки, что Пожарский спаситель Отечества! Это он вчера спаситель, а сегодня нечего с суконным княжеским рылом в боярский калашный ряд соваться... Но поскольку Пожарский уже не просто князь, а только что пожалован в боярское звание, то Гавриле пришлось смириться.

По сценарию венчания Мстиславский должен осыпать государя золотом, Иван Романов — держать шапку Мономаха, Трубецкой — скипетр, Пожарский — яблоко...

Однако тут возник Трубецкой. Ему невместно быть меньше, чем Иван Романов! И он по-своему прав. Романовы — от Андрея Кобылы, а Трубецкие — Гедиминовичи! Вторые по

знатности после Рюриковичей. Но и он смирился, поскольку Иван Романов теперь — дядя царя!

Кто-то из историков прошлого, кажется, Дмитрий Иловайский, возмущался, что «тушинский боярин» Дмитрий Трубецкой и при новом царе остался при власти и в почете.

А почему, Дмитрий Иванович, вы только о Трубецком? Вы посмотрите на всю эту компанию, что венчает царя. Федор Мстиславский — он что, с оружием в руках выбивал ворогов? Нет, Мстиславский — вождь старого, исконного боярства (Воротынские-Шуйские-Голицыны-Куракины) еще против Годунова смуту начинал, когда проиграл ему царские выборы на Земском соборе 1598 года. Он (Гедиминович!) с братьями Шуйскими и Воротынским (Рюриковичи!) первого Лжедмитрия в Туле с почестями встречал! А потом польского королевича Владислава на русский трон призвал. Мало того, вместе с Салтыковым еще и ратовал за то, чтобы польский король Сигизмунд стал и **русским королем**. Тут надо оч-чень объяснять! Одно дело — сын Сигизмунда королевич Владислав, провозглашенный русским царем. При этом просто династия польская, но Московия осталась самостоятельным государством. А при *короле* Сигизмунде Московская Русь перестала бы существовать как суверенное государство, она стала бы частью Польского королевства со столицей в Варшаве и воеводствами в Москве, Смоленске, Владимире... Вот что автоматически следовало за призыванием Сигизмунда! И этот человек, Федор Мстиславский, теперь вместе с Пожарским венчает русского царя. И при новом царе он как был, так и остался первым боярином на Руси.

А Иван Романов что делал в Кремле с поляками, смертным боем бился несколько месяцев? Нет, он просто был там. Вместе с поляками. И не один, а с малолетним племянником Михаилом и его матерью. Понятно, что пятнадцатилетний Михаил ни при чем, он оказался там не сам по себе, а по стечению обстоятельств, с дядей и матерью. Но... Факт есть факт. Который почти все историки стеснительно умалчивают, обходят.

В общем, Пожарский на венчании — чужеродное тело, представитель ополчения и дворянства. Только и всего. Тот, кто расчистил им, высокородным боярам, поле для новой игры. Убрал с него совсем уж одиозных игроков: Ивашку Заруцкого, Марину Мнишек с сыном, царя Владислава... Как в недавние

нынешние времена генерал Грачев, что отдал приказ стрелять но Белому дому, убирая с поля Руцкого, Хасбулатова и компанию. Или как генерал Лебедь в комбинации Чубайса, убравший с поля разом Коржакова, Барсукова и Сосковца... (Теперь уж, наверно, напоминать надо, что Руцкой тогда — вице-президент России, Хасбулатов — председатель Верховного Совета, Коржаков — «друг семьи» президента Ельцина, начальник его личной охраны, Барсуков — начальник ФСБ, Сосковец — первый вице-премьер...)

Я намеренно забежал вперед, чтобы яснее стала обстановка в Москве и вокруг летом-осенью 1612 года. Каждый князь и каждый боярин в каждом лагере прикидывал, что к чему, каждый думал, как и чем обернется завтрашний день, как выгадать его с пользой для себя, на чью сторону перейти, за кого быть. За царя Владислава, короля Сигизмунда или за шведского королевича Карла-Филиппа, за ту или иную новую силу — неважно, потому что в итоге каждый был сам за себя.

А кто за Русь-то, мать-перемать!?

Вот он и был, Кузьма. С ополчением.

Он один не рассчитывал, не хитрил, не выгадывал, не связан был прежними боярско-княжеско-придворными иерархиями и хитросплетениями. Ему одному по фигу были все эти заморочки. Он ясно видел цель — выгнать поляков из Москвы, и подталкивал на решительные действия Пожарского...

Не будь Кузьмы — еще неизвестно, чем бы все закончилось. А то официальная история создает ощущение, будто как возникло ополчение — так оно и двинулось победоносно, и вошло в Москву, в Кремль под клики народа! Нет, в боях за Москву все время было равновесие сил. Вызванное и тем, что ополчение есть ополчение. Оно все-таки побаивалось и польских солдат, и тем более подошедших к Москве ратников великого литовского гетмана Ходкевича, одно имя которого вызывало у военных людей уважение. В любой момент в спину могли ударить казаки-союзники. Как пишет С. М. Соловьев, *«предстояло сделать последний шаг; и ополчением овладело раздумье: боялись не поляков осажденных, не гетмана Ходкевича, боялись ко^т заков»*. И конечно же, бездействие сторон было следствием все той же смутной политики в смутной ситуации. Все топтались

на своих местах. Никто не осмеливался на действия. Трубецкой выгадывал. Пожарский не решался. В этот момент поляки из Кремля и гетман Ходкевич одним ударом смяли и отбросили ополченцев на левый берег Москвы-реки.

«Пехота легоша по ямам и по крапивам на пути, чтобы не пропустить гетмана в город. Всею же ратию начаша плакати и петь молебны, чтобы Московское государство Бог избавил от погубели...» (Никоновская летопись)

Всею ратью плакать и молиться... Нашли время и место... Если бы гетман Ходкевич начал тогда решительное наступление, конец бы пришел ополчению, рассеяли бы его, отбросили от Москвы. А там неизвестно, кто бы к кому переметнулся — и снова закрутилась бы завертелась смута на года...

Вот в этот смутный вечер 24 августа 1612 года Кузьма пришел к Пожарскому и попросил ратников. О состоянии Пожарского можно судить по устало-безразличной фразе: *«Бери кого хочешь...»* Кузьма взял три дворянские сотни, перешел через Крымский брод и ударил по полякам. Те побежали. Другие ополченцы, видя успех атаки, тоже устремились за Кузьмой. Поляки в том бою потеряли 500 человек разом, их выбили с Крымского двора. Гетман Ходкевич отступил на Воробьевы горы, а на следующий день ушел(!?) из Москвы на Можайск — видно, у великого литовского гетмана не было решительного настроя биться за поляков до смертельного конца. Поляки остались одни. Это была окончательная победа!

Таким образом нижегородский мясной торговец, начавший поход на Москву сбором денег как казначей, сам же и завершил поход победой у Крымского брода уже как военачальник!

То есть и как непосредственный боевой командир — Кузьма стал решающей фигурой.

Однако и после этого ополчение топталось у Китай-города и Кремля два (!) месяца. Для многих московских бояр Минин и Пожарский с их ополчением были хуже поляков. То есть гораздо хуже! В стан к казакам Трубецкого пришли братья Шереметевы, Шаховской, Плещеев, Засекин и начали мутить воду, натравливать казаков на Пожарского. Те впрямую не выступили, но пригрозили уйти из-под Москвы, если денег не заплатят. Тогда-то и вынесли им церковное золото...

В эти месяцы можно было легко взять Кремль. Но никто не вел решительных действий. Трубецкой и не думал, а Пожарс-

кого понять можно: это что же, он, «захудалый» князь, пойдет на Романовых-Салтыковых-Воротынских-Мстиславских?! Вот если они сами выйдут из Кремля, он «примет их с честью». Что впоследствии и произошло. Когда же казаки хотели побить «как изменников» бояр, вышедших из Кремля и собравшихся на Каменном мосту, Пожарский их остановил. А то б у нас была другая династия. Потому что из Кремля от поляков вместе с Федором Мстиславским, Иваном Воротынским и другими вышли Иван Романов и Марфа Романова — с племянником и сыном Михаилом...

Восемь лет назад бояре ввергли страну в хаос, свергнув законную династию Годуновых. После смерти Бориса Годунова, законно избранного на Земском соборе царя, власть должен был унаследовать его сын Федор. Но бояре убили Федора. Во что это все вылилось, известно. После этого бояре, оказавшись в кровавом тупике, готовы были на все. И Владислава русским царем объявили, и страну готовы были превратить в часть Польши, и даже шведского королевича Карла-Филиппа на царство звали (в чем и Пожарский участвовал!). И кто знает, как бы еще все обернулось, если бы не Кузьма и грозное дыхание стоящего за ним ополчения. Очевидно же, что при всех интригах бояре действовали с оглядкой на Кузьму и ополчение. Народ-то поднялся под одним ясным лозунгом: вон иноземцев, защитим от поругания православную церковь!

Поляков выгнали. А в остальном, как мы знаем, те же бояре договорились. Да и ладно, а как было иначе-то? Иначе, наверно, и не могло быть... На троне — русская династия, в стране наконец установилась власть, признанная всеми, — разве этого мало?!

Избрание Михаила Романова — историческая данность, окутанная покровом неизвестности. Нет никаких сведений, что там происходило, кто, как, какими словами всех убедил или заставил. И потому остался один большой вопрос: а почему именно Михаил Романов? Почти все историки — и *красные*, и *белые* — сходятся в том, что в споре сильных претендентов никто не смог победить, и потому сильные сошлись на кандидатуре самого слабого (так бывает!), решив к тому же, что Михаил станет фигурой фиктивной, а за его спиной будут править они.

На самом же деле, я думаю, на Земском соборе в январе-феврале 1613 года победил коллективный разум, здравый

смысл, если хотите — элементарная политическая и человеческая чистоплотность! Там ведь было почти семьсот человек — духовенство, дворяне, посадские. А не только узкий круг бояр, людей политически циничных, растленных. До того растленных, что с их подачи на Земском соборе так или иначе в числе претендентов на русский трон фигурировали не только шведский Карл-Филипп, но и все тот же Владислав и сын Марины Мнишек. Их, конечно, сразу отвергли. Но посмотрите, кто там выдвигался еще, из русских? Шуйский, Воротынский и Трубецкой — с ног до головы запятнанные пособничеством со всеми поляками и всеми лжедмитриями! Клейма ставить негде...

А Миша Романов — был чист перед историей и народом!

Вот в чем секрет и смысл его избрания. На мой взгляд...

А чтобы довершить доказательства, что Кузьма был тогда Главным Действующим Лицом, приведу последний пример. Немногие знают, что некоторое время Кузьма был правителем Руси. Вернее — одним из правителей. Для временного управления страной до созыва Земского собора и выборов нового царя был создан триумvirат правителей — князь Дмитрий Трубецкой, князь Дмитрий Пожарский и «выборный человек Кузьма Минин». Соответствующая грамота о чем и была разослана по всем городам.

Правитель Кузьма!.. А не казначей. Это мы сами принизили своего национального героя до роли сборщика денег при князьях-боярах. А тогда на Москве все знали, кто такой Кузьма Минин. Вот потому-то я и поражаюсь, что не расспросили его, не записали и не сохранили сведения о нем. То ли просто наше головотяпство и равнодушие, то ли стечение несчастных обстоятельств, а может, и мистика какая...

Действительно, Кузьма Минин — фигура в некотором роде мистическая. О нем никто ничего толком не знает. Где родился, когда, кто отец и мать, чем занимались. Ни-че-го. Вот так сразу он возник — богатый торговец мясом, земский староста, начальник суда посадских людей в Нижнем Новгороде. Видная ведь фигура, вполне номенклатурная по нижегородским масштабам! Однако о прошлом его — ни слова. Даже фамилия его — и та вызывает вопросы.

Действительно, мистика...

Причем мистика эта имеет продолжение. Оно и меня коснулось.

Очень популярный журнал напечатал рядом беседу с профессором Владимиром Махначом и мой очерк — о некоторых моментах в средневековой истории Руси. И между ними — врезаншлаг крупными буквами: **Кузьма Минин — крещеный татарин Кириша Минибаев.**

Естественно, пошли звонки. Я говорил, что ничего об этом не знаю, спрашивайте Махнача. Владимир Леонидович, как оказалось, тоже ничего не знал и думал, что информация идет от меня. В конце концов выяснилось, что это самодеятельность редактора. В портфеле редакции лежала статья какого-то человека из Нижнего Новгорода, в которой приводились доказательства татарского происхождения Кузьмы. Они решили ее печатать, а для начала дали такой анонс, рекламу. Но — вот мистика! — статья эта куда-то исчезла. А имени-фамилии, телефона-адреса автора никто отдельно не записал. Если бы эта история попала ко мне через вторые или третьи руки — не поверил бы: авторы и рукописи нынче не пропадают! Но я знаю ее непосредственно от редактора. Потому и не называю журнал и имена, поскольку все очень уж на мистику смахивает. Мининскую мистику...

В словарях, энциклопедиях и прочих книгах нашего национального героя называют как бог на душу положит. Кузьма Минин, Кузьма Захарович Минин, Кузьма Захарович Минин-Сухорук, Кузьма Минин Сухорук, Кузьма Захарьев Минин, Кузьма Захарьев Сухорук, Кузьма Захарьевич Минин, по прозвищу Сухорук... Или так: «Минин — Кузьма Минич». И даже так: «Минин-Сухорук, Кузьма Минич (настоящая фамилия Захарьев-Сухорукий)». С ума сойти!

(Может, и в этом сказывается наша холопская сущность? Небось, в ФИО Наполеона или Македонского давно бы уже все разночтения разобрали и прояснили. А тут Кузьма какой-то, из наших...)

В жалованных грамотах царя Михаила Романова от 1613 года написано: «Кузма МиниЧ». Нефёд, единственный сын Кузьмы, также писал: «Яз Нефёдко Кузмин сын МиниЧа».

МиниЧ, или МиниН суть одно и то же — сын Мины. Откуда же взялось отчество Захарович? Получатся ведь, что Кузьма

отрекся от отца Мины и стал называть своим отцом некоего Захара? Ничего подобного, конечно, не было и не могло быть. Себя он называл только Кузьма Минин. В грамоте 1614 года его подпись: «*Думный дворянин Кузьма Минин*». Нигде никаких захаровичей или сухоруков. Откуда же эти имена и прозвища?

Прежде всего из Никоновской летописи. Там ясно и недвусмысленно сказано: «*Нижегородец имяше торговлю мясную Козьма Минин, рекомый Сухорук*».

Тогда откуда же «Захарьев» и даже «Захарович», да еще вместе с Сухоруком? От обнаруженной в начале XIX века в Нижнем Новгороде купчей бумаги на домовладение, датированной 1602 годом, в которой было написано: «*Мой двор подле Кузьмы Захарьва сына Минина Сухорука*».

Век спустя по этому поводу председатель Нижегородской губернской ученой архивной комиссии Александр Яковлевич Садовский провел отдельное расследование. И доклад его, прочитанный на общем собрании комиссии 20 января 1915 года, назывался так: «**Одно-ли лицо Кузьма Минин и Кузьма Захарович Минин Сухорук**». Садовский нашел в архивных документах и Захара, и детей его Кузьму и Игната, и других людей, называемых Сухоруками, Безруками, Сухоруковыми и Безруковыми. Однако прямых, твердых доказательств идентичности не было. И потому он предложил именовать Кузьму так, как тот сам себя называл — Кузьма Минин.

Можно предполагать (только лишь предполагать!), что прозвище *Сухорук* перешло к нему как минимум от отца или от деда. Что сам он не был *сухоруким*. Во-первых, о его физическом недостатке нет никаких упоминаний в источниках. Во-вторых, он ведь был ратником, причем отчаянным ратником, вел людей и участвовал в сражениях. Как же с сухой-то рукой?.. А в третьих, трудно представить даже богатого мясного торговца в те времена, который не умел бы сам разрубить-разделить тушу. А это трудное дело для *сухорукого*.

Однако все это — мои предположения, анализ информации

Существует версия, что Кузьма родом из Балахны, сын балахнинского соледобытчика Мины Анкудинова. В Писцовой книге есть запись о «*посадском человеке Мине Анкудинове*». Но никаких свидетельств, что это отец Кузьмы, нет. А вот определенное логическое противоречие — сразу бросается в глаза. По тем временам сын ложкаря становился ложкарем, а сын соле-

добытчика — соледобытчиком. За родовое дело и ремесло держались изо всех сил, потому что иначе выжить было трудно. Каждое ремесленное сословие — замкнутая каста, со своими традициями и авторитетами. Куда чужого не допускали.

Конечно, Кузьма, будучи человеком пламенного характера и решительных действий, мог бросить дело отца, искать приключений по белу свету, а затем приехать в Нижний Новгород, проникнуть в среду торговцев мясом. И даже быстро разбогатеть. Но ведь его выбрали еще и земским старостой, и начальником судных дел у посадских людей! Трудно поверить, что нижегородцы вручили такую власть приезжему, недавнему в их городе человеку. Нет, такое доверие зарабатывается еще отцами и дедами...

В общем, неразбериха продолжается. Хотя чего бы проще написать в энциклопедиях раз и навсегда: *«Кузьма Минин, в Никоновской летописи «рекомый Сухорук», тождественность с упоминаемым в посадских книгах Кузьмой Захарьевым Мининым Сухоруком не доказана»*. Увы. По-прежнему пишем как попало, повторяя и множа ошибки.

Но больше всего поразила меня Славянская энциклопедия, огромный фолиант-двухтомник.

Представьте, приезжает в Москву иностранец, любителю на Красной площади памятником Минину и Пожарскому. И, не удовлетворяясь путеводителем, ищет справочники-энциклопедии. Берет самое последнее, самое солидное издание, 2001 года — Славянскую энциклопедию. Смотрит на «М». Читает: *«Мина Евфимович, удельный князь козельский... Жил в середине XV века литовским подручником»*. И — все.

Кузьмы Минина там вообще нет.

Далее смотрит иностранец на букву «П». Есть Пожарский Федор Иванович — *«1-й городничий в Свяжском городе»*. Есть Пожарский — Щепя Петр Тимофеевич... — *«воевода в Уржуме»*.

Дмитрия Пожарского там нет.

Вот и задумается иностранец: кому же тогда «благодарная Россия» поставила памятник на Красной площади? Д-да, загадочные люди, эти русские...

Никто мне не верит, что в Славянской энциклопедии Минина и Пожарского нет. Словам моим не верят. Ну не ходить же мне

теперь по Москве с двумя фолиантами под мышкой! Да я и сам, держа в руках эти два тома, себе не верю, глазам своим не верю.

Я прошу вас на секунду остановиться и задуматься: вот вы, составляя **Славянскую** энциклопедию, включили бы в нее Минина и Пожарского? Вы только пожмете плечами и покрутите пальцем у виска. Но вот автор-составитель В. В. Богуславский и научный редактор Е. И. Куксина — не сочли нужным. Неужто для них «уржумский воевода» Пожарский и «литовский подручник» Мина Евфимович — более значимые исторические фигуры, нежели Кузьма Минин с Дмитрием Пожарским? Конечно же нет.

А в чем тогда дело?

Боюсь, тут причины другие, идеологические. Возможно, авторы-составители-издатели так и не решили, **как быть с Мининим и Пожарским, Смутным временем вообще**. Все ли имеющиеся факты излагать — или идеологически сокращать, опускать, приглаживать. А кого, до какой степени, в какую сторону? Говорю так потому, что в Славянской энциклопедии **нет...**

Нет Михаила Романова — первого царя из династии Романовых.

Нет Дмитрия Трубецкого.

Нет Ивана Романова.

Нет и патриарха Филарета, отца Михаила Романова, фактического правителя страны, который подписывался титулом «Великий государь». Да, если Филарета включить, то придется писать, что в сан митрополита его возвел Лжедмитрий I, а патриархом назначил Лжедмитрий II. За какие такие заслуги перед самозванцами?

Но... другого Филарета и других Романовых-Трубецких у истории для вас, господа составители, нет. Равно как нет для вас другого Минина и другого Пожарского. И потому ваш двухтомник не имеет никакого права называться «энциклопедией». Это даже не насмешка над словом «энциклопедия» и словом «история», а что-то вообще невообразимое... Назовите свое издание «Что хочу, то и ворочу» — и никаких претензий, хозяин — барин... известное дело...

И вообще, если так, то надо идти до конца. Если нет основных деятелей Смутного времени, то зачем вам статья «Смутное время»? А такая статья там есть. Что удивительно. Занимает она 13 строчек. Рядом расположенному исландскому скальду Снор-

ри посвящено 16 строчек, а Снупсу Микаэлю, немецкому рудознатоцу — 49 (!) строчек. В четыре раза больше, чем Смутному времени...

Вот такие приоритеты. Вот такой «патриотический» отбор, цензура и редаKTура. И в некоторых других новых словарях-справочниках — те же самые советско-иезуитские манипуляции, при помощи которых достигается полное «патриотическое» утипути, когда князь-бояре и все-все-все только и делали, что радели о пользе Отечества, а вороги и злодеи — одни поляки.

И тошно мне стало, как давно уже не было. Ну что ж мы такие-то — не знаем, не желаем знать правды, не хотим говорить правды. Правды **еще** не узнав, правды еще не утвердив — уже утаиваем и врем, снова утаиваем и снова врем! Увы нам, увy... Что в дословном переводе с немецко-русского означает: «Горе нам, горе...»

Не следует бросаться в крайности и говорить, что, не будь большевиков, мы бы свое прошлое знали и чтuли, а большевики выжгли все каленым железом и ввергли нас в беспамятство. Потому, мол, мы и такие. Что до Кузьмы Минина, то как раз советская идеология и возвела его в ранг национального героя. Потому как выходец из народа. А вот в царской России о нем широко не знали до 1815 и 1826 годов, до возведения памятников в Нижнем Новгороде и в Москве, на Красной площади. Новые цари, Романовы, тотчас же после смерти Кузьмы в 1616 году забыли Минина. К несчастью, Нефёд, единственный сын Кузьмы, тоже вскоре умер, род Мининых пресекался, и напоминать было некому. И если бы не Петр Первый, то еще неизвестно, сохранилась бы память о Минине до наших дней. И это в чем-то закономерно. Бояре Романовы вольно или невольно не хотели помнить о посадском человеке, который сделал их царями. А вот Петр, резко антибоярский настроенный, сразу же обратил внимание на слухи-разговоры о Минине. И когда приехал в Нижний Новгород, велел разыскать могилу Кузьмы. И сказал: *«На сем месте погребен освободитель и избавитель России»*. Вариантов Петровой фразы ходит у нас множество, я же цитирую по книжке-биографии Минина, вышедшей в 1799 году.

Петр и велел перенести прах Кузьмы с общего кладбища в усыпальницу Преображенского собора. Казалось бы, сам Петр

распорядился! Да и факт погребения *купца* в Преображенском соборе — событие из ряда вон. Потому как здесь хоронили только нижегородских князей. А коли уж и Кузьму Минина такой небывалой чести удостоили, то и оформлено все должно быть как положено...

Увы. Даже повеление царя толком не исполнили. Мол, ну приехал царь да уехал, глядишь, и забудет, а нам что, теперь с какими-то непонятными останками возиться?.. Тем более Петр вскорости умер.

Вот историческое свидетельство, зафиксированное уже в полиграфическом исполнении. Книга, на которую я только что ссылался, называется: «Описание жизни и бессмертного подвига славного мужа нижегородского купца Козьмы Минина, выбранное из исторических преданий Николаем Ильинским». Возможно, это первая биография Кузьмы. Других, более ранних книг я не обнаружил.

Выдержана она в восторженных тонах. Фактов очень мало, риторики очень много. Кажется, что повествует автор о человеке общепризнанном, всем известном и почитаемом. И тем контрастнее «Заключение от Издателя сего описания», напечатанное на последних страницах. В нем говорится:

«В бытность мою в прошедшем 1794 году в Нижнем Новгороде... узнал я что славный муж Козьма Минин погребен в тамошнем Соборе на левой стороне за первым столбом. Но воображая знаменитый его подвиг прискорбно мне было, что нет на том месте ни памятника, ни надписи...»

Ни памятника, ни надписи.

Напомню: книжка сия датирована 1799 годом. В тот год родился Пушкин.

Как видим, и после царя Петра посадского человека Кузьму никто не чтит. Другое дело, что Петр Первый оставил крепчайшую метку: «Кузьма Минин». Теперь уже забыть Кузьму было трудно. Хотя бы потому, что прах покоится в Преображенском соборе. Что, как знаем, не внушало тогдашним людям никакого почтения. Прах Кузьмы зачем-то переносили с места на место несколько раз. Вполне возможно, что уже тогда потеряли или перепутали. Потом большевистские власти разрушили и сам Преображенский собор. Кости Кузьмы долгое время хранились в краеведческом музее, затем их упокоили в

Архангельском соборе. Но, как оказалось, под плитой там лежат кости нескольких человек. В 1997 году нижегородский литератор Валерий Шамшуринов обнаружил записку, датированную 12 декабря 1929 года, посланную из Нижнего Новгорода в Москву известному большевистскому деятелю Бонч-Бруевичу. В ней говорилось, что при разрушении собора и вскрытии могилы Минина нашли костяк, *«который желали бы считать мининским, хотя он найден в другом месте».*

А что до татарского или ордынского происхождения Кузьмы Минина, то я специально и очень тщательно этим не занимался. А так, по поверхностному огляду имеющихся очень немногих источников, никаких подтверждений тому нет. (Разве что объявится сам автор или рукопись того неизвестного нижегородского исследователя.) Ходят лишь слухи. То об источниках, которые точно назвать затрудняются, то о давних публичных лекциях известных ученых... Но, повторю, никаких, даже косвенных подтверждений этим слухам я не нашел.

В принципе, происхождение слухов объяснимо. Во-первых, в имени Мина есть что-то неизбежно ордынское и татарское. Минулины, Мингазины, Минтемировы, Минбаевы... — очень распространенный корень «Мин» в тюркских именах-фамилиях вообще. К тому же татары-мишары (мещеряки) — коренные обитатели нижегородских земель. Во-вторых, влияло на слухи и общеизвестное ордынское происхождение многих русских дворянских родов. Но ведь Кузьма — простолюдин. Если дворянские фамилии Баркаловых, Давыдовых, Злобиных, Минчаковых, Тевяшовых, Уваровых можно проследить по **«Общему гербовнику дворянских родов»** от пришедших из Орды знатных воинов Мин-чака Касаева, Мин-ата, Мин-ая, Мин-гозы, то посадские люди родословных записей не веля. И остается лишь гадать, кто там «Мин» от ордынского или татарского (болгарского) Мина, а кто от русского, церковного, с греческим корнем. Русское имя Мина есть в Свяцах!

Наверно, по мотивам этих слухов и была написана известная гравюра художника Горского, на которой Кузьма в воинском облачении ну вылитый ордынец! Наверно, гравюра потом сама по себе породила свои слухи и догадки. Так всегда бывает...

А теперь — о главном. О феномене Кузьмы и нижегородского народа. Поскольку в обоих случаях — обратим внимание — мы имеем дело с феноменом, то есть явлением исключительным.

Такие люди, как Кузьма, были и есть. Нынче их называют харизматическими личностями, харизматическими лидерами. Л. Н. Гумилев определял их как пассионариев (пламенных), которые горят сами и зажигают других. Бесспорно, Кузьма и среди них был самым пламенным.

Но... Вот тут-то мы и переходим к главному. Какой бы ни был зажигательный человек Кузьма, но и его огня могло бы не хватить. Сколько ни бросай спичек в сырой хворост — будет шипение. А тут — загорелось сразу!

Но опять же — поднять народ можно. Однако и здесь надо особо различать. На **что** поднять народ.

Считается, что проще всего поднять **народ** на бунт **против государства**. Так-то оно так, но если мы о прошлом, то нельзя без существенных поправок.

Стало уже аксиомой, что в России было три **Крестьянские** войны. Это фантастическая неправда (заблуждение). Иначе сказать не могу. Причем неправда, выгодная большевикам-коммунистам и — кому бы вы думали? — казакам. Про большевиков понятно: им было выгодно писать, что крестьяне, народ поднимались против гнета самодержавия... А вот почему казакам? Да потому, что скрывает истинную роль казаков в русской истории. Ведь сами казаки усиленно твердят на всех углах, что они, казаки, всегда были опорой государства.

На самом же деле все наоборот. В истории именно казаки были первыми и самыми опасными врагами Русского государства и русской государственности. Почти весь XVII и даже XVIII век — это непрерывная борьба еще слабого государства с бесчинствами и террором казаков по всей стране. Особенно страшен был, конечно, XVII век. Обращаясь на Соборе к духовенству, боярам, думным и всех чинов всяким людям, царь говорил 1 сентября 1614 года: *«Пишут к нам из замосковных и из поморских городов, что пришли в уезды воры-козаки, многие люди, православных христиан побивают и жгут разными муками, денежных доходов и хлебных запасов собирать не дадут, собранную денежную казну в Москву от их воровства провезти нельзя»*.

То есть уже после выборов нового царя и установления новой власти на самом деле Михаилу Романову власть принад-

лежала только в Москве. А по всей Руси великой хозяйничали банды казаков. Не то чтобы ни пройти и ни проехать, а вообще жить нормально никто не мог, ни в Ярославле, ни тем более в Астрахани... Много было увещеваний, переговоров, подарков казакам и денежных, и иных, пока власть не окрепла и не применила силу. Когда казаки, обнаглев, подступили уже к Москве, главарей заманили будто бы на переговоры, схватили и повесили, а остальных побили смертным боем и разогнали. После этого по стране бесчинствовали лишь мелкие банды, не угрожавшие напрямую центральной власти. И только через полвека после Смуты, окрепнув, казаки вновь пошли на Москву — началась разинщина.

Одним словом, именно казаки ввергали государство в хаос и могли погубить его. Все три так называемые Крестьянские войны, ставившие государство на грань катастрофы, никогда не были **крестьянскими** ни по сути, ни по форме, ни по составу восставших. Все три войны — Ивана Болотникова (начинали атаман Хлопок и атаман Илейка Муромец), Степана Разина и Емельяна Пугачева — были **казачьими** войнами против государства. Начинали, вели и возглавляли их казаки, с тем или иным участием мужиков, беглых холопов и прочих. Причем далеко не всегда казаки принимали помощь крестьян, допускали их к себе. (Об этом точно написано в романе Василия Шукшина «Я пришел дать вам волю».)

Другое дело, что, воюя против государства, убегая от государства, казаки тем самым расширяли пределы этого государства и в конце концов стали военно-пограничным и полицейским отрядом государства... Диалектика, однако.

И Смутное время ни в коем случае нельзя списывать на Лжедмитрия и поляков. Смутное время устроили прежде всего бояре и казаки. Начали войну казаки атамана Хлопка и терские казаки атамана Илейки Муромца. А уж когда с ними соединились казаки и холопы Ивана Болотникова, направленного князем Шаховским против царя Василия Шуйского, и казаки донского атамана Ивана Заруцкого — тогда-то Русская земля сотряслась до основания и государственная власть рухнула. А поляки лишь воспользовались благоприятной для них ситуацией, вошли в Москву с Лжедмитрием по зову бояр — врагов Годунова. После убийства Лжедмитрия I, не оправдав-

шего боярских надежд, и свержения Василия Шуйского те же бояре, боясь Лжедмитрия II, снова зовут на Москву поляков, провозглашают русским царем Владислава... и т. д.

И вот здесь-то, **когда Русское государство оказалась на краю пропасти**, и поднялись Кузьма Минин и нижегородский народ.

Повторю: нам надо особо осознать, что не Пожарский, бояре и дворяне подняли и повели Кузьму и народ, а народ и Кузьма выбрали, **«указали на Пожарского»** и повели Пожарского, бояр и дворян на Москву.

Кузьма Минин был первый в истории страны человек, который поднял **НАРОД НА ЗАЩИТУ ГОСУДАРСТВА**.

А нижегородское ополчение было первым случаем в истории, когда **НАРОД САМ ПОШЕЛ ЗАЩИЩАТЬ ГОСУДАРСТВО**.

Вот в чем феномен Кузьмы Минина и нижегородского народа.

В заключение — вернусь к современности. Начну с того, что власти ввели новый праздник — День единения. Празднуется он 4 ноября и приурочен якобы к изгнанию поляков из Кремля в Смутное время. Что вызвало в Польше большое недоумение. Там расценили это как введение специального антипольского праздника. И нельзя их опровергнуть. Потому что на самом деле никакой «польской оккупации», «польской интервенции» и тому подобного не было, как читатель уже убедился из этого очерка. Поляки нас не завоевывали, и «захвата Кремля», как сказал президент Путин, не было. Русские бояре выбрали русским царем польского королевича Владислава. Естественно, вместе с ним приехала в Москву его польская свита и его польская гвардия. В общем, «польской интервенции» не было. Хотя народ был настроен резко против поляков, за православную веру и т. д. Но еще больше народ был настроен против своих — русских бояр, которые и ввергли страну в Смуту. В общем, «4 ноября — день народного единства против бояр в Кремле». Именно под таким ехидным названием вышла моя статья в «Новой газете» в ноябре 2005 года.

Наконец, 4 ноября никак не получается просто по датам. 4 ноября ополчение вошло в Китай-город и подступило к Кремлю. А поляков и бояр-предателей изгнали из Кремля таки 7 ноября!

А вот в этом — в 7 ноября! — и вся суть! Почему власти отменили 7 ноября как официальный праздник? Что они к нему привязались, в самом деле? Тем более что официально он считался Днем согласия и примирения. И потому к шествиям пенсионеров с красными флагами вполне могли бы присоединяться функционеры правящей партии «Единая Россия» со своими знаменами.

Да и какое он имеет значение сегодня? Уже для 30-летних, а тем более для молодежи «Великий Октябрь» становится экзотическим символом далекой, а самое главное — абсолютно несущественной для них заварушки. Пройдет еще 10—15 лет — и подрастающая поросль будет говорить о нем (уже говорит!) как о «разборках», в которых какой-то Ленин или Сталин (шут знает, кто это?) «замочили» не то Гитлера, не то Ивана Грозного.

И пусть кое-кто кое-где выходит на демонстрации с плакатами: «Буржуев — на нары!», «Буржуям — эшафот!», — в общем и целом ничего страшного, все само собой развеется, потеряет со временем остроту. Например, празднуют же французы день взятия Бастилии?

Но только не у нас! Власть упорно и упрямо стирает 7 ноября из календаря и памяти народной.

Чтобы хоть как-то сгладить упразднение 7 ноября, власть совершила еще одну глупость — провела парад в честь парада советских войск на Красной площади 7 ноября 1941 года в честь 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Не я сочинял такую словесную конструкцию, и не я виноват, что сразу вспоминаются Ильф и Петров: «Площадь имени проклятия убийцам Карла Либкнехта и Розы Люксембург».

Почему же нынешняя власть, вполне державно-авторитарная, так не любит 7 ноября? Радикал-демократы, ярые антикоммунисты(!) перестроечных времен — и те были гораздо терпимее.

Сразу не ответишь. Подозреваю здесь темные закоулки души.

Среди нас есть люди, которые происходят из знатных родов и состоятельных сословий прежней, дореволюционной России. Для них 25 октября (7 ноября) — особый день. Он означает физическое истребление их многих родственников. Кровавую баню, которую устроили им большевики. И лагерную пыль, в которую стерли тех, кого не убили сразу. А также полное уничтожение всех их родовых и сословных состояний и

привилегий. Так что у нынешних потомков должен быть свой счет к этому дню.

Однако ж его нет! Потому что они — дети страны 7 ноября. Как все мы, нынешние взрослые. Они относились и относятся к этой дате по-разному, но в любом случае — не как чужие, а как дети страны 7 ноября. Насколько я знаю, в большинстве своем как раз они-то вполне лояльны и терпимы, согласны считать его днем согласия и примирения. По простой причине: это наша история, наша жизнь, был такой трагический и в чем-то закономерный день в истории нашей страны.

А вот некоторые потомки революционных классов — прямо противоположны!

Вся нынешняя власть — деловая и политическая верхушка — внуки-правнуки рабочих и крестьян. (Например, родители президента — из крестьян Тверской губернии.) Как в советские времена писали — «выходцы из народа». Герой Василия Шукшина говорил: «Какой некролог ни прочитаешь — «выходец...». Почему же они, потомки и наследники простолюдинов, изничтожают свой пролетарско-крестьянский праздник?!

У меня только одно предположение. Потому что они не чувствуют себя наследниками рабочих и крестьян. Они чувствуют себя новыми буржуями, против которых и направлен праздник. И, что особенно неприятно, не наследственными и потому спокойными буржуями, а людьми, которые стали ими случайно, в ходе Большого Хапка последнего Смутного времени. И теперь 7 ноября для них — как шило в одном месте. Все время колет. Или как будто шапка горит... Им говорят: «Да бросьте вы, не придумывайте себе, никому он уже не нужен, никому дела нет...» Но новые буржуи дергаются. И на пустом месте разводят трагедь ля комедь. В общегосударственном масштабе.

Чистый фрейдизм, честное пионерское (комсомольцем и членом КПСС не был, в отличие от них).

Из этого следует грустный вывод. Нынешняя власть руководствуется не разумом, а комплексами и страхами. Ничего хорошего из этого никогда не получалось.

И еще. В семидесятые годы прошлого века в провинциальном городе Петропавловске мой старший друг, товарищ и учитель Леонид Витальевич Иванов говорил мне: «Я уважаю грамотных людей. Уважаю совсем неграмотных. Но больше всего на свете боюсь полуграмотных. Все наши беды от них, от полуграмотных».

Глава 19

НЕИСТОВЫЙ АВРААМИЙ

Смутное время на Руси выдвинуло ярких, необычных людей.

Бояре из древних родов, не уступающие царю в знатности, авантюристы, народные вожди, они же часто боярско-княжеские наемники, они же часто бандиты, беспринципные князья, идейно несгибаемые купцы, неистовые проповедники, самовластно-державные патриархи...

Таковыми были Шуйские, Мстиславские, Лжедмитрий, Иван Болотников, Иван Заруцкий, атаман Баловень, Дмитрий Трубецкой, Кузьма Минин, патриарх Гермоген, патриарх Филарет...

И в одном ряду с ними — Авраамий Палицын. Имя, совершенно неизвестное нынешним россиянам. А ведь он был соратником правителей Руси — Дмитрия Трубецкого, Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина. Если верить ему, мирил их и рассуживал. А то и одергивал, выручал на поле боя, если опять же верить ему. Книгой Палицына зачитывались наши предки в XVIII веке!

Воевода-заговорщик, дважды изгнанник, монах, келарь, предатель, народный трибун, плагиатор, самохвал. Участник, свидетель, писатель... Себя он изобразил как «святого старца».

И все это — один человек.

Воевода-заговорщик

Русские дворяне Палицыны ведут свой род от литовского воеводы Ивана Микулаевича, который в 1373 году «выехал из Литвы на Русь», то есть ушел от литовских великих князей и поступил на службу к русским князьям. Прозвище у него было примечательное — Палица. Не каждого так назовут. Неизвестно, отличался ли его потомок Аверкий Палицын физической силой, но характером — точно.

Родился Аверкий в селе Протасове, близ Ростова. Год рождения неизвестен. В восьмидесятих годах XVI века он уже был воеводой на Коле. Значит, родился примерно в 1555—1560 годах. В 1588 году лишен имущества, отправлен на Соловки и насильственно пострижен в монахи под именем Авраамия.

Причина опалы неизвестна. Скорее всего, принимал участие в заговоре Шуйских против царя Федора Иоанновича. Борис Годунов, взойдя на трон, вернул Палицына из ссылки. Но признательности и благодарности от него не получил. Наоборот. Поскольку Годунов при царе Федоре был правителем, то Аверткий именно его считал причиной своих бед и при случае жестоко отомстил...

Его участие в заговоре Шуйских подтверждается тем, что со вступлением на царский трон Василия Шуйского началось и возвышение Авраамия. Он был назначен келарем Троице-Сергиева монастыря. Келарь — по-нашему завхоз. Применительно к такому огромному хозяйству — главный завхоз. Это с одной стороны. А с другой стороны — дворянин, воевода, человек решительного характера на такой должности стал значительным лицом. По сути — военный комендант мощнейшей крепости на пути к Москве. Впоследствии Смоленск пал под ударами поляков, а Лавра выдержала четыре месяца осады и выстояла! Царь Василий приблизил Авраамия к себе, во всем советовался, и Авраамий, как мог, помогал ему. Например, вывез из Троице-Сергиева монастыря в Москву большие запасы зерна, когда в Москве стало плохо с хлебом.

Плагиатор

И этот же Авраамий — автор знаменитой в XVII и XVIII веках книги, описывающей события на Руси с 1584 по 1620 год. В обиходе она известна как «Сказание Авраамия Палицына...».

Причем значительная часть ее — явный плагиат, чьи-то сочинения, переписанные Авраамием и приписанные себе. Так что он еще и плагиатор. Правда, Палицын и не скрывает, сам указывает, что пользуется чужими произведениями. Потому что по тем временам это не грех. Все летописи, дошедшие до нас, начаты неизвестно кем и несколько раз переписаны неизвестно кем. Тогда авторского права не было. Почти каждый монах-переписчик, к которому попадала неизвестная рукопись, воспринимал ее как общее достояние, часто как рабочий материал, вставлял через века свое понимание тех событий, свои слухи, свое мнение и т. д.

Грубо говоря, сидел в XVI или XVIII веке монах-переписчик и кроил по своему пониманию события XIII или XIV веков. А все наши летописи дошли до нас именно в списках XVI—XVIII веков. Вот почему так важна работа специалистов по отделению действительных текстов от позднейших вставок и напластований.

Очевидно, что первые шесть глав «Сказания...» — плагиат, чье-то сочинение, переписанное Авраамием Палицыным на свой лад. Потому что нашлась первоначальная редакция, оригинал. Многие предполагают, что автором его был архимандрит Дионисий, глава Троице-Сергиева монастыря, непосредственный начальник Авраамия. События, начиная с 1584 года, изложены спокойно, обстоятельно, бесстрастно. Как говорится, ничего личного. Да и какие могут быть личные счеты у выходца из простолюдинов архимандрита Дионисия с Борисом Годуновым, к примеру. А вот у воеводы Аверкия Палицына — были! И потому эти первые шесть глав, переписанные Палицыным, полны нападок на царя Бориса. Он и убийца царевича Дмитрия, и вообще все беды Руси от него... Там даже есть такая строчка про голос Годунова: *«Глас зело высок и богомерзостен!»* То есть Палицын даже голоса Годунова не выносил!

Понятны чувства воеводы Аверкия, подвергнутого опале и насильственно постриженного в монахи при власти Бориса Годунова. Но умудренный жизнью келарь Авраамий хотя бы в глубине души должен был осознавать, что это Шуйские начали смуту на Руси. Но написал иначе. И тем самым жестоко отомстил Борису Годунову. Очевидно же, что именно книга (печатное слово!) Авраамия утвердила молву о причастности Бориса Годунова к смерти царевича Дмитрия...

Предатель

Авраамий Палицын и после свержения с трона своего покровителя царя Василия Шуйского остался келарем Троице-Сергиева монастыря и вообще — значительным лицом. Авраамий был в составе посольства 1610 года к польскому королю Сигизмунду. Когда выборные от церкви и боярства во главе с митрополитом Филаретом и боярином Голицыным просили

царем на Русь польского королевича Владислава, сына Сигизмунда. Но перед этим они были в Москве у патриарха Гермогена и получили простую, но ясную инструкцию — королевич Владислав должен креститься в православии, а если нет, то не будет патриаршего благословения. А будет порушение всему Московскому государству и православной вере. Патриарх Гермоген напутствовал послов стоять «за православную христианскую веру непоколебимо». Но Сигизмунд не согласился на крещение своего сына Владислава в православии, да и вообще, он сам хотел быть королем объединенного огромного государства, превратив Русь в польское воеводство. Переговоры зашли в тупик.

Однако не у всех. Как водится, посольство прибыло со многими дарами. Очевидец отмечает, что самые богатые подарки преподнес келарь Авраамий: серебряный позолоченный двойчатый кубок, золотный атлас и сорок соболей. Сигизмунд был премного доволен, обласкал Авраамия и даровал его монастырю охранную грамоту на землю и все другие права. С тем Авраамий в январе 1611 года, получив все для своего монастыря, и отбыл в Москву. А посольство осталось. В плену. Но надо для справедливости заметить, что такой хитрец, как Авраамий, был не один. Думный дворянин Сукин, дьяк Васильев и еще 43 человека уехали, получив от короля «грамоты и другие пожалования».

Разумеется, их поведение расценили как предательство, измену. И прежде всего — поведение Авраамия, не последнего человека в посольстве. Через десять лет выйдя из польского плена, глава посольства митрополит Филарет, став патриархом и «Великим Государем Руси», покарает Авраамия. Может, и напрасно. Потому что Авраамий к тому времени стал другим.

Народный трибун

Тотчас по возвращении Авраамий решительно меняется и становится яростным врагом поляков. Что тому причиной — неизвестно. Можно лишь предполагать. То, что Авраамий умен и образован, — несомненно. Знатный, облеченный властью — то есть привык решать и вершить большие дела. Прагматик, можно сказать — беспринципный. Такой человек мог резко изменить поведение, прийти к совершенно определенному выводу,

со стороны посмотрев на результаты переговоров, трезво осмыслив происходящее на Руси и в Польше. А ситуация была такая... Сигизмунд не желает перехода Владислава в православие и даже сам хочет на московский трон. Но церковь никогда не примет на московском престоле католического царя, тем более короля. Значит, тупик. И судя по обстановке в стране, у поляков нет никаких перспектив закрепиться в Москве и на Руси. А значит, пока не поздно, надо заглаживать свой промах, свой сговор с Сигизмундом — и присоединяться к тем, кто против поляков.

Наверно, так размышлял Авраамий. Он об этом в книге ничего не пишет. Вообще не пишет о том, что вступил в сговор с Сигизмундом. Своя рука — владыка! Что хочу — то и пишу...

Так или иначе, с 1611 года Авраамий участвует в составлении и рассылке грамот по всей Руси с призывом подняться на борьбу с поляками, идти на помощь Москве. В книге он пишет, что это он сочинял, рассылал и прочее. Из других же источников, в частности из «Жития Дионисия», известно, что грамоты эти сочинялись в келье архимандрита Дионисия и чуть ли не под его диктовку (свидетельство попа Ивана Наседки). И никакого первенства Авраамия в том не было.

Но он несомненно участвовал. И грамоты — были! И на них откликнулась Русь. В том числе и Кузьма Минин.

Самохвал

Авраамий пишет сам о себе в третьем лице, называет себя «старцем Авраамием». И получается — чуть ли не главным спасителем Руси был этот самый «старец». Что сразу вызывает большие сомнения.

Авраамий там — везде. Все князья-бояре обращались за советом к нему. Всех мирил и вразумлял он. Чуть где плохо — зовут «старца Авраамия». Например, в знаменитой битве у Крымского брода, когда гетман Ходкевич одним ударом «сотни и полки все смяша, и втоптал в Москвуреку», когда казаки Трубецкого отказались идти на помощь полку Пожарского, когда судьба битвы за Москву висела на волоске, Минин и Пожарский, оказывается, послали за ним. Он приходит и видит «князя Дмитрия и Козьму Минина и многих дворян плачущихся...» Он идет в табор

к казакам, стыдит их, воодушевляет призывами постоять за отечество и православную веру, после чего *«И поидоша вси в бой»*. Причем шли в бой с кличем *«Сергиев! Сергиев!»*. То есть Авраамий прославляет таким образом не только себя, но и свой монастырь. Что, конечно, похвально. Но малоубедительно. Клич *«Бей!»* вообразить легко, а вот клич *«Сергиев!»* — трудно. Потому что в бою такое просто не выговаривается...

Но этот эпизод именно в таком виде стал достоянием широких читателей, потому что его едва ли не дословно повторил С. М. Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен».

По книге Авраамия Палицына получается, что на этом бой и закончился и войска литовского гетмана Ходкевича отошли на Воробьевы горы. А поскольку это сражение было решающее, то следует, что победа в нем и над поляками вообще — заслуга Авраамия.

В Никоновской же летописи тот день 24 августа описан иначе. Во-первых, специально за Палицыным никто не посылал. Он там уже был: *«В то время прилучился быть в полках у князь Дмитрея Михайловича Пожарского Троицкому келарю Авраамию Палицыну, и поиде в таборы к казакам и моляша их, посули им многую монастырскую казну...»*. То есть казакам пообещали — и дали! — деньги, церковное золото!

Во-вторых, — и это самое главное — после атаки казаков сражение не закончилось. Казаки снова ушли в свой табор, пехота залегла по рвам и ямам. Как отмечает летописец, *«всею ратью стали плакать и молиться»*. Ударь в этот момент Ходкевич — поражение неминуемо, и неизвестно, как бы все дальше сложилось. Но тут свое слово сказал Кузьма Минин. Он с отрядом в триста дворян перешел через Крымский брод и напал на поляков. Те побежали. Другие ополченцы, видя успех атаки, устремились за Кузьмой. Гетман Ходкевич отступил на Воробьевы горы, а на следующий день ушел(!?) из Москвы на Можайск — то есть оставил поляков без своей могучей поддержки, один на один с ополчением Минина, Пожарского и Трубецкого. После этого участь поляков в Москве была решена.

Но Авраамий об этом ничего не пишет. Хотя был в тот день на поле боя, все слышал и видел своими глазами. Но изобразил так, что Минин и Пожарский только плакали, а он, Авраамий, остановил казаков пламенным словом (ни в коем случае не обещанием денег!), повел в бой и т. д.

Представляете, что бы знали мы и что думали мы о тех событиях, сохранись до наших дней только рукопись Авраамия, и никаких других!..

Например, если судить по книге, то и в избрании на престол Михаила Романова главную роль сыграл *«святой старец Авраамий»*. Как он сам же пишет, к нему на подворье чередой шли бояре, дворяне, атаманы и казаки, чтобы он, Авраамий, сказал *«священному собору и боярам»* об их желании видеть на троне Михаила Романова. Что он и сделал. И уже наутро иерархи церкви и государства решили избрать царем Михаила, и послали на Лобное место известить народ о том рязанского архиепископа Феодорита, троицкого келаря Авраамия, архимандрита Иосифа и боярина Василия Петровича Морозова...

Обратите внимание на порядок имен. Тогда этому придавалось особое значение. Например, в грамотах о спасении страны, рассылаемых князьями-боярами по городам, подпись высокородного боярина Морозова — **первая!** Подпись Пожарского — **десятая**. А Кузьмы Минина — **пятнадцатая!** За ним еще двадцать подписей — князей Туренина, Шереметева, Салтыкова, Бутурлина...

А тут Морозов — на последнем месте. Авраамий все-таки написал архиепископа Феодорита впереди себя (архиепископ как-никак!), а вот архимандрита Иосифа и самого Морозова — решительно оттеснил. В общем, не скромничал... Говорю же: когда ты пишешь, твоя рука — владыка. Но прошу отметить: ведь Авраамий среди четырех избранных — был! А с таким известием на Лобное место выходили только люди известные, чтимые народом. Хотя был ли там Авраамий на самом деле — доподлинно неизвестно.

С. М. Соловьев этот эпизод излагает несколько иначе. Эти четверо не извещали народ об избрании Михаила Романова, а спрашивали людей, кого они хотят в цари. «Михаила Федоровича Романова» — был ответ. Само по себе, конечно, возжелание народом Михаила Романова сомнительно. И в изложении Палицына, и в изложении Соловьева. Что знал тогда народ о шестнадцатилетнем мальчике Мише Романове, с какой статьи захотел он себе в цари никому не известного мальчика? Но в данном случае мне важна другая деталь: С. М. Соловьев в точности повторяет состав и порядок имен: Феодорит, Авраамий,

Иосиф и боярин Морозов... Но в Никоновской летописи, где событиям Смутного времени посвящен целый том, присутствие Палицына на Лобном месте не засвидетельствовано! По летописи, не было его там. Значит, великий ученый С. М. Соловьев в своем труде «История России с древнейших времен» данный исторический момент воспроизвел по книге Палицына?

Вот так Авраамий Палицын в самом прямом смысле вписал себя в историю и в «Историю России с древнейших времен».

Снова изгнанник

В 1619 году из польского плена, пробив там почти десять лет, вернулся патриарх Филарет. Он стал фактическим правителем страны при сыне — царе Михаиле Романове, и начал твердой рукой наводить порядок. Вспомнил он и Авраамия. И тотчас же сослал его на Соловки.

В изгнании Авраамий Палицын прожил еще семь лет.

И умер в Соловецком монастыре 13 сентября 1627 года. И надо сказать, что царь Михаил, помня о его заслугах, послал на его погребение 50 рублей. Деньги по тем временам большие. Наверно, на эти деньги и была заказана надгробная плита с надписью: *«Лета 7135 се преставился раб божий кел. Палиц. Аврамие»*.

Могила его скорее всего неизвестна. Надгробную плиту нашли в монастыре через сорок пять лет после смерти изгнанника, в 1672 году. Там, на Соловках, она стоит и доныне.

Участник, свидетель, писатель

Когда-то, очень давно, о «Сказании Авраамия Палицына» спорили. Были у него сторонники, но большинство исследователей сочли повествование Авраамия восхвалением самого себя, и только. А сейчас и вовсе забыли.

Между тем книга Палицына — большой труд, 150 книжных страниц! Сотни фактов. Событий. Имен. Бесценный источник! Который, наверно, еще станет предметом исследований. И они, исследователи, отделят зерна от шелухи.

И как бы то ни было, но очевидно же, что среди героев Смутного времени действительно был и этот ярчайший чело-

век. Он дважды упоминается в Никоновской летописи. То есть и участник, и свидетель, и, наконец, писатель. Цель же моих скромных заметок простая — напомнить современникам и утвердить в их памяти это имя — Авраамий Палицын.

Глава 20

ТРИ ПАТРИАРХА

Православная церковь создала Русское государство

В 1353 году умер великий князь Симеон Гордый, сын Ивана Калиты. Бразды правления достались его брату, Ивану Красному. Но Симеон, зная кроткий нрав и весьма малые способности Ивана к государственному управлению, умирая, назначил фактическим правителем государства митрополита Алексия: «*Слушайте отца нашего, владыку Алексея*». Иван Красный прокняжил недолго, умер в 1359 году, оставив девятилетнего сына Дмитрия, будущего Донского, на попечение его воспитателя — митрополита Алексия.

Кому быть великим князем на Руси, решал хан Золотой Орды. А там после убийства хана Джанибека, как в русских летописях его называют — «добротого царя Чанибека», началась смута. Сменявшие друг друга ханы назначали на великокняжеский стол то Дмитрия Суздальского, то Михаила Тверского. Мог ли и как мог бороться мальчик Дмитрий за власть против таких могучих противников? Однако даже и они были бессильны против такой силы, как митрополит Алексей. Во-первых, он пользовался в Орде огромным влиянием и имел обширные связи благодаря личной дружбе с покойным ханом Джанибеком. Так, наверняка не без его участия, в Москве долгое время гостевал ордынский посол Сарыкожа, ублажен был по всем статьям, уехал с богатыми дарами и стал ратовать в Орде за Дмитрия, против тверского Михаила... А во-вторых — деньги... Молодой тверской князь Иван задолжал тогда Орде 10 000 рублей. По тем временам, огромная сумма. Дань Московского княжества Орде составляла тогда 960 рублей в год. И Дмитрий просто-напросто перекупил его долг у Орды, посрамив Тверь таким хитроумным образом. Ведь тверской князь Иван стал те-

перь должником-пленником московского князя и сидел на митрополичьем(!) дворе, пока его не выкупил отец. Это был удар страшнее самого успешного военного похода. После такого конфуза Тверь уже не могла оспаривать главенство над Русью...

Наверно, такой коварный и эффектный план, который произвел большое впечатление на всю тогдашнюю русско-ордынскую общественность, зародился не столько в голове юного князя, сколько в голове его наставника — опытного, искушенного в интригах человека... Да и большие деньги моментально нашлись, надо полагать, не в тощей княжеской, а в богатой церковной казне, которой распоряжался митрополит Алексей.

Таким образом, фактически правителем Руси с 1353 года был митрополит Алексей, сосредоточивший в своих руках власть светскую и духовную. Он за сто лет до самостоятельности Русской православной церкви и за двести лет до введения патриаршества был фактическим патриархом на Руси. И духовная власть тогда была важнее и превыше светской. В то время не было еще такой нации — русский, и страны Русь в сегодняшнем значении этого слова. Да, в «Слове о полку Игореве» пишется: «О, Русская земля, ты уже за холмами», и мы по созвучию думаем, что речь идет о стране, в которой жили и живем. Но «Русская земля» в тогдашнем значении — это Киевское княжество. Поехать на Русь — означало поехать в Киев. И даже через три века, уже во времена Куликова поля, редко кто называл себя русским, а назывались рязанцами и тверичами, белозерцами и новгородцами, и никто думать не думал, что живет в какой-то общей стране, поскольку таковой и не было. И православная церковь была тогда, современным языком говоря, единственной общефедеральной структурой, соединяющей людей на тех пространствах. Только православная вера и церковь были общим, объединяющим началом для обитателей тогдашней русской ойкумены. Объединяющим духовно, и не только духовно... При правлении митрополита Алексея Москва присоединила к себе Ростов, Галич, Владимир, заставила считаться со своей волей тогдашних сепаратистов — могучую Тверь, отчаянную Рязань, богатый Нижний Новгород, которые чаще были союзниками Литвы, лишь бы против Москвы. Это время, когда Владимирская Русь становилась Московской.

Алексий прежде всего всемерно укреплял военно-политический союз с Золотой Ордой, союз, основанный еще Александром Невским. А в этом союзе особое место занимала православная церковь. Ей Золотая Орда покровительствовала всемерно. *«Ханы под смертною казнию запрещали своим подданным грабить, тревожить монастыри, — отмечал еще Николай Карамзин. — Владения церковные, свободные от налогов Ордынских и Княжеских, благоденствовали. Одним из достопамятных следствий Татарского господства над Россиею было возвышение нашего Духовенства...»* — заключает историк.

Таким образом, митрополит Алексей продолжал политическую линию Александра Невского и Батыея. Итогом его стараний стала Куликовская битва.

Общеизвестная история воздала Дмитрию Донскому чрезмерно, отдав лавры чуть ли не первого защитника земли русской. И совершенно забыв о том, кто стоял за Дмитрием. Да и сам Дмитрий, как и свойственно выросшим отрокам, тем более отрокам-властителям, в последние годы тяготился своей зависимостью от Алексея. И после смерти Алексея он демонстративно выказывал свое отношение к учителю. Например, перед походом на Мамаю он поклонился руке святого Петра, но прошел мимо гроба Алексея. Дмитрий недолго любил и Сергия Радонежского. Ведь Алексей, умирая (12 февраля 1378 г.), надел свой крест с мощами на Сергия Радонежского. А Дмитрий хотел, чтобы митрополитом на Руси стал его духовник Митяй, и настаивал, чтобы Алексей благословил Митяя в премники. Но Алексей отказал ему и выбрал игумена Сергия. И здесь надо оценить поступок Радонежского — он отступился от престола митрополита. У нас нет никаких свидетельств, объясняющих его мотивы, причины. Но очевидно, что, прими он сан митрополита при враждебном отношении великого князя Дмитрия, в стране неминуем был раскол и усобица. И Сергий — отступился, сохранив спокойствие в стране, сохранив при этом все свое влияние на паству и на церковь.

А князь Дмитрий после смерти митрополита Алексея самолично отправил Митяя «на утверждение» в Византию при помощи... Мамаю, вместе с которым за шесть лет до того грабил и опустошал рязанские земли... Митяя убили в пути, в Москве победила партия Сергия Радонежского. И великая заслуга Дмитрия

Донского в том, что он принял воинство, что он смирился перед церковью, из ее уст воспринял идею общерусского государства и в дальнейшем из всех сил поддерживал церковь.

Все это — сложно. А власти и народу хочется, чтобы было просто и сю-сю благостно. Поэтому у нас широко распространён и стал каноном миф о том, что Сергей Радонежский благословлял князя Дмитрия на Куликовскую битву. **Но в ранних летописях, а также в первоначальном «Житии Сергия Радонежского» такого эпизода нет!** Значит, его вставили позже «исправители» и «редакторы» нашей истории.

В русском Средневековье князья, за исключением Александра Невского, Владимира Мономаха и Дмитрия Донского, преследовали свои удельные или же властные великокняжеские цели. А церковь всегда мыслила только общерусскими, общегосударственными масштабами. Потому что церковь по природе своей может жить только общенациональными интересами — это ее естественное и единственно возможное состояние. Нет, не было и не могло быть, к примеру, удельной православной церкви удельного Пронского княжества... Даже дико и, простите, смешно звучит, не правда ли. Другое дело — есть ли в данный момент силы и люди в церкви, могущие противостоять, пресечь хаос и разобщение. Как видим, и силы, и люди нашлись. Не прояви в те годы мудрость и твердость православная церковь — еще неизвестна была бы судьба сегодняшней страны. С каждым десятилетием православная церковь утверждала и утвердила в буйной княжеской пастве идею общерусского государства. Еще за пятнадцать лет до Куликова поля Сергей Радонежский одной лишь угрозой закрытия храмов принудил нижегородского князя к компромиссу с Москвой... А не будь такого влияния церкви, князья бы еще долго и с упоением резали друг друга.

И не только торговые пути, кстати, довольно слабые, не только бунчуки ордынской конницы («Москва обязана своим величием Ханам», — писал Карамзин), **а прежде всего престол митрополита**, официально перенесенный из Владимира в 1328 году, **сделал Москву центром Русской земли.**

И сегодня можно с полной ответственностью сказать, что именно православная церковь, при поддержке Орды, создала единое Русское государство.

Любопытно, что спустя три века ситуация повторилась. Когда на Руси настало Смутное время. И сама русская государственность оказалась под угрозой уничтожения.

Вот тогда-то и сказала свое слово церковь. Прежде всего — патриарх Гермоген, архимандрит Дионисий и келарь Авраамий Палицын. Их послания распространялись по всей стране, это на них откликнулся Кузьма Минин. Не случайно же в первом обращении к нижегородцам Кузьма говорил, что ему явился во сне преподобный Сергей Радонежский и повелел поднимать народ.

После победы ополчения и изгнания поляков царем, как известно, был избран шестнадцатилетний Михаил Романов.

Но если бояре и рассчитывали, что вновь станут править за спиной малолетнего Михаила, то они жестоко просчитались. Потому что отцом Михаила был патриарх Филарет, который и стал фактическим правителем государства. Он и подписывался титулом «Великий государь».

Да, фигура Филарета весьма неоднозначна. В сан митрополита его возвел Лжедмитрий I, а патриархом назначил Лжедмитрий II. За какие такие заслуги перед самозванцами? Но в одном Филарет был тверд в Смутное время — царем на Руси должен быть православный. И настаивал на крещении польского королевича Владислава, уже объявленного боярами царем, и противился приходу к власти короля Сигизмунда, при котором Московия стала бы одним из польских воеводств. Сигизмунд ведь держал его в плену, думая сломить, получить согласие патриарха...

Став правителем Руси, Филарет практически заново создавал государственную власть. Прежде всего он занимался международной политикой Московского государства. Ведь в Польше и Литве законным русским царем по-прежнему называли польского королевича Владислава, писали русским же боярам, что Михаил Романов — узурпатор, *«которого воры, казаки, посадили с Кузьмой Мининым на Московское государство без совета с вами, боярами и дворянами»*.

Опасны были и те самые «бояре и дворяне». Пока Филарет был в плену, юного царя окружили люди, которым, как пишет Соловьев, *«по заслугам их не следовало быть близко у трона»*. Приехав в Москву, Филарет начал решительную борьбу с боярским всевластьем.

Не будь Филарета, еще неизвестно, что могли бы натворить кичливые высокородные Мстиславские, Шуйские, Трубецкие и прочие: мол, мы Рюриковичи и Гедиминовичи, а этот мальчишка Романов — от какого-то Андрея Кобылы. Но при твердой руке патриарха никто из них уже не решался поднять голову и затеять новую смуту.

Двадцать лет правил страной патриарх Филарет. И умер в 1633 году.

Михаил пережил своего престарелого отца лишь на двенадцать лет.

После смерти Михаила в 1645 году царем стал пятнадцатилетний Алексей, названный Алексеем Михайловичем Тишайшим. Династия еще не укрепилась, не стала еще неприкосновенной в глазах народа, и прежде всего бояр, а на троне — юноша. Которого сразу же окружили воры и проходимцы Морозов, Плещеев, Траханиотов. Они так мздоимствовали, что народ восстал и пол-Москвы сжег, требуя их выдачи на суд. В общем, Плещеева и Траханиотова казнили, Морозова, тогдашнего премьер-министра, сослали. Москва успокоилась, но взбунтовались Новгород и Псков. К счастью, при юном царе уже с 1646 года был игумен Никон, будущий митрополит Новгородский, будущий патриарх. Никон, решительно осудив бунтовщиков, тем не менее уговорил царя простить неразумных. И тем самым не только высоко поднял свой авторитет в глазах народа, но и сохранил и упрочил авторитет царской власти. Ведь губительно начинать новое царствование с жестокого подавления бунта, с пролития крови подданных... Ведь тогда вполне могли юного царя прозвать не Тишайшим, а Кровавым...

И тут не могу не отметить совпадение, простое или не простое — не мне судить. Первого царя Романова возвел на престол сын Мины из Нижнего Новгорода — Кузьма Минин. А опорой второго царя Романова тоже стал сын Мины, и тоже из Нижнего Новгорода — Никита Минов, патриарх Никон! Минин — купец, Минов — крестьянский сын! Из села Вельманова Княгининского уезда.

В 1651 году Никон переезжает из Новгорода в Москву. Влияние его на царя было таково, что Алексей называл его солнцем, а себя всего лишь «земным царем», он в письмах отчи-

тывался ему за каждый свой поступок, а если о чем-то забыл, то просил прощения за слабость памяти...

В 1652 году Никон становится патриархом Московским и всея Руси, а затем — Великим государем. Именно так величает его двадцатитрехлетний царь Алексей под сводами Успенского собора 23 октября 1653 года, объявляя войну Польше: *«Мы, великий государь... посоветовавшись с отцом своим, великим государем, святейшим Никоном патриархом... приговорили и изволили идти на недруга своего, польского короля...»*

Никон благословляет войско, а главный воевода Алексей Трубецкой (Гедиминович!) в ответной речи обращается к крестьянскому сыну(!) так: *«Великий государь, пресвятейший Никон... Удивляемся и ужасаемся твоих государевых, учительных словес...»*

Если перевести на современный русский язык «удивляемся и ужасаемся», то получится так: «Преклоняемся перед мудростью, благогоуем и никогда не посмеем ослушаться твоих государевых поучений...»

Вот такую власть взял Никон всего лишь через семь лет после своего появления при дворе! Он, как и Филарет, подписывался титулом «Великий государь». В грамотах-посланиях так и писал: «От великого государя, святейшего Никона, патриарха Московского и всея России...»

Интересы, планы, деяния Никона простирались далеко вширь и глубоко в будущее. К примеру, он принимал самое деятельное участие в присоединении Украины к России, поддерживая во всем Богдана Хмельницкого. Богдан, намереваясь передать власть сыну, через послов обращался к Никону так: *«Гетман и войско... желают, чтобы изволили приехать в Киев великий государь, святейший Никон патриарх, и... гетманского сына на гетманство благословил»*. Одновременно Никон посылает ратников и казаков на завоевание берегов Финского залива! За пятьдесят лет до того, как в правящих кругах Руси появляется мысль о выходе к Балтике...

Вот так три церковных иерарха взяли на себя и несли бремя светской власти в самые тяжелые для страны времена. Алексей и Филарет умерли в спокойствии, а вот Никону выпала иная доля. Когда царь Алексей вырос и укрепился на престоле, то он, как это всегда бывает с повзрослевшими отроками, отяготился покровительством и властью наставника. Да и Никон,

по всей вероятности, чрезмерно высоко поставил себя, везде и всюду отстраняя царя. Чрезмерная властность лишила его опоры и в церкви: церковные иерархи, почувствовав немилость и даже враждебность к нему царя, также выступили против него. Никона лишили патриаршего сана и сослали на север.

Но он пережил неблагодарного воспитанника. (Кстати, немногие знают, что перед своей смертью царь Алексей отправил ему послание с просьбой о прощении...) И издалека смотрел, как все-все повторяется. Вначале страну сотряс новый поход на Москву казаков во главе со Степаном Разиным, а затем, после смерти Алексея, при четырнадцатилетнем Федоре (снова малолетний царь!) началась ссора Милославских и Нарышкиных — родственников первой и второй жен Алексея. Разве при нем, при Никоне, посмели бы?!

Опальный патриарх умер в 1681 году и не видел кровавой стрельцкой расправы со сторонниками Нарышкиных после смерти Федора, когда править Русью стала Софья, а на престоле сидели слабоумный Иван и десятилетний Петр, не видел свержения Софьи, стрельцких казней и всего того, что предшествовало воцарению и утверждению на троне твердого самодержца Петра Первого.

После Никона авторитетного церковного иерарха уже не было, Петра же церковь раздражала изначально, он вообще упразднил патриаршество, создав Синод, подконтрольный царю. Но это уже другая история.

В книгах дореволюционных историков Алексей, Филарет и Никон присутствуют только на втором плане, как фигуры второстепенные. А в коммунистической истории — тем более. Разве что о Никоне говорится подробнее, но лишь как о реформаторе церкви. И получается, что в труднейшие для Руси времена страной правили девятилетний(!) Дмитрий, шестнадцатилетний Михаил и пятнадцатилетний Алексей?..

Но вот что странно. Сейчас у нас на каждом углу что-то освящается, церковь и церковные служители становятся участниками всех событий, не говоря уже о том, что многие бывшие безбожники со свечками стоят. Однако почему-то нигде и ничего не говорится об истинной роли и значении церкви в становлении Русского государства. О чем я и напоминаю сим кратким очерком. И повторяю — Русское государство создала православная церковь.

Цитата:

«Ничто так не поразительно, как дивная и горестная судьба трех великих мужей: Минина, Палицына и Никона... Мясник Минин и инок Палицын, эти два величайшие героя нашей средней истории, которым одним Русь одолжена своим спасением, потому что Пожарский был только годным орудием в их руках... Один из них, мясник, которому каждый боярин, каждый дворянин мог безнаказанно наплевать в лицо и растереть ногой, умел не только возбудить патриотический восторг сограждан, но и поддержать его, согласить партии, примирить вождей, понять Палицына, действовать с ним заодно, управлять вместе с ним Пожарским и достигнуть своей цели, и что ж стало с ним потом? Ему дали дворянство и боярство, но не пустили в думу, где этот мясник мог оскорбить своим присутствием достоинство знаменитых бояр, которые все были так доблестны, что и сам Мстиславский казался между ними гением первой величины... Другой святой и великий инок, разделивший с нижегородским мясником венец спасения отечества, примиривший в лютую минуту страсти вождей, утишивший ропот буйной сволочи продажей священных сосудов, золотой утвари Лавры, является изгнанником в дальний монастырь... Третий, друг и соперник царя, муж совета и разума, возстановитель веры, гонитель невежества и предрасудков, гибнет жертвой происков опять той же боярщины... Какие люди! какая судьба!»

В. Г. Белинский

(Сочинения В. Г. Белинского в четырех томах. Т. 1. С. 638. СПб, 1900. Второе удешевленное издание Ф. Павленкова.)

Глава 21**Раскол**

Подавление старообрядчества — преступление или заслуга официальной церкви? Старообрядцы — мученики веры или мракобесы?

Боярыню Морозову и княгиню Урусову уморили голодом и холодом в земляной тюрьме.

А вначале царь Алексей Михайлович хотел предать Федосью Морозову лютой казни — сожжению заживо. В Европе еретиков

сжигали на кострах, привязав к столбу, а на Руси — в деревянных срубках, не привязывая, и они там внутри метались в огне...

Однако думские бояре, к которым обратился Алексей, не осмелились на такое. И царь, без поддержки Думы, тоже не решился. Ведь царь — всего лишь из Романовых... А Романовы никогда не были высшей знатью на Руси. На Руси исконно было **шестнадцать знатнейших родов**, представители которых становились **потомственными** боярами: Черкасские, Воротынские, Трубецкие, Голицыны, Хованские, Морозовы, Шереметевы, Одоевские, Пронские, Шеины, Салтыковы, Репнины, Прозоровские, Буйносовы, Хилковы и Урусовы.

В Смутное время под грамотами о спасении Руси, которые рассылались по всей стране, первой(!) была подпись боярина Морозова! Так что никто — ни Боярская дума, ни царь не могли осмелиться на лютую казнь — сжечь в срубке боярыню Морозову и княгиню Урусову.

Ярых, фанатичных старообрядок увещевали митрополит Павел Крутицкий и Чудовский архимандрит Иоаким, будущий патриарх. Потом их пытали. Кстати, «фанатик» в переводе с греческого — «смертник».

Не добившись отречения от старой веры, увезли в Боровск и там бросили в земляную тюрьму. Попросту говоря — в глубокую яму, вырытую в земле. На Востоке такие тюрьмы называли зинданами, и слово это стало нынче известно в связи с Чеченской войной. В прессе часто мелькало: зинданы, в которых чеченские боевики держат пленных...

Высокородные боярыни, конечно, не могли долго выдерживать такого заключения. К тому же их морили голодом.

11 сентября 1675 года умерла княгиня Урусова.

В ночь с 1 на 2 ноября — боярыня Морозова.

Они были сестры не только по вере, но и по крови.

Особое внимание к ним привлечено в силу знатности их фамилий, положения в обществе. Но их страдания и судьбы — в ряду других, многих и многих. Точно такие же, и более страшные муки, претерпевали десятки и десятки тысяч их сестер и братьев по вере.

Однажды даже жестокая Москва поразилась — когда увидела, как ползают, катаются по Красной площади и мычат бессмысленно десятки людей. Это старообрядцам отрезали языки, чтоб не молвили слово свое еретическое.

Попу Лазарю отрезали язык и отрубили руку по запястье.
Диакону Феодору отрезали язык и отрубили руку поперек ладони.

Старцу Епифанию отрезали язык и отрубили четыре пальца.

Руки, ладони, пальцы рубили — чтоб не могли креститься двуперстием!

Всем, кого вместе с протопопом Аввакумом сослали в Пустозерск, отрезали языки. Но, видимо, не полностью, потому что они продолжали говорить, пусть даже плохо, маловнятно. Они проповедовали из своих зловонных ям! Ни одна скотина так не живет, ни одна скотина такого не выдержит. А они выдерживали, они проповедовали! И склоняли стражу на свою сторону.

Поэтому всем им вторично отрезали языки.

Чтоб замолчали!

Только Аввакуму не рубили пальцев и не резали язык — патриарх Никон и царь Алексей жалели его как своего некогда наперсника, товарища, с которым вместе говорили некогда о старинном благочестии и старинных обрядах...

14 апреля 1682 года Аввакума, Епифания, Лазаря и Феодора сожгли в деревянном срубе. На глазах людей, которые стояли, сняв шапки. Аввакум осенял себя двуперстным крестом и кричал: *«Будете этим крестом молиться — вовек не погибнете, а оставите его — городок ваш погибнет, песком занесет. А погибнет городок, настанет и свету конец!»*

Епископа Павла Коломенского замучили пытками и сожгли.

Костромского протопопа Даниила пытали и уморили в земляной яме.

Священнику Гавриилу из Нижнего Новгорода отрубили голову.

В Москве старца Авраамия и Исайю Салтыкова сожгли на костре.

Старца Иону разрубили на пять частей.

В Холмогорах сожгли Ивана Юродивого.

В Боровске сожгли священника Полиекта и с ним 14 человек.

В Казани сожгли 30 человек.

В Киеве сожгли стрельца Иллариона.

Юродивому Киприану Нагому отрубили голову в Ижме.

На Мезени повесили Федора Юродивого и Луку Лаврентьевича.

Сыновей протопопа Аввакума тоже приговорили к повешению. Но они покаялись и были помилованы — их вместе с матерью всего лишь «закопали в землю», то есть посадили в земляную яму.

С 1676 года начались массовые самосожжения. Их называли — «гари». Когда подходили к старообрядческим селам, церквям, городам царские войска, старообрядцы, чтобы избежать битвы батогами, ссылки или смертной казни, пыток с требованием отречения от веры, — сжигали сами себя. Как говорил старообрядческий старец отец Сергей: *«Поистине нельзя, чтобы нам не гореть — некуда больше деться»*.

Только за десять лет только в одном Пошехонском уезде Ярославской губернии в «гарях» погибло 2000 человек.

В Тюмени поп Дометиан устроил массовую «гарь» для 1700 человек.

В Палеостровском монастыре на Онежском озере сожгли себя 2700 старообрядцев. Это уже 1687 год.

На следующий год в том же монастыре в боях с царскими войсками погибли и сожгли себя еще 1500 человек.

Самосожжения продолжались и в следующем, XVII! веке. И даже в XIX веке! Только представьте — жил и творил уже Пушкин, наш солнечный гений, дитя света, а его современники сжигали себя на кострах.

По приблизительной статистике, только за 25 лет с начала «гарей», с 1676 по 1690 год, на Руси покончили счеты с жизнью самосожжением более 20 000 человек.

Тех, кто сжег себя в XVIII веке, никто не считал.

Тех, кого забили до смерти батогами, сожгли, повесили, отрубили голову или казнили каким другим способом по велению власти в XVII и XVIII веках — никто не считал.

Все это смертоубийство и душегубство, сравнимое разве что с испанской инквизицией, вершилось именем православной церкви, именем и силами государства.

Зачем? Из-за чего? Во имя чего?

Мы говорим уже привычные слова: раскол, патриарх Никон, исправление церковных книг, двуперстие, старообрядцы... А за ними — кровь, огонь, пожирающий живых людей, за ними — насилие и яростное стремление людей изничтожить друг друга.

Но что там было помимо людской ярости и ненависти?

Начну с того, что **патриарх Никон**, главный гонитель старообрядцев, — **сам был старообрядцем**.

Мне могут сказать: а ничего нового. Так издавна заведено в человечестве, и в Европе многие из палачей и яростных истребителей ереси сами были в молодости еретиками или детьми и внуками еретиков.

В принципе, да, так. Но немножечко не так. Параллели с Европой в данном случае неправомерны. И катары, и последователи их — альбигойцы, и манихеи все-таки были «еретиками», то есть опровергателями канона. Вся католическая рота идет в ногу, а катары и манихеи — отдельно.

У нас же все было наоборот!

У нас «старообрядчество» было самым что ни на есть каноном!

То есть официальным правилом и порядком!

На Стоглавом сборе в 1551 году всем православным на Руси было предписано креститься двуперстием, истребить в церковной службе многогласие (то есть пение и чтение одновременное), всячески изничтожить в народе игрища, празднества, одним словом — богохульное скоморошество.

Новые патриархи и новые цари продолжали дело Стоглавого сбора. Патриарх Иоасаф, царский духовник Стефан Воинифатьев, протопоп московского собора Казанской божьей матери Иван Неронов, полностью попавший под их влияние юный царь Алексей Михайлович и его друг боярин Федор Ртищев — все они были сторонниками древнего благочестия. А самым яростным среди них был Никон. Протопоп Аввакум, ставший символом старообрядческого фанатизма, был в их компании на вторых-третьих ролях.

А потом все вдруг повернулось на 180 градусов!

Никон, став патриархом, начал церковную реформу, практически отменив решения Стоглавого собора. То есть с точки зрения канонов Стоглавого сбора **раскольником был Никон!** Раскольником была стоявшая за ним официальная церковь! Раскольником был царь Алексей Михайлович!

По логике так получается. То есть все наоборот.

Вот какие повороты в русской жизни и русской истории. Если взглянуть в нее чуть внимательнее.

Другое дело, что раскольником во все времена объявлялся не тот, кто отклонялся от той или иной идеологии, или про-

должал придерживаться той или иной идеологии, **а тот, кто отклонялся от ее государственного воплощения.**

А то, что и в Европе сжигали людей на кострах, — не повод для торжества. Европа училась на своей крови и на своих жертвах, каялась. Вспомним всемирное покаяние Папы Римского, всемирное покаяние Римской католической церкви за крестовые походы, за инквизицию, за сожжение Джордано Бруно...

Мы, похоже, ничему не учимся и уж тем более ни в чем не раскаиваемся.

Конечно, время смягчало сердца. Не однажды были попытки создания единой церкви, старообрядцы даже соглашались на это. Но из этого так ничего и не получилось.

В 1929 году Московская патриархия признала гонения на старообрядцев, как бы это сказать светском языком, — неправомерными. Выпущен был специальный документ, названный «Деяние». И в нем черным по белому написано, что богослужебные книги старообрядцев *«признаем православными»*, а двоеперстие и другие каноны старообрядчества — *«благодетельными и спасительными»*. А *«порицательные выражения»* и *«клятвенные запреты»*, то есть проклятия церкви — *«отвергаем и яко небывшие вменяем»*.

По поводу «яко небывшие» академик-историк Николай Николаевич Покровский, специалист по старообрядчеству, сказал мне в беседе за чаем: «Это все равно, как сегодняшнее правительство объявило бы 6 лет моего лагерного срока на мордовской политзоне — яко небывшие...»

Но старообрядцев не удовлетворяют такие формулировки — то, что кровавые гонения, инквизиция, сожжение людей на кострах названы официальной церковью всего лишь *«порицательными выражениями»*. У них было и осталось одно главное требование — покаяние Русской православной церкви на Поместном Соборе. Но церковь, подтвердив формулировки «Деяний» на Поместных Соборах 1971 года и 1988 года, **покаяние решительно отвергает.**

Вот в чем наше отличие от Рима.

И это тоже наша, российская историческая, политическая, общественная реальность и традиция — **власть никогда не кается.** (Церковь в данном случае — та же власть.) Уж что творила советская власть с народом — каялась ли? Кто покаялся? Палача Сталина называли «культом личности», а кровавую вак-

ханалию палачей — «последствиями культа личности». И до сих пор не мытьем так катаньем пытаются замолчать невиданные преступления, невиданные жертвы и вернуть Сталина в пантеон исторических деятелей.

И в этом стремлении одинаковы что нынешнее вожди компартии, что нынешняя власть, якобы антикоммунистическая, якобы проклинаемая нынешними коммунистами. Одной кровью мазаны.

«Яко небывше».

Некоторые историки считают церковный раскол источником всех последующих бед России. Наверно, это чересчур. В. Карташев, автор фундаментального труда «Очерки по истории Русской Церкви», пишет. *«Вся эта неистовая трата духовной энергии и религиозного героизма не может не вызвать в нас великого сожаления. Как много сил потеряла наша русская церковь от нетактично проведенной книжной sprawy и от всего поведения патриарха Никона!»*

Вина церкви безусловна. Ведь не церковный народ сам зашел в «ересь» — туда его завела церковь, в том числе и церковные иерархи во главе с Никоном и царем Алексеем. Более того, вина их неизмерима, несопоставима с виной простых людей, потому как они — пастыри. Но потом вдруг они развернулись на 180 градусов, объявили себя чистеньким и беленькими, а своих же прежних последователей — тупым стадом, которое надо жечь и бить батогами за его темноту и неграмотность. И получается, за свою же вину пастыри стали резать языки пастве и жечь паству!

Наконец, куда и зачем рвались-торопились? Зачем лютовали? Казалось бы, если власть — и церковная, и светская — на вашей стороне, то зачем жечь и казнить?! Подождите. Воспитывайте новых, грамотных попов, рассылайте их по приходам, пусть они проповедуют истинный канон, просвещают заблудшие души. Через век, через два или три века просвещения победа все равно будет за вами.

Но нет! Всех, кто думает не так, надо немедленно заставить думать так, как велено! Насилие как мгновенное решение всех проблем! А они не решаются насилием. Насилие — особенно в вопросах веры — калечит народ и страну, остается и саднит через века.

И это уже не вина, а беда. Беда церкви, общества, государства. Разумеется, насилие — оно всемирно. Как определил классик марксизма-ленинизма: «Насилие — повивальная бабка истории».

Но я говорю и пишу не о мировой истории, а о русской доле и русской судьбе. О том, что насилие и жесткость — заданный зловещий пунктир русской жизни. Как нынче говорят — парадигма.

А теперь я поверну на 180 градусов направление своего очерка!

И заявлю, что старообрядцы были бы еще большей бедой для Руси, России. Безусловно, трудно такое говорить при общем сочувственном отношении к ним. В состоявшейся истории симпатии всегда на стороне мучеников. Тем более — мучеников веры.

Но...

Прошло много времени. И попробуем анализировать спокойно.

Посмотрим, в каком направлении шла Русь под руководством старообрядцев во главе с царями и патриархами.

Филарет в 1627 году специальным указом запретил ряженье, колядованье и обрядовые языческие игры. Патриарх Иосиф в 1628 году велел всем местным попам бороться нещадно со скоморохами. Царь Алексей Михайлович в грамоте 1648 года запретил все игрища, «бесовские песни», увеселения, скоморохов и медвежьих поводырей.

Железной рукой вводилась на Руси полная аскеза!

Это ж были фанатики. Они называли себя «воины Христовы». Скоморохов, художников, танцоров, певцов, поэтов — всех бы сожгли. Пушкина бы не было — уверяю вас!

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

Как бы не так. Сожгли бы вместе с кружкой и с няней Ариной Родионовной.

Россия превращалась в подобие исламского государства. Вспомним еще раз: арабы в ранние века были самыми передо-

выми людьми мира. Арабская наука и культура достигли невиданных высот, в то время как Европа прозябала в дикости и варварстве. Но пришел ислам и подавил науку, литературу, живопись — всю светскую культуру. Все остальное — перед нашими глазами...

Видимо, Никон и царь Алексей вовремя поняли, куда они сами же ведут страну. И спохватились. И резко повернули руль.

Да, Никон расправился со старообрядцами с истинно старообрядческой нетерпимостью и жестокостью!

Хотя и были попытки убеждения и переубеждения. Но диспут заранее был обречен на провал при общей нетерпимости с обеих сторон. Особенно — со стороны старообрядцев. Вот пример. Летом 1682 года в Грановитой палате Кремля состоялся диспут при большом стечении народа. Со стороны официальной церкви — Афанасий, епископ Холмогорский. Со стороны старообрядцев — суздальский протопоп Никита Добрынин.

Афанасий, сам некогда старообрядец, искушенный в книжном знании человек, легко разбил все аргументы Никиты, поставил того в тупик. Не найдя слов для достойного ответа, Никита разъярился, прыгнул на Афанасия и... задушил его. На глазах у всех убил человека, священника, слугу Божьего.

И как отреагировали на это старообрядцы?

Криками восторга! Они после этого прошли по Москве торжествующей толпой, поднимая руки с двуперстием и крича: «Тако слагайте! Победихом!»

Переубедить тогдашних старообрядцев было невозможно. Их можно было только пережить. Десятилетиями. А то и веками. Но церковь решила: раз нельзя переубедить — надо заставить или уничтожить.

Началась война на истребление. Официальная церковь и власть совершили преступление, залив кровью и затмив пожарами русскую землю, преследуя, убивая русских людей за их веру.

В то же время нельзя не думать (а об этом как раз мы и не думаем), что в случае победы старообрядцев крови, жестокости и насилия было бы многократно больше. Вот что писал Аввакум: *«Всех что собак перепластал бы в один день. Сперва Никона — собаку рассек бы начетверо, а потом и никониан...»*

То есть не только предал бы врагов лютой смерти, но и не видел бы в том греха. Какое уж тут христианское смирение и

благолепие. Да, можно сказать, что это писал человек, доведенный до крайности, в состоянии ожесточения всех человеческих сил. И это правда. Но общий настрой старообрядцев был именно таким — уничтожить никониан как собак!

При власти официальной церкви старообрядцы все-таки остались, уйдя в Сибирь, на Алтай. За ними уже не гнались, не уничтожали. А победы старообрядцы — они бы не дали послабления. До края света преследовали бы никониан и уничтожали. Такие были люди.

Вот почему я считаю, что кровавая(!) победа никонианской, государственной церкви была в те времена наименьшим злом. Никонианская церковь была все-таки компромиссна, снисходительна к слабостям человеческим. С ней можно было жить. И можно жить и поныне. А старообрядцы превратили бы Русь в подобие исламского государства.

Глава 22

ОТКРЫТИЕ

Почему мы не видим древнерусские города?

С детства я мечтал о лодке. И когда подрос, на чем только не ходил: и на смоленых плоскодонках-дощаниках, и на плотах, и на резиновых надувных, и на байдарках, конечно, и на катамаранах...

Когда идешь по реке, остановиться невозможно — так и тянет увидеть поскорее, а что же там, за поворотом.

Одно время даже в одиночку пускался в путь. Ведь пока компанию сколотишь, тем более экспедицию на серьезный или долгий маршрут, — хлопот не оберешься. А тут — прицепил надувную лодку к рюкзаку, весла в руки и — в дорогу, сам себе хозяин.

Так однажды, решив пройти по Протве, добрался я на перекладных до Боровска уже глухой ночью. На окраине, на какой-то стройке, раздобыл досок, развел костерок, подогрел еды, завернулся в спальный мешок да и уснул на сухом пригорочке у трансформаторной будки. Утром огляделся, собрался, спустился к реке. Как оказалось, подъехал я к Боровску не ниже по

течению реки, а выше. Значит, придется мне идти через город. В походах никто не любит *населенку*, как говорят водники, но что поделаешь — это ведь не Сибирь и не Казахстан, а Подмосковье, тут на каждом шагу городки да села...

Наладив лодку, отчалил. Пока укладку вещей утрясал и весла пробовал — уже и к Боровску подошел. Огляделся — и дыхание пресеклось.

Течение на Протве быстрое, река петляет, да еще я весла бросил, так что лодку плавно вращало в водоворотах-завихрениях — и как в медленной круговой панораме проплывали передо мной купола и шпили бесчисленных храмов, ничем не загороженные, не заслоненные, как в городе, безобразными *корпусами*, а открытые взгляду на высоких берегах.

Так вот в чем дело! — ахнул я. — Вот ведь в чем дело, Господи!..

Ведь любой дом ставится **лицом к дороге**. Украшается резными наличниками, резным крыльцом, *показывает себя миру*. И города строились точно так же! Лицом к дороге.

А дорога древних — река. Река. Других дорог в те времена просто не было. И города и веси, дворцы и храмы ставились древними зодчими так, чтобы **открывались они с реки** — с главных ворот города, со въездных путей! Без **взгляда с реки** нельзя постичь замысел древних архитекторов, невозможно **понять и увидеть** древнерусские города! Здесь все сходится: и польза, и красота...

И я — случайный счастливец. Не броди я по рекам, так бы и не узнал, не увидел. Как не видят и не знают наших городов почти все люди. Обычное ведь дело: въезжаете вы в Суздаль или Новгород по шоссе или железной дороге — и что видите? Да ничего особенного — склады, пакгаузы, свалки, заводские и еще неведомо какие корпуса. Что Суздаль, что недавно построенные Набережные Челны — никакого отличия. И только тот, кто идет по реке, входит в древний город по реке, видит его настоящим, таким, каким он задуман был древними архитекторами, каким он создавался, каким открывался он нашим предкам и пять, и десять веков назад.

С тех пор, с того моего открытия, прошло добрых два десятка лет. И только через двадцать лет, году этак в 1995-м, придя на телевидение, получив возможность, я сразу же и задумал снять об этом фильм. Показать.

Смешно вспоминать сейчас... Тут многое, опять же, совпало. И бедность телерадиокомпании «Мир», и мой телевизионный дилетантизм пополам с самоуверенностью, и моя же совокская привычка экономить казенные деньги. Для такого-то фильма большая бригада создается: директор, администратор, режиссеры, помощники, и прочие, и прочие. У нас же вся съемочная группа состояла из водителя Александра Ивановича Дидко, оператора Саши Терентьева и меня. Видеокамеру взяли, которая похуже и подешевле необходимой раз в десять. Настоящую, дорогую, побоялись утопить или испортить. И верно, могли. По реке Луже мы с Сашей часа три шли под холодным осенним дождем. О себе не думали — простынем да и все, — мы камеру своими телами прикрывали. А на Протве запросто могли японскую чудо-технику булькнуть в глыбь. Саша раза четыре едва не вываливался за борт. Мы ведь съемки вели не с твердого настила плоскодонки или катера, а с двух моих хлипких резиновых лодчонок, скатамараненных при помощи весла. Накануне мы все окрестности Боровска обрыскали, в двести деревни наведались, чтобы нанять лодку или катер, — и не нашли: не держит нынче народ на Протве лодок...

Но так или иначе, фильм мы сняли. Сама мысль, идея-открытие, натура сама такая, что их трудно было испортить. Многие мои знакомые звонили и говорили, что впервые осознали, впервые увидели... Действительно, я ведь дал другую точку зрения — в самом прямом, буквальном смысле слова.

Попробуйте по той же Москве-реке пройти на прогулочном теплоходике — и вы увидите... Что все не случайно и не просто так. И уж тем более на Волге, Днепре, Клязьме... Нижний Новгород, Киев, Владимир... где кремлевские зубчатые стены высятся на речных кручах, — это города особые, для них, по-моему, существует даже особый термин в архитектуре — **богатырская архитектура...**

Ведь монастыри на Руси называли еще *сторóжами*... То есть военными крепостными укреплениями, сторожащими округу и все в округе. И само собой разумеется, прежде всего как цитадели, как неприступные крепости строились городские кремли.

Если с Клязьмы смотреть на Владимир, на золотые купола и мощные зубцы крепостных стен, то очень легко представить,

каким он, город, был семь-восемь веков назад. Конечно, речные откосы сейчас застроены уродскими сараями, складами, кочегарками, густо поросли кустарниками и высокими деревьями. В древнем Владимире здесь не то что изб и деревьев — даже кустов не было. Все вырубали и расчищали. Чтобы просмотр был полный, чтобы не мог, прячась за кустами, подойти к стенам враг. А такую кручу, да еще под открытым обстрелом, никакой противник не одолеет. А в мирные дни никакое наводнение не страшно городу на высоком берегу. Здесь раньше всего сходит снег по весне и раньше всего уходят вешние воды. Всегда сухо, тепло, нет болотной лихорадки и других болезней от сырости и знобкости. На таком яру весь город всегда продувает ветром, и не висит тучами мошка и комар с речных низин. А если посмотреть с городских стен, то открываются и дальние излуки Клязьмы, и устье, где впадает Нерль, и луга заречные, и леса разноцветные сверкают на солнце... Вот на каком месте поставлен город Владимир.

В сознании древнего человека красота и польза были неразделимы...

Красота и польза. Если посмотреть на историю человечества сквозь призму только этих двух слов, то станет очевидным, что выражение «новые города» — глупость несусветная. Новых городов — нет. Если вы более или менее разумный человек и заложили новый город на удобном для жизни месте, то, построив жилые районы, возведя храмы, школы, стадионы, больницы и заводы, попробуйте копнуть землю у крыльца вашего дома. Не надо далеко ходить. Углубитесь в землю у крыльца вашего дома. И вы найдете... Уж черепки глиняные — точно. Все поглощает и растворяет земля за тьмы веков, но глиняные черепки — остаются. И вы поймете, что здесь до вас уже жили люди. Что это удобное и красивое место еще до вас уже выбирали люди.

Поезжайте просто так по земле. Вдоль рек больших и малых. Найдите над любой рекой семь холмов, как в Риме или в Москве. Или один большой холм, возвышенность просторную, на которой можно поставить город. Начните копать землю в этом чистом поле, на семи ветрах и семи холмах — и вы найдете все то же. И убедитесь, что здесь уже жили люди. Это место уже миллион лет назад было выбрано для *стоянки человека*...

Кажется, мой фильм не затерялся в общем телевизионном потоке. Во всяком случае, мне тогда позвонили сразу аж из трех журналов, чтобы я написал для них о древнерусской архитектуре, именно о **взгляде**. Я обещал, но не смог сделать, потому что очень тяжело, трудно писать, изображать картины словами после фильма, где все — **показано**. И правда, какими словами нарисовать тихую речку Колокшу, что в Юрьеве-Польском. Возле города и в городе она, перегороженная плотинкой, с почти остановившимся течением, грязненькая и мутненькая. А в фильме — светится! Потому что в окнах церквей, в каменных бойницах колоколен, которые стоят на самом берегу, загорелось закатное солнце — и все это вместе отражается в воде; и на экране, перед глазами, сразу два храма: один — плывет вместе с легкими облаками в голубом небе, второй — мерцает в таинственной синеве реки, по которой скользят, кружась, узкие желтые ивовые листья.

Река, река... Дорога ушедших времен и ушедших людей. И храм Покрова на Нерли, восьмое чудо света, поставлен так, что ярче всего и полнее всего подтверждает непреложное правило древних зодчих.

От окраины села Боголюбова мы шли на веслах по Нерли часа полтора — и на всем пути он открывался нам с разных сторон, как бы сопровождал нас. Или — встречал... Потом мы высадились на берег. А можно и дальше идти по реке, огибая полуостров, до впадения Нерли в Клязьму — и все время тонкий силуэт церкви будет парить над речными излуками и прибрежными лугами и перелесками. А она ведь маленькая, очень маленькая.

И с Нерли ее видно, и с Клязьмы!

В ту поездку я взял с собой жену Машу и дочку Динку. Счастливица Динка, она в одиннадцать лет увидела и узнала то, до чего ее отец своим умом и случайным опытом доходил четверть века.

— Не мог человек задумать и сделать такое, — сказала Маша. — Если только по Божьему промыслу. Страшно представить, что же должен был почувствовать Андрей Боголюбский, когда завершилась церковь, когда он понял, что как бы выполнил Божий промысел... И что же чувствовали мастера, когда увидели и поняли, что это **они** своими руками сделали ее?

Не представляю. Даже боюсь представить. Андрей Боголюбский, человек, близкий к Богу, наверно, молился, сливался в молитвах с Богом, и душа его наполнилась какой-то высшей благодатью.

А мастера... Они тоже молились. А потом — в чем я почти уверен — упились вдребадан. Вусмерть. И долго еще пили, чтобы заглушить себя. Не чувствовать.

И так ведь, спустя восемь веков, смотришь, и кажется, что душа не выдержит...

Глава 23

РУССКАЯ АТЛАНТИДА

Город, которого нет

Жители Юрьева-Польского живут в городе, которого никогда не было в истории, и неизвестно, есть он сейчас или нет.

Хотите верьте, а хотите нет, но почти во всех энциклопедиях и справочниках он называется — Юрьев-Польский. Мало того, сами горожане именуют его только так. А чтобы отдельные приезжие не сомневались, на въездах в город высятся бетонные надолбы с установленными на них ажурными металлическими буквами: Юрьев-Польский.

При чем здесь поляки!? Они на Северо-Восточной Руси отродясь не бывали! А название города происходит от «поля». Вернее, «ополья». Край так и называется — Владимирское ополье. Пространство за лесами. *Переславль-Залесский, Юрьев-Польской...*

А может, вернее и точнее будет так — Юрьев-Опольский?!

Иногда мне казалось, что я умом тронулся. Абсурд ведь бьет по мозгам так, что и сам не знаешь, что с тобой творится. Я почему-то ни разу не сказал, никого не спросил из горожан, чего же они свой город эдак-то переименовали? Хотя самая естественная реакция — спросить, удивиться. Но как будто кто-то мне диктовал: молчи. До сих пор не понимаю. Наверно, это был такой вид истерики. Потому что по правде-то надо бы выйти на городскую площадь, раздеться догола и орать: «Люди, вы что, с ума посходили?!»

Так ведь все равно внимания не обратят. Просто в кутузку отведут.

Готовя книгу к печати, я звонил в Юрьев-Польской (Опольский), в музей тамошний. Автоматика не срабатывала, и я заказал переговоры на станции. Дежурная телефонистка откликнулась тут же. «Какой-какой? — переспросила она. — Так вам нужен Юрьев-Польский? Абонента правильно называть надо!»

Ну что тут скажешь? И телефонистка тут ни при чем, и жители города тоже не виноваты. Если в энциклопедических словарях так пишут, то какой спрос с рядового человека...

Как уничтожили дом Ильи Муромца

Не так уж давно по всем каналам телевидения показали открытие в городе Муроме памятника нашему былинному богатырю Илье Муромцу. А я, глядя на районные торжества, думал о том, как десять с лишним лет назад тихо, без всякой помпы, уничтожили его дом, его село... Попросту упразднили Карачарово. То есть включили его в черту города Мурома. А это значит, что оно исчезло не просто из почтового перечня, а с географических карт, вообще из жизни. Нет теперь села Карачарова, а есть только город Муром.

Вообще-то Карачарово не столько история, сколько легенда. Отсюда ли родом Илья Муромец, никто не знает доподлинно. Скорее всего — из *Карачева и Моровска*, что в Черниговском княжестве. Не случайно же в более древних сказаниях он называется *Муравленин, Моровлина или Муровец* из города *Морова*. Кстати, в тех же краях есть село *Девятидубье*, связанное с легендами о Соловье-разбойнике. Оттуда же, из ближних градов и весей Черниговского княжества, ведет и та самая «дорога прямоезжая» в стольный град Киев. Ведь Илья туда частенько наведывался: то на пир, то на суд к князю.

А от северного Мурома до Киева и сейчас-то добраться сложно...

С веками, когда Южная Русь переходила на письменную культуру, былины отодвигались, уходили на крестьянский север. Тогда-то, наверно, и «приписали» Илью к северному селу

Карачарову и городу Мурому. Кстати, в некоторых более древних, «южных» былинах он называется то «боярским», а то и «царским» сыном. Вообще, Илья — одна из самых загадочных фигур русского эпического быля. Здесь же, на севере, он прочно и навсегда стал народным, «крестьянским сыном». Между прочим, в нынешнем Карачарове живут его потомки. Так называют себя карачаровцы из многочисленного рода Гуциных. И даже приводят какие-то доказательства.

В общем, легенда всегда обрастает житейскими подробностями. И вот легенду уничтожили.

Бедный Илья. Ему и так немало досталось от всяких словописцев XX века. То объявят его лентяем, поскольку пролежал на печи тридцать три года. А заодно с ним и весь русский народ. А то «защитят» — мол, это характер наш народный такой: лежим-лежим, зато как поднимемся — ух!..

Удивительно, до чего легко сочиняются «глубокомысленные» схемы и делаются «глобальные» обобщения! Даже моя маленькая Динка возмущалась, слыша такое: что они выдумывают, папа? Они что, былин не читали? Там же ясно написано, что Илья Муромец болел, и его калика перехожий вылечил!

Не читали, Динка, не читали. А только *слышали* звон.

Добавлю еще, что описанная в былинах болезнь *была на самом деле*. В Муром как-то приезжал ученый человек из Киева и рассказывал, что при помощи новейшей аппаратуры проводили обследование мощей Ильи, что покоятся в Киево-Печерской лавре. И обнаружили, что у богатыря была *травма позвоночного столба*.

То есть не в лени и не в характере дело, а в том, что у Ильи с детства было *ущемление позвоночного нерва*. Вот и лежал на печи, пока его калика перехожий не вылечил. Все, как в былинах сказано.

А самое главное в том, что был, жил на самом деле такой человек — Илья. Был!

И был у него, может быть, и не подлинный, а всего лишь легендарный дом, — село Карачарово. И вот — его нет. Упразднили. Без всяких споров, несколько бумажек в почтово-городских ведомостях подписали — и все. А казалось бы, дискуссия должна разгореться, общественность восстать! Пусть, мол, растет, возвышается индустриальный гигант город Муром! Но!.. Но бережно обходит Карачарово, наш национальный заповедник!

Нет. Никто и слова не сказал. Не обратил внимания. А вот кумира какого-нибудь отгрохать и «мероприятие провести» — это мы всегда...

Тоскливая российская обыденность.

А в довершение истории в одном из репортажей дикторша заявила, что Карачарово — «пригород Мурома».

Так что Илья у нас теперь «пригородный».

Храм Рождества на «Стимороле»

В Новгороде Великом открылся Никольский собор. Четыре года реставрировался один из древнейших храмов, основанный еще в XII веке. Причем при восстановлении в подвалах его были обнаружены неизвестные ранее фрески с изображениями картин Страшного Суда. Они сейчас изучаются. А отреставрирован древний собор на деньги Нового Ганзейского союза, в который входят сто торговых городов, в том числе и Новгород.

Но далеко не всем памятникам истории и культуры удастся начать новую жизнь...

В 1998 году в храме Спаса на Ильине обрушилась стена с фресками Феофана Грека!

Но Россия этого не услышала. Не кипели страсти в Государственной думе, не каялся президент, не сокрушался премьер.

Не услышала Россия и того, как рухнула часть стены Новгородского кремля. Не услышит, если, не дай Бог, что случится с другой национальной святыней — собором Святой Софии. Недавно здесь, в Мартирьевой паперти, древнейшем русском некрополе, обнаружили ранее не известные науке захоронения. Как говорят специалисты, бросающие новый свет на обряды древних русичей.

Но эти древние останки могут уйти в небытие вместе с собором.

— Фундамент храма был уложен на засыпанный овраг, — рассказывает в беседе с новгородскими тележурналистами главный хранитель собора Татьяна Царевская. — К тому же почва под фундаментом большей частью состоит из песка, здание оседает. На так называемой «лопатке» храма, расположенной у

Магдебургских ворот, появилась трещина, которая расширяется не по дням, а по часам. Катастрофа неминуема, если срочно не принять мер...

— Да что там говорить! — подхватывает ведущий специалист «Росреставрации» Татьяна Ромашкевич. — Практически все 147 церквей Новгорода вот-вот перейдут в траурную графу архитектурного реестра: «Реставрации не подлежат...»

Это все равно что уйдет на дно культурная Атлантида.

Многие храмы-памятники истории и культуры в Новгороде отданы церкви. Но это не решает проблемы. Денег нет ни у государства, ни у епархии. Архиепископ Старорусский и Новгородский Лев даже не дает главному реставратору епархии благословения на беседы с журналистами. Мол, словами горю не поможешь...

Но и умолчанием — тоже. Запрещай не запрещай, а гибнут сокровища мирового значения, святыни. Надо же искать выход.

Газеты писали и пишут о том, что благодаря расчетливой политике губернатора Михаила Прусака область стала крупным центром международного бизнеса. Здесь строят свои предприятия «Стиморол», «Кэдбери», «Дирол», немецкий «Флайдерер», финский «РВС» и так далее. В экономику области вкладываются сотни миллионов долларов иностранных инвестиций.

Так, может, привлечь иностранцев к реставрации церквей? Они и так помогают. «Стиморол» пожертвовал 10 000 долларов на восстановление храма Рождества Богородицы. Новый Ганзейский союз восстанавливает подворье Ярослава, там такие деньги вложены, что и говорить боязно. Но это — отдельный и частный случай. Я же веду речь о том, чтобы реставрацию новгородских памятников старины включить в контракты, федеральные и областные, с иностранными фирмами. Условия, льготы и прочее — это уже дело специалистов, экономистов.

Если такое предложение кого-нибудь заинтересует, то также рекомендую иностранным фирмам поставить условие, чтобы рядом с табличками «Памятник архитектуры... Охраняется государством» были поставлены маленькие таблички: «Отреставрировано фирмой "...»», «Восстановлено концерном "...» в ... году».

Я считаю это принципиально важным. Чтобы потомки знали, какими мы были и как жили.

Чтобы мы сами смотрели на эти таблички как в зеркало.

А то мы горазды говорить о вере и духовности. И все прошедшие десятилетия говорили, и сейчас говорим. А вот на письмо-крик новгородских реставраторов о судьбе Спаса на Нередице, о судьбе фресок Феофана Грека, направленное в Комитет Государственной думы по делам культуры, — никто даже и не ответил...

Что ж мы за люди?

19 апреля 2000 года на девяносто первом году жизни в Новгороде Великом умер Александр Греков — выдающийся художник-реставратор. Тридцать пять лет своей жизни он отдал восстановлению фресок XIV века в храме Спаса Преображения на Ковалёве, фресок Феофана Грека в храме Спаса на Ильине, созданию уникального музея «Спасенные фрески» в Гриднице на Ярославовом дворище.

Двумя годами раньше, немного не дожив до ста лет, ушла из жизни Зинаида Шуляк — другой выдающийся реставратор нашего времени. Это она зарывала, прятала от немецких бомб скульптуры Летнего сада в осажденном Ленинграде, она же потом восстанавливала Летний сад. Как и Александр Греков, переехала в Новгород, посвятив свою жизнь спасению новгородских памятников истории. Ее трудами чуть теплится еще жизнь в церкви Спаса Преображения на Нередице...

— Это люди из *той* России, — говорит Сережа Овчаров, новгородский журналист. — Из XIX века. Таких уже не будет...

Мы стоим под гулками холодными сводами Георгиевского собора Свято-Юрьева монастыря. Вверху, на головокружительной высоте, восстановленная роспись соборного купола.

— Весь день в этом холоде, на высоте висели в люльках девчонки-художницы, — рассказывает Сережа. — Работали смеясь. А смеялись в основном над своей зарплатой...

От главных ворот Свято-Юрьева монастыря открывается вид на широкий Волхов, пересеченный мощными «быками» — опорами несуществующего моста. Новгородцы рассказывают, что перед Первой мировой войной правительство затеяло строительство железнодорожной ветки и моста через Волхов. Но тут восстала новгородская интеллигенция. Ветка должна была

пройти мимо церкви Спаса Преображения на Нередице. А там — бесценные фрески XII века. Что с ними будет от беспре-
рывной вибрации?!

И правительство России вынуждено было прекратить стро-
ительство. Миллион золотых рублей пропал втуне...

Я не уточнял, так ли это было на самом деле, да и не хочу,
честно говоря, уточнять. Если это красивая легенда, то пусть
останется.

Но судьба все равно не пощадила Спас на Нередице. В годы
уже Второй мировой войны на него обрушились немецкие сна-
ряды. А то, что не доделали они, разрушается от десятилетий
нашего преступного небрежения.

Кружным путем, через Новгород, добираемся до Нереди-
цы. Двери нам открывает промерзшая девочка Карина Гули-
дова, с кафедры искусствоведения Петербургского универси-
тета. Она здесь работает. Заодно и поддерживает «температур-
ный режим» при помощи бытового электрокамина...

Из бокового придела на нас смотрят пронзительные глаза
Петра Александрийского — единственная полностью сохра-
нившаяся фреска XII века. Над ней все эти годы, как над зени-
цей ока своего, хлопочет Татьяна Ромашкевич, ведущий спе-
циалист «Росреставрации». Там, за фреской, в стене обнару-
жены пустоты. Как они повлияют на сохранность фрески? Что
будет, если эти пустоты залить? Да ведь и не до сложностей,
когда на простые реактивы денег не хватает...

Кстати, к вопросу о том, что таких людей, как Александр
Греков и Зинаида Шуляк уже не будет. Почему не будет. Они
уже есть. И те девочки, что расписывали купол Георгиевского
собора за триста рублей зарплаты, и Татьяна Ромашкевич, уче-
ница Шуляк, и вот эта промерзшая девочка Карина... Они уже
есть. Другое дело — что они могут сделать, когда вокруг — мы.
Вместе с нашими правителями. Нас миллионы и миллионы. И
нам — все до лампочки.

В годы Советской власти мы со смешком рассуждали о том,
что несколько «изделий» какого-нибудь военного завода по
деньгам составляют бюджет областного города. Сейчас мы рав-
нодушно смотрим на неслыханные траты сильных мира сего
то на празднества и банкеты, то на помпезные сооружения и на
войну в собственной же стране. А ведь все эти десятилетия в

храмах того же Новгорода, под ногами, в горах мусора, валялись, к примеру, фрагменты фресок Феофана Грека...

А теперь представьте себе, обвалились бы, вот так валялись под ногами, вот так хранились бы в полузаброшенном неотапливаемом помещении фрески Сикстинской капеллы! Которые, кстати, на два-четыре века позднее новгородских... Да Европа бы со стыда сгорела, сквозь землю провалилась! Или, как в Софийском соборе — прошла бы трещина по фронтоу Кёльнского собора. А ее бы замазали с фасада и сделали вид, что все в порядке. Наверно, в Германии скандал бы разразился всенародный... А мы — ничего, даже и не узнали... А когда и узнали — тоже ничего...

Да, правители наши — люди темные. Для них хрен с редькой ценнее Спаса на Нередице. Потому как закуска. Но ведь они из нас вышли. Из нас. Вот и спросим себя: что ж мы за люди такие?

Постскриптум. Кажется, году в 2003-м специальным решением президента России были выделены деньги из резервного фонда для восстановления памятников истории и культуры в Пскове и Великом Новгороде. Не мне судить, велика ли сумма и намного ли ее хватит. Реставраторы говорят, что это капля в море. И действительно, если даже в Великом Новгороде все 147 церквей под угрозой полного разрушения, то страшно представить, в каком же они состоянии в других, менее известных краях. И сам принцип ведь все тот же: «специальное решение», «резервный фонд»... Сегодня кому-то что-то дали, завтра кому-то не дадут... Как будто из милости...

Никто не думает о том, что уходит на дно русская Атлантида. А если и уйдет, мало кто заметит и заплачет.

То есть никто не задумывается над тем же проклятым вопросом: что ж мы за люди такие?

Другого народа у нас нет

Для иллюстраций к этой книге искал я икону одного русского святого, преподобного Петра. Человека своеобразной, но и не такой уж необычной, по тем временам, судьбы. На мой взгляд. Во всяком случае, в письменных источниках нет ника-

ких свидетельств, что современники воспринимали его как нечто исключительное. А по нынешним представлениям, конечно, его судьба кажется фантастической. Достаточно сказать, что этот русский православный святой был правнуком... Чингисхана! Подробно о нем я рассказал в главе «Как Русь жила под игом». А сейчас о поиске. И, понятное дело, не только о поиске...

Обращался я во все церковные учреждения, университеты и институты. И ни в одном из них мне не могли помочь.

Да, есть «Жития...», изданные еще до революции и переизданные сейчас. Есть там краткое жизнеописание святого Петра. Нашел я и «Сказание...» о нем в «Православном сборнике» 1851 или 1861 года, вышедшем в Казани. Но вот где найти икону, изображение его — никто не мог мне подсказать. Как мне говорили, там нет даже каталога иконографии святых. То есть какой-либо поиск вообще невозможен. Разве что по памяти, по наитию...

Конечно, святых много, и, наверно, не все иконы сохранились. Жил Петр в далеком XIII веке, причислен к лику святых в XVI веке. Не успели его канонизировать, иконы написать и распространить, как началась опричнина, мор, а там — Смутное время, войны и пожары.

Все понятно и объяснимо.

Если бы... Если бы две большие фрески с его изображением находились не где-нибудь, а в Кремле! В Архангельском соборе.

Нынче о самом-то Петре можно и не знать. Говорю же, святых много... Но как можно было не знать о фресках Архангельского собора?

Тут я и смутился. Не знал, что и подумать о сотрудниках тех церковных учреждений, институтов, куда обращался за помощью. Так и не понял, то ли не захотели они себе лишних хлопот, то ли действительно не знали, где искать. Тем более, каталога у них нет...

(После выхода реплики в «Литгазете» в редакцию прислал письмо читатель Александр Горфункель из Бостона, США. Он сообщил, что в 1998 году в Санкт-Петербурге, в издательстве «Дмитрий Булавин», вышла двухтомная фундаментальная монография научного сотрудника Института русской литературы Глеба Маркелова «Святые Древней Руси: материалы по иконографии (прориси и переводы, иконописные подлинни-

ки»). Спасибо. Я как раз о том и пишу, что сотрудники духовных академий и институтов ничего этого не знают, и каталога у них нет.

И вспомнил историю давнюю, 1988 года. Тогда я случайно столкнулся с молодым человеком, который исподтишка распродавал рукописные старообрядческие книги XVII века! Ему досталась в наследство библиотека его умершего деда, старосты старообрядческой общины. И он ее сплавлял по отдельным томам всяким разным жучкам в букинистических магазинах. А поскольку я имел на него некоторое влияние, то накричал, обвинил в растрате национального достояния и велел больше не прикасаться к нашим сокровищам! А сам стал названивать во все известные мне церковные институты. И в патриархию, и в Лавру, и повсюду... И везде мне отвечали, что выкупить эту библиотеку не могут. И приводили разные причины. В первую очередь — отсутствие денег. А когда я удивился тому, что у могучей церкви нет небольших средств для приобретения небольшой библиотеки, мне сказали, что все средства ушли на празднование тысячелетия крещения Руси...

Ну, про светские организации я говорить не буду. Например, в МГУ мне сказали: «Да что вы! У нас свои книги гниют, хранить негде...»

К счастью, недели через две-три связался я с Сибирским отделением Академии наук СССР, с видным историком, членом-корреспондентом АН Николаем Николаевичем Покровским, крупнейшим специалистом по археографии. Он тотчас вылетел в Москву, осмотрел оставленные у меня две-три книги и мгновенно распорядился выкупить всю библиотеку и вывезти ее в Новосибирск. И вот за чаем я спросил Покровского: как же так, только-только началось у нас возрождение церкви и веры, как же понять такое равнодушие церкви к священным, редким книгам?

А Николай Николаевич ответил: «Надо было обращаться сразу к высоким церковным иерархам. А чиновники... они везде чиновники. Такие же, как и наши. Как мы. Откуда ж им взяться, другим?..»

Так что обыденная жизнь подсказывает: абсолютно прав Николай Николаевич. Как говорится, другого народа у нас для нас — нет.

Не лепо ли бѣшет, братие?

Наверно, интересно, но и невероятно трудно быть учителем литературы в нынешние времена! Ведь, к великому нашему счастью, выросло поколение, которое, обжегшись на наших догмах, уже не верит на слово и даже комментариям в книгах не доверяет. Подавай им первоисточник! Говорю это с уверенностью, потому что, по стечению обстоятельств, встречаюсь, общаюсь с ними.

Вот и недавно звонит юноша с ломким голосом, представляется студентом пединститута и спрашивает, учитывал ли я Симеоновскую летопись при написании статьи «Княжеский крест». Говорю: учитывал, есть ссылки на нее, но в сокращенный, газетный вариант статьи они не попали. Тогда он и спрашивает: а где можно прочесть эту самую Симеоновскую летопись? Потому что он впервые узнал о ней из комментариев академика М. Н. Тихомирова. И хочет самолично убедиться. Я сказал где. И после разговора задумался.

Что ответит учитель, если подойдет к нему ученик-студент и спросит: «А где мне прочесть «Повесть временных лет»? Ведь в хрестоматиях она в сокращенном, скажем так, виде. Как в приснопамятной хрестоматии для студентов педвузов, где вся «Повесть...» занимает страниц пять или чуть больше. То есть будущих учителей(!) учили и учат по «отрывкам из обрывков» И даже в «эпохальном проекте», в «книжном проекте XX века», как называли Библиотеку всемирной литературы, ПВЛ напечатана также в сокращенном варианте...

А ведь «Повесть временных лет» — основа основ древнерусской истории и литературы. Не случайно же ее называют Начальной летописью!

И остается только 8-томная серия «Памятники литературы Древней Руси». Тираж ее — 50 тысяч. И выпущена она «Художественной литературой» в далеком 1978 году.

А что же сделано, что издано в новой России, где на каждом шагу говорят о патриотизме и воспитании в патриотическом духе на примерах исторического прошлого? Есть у нас для школьников хороший сборник «Древнерусская литература» 1993 года выпуска, издательство «Школа-пресс», где «Повесть...» представлена очень широко. Но — тоже не в полном виде. И больше — ничего?

Звоню в Книжную палату. Там мне говорят, что были и есть отдельные издания «Повести...», но назвать затрудняются, надо наводить специальные справки. Звоню в центральную библиотеку своего округа. А округ — это несколько бывших московских районов, и населения в московских округах — до миллиона человек. То есть это центральная библиотека миллионного города. Нет там, в нашем округе во всяком случае, ни одного отдельного издания! А есть только упомянутый восьмитомник.

И что ответят преподаватели, если студенты спросят, где прочитать Симеоновскую летопись? А Никоновская летопись где издавалась? А Новгородская летопись?

Ни Симеоновской, ни Новгородской, ни Никоновской летописи в восьмитомнике нет.

Есть они только лишь в Полном собрании русских летописей (ПСРЛ), выходящем с 1841 года (прекращено в 1921-м, возобновлено в 1949-м) тиражом 1—2 тысячи экземпляров на недоступном читателю **церковнославянском** языке.

В Книжной палате обмолвились, что ПСРЛ — для ученых, да и нет в нем необходимости для людей, что называется, простых. Но в Москве-то простой студент может взять Полное собрание русских летописей в Государственной библиотеке или в Исторической библиотеке. А как быть пытливым молодым людям во всех прочих городах и всях страны? Наверно, в миллионном Екатеринбурге или Новосибирске, в академических центрах, и найдется драгоценное издание, а больше — нигде и ничего. И если ты живешь в районном или простом областном городе, то никогда не станешь новым Лихачевым! На чем расти молодым ученым?

Позвонил я тогда в Министерство печати. Там мне сказали, что об издании летописей и речи не может быть. Для этого необходимо принять специальную президентскую или правительственную программу и открыть отдельное финансирование.

Повторю: все это происходит (вернее, ничего не происходит!) на фоне громогласных речей о патриотизме. И еще: куда бы я ни звонил, всюду со мной разговаривали как с чудиком. Мол, нашел о чем беспокоиться в нынешние-то времена...

Скажите, а может, и вправду это пустяки и пишу я здесь о сущей ерунде?

Примечание 1. Но, к счастью, помимо государственного аппарата, который всегда найдет объяснение для своего бессилия или ничегонеделания, у нас теперь есть система частных, акционерных — одним словом, негосударственных издательств. И вот одно из них — «Языки русской культуры» — планомерно ведет выпуск русских летописей. В прекрасном полиграфическом исполнении. Гигантский проект! И осуществляется он по личной, частной инициативе директора издательства Михаила Ивановича Козлова и главного редактора Алексея Дмитриевича Кошелева. Которым от лица всех нас — низкий поклон.

А теперь, как водится, о недостатках. Которые, подчеркну, ни в коей мере не зависели и не зависят от издательства, от издателей. Эти тома — **репринтное**, то есть фотографическое воспроизведение Полного собрания русских летописей, издававшегося с 1841 года. Конечно, ученым важен оригинал. Но если мы хотим, чтобы летописи дошли до читателей, то обязателен (обязателен!) перевод летописей на современный русский язык.

Иначе мы имеем нелепейшую ситуацию: национальное достояние, **недоступное** нации.

Может быть, самоотверженные издатели на меня и обидятся, но не сказать я не могу. При всем уважении к их труду. Можно ли сейчас, имеет ли смысл сейчас выпускать, к примеру, Лаврентьевскую летопись без анализа, сделанного Г. М. Прохоровым, Л. Н. Гумилевым, другими учеными! Равно как и остальные летописи. Это ведь чемодан без ручки и без ключей от замков. Как 50 и 200 лет назад. Даже сам текст недоступен. **Церковнославянский!**

Отсутствие научного комментария просто-напросто означает, что мы в издании летописей остановились где-то в изначальных временах...

Понятно, что частному издательству такая гигантская работа не по силам. А настоящее издание, с переводом на русский язык и с сопутствующим научным аппаратом, под силу только Академии наук при полной и безоговорочной поддержке государства.

Примечание 2. Хочешь не хочешь, а среда навязывает свои правила. Поневоле рассуждаешь о том, о чем *они* рассуждают: о *целевом финансировании*, о *федеральной программе*. То есть пе-

реходишь на *их* язык. А значит, становишься хотя бы частично таким же, как *они*. Вместо простых и ясных слов несешь чиновничий камуфляжный бред. Вместо того чтобы коротко, специально для *них*, чтобы *им* понятно было, повторить:

Русские — единственный народ в мире, который не имеет полного собрания своих летописей, изданного на современном русском языке!

Это называется — **национальный позор**. То есть — **позор нации**.

Но опять же — для кого позор? Для интеллигенции. Которая не имеет ни власти, ни денег. А для чиновников от науки и государственного аппарата позор — это если тебе дадут служебную «Волгу», а не «Ауди», к примеру. Это да — позор. А всего остального они *просто* не понимают. И это нам тоже надо уяснить — *не понимают*.

Это не инопланетяне, а что-то вроде мутантов. Ведь они всерьез обсуждали, как потратить **сотни миллионов** рублей, которые они же выделили себе в бюджете на **встречу** третьего тысячелетия.

Вот и докажите мне теперь, что они не мутанты?

Примечание 3. Должен заметить, что существует прямая связь между цензорами-охранителями и ворами-пофигистами. Не случайно же многие современные воры-расхитители в прошлом были яркими слугами режимов, охранителями устоев и т. д. Напомню, когда российские академики по инициативе первого русского историографа Герарда Миллера в 1734 году обратились к Сенату за разрешением на издание летописей **в полном виде**, то Сенат переадресовал прошение ученых Синоду, а Синод **запретил**, постановив, что летописи полны лжи и позорят русский народ. Эту заботу о русском народе рьяно продолжал коммунистический режим до 1991 года. А когда он пал, многие бывшие слуги режима и рьяные охранители мгновенно превратились в воров-пофигистов. С воровством — оно понятно. А пофигисты потому, что все остальное им просто по фигу. Они этого и не скрывают. А бормотание про «целевое финансирование» и прочее — обыкновенное «пудрение мозгов», на их языке. Конечно, можно бы и не опускаться до их языка, сказать — «отговорка», но слово «отговорка» и в сотой доле не передает главное — безмерный наглый цинизм этих людей у власти.

Примечание 4. Но ругая *их*, подумаем и о себе. Сколько у нас общественных организаций, пекущихся о русском национальном возрождении. Вот уже сколько лет во всех газетах я кричу о том, что у нас нет свода летописей на русском языке, и ни одна из этих организаций даже не откликнулась, не поддержала. Странно, не правда ли?

Глава 24

ПЕТР ПЕРВЫЙ — ОПЛОТ АЗИАТЧИНЫ В РОССИИ

О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте уздой железной
Россию поднял на дыбы?

*А. Пушкин. «Медный всадник».
Санкт-Петербург, 1833 г.*

А 140 лет спустя, в 1973 году, уже в другом Питере, городе Петропавловске Северо-Казахстанской области, в редакции областной газеты «Ленинское знамя» мой учитель и старший товарищ, провинциальный философ и мыслитель Леонид Иванов читал мне такие строки: «Хотел Россию вздернуть на дыбы? Но вздернул лишь на дыбу...»

Прошло еще 30 лет. Трехвековой юбилей Санкт-Петербурга. В парке 300-летия города планировалось установить 74 бюста русских великих князей и царей. А в центре композиции — Петр Первый у символического окна в Европу. Проект Зураба Церетели. Но в последний момент губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко отказалась от него.

Как уверяют в Академии художеств, теперь этот проект переносят в Москву, в Екатерининский парк. Один Петр Первый уже высится над Москвой. Опять же работы Церетели. Царь Петр у корабельного штурвала. И рулит Россию, как мы считаем, в Европу.

В общем, символ и средоточие того, **как править Россией и куда ее вести.**

А ведь то, что мы привычно думаем и говорим о Петре Первом, — факт коллективного помрачения разума. Или шизоф-

рении. В особо тяжких размерах. В масштабах огромной страны. Сначала России, потом Советского Союза, теперь снова России.

Правление Петра длилось 36 лет. Поворотная эпоха в истории.

Оценки деяний Петра уже устоялись. В двух вариантах. Они дискутируются в русском обществе уже три века. Одни говорят, что Петр свернул Россию с исконного русского пути в порочную Европу и тем погубил. Другие — что недовернул, не довел нас до Европы, не вытравил до конца расейское, нутряное и отсталое.

Однако и те, и другие сходятся на одном ключевом слове — **Европа**. Мол, повернул в **Европу**. Или — недовернул до **Европы**. Вот это и вызывает у меня недоумение. А точнее — оторопь. На мой взгляд, мы имеем случай массового исторического самогипноза. Ни о какой **Европе** речи не было, нет и быть не могло! Даже при первом приближении очевидно, что ни к какой **Европе** нас Петр не повернул, а совсем наоборот — в **Азию** он нас завернул, в **Азию**! А точнее — в азиатчину. Еще точнее — вверх страну в пропасть жутчайшего азиатского деспотизма.

Тянуть Русь в Европу не было никакой необходимости. Русь, русские — были и есть исконно европейская нация.

Хотите пример от противного? Киевская Русь называлась каганатом — Киевский каганат, Русский каганат. Великий Киевский князь назывался каганом. У русских князей Средневековья половецкой крови было не меньше, чем славянской. Наверно, больше трети дворянских родов — оттуда, тюркско-ордынского корня. При таком тесном контакте, да еще как минимум 250-летней зависимости от Золотой Орды, должно быть осязаемое во всех сторонах жизни наследие, отпечаток. А что мы имели и имеем? Ну ничего степного не прижилось в российском быту, в бытотипе. Даже чай с молоком не прижился! Русские перемалывали все тюркско-ордынско-степное, а также балтийское, угро-финское, и все вместе они составляли русскую европейскую нацию и шли путем **европейской цивилизации**. Без всяких особых усилий — **естественным образом**! Безусловно, сказался выбор веры — христианской, православной. Но наверняка здесь было и нечто более глубинное, исконное, запрограммированное от природы. Как нынче говорят, национальный менталитет.

И никакого такого особого пути у Руси не было. А был обычный путь европейской страны, пусть и не очень простой.

Ибо что считать европейскостью? Насильственное бритье бород и питье кофия? Передовую технику и придворные манеры? Все это мы перенимали и перенимаем с петровских времен — и все равно почему-то отстаем. Потому что Европа — это прежде всего система общественного, политического устройства. Начиная, к примеру, с английской Великой хартии вольностей (1215 г.), никак не совместимой с нашим крепостным правом.

История Европы — это история борьбы монархов с феодалами и вольными городами. Полную победу в ней не одержал никто. Но в ее процессе укреплялась и центральная власть, и в то же время у власти отвоевывались и законодательно закреплялись имущественные и гражданские права сословий, народа, всего населения. Как в советско-марксистские времена говорили, закон единства и борьбы противоположностей. Диалектика, однако.

А церковь при этом была как третейский судья, как высшая, духовная сила. Так и пришли европейские страны к нынешним конституционным монархиям и парламентским республикам.

Той же дорогой шла и Россия. И у нас со временем боярская оппозиция и Боярская дума стали бы парламентским, общегражданским институтом. Если бы ей не переломили хребет. Начал первый русский царь Иван Грозный, а завершил первый российский император Петр Первый. Оба они, борясь с боярством, использовали вечный конфликт отцов и детей. Молодость всегда отрицает опыт старших, хочет по-своему... Равновесие здесь устанавливает сама жизнь. Но когда власть вооружает и натравливает младших на старших, получается не прогрессивная молодежь, а опричники и хунвэйбины. До сих пор никто не задумывается: а что это значило — публично остричь бороду достойному старому человеку, боярину? Тогда представьте, что вас, мужчину, показательно насилуют на сцене, *опускают* — вот что это значило, потому что борода в те времена считалась символом мужского боярского достоинства. Поэтому-то историк князь Трубецкой считал петровских соратников подонками и проходимцами: *«Достойные русские люди не могли примкнуть к Петру...»*

Петр довершил разгром боярства, начатый Иваном. Динамическое, диалектическое равновесие в обществе было разрушено. Началась эпоха азиатского абсолютизма. Потому что Иван и Петр в зародыше уничтожали и уничтожили семена общегражданских институтов власти. А Петр устранил и церковь как центр духовной власти, влияющий на власть светскую. Третьей судью, который стоит и над царями, и над людьми. Он упразднил патриаршество, ввел Священный Синод, полностью подчиненный самодержцу. То есть поставил церковь на службу власти. Что еще разрушительней для общественного сознания.

Результат известен.

Не случайно же для **Сталина** образцами государственных деятелей в русской истории были именно Иван Грозный и Петр Первый. Не случайно же сталинская и послесталинская пропаганда насаждала их исторический культ в нашем сознании. И это было легко. Все уже сделано в 1917 году. По сути вся страна — взбунтовавшиеся большие и малые дети. Которые с восторгом смотрели талантливейший фильм «Петр Первый», сформировавший сознание всех ныне живущих поколений советских и российских людей. Грудь вздымалась и глаза горели — вот как надо, отречемся от старого и замшелого мира, вперед по пути прогресса, в Европу! И президент Путин смотрел его, как и все мы, несколько раз, наверно. Не случайно же он говорит, что Петр для него — образец политического деятеля.

Вот так в нас вбивали и вбили, что европейский путь — это когда вся страна зажата в едином кулаке. При помощи Всеобщей Бюрократической Системы, основателем которой, кстати, был Петр Первый и которая живет до сего дня даже в деталях, в той же Табели о рангах, воссозданной ныне российским чиновничьим аппаратом. А как писал опять же Маркс, собственностью чиновников является само государство.

Унижая и отрицая все русское, превознося и насаждая все западное, Петр Первый породил в русских людях жесточайший комплекс неполноценности. Который разрывает сердца и души до сих пор. С одной стороны, вроде бы Европа, но, с другой стороны, Европа-то нас за своих не считала и не считает. Отсюда всевозможные комплексы и оглядки. Метания и страдания души. Чаадаев убеждал, как прекрасно и благотворно для народа, общества и государства европейское католичество по

сравнению с нашим православием. Тургенев, долго живший и умерший во Франции, писал, что русский человек ведет себя за границей так, будто там каждый имеет право дать ему в морду. А Достоевский отчаянно вопрошал: кто мы есть и что мы есть перед лицом просвещенной Европы? Отсюда и взрывы, крайности русского человека — от самоуничужения до высокомерия, от добродушия до агрессии и угроз разнести к чертовой матери весь европейский дом саблями или ракетами.

Комплекс неполноценности — страшная разрушительная сила.

Именно со времен Петра Первого русский человек стал стыдиться самого себя, своей истории, отрекаться от своего прошлого. Именно с того времени и возникла история Руси и России, полностью написанная под диктовку Запада. Еще академик Бартольд отмечал: *«Русские ученые следуют большею частью по стопам европейских и большей же частью принимают взгляды, установившиеся на Западе».*

Очевидно и ходом времени показано и доказано, что фундамент петровского государства, несмотря на его сталинскую колоссальность, на самом деле крив, страшен, не приспособлен для строительства хорошего дома и житья в нем. А мы так и живем. Наследием Петра. По-прежнему считая, что «Петр Первый» и «Европа» — синонимы. А каковы синонимы — таковы и антонимы. Отсюда и **чудовищные разрывы сознания, совмещение несовместимого**. В повседневной жизни у нас, в отличие от Запада, символ государства — чиновники. В то же время никто им и на грош не верит. По опросам социологов, две трети россиян уверены в низком своекорыстии губернаторов, половина их не уважает, а каждый третий считает их просто-напросто преступниками. Тогда кто же их выбирал, этих губернаторов? Немцы, что ли... При этом большинство россиян тоскует по «сильной руке» и полагает Россию особой цивилизацией, где никогда не привьется европейский образ жизни...

То есть дело не в Петре и не в катаклизмах его времени. История есть история. Что было — то было. Дело в том, **что и как** мы сегодня думаем о Петре. По опросам социологов, из всех монархов Петру Первому отдает предпочтение **почти половина россиян**. А как думаем — так и действуем, так и живем. Неточная мысль — разрушительна.

Разруха — она в головах.

Дополнительная информация. Про *окно в Европу* думал и говорил не Петр Первый, а Франческо Альгаротти. О чем Пушкин уведомил читателей в первом же примечании к «Медному всаднику». Ф. Альгаротти (1712—1764) — итальянский писатель, знаток искусств, популяризатор наук, путешественник, авантюрист, жуир и бонвиван... Сам Казанова ревновал к его светской славе и донжуанским похождениям, а Вольтер называл его «лебедом из Падуи», которому «небо подарило искусство любить, писать и нравиться»... Вот сей «лебедь» и написал: *«Петербург — это окно, через которое Россия смотрит в Европу»*. (Ф. Альгаротти. «Письма о России», 1739 г.) Пушкин, прочитав книгу, вложил этот яркий и сильный образ в думы Петра. Сам же Петр будто бы говорил: *«Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны вернуться задом»*. Это записал приближенный к императору человек, граф Остерман. *«Итак, сближение с Европой было в глазах Петра только средством для достижения цели, а не самой целью»*. (В. Ключевский. «Курс русской истории», 1937 г.)

Глава 25

ТРИУМФАЛЬНАЯ АРКА

*Суворов, Румянцев и Потемкин — мифы и дела,
хула и хвала, забвение и слава*

— Напечатают после смерти, — сказал мне мой старший друг и товарищ. — А пока забрось в стол и забудь. Иначе тебя заклюют. Пойми, у людей есть предел покушения на их миражи и мифы. А Суворов — это уже предел... Это неприкосновенно!

Так говорил мне мой старший товарищ, немало испытавший за свою широко известную книгу. Но все-таки!.. Он — человек во многом уже отошедшего времени, и скорее всего преувеличивает... очень уж ему досталось в свое время за попытки написать ту правду о войне, которую он знает. Ну а со мной-то, убогим, что сделают? С работы не уволят — я безработный, из партии не выгонят — беспартийный. Разве что по всем газетам и журналам дадут негласное указание не печатать меня — так это по нынешним временам вроде и невозможно. Хотя у нас все может быть...

Простите за долгое вступление, но был такой разговор. Наверно, все это выеденного яйца не стоит. Но я никогда ни о чем таком не думал, и потому сейчас, взбудораженный и замороженный, не в состоянии объективно оценивать... Однако в любом случае прятать в стол не буду. В конце концов, интересно же, как это воспримут. Добавлю лишь, что не привожу никаких так называемых *новых фактов*. Все взято из **общедоступных источников**, в основном и прежде всего — из **энциклопедий**. Можно сказать, что перед вами **энциклопедическое** расследование...

Но все-таки, для начала, в качестве буфера, два примера из ближних, советских времен.

Мыльный пузырь Ворошилов

Военный культ и славу полководца Ворошилова нынче и представить трудно. Вся страна мужского пола и призывного возраста горланила: «Ведь с нами Ворошилов — первый красный офицер. Сумеем кровь пролить за Эсэ-сэ-сэ-эр!» А еще пели: «Когда нам даст приказ товарищ Сталин, и первый маршал в бой нас поведет!» Первый маршал — это он, Ворошилов.

И никто не задумывался: а чем командовал *полководец* Ворошилов? Отвечаю: отрядом луганских рабочих, который привел к Царицыну, где и встретился со Сталиным. С 1919 года он — при Буденном. Член Реввоенсовета 1-й Конной армии. И — все? Да — и все.

Если не считать провала Ленинградской обороны в 1941 году, после чего Сталин его и близко не подпускал к действующей армии.

Ворошилов — *легендарный* герой Гражданской войны. Он — дважды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза, его именем названы были четыре города, одна область и одна ГРЭС.

Каратель Тухачевский

А на чем возник миф о Тухачевском? Анна Ларина (вдова Бухарина) писала в мемуарах, что в СССР в тридцатые годы его даже по фамилии не называли. Говорили: Михаил Николаевич — и все знали, кто это такой.

Что сделал, чем командовал Тухачевский в Гражданскую войну? Пятой армией на Восточном фронте, под руководством Фрунзе. Он в 1919 году взял штурмом Петропавловск. Какой Петропавловск, Камчатский, что ли? Да нет, Казахстанский тот, что между Курганом и Омском. И это действительно достижение Тухачевского. Довольно значительное в общем успехе Восточного фронта. Петропавловск — крупнейший тогда железнодорожный узел, одновременно ворота в Россию, в Сибирь и в Азию. Сам Колчак писал, что с падением Петропавловска участь его будет решена. Так что Петропавловская операция Пятой армии по ее значению в той кампании была крупным успехом, почти решающим.

Затем Тухачевского назначили командовать уже фронтом — Западным фронтом. Где он потерпел сокрушительное поражение. Красную армию из Польши изгнали. Да, конечно, он, может, и не виноват; наверно, красная идея и Красная армия тогда исторически не могли прижиться и победить на западной польской земле. Но в любом случае для командующего, военного человека — это провал и клеймо. И тем не менее — Тухачевский был возвеличен. За что?

Тухачевский командовал 7-й армией, которая подавила Кронштадтское восстание против коммунистов в 1921 году.

Тухачевский командовал особой группой войск, которая подавила Тамбовское восстание крестьян 1920—1921 годов. Причем с применением химического оружия...

А это — заслуги!

Во все времена и при всех режимах.

Во все времена и при всех режимах внутренний враг, крамольник, ненавистнее и опаснее любого внешнего. И во все времена власть особо отличала тех, кто подавляет внутреннего врага. А уже потом создаются мифы о необыкновенных военных талантах, успехах и прочем...

Комдив Суворов

Как ни странно, никто толком не знает, сколько у нас было русско-турецких войн. Не то шесть, не то восемь или девять, если считать Азовский и Прутский походы Петра Первого и военное столкновение Миниха с турками опять же на Пруте...

А ведь русско-турецкие войны длились, с перерывами, сто лет! Но советская история старалась их по мере возможности умолчать, потому как войны были колониальные, империалистические, между двумя империями — Российской и Османской... Вот и остались у нас от той эпохи лишь название одной крепости да фамилия одного человека — Измаил и Суворов! Да еще звучное, редкостное воинское звание — генералиссимус! Так мне с детства и запомнилось — штурм Измаила и генералиссимус! Как равнозначные...

В дореволюционных и советских энциклопедиях о Суворове Александре Васильевиче пишут одинаково: *«Величайший русский полководец... одержал победы при Козлудже (1774), Кинбурне (1787), Фокшанах (1789), Рымнике (1789) и штурмом овладел крепостью Измаил (1790)».*

В двенадцать лет записанный в лейб-гвардии Семеновский полк, Суворов действительную службу начал в пятнадцать лет (по другим сведениям, в восемнадцать лет: вообще, о раннем периоде его службы практически нет точных сведений), был рядовым, капралом, прошел все ступени. Военная карьера Суворова, хотя он и был сыном генерал-аншефа, складывалась тяжело. Может, причиной тому стали его чудачества. А может, чрезмерное рвение, даже фанатизм. Иностранец Фалькони, наблюдавший уже генерала Суворова в лагерях под Тульчином, писал: *«Наш почтенный старик здоров; он очень доволен своим образом жизни: поля, учения, лагеря, беспрестанное движение; ему ничего больше не нужно, чтобы быть счастливым».*

То есть Суворов — фанатик военного дела и военной жизни. Таковым, видимо, был всегда. А фанатиков не любят. Одно дело, когда фанатик — генерал, и совсем другое — капрал или капитан. Истовые служаки — как бы укор остальным: мол, видите, я живу армией, а вы в это время пунш пьете и девок любите... Кому ж такое понравится. Наверно, именно поэтому и не давали хода Суворову в начале службы... Первый офицерский чин он получил в 24 года. По тем временам иные в 24 года уже генералы. А Суворов — командир полка в 32 года. (И то благодаря случаю, попав пред светлые очи императрицы, во дворец, куда прибыл в качестве курьера.) Генерал-майор — в 40. Командир корпуса — в 52 года. В таком возрасте уже заканчивали военную карьеру и умирали от старости. Потемкин умер

в 52 года, успев побывать правителем России и наместником царя и бога в Малороссии и Новороссии...

В русско-турецких войнах Суворов командовал дивизией и корпусом. И его победы там, при всей талантливости командира, быстроте и натиске его войск, стремительном и неожиданном маневре, — это *дивизионные, корпусные операции* в рамках большой войны. Такой большой, что невозможно говорить о каком-либо их влиянии на общий ход событий.

Измаил сначала взял Румянцев, потом его отбили турки, потом его взял Суворов, потом снова отдали и так далее...

Шла **титаническая битва стран и народов** на неизмеримых пространствах. Россия и Турция — два гиганта, перед которыми трепетала тогдашняя Европа, — вели циклопическое противоборство за нынешние Молдавию, Украину, Крым, часть нынешней Болгарии и Румынии, Черное море, Северное Причерноморье и Северное Приазовье...

Эта война с перерывами длилась **век!** И что такое на этом фоне даже взятие Измаила? Эпизод... В той войне не могло быть и не было каких-либо **решающих** или **переломных** сражений — было лишь постепенное и неуклонное продвижение Российской империи на юг...

И Суворов в той войне, при всех его талантах и известности, **полководцем не был и не мог быть** просто по причине занимаемых невысоких должностей. Не может быть **полководцем** командир дивизии или корпуса — уровень и масштаб деятельности не тот.

Полководцами той войны были Петр Александрович Румянцев и Григорий Александрович Потемкин.

Триумфатор Румянцев

Румянцев — герой Семилетней войны, он Командовал кавалерией в битве при Гросс-Егерсдорфе, исход которой и исход войны вообще решила знаменитая атака конницы Румянцева. Его славе в войсках завидовал и ревновал главнокомандующий русской армией фельдмаршал Бутурлин. Румянцеву благоволил император Петр III. После его убийства и захвата престола Екатериной II Румянцев закономерно решил, что он теперь не ко двору, и подал прошение об отставке. Однако

Екатерина удержала его на службе, и в 1764 году назначила генерал-губернатором Малороссии.

Став главкомом на русско-турецком фронте, Румянцев, несмотря на громадное численное превосходство противника, сразу же перешел в неожиданное наступление. (Впоследствии эту тактику ошеломления врага переймет и разовьет служивший под его началом Суворов: «Удивить — значит победить», и она станет называться *суворовской*.) В первом же сражении, при Ларге, 25-тысячный корпус Румянцева разбил 80-тысячную турецкую армию.

«Еще более прославила имя Румянцева победа, одержанная им... над вдесятеро (Подчеркнуто мною. — С. Б.) сильнейшим неприятелем при Кагуле и вознесшая Румянцева в ряд первых полководцев XVIII века. После этой победы Румянцев шел по пятам неприятеля и последовательно занял Измаил, Килию, Аккерман, Браилов, Исакчу, Бендеры... Румянцев с 50-тысячным войском выступил против 150-тысячной турецкой армии, которая, избегая битвы, сосредоточилась на высотах у Шумлы. Румянцев с частью своего войска обошел турецкий стан и отрезал визирю сообщение с Адрианополем, что вызвало в турецкой армии такую панику, что визирь принял все мирные условия. Так заключен был Кучук-Кайнарджийский мир, доставивший Румянцеву фельдмаршальский жезл, наименование Задунайского и другие награды» («Брокгауз и Ефрон»).

Прерву цитату. Добавлю: по Кучук-Кайнарджийскому миру Россия получила Азов, Керчь, Еникале, Кабарду, Кинбурн, устья Дона, Буга, Днепра и Керченский пролив.

Далее:

«Императрица увековечила победы Румянцева памятниками-обелисками в Царском Селе и в Санкт-Петербурге и предлагала Румянцеву «въехать в Москву на триумфальной колеснице сквозь торжественные ворота», но он отказался» («Брокгауз и Ефрон»).

Вы понимаете? Румянцеву предложили небывалое и невиданное в России чествование триумфатора. Как в Древнем Риме! А он сказал: да ну ее, эту Триумфальную арку вместе с колесницей, и уже тем более ну ее на фиг эту войну и Османскую империю! Я свое дело сделал — буду теперь чай пить на деревенской веранде.

Попробуем вспомнить: кто из полководцев, начиная с античных времен, отказался от триумфа и триумфальной арки с колесницей?! Не вспомним...

Современники отмечали, что Петр Александрович Румянцев вообще не любил войны, не любил жестокостей. Именно об этом и написал Державин в своей оде:

Блажен, когда стремясь за славой,
Он пользу общую хранил,
Был милосерд в войне кровавой
И самых жизнь врагов щадил;
Благословен среди поздних веков
Да будет друг сей человек.

Петр Александрович Румянцев умер в 1796 году. В забвении.

Его старший сын — Николай Петрович Румянцев — был канцлером России. Личное собрание рукописей, книг и картин Н. П. Румянцева стали основой Румянцевской (Российской Государственной) библиотеки и Румянцевского (Пушкинского) музея.

Империя Потемкина

Массовый читатель знает о Потемкине только то, что он строил «потемкинские деревни». Удивительно, что самая показушная на белом свете советская власть попрекала Потемкина показушными «потемкинскими деревнями»! А они были! И в прямом, и в переносном смысле. Уж такой человек Григорий Александрович Потемкин — феерический, безудержный во всем. И в делах, и в похвальбе.

Он ведь был сатрап, прокуратор в античных смыслах этих слов! Удельный князь. Наместник Юга России. Целого государства — Новороссии! У него свой двор в Яссах, обустроенный с азиатским великолепием и пышностью. И когда Потемкин приезжал в Петербург со своей свитой — это было похоже на прибытие индийского раджи, примерно так...

Потемкин стал наместником Новороссии и одновременно продолжателем завоеваний Румянцева — командующим войсками в русско-турецкую войну 1787—1791 годов. В которой и

были победы Суворова на Кинбурнской косе, при Фокшанах, Измаиле. По Ясскому миру Турция окончательно уступила России Крым, Тамань, Очаков и левый берег Днестра. И тем не менее эта война была для Потемкина эпизодом, всего лишь частью его гигантской деятельности по дальнейшему завоеванию, удержанию, укреплению и устройению Юга империи.

Впрочем, давайте я перечислю «потемкинские деревни» — и все вам станет ясно.

Потемкин создал Черноморский флот. Когда Екатерина в сопровождении иностранных гостей приехала в Севастополь, иностранцы онемели от вида Севастопольского рейда с эскадрой в 15 больших и 20 маленьких кораблей.

Потемкин заложил город Николаев.

Потемкин заложил город Херсон — мощную крепость на юге России.

Потемкин заложил город Екатеринослав, нынешний миллионный Днепропетровск, — центр советского космического ракетостроения.

Потемкин пригласил и заселил безлюдные края колонистами. В степях, где носились только разъезды крымских татар, через каждые 20—30 верст возникли села.

Потемкин принуждал людей сажать леса и разбивать виноградники, затеял развитие шелководства(!), построил школы, фабрики, типографии, торговые порты и верфи.

Потемкин замыслил университет и консерваторию в Екатеринославе, но не успел...

И все это — за каких-то пятнадцать(!) лет.

Причем все отмечают, что шума и грома, показухи, суматохи, начатых и брошенных проектов было гораздо больше, чем дел. Но если *таковы* были дела, то представляете, какова же была тогда *шумиха*?!

Подозреваю, что он в своем размахе не различал проектов и прожектов, реальности и фантазий. Например, он подавал Екатерине записку с проектом овладения Крымом. Сбылось? Сбылось! Но тогда же, в 70-е годы, у него был и проект восстановления(?) Византии(?) с внуком Екатерины на константинопольском троне! Быть может, просто не успел?.. Руки не дошли?..

Вот такой был титанический, феерический человек — Григорий Александрович Потемкин, светлейший князь Тавричес-

кий, гетман казацких екатеринославских и черноморских войск. Завоеватель, основатель и устроитель Юга России, как тогда называлось — Новороссии.

Он и умер не в постели, хотя и болел, а в дороге, на пути из Ясс в Николаев, 5 октября 1791 года.

Императрица Екатерина назвала его великим и гениальным человеком.

Малоросский нюанс

Румянцев и Потемкин были принижены не только советской историей. И дореволюционное официальное и неофициальное общественное мнение так или иначе замалчивало их деяния. Скажем точнее: не воздавало должного. Почему же?

Если бы речь шла только о Потемкине, то ответ прост. Фаворитов всегда не любят, а уж фаворитов прошлых царствований без опаски предают хуле. Что бы такой человек ни свершил, все сведут к «потемкинским деревням» и к постели императрицы...

Но Румянцев-то не был фаворитом в этом смысле! Однако ж и его замолчали.

Возможно, в какой-то мере это вызвано тем, что еще при царствовании Екатерины и впоследствии немалую власть и влияние в России при дворе, в самых разных государственных и общественных институтах получили, заняли или завоевали выходцы из Малороссии. Сразу же приходят на память фамилии канцлеров Безбородко и Разумовского, **правителей России**. А у них были младшие братья (к примеру, Кирилл Разумовский руководил Академией наук), многочисленные родственники и сторонники. И вообще, XVIII век в России стал в какой-то мере веком вхождения выходцев из Малороссии в государственное управление страной. Разумеется, они были имперскими служащими, всегда и во всем действовали на благо империи. Но малоросское происхождение могло дать о себе знать. По крайней мере по отношению к Румянцеву и Потемкину. Ведь это они, Румянцев и Потемкин, окончательно завоевали Украину. Это при них уничтожили Запорожскую Сечь, последний оплот казачьих вольностей, отменили гетманство на Ук-

раине и сделали Малороссию губернией в составе России. Румянцев, как свидетельствуют источники позапрошлого века, решительно *«занимался введением общерусских порядков в Малороссии»*, а Потемкин заселил ее колонистами из русских губерний. И возможно, вольно или невольно, а в противовес им выдвигался везде и всюду Суворов — как человек без протекций, почти самородок, всего достигший своим умом и талантом, простой офицер, всего лишь выполнявший приказы и непричастный к колонизации Украины.

А в советские времена страной 30 лет(!) руководили выходцы с Украины Хрущев и Брежнев. И соответственно, везде и всюду были их ставленники-земляки. Как мы тогда острили, история России делится на три эпохи: допетровская, петровская и *днепропетровская...* Да и вообще, в советские времена об имперских завоеваниях России старались не говорить...

Усмиритель Польши

Суворов стал генерал-аншефом и фельдмаршалом еще при жизни Потемкина и Румянцева. Но не за победы в русско-турецких войнах.

В 1768 году началось восстание польских конфедератов против короля Станислава Понятовского. Императрица Екатерина решительно поддержала Станислава. И отправила в Польшу русские войска. С чего и начались три раздела Польши, проведенные Екатериной. В той операции Суворов командовал Суздальским полком. Как сказано в *«Биографическом словаре Брокгауза и Ефрона» «здесь Суворов имел случай проявить свои блестящие дарования»*.

После этой польской кампании Суворов получил первое генеральское звание — генерал-майора. В 40 лет.

В 1774 году Суворова отправили на подавление восстания Пугачева. К тому времени Пугачев был уже разбит, бывшие соратники предали его, связали и выдали. Суворов конвоировал Пугачева из Яицкого городка к командующему войсками графу Панину в Симбирск, вез его в деревянной клетке.

«Суворов от него не отлучался. В деревне Мостах случился пожар близ избы, где ночевал Пугачев. Его высадили из клетки, привязали к телеге вместе с его сыном, резвым и смелым мальчиком, и

во всю ночь Суворов сам их караулил... Панин и Суворов целый год оставались в усмирённых губерниях... искореняя последние отрасли пресечённого бунта». (А. Пушкин. «История Пугачёва».)

В то время Суворов был генерал-поручиком.

Далее по биографии: «После присоединения Крыма к России (1783) Суворов должен был привести в покорность ногайских татар, что и было им исполнено, несмотря на значительные затруднения. В 1786 г. он произведен в генерал-аншефы и назначен начальником Кременчугской дивизии».

Командир дивизии...

В 1794 году в Польше вспыхнуло восстание под предводительством Тадеуша Костюшко. Суворова бросили на его подавление. «За ряд одержанных им побед... награжден был чином генерал-фельдмаршала». А в старой советской энциклопедии, где его также называют величайшим полководцем, уточнено: «Проявил крайнюю жестокость...»

Вот такой послужной список: полторы русско-турецкие войны в чине командира дивизии и командира корпуса, а все остальное, увы, карательные экспедиции — польские конфедераты, пугачёвщина, ногайские татары, снова польские повстанцы...

Отдельный вопрос — почему Суворов был так возвеличен не только Екатериной Второй и Павлом Первым, но и Сталиным? Участвовал в пленении Пугачёва, подавлял восстание Тадеуша Костюшко — никак не подходит в коммунистические святцы. Быть может, ответ кроется в одном слове — Польша!?

Польша всегда была болезненной и раздражающей занозой для правителей Российской и Советской империй. А для Сталина — особенно. Он имел прямое отношение к Польскому походу 1920 года под командованием Тухачевского, который закончился полным поражением красных войск. Сталин в четвертый раз разделил Польшу в 1939 году, уже совместно с Гитлером. Обратите внимание, в каких выражениях говорил об этом один из ближних поделщиков Сталина — Ворошилов с трибуны Верховного Совета СССР в 1939 году: «Оказалось достаточно короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, затем — Красной армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого порождения (подчеркнуто мною. — С. Б.) Версальского договора».

Вот на чем, на неприязни к Польше, возможно, и сошлись Екатерина Вторая и Сталин Первый!

Все остальное в биографии Суворова для них уже могло не иметь значения. Все остальное можно повернуть, перевернуть, просто умолчать или преувеличить. Что и происходило все эти два века...

Главком Европы, или Военный гений, от которого отвернулась судьба

Румянцев и Потемкин ушли в мир иной. Остался Суворов. И пробил его час. Европейская звезда Суворова-полководца взошла в 1799 году, когда было ему 69 лет! Мафусаилов возраст по тем временам! Суворов получил в командование 100-тысячную австро-русскую армию. Впервые за полвека военной службы — абсолютно самостоятельный, не подчиненный. Задача его была, современным языком говоря — воспрепятствовать экспорту французской революционной смуты и заразы в Италию и восстановление там монархических порядков. Все это вызывало и вызывает некоторое смущение историков и политиков. Мол, опять тень карательной экспедиции...

Но я, признавая и даже напоминая, к неудовольствию многих, о карательной роли Суворова в пределах Российской империи (включая и Польшу), тут решительно не согласен. Ведь французская экспансия была? Была! Армия во главе с Наполеоном вторглась в Италию. На защиту Италии встали объединенные международные силы — Австрия, Великобритания, королевства обеих Сицилии, Пруссия, Россия, Турция. То есть поход Суворова и по форме, и по сути был и должен рассматриваться как обуздание международного агрессора — Франции!

И вот тут Суворов, повторю, впервые единовластный царь, бог и воинский начальник, проявил себя во всей полноте! За четыре месяца он разгромил французов и изгнал французские войска из Италии, взяв, как игрушечные крепости, Брешию, Адду, Милан, Турин, Треббью, Мантую, Нови... Это были те самые молниеносные суворовские марш-броски, неведомые европейским военным и сформулированные Суворовым в три слова: *глазомер, быстрота, натиск*. Гениальный Суворов-полководец был для тогдашней медлительной Европы как ураган! По фантастической стремительности наступления рядом с ним можно поставить, пожалуй, только Карла XII и Наполеона...

И вдруг — какая-то пауза, австро-русские переговоры, а затем Суворову приказывают идти в Швейцарию на соединение с корпусом Римского-Корсакова. И получалось, что русские войска из Италии выводятся и... сводится на нет присутствие России в Италии. Но наверняка австрийские политики имели в виду и Францию, куда устремился бы Суворов. Русский полководец и русские войска, занявшие практически всю Европу, — вот чего боялся австрийский двор. То есть Австрия в рамках союза с Россией *хитрила*, выгадывала, вела свою политику, за что потом и была наказана... новыми победами Наполеона — да простится мне это не злорадство, а констатация факта. И поделом, сказал бы я, если бы речь не шла о жизнях простых солдат...

А не будь этих австрийских интриг, будь антифранцузская коалиция последовательной до конца, дай они волю Суворову — Суворов в самом начале сделал бы укорот, подрезал бы крылышки набирающему высоту Наполеону. И не было бы голубчика императора Наполеона, не было бы завоевания Европы, не было бы нашего, опять же совместно с австрийцами, тяжкого поражения при Аустерлице, сожженной Москвы, бесчисленных жертв Бородина, Березины, Ватерлоо...

И это не расхожее «если бы да кабы», а неизбежный финал начатого Суворовым разгрома французов в Италии и похода уже во Францию. Так Суворов и планировал:

«Италия — это прелюдия. Идти до геркулесовых столбов...(- То есть до Гибралтара. — С. Б.) Уже из Турина я намеревался идти через Гренобль в Лион, а оттуда — до Парижа, но прежде только покончив с Италией...»

Мне же в разгар моих военных операций мешают педантизм Вены, которая по невежеству своему видела одну только Мانتую, являющуюся для меня ничтожным объектом... все это лишь детские забавы... когда та или иная армия на пути к Парижу».

Я понимаю, что планы Суворова и мои рассуждения одно, а военный авторитет Наполеона, особенно в российском обществе, — совсем другое. Издавна в России почему-то считается: ну, Суворов, Барклай, Кутузов — это полководцы по нашим, расейским понятием, а Наполеон — это принципиально иной уровень, это европейский военный гений и так далее. Не буду даже смеяться над нашим подбострастием, тем более спорить на извечную тему: кто сильнее, кит или слон. А просто напомним ситуацию в Европе на лето 1799 года. Наполеон — пусть и герой

и кумир Франции, но он всего лишь бригадный генерал, командующий армией, подчиненный правительству, Директории. К тому же он застрял с армией в Египте. В Париже смута и хаос, пять *директоров* запутались в интригах и не знают, что делать со страной. Власть валяется на земле. Ее и подобрал Наполеон в ноябре, примчавшись из Египта, бросив там армию. То есть Париж летом 1799 года был легкой добычей.

Но Суворову не дали дойти до Парижа:

«Меня прогнали в Швейцарию, чтобы там уничтожить...»

Он пошел на соединение с корпусом Римского-Корсакова, которого уже теснил французский генерал Андре Массена. Пошел через Альпы. Потеряв только на перевале Сен-Готтард 2000 человек. А когда спустился в Муттенскую долину, оказалось, что Массена уже разбил Корсакова и запер выход из долины. И уже считал, что возьмет в плен не только Суворова, но и великого князя, который был при русской армии. Генерал-поручик Розенберг дал бой французам в Муттенской долине, и Суворов ушел в горы, на перевал Паникс. И вырвался из окружения, потеряв четверть всей армии, обозы, артиллерию. Это был, безусловно, героический поход. Но — героическое *отступление*. Героический выход из окружения. За что Суворов и получил звание генералиссимуса.

Не думаю, что его это утешило. Уже после получения высшего воинского звания он писал: *«Итак, гора родила мышь... В Вене любят только посредственность; а талант не охотник до узды... Не владея ни искусством ведения войны, ни установления мира, кабинет, погрязший в лукавстве и коварстве, вместо Франции заставил нас бросить все и идти по домам».*

В итоге Итальянский поход закончился победой французов. Наполеон в ноябре 1799 года совершил переворот, стал первым консулом, а в 1804 году — императором, расправил крылья, обрел мощь и затем, уже после смерти Суворова, завоевал всю Европу и занял Москву.

А ведь Суворов мог спасти Европу. Но стал жертвой больших политических интриг. И никакое звание генералиссимуса, никакие славословия при жизни и особенно после смерти сути не скроют. На закате жизни он писал: *«Мой учитель Юлий Цезарь говорил, что тот не сделал ничего, кто не закончил дело полностью».* То есть хотим мы того или не хотим, нравится это

нам или не нравится, но *полководец — это победа*. Сам же Суворов и говорил: *«Победа покрывает все»*. А победы не было...

Такова в реальности судьба Александра Васильевича Суворова.

Загадка

И все равно личность и посмертная судьба Суворова — загадка. Зададимся простым вопросом: а не вспомни в речи 3 июля 1941 года Сталин о русской воинской славе предков, не упомяни имени Суворова, много бы знали мы о нем сегодня, был бы культ Суворова? Но это наши *сталинские* проблемы. А культ Суворова создавался еще в старой России. И даже в советской энциклопедии 1930 года он уже назван «величайшим русским полководцем...».

Ни Румянцев и Потемкин, завоевавшие для России громадные пространства, ни Барклай и Кутузов, победившие Наполеона, не называются в энциклопедиях выдающимися, великими и уж тем более величайшими, не пользовались и не пользуются в обществе таким поклонением и даже обожествлением. Прежде всего — среди военных. Начиная с *царских* генералов Дениса Давыдова (того самого!) и Драгомирова и заканчивая *белым* генералом Красновым и *красным* маршалом Жуковым! А они, надо полагать, понимали толк в военных делах!

Что это — неотразимая для военных сердец магия *наступления, наступления и еще раз наступления*? Бездумное следование однажды созданному мифу? Или некое профессиональное и почти мистическое ощущение небывалого военного гения? Гения, от которого отвернулась судьба...

Интересно было бы знать, что будут писать о Суворове еще через пятьдесят лет, году этак в 2053-м?

Детский вопрос

Подозреваю, что некоторые читатели воспримут как должное, как общеизвестное главы о Румянцеве и Потемкине, а все внимание сосредоточат на том, что я написал о Суворове.

Говорю так потому, что уже в журналах, куда я предлагал очерк, разгорелись нешуточные страсти. Вплоть до заявлений некоторых членов редколлегий: «Только через мой труп! Если это примут к печати, я подам заявление об увольнении!» И конечно же, так или иначе мелькало слово «ниспровергатель».

На мой же взгляд, никакого ниспровержения Суворова здесь нет. И даже наоборот — впервые говорится о том, что Суворов мог повернуть историю Европы, если бы не политические интриги. Впервые говорится о загадке его личности, о трагедии полководца.

Однако реакция была очень острой, болезненной. Наверно, вдвойне болезненной оттого, что... нечего возразить. Как признался один из оппонентов, он никогда не задумывался, что Суворов в русско-турецких войнах был командиром дивизии, что войны-то шли под началом Румянцева и Потемкина...

Так что прав был мой старший товарищ, предостерегая. Но я ж не виноват, что в детстве читал Пушкина и однажды задался вопросом...

Ну к примеру, никто и нигде, ни в какой энциклопедии не называет Барклай де Толли «величайшим русским полководцем». Или — «великим», «выдающимся». И Кутузова так не называют. А что сделали Барклай и Кутузов?

Барклай не дал ни одного сражения победоносной армии Наполеона. В те времена война шла по правилам: сходятся две армии, какая победила на поле битвы — та и получает ключи от столицы, трон и всю страну. А Барклай начал на европейские манеры и порядки. Он заставил войска Наполеона тащиться без боя по русским лесам и дорогам, он уводил и уводил обе русские армии от решающего сражения. Вызывая гнев командующего Второй армией пылкого Багратиона, которого он удерживал от вступления в бой лишь силой приказа, потому как был военным министром. Вызывая недовольство своего штаба, возмущение царского двора и всей русской общественности.

Царь Александр прикрывал Барклай, сколько мог. И сместил его, когда уже невозможно было противостоять общественному мнению, которое кипело и клокотало... Как писал впоследствии Пушкин в стихотворении «Полководец», *«И в имени твоём звук чуждый не взлюбя, // Своими криками преследуя тебя, // Народ, таинственно спасаемый тобою,* (подчеркнуто мною. — С. Б.) *// Ругался над твоей священной сединою».*

И далее всем известное: «*О люди! жалкий род, достойный слез и смеха!*»...

Кутузов продолжил тактику и стратегию Барклая. Наверно, ему было даже тяжелей. Шутка ли — сдать Москву! И?.. И на этом все кончилось. Кончилась *непобедимая* армия Наполеона.

Таким образом, Барклай и Кутузов не только разгромили Наполеона, возведенного тогда в ранг военных гениев человечества, но и вообще **сокрушили Французскую империю**. После этого Франция снова стала называться королевством, а не империей...

Вот я в детстве, почитав Пушкина, и задался вопросом: почему в старой русской и советских энциклопедиях Румянцев — «*рус. полководец*», Потемкин — «*гос. и воен. деятель*», Барклай де Толли — «*рус. фельдмаршал, участник многих войн*», Кутузов — «*известный полководец*», а Суворов — «*величайший русский полководец*»?

Чем *дивизионные* победы при Козлудже и Фокшанах «величайшее» сокрушения Французской империи?

Вот и все.

То есть речь не о Румянцеве, Потемкине, Суворове, Барклае и Кутузове. Речь — о нас с вами.

Это к нам обращались Державин и Пушкин, надеясь, что Румянцев и Барклай будут *благословенны* *среди поздних веков*, что в *грядущих поколениях* разглядят и расскажут, кем были и что значили эти люди в действительности.

Что я, смиренный раб литературный, и пытаюсь сделать. То есть выполнить поручение старших товарищей. Как уж могу.

Примечание. Стихотворение «Полководец» вызвало, как нынче принято говорить, неоднозначную реакцию современников. Пушкин А. С. вынужден был на страницах своего журнала объясняться, почти оправдываться, что он никого не хотел обидеть и принизить, а всего лишь пытался воздать должное Барклаю... О люди...

Примечание 2. Через год после написания этого очерка пришла мне в голову довольно простая мысль. Суворову-то на старости лет бояться было нечего и некого. Все знали его острый язык и вредный нрав. И он мог после Италии и Швейцарии поднять крик на всех углях: что его предали, что все победы

наших войск в Италии пустили псу под хвост, что ему не дали взять Париж атакой с ходу и т. д. В общем, выставил бы в истинном свете и венский двор, и петербургский двор, и всех тех, кто вершил тогда нашу европейскую политику. Вполне возможно, что звание генералиссимуса за отступление ему дали именно из этих соображений: чтоб задобрить, чтоб связать круговой порукой, чтоб не говорил лишних слов...

Глава 26

РУССКИЙ КОЛОНИАЛИЗМ

История взрывоопасна! Так нам говорят. И опять — врут. При чем тут история? Взрывоопасно — незнание. В том числе и истории. Невежество. Темнота. Отсюда и комплекс неполноценности, отсюда и взрывы агрессии. Вот о чем я думал, глядя в выпусках новостей на демонстрацию молодых людей в Казани. Если бы они знали, то как бы вели себя? Надеюсь и верю, что иначе. Беда нашей страны в том, что нас лишали полного знания. За нас решали, что нам надлежит знать, а что нет. И таким образом заложили тысячи мин под сегодняшнюю жизнь.

А по поводу событий в Казани я написал и опубликовал в «Литературной газете» памфлет. Почему памфлет? Как соотносится такой жанр с очерками-исследованиями в книге? Не знаю. Просто я полагал, что таким образом, может, удастся снять агрессию, во многом вызванную элементарным невежеством...

Тщательней надо, ребята!

Памфлет

Люблю наш народ. Он даже меня (обычного прозаика, публициста и самозваного историка) никогда без работы (куска хлеба) не оставит. А уж юмористы-сатирики должны нашему народу каждый день ноги мыть и ту воду пить вместо шампанского.

Где еще можно отыскать сюжет, сравнимый с показанной по телевидению демонстрацией в Казани представителей Та-

тарского общественного центра? Когда народ, в основном молодого возраста, протестуя против взятия Казани войсками Ивана Грозного в 1552 (!) году, сжигал портрет этого самого царя! Вообще-то протестовать надо было раньше, еще пять веков назад, да покрепче, а сейчас-то чего стулья ломать? Но зато древний языческий обряд сжигания кумиров увлекателен и вообще — зрелищен. Вспомните хотя бы всенародное сжигание соломенного чучела, которое называлось «Кострома». Не спутайте с городом, а то еще спалите областной центр. Тут, как говорит сатирик-юморист Жванецкий, тщательней надо, ребята! Пучок соломы легко отличить от города. А с портретами сложно. Ненароком можно не того сжечь.

Народ наш сер, но мудр. Не зря же он всегда предупреждал поскреби русского — увидишь татарина. Если по алфавиту, то начиная со славянофила Аксакова (в переводе с татарского — Хромоногов) и заканчивая западником Юсуповым (Юсуфов или Иосифов в переводе с русско-татарского на арабско-еврейский, то бишь семитский язык).

И серый, но мудрый наш народ как в воду глядел. Не того сожгли. Иван-то Грозный — вроде как и сам из татар. Пусть и в отдаленном прошлом. Он — потомок воеводы Мамаю. Того самого. Злостного врага Руси и Золотой Орды, узурпатора и мятежника. И потому я хочу определенности. Грозного жгли как Мамаевича или как Рюриковича?

Вообще, если искать виноватого, то надо начинать с Дмитрия Донского. Это он как сторонник укрепления вертикали власти в федеральном (или союзном?) русско-татарском государстве Золотая Орда, не добил Мамаю на Куликовом поле. Разбил, но — не добил. А сразу же отрапортовал, послал делегацию во главе с Захарием Тутшевым (предком Тютчевых?) к законному «царю Тохтамышу». Вообще-то Дмитрий был прав. Если ты царь, так тоже поучаствуй в укреплении вертикали власти и своего трона. Тохтамыш поучаствовал, окончательно разгромил Мамаю, изгнал его из страны и, в свою очередь, послал делегацию к Дмитрию и «ко всем русским князьям» с рассказом, «как супротивника своего и их врага Мамаю победил».

Так что во взятии Казани виноват Тохтамыш. Ему надо было не изгонять Мамаю, а уничтожить его и всех его родичей. Но это при Сталине ссылали и уничтожали *чесеиров* — членов

семьи изменника родины, а в те средневековые времена обычно НКВД-КПСС еще не получил широкого распространения. И потому остался жив и проживал спокойно в наших киевских пределах не то внук, не то внучатый племянник узурпатора, тоже по имени Мамай.

И вот здесь появляется главный виновник — Витовт, руководитель Великого княжества Литовского. И правда, на кого ж еще сваливать, как не на них. У нас куда ни ткни — всюду Литвинов, Литвак, Литвин, Литвиненко, Литовкин, Литовченко, Литовцев... Вот этот самый Витовт и даровал сохранившемуся Мамаю урочище Глина и княжеский титул. Потом литовские князья Глинские перебрались в Москву, поближе к исторической родине. Но не доехали, задержались где-то возле ГУМа и Кремля. Потому что Лена Глинская вышла замуж за коренного москвича Васю и родила сына Ивана. Про которого французы в одном из выпусков своего энциклопедического словаря «Лярусс» вроде бы написали так: «Иван Грозный — русский царь, за особую жестокость прозванный Васильевичем...»

А может, все дело в титуле «царь»? Ведь Иван первым из великих князей взял этот титул. Вот он и вскружил ему голову до Казани.

Но тогда во всем виноват великий Владимирский князь Ярослав, отец Александра Невского. Это он предложил русским князьям назвать хана Батыея «своим царем». А Батый (тоже никакого исторического предвидения!) на провокацию поддался. После распада (этот сюжет мне что-то смутно напоминает, честное слово!) союзного государства Золотая Орда на постсоюзном пространстве самой сильной стала Русь со столицей в городе Москва. Сюда-то, в Москву, за военной поддержкой и стали наезжать суверенные ханы из Казани, Астрахани и Крыма, как только начинались у них свои распри. И значит, во всем виноваты они, даже по именам неизвестные. Это они проложили дорогу Ивану Грозному!

В общем, не взял бы Иван Рюрикович-Мамаевич Глинский-Грозный золотоордынский титул «царь» — глядишь, и не было бы завоевания Казани?

Но если уж по всей правде искать виноватого, чей портрет бы сжечь, то начинать надо с древних языческих болгар, с VII века. Точнее, с хана Аспаруха и неизвестного хана, которые

рассорились в выборе пути и разделили болгарский народ на два лагеря. Тот, Неизвестный, увел своих болгар на Каму и Волгу, где они основали Великий Булгар, приняли ислам и стали через много веков «татарами». А хан Аспарух своих сторонников увел на Дунай, где они приняли христианство и ославянились среди дунайских славянских племен, но остались «болгарами». Более того, православные татарские... то есть болгарские монахи Кирилл и Мефодий к тому же придумали славянскую письменность. А письменность — это не шутка! С нее, быть может, и начинается государство! Не будь письменности — не было бы Ивана Грозного и взятия Казани! Так что сжигать надо письменность...

Что и планируется, кстати. В некоторых суверенных государствах и автономных республиках, в том числе и в Татарстане, упорно толкуют о переводе письменности на латиницу. И я, как самый нерадивый ученик в школе, который никогда не имел учебников, а в портфеле вместо них таскал кеды, теннисные ракетки и прочие полезные вещи, горячо приветствую этот революционный шаг! А уж как я завидую будущим татарским двоечникам — не передать словами. Как бы я хотел быть с ними в ту прекрасную пору! У них же будет не жизнь, а малина с клубникой! Вся занудная мировая история уйдет в никуда вместе с миллионами книг на кириллице.

Представляете, спрашивает нас привередливый, на кириллице образованный учитель про какого-нибудь Мусу Джалиля. А мы ему в ответ: «Нам бы ваши заботы, господин учитель, не издана еще такая книга на латинице!» И — гуляй, Вася!

А как только через многие десятилетия наполнятся хранилища книгами на латинице, двоечники могут перевести письменность на арабицу. И снова не жизнь, а сплошной праздник. А потом, если уж до истоков добираться, вместо арабицы можно ввести наши исконные тюркские письмена. Те самые, орхоно-енисейские, рунические... Предки постарались, на вечных скалах зубилом выбивали. Наверно, уже тогда подозревали, что мы, двоечники, или пропьем, или потеряем, или реформируем...

В общем, перспективы открываются умопомрачительные, то есть до полного помрачения ума. Хотя уже сейчас вполне можно не учиться, не работать, не обустроить свою жизнь и

страну — а ходить весело на демонстрации и жечь портреты! Конечно, злопыхатели могут спросить: «А надо ли так горячо отмечать какой-то один штурм?» Не знаю, не знаю. Например, город Елец, откуда родом бабушка моей дочери, кто только не штурмовал! И русские, и литовцы, и ордынцы, и даже войска Тамерлана там побывали. Ну так что теперь, сжигать картину Верещагина «Двери Тамерлана»? Но ведь самого Тамерлана на той картине нет, а есть два стражника. Причем некоторые специалисты утверждают, что стражники одеты в исконно туркменский военный наряд, то есть они из туркменской(!) гвардии, охранявшей Тамерлана. Час от часу не легче. Шайтан ногу сломит. Может, потому-то ельчане и не жгут никого — поди тут разберись...

Хотя вина Тамерлана во взятии Казани несомненна. Это ведь он, а еще раньше Батый, штурмовали и в конце концов разрушили Великий Булгар. Потому-то и построили рядом Казань. А не будь Казани — нечего и штурмовать Ивану Грозному. Не дурак же Иван, чтобы в пустое пространство палить!

Так что прав Жванецкий: тщательней надо, ребята! Пора наконец определиться: по паспорту бить или по морде!?

Если по паспорту, тогда надо уметь читать. А начнешь читать — можно и запутаться.

Если сразу по морде, то есть большой риск набить не то лицо. Вот в чем затруднение. И как тут быть — не знаю.

В разбирательстве, чей портрет бы сжечь в связи с незнакомой, но дорогой мне Казанью, перебрал я все семнадцать поколений своих предков по отцовской линии. Они тут ни при чем. А вот мой пращур по материнской линии, упомянутый в Никоновской летописи как «батыр татарский, велик суще телом и духом», — очень даже подходит! Он ведь сюда пришел из петропавловско-тюменских краев вместе с царем Тохтамышем. Значит, и его вина есть в том, что не добились Мамаевых потомков. Что и закончилось взятием Казани.

Мне-то в Москве легче разобраться, да и подумаешь, каких-то семнадцать поколений. А вот как быть в Париже потомкам из рода великого иконописца Дионисия, к примеру? Он-то, Дионисий, сам был потомком православного святого преподобного Петра, как в Святцах написано, «чудотворца Рос-

товского, царевича Ордынского». А тот, в свою очередь, естественно, был потомком самого Чингисхана.

Или как быть потомкам совсем уж древнего короля Болдуина? Среди них есть и были не только европейские монархи, но и вполне рядовые труженики вроде профессора Казанского(!) университета Ивана Александровича (Яна Игнатия) Бодуэна де Куртенэ. Он же русско-польский языковед, он же основатель знаменитой Казанской(!) лингвистической школы. Как им быть, чей портрет жечь?

Подскажите, ребята!

Постскриптум.

«28 сентября (2003 года. — С. Б.) по питерскому телевидению идет футбольное обозрение «Пенальти». Слушаю вполуха, хотя рассказывают о знаменательном для петербургских болельщиков событии — победе «Зенита» (С.-Петербург. — С. Б.) в Казани (над казанской футбольной командой «Рубин». — С. Б.).

Вдруг молодой, сочащийся здоровьем обозреватель говорит:

— Тем более знаменательна для нас эта победа, что она состоялась в преддверии второго октября!

Начинаю с интересом прислушиваться.

— Дня, когда Иван Грозный взял Казань!

«Да что это он несет?» — несколько ошарашенно думаю я. А молодой человек продолжает:

— С недавних пор команды, приезжающие в Казань, находят в своей раздевалке дохлых грызунов и другие шаманские штучки. Поэтому в этот раз администратор и начальник команды «Зенит» приехали на стадион заранее и окропили все святой водой, а в углях зажгли свечи. И это тоже помогло нам выиграть!

Нет, ей-богу, хочется открыть окно и заорать в голос:

— Какое, милые, у нас средневековье на дворе?

Юрий Сабанцев. («Известия», 02.10.03.)

Ну что, есть у нас предел или нет? Я ж говорю, умопомрачительные перспективы открываются. Вплоть до полного помрачения ума. Хотя почему «до»? Уже!

Анна Иоанновна и хан Абулхаир

Человек живет в свете и детьми память о себе оставляет, но сия память и скоту равна есть, а честь, приобретенная человеком, вовеки не умирает...

Сей свет ненадежен, только доброе звание вечно...

Хан Абулхаир

Сей свет ненадежен, только доброе звание вечно... Наверно, для многих будут неожиданными эти слова, вынесенные в эпиграф главки. Привыкли ведь: если история, если хан или князь, то прежде всего бой и клич, меч и сабля. А тут — глубоко философские рассуждения. Так он и был философом, знаменитый в истории хан Абулхаир, тот самый хан Младшего жуза, с присоединения которого и началось вхождение Казахстана в состав Российской империи.

В официальной истории считалось, что главной и чуть ли не единственной причиной прошения Абулхаира о российском подданстве было джунгарское нашествие двадцатых-тридцатых годов, когда джунгары вытеснили казахов с юга Семиречья, заняв древнюю столицу Казахстана — Туркестан. На самом же деле не меньшую, если не большую роль здесь сыграли башкиры, и в первую очередь их предводитель — легендарный тархан (военачальник) Алдар.

Да, джунгарское нашествие в казахских преданиях названо Годиною великих бедствий. Но ко времени союза с Россией извечно соперничающие между собой чингизиды, ханы Старшего, Среднего и Младшего жузов, все же сумели объединиться и отбросить джунгаров к югу. Правда, под властью джунгаров оставались еще значительные казахские территории, но перелом наступил. Уже к 1729 году казахи могли развить успех, преследуя отступающего противника, если бы в тыл войскам хана Абулхаира не ударили... башкиры.

Вот тут мы и приходим к тому, что скрывала все советские годы официальная история. Она не любила сложностей в частности и правды вообще. Особенно там, где речь шла об истории многочисленных народов СССР. А только правда поучительна.

Башкиры родственны казахам. Более того, одно время башкиры призывали Абулхаира к себе на ханство. Но, видимо, что-то там не сложилось, и Абулхаир со свитой ушел в казахские степи. Казахи и башкиры постоянно враждовали из-за земель по Яику (Уралу), Илеку и Тоболу. Четко определенной границы между Россией и Казахией тогда не существовало. Набеги с той и с другой стороны были бытом, образом жизни в те века. Так что Абулхаир, воюя с джунгарами, все время тревожился за тылы.

А ведь башкиры были подданными России. И Абулхаир понимал, что при любом пограничном конфликте российская власть будет защищать в первую очередь их интересы.

Однако и предводитель башкиров богатырь Алдар осознал, что дальше так жить нельзя. Они ведь с Абулхаиром дружили, часто встречались, в свое время не кто иной, как Алдар, призывал Абулхаира на башкирское ханство.

Одним словом, оба вождя закономерно пришли к выводу, что эта распря будет длиться вечно, если не принять самых решительных мер.

Единственный выход — и казахам идти в российское подданство, чтобы уже императрица единовластно могла прекратить вековые стычки на границе, ставшие для двух народов национальным образом жизни. Важнейшую роль в этой исторической акции, повторю, сыграл башкирский тархан Алдар, младший по знатности, не чингизид, но старший по возрасту, опыту жизни. Он сопровождал казахское посольство до Москвы и Петербурга. Именно о нем пишет хан Абулхаир в послании к императрице Анне Иоанновне:

«Этот Алдарбай требовал посланника от нас к Вашему величеству, и поэтому Мы, Абулхаир-хан, с подвластным мне многочисленным народом Среднего и Малого жузов... желаем Вашего покровительства... чтобы с подданным Вам башкирским народом, находящимся за Уралом, жить в согласии, и будем Вашими подданными».

Вот как все было на самом деле. А насколько поучительна сия история нынче, судить читателю.

Мне же остается только добавить несколько слов об императрице Анне Иоанновне. При упоминании ее имени у нас сразу же говорят: «А, Бирон, бироновщина...» И получается, что *бироновщиной* исчерпываются все 10 лет ее правления. Как будто мало хотя бы того, что в годы ее царствования, благодаря ее

дипломатии Российская империя приросла громадными территориями и несметными богатствами на этих территориях! И вообще, прирастала Россия, приобретала, спокойнее всего и лучше всего русские люди жили при Анне Иоанновне и Екатерине Второй. А хуже всего люди жили, больше всего Россия теряла и физически, и, самое главное, нравственно, при Иване Грозном и Петре Первом. Но правители и продажные историки назвали их «великими», и мы несколько веков повторяем за ними, как попки... На радость новым правителям и на потеху всему миру. Так нам и надо, коли своего ума нет.

А если говорить о частностях, то Анне Иоанновне и вовсе уж неизвестному российским людям казахскому хану Абулхаиру обязаны своей историей очень многие и многие. К примеру, хан Абулхаир предложил Анне Иоанновне идею строительства городов-укреплений по новым рубежам. Императрица сразу же его поддержала. Так возникли города Оренбург, Орск и вся Оренбургская линия...

Друг Пушкина — казахский Геродот

Чудны дела твои, Господи... Как в Англии все, что только можно, связывают с Шекспиром, так и у нас — с Пушкиным. Но ведь Пушкин в действительности имел самое прямое отношение к истории, а вернее, к истории Казахстана!

Пушкин дружил с Алексеем Лёвшиным и печатал Алексея Лёвшина — первого историка казахских степей.

Алексей Ираклиевич Лёвшин, выпускник Харьковского университета, немало лет прослужил в азиатском департаменте Министерства иностранных дел Российской империи, принимал непосредственное участие в степных экспедициях и переговорах с казахскими султанами, набирая там бесценный материал. А затем, в Петербурге и на месте новой службы, в Одессе, приступил к созданию труда своей жизни. И в Петербурге, и в Одессе он дружил, встречался с Пушкиным, старше которого был на два года. Пушкин высоко отозвался о первой работе Лёвшина (об уральских казаках), а затем через поэта Туманского просил у Лёвшина материалы для «Московского вестника» и «Литературной газеты».

Таким образом, первые публикации, отрывки из работы Лёвшина «Об имени киргиз-кайсацкого народа и его отличии от подлинных, или диких киргизов», появились не где-нибудь, а в пушкинской «Литературной газете» в двух номерах от 1831 года

В них Лёвшин впервые в европейской науке говорит о том, что общеупотребительное название «киргизы» или «киргиз-кайсаки» по отношению к казахам абсолютно неверно.

Публикация была сопровождена примечанием издателя «Литгазеты» О. М. Сомова, в которой он писал, что работа Лёвшина — новый и богатый вклад русских ученых в общеевропейскую науку об Азии, и нет сомнения, что труды господина Лёвшина немедленно будут переведены на иностранные языки...

И действительно, трехтомник Алексея Лёвшина «**Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей**», вышедший в 1832 году, был тотчас же выдвинут Петербургской академией наук на соискание Демидовской премии, переведен на французский и итальянский языки и пользовался большим авторитетом в кругах ученых. В частности, Александр Гумбольдт в фундаментальном труде «Центральная Азия» упоминает работы Лёвшина как один из основных своих источников. А Чокан Валиханов, споря с Лёвшиным по частностям, тем не менее назвал его «Геродотом казахского народа».

Алексей Ираклиевич Лёвшин умер в 1879 году, прожив 82 года и заслужив высочайшие почести: член Государственного совета, сенатор, действительный тайный советник, кавалер орденов Святого Александра Невского, Святого Владимира, Святой Анны, Святого Станислава и прочая и прочая...

В советские времена имя Лёвшина не было под запретом, в научных трудах ссылки на него не возбранялись. Но! Его фундаментальный труд в Советском Союзе не был издан ни разу!

Мятежный Кенесары

Во многом эта перестраховка и, как ее следствие, скудность истории Казахстана обусловлены страшным испугом, который вызвали сталинские репрессии 1948 года, когда по обвинению в национализме была практически разгромлена Академия наук Казахстана. И этот испуг преследовал советских историков все

годы коммунистического правления. Я хорошо помню, как в семидесятые годы, в пору расцвета казахского исторического романа, нет-нет да в партийных кругах возникали разговоры о «чрезмерном увлечении исторической темой».

А те репрессии были вызваны работой историка Е. Бекмаханова «Казахстан в 20—40-е годы XIX века», в которой восстание 1837—1846 годов под предводительством Кенесары Касымова квалифицировалось как «национально-освободительное движение». Однако верховная власть усмотрела в этом «национализм» с последствиями в виде постановления ЦК, всенародного осуждения и разгона всех причастных, вплоть до опалы великого писателя Мухтара Ауэзова.

С тех пор имя Кенесары Касымова оказалось под запретом. Хан Кенесары — внук Абылая, хана Среднего жуза, принявшего российское подданство в 1750 году. Но если во времена Абулхаира и Абылая казахская степь входила в состав Российской империи на правах самостоятельного ханства, то с усилением колониального давления на степь ханство было упразднено, превращено в Степное генерал-губернаторство. Что и вызвало протест Кенесары, который поднял антироссийское восстание, десять лет полыхавшее на громадных пространствах от Ташкента до Оренбурга и от Тургая до Каспия.

Поскольку наше научно-историческое и общественное сознание до сих пор не определилось с отношением к этому восстанию и его квалификацией, приведу свои резоны. Прежде всего надо сказать то, что до сих пор умалчивалось. А именно: Россия нарушила договор с Казахским ханством! Точно так же, как сделала это с Грузией и Украиной. Ведь Георгиевский трактат и Переяславская Рада, которыми мы все время умилялись и умиляемся, были в одностороннем порядке отменены Россией. Имперская власть упразднила автономию Грузии и гетманство на Украине, превратив Грузию и Украину в Тбилисскую, Кутаисскую и Малороссийскую губернии. Грузия и Украина промолчали, а Казахстан восстал. С юридической и нравственной точки зрения восстание Кенесары было абсолютно правомерным.

С другой стороны, российской, здесь была своя логика — неумолимая логика создания империи, логика колониализма. Так что пора уже называть вещи своими именами, а не прятаться, думать, а не заниматься демагогией...

После гибели Кенесары в 1846 году его сын Сыздык воевал и против России, и против Китая, командуя конницей то ко-кандского хана, то бухарского эмира, то хивинского хана. Вплоть до 1876 года, когда сей мятежный сын мятежного отца, устав от десятилетий военной жизни, перешел на сторону России и был поселен во владениях своих родных и близких в Чимкенте. Его брат, Ахмет Кенесарин, в то время был помощником уездного начальника в русской администрации...

И вот здесь начинается то, на что я предлагаю читателю обратить особое внимание. Уже на следующий год мятежному хану Сыздыку было предложено описать восстание Кенесары так, как он его помнит. А поскольку Сыздык русской грамотой не владел, то с его слов история Кенесары и Сыздыка — книга «Султаны Кенесары и Сыздык» — была написана Ахметом Кенесариным. Рукопись получил действительный член Сыр-Дарьи некоего статистического комитета Е. Т. Смирнов, составил к ней подробнейшие примечания, написал отдельные дополнительные статьи. **Получилась книга, отражающая события с двух сторон. С двух точек зрения.** И в таком виде она и вышла в Ташкенте в 1889 году. Со скромным примечанием: «Издание Сыр-Дарьинского областного статистического комитета».

Настоящая историческая наука вершилась в тогдашней России на уровне областного статистического комитета!

И великое дело делают в нынешнем Казахстане, когда не просто переиздают исторические книги прошлого и позапрошлого веков, но даже их как бы воссоздают, максимально используя сегодняшние возможности копировальной техники. Так, в Алматы вышло **репринтное** издание той самой книги «Султаны Кенесары и Сыздык» с примечаниями и статьями Е. Т. Смирнова. Ибо для нас, идеологизированных, поучительно не только содержание, но и сам внешний вид тех книг.

А самое главное, конечно, — стремление обнародовать все имеющиеся факты, максимально полно рассказать о том, что было. Никакой «идеологии», никаких «концепций». Никаких умолчаний в угоду чему бы то ни было. Читатель сам способен во многом разобраться, был бы только представлен во всей полноте исторический материал. И это единственно верный подход.

Потому что страна, у которой ясное прошлое, меньше всего рискует заблудиться в настоящем и будущем.

Украина — не Россия(?!)

Нынче у нас с этим сложно. Раньше мы говорили: только не переходи на личности... Мол, веди речь лишь об идеях. Сейчас в пору говорить: только не переходи на национальности. На себе испытал. Как-то в моем родном городе Петропавловске, что в Казахстане, местные чиновники стали обижать учительницу. Она имела несчастье получить в наследство квартиру родителей в Подмоскovie. И, соответственно, для вступления в наследство оформила российское гражданство. Но родилась, жила, живет и работает в родном ей Петропавловске. Так ее пришлось защищать. Конечно, она и сама виновата, надо было оформить какие-то бумажки, а она пренебрегла. Вот ее и стали чуть ли не увольнять из школы, чуть ли не выписывать из принадлежащей ей квартиры... Я тогда напечатал в «Литературной газете» открытое письмо послу Казахстана в России, губернатору области и мэру города — «Как чиновники позорят свою страну». Это письмо перепечатала казахстанская газета, но снабдила его аншлагом: «Казах из России защищает русскую из Казахстана». А если б я по крови был не казахом, а эфиопом, то что бы написали в аншлаге: «Эфиоп из России защищает русскую из Казахстана»? Нет, потому что не укладывается в эффектную схему. И я вынужден был написать в ту газету, что я в данном случае не «казах», а писатель-публицист, и защищал не «русскую», а человека, чьи права попирают чиновники. Потому как если мы с конкретных личностей будем тут же переходить на национальности, то далеко зайдём. Уже зашли...

А с другой стороны, в каких-то случаях речь идет и о прямом хамстве по отношению ко всему народу и государству. Когда Украина ввела свою валюту — гривну, газета «Московский комсомолец» сообщила об этом под заголовком: «Привет, гривнюки!» Тогда я в профессиональном журнале «Журналист» написал: «И что теперь делать мне, рядовому москвичу? Выйти на улицы и просить прощения у каждого москвича с украинскими корнями? Или идти в редакцию и бить морды?..»

Боюсь, что не смогу объяснить словами, зачем привожу эти примеры. Надеюсь, читатель поймет меня без слов. Потому что далее я приступаю к рассуждениям о сегодняшнем украинско-русском синдроме. Точнее, об украинском синдроме по русскому или российскому поводу.

Непредвзятый сторонний человек, проживший хоть три дня в Украине, это заметит сразу. Как бы он ни был настроен.

Иду по дорожкам дома отдыха, впереди меня два украинских писателя. Оживленно беседуют. По-русски. Заметив меня, тотчас переходят на украинский. Дежурная в доме отдыха говорит: «Мы национальный дом отдыха, незалежный...» Как это перевести? Получится: «Мы украинский национальный дом отдыха, независимый...» Союз писателей Украины называется «Национальный союз писателей». Телевидение — тоже: «Национальное украинское...» И так далее. А какое еще может быть телевидение на Украине? Наднациональное? Внеациональное?

И мне это очень странно. На мой исторический взгляд, уж кто-кто, а украинцы не должны испытывать никаких комплексов. Да, сложна история Российской империи. И Украина была колонизирована. Не потому что русские и Россия — плохие люди и плохая страна, а потому что ход общечеловеческой истории был таков: возникали империи, метрополии, колонии... что ж тут объяснять-то.

Но Украина и украинцы в Российской империи все же занимали особое положение. После Пушкина, к примеру, фундамент русской классической литературы — человек по фамилии Гоголь. Одного этого достаточно на все и на всех. И на русских, и на украинцев. А также на казахов и разных прочих шведов...

Я уже писал, что с XVIII века началось вхождение украинцев во власть в Российской империи (Разумовский и Безбородко — канцлеры, правители империи — это шуточки, что ли?). В СССР страной тридцать лет правили Хрущев и Брежнев, выходцы с Украины. Чуть ли не каждый третий министр или просто большой союзный начальник был человеком с украинскими корнями. Если взять уровень ниже, республиканский, то руководителями Казахстана долгие годы были Пономаренко и Брежнев. Если взять уровень еще ниже — областной, то моей родной Северо-Казахстанской областью лет тридцать руководили Подгорбунский и Демиденко. Начальниками областного управления сельского хозяйства постоянно были выходцы с Украины. И наконец, директора совхозов — сплошь и рядом украинцы. Причем, если о партийных высоких начальниках я ничего не могу сказать, подозреваю, что все они одинаковы, то

директора с украинскими корнями — лучшие были работники на своем уровне! Это подтвердит любой казахстанец из целинных областей республики.

То есть украинцы в Советском Союзе были имперской нацией, работали и жили по всему пространству Союза. И хорошо работали. И живут по-прежнему, в большинстве своем, в тех же странах СНГ, краях, республиках и областях России, не испытывая никакого комплекса неполноценности.

А вот на самой Украине, простите, что-то с этим немножко не так. Что уж говорить, если президент Украины Леонид Кучма назвал свою книгу «Украина — не Россия». Как будто кто-то сомневается в этом. Никто не сомневался, не сомневается и не может сомневаться. И никто не сомневается в независимости (независимости) Украины, и нет никакой необходимости подчеркивать ее на каждом шагу. С чем я и столкнулся за несколько дней пребывания там. И понять никак не могу: уж кто-кто, а украинцы так не должны бы... И объясняю для себя только одним — неосознанным соперничеством. Ход истории был таков, что одни народы и государства в силу разных причин становились центрами империй, неким главенствующим началом в той или иной ойкумене. Как, например, испанцы в латинском мире эпохи великих географических открытий. Как англичане в англоязычном мире. Как русские в восточнославянской ойкумене. И вполне возможно, что украинцы осознанно или неосознанно оспаривают у русских первенство в восточнославянском мире (ведь Киевская Русь была в Киеве!). Если это так, то мы имеем особый случай.

Но не сомневаюсь, что и этот синдром временный. Пройдет немного лет, и на Украине будут жить и говорить о себе безо всякой оглядки на Россию или, допустим, США. То есть чувствовать себя вполне самостоятельно. Как это и предопределено всем людям и народам.

Русский колониализм

Кавказская война — **единственный** в Российской империи пример жестокой, на уничтожение, войны метрополии с колонией.

О российском колониализме говорят до удивления примитивно и однообразно. Одни утверждают, что у нас колониализм был особый, «душевный», что все народы с радостью и песнями шли под власть Москвы. Другие называют это «имперской лажей» и «имперской лапшой на уши», а Россия была обыкновенной колониальной «тюрьмой народов».

И то, и другое, на мой взгляд, далеко от истины, потому что каждый настаивает только на своем мнении и навязывает свою идею. И у каждой стороны есть факты. Почему же их не объединить и не посмотреть на них непредубежденным взором?

Например, характернейший пример — Ермак, завоевание Сибири. Кем был Ермак и кем был Кучум. Как известно всем из песни, «Кучум ползет как тать презренный». На самом же деле мирно жил-поживал особо никому не известный хан в Сибири, никого не трогал, пока на него не напали... Кто? Добро бы царские войска, тогда все ясно для потомков. Но пришли неизвестно кто. Как в той же песне поется, «Ермак сидел, объятый думой». Ему было о чем думать. Потому что Ермак был разбойник с большой дороги, объявленный вместе со своим дружкой Иваном Кольцо (Ванюха Перстень) в тогдашний всероссийский розыск как вор (убийца) и душегуб. Напомню, что это было время Ивана Грозного. В стране все перебаламучено, Русь буквально наводнена беглыми и разбойными людьми. И что же надо было совершить, какие особые злодеяния и душегубства сотворить, какой кровью залить землю, чтобы тебя даже в такой обстановке объявили во всероссийский розыск! Ермака — объявили.

Но его банду пригрел граф Строганов, сам царь и бог в уральских пределах, и сказал примерно так: ладно, перед государем я вас отмажу, но вы должны сделать то-то и то-то...

Так и началось «завоевание Сибири Ермаком...».

Какой миф из сего сотворили — все знают.

А пример с Ермаком я привожу потому, что здесь все соединилось: бандиты, проходимцы, невинные жертвы, частные амбиции местных правителей, государственные интересы, экспансия России и — разумеется — мифы...

Колониализм был неизбежен. Потому как неизбежна и неостановима страсть человека к открытию окружающей земли. Чаще всего эта страсть изначально соединялась с государствен-

ным расчетом на приобретение новых владений и грабеж их, как это было с Колумбом. Иногда вначале следовало открытие, а потом завоевание и грабеж. Затем сочиняются сказки про мужественных первопроходцев-романтиков и кровожадных дикарей-аборигенов. Затем — про бремя белого человека и дикарей, которые не понимают собственного счастья от принесенной им цивилизации. И, как правило, никто себя не спрашивает: а нас просили?..

В общем, колониализм есть колониализм. Где-то Россия шла с крестом, а где-то с мечом — то есть завоевывала. А точнее, как и везде в мире, с крестом и мечом. И точно так же удерживала. И изображать российскую экспансию таким сю-сю-колониализмом — конечно, «лажа» и «лапша на уши».

Но в то же время русский колониализм разительным образом отличался от общемировой практики. В истории российского колониализма — исключая Кавказскую войну — не было ставки на тотальное уничтожение, на геноцид, не было жестокого противостояния народов. Вспомните те же германские завоевания или практику уничтожения индейцев в Америке. Совсем ведь другая картина!

Это очевидно, если смотреть на историю страны непредубежденным взглядом. А вот объяснить — сложно. Во всяком случае — однозначно объяснить.

Я могу только предполагать. Быть может, причиной тому громадные пространства Евразии: земли много, всем места хватало — и коренным, и пришлым русским.

А потом, с чего бы русскому человеку заноситься, считать аборигенов существами ниже себя? Ведь русский человек был угнетен, замордован властью и хозяевами часто посильнее, чем почти вольный абориген. То есть они были равными и ощущали себя равными. Конечно, в таких случаях своя замордованность и униженность часто вымещается на тех, кто теперь еще слабее, — то есть на аборигенах. Это так. И так, разумеется, было. Но в любом случае это совсем другой уровень отношений, чем, к примеру, отношения английских солдат с индусами.

А еще я считаю главным здесь характер русского человека, обусловленный самим его происхождением. Русский человек XVI—XVIII веков знал своих родичей, свое происхождение, от бабушек и дедушек был наслышан о предках-половцах, славя-

нах, литовцах, татарах-болгарах, меря, мордве и чуди... (В отличие от некоторых нынешних назаровых, богатыревых, ермолаевых, макашевых и баркашевых — привожу фамилии только тюркского происхождения, — которые мнят себя «арийцами» и навязываются в друзья к немецким фашистам.) Особенно это характерно было для знати, которая вела записи своих родословных и гордилась ими. (Ведь по нынешним временам даже смешно звучит, если сказать: **потомки ордынцев** Ермолов и Вельяминов покоряли для России Кавказ...) И он, русский человек, никогда не относился к инородцам с завоеванных и занятых земель как к существам ниже себя. Понимаете, **колониализм — был, а расизма — не было!** Русский человек легко сходился и рождался с аборигенами, русские легко входили в жизнь аборигенов, и аборигены легко становились российскими подданными во всей полноте. Особенно если принимали православие. К примеру, те же казаки. В само по себе исторически и этнически пестрое сословие казаков доньше входят и буряты, и якуты, и калмыки... Разумеется, православные. Немногие знают, что калмыки до сих пор делятся внутри себя на дербетов, тургутов и... казаков. Немногие знают, что флаг Области Всевеликого войска Донского был трехцветным: синим, желтым и красным. Красный цвет означал казаков-донцов, синий — иногородних, а желтый — казаков-калмыков... Трудно представить американских индейцев в составе национальной гвардии или, по нынешнему говоря, в роли техасских рейнджеров... Так ведь?

«Наши предки, жившие на Московской Руси и в Российской империи начала XVIII в., нисколько не сомневались в том, что их восточные соседи — татары, мордва, черемисы, остяки, тунгусы, казахи, якуты — такие же люди, как и тверичи, рязанцы, владимирцы, новгородцы и устюжане. Идея национальной исключительности была чужда русским людям, и их не шокировало, что, например, на патриаршем престоле сидел мордвин Никон, а русскими армиями командовали потомки черемисов Шереметевы и татар — Кутузов». (Л. Н. Гумилев. «Древняя Русь и Великая Степь».)

Да, в Российской империи существовали ограничения. В том числе и для русских: для поморов и астраханцев, к примеру. Их не принимали в военные училища. Но прежде всего ограничения проводились по вере и некоторым национально-политичес-

ким параметрам. Например, в военные училища не принимали также поляков (острая память о разделе Польши, о польских восстаниях) и т. п. При всем при том многие представители казахской знати, не переходя в православие (у казахов, в отличие от их предков половцев и ордынцев, не было такого обычая), носили самые высокие воинские звания Российской империи: к примеру, султан Джанибек был фельдмаршалом...

В общем и в целом нигде не было уничтожительного и целенаправленного давления, ассимиляции, покушения на веру, язык, обычаи и самоуправление. Приведу опять же пример с казахами, с родным мне Казахстаном. Помимо школ-медресе и прочего на уровне волостей было свое, национальное самоуправление. И был договор, многим совершенно неизвестный. Договор, по нынешним нашим меркам, поразительный.

Все знают Амангельды Иманова как революционера-большевика, руководителя народного восстания. Но само-то восстание 1916 года не имело никакого отношения к революции под красным флагом. Это было всенародное возмущение нарушением договора со стороны имперских властей... По этому договору казахи не участвовали в войнах и не подлежали мобилизации. Странно, да? Российская империя воюет с Германией, а подданных империи казахов в армию не призывают. Да, нынче это выглядит странновато. Но так было. И когда имперские власти нарушили договор, призвали казахов на тыловые работы (всего лишь на тыловые!), вспыхнуло восстание. И правильно — договор есть договор...

Вот какие были отношения.

Так что русский колониализм, повторю, был все-таки особый.

Глава 27 **ПОД ЗВОН МЕЧЕЙ**

Рыцарство: тени минувших времен

Европа Средних веков — это три гиганта. Собственно Европа, Русь и Золотая Орда. Орда к началу XV века сходит со сцены. Остаются Русь и Европа как два полюса жизни, в конце концов, два полюса христианства — православие и католицизм.

Русь (Россия) и Европа — вечная и неисчерпаемая тема. Вечный перечень сходств и различий. Я в этой главе остановлюсь на одном, на мой взгляд, существеннейшем отличии Европы от Руси.

На Руси не было института рыцарства.

Что это такое — рыцарство?

Кто основал Западную Европу?

— И сыщется ли такой человек, который сумеет кому-либо доказать, будто все о Флорипе и Ги Бургундском, и все, что во времена Карла Великого совершил на Мантибльском мосту Фьерабрас, — все это неправда, тогда как я душу позаложу, что это такая же правда, как то, что сейчас день? А коли это ложь, значит, не было ни Гектора, ни Ахилла, ни Троянской войны, ни Двенадцати пэров Франции, ни короля Артура Английского. Кто их отрицает, у того нет ни разума, ни здравого смысла.

А действительно, кто такие Ланселоты и Роланды, Сиды, Персивали и Дюнуа, реальность которых с таким жаром отстаивает полубезумный идальго Дон Кихот? Разумеется, для него они — идеал, благороднейшие из благородных рыцарей, отважнейшие из отважных. А для нас?

В том-то и феномен.

Конечно, в их подлинном историческом бытовании мы уже не сомневаемся, хотя и знаем, как не совпадают подчас действительные лица и события с их поэтическими, литературными изложениями, которые закрепились в массовом сознании... Ну да, были рыцари, все время воевали, потом к ним присочинили пуд домыслов, песен и сказаний, рыцарских романов. Так мало ли людей в прошлом овеяли себя вечной, казалось бы, славой, а потом исчезли из памяти потомков.

А вот рыцарей Круглого стола короля Артура мы помним и знаем. Знаем как явление. В чем же секрет? Ведь что такое рыцари и рыцарство? Всего лишь одно из сословий средневеко-

вого мира. Более того, сословие ушедшее, к XVI веку его не стало, и уже тогда один вид ламанчского идалго вызывал смех и жалостливое недоумение.

И тем не менее оно, рыцарство, не кануло в темную пропасть веков. Потому что создало свою культуру и этику. Более того, культура и этика рыцарства стали тем фундаментом, на котором и сложился западноевропейский этнос с его представлениями об истинных ценностях. Можно сказать, что **культура и этика рыцарства создали западноевропейскую цивилизацию**. И, несомненно, повлияли на культуру и этику остальных народов мира.

Однако, начав сразу с выводов, полезно и поучительно проследить путь, как и почему общественная мысль пришла именно к таким заключениям, а заодно и вспомнить, как возникло в истории это удивительное сословие — рыцарство.

Лошадь — прежде всего

— О конь, чьи деяния столь же непревзойденны, сколь обделен ты судьбой
Ступай, куда хочешь, ибо на челе твоём
написано, что ни Астольфову Гипогрифу,
ни знаменитому Фронтину... в ревности с
тобой не сравняться.

А еще мы помним Брильядора — коня великого Роланда, и Баярда — верного скакуна рыцаря Ринальда, и многих других, чьи имена столь же легендарны, как и деяния их хозяев. С чего бы это и почему? Наверно, потому, что ни в реальной жизни, ни в легендах они неотделимы друг от друга. Ибо рыцаря сделал рыцарем — конь. Само слово «рыцарь» в переводе со старогерманского означает просто-напросто — «всадник». Ведь в те времена все, что так или иначе определяло знатность, значимость человека, было связано с конем. Вспомним римских «всадников», французских «шевалье», испанских «кабальеро» — все они в переводе просто «конные», «верховые», то есть от него же, от коня... Более того, даже в казахских степях, где вроде бы на коня садились раньше, чем начинали ходить, где конь был не роскошью, а средством передвижения, условием

жизни, — даже там применительно к значительным людям употреблялось слово «аткаминер», что в переводе означает — «сидящий на коне»!

Один из первых знаков власти, одна из первых печатей князей-герцогов-графов в Средние века — изображение воина на коне. Так, на печати Александра Невского — конный воин, поражающий мечом дракона. Эта композиция известна всем как изображение Георгия Победоносца. Но — добавлю — уже позднейшее. Потому что на первых, древнейших, Георгий Победоносец изображается в пешем виде. То есть «добавление» к нему коня, «водружение» его на коня как бы поднимало статус святого в глазах простого народа...

На древнерусских княжеских печатях, на всякий случай, ставилась буква «К» или буквы «К. Н.», что означало «князь».

В древности западноевропейские народы, в некоторой степени исключая древних германцев, не знали, что такое конное войско. Основу македонских железных фаланг, а затем ударную силу римских когорт составляла тяжеловооруженная пехота. Греков ничему не научило поражение Александра Македонского от неуловимых конных отрядов степняков-скифов. А вот римские военачальники после того, как их при Андрианополе разгромила конница германо-славяно-степных варваров, крепко задумались о переустройстве армии. Но было поздно: набеги вестготов и гуннов довершили падение Рима.

Здесь надо сделать остановку. Потому что пишу я не для специалистов, а для читателей. Для широкого круга читателей. А он, читатель, может проскочить мимо предыдущего пассажи или, наоборот, остаться в недоумении: «Как же так, что не было коней!? Мы же только что видели фильм «Падение Римской империи», а потом про Юлия Цезаря, про его поход и завоевание Галлии, и там все — и римляне, и галлы — на конях!»

Да, тут сказалось не только элементарное незнание деталей эпохи, но более всего, очевидно, требование кинематографа. Без коня кино не кино, тем более историческое! Конь придает всему свой колорит, если есть конь и конница — есть движение, динамика! А динамика — основа кино...

Но действительность в данном случае скучнее кино. Просто читатель не останавливается на деталях, ему хорошо изве-

стных. К примеру, из истории той же Древней Греции. Там кони вроде бы были. Но вспомним — у кого? На колесницах сражались Ахилл, Гектор — то есть троянские и ахейские цари. Цари! И больше — никто! Вспомним, когда восемь веков(!) спустя после Троянской войны греки победили персов при Марафоне, то как, каким образом они донесли весть о победе в Афинах? То-то и оно... Бегом! Для гонца большой победы не нашлось хотя бы одного коня, не говоря уже о сменной паре коней! Вот какой редкостью был конь для Древней Греции и Древнего Рима.

Ведь древнегреческая цивилизация — это **морская** цивилизация. И древнегреческая армия — это, по нынешним понятиям, морская пехота, которая к месту операций доставлялась на кораблях. Естественно, она потерпела сокрушительное поражение при столкновении с армией **конно-степной**, скифской, кочевнической цивилизации на ее территории, в степях, на открытых пространствах. Александр Македонский просто не знал, что делать, откуда ждать удара, как противостоять этим кентаврам, появляющимся и тотчас исчезающим в степном мареве. Точно так же и скифы пропали бы в лабиринте островов Эгейского архипелага...

Но в государстве франков, возникшем на развалинах Римской империи, уже хорошо понимали преимущество воина на коне. Историки полагают, что окончательным поворотом в военном сознании западноевропейцев стала знаменитая битва при Пуатье в VIII веке. До нее арабская конница, перешедшая через Пиренеи из мусульманской Испании, вольготно гуляла по равнинам нынешней Франции. И была остановлена и разгромлена лишь конницей — тяжеловооруженной конницей Карла Мартелла.

И в том же VIII веке уже Пипин Короткий дань в пятьсот коров, наложенную на британских саксов, заменил данью в триста лошадей.

В ту эпоху в государстве франков цена одного коня равнялась цене двух или даже четырех коров, одному или двум мечам с ножами и четырем мечам без ножен. Рыцарем в тогдaшнем понимании слова мог стать любой, кто имел коня, меч и удачу в бою.

Буйные и грязные

— Нет, правда, скажи мне, что может быть выше счастья и что может сравниться с радостью выигрывать сражения и одолевая врага?

Безусловно, франкский рыцарь VIII века и рыцарь XII века, воспетый в балладах, так же далеки друг от друга, как грубый кусок железа и выкованный из него меч. Далеки, но родственны.

Рыцарские отряды раннего Средневековья состояли из воинов-бродяг, для которых не было различия между войной или разбоем. Они приходили служить тем или иным сеньорам из диких воинских дружин, которые жили по своим законам, не признавая даже отцов и матерей, не говоря уже о королях или церкви. Тацит, описывая их быт и нравы, отмечал, что единственная отрада этих людей — война. Они обладают беспокойным темпераментом, воинственным духом, им скучна работа в поле, уход за скотом. У них нет ни дома, ни семьи, и живут они тем, что награбят. Если в их стране мир, они уходят в поисках войны в другие пределы. Они первыми начинают битвы, идут напролом, отличаясь нечеловеческой свирепостью и неукротимостью.

Одним словом, древнегерманская воинская ватага — тот же скандинавский **вик**. То есть **выселок**, куда уходили юноши, не желающие жить дома, пахать и сеять, ловить рыбу, подчиняться законам рода. Домашние оплакивали их как покойников, для рода они были потеряны навсегда. Да они и не жалели и не стремились в род, они сбивались в дикие отряды **викингов**, которые три века держали в страхе и ужасе всю Европу, уничтожая цивилизованные города огнем и мечом. Божьим проклятием, исчадием ада, разбойниками называла их Европа; та самая Европа, которая потом все забыла и романтизировала вчерашних бандитов.

И среди викингов, и среди их сухопутных древнегерманских собратьев особо ценились **берсерки**, то есть люди-звери, бешеные, одержимые, обладающие пещерной свирепостью и столь же пещерным бесстыдством, полным пренебрежением даже тогдашних нравов.

Каким же образом из этих чудовищ, монстров сложилось средневековое сословие рыцарей?

Буйные и грязные стали знатью

— Я, твой господин и природный сеньор, и ты, мой оруженосец, будем есть из одной тарелки и пить из одного сосуда, ибо о странствующем рыцарстве можно сказать то же, что обыкновенно говорят о любви: оно все на свете уравнивает.

Знать существовала задолго до появления рыцарей. Были уже короли, герцоги, графы, бароны. И они, разумеется, ни в коем случае не считали и не могли считать, что вонючие и грязные люди в латах, без роду и племени, известные лишь своей дурной отвагой, могут им быть ровней. Века прошли, прежде чем рыцарство приравняло себя к знати, утвердило себя как сословие знати. И теперь уже рыцарем не мог стать любой, имеющий коня и доспехи, как бывало в прежние времена. Но, с другой стороны, и сыновья герцогов и графов до своего совершеннолетия обязаны были пройти обряд посвящения в рыцари, иначе они записывались простолюдинами. И неистовый Роланд прославляется по всей Европе не как владетельный сеньор и маркграф Бретани, но прежде всего — как рыцарь.

То есть рыцарство не просто вошло в знать, но и навязало знати многие свои законы, вынесенные из времен буйной вольницы. Закон дикой ватаги был простой. С одной стороны — верность и полное подчинение предводителю. С другой — ответственность предводителя перед дружинниками, подчинение предводителя общим законам и кодексу дикого братства. Это двуединство было перенесено и на отношения с королями, герцогами, графами. Давая присягу на верность, рыцарь становился вассалом, но ни в коем случае не подчиненным сюзерена. Герцог или граф для крестьянина и горожанина был «доминус», то есть — «господин», «повелитель». Но для рыцаря — только лишь «сеньор», то есть — «старший». И «пэр» в переводе с французского — «равный», и стол короля Артура был круглым единственно для того, чтобы никто не мог полагать, будто он сидит выше или ниже.

Так создавался рыцарский кодекс — удивительный институт Средневековья, в конечном счете сформировавший основы этики западноевропейского человека.

Не богатствами и чинами измеряется рыцарь, а только лишь славой. И это главное. Воинская слава давала смысл жизни и увенчивала жизнь. А если сама смерть для человека ничто перед сиянием славы, то позволит ли такой человек принизить себя кому-либо, будь это даже сам король? Да никогда! И потому, несмотря на естественное стремление монархов к централизации власти, к единоначалию и безоговорочному подчинению, они вынуждены были идти на компромиссы. И записывать в уставы рыцарских орденов, что *служение рыцарей королю простирается лишь до тех пределов, пока оно не противоречит представлениям рыцаря о его чести и достоинстве*. Допустим, если рыцарь присягнул сеньору, а сеньор затеял войну с королем, то рыцарь *имеет полное право воевать против своего короля*. То есть *вассал моего вассала — не мой вассал*.

Таким образом рыцарская этика, которая ставила во главу завоевание славы, постепенно изменялась. И первостепенным стало уже поддержание чести и достоинства, доходящее зачастую до гордыни. И здесь надо сказать, что рыцарская этика выдержала жесточайшее давление церкви, для которой гордыня — один из смертных грехов. Выдержала — и победила. А **кодекс и этика рыцарства с течением времени легли в основу кодекса дворянской чести, кодекса джентльменства**.

Но рыцарская этика никогда бы не стала тем, что она есть, если бы второй составной ее частью не был куртуазный идеал...

Любовь и галантность

— Жди меня здесь не более трех дней, и если я за это время не возвращусь, то... скажи моей несравненной госпоже... что преданный ей рыцарь пожертвовал жизнью ради того, чтобы совершить подвиг, которым он бы снискал ее любовь.

Впервые женщину как существо возвышенное воспели в Европе трубадуры Прованса. Опять же вопреки церкви, доказывающей, что женщина есть сосуд греховный, трубадуры утверждали: женщина с помощью любви может облагородить

мужчину, поскольку любовь не просто акт продолжения рода, но и чувство прекрасное и возвышенное.

Крамолу странствующих певцов тотчас подхватили странствующие рыцари. Любовь и женщина придали новый смысл их деяниям. Слава, которая была самоцелью и оправданием жизни, в свою очередь приобрела смысл. Слава не просто так, а чтобы заслужить любовь женщины, избранницы. Отсюда и странствия, и шарфы на шлемах, и обеты, вошедшие в легенды и затем в романы. Как, например, обет Суэро де Киньонеса, который носил на шее железное кольцо в знак пленения красотой своей возлюбленной. Или поступок Дона Мануэля, который вошел в клетку со львами, чтобы поднять оброненную перчатку своей избранницы.

Почитание женщины первоначально распространяется лишь на знатных дам. Но это ведь такая поведенческая норма, что ее трудно удержать в сословных границах. Простолюдины из богатых тоже стали подумывать о куртуазности, да и знатные сеньоры не обходили простолюдинок. Эталон рыцарства маршал де Бусико в ответ на упрек, что он по ошибке поклонился на улице двум проституткам, сказал: «Да лучше я поклонюсь десяти публичным девкам, нежели оставлю без внимания хоть одну достойную женщину». В данном случае, как видим, к простолюдинкам допускается учтивость с оговорками. Но уже через годы в статут одного из рыцарских орденов вписывается безоговорочно: «Никогда не злословить о женщинах, **какого бы они ни были положения**».

С течением времени куртуазный идеал изменяется. Собственно любовная линия остается любовной, а куртуазность понимается широко: как учтивость, умение вести себя в обществе, воспитанность. Причем она имеет четко направленную ориентацию. Так, знатный рыцарь де Ла Тур Ландрю пишет в наставлении дочерям: *«От малых людей вы удостоитесь гораздо большего почета, хвалы и признательности, нежели от великих, ибо, проявляя куртуазность и оказывая честь великим людям, вы воздаете то, что им положено по праву. А честь и куртуазность по отношению к мелким дворянам и дворянкам, а также менее значительным лицам выказываются по доброй воле и мягкости сердца».*

Но это — знатный сеньор, отец, беспокоящийся о хорошем воспитании дочерей. Он как бы обосновывает выгоды куртуаз-

ности. А какое дело до этих требований рыцарю, грубому мужчине, пропахшему кошмой-подкладкой от доспехов и конским потом? Ан нет, было дело. Например, устав ордена Полумесяца уже без всяких обоснований предписывает *«проявлять всегда жалость и сострадание к бедным людям, равно как и быть в словах и делах мягким, куртуазным и любезным по отношению ко всякому человеку»*.

Они все равно победили

— Хотя мне не страшна никакая опасность, а все же меня берет сомнение, когда подумаю, что свинец и порох могут лишить меня возможности стяжать доблестной моей дланью и острием моего меча почет и славу во всех известных мне странах... Я раскаиваюсь, что избрал поприще странствующего рыцаря в наше подлое время.

Рыцарство как сословие исчезло к XVI веку. И не только потому, что появилось огнестрельное оружие. Хотя и поэтому тоже. Изменились времена и нравы. С появлением регулярной армии война потеряла элемент игры и состязания в рыцарской куртуазности. Победа в ней стала достигаться любой ценой: путем обмана, ловкости, хитрости, преимуществом большинства над меньшинством. А это изначально несовместимо с законами рыцарской чести.

Просвещенный читатель, конечно, сразу увидел, что художественной иллюстрацией к моим заметкам стали цитаты из великого романа «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский», который вышел в 1605 году. И он, читатель, может удивиться: как же так, ведь это — **пародия** на рыцарские романы! Однако заметим, что пародия-то как раз передает в концентрированном виде все особенности жанра, а значит, и характернейшие черты самого явления жизни. Во-вторых, «Дон Кихот» лишь **замышлялся** как пародия, равно как и другая великая книга — «Остров сокровищ». А что вышло из-под пера их авторов, то и вышло. Судите сами: смеемся ли мы над идальго Дон Кихотом? Или же, наоборот, скорбим, что этот мир — практич-

ный, корыстный, приземленный — не понимает благороднейшей души благороднейшего человека?

За пять или шесть веков после ухода рыцарства с исторической арены немало авторов — ученых, политиков, писателей — пытались «развенчать» рыцарство, «рассказать правду» о нем, делая акцент то ли на классовой сущности, то ли на грубости нравов, то ли просто на гигиенических особенностях воинской жизни в доспехах, на коне. Смешно... И авторы те, и их творения канули в безвестность. А рыцарство — осталось. Не просто как яркая страница истории. А прежде всего — как идеал поведения мужчины. То, к чему каждый из нас должен стремиться.

Глава 28

НЕВОЛЬНИКИ ЧЕСТИ

Дуэль: законы и нравы

Вызов

В сентябре 1826 года московское общество было возбуждено двумя событиями: из южной ссылки вернулся Пушкин и он же, Пушкин, в тот же день вызвал на дуэль Федора Толстого, известного больше как Толстой-Американец. Друзья Пушкина были в ужасе: в исходе дуэли никто не сомневался — поэт будет убит первым же выстрелом.

История сия началась шесть лет назад, еще в двадцатом году, когда в светских кругах кто-то распространил слух, будто Пушкин был выпорот в Тайной канцелярии.

«Я услышал сплетню последним, увидел себя опозоренным в общественном мнении, дрался на дуэли, ведь мне было 20 лет...» — писал Пушкин другу. На какой дуэли — неизвестно до сих пор. Владимир Набоков предполагал, что это был поединок с Кондратием Рылеевым, который в то время по легкомыслию повторил оскорбительную сплетню. К тому же у Рылеева тогда была возможность встретиться с Пушкиным наедине, в сельской глуши, вдали от бдительных столичных глаз. Неизвестно, насколько всерьез, но о нем, о Рылееве, Пушкин писал Бесту-

жеву (Марлинскому) так: *«Я опасаясь его не на шутку и жалею, что не застрелил, когда имел тому случай, — да черт его знал?»*

Уже в ссылке, в Кишиневе, Пушкин будто бы доподлинно установил, что позорящие его слухи распространил Федор Толстой, и немедленно послал ему эпиграмму:

В жизни мрачной и презренной
Был он долго погружен,
Долго все концы вселенной
Осквернял развратом он.
Но, исправясь понемногу,
Он загладил свой позор.
И теперь он — слава Богу —
Только лишь картежный вор.

Толстой тотчас же ответил своей эпиграммой, Пушкин послал ему вызов, тот принял, но... их разделяло громадное пространство Российской империи. Современники считали, что все шесть лет южной ссылки Пушкин готовился к поединку с Американцем: ходил с тяжелой тростью, чтобы укрепить кисть, ежедневно упражнялся в стрельбе.

Впрочем, у него, у Александра Сергеевича, были все основания ежедневно готовиться и к другим дуэлям. Но об этом — позже. А пока обратимся к личности человека, которого Пушкин за десять лет до смерти вызвал к барьеру.

Убийственный Американец

Федор Иванович Толстой был знаменитейшим человеком своего времени и своего круга. Да-да, знаменитейшим. Хотя нам-то он известен всего лишь как личность (кстати, в пушкинские времена слово «личность» считалось оскорбительным)... как личность, мерцающая отраженным светом своих великих современников Грибоедова и Пушкина, как некое приложение к их произведениям, к их судьбам. Так, в бессмертном «Горе от ума» есть такие строчки:

Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом,
И крепко на руку нечист...

Толстой в них, естественно, узнал себя, слегка обиделся и написал на полях рукописного списка «Горя от ума» свои замечания. Он предлагал вторую строчку изменить так: *«В Камчатку черт носил»*, поскольку сослан он не был, а *«крепко на руку нечист»* заменить на *«в картах на руку нечист»*, дабы не подумали, что он *«табакерки со столов таскает»*...

Федор Толстой действительно был на Алеутских островах. Он принимал участие в кругосветной экспедиции Крузенштерна, вел себя на корабле мерзейшим образом и за немалые провинности был высажен на берег. А уж «дуэлистом» слыл отчаянным, первым «дуэлистом», лучшим стрелком и лучшим фехтовальщиком.

Однако его бесстрашие проявлялось не только в поединках. В Великой Отечественной войне 1812 года он был простым ратником в ополчении, так как был разжалован в рядовые за дуэль с Нарышкиным (правда, документальных подтверждений той дуэли нет). От простого ратника он дослужился до полковника и Георгиевского кавалера 4-й степени!

На его счету было одиннадцать человек, убитых на дуэлях. Их имена он аккуратно заносил в свой «синодик». О хладнокровии Американца перед дулом пистолета ходили легенды. Например, такая, повторяемая в разных вариантах, но мы ее приводим в рассказе С. Л. Толстого. На одном из балов приятель Американца попросил его быть секундантом на дуэли завтра, в 11 часов. Утром он заехал за Толстым, а тот... спал!

«Разве ты забыл, что ты обещал мне быть моим секундантом?» — спросил приятель.

«Это не нужно, — зевнул Толстой. — Я его уже убил».

Оказалось, что накануне Американец вызвал обидчика своего приятеля на поединок, назначил стреляться в шесть часов утра, убил его, вернулся домой и... лег спать... И уснул...

И вот такому человеку Пушкин, едва приехав, едва войдя в дом дяди Василия Львовича, не сняв даже дорожного платья, тотчас отправил гонцов с вызовом на дуэль!

К счастью, Американца в те дни не оказалось в Москве. А там вступили в дело многочисленные друзья, помирили. И спустя три года Толстой уже как закадычный приятель Пушкина едет к Гончаровым — сватать Наталию Николаевну за Александра Сергеевича.

Бретёр Пушкин

Однако Американец — Американцем, а сам Пушкин тоже не был мирной овечкой, тем более — безответной мишенью для чьего-то пистолета. Его список дуэлей не менее внушителен. Правда, как будто Бог хранил нашего гения — смертного греха, убийства человека на его душе нет.

Только-только выйдя из лица, юный Александр вызвал на дуэль не кого-нибудь, а родного дядю Павла Исааковича Ганнибала. За то, что тот на балу отбил у него некую девицу Лошакову, в которую Пушкин мимолетно влюбился. Дело закончилось примирением, причем Павел Исаакович там же, на пирушке, сочинил и прочитал экспромт:

Хоть ты, Саша, среди бала
Вызвал Павла Ганнибала,
Но, ей-богу, Ганнибал
Ссорой не подгадит бал.

После чего Пушкин со слезами на глазах бросился в объятия дяди.

Хотя раскаяние вовсе не помешало ему через три месяца потребовать к барьеру опять же не кого-нибудь, а почтенного Николая Ивановича Тургенева.

Но три месяца — срок довольно большой. Вполне возможно, что в этот промежуток были и другие ссоры и поединки. Как писала Карамзина Вяземскому, *«Пушкин каждый день имеет дуэли; благодаря Богу, они не смертоносны, бойцы всегда остаются невредимы»*.

Широко известна потомкам его дуэль с одноклассником и другом Кюхлей — Вильгельмом Кюхельбекером. Виной всему — острый язык и острое перо. Как-то Жуковский, объясняя, почему не пошел в гости, сказал: *«Я еще накануне расстроил желудок; к тому же пришел Кюхельбекер, и я остался дома»*. Там еще фигурировал слуга Яков и — дверь. Пушкин, услышав, пришел в полный восторг и тотчас сочинил:

За ужином объелся я,
Да Яков запер дверь оплошно —
И было мне, мои друзья,
И кюхельбекерно, и тошно!

Кюхля, понятно, взбеленился. Стрелялись. Слава Богу, остались живы.

А годы южной ссылки — дуэль на дуэли. И некий французский барон С., и француз Дегильи, и молдавский помещик Балтом, и полковник Орлов, и полковник Алексеев...

Причем Пушкин отличался феноменальным самообладанием. Понятно, и бравада тоже была, как же без нее. Но будем помнить: не в бирюльки играл, а со смертью...

Так, на знаменитой дуэли с генштабовским офицером Зубовым он стоял у барьера и ел черешни, сплевывая косточки. Зубов стрелял первым и промахнулся. «Вы довольны?» — спросил Пушкин и удалился.

Во время поединка с героем Отечественной войны командиром егерского полка Старовым вдруг поднялась метель. Ничего не видно. Стреляли по два раза. Решили отложить, хотя Пушкин бурно протестовал. Потом, после дуэли, заехав к приятелю и не застав того дома, Пушкин оставил знаменитую записку:

Я жив.
Старов здоров.
Дуэль не кончен.

Понятно, острый язык, жалящее перо, чрезвычайная восприимчивость, наконец, африканский темперамент... Но только ли в личности отдельного Толстого или отдельного Пушкина следует искать истоки и причины такой буйной, бретёрской жизни?

Нет, такой была *атмосфера*, нравы общества. Но прежде чем говорить о них, необходимо сделать краткий очерк дуэли как таковой.

Кодекс

Кодекс и понятие дворянской чести естественным образом возникли из кодексов средневекового рыцарства. И точно так же дуэль — из рыцарских поединков. Но — с очень большой поправкой. При всем внешнем эффекте, когда сшибаются закованные в железные доспехи воины, — рыцарский поединок был намного безопаснее. Выбил соперника из седла, сшиб

шлем... — значит, победил. Не то — поединок на шпагах, тем более на пистолетах. Живая плоть не прикрыта ничем.

Во Франции за 16 лет правления Генриха IV, то есть с 1594 по 1610 год, на дуэлях погибло от 7 до 8 тысяч дворян! Истребительнее, чем на войне!

И потому всемогущий кардинал Ришелье, придя к власти через двенадцать лет после смерти Генриха, — запретил дуэли, заявив: дворяне могут жертвовать жизнью только лишь во имя короля!

Но, как мы знаем из литературы, а более всего по великим «Трем мушкетерам», никто кардинальского приказа не слушался. Наоборот, запрет на дуэли в чем-то подстегивал молодых безрассудных дворян, придавал их буйству еще и соблазнительный оттенок вызова власти и всемогущему первому министру двора.

В 1679 году Людовик XIV ввел специальный суд маршалов для разрешения всех спорных вопросов чести. Но никто из дворян не спешил прибегать к его услугам.

Таким образом, законы общества и мораль общества решительно разошлись. Причем все преимущества остались за общественным мнением и судом чести, которые в те времена были страшнее любых Бастилии. Да и как настаивать на незыблемости закона, если сами короли его нарушали. Известен случай, когда Франциск I вызвал на дуэль германского императора Карла V. Еще характернее случай со шведским королем Густавом Адольфом. Он сгоряча оскорбил полковника своей армии. Полковник не мог ему ответить ничем, поскольку **особ королевской крови на дуэль не вызывают**. Оскорбленный офицер решил уехать из страны. Король Густав Адольф проводил его до границы и, переступив через границу, протянул полковнику пистолет и сказал: «Здесь Густав Адольф уже не король, и здесь, как честный человек, я готов дать удовлетворение другому честному человеку!»

Кстати, неприкосновенность и невызываемость особ царственной крови на поединок привела в России к трагическому случаю. Имевшему потом известные последствия.

Некий русский офицер, оскорбленный цесаревичем Александром, будущим императором Александром III, написал ему записку с требованием извинений. А в ином случае угрожал застрелиться. И, не получив извинений, покончил с собой. Импе-

ратор Александр II, узнав, страшно разгневался, отчитал сына и велел ему сопровождать гроб с телом офицера до кладбища.

Но это будет потом. В Россию дуэли придут с большим опозданием.

Три века в Западной Европе сверкали шпаги и гремели выстрелы на поединках чести. А в России было тихо. История засвидетельствовала, пожалуй, первую дуэль лишь в 1666 году. Да и то — между иностранцами, состоящими на русской службе. Это был офицер Гордон, впоследствии учитель и соратник царя Петра, и майор Монтгомери. Очевидно, что поединок между ними был как бы переносом их иностранных обычаев на русскую почву. Потому что ни до, ни после никто на дуэлях не дрался. Царевна Софья их запретила, а затем Петр в Воинском уставе ввел самые суровые наказания для нарушителей.

Но таковых не было. Во-первых, в те времена русские дворяне немногим отличались от простолюдинов, еще не выработаны были кодекс дворянской чести, правила поведения, нормы в быту. Прямо скажем, не до чести, когда царь не то что дворян — бояр за бороды таскал — и ничего. А во-вторых, силен был страх перед наказанием: все ведь знали, что такое засапки, «слово и дело», пытки на дыбе, зловещая фигура князя-кесаря и обер-палача Ромодановского...

И только в конце XVIII и начале XIX века дворянская молодежь стала избавляться от страха перед властью, полностью осознала свою сословную особость, в которой прежде всего — представления о дворянской чести и дворянском положении: *«Пусть ты самый задрипанный и бедный дворянин, но дворянин. Твое достоинство охраняют закон, царские указы. Тебе никто не смеет тыкать, никто не смеет тебя материть, никто тебя по-роть не может, пока ты нелишен дворянства по суду!»*

«Береги платье снову, а честь смолоду», — наставляет Гринев-старший своего сына Петрушу в «Капитанской дочке». И если он еще бранит сына за дуэль, то для Петруши и его ровесников поединок — единственное средство для разрешения спора чести.

В 1797 году генерал Бахметев ударил служившего под его началом юнкера Кушелева, отпрыска самого что ни на есть неприметного дворянского рода.

Через шесть лет штабс-капитан Кушелев потребовал сатисфакции у генерал-майора Бахметева. Кушелева пытались об-

разумить многие видные люди того времени, даже сам Багратион. Ведь не только в чинах, в положении, но и просто в возрасте огромная разница. Однако Кушелев был непреклонен. Дуэль состоялась. Затем Бахметев извинился, а Кушелев его простил. **Никто не стрелял на поражение.** Свершалось некое ритуальное действие, имеющее цель показать, сказать обществу: **перед лицом чести все дворяне — равны.**

И как ни старались власти запретить, отменить дуэли, молодые российские дворяне решительно отвергли вмешательство государства в дела чести. Впоследствии это общее настроение русского дворянства четко сформулировал генерал Корнилов: **«Душа — Богу, сердце — женщине, долг — Отечеству, честь — никому!»**

Бедный Мартынов

Словом, в XIX веке общественное мнение России было целиком и полностью за дуэль. Не учитывать его было невозможно. И Николай I смягчает наказание за участие в поединке. Секунданты и врачи вообще освобождались от ответственности, а виновники — заключались в тюрьму на 6—10 лет с сохранением дворянских прав. Но на деле в тюрьму не сажали, а отправляли на Кавказ, как Лермонтова за дуэль с де Барантом.

Проходит еще полвека — и Александр III официально разрешает дуэли в офицерской среде! Не сыграл ли здесь роль тот самый случай с самоубийством? Но «разрешение» — совсем не то слово. Правильнее будет сказать, что дуэль вводилась в **обязательный** офицерский обиход. Офицер, уклонившийся от дуэли, должен был в двухнедельный срок подать прошение об увольнении. Иначе его увольняли без всякого прошения.

При всем при том, при официальном введении дуэлей в военную среду, не было никаких официальных документов, регламентирующих дуэль!

Не было — не значит, что не думали. Думали, даже пытались разработать письменный дуэльный кодекс. Даже создавалась специальная комиссия. Но потом победил здравый смысл и нравственное чувство: в таком тонком деле важнее всего правила неписаные, какие есть. То бишь уже известные дуэльные кодексы графа Шатовильера и графа Верже, с некоторыми поправками повсеместно принятые в Европе. А как известно, нет

ничего жестче неписанных правил, особенно при тогдашнем уровне самосознания в дворянском обществе. Малейшие отступления от кодекса дворянской чести карались беспощадно — общественным презрением.

Здесь нет нужды останавливаться на отдельных пунктах дуэльных правил. Но обязательно следует упомянуть, что перед поединком Пушкина и Дантеса был составлен письменный документ с условиями. Так, пункт четвертый гласил: *«Когда обе стороны сделают по выстрелу, то в случае безрезультатности поединок возобновляется как бы в первый раз...»*

Другими словами, **мирно разойтись они не могли**, иначе их обоих подвергли бы обструкции. Дуэль была договорена до крови. Увы, пролилась не просто кровь — случилась смерть.

Общественное мнение **обязывало** оскорбленного человека вызвать обидчика на дуэль. Даже если он предпочитал проглотить обиду, боялся. Но — не мог. Иначе — презрение всех, руки не подадут.

Но ведь можно и вызвать обидчика на дуэль — и выстрелить в воздух? И, таким образом, как бы и дуэль состоялась, и оскорбление можно считать смытым?

Ан нет. Дуэльный кодекс предусмотрел такую хитрость: **тот, кто вызывал на дуэль, не имел права стрелять в воздух**. И это правильно, поскольку иначе поединок превращался в фарс.

Потому-то Мартынов не мог выстрелить в воздух на дуэли с Лермонтовым!

Это мы, идеологически настроенные с детства, обрушили все проклятия на голову бедного Мартынова, вся вина которого в том, что он не гений и остался жив. Мы-то давно забыли, что перед честью все равны. А поединки чести, повторю, проходили по очень жестким правилам.

По команде «раз» дуэлянты начинают сходитьсь. По команде «два» они **обязаны стрелять!** По команде «три» дуэль считается завершенной.

Как установил исследователь Н. Кастрикин, в той кавказской дуэли после команды «раз» Лермонтов не двинулся с места. После команды «два» не прицелился, не выстрелил, а поднял дуло пистолета вверх — то есть принял позу того, кто уже выстрелил и ждет ответного выстрела!

По дуэльным правилам это не просто оскорбление противника, **но еще и уклонение от дуэли**, то есть — позор и бесчестье.

И если бы Мартынов выстрелил и промахнулся — дуэль на этом бы не закончилась. По правилам, **секунданты Мартынова обязаны были расправиться с Лермонтовым!**

Вот в какое положение поставил себя и всех Лермонтов.

От такого невиданного поведения секунданты так растерялись, что один из них тоже нарушил правило. Он выкрикнул слова, не предусмотренные никакими правилами. Он крикнул: «Стреляйте, или я вас разведу!»

То есть как бы вынуждал Мартынова к выстрелу. И Мартынов выстрелил.

Впоследствии он вспоминал: *«Я вспылл и спустил курок. Дуэлью и секундантами не шутят».*

Представим Мартынова в той ситуации. Обыкновенный офицер, бедный дворянин. Не такой знатный, не такой светский, не такой блестящий, как Столыпин, Васильчиков, Лермонтов и прочие тамошние «львы». Мечтающий выслужиться на Кавказе в большие чины. Довольно нелепый в глазах светских «львов». Современники вспоминают, что Мартынов «ходил в черкеске с огромным кинжалом на серебряном поясе, огромными усами и огромной папахе мерлушковой...». В общем, первый парень на деревне, такой деревенский ухарь, попавший на бал городских щеголей. И огромный кинжал, и папаха, и фамилия беспощадно высмеивались в летучих эпиграмах и карикатурах Лермонтова. В общем, как мы сейчас сказали бы — закомплексованный, затравленный, уязвленный, и потому, естественно, нервический человек. А тут еще — прямое оскорбление в ходе самого поединка. Да еще крик секунданта с угрозой развести. А это — позор. Ведь он, Мартынов, **вызвал**, и потому **он не мог не стрелять и не мог стрелять в воздух**. «С дуэлью и секундантами не шутят».

Все это — в мгновения. И Мартынов — выстрелил.

Никто из свидетелей сразу же, по горячим следам, не рассказал полной правды о том, как проходила дуэль. Возможно, потому, что поведение Лермонтова в злызыком обществе могли расценить как уклонение от дуэли, а следовательно, позор. Но трусом Лермонтов никогда не был, и почему так повел себя, знал только он один. Наверно, свидетели тогда поступили правильно: ведь Лермонтов был мертв и уже не мог сказать ничего. Так что виноватым во всем оказался Мартынов...

Закат

Четыре века дуэльной жизни Европы спрессовались в России в одном XIX веке. Это все равно что разом выстрелить из всех стволов Лепажа. Эффект был оглушительный. Вспомним пушкинскую повесть «Выстрел», монолог Сильвио: «В наше время буйство было в моде. Мы хвастались пьянством: я перепил славного Бурцева, воспетого Денисом Давыдовым. Дуэли в нашем полку совершались поминутно: я на всех бывал или свидетелем, или действующим лицом. Товарищи меня обожали, а полковые командиры, поминутно сменяемые, смотрели как на необходимое зло».

«Товарищи меня обожали...»

Да, в те времена отчаянные бретёры — Федор Толстой-Американец, Федор Уваров-Черный, Федор Гагарин, Якубович, Дорохов — были в определенных кругах более знамениты и почитаемы, нежели самые высокие сановники, самые родовитые из родовитых, нежели Карамзин или Жуковский, не говоря уже о Грибоедове и Пушкине.

Время было такое, *атмосфера*. Вспомним литературных героев-дуэлистов: Гринев и Швабрин, Пьер Безухов и Долохов, Онегин и Ленский, Печорин и Грушницкий, Базаров и Кирсанов, фон Корен и Лаевский, Ромашов и Николаев...

В один ряд с ними можно поставить и авторов: Пушкин, Лермонтов, Кюхельбекер, Грибоедов и Якубович; Дельвиг вызвал на дуэль Булгарина; молодой Лев Толстой — Тургенева; Бакунин — Маркса, и, наконец, как угасающее эхо XIX века — дуэль Максимилиана Волошина и Николая Гумилева, когда Волошин выстрелил в воздух, а Гумилев промахнулся.

Но надо сказать, что угасание началось гораздо раньше.

В «Поединке» Куприна дуэль Ромашова и Николаева хоть и уныло, но совершается без проволочек, поскольку среда офицерская, тут отступления невозможны, хочешь не хочешь, а надо... А вот в «Дуэли» Чехова, когда стреляются фон Корен и Лаевский, никто из противников и секундантов толком уже не знает, как, по каким правилам устраиваются поединки, и пытаются вспомнить, как же это было у Лермонтова, в «Княжне Мэри...».

А времени-то между ними прошло, между Печориным и Лаевским, — всего ничего... Яркое было пламя, да быстро угасло: мешанская жизнь всюду брала свое.

Кто знает, может, в России и произошел бы новый всплеск дуэлей как института защиты чести. Все тот же поединок Гумилева и Волошина мог стать сигналом, та же бретёрская слава думского лидера «октябристов» Гучкова могла дать новый импульс. Кстати, Гучков-то был не дворянин, а разночинец! То есть дуэльный кодекс чести примеряли к себе и другие сословия! Кто знает... Пришла революция и отменила все, что было прежде.

Эпилог

Автор раздвоен в мыслях и чувствах. С одной стороны, он никак не приемлет убийства человека другим человеком, ибо не мы даровали жизнь и не нам ее отнимать. А с другой стороны, он понимает, что дуэль — единственный действенный инструмент, который приучает людей вести себя прилично. Иначе восторжествует право силы, право кулака, наступит эра того самого грядущего хама.

Правда, есть и третий путь: вести себя как подобает не из страха быть вызванным к барьеру, а только лишь из принятого как непреложный закон чувства глубочайшего почтения к личности, чести и достоинству другого человека. Но опять-таки, автор никогда не писал фантастических произведений. Хотя знает, что таковые есть: и произведения, и их авторы. А следовательно, есть люди, которые свято веруют, что мир со временем неизбежно станет лучше, чище, благородней...

Глава 29

ОБМАНУТЫЕ НАДЕЖДЫ

В крестьян стреляли практически в упор. Свои же, русские солдаты, такие же вчерашние мужики. Стреляли залпами. А крестьяне не бежали, они встречали смертоносный свинец грудью. Кричали: «Мы за царя!..»

Впрочем, рассказ об этом впереди... А начну, пожалуй, с писем. Мой очерк «Кто погубил прежнюю Россию» об истоках

и причинах Февральской революции в России был опубликован в газете «История», журнале «Журналист» и «Литературной газете» (уже под названием «Эпидемия свободы»). И, соответственно, вызвал почту. Из всех писем выделю две темы.

Для многих, для абсолютного большинства стал открытием тезис о рабстве, о крепостном праве как глубинной первопричине революции. Пишут, что об этом они даже и не думали.

Второе. Очень резко написал я об интеллигенции. Мол, если я дал право мужикам ненавидеть царско-дворянскую власть, мстить этой власти, то почему отказываю в этом праве разночинской интеллигенции. Дескать, сам же писал, что многие разночинцы — потомки тех самых рабов. Почему же им нельзя то, что можно мужикам? Почему им нельзя было звать Русь к топору?

Как очень часто бывает, мои слова немного переиначили, приписали мне то, о чем они сами думали. Никакого права мстить никому я не давал. Даже если бы и мог... Я всего лишь объяснял бунты, восстания и революцию: «Взорвалось прошлое, взорвалась накопленная за века рабства жгучая ненависть. Смешно считать, что русский мужик в 1917 году царскую власть на штыки поднял, потому что проникся идеями Маркса-Энгельса-Ленина. Нет, мужики нутром почуяли: пришла наконец сладкая возможность отомстить за века унижений. И люто отомстили! И страшно, и надолго перекурочили судьбу России потому, что иначе не могли. Потому, что рабы. И кто их в чем-либо обвинит?

Так с народом обращаться нельзя».

А вот с интеллигенции — особый спрос. Потому что знания, образование, наконец, само понятие интеллигентности ко многому обязывают. И прежде всего — к размышлению. А не к размахиванию топором. К тому же их, интеллигентов, предупреждали. И не «проклятые царские сатрапы», а их же кумир — Чернышевский. Да-да, «тот самый Чернышевский» предупреждал, что бунт, революция — губительны для страны, для цивилизации вообще. Впрочем, опять я забежал вперед...

Но в том-то и горькая суть, что и оголтелый радикализм разночинской интеллигенции поддается объяснению. И вообще — революционный настрой и порыв всего российского общества, увы, объясним.

Наверно, опять же впервые как объяснение революции я приведу здесь причины *психологического характера*.

Нравственный, психологический портрет русского общества нарисовать легко, потому как он строго определен временными рамками 1861—1917 годов. **Все, что случилось, — случилось в это время.** До 1861 года в России *не было* революционеров. Революционеров как представителей *движения*, как *профессионалов*. И декабристы, и петрашевцы — это кружки заговорщиков. А вот после 1861 года сразу возникла «Земля и воля», следом — обыкновенные убийцы-террористы: «Народная расправа» Нечаева, «Ад» Ишутина и «Народная воля» Желябова, затем плехановское «Освобождение труда», РСДРП, просто эсеры и эсеры-террористы, меньшевики-большевики итак далее до РКП(б)... Исторически: от рабовладельческого строя, через 56(!) лет капитализма — Россия влетела в вихрь социалистической революции. Даже смешно читать, да? Капитализм в России существовал 56 лет... Для такого стремительного, небывалого общественного возмущения должны быть какие-то объяснения.

А поскольку наша революция и революция вообще — дело сугубо внутреннее, то причины надо искать внутри. Внутри каждого отдельного человека и всех, вместе взятых. Чтобы *такое* сотворить, необходимо особое состояние общества. Нравственное, психологическое. А каким оно было в 56-летний период, с 1861 по 1917 годы? Можно ли определить и сформулировать *это* в нескольких словах?

Время после 1861 года я считаю **временем обманутых надежд**. И всеобщее состояние умов и сердец — это всеобщее горькое разочарование и желчное раздражение от обманутых надежд... А также ненависть и месть за обманутые надежды.

Представим себе русское общество в 1855 году. Только что умер царь Николай I. Тридцать лет правил он страной. Эпоха. Которая началась мрачно и закончилась безысходно. Началась с виселиц на Кронверкской куртине, с казни декабристов, продолжилась созданием Третьего отделения — тайной политической полиции, а завершилась поражением в Крымской войне.

Позорно не само поражение. В войне всегда кто-то проигрывает. Существенно, *как* проигрывает. В той войне героизм русских людей при Севастопольской обороне, военный талант

флотоводцев и храбрость матросов при Синопе были сведены на нет бездарным верховным командованием, очевидным и постыдным техническим отставанием: ведь из кремневых гладкоствольных ружей стреляли! С боем на 300 шагов. И только в сухую погоду, потому как в пасмурную порох на полке отсыревает... А у противника — практически современные замковые нарезные штуцера дальностью 1300 шагов!

В общем, стыдоба. Все понимали, что так жить нельзя. Что крепостное право сковало производительные и нравственные силы страны по рукам и ногам, разлагает все и вся. Самое главное, конечно, — нравственное состояние общества. Невыразимо стыдно, позорно жить в стране, *«где рабство тоще влачится по браздам»* (Пушкин), где живых людей, божьи души, продают и покупают, меняют на собак! Время николаевского правления Герцен назвал *застоем...* (Вот откуда это слово, введенное через полтора века реформатором Горбачевым уже в Советском Союзе.)

И вот в такой обстановке взошел на престол 37-летний царь Александр! Умный, интеллигентный, его воспитателем был не какой-нибудь казарменный скалозуб, а поэт Жуковский, который прямо учил юного цесаревича: *распространяй просвещение, ибо народ без просвещения есть народ без достоинства, любви свободу, то есть правосудие, ибо в нем и милосердие царей, и свобода народов...* Курс лекций о государственных законах читал наследнику престола патриарх государственной службы Сперанский, тот самый, который замышлял и разрабатывал либеральные реформы еще при Александре 1.

Все в России дышало тогда надеждами на другую жизнь.

Герцен из лондонского далека писал, обращаясь к царю:

«Государь, дайте свободу русскому слову. Уму нашему тесно, мысль наша отравляет нашу грудь от недостатка простора, она стонет в цензурных колодках. Дайте нам вольную речь... Нам есть что сказать миру и своим.

Дайте землю крестьянам. Она им и так принадлежит; смойте с России позорное пятно крепостного состояния, залечите рубцы на спине наших братьев — эти страшные следы презрения к человеку...

Торопитесь! Спасите крестьянина от будущих злодейств, спасите его от крови, которую он должен будет пролить».

И Александр оправдал ожидания. Его коронация ознаменовалась амнистией декабристам и петрашевцам, сразу же были ослаблены тиски цензуры, тотчас же в обществе возникло слово *оттепель*... (Это слово всплывет через век в Советском Союзе после смерти Сталина и будет означать то время.)

Но еще до коронации, до амнистии сам царь сказал *«про это»*. Про то, о чем вслух не говорили. Одни — потому что боялись за себя, другие — боялись спугнуть, не смели и надеяться. За полгода до коронации, в марте 1856 года, в Москве, на торжественном обеде с участием предводителей дворянства царя спросили, верны ли слухи о скором освобождении крестьян. Судя по всему, Александр был не готов к такому разговору, еще не сформулировал мысль в точные слова. Ответил сумбурно, с явным раздражением: *«...Чувство враждебности между крестьянами и их помещиками, к несчастью, существует, и от этого было несколько случаев неповиновения помещикам. Я убежден, что рано или поздно мы должны к этому прийти. Я думаю, что и вы одного мнения со мною, следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло выше, нежели снизу»*.

Как вспоминает современник, речь государя была громовым ударом... Слово было произнесено. Оно моментально проникло во все уголки страны. Россия всколыхнулась.

«Кто не жил в пятьдесят шестом году в России, тот не знает, что такое жизнь...» — писал Лев Толстой. Царя горячо приветствовал тогдашний непримиримый лондонский оппозиционер Герцен.

Вся мыслящая Россия молилась на Александра. Все говорили друг другу: *как будто тяжкий камень свалился с души, легче стало дышать...*

Но эти пять лет, с 1856 по 1861, стали крестным путем Александра Второго.

Терновым венцом несчастного нашего царя.

Жизнь поставила его перед простым, но жестоким выбором. Или освобождать крестьян без выкупа — или с выкупом. С большими наделами земли — или с малыми.

С самого начала Александр для себя определил: никакого выкупа, земли давать столько, чтобы народ был богат и счастлив. И в комитеты и комиссии по крестьянской реформе подо-

брал единомышленников. Но он даже не представлял, каким будет сопротивление.

Девять десятых помещиков и слышать не желали об освобождении крестьян вообще. И уж тем более об освобождении без выкупа.

А помещики, дворяне — опора престола. Значит, царь должен идти против своих? Значит, настроить против себя всех помещиков, практически все дворянство России?

И несчастный Александр метался. Создавал комитеты и комиссии, назначал и смещал их председателей. Не потому, что плохие были соратники, а потому, что его же взгляды менялись и требовались теперь другие, с другими взглядами и настроениями.

Когда депутация помещиков пыталась настоять на том, чтобы крестьянский вопрос рассматривали они, царь заявил: *«Если эти господа думают своими попытками меня испугать, то они ошибаются, я слишком убежден в правоте возбужденного нами святого дела, чтобы кто-либо мог меня остановить в довершении оного».*

А один из его помощников, умирая, сказал царю: *«Государь, не бойтесь!»*

Представляете, царю-самодержцу сказать: «Не бойтесь...»

Увы. Победили «плантаторы». Царь так и не осмелился «довершить святое дело». Крестьяне получили наделы земли, которые были даже меньше по площади, чем те участки, которыми они пользовались, будучи рабами. Да и той землей они не могли распоряжаться самостоятельно, потому что попали в тиски *общины*. Надо было составлять какие-то *уставные грамоты*, то есть договор между крестьянином и помещиком. Вводились *мировые посредники* для разрешения споров между крестьянином и помещиком. Крестьяне были не *свободные*, а *временнообязанные*, то есть должны были отработать свободу и землю. Через два года *барщины* мужик имел право требовать перевода на *оброк*.

Что это, как не издевательство?

Издевательством стало и положение о выкупе земли. Надо было *оброк* перевести в деньги и исчислить всю сумму в деньгах. А так как денег у крестьян не было, то они платили только 20 процентов выкупа. Остальные 80 процентов платило государство. Крестьяне же должны были вернуть эти деньги госу-

дарству в течение 49 лет из расчета 6 процентов годовых. И получается, что при такой системе крестьянин выплатит *тройную* первоначальную стоимость своего надела! Этот ненавистный и непонятный для крестьян процесс с банковскими процентами и прочей абракадаброй с недоимками растянулся аж до 1906 года, когда выкупные платежи были отменены...

Но это — потом. А тогда, в марте 1861 года, крестьяне взбунтовались. Все были уверены, что помещики и чиновники их обманывают, что они спрятали настоящий указ царя. В известной всем по школьным учебникам истории деревне Бездна Казанской губернии крестьяне не выдавали своего вожака Антона Петрова под дулами винтовок. Они кричали: «Мы одни за царя!» После пяти залпов на земле осталось 70 трупов. От ран умерло еще 20 человек. Антона Петрова судили военно-полевым судом и расстреляли.

В Пензенской губернии вспыхнуло настоящее восстание которое охватило около сорока сел и деревень. И там крестьяне под огнем солдат кричали: «Умрем за Бога и царя!»

В подавлении крестьянских бунтов участвовало 80 пехотных и кавалерийских полков.

Вот в таком обличье пришла свобода к русскому мужику...

Чтобы представить состояние российского общества в 1861 году, достаточно вспомнить, с каким воодушевлением встретили мы в недавние времена появление Горбачева и вслед за ним радикального реформатора Ельцина. Вновь возник тот самый лозунг: свобода — всем, земля — крестьянам, фабрики — рабочим. Сколько надежд было связано. И свободу вроде бы нам дали, и землю с фабриками в виде ваучеров раздали. Только где они и что мы имеем сегодня, сейчас... Причем обязательно отметим феномен: угнетал коммунистический режим, а ненавидят Горбачева и Ельцина — тех, кто дал надежду и обманул. Или не смог...

Так и тогда. После многовековой несправедливости появилась, сверкнула, озарила весь мир надежда на справедливость! А в итоге — обман. Жесточайший удар по нравственному, психологическому сознанию общества.

Народ запомнил это на всю жизнь. И передал, влил отравленное вино обманутых надежд в кровь своих детей, внуков и

Благодатная реформа — отмена рабства — породила поколение революционеров-экстремистов. Потому что обманутые надежды часто рожают в людях такую яростную ненависть, какую не рождает никакое сегодняшнее безнадежное угнетение.

Образованное общество, желающее блага народу и стране, окончательно разуверилось в царе и во власти. Более того — общество возненавидело царя и власть, как никогда прежде.

Оно, общество, даже своего кумира Чернышевского уже не слушало. Считается, что Чернышевский был самым радикальным, что он к топору звал Русь. Причем так считали и царские власти, и это же приписали ему советские историки. Одни — чтобы посадить, уничтожить авторитетного публициста, другие — чтоб изобразить его радикальным революционером. На самом же деле Чернышевский не призывал к топору. Во всяком случае, никак не доказано, что напечатанное в «Колоколе» знаменитое «Письмо из провинции» с заключительным «К топору зовите Русь!» принадлежит перу Чернышевского. На самом деле Чернышевский боялся народного восстания. В «Письмах без адреса» он предостерегал, что русский бунт обернется поголовной резней и погромом, сокрушением всего, чего достигла Россия.

Но его уже не слушали. Кумирами молодежи становились ярые ненавистники всего и вся, которые переплюнули в нигилизме самого Дмитрия Писарева с его лозунгом: «Что можно разбить, то и нужно разбивать... Бей налево и направо...»

В 1861—1862 годах по России распространяются многочисленные прокламации самого радикального толка. В них говорилось, в частности: «...Если бы для осуществления наших стремлений, для раздела земли между народом пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы бы не испугались этого...» Открыто раздавались угрозы пролить «втрое больше крови, чем якобинцы».

Появилось слово «нигилист». Возникла «Земля и воля», из нее вышла террористическая «Народная воля». За царем-освободителем охотились по всей стране и в конце концов, в 1881 году, убили. Андрей Желябов и его товарищи отомстили Александру Второму за обманутые надежды отцов. Террористов повесили. Через шесть лет, в 1887 году, за попытку покушения уже на Александра Третьего казнили другую группу народовольцев, среди них — Александра Ульянова. Владимир

Ульянов начал мстить за повешенного брата Александра. Его поддержали внуки и правнуки расстрелянного вожака восставших крестьян Антона Петрова, которые мстили за дедушку Антона...

Так закончилась реформа, которая могла вывести Россию к свободе и к свету. А привела к Октябрьской революции 1917 года. Которую называют большевистским переворотом, потому как революция, теоретически, была в феврале. И на этом основании в свободомыслящих обывательских массах еще в давние советские времена ходили разговоры: вот, мол, в феврале-то и надо было остановиться, и было бы у нас, как во всем мире, — буржуазная революция, капитализм и так далее. По поводу если бы да кабы рассуждать можно много и долго. Здесь же я просто приведу отчаянное, пророческое предупреждение Чернышевского, которого и тогда никто не слушал, и при советской власти скрыли его слова от народа, и сейчас не знают:

«Народ невежествен, исполнен грубых предрассудков и слепой ненависти ко всем, отказавшимся от его диких привычек. Он не делает никакой разницы между людьми, носящими немецкое платье; с ними со всеми он стал бы поступать одинаково. Он не пощадит и нашей науки, нашей поэзии, наших искусств; он станет уничтожать нашу цивилизацию».

Что и произошло в октябре 1917 года. Народ ненавидел всех господ без разбора и уже не верил никаким господам, а слушал только тех, кто призывал крушить мир и резать всех господ — то есть верил только большевикам.

Глава 30

КТО ПОГУБИЛ ПРЕЖНЮЮ РОССИЮ?

Через рыцарство, через кодекс дворянской чести и даже дуэли мы неизбежно пришли к разговору о дворянстве вообще. К его роли в истории России.

И не только лишь к разговору на страницах книги. Долгую дорогу от Новосибирска до Владивостока коротал я за длинными беседами в одном купе с двумя молоденькими лейтенантами, едущими к новому месту службы. О чем говорили? Ко-

нечно, о России, о судьбах народа, о русском характере, о дворянстве, о революции, о выборе пути...

И не понять, то ли дорога, необъятная страна за окнами, наталкивала нас на такие разговоры, то ли, наоборот, служила она иллюстрацией к нашим размышлениям.

Нация самоубийц?

Огибаем южную оконечность Байкала. Несколько часов подряд поезд идет по самой кромке берега. До воды — метров пять, иногда — десять. Справа за окном — стеною горы, слева, под нами — озерные свинцовые воды.

Странные чувства вызывает Байкал. Например, никак не уместается в сознании, что перед тобой, перед твоими глазами, в этой обозримой чаше — **пятая часть всех запасов пресной воды на планете Земля.**

Берега Байкала пустынные. Редко-редко увидишь костерок, машину, палатку, лодку на якоре или одинокого рыбака. И уж ни разу на всем пути не заметил я, чтобы в Байкале купались. Нет и почти не бывает здесь веселых брызг, детских восторженных криков, женских визгов. В самые жаркие дни вода в Байкале прогревается до... пятнадцати градусов. Самое теплое время здесь — август, а сейчас — июнь... А раз нельзя купаться, то нет людей. А раз нет людей, то нет и тепла в пейзаже.

Безлюдны берега, но безлюдно и почти все пространство Байкала. На любой воде кипит жизнь: идут баржи, пыхтят буксиры, снуют моторные лодки с катерами, проходят теплоходы, тянутся плоты с лесом, ворочают длинными шеями причальные краны. Здесь же нет ничего. Ни теплоходов, ни рыболовецких сейнеров.

Холоден, величествен и одинок Байкал.

Жизнь здесь бурлит на станциях. Но и там отдает каким-то холодком. Может, потому, что чуть ли не каждая станция здесь — что-то вроде мемориала. Бронзовый бюст, бронзовая доска в честь того или иного деятеля миновавших бурных времен. В основном, конечно, революционного деятеля.

Память о самом видном из них хранит станция Слюдянка, южная точка Байкала. Пустой перрон, бабушки торгуют семеч-

ками и омулем. А над ними, на стене вокзала, мемориальная доска: здесь, на станции Слюдянка, 3 декабря 1906 года был схвачен и расстрелян Иван Васильевич Бабушкин, который вез из Читы оружие революционным рабочим Иркутска.

Июнь в здешних местах — еще не лето. От Байкала тянет холодом. Пронизывает до костей. Стоишь и думаешь: господи, какое же безумство, какая же идея, какой же фанатизм и какие буйные ветра истории погнали сюда, на край тогдашней земли, сына вологодского крестьянина, питерского слесаря Ваню Бабушкина? Но Иван-то Бабушкин был относительно образованный, сознательный, убежденный, идейный, едва ли не первый **марксист из рабочих**, за что его особенно ценил и любил Ленин. А ведь остальные, **миллионы и миллионы**, едва ли слышали о Марксе каком-то, но пошли за большевиками лавой, на смерть и кровь! И громадную страну залили кровью и усеяли смертью. Почему, зачем, из каких таких убеждений или чувств?

И вообще — что занесло русский народ в революцию?

Сейчас-то известно, что никаких таких особых предпосылок к революции не было. И даже наоборот: экономика страны на подъеме. Конечно, жизнь рабочих в тогдашней заводской слободке далеко не мед и не сахар. Но все же и не тот беспросветный мрак, какой обычно рисовали коммунистические историки. Даже в любимом советскими идеологами романе Горького «Мать», если читать его внимательно, жизнь эта выглядит совсем иначе, нежели в учебниках...

Вообще, удивительно, как советские люди умудрялись пропускать такие детали мимо глаз и мимо сознания! Упомяну, кстати, другой роман, который читали (и с удовольствием!) все советские люди — «Белеет парус одинокий» Валентина Катаева. Автор усиленно изображает там преподавателя средних учебных заведений Петра Васильевича Бачея приниженным и забитым, таким пролетарием умственного труда. Но в деталях-то он солгать не может. А в деталях, если чуть-чуть присмотреться (но советские люди почему-то не присматривались, вот что поразительно!), получается, что преподаватель средних учебных заведений на свою зарплату содержал двух детей, свояченицу да еще оплачивал труд кухарки-горничной Дуняши! Прочитает это нынешний школьный учитель, вспомнит свою советскую жизнь, оглядит мутным взором сегодняшнее бес-

просветное житье-бытье и буквально за голову схватится: какие ж мы были слепые!

Однако вернемся к роману «Мать», к Павлу Власову, к его жизни в рабочей слободке.

«Павел сделал все, что надо молодому парню: купил гармонику, рубашку с накрахмаленной грудью, яркий галстук, галоши, трость и стал такой же, как все подростки его лет».

Это, значит, угнетенный рабочий парень, да? Учтите, что ему пятнадцать-шестнадцать лет, никакой особой квалификации и соответственной зарплаты у него еще нет. Отец умер, мать не работала. То есть он один семью содержал. А жили они так:

«Треть дома занимала кухня и, отгороженная от нее тонкой переборкой, маленькая комнатка, в которой спала мать. Остальные две трети — квадратная комната с двумя окнами; в одном углу — кровать Павла, в переднем — стол и две лавки. Несколько стульев, комод для белья, на нем маленькое зеркало, сундук с платьем, часы на стене и две иконы в углу — вот и все».

Это значит, что у каждого человека в семье угнетенного рабочего Павла Власова была отдельная комната! Помнится, что-то такое вписывали коммунисты не куда-нибудь, а в программу построения коммунизма в Советском Союзе. Смею вас уверить, да вы и сами знаете, что в большинстве своем советские люди, тем более в тех же оставшихся рабочих слободках, все годы советской власти, через семьдесят лет после Павла Власова, жили немногим лучше. И часто гораздо хуже, потому как в таких домиках теснились иногда две-три семьи: бабушка с дедушкой, отец с матерью, да еще и старший брат с женой... А в очередях на заветную благоустроенную квартиру стояли по двадцать лет.

Всегда считалось, что поводом для февральских выступлений рабочих Петербурга стали перебои с хлебом. В некоторых источниках говорится, что перебоев с продовольствием не было, а было повышение цен на хлеб и на масло. Но в любом случае это вовсе не причина для бунта. Ведь наша (твоя!) страна вот уже третий год воюет с чужеземцами, можно и потерпеть. Однако русский народ не стерпел! Грянул революционный гром! Рабочие вышли на улицы Петербурга, солдаты бросили позиции и открыли фронт немцам. Так свершилась Февральская революция 1917 года.

А теперь представим 1942 год, блокаду Ленинграда. Суточную пайку хлеба срезают еще на пятьдесят граммов. В ответ рабочие останавливают станки и выходят на улицы с плакатами «Долой советскую власть!», «Долой Сталина и Жданова!». Войска Ленинградского и Волховского фронтов оставляют окопы и присоединяются к демонстрантам. Гитлеровские солдаты беспрепятственно, играя на губных гармошках, входят в оставленные города и села, в Ленинград... Можно ли представить такое в самом больном воображении или в самом страшном сне? А в Петербурге в феврале 1917 года так и произошло.

Что случилось?

Как это назвать? Как это определить? Массовое помрачение разума?.. Всеобщий морок? Господь в единый год и час лишил разума стомиллионный народ?

А может, русские люди просто-напросто неприкрытые, тяжкие самоубийцы самих себя и своей страны? Без различия классов и сословий? Может, характер такой, русский?

Цитата:

«Теория, будто бы революцию делают голодные — неправильна. Ее нужно сдать в архив. Революцию делают сытые, если им два дня не дать есть. Такова была Февральская революция в Петрограде в 1917 году. Два дня не стало хлеба — и упала царская власть... Но если людям не давать два месяца есть, то они бунтовать не будут: они будут лежать при дорогах обессиленными скелетами и, протягивая руки, молить о хлебе.

(В. В. Шульгин. «Три столицы»)

Жажда справедливости?

Согласитесь, болтовня о русском характере, то удалом и бесшабашном до дури, то тихом и святом до юродства — в основном вроде бы достояние улиц, пивнушек и прочих теплых мест, где народ наш чешет языки для услады души. На самом же деле в цивилизованных странах этим самым национальным характером, а точнее — **национальным поведением** — занимается самая серьезная наука.

И у нас она занималась. Но почему-то тайно, в рамках тайных служб, короче говоря — КГБ. Вот ведь дурь из дурей. Уж

как раз эта наука, эти исследования должны быть самыми открытыми, публичными, дискуссионными. Ан нет. Вот и стоит, кстати, задуматься: входит ли сей фактор — абсолютный примат карательных тайных органов («слово и дело») — в **особенности национального поведения?** Может, это тоже **особенность национального характера и поведения?**

И только сейчас появились первые открытые исследования, первые книги редких, можно сказать, единичных специалистов. Я не случайно, а вполне намеренно уже несколько раз повторил это словосочетание — **особенности национального поведения.** Так и называется книга экономиста Михаила Алексева и философа Константина Крылова, которые занимаются интереснейшей и практически неизведанной у нас областью человеческой жизни — поведением. Их предыдущие книги — **«Поведение»** и **«Поведение — наука об основах нового мировоззрения».** Ни много ни мало — «об основах нового мировоззрения».

«Поведение — это вообще все то, что мы делаем или не делаем, и то, как мы оцениваем наши и чужие поступки с этической точки зрения», — пишут Алексеев и Крылов.

Иными словами, чем русский отличается от немца, американца, француза, китайца? Почему русский на те или иные обстоятельства жизни или вызовы времени реагирует так, а не иначе? Хотя бы обозначить, определить наши особенности, нарисовать более или менее объективный портрет — уже великое дело. Но вполне естественно, что авторы не только **определяют**, но и пытаются **объяснить.**

Алексеев и Крылов, говоря об этической доминанте в характере русского человека, делают упор на слове и понятии **«справедливость».** Представьте себе, пишут они, что в любой из нынешних стран выходит кандидат в президенты и объявляет программу: свободы не будет, всех богатых разорим и расстреляем! Ничего себе программка! И представьте, что народ с ревом и матом идет за таким политиком.

Здесь Алексеев и Крылов немного путают. Забегают вперед. В том-то и дело, что большевики обещали свободу. И тотчас же обманули. А в остальном все так, именно это случилось с нами в семнадцатом году. Вдумаемся: большевики ведь не скрывали, что их цель — диктатура пролетариата. И вовсе не **пролетарская, а крестьянская** Россия с этим согласилась. Каза-

лось бы, на хрен крестьянам-то идти под диктатуру какого-то *пролетариата*? Однако ж пошли. Почему? Видно, большевики задели за самую чувствительную струну в характере русского человека — жажду справедливости? Даже те, кто сопротивлялся большевикам, сопротивлялись недостаточно активно, потому как чувствовали за ними некую справедливость, а за собой — некую неправедность?

Наверно, это означает, что тогдашняя жизнь опорочила себя в глазах всех: крестьян, рабочих, дворян, разночинцев? Было общее ощущение, что все — несправедливо и неправедно, что дальше так жить нельзя?..

Стоп! Я ведь сейчас произнес слова из нашей современной истории, из времен перестройки и гласности: дальше так жить нельзя!

Да, то же самое повторилось и через семьдесят лет. И не надо лукавить, обвинять диссидентов, Горбачева и демократов: мол, сбили с панталыку. Вспомните: каждая бабка и каждый студент в восьмидесятые годы думали и говорили об одном: дальше так жить нельзя! Вспомните, как поддерживали Ельцина. Везде. Всегда и во всем. И только когда они с Шушкевичем и Кравчуком отменили нашу родину — Советский Союз, только тогда страшный холодок отрезвления пробежал по нашим спинам. И то ведь не сознательный, от осознания и осмысления, а от инстинкта от плоти и крови. «Денонсировали договор о Советском Союзе». Даже люди, не знающие, что такое «денонсация», догадались сразу: **отмена!** Но как можно **отменить** нашу Родину?! Это было первое прозрение. Как всегда — позднее...

Вспомним, наконец, какие общественные всесоюзные страсти кипели по поводу привилегий номенклатуры! Что мы понимали под ними? Пятикомнатную квартиру первого секретаря обкома и четырехкомнатную — рядового секретаря? Смешно сейчас это писать и читать, да? Сейчас воздвигаются дворцы — и мы молчим. Почему? Потому что с секретарями обкомов мы считали себя равными, и их привилегии резали нам глаза? А эти, владельцы дворцов, честно наворовали, честно хапнули, и это возвышает их над нами, делает ситуацию справедливой: *кто смел, тот и съел?*

А может быть — это молчание до поры до времени? Если правы Крылов и Алексеев, если слово и понятие «справедли-

вость» одно из ключевых и определяющих в характере и в поведении русского человека, то чего нам ждать от будущего? Забудется ли эта самая **приватизация**, простится ли оскорбительное до глубины народной души обогащение одних миллиардами долларов и разорение других до голода и нищеты? Или когда-нибудь всколыхнется, вскипит? А ведь может закончиться, не приведи Господь, снова русским бунтом, кровавым и беспощадным...

Камень с горы

Трудно с абсолютной убедительностью доказать, где в исторических событиях цепь случайностей, а где железная поступь закономерностей. Чаще всего, наверно, происходит роковое совпадение настроений, чувств, событий и случайностей.

Но с уверенностью можно сказать, что к революции 1917 года привела Россию Первая мировая война.

Другое дело, что сама мировая война не очень понятна и объяснима. Императрица Аликс (Александра Федоровна), чистокровная *немка*, и император Ники (царь Николай Александрович), на 95 процентов *немец*, обиделись за сербов, *братьев-славян*? Да так, что пошли войной на кузена, почти родного брата Вилли (кайзера Вильгельма)? Причем родство и взаимные симпатии Ники и Вилли были ведь не формальными, а самыми что ни на есть настоящими, человеческими. Современник отмечал в записках, как Николай, тогда еще молодой цесаревич, после одного из парадных приемов провожал Вильгельма, подавал ему шинель. В этом радостном услужении, пишет современник, совместились и выразилось все: и собственное юношам уважение и любовь к старшему брату, и просто уважение к старшему, и особое восторженное служение коронованной особе, помазаннику Божьему... Вот какие были отношения. Или они, император и кайзер, были уже бессильны перед волной народного чувства, всеобщего остервенения стран и народов, слепо и яростно жаждущих крови?

Но истоки и причины Первой мировой — отдельный разговор. Я же полагаю, что без Первой мировой войны невозмож-

ны были революции и Гражданская война. Потому что крестьянский народ в громадной стране, без дорог, без связи — поднять на революцию было невозможно. Мыслимо ли было миллионы мужиков оторвать от дома и земли каким-то там, извините, революционным призывом? Нет и нет! Самое большое доказательство тому — железная дорога, та самая, по которой едем мы до Владивостока. Железнодорожник — вроде бы рабочий. Почти пролетарий. Но в то же время он — крестьянин. На всем пути русских железных дорог у каждой семьи железнодорожника — в так называемых пристанционных рабочих поселках — был свой двор и участок с хозяйством: обязательный огород, корова и свинья с хрюком в сарае. В Гражданскую войну все разрушилось и остановилось, а железная дорога худо-бедно действовала. Потому как мужики остались при своих хозяйствах и одновременно — при своей работе. Их и в армию не брали. А в революцию они сами не пошли. Профсоюз железнодорожников — Викжель — был тогда очень влиятельной силой. О нем даже очень далекая от всяческих профсоюзов декадентка Зинаида Гиппиус писала (цитирую по памяти):

...Не уползти!
Уж разобрал руками черными
Викжель — пути...

А всех остальных — сорвали с места. Прежде всего крестьян. Царь-батюшка сорвал своей мобилизацией на войну. Можно сказать, что всей мощью государственной власти подняли народ и вооружили его для революции и Гражданской войны.

Наш тренер по волейболу нас учил... Когда команда противника атакует, когда их нападающий взвивается над сеткой и заносит руку для удара, **начинайте двигаться**. Все равно, в какую сторону: вперед, назад, вбок... Потому что **из состояния движения** вы легче и быстрее среагируете на удар, нежели **из состояния покоя**.

Никакой Ленин не вывел бы и не сдвинул крестьянскую Россию из состояния покоя при доме и корове. Это сделало само государство. Миллионы людей оказались оторванными от дома, от привычного и **сдерживающего** круга обязанностей. Да еще с оружием в руках. Да еще в полной мере получили слухи о преда-

тельстве, о *распутинщине*, о загулах высшего света в ресторанах, в то время как они три года *гниют в окопах*... Миллионы вооруженных людей самой властью были приведены в движение. А повернуть их в ту или иную сторону уже не составляло труда. Как покатить камень с горы. Пролетариям нечего терять... И солдаты, **бывшие крестьяне**, как раз и оказались самыми что ни на есть пролетарскими пролетариями, даже большими пролетариями, чем рабочие.

Кстати, пролетарий в первоначальном значении слова даже не рабочий. Пролетарий — деклассированный элемент, *маргинал*. То есть человек, оторванный от корней, своего происхождения, исконного круга обязанностей. И таким образом Первая мировая война превратила в маргиналов миллионы рабочих и крестьян. Они никто, не рабочие и не крестьяне, а невиданное сообщество людей тогдашней России — *революционные солдаты и матросы*. Они, маргиналы, — движущая сила всех бунтов и революций. С XVI века на Руси их называли *гулящими людьми* — есть такой роман у Алексея Чапыгина. Кстати, еще задолго до революций эту решимость маргиналов на революции отмечал Чернышевский в хрестоматийной статье «Русский человек на рандеву». Задаваясь вопросом, почему Тургенев героем-революционером сделал не русского человека, а болгарина по происхождению, Чернышевский приходит к выводу, что болгарина, иностранца, здесь ничто не связывает. Он более свободен, или, по-другому говоря, разнуздан. Опора на *гулящих людей*, или *маргиналов*, сохранилась до сих пор и в практике, и в теории. Еще в шестидесятые годы прошлого века кумир тогдашней радикальной марксистской молодежи американский философ-революционер Герберт Маркузе писал, что в современной Америке подлинно революционной силой могут быть только негры и студенты, то есть люди, еще не вовлеченные в капиталистическое производство. То есть люди, не связанные ничем...

Цитата:

«Неужели вы не понимаете, что совершаете преступление, устраивая революцию во время войны?.. Нет, я не приму участия в разрушении моей Родины».

(Академик Иван Павлов, 1917 год)

Деградация дворянства

Можно ли быть свободным среди рабов?

И понятно, что в долгом пути так или иначе речь у нас заходила о дворянстве (молодые офицеры всегда равнодушны к этой теме, им кажется, что золотые погоны их как-то приближают к знатному сословию), о заслугах дворянства, о том возможно ли в нынешние времена возрождение аристократии...

Можно ли ставить в заслугу дворянству все те культурные достижения, которые называются Золотым и Серебряным веком страны? Не знаю. Наверно, правящему классу создавать культуру так же естественно, как и дышать. Тут вроде бы и нет особой заслуги. Но зато там, где понадобились усилия, быть может, даже нравственный и политический подвиг, российское дворянство оказалось не на высоте. **Я полагаю, что монархическую Россию привели к краху именно дворяне.** Ответственность за революцию лежит на них. Как на правящем классе.

Вспомним слащавую формулу отношений помещиков и крепостных: *«Вы — наши отцы, мы — ваши дети...»* Но если дети в один исторический миг порезали, поубивали, расстреляли *отцов*, а *отцовские* усадьбы разграбили, загадили и сожгли, то кто виноват в том? Значит, такие были *отцы*?..

Россия — единственная страна в мире, где **официальный рабовладельческий строй**, официальное рабство существовало вплоть до второй половины XIX века! Четыреста лет!

А рабство, на мой взгляд, и привело монархическую Россию к страшному революционному взрыву.

Вдумайтесь, в Лондоне в 1860 году уже метро строили. А мы грудных детей от родителей отрывали, мы целые села в карты проигрывали, мы человеческих детей на борзых щенков обменивали, мы право первой ночи использовали. При этом изображали просвещенность, одной рукой пытались писать исторические трактаты, а другой рукой заливали расплавленный свинец в глотки крепостных мужиков.

Смешно считать, что русский мужик в 1917 году царскую власть на штыки поднял, потому что проникся идеями Маркса-Энгельса-Ленина. Нет, мужик нутром почуял, что **пришла наконец сладкая возможность отомстить за века унижений.**

И люто отомстил! В том числе и самому себе. Но это уже другой разговор...

Сейчас многие пишут, что особых предпосылок для революции-то и не было, что жизнь налаживалась и Россия богатели. И правильно пишут. Предпосылок не было. И это лишь подтверждает мою мысль, что не из-за прямого, **сегодняшнего** гнета разразилась революция. Взорвалось прошлое, взорвалась накопленная за века рабства жгучая ненависть.

Ведь Пушкина читали! Что народ наш добрый, кошку из горящего дома вытащит, рискуя собой. И в то же время помещика в этом же доме сжигает, зло смеясь. Читали... Но такое ощущение, что никто ничего не понимал. Не хотел понимать. Не когда-нибудь в темные времена, а уже в XX веке, в 1907 году, последний император России писал о себе: «Хозяин земли Русской». В XX веке человечество получило все, чем оно сегодня живет. Атомную энергию, телевидение, электронику, компьютеры. Но в этом же веке у нас в России один человек говорил о себе: «Хозяин земли Русской». И не в шутку и полушутку, а в официальном документе, при переписи населения он так написал в графе «род занятий»...

Вот почему было поздно. Хотя в стране уже победила промышленная революция. Хотя уже дарованы были политические свободы. Хотя Столыпин выводил мужиков на отруба, на вольное хозяйствование.

Но было поздно.

Даже полвека назад, в 1860 году, было поздно отменять позорное рабство. Котел перегрелся. Не дети, так внуки крепостных стали так называемыми разночинцами. То есть вышли в господа. Вот они-то и не могли простить власти рабства своих отцов и дедов. Они-то, образованные, и звали Русь к топору. Чаша ненависти переполнилась. И страна неумолимо шла к Семнадцатому Году.

И когда пришла, содрогнулась от самой себя, от облика своего. Вспомним «Окаянные дни» Бунина.

Могу засвидетельствовать: когда впервые в Советском Союзе в 1990 году на волне гласности вышли «Окаянные дни» Ивана Бунина, моя реакция была... непростой. Как бы я ни отрицал коммунистическую идею, как бы критически ни относился к событиям 1917 года в России, но мне после прочте-

ния книги стало как-то... тяжело. Так про народ не писал еще ни один враг революции. Сколько там ужаса пополам с брезгливостью, физического отвращения и тяжелой ненависти ко всем этим солдатам, матросам, «этим зверям», «этим каторжным гориллам», мужикам, хамам, которые вдруг стали хозяевами жизни и смерти, ко всему революционному быдлу:

«Закрою глаза и вижу как живого: ленты сзади матросской бескозырки, штаны с огромными раструбами, на ногах бальные туфельки от Вейса, зубы крепко сжаты, играет желваками челюстей... Во век теперь не забуду, в могиле буду переворачиваться!»

А вот еще отрывочек:

«Сколько лиц... с разительно асимметрическими чертами среди этих красноармейцев и вообще среди русского просто-народья — сколько их, этих атавистических особей... И как раз именно из них, из этих самых русичей, издревле славных своей антисоциальностью, давших столько «удалых разбойничков», столько бродяг, бегунов, а потом хитровцев, босяков, как раз из них и вербовали мы красу, гордость и надежду русской **социальной** революции. Чего ж удивляться результатам?..»

Далее Иван Алексеевич пишет, что есть преступники случайные, а есть прирожденные, у которых *«коренная черта — жажда разрушения, антисоциальность»*.

«В мирное время мы забываем, что мир кишит этими выродками, в мирное время они сидят по тюрьмам, по желтым домам. Но вот наступает время, когда «державный народ» восторжествовал. Двери тюрем и желтых домов раскрываются, архивы сыскных отделений жгутся — начинается вакханалия».

И задумывается Иван Алексеевич, откуда они взялись, и не находит ответа. Кроме все того же — прирожденные преступники, из той самой породы *прирожденных*, откуда вышел и их народный герой Стенька Разин.

И на протяжении всей книги ни разу не задумывается Иван Алексеевич Бунин над своей ролью, **над ролью своих предков в этой кровавой российской вакханалии**. А ведь взялись эти прирожденные преступники, Иван Алексеевич, из крепостных деревень ваших дедов и прадедов. Из рабства. И страшно, и надолго перекурочили всю судьбу России потому, что иначе не могли. Потому что раб — не человек.

Когда человек становится рабом, то все человеческое опадает с него сверху, как шелуха, а изнутри, из души, выжигается дотла.

Раб — это быдло, то есть скотина. А раз скотина, то **можно все**, ничего не страшно и ничего не стыдно. То есть вообще нет ничего. Никаких устоев. Говоря нынешним языком уголовников — полный беспредел. И так росли и воспитывались дети, и внуки, и правнуки, и праправнуки... Четыреста лет рабства. Почти двадцать поколений, родившихся и выросших в ярме, не знающих в своем воспитании ничего, кроме подлой науки холопского выживания.

Так если бы только четыреста лет! А предыдущие шестьсот лет — они что, при Декларации прав человека проходили? По «Русской правде» Ярослава Мудрого несколько гривен как наказание за убийство смерда — это свобода? Конечно, свобода. Свобода убивать мужиков практически безнаказанно, по закону...

Так чего ж мы ждали тогда от своего народа, Иван Алексеевич!? Вы же сами и пишете: «В том-то и сатанинская сила их, что они сумели перешагнуть все переделы, все границы дозволенного, сделать всякое изумление, всякий возмущенный крик наивным, дурацким».

Так их и не было, пределов. В веках, в предках.

Не случайно в древности на Востоке считали, что после отпущения раба на волю семь поколений его потомков должны вырасти в свободе, и только тогда кровь раба очистится...

Вот почему в России давно уже было поздно...

Быть может, начинать надо было в 1825 году. Вместе с Рылевым, Пестелем и их товарищами.

Эти дворяне, победив Наполеона, пройдя с оружием в руках через всю Европу, вдруг увидели, как там живут простые крестьяне. И сердца их преисполнились стыдом и болью за свое, родное. И они вышли на Сенатскую площадь.

Да, путь был выбран кровавый. Но в ту эпоху общество не знало, не выработало еще других форм протеста. Не было их.

Но почему другие дворяне, собравшись и поодиночке, не обратились к царю, не сказали ему, что декабристы выступали не против царя, а против рабства? Не убедили. Наконец, не поставили его перед общественным мнением.

Дворяне этого не сделали. Они смотрели, как на Кронверкской куртине палач вешает их лучших товарищей...

Наверно, дворяне понимали, на что покусились декабристы. На святое! На право каждого из них быть царем и богом в своих голодаевках и погореловках, на право казнить и миловать, насилловать крепостных девиц, тащить их из-под венца в свою постель на глазах у крепостных женихов.

И они, дворяне, с этими гнусными правами не хотели расставаться ни за что!

Вот почему молчали тогда дворяне.

Рабство развращает и рабов, и рабовладельцев. Нация деградирует. Страна, в данном случае Россия, разрушается с двух сторон сразу. Что сделал народ, мы знаем. А куда смотрели дворяне? Ведь уже искры летели! Атмосфера тогдашней России была буквально наэлектризована предчувствием катастрофы. Это особенно остро ощущали маргиналы. В современном языке это слово приобрело негативное значение: бомж, люмпен, асоциальный элемент... В широком же смысле оно обозначает нечто, выходящее за край поля («марго» — край, отсюда «маргиналии» — заметки на полях). Любой человек, вышедший за край своего поля — этнического, сословного, профессионального и т. д., — уже маргинал. И в этом смысле самые большие маргиналы, наверно, поэты. Не дворяне, не разночинцы, не рабочие и не фабриканты, не военные служащие и не гражданские служащие и даже не простые смертные, а — поэты... Они, поэты-маргиналы, с особой чувствительностью воспринимали состояние миллионных маргинальных масс, то, что Блок потом назвал музыкой революции. Он же, Александр Блок, задолго до событий предупреждал всех в поэме, пророчески названной «Возмездие». Вслед за ним Маяковский с точностью до года указывал: «В терновом венце революций грядет Шестнадцатый год...» Велимир Хлебников в публичных выступлениях писал на листах: «Некто 1916...»

Увы. Никто из тех, кто обязан был, не слушали и не понимали.. Царь день за днем отмечал в своих дневниках, как он хорошо поел и погулял... Правящие классы не думали или старались не думать, уверенные, что в крайнем случае придут казаки, разгонят и перепорют нагайками взбунтовавшееся быдло, как это было в 1905 году...

А как вели себя господа интеллигенты? Хихикали, злобствовали, призывали к бунту! Они что, не понимали, как опасно раскачивать лодку во время войны? Да что там говорить, когда в первые же дни Февральской революции не кто иной, как один из великих князей рода Романовых надел на рукав красную повязку и вышел на улицы Петербурга! Это что, не деградация?

Стисну зубы, попробую понять и объяснить поведение великого князя и разночинской интеллигенции. Объяснить **безответственностью**. Когда на твоих плечах нет прямой ответственности за редакцию, коллектив, предприятие, организацию, государство, страну, народ, то мысли парят с легкостью необыкновенной. Это такой синдром подросткового сознания. Разрушительный синдром.

Но вот группа людей, которые обязаны были и не могли не осознавать в ту пору тягчайшей ответственности, которая лежала на их плечах. Это — генералы, командующие фронтами.

Уж они-то, военные люди, понимали, не могли не понимать, что **во время войны, во время боевых действий, императора и главнокомандующего не свергают**. Коней на переправе не меняют. Они, командующие фронтами, должны были бы пресечь на корню любую, самую слабую попытку к этому.

Что же сделали командующие фронтами?

Они все, как один, прислали государю-императору телеграммы с требованием отречения от престола!

Что это, как не деградация?

И потому мне грустно, когда нынче сплошь и рядом говорят о возрождении дворянства, сплошь и рядом находятся потомки и так далее и так далее. (Для отведения упрека в *классовых* антипатиях сообщу: по отцовской линии я в *восемнадцатом* поколении прямой потомок древнего рода Каракесек, а мой пращур по материнской линии упоминается в *Никоновской летописи за 1424 год*.) Я не знаю, можно ли второй раз вступить в одну и ту же реку. Не смешны ли все эти потуги, не раздражают ли они людей! Но грустнее всего то, что, говоря о возрождении лучших традиций ушедшего дворянства, никто из нынешних потомков ни разу не заговорил о чудовищной вине дворянства перед страной и народом, никто не заговорил о покаянии.

Цитата:

«Власть есть такая же профессия, как и всякая другая. Если кучер запыет и не исполняет своих обязанностей, его прогоняют... Мы слишком много пили и пели. Нас прогнали.»

(В. В. Шульгин. «Три столицы»)

Закон и кулак

И вот теперь у меня появились ответы даже не на *вопросы*, а на *факты*, изложенные в начале прошлого века Буниным и в конце века Крыловым и Алексеевым.

Бунин пишет о *прирожденных*, о склонности русских людей к бунту, об удалых разбойничках и прочих асоциальных элементах, о любви русского народа к ним, о том, что любимый герой русского народа Стенька Разин и пр.

Крылов и Алексеев — о том, что доминантная черта в русском национальном характере — жажда справедливости.

Они не ставят вопрос — они ставят нас перед фактом. Но откуда они взялись — и жажда справедливости как доминантная черта национального характера, и любовь к удалым разбойничкам, героизация разбойников?

Оттуда же, из рабства. К **справедливости** зовут тогда, когда нет **закона**. Или когда в стране такие законы, такое правосудие, которые направлены против большинства населения. Не случаен же крик души русского простолюдина: «Суди нас не по закону, а по справедливости!»

В таких исторических условиях любой человек, не признающий власти, становится героем.

И не только у нас. Сразу же приходит на память Робин Гуд. Вот он-то, Робин Гуд, и является самым убедительным доказательством моей теории о рабстве и его последствиях в русской жизни. Вспомним, Робин Гуд водил разбойников по Шервудскому лесу во времена Ричарда Львиное Сердце. В XII веке. Когда закона практически не было, когда было право сильного. Когда любой феодал мог убить и ограбить йомена. Хоть сам, хоть при помощи шерифа. Понятно, что Робин стал в таких условиях народным героем и народным защитником.

Но Робин — если не единственный, то последний такой герой в английском сознании. У нас же до сих пор прославляются илейки, кудеяры, стеньки, емельки, ермаки и прочие. А в Англии после XII века — ни одного разбойничка, которого воспевал бы народ!

Почему?

А потому, что 1215 году в Англии был положен конец как беспределу отдельных феодалов, так и всевластию самой королевской власти.

В 1215 году была принята Великая хартия вольностей, которая четко определила права, обязанности и меру судебной ответственности всех сословий и всех подданных.

И с тех пор любой *удалой разбойничек* в Англии уже не герой, а нарушитель закона. Бандюган. Только и всего...

Емеля на печи

Правда и ложь русской сказки на фоне современной российской действительности

Правда в том, что сказка не врет. Она не складывается на пустом месте. Неправда, потому что претендует на полную характеристику русского человека: бездельник, иждивенец, сидит на печи и ждет чуда...

Сказка не объясняет, почему Емеля стал таким. И никто из толкователей даже не касался этого, быть может, краеугольного вопроса о характере русского человека. Все вокруг да около. А полуправда страшнее прямой лжи.

На мой же взгляд, только крепостное право и сформировало такого героя и такие сказки. Который уже раз пишу: вдумаясь, Русь была крепостной чуть ли не с основания государства, практически тысячу лет. И что в таких условиях должен был делать Емеля? Пахать до изнеможения на барщине? Надрывать, умножая мощь рабовладельца? Нет, он сидел, по возможности, на печи и ничего не делал. И правильно делал. И мечтал. А о чем может мечтать раб? Да конечно же о чуде. Как все изменится по щучьему велению...

Так **веками формировался** характер русского человека: ничего не делать и ждать манны небесной, чуда, избавления...

Зато уж когда появлялась возможность проявить себя, реализовать свои возможности, русский человек был ничем не хуже других. А может, и получше. Во всяком случае, **взрывней**, потому как веками задавленная жажда к работе вырывалась наружу разом. Так было в XIX веке, когда бывшие крепостные хлынули в города, став первыми промышленниками, предпринимателями, купцами.

Затем пришел Семнадцатый год, с кровью, военным коммунизмом, продразверсткой. Однако в 1922 году Ленин ввел нэп, свободу предпринимательства. И в разрушенной, голодной и холодной стране появилось все. Почитайте хотя бы «Мужики и бабы» Бориса Можаяева, роман-хронику рязанской деревни. Рязанские Емели мгновенно, из ничего, создали свои хозяйства. Не только единоличные — в каждой деревне было несколько артелей. Но капитализм жесток. Слабый разорялся. Ленивый — тем более. Вот из них-то власть и создала комитеты бедноты. Они-то с восторгом и начали раскулачивание. На смену добровольным артелям пришел государственный единый колхоз, на смену малым предприятиям — единый государственный завод.

Новый шанс был дан емелям в годы перестройки. Тысячи людей ринулись в кооперативное движение. И что от них осталось? Не могу назвать ни одного крупного предпринимателя, который вышел из тех кооперативов. Кое-где работают фермеры, ну и в городах по мелочи: в так называемой местной промышленности, в сфере услуг. Пришел государственно-олигархический капитализм, которому не нужны емели, слезшие с печек и начавшие работать на себя. Ему, государственно-олигархическому капитализму, нужна, как и прежде, рабсила.

Под официальные беспредметные разговоры о создании среднего класса в России уже заканчивается удушение так и не вышедшего из пеленок малого и среднего предпринимательства. Емелю снова загоняют на печь. Мол, сиди там и не рыпайся. Тут без тебя все решится и сделается.

А ведь речь идет о будущем страны. Что хорошо видно на примере США. Это нам со стороны кажется, что США сплошь состоят из гигантов типа «Дженерал электрик» и прочих. На самом же деле 70 процентов валового внутреннего продукта дает малый и средний бизнес. А тут экономика и политика неразде-

лимы. Эти 70 процентов есть хребет и нерушимый социальный, политический фундамент страны. Они — держат Америку. При таком количестве людей, имеющих свое дело и свой достаток, то есть свободных, самостоятельных людей, невозможен какой-нибудь переворот или ползучий захват власти военными, люмпенами, дураками или суперконцернами. То есть Америка как гигантский колосс стоит на миллионах опор. А мы? Мы стоим на том, кто сегодня у власти. И на нескольких сырьевых концернах. Это система, которая может рухнуть в любой момент, от любого социального катаклизма.

Аля-улю, гони гусей...

Могу с уверенностью утверждать, что Февральскую революцию у нас забыли.

Причем она ведь у нас — единственная. Строго говоря, 25 октября 1917 года — *переворот*. А революция была в феврале. И ее — забыли? Если судить по прессе — то да. В 2002 году, например, было 85 лет со дня... Круглая дата, хороший информационный повод. Однако пресса и внимающие ей широкие массы прошли мимо этой даты, как матрос Железняк мимо Одессы. Ничего не было. Или — почти...

Не доверяю памяти своей, просматриваю телевизионную программу на начало марта 2002 года. Слов «К 85-й годовщине Февральской революции» там нет. Быть может, и шел о ней разговор 7 марта в программе «Свобода слова» на НТВ? Может, на канале «Культура» 8 марта и зашифрован фильм о той революции под словами «Док. фильм» в 16.45? А больше нечего даже и подозревать.

Листаю газеты. «Известия», «Независимая», «МК», «Правда», «Советская Россия» — полное молчание. В «Общей газете» есть заметка «Октябрь начинался в феврале», но поскольку под ней стоит моя подпись, то и не знаю теперь, считать ли ее... Может, газеты постеснялись вскользь, мимоходом, на малых площадях говорить о таком глобальном событии?

Перехожу к толстым литературным журналам за февраль-март 2002 года. Вот где можно писать и печатать не спеша, обстоятельно анализировать, осмыслять. Как всегда было. Про-

сматриваю «Дружбу народов», «Звезду», «Знамя», «Неву», «Новый мир», «Октябрь»...

Ни строчки. Ни в одном журнале.

Не верю глазам своим.

А с другой стороны, что уж не верить-то. Это как раз по-нашему. Прокричали на первых порах, первые пласты сняли да и потеряли интерес. Ни в чем еще толком не разобрались, не осмыслили, уроков не извлекли, но уже забыли. Проехали... Даже «к дате» не посчитали нужным «отметиться». В общем, аля-улю, гони гусей...

Предчувствие Гражданской войны

Тот, кто не осмысливает прошлое, не извлекает из него уроков, обречен на повторение.

Вдумайтесь: сегодня мы имеем все, что имели к 1917 году.

Мы имеем второе десятилетие *разрухи* без ясных перспектив.

Мы имеем десять лет *войны* в Чечне — бессмысленной и беспощадной, плодящей молодых людей, которые умеют стрелять, а больше не умеют ничего. Потому как нигде не могут научиться и пристроиться к делу.

Мы имеем миллионы *гулящих людей*, по-русски говоря. А по формулировке Герберта Маркузе, не вовлеченных в капиталистическое производство. Только это ведь не американские безработные и негры, живущие на вэлфере. Наши — взрывоопасней в сотни раз. Потому что они *обез-доленные*. То есть люди, которые когда-то имели свою *долю* (пусть ее называют *пайкой* в социалистическом *лагере*) в общем богатстве. А ее отняли, ограбили...

Мы имеем полный разброд и шатание в интеллигенции, которая сама люмпенизируется: одни напрямую, от потери работы и смысла, а другие ожесточаются (ожесточение — характерная примета люмпена) оттого, что власть их не слышит и не слушает.

Мы имеем власть, которая считает, что у нас все хорошо. Если врет, значит, подла или бессильна. А если искренне в том уверена, то самоубийственно слепа, глуха и глупа.

Мы имеем богачей и сверхбогачей, которые предаются такому разгулу, какой и не снился никому в 1917 году. Причем, как будто нарочно, свои рауты и приемы со жратвой и бриллиантами транслируют по ТВ в глухие города и поселки, где нет тепла, света, работы, денег, будущего! А на французской Ривьере, скажем, идут нескончаемые *русские сезоны*, где не известные никому тридцатилетние предприниматели просаживают миллион долларов только *на день рождения*, где известные всей стране люди, влияющие на политику и экономику, отдыхают в гостиницах, месяц проживания в которых больше бюджета российского городка. И так далее.

Нет только винтовок в руках миллионов, как было в 1917 году.

И здесь особый, пусть и частный, смысл приобретает дискуссия о продаже населению оружия, которая идет на страницах прессы. Уверен, что власть будет категорически против. То, что бандиты вооружены, — ее особо не тревожит. Потому что бандиты нынче — *класс богачей*. Они никогда не пойдут против существующих порядков. И потом, бандитов всегда можно бросить на подавление народа.

Вот какая взрывная смесь нынче кипит в нашем котле, господа!

Да, народ молчит. Но, может, это молчание до поры до времени? Если слово и понятие *справедливость* одно из *определяющих* в характере и в поведении русского человека, то чего нам ждать от будущего?..

Вот почему я и пишу. Чтобы предостеречь. И не потому, что хочу оберечь и сохранить нынешние порядки. А потому, что у меня есть вполне конкретное ощущение, что такое гражданская война.

Война с *внешним врагом* — одно дело. Но чтобы расстрелять брата, соседа, вчерашнего одноклассника — надо уничтожить, **выжечь в себе все, что есть в тебе человеческого**. Один раз такое произошло. И это так надломило нравственный хребет нации, что до сих пор опомниться не можем. Второй гражданской войны мы не выдержим. Мы превратимся в миллионы вооруженных зверей, истребляющих друг друга. До полного уничтожения всех и всего.

Мы перестанем существовать как народ.

И страны у нас не будет.

Ничего

не

будет.

Цитата:

«Самая краткая характеристика современной России: все как было, только хуже... Мы обязаны готовить преемника советской власти! Она падет, но если не подхватить из рук коммунистической партии власть, то мы снова очутимся перед все-российским кабаком... После падения большевиков — поменьше ломки. Надо сохранить все, что можно сохранить.»

(В. В. Шульгин. «Три столицы»)

Вот о чем мы беседовали с молодыми офицерами, когда наш поезд подошел к станции Петровский Завод.

Декабристы

Петровский Завод — железнодорожная станция возле Читы. Названа так по старинному, с XVIII века, железодельному заводу. В глубине перрона — стела с нишами. В нишах бюсты. Гордые лица, бакенбарды, эполеты. Декабристы, сосланные сюда, осужденные на вечную каторгу. Знакомые всем имена: братья Бестужевы, Муравьев, Лунин... И еще одна, очень известная фамилия, не то Анненский, не то Волконский... забыл. А рядом — малоизвестные. Горбачевский, Вольф, Мозалевский. Кто они?

Фердинанд Богданович Вольф — штаб-лекарь, умер в 1854 году, кажется, в Тобольске.

Иван Иванович Горбачевский — подпоручик, умер в 1869 году, оставил после себя «Записки».

Александр Евтихиевич Мозалевский — прапорщик, участник восстания Черниговского полка, умер в 1851 году.

Стела поставлена очень удачно, в углу перрона. На виду и в то же время не на проходном месте. Вокруг нее не толкутся очереди за пирожками и пивом, не кричат торговки. Пристанционная жизнь кипит чуть в стороне, где продубленные ветрами и холодным солнцем женщины торгуют и солеными огурцами, и семечками, а главным образом — горячими варениками с картошкой. Именно здесь я впервые увидел эти вареники с картошкой. И потом они сопровождали меня всю дорогу до Тихо-

го океана. На всем пути в три с половиной тысячи километров от Петровского Завода до Владивостока на каждой станции торговали горячими варениками с картошкой! Какой-то фатальный продукт.

Обыденная жизнь шелестит мятыми газетами и подсолнечной шелухой на перроне станции Петровский Завод. И со стороны, из глубины, смотрят на нее неподвижными глазами братья Бестужевы, и Муравьев, и Лунин...

Европа без городов

А поезд идет дальше. Что впереди? Тысячи километров, долины, увалы, сосны, манчжурский орех, сопки. И редкие-редкие, угрюмые с виду поселки, названия которых мало что говорят россиянину. Зубарево, Зилово, Раздольное, Амазар, Уруша, Сквородино, Магдагачи, Ушуман, Шимановская, Серышево, Архара... Каждый из них — центр огромного района, светоч и центр местной промышленности и культуры.

А городов здесь — нет. Городов в полном смысле слова как крупных центров цивилизации — нет. Пусть на меня не обижаются жители дальневосточных поселков — я имею в виду города уровня Калуги или Смоленска.

Но ведь от Читы до Биробиджана — две с половиной тысячи километров! И на всем пути — ни одного города. Представьте, что вы едете от Москвы до Омска, как проехал я, и на вашем пути НЕТ Владимира, Рязани, Ярославля, Нижнего Новгорода, Кирова, Перми, Екатеринбурга, Челябинска, Кургана, Тюмени...

А еще нагляднее — по европейским меркам.

Это значит проехать от Москвы до Парижа через Белоруссию, Польшу, Чехословакию, Германию — и не увидеть ни одного города. Только вообразите, что на вашем пути НЕТ Смоленска, Минска, Бреста, Варшавы, Кракова, Праги, Берлина, Мюнхена, Дрездена...

Европа без городов — вот что такое путь от Читы до Биробиджана!

Боже мой, Россия, какая тоска, какая грусть, какая даль...

Глава 31

ЛЕНИН И ТРОЦКИЙ — ОСЛЕПИВШИЕ СЕБЯ ПОВОДЫРИ СЛЕПЫХ

Ленин хотел отомстить соратникам?

Полвека назад многие умы в стране всколыхнуло вышедшее из небытия, из-под запрета, «Письмо к съезду», написанное Лениным в декабре 1922 года. И все годы советской власти после XX съезда оно так или иначе, чаще всего в кухонных дискуссиях, занимало досужих людей: ведь сам Ленин был против Сталина! Как же так случилось, что не послушались самого Ленина?!

Но однажды я задал себе странный вопрос: а почему и зачем Ленин написал это письмо?

Привычный школьный ответ: потому что обеспокоен был целостностью партийных рядов, «устойчивостью» ЦК. Мол, две такие крупные фигуры, как Сталин и Троцкий, могут расколоть партию. И потому, мол, надо ввести в ЦК 50—100 рабочих, чтобы они амортизировали.

Все так, все так...

Но который уже год мне мерещится, что СОЗНАТЕЛЬНО или ПОДСОЗНАТЕЛЬНО этим письмом Ленин ПРОВОЦИРОВАЛ раскол.

Всего два года назад закончилась Гражданская война. А уже — новый поворот и новая смута, потому что он сам же, практически единоличной волей настоял на введении нэпа.

Что должен сделать вождь перед смертью, чтобы сохранилось то, чему он отдал жизнь? Тем более в такое критическое время, каким безусловно был 1922 год. Правильно — назначить преемника. Ибо раскол и борьба за власть чреваты гибелью его революционного дела. А что Ленин делает вместо этого? Вчитаемся. Вот он дает характеристики четырем основным партийным деятелям того времени. Своим преемникам.

Троцкий — «чрезмерно хватающий самоуверенностью». Соратники прекрасно поняли, что так Ленин намекает на вождизм Троцкого, на то, что он открыто и откровенно ставил всех ниже себя. Не считая только Ленина. Но сейчас Ленин неизлечимо болен. Так что вождь — один.

Сталин — «слишком груб... сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью».

Бухарин — его «теоретические воззрения очень с большими сомнениями могут быть отнесены к вполне марксистским».

Ничего себе обвиненьице — не марксист!

Пятаков — «слишком увлекающийся администрированием... чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе».

Мало того, Ленин предложил сместить Сталина с поста генсека и «назначить на это место другого человека». Можно представить, какая бы началась свара, какая борьба. Естественно, на пост генсека претендовали бы только оставшиеся трос. Но ведь Ленин каждому из них дал такую характеристику, что любо-дорого! Никакого компромата не надо, современным языком говоря...

Если вы *это* называете «предотвращением раскола», то я тогда не знаю, что назвать провокацией раскола...

Но почему? Брался ли он диктовать письмо, действительно озабоченный угрозой раскола? Действительно хотел предупредить? А вышло то, что вышло... Почему?

Очевидно, что Ленин чувствовал себя оскорбленным. Он привел этих людей к власти в самой большой стране мира, а они его отстранили, заперли в Горках. Да, болезнь, да, тяжелое состояние. Но ведь все дело — в отношении. А отношение такое, как будто он для них уже не существует! Они уже не считаются с ним. Сталин уже хамит его жене! Куда дальше, куда гнуснее?

И невольно, из подсознания, выходит письмо, способное только разжечь страсти и сравить вчерашних соратников друг с другом.

А может, не из подсознания, а вполне сознательно, рассчитанно? Сознательная месть соратникам?

Но свары не получилось. Соратники к тому времени сильно изменились. Вокруг Сталина сплотилась серая партийная масса, которая с тяжкой ненавистью смотрела на умствования Троцкого и Бухарина. А Зиновьев и Каменев всегда были готовы отдать Троцкого на съедение, они были одним озабочены: сохранить нынешние барские условия своей жизни.

Также вполне возможно, что соратники прочитали и прочитали подсознательную или сознательную провокационную суть письма, с которым обратился к ним смертельно больной вожак. И решили это письмо на съезде не оглашать. И вообще — спрятали его от народа почти на тридцать пять лет. Вышло оно из небытия только после XX съезда КПСС, в 1956 году...

В общем, месть не состоялась. Но для нас, для миллионов советских людей, это уже не имело никакого значения.

А если опять победим?!

Вождь революции умирает сразу после того, как революция побеждает. Больше он революции не нужен. Не нужен соратникам, у которых свои цели и задачи, не нужен партийцам среднего и низшего звена, которые устали от лишений, непрерывных дискуссий и т. д., которые хотят наконец хорошо пожить. «За что боролись!?»

И уж тем более никому он не нужен в позднейшие советские времена. Да, вождя возводят на постаменты, учат детей, заклинают и клянутся его именем. Но всякое серьезное изучение, распространение его наследия, напоминание о нем современных правителей раздражает.

Все это прекрасно знали мы с Сашей Егоруниным в 1980 году. Саша, ныне заместитель главного редактора «Московской правды», работал тогда в «Литературной России» редактором отдела публицистики, а я был его заместителем. И задумали мы с ним к 110-летию юбилею вождя опубликовать неизвестные воспоминания о нем, взятые из газет, вышедших буквально на следующий день после смерти Ленина. Так сказать, живые, горячие слова. И рядом с ними — коротенькие записки самого Ленина, в которых он просил тех или иных начальников позаботиться о здоровье стенографистки, пайке уборщицы, больном ребенке дворничихи и тому подобное.

С этих страниц Ленин предстал не просто как «самый человечный человек» — по терминологии тех лет, — но и обыкновенным мужиком, таким демократическим, свойским без сюсюканья и панибратства. А самое главное — воочию возникла *атмосфера* того времени! Например, посланцы Южного

фронта, приехавшие в Москву за деньгами и патронами, почему-то знали в Москве только один телефон — Ленина. Созвонились, встретились, поговорили. Ленин отправил их к Петровскому, в банк. А там матрос не пускает: мол, звони вначале Петровскому, а если телефона не знаешь, то, значит, и нечего тут делать. Мужики совсем отчаялись. И тут одного из них, кажется, Осипьяна, осенило. «А позвони-ка ты к Ленину! — предложил он своему напарнику. — У Ленина-то должен быть телефон Петровского». Сказано — сделано. И вот уже Ленин кричит им из Кремля: «Сейчас, сейчас, товарищи, вот уже бумажку нашел!»

Тогда, на фоне анекдотического культа личности Брежнева, но совсем не анекдотического партийно-чиновного хамства, высокомерия, полной недоступности любого мелкого царька для народа, — это был прямой вызов власти. Прямое обвинение.

Ничего удивительного, что напечатать *это* нам не позволили.

Вдумайтесь: в юбилейный номер газеты о Ленине не «пропускаются» записки, написанные самим Лениным!

Вроде бы — полный абсурд. Но я хорошо помню, что мы с Сашей не хохотали, не впадали в сарказм. А приняли запрет как нечто естественное, как норму. И больше бы удивились, если б записки Ленина разрешили напечатать.

Кстати, Саша был тогда не просто редактором отдела, но еще и *секретарем партийной организации*.

В шестидесятые—семидесятые годы интеллигенция и народ не просто сотворили из Ленина идеал честности, скромности, подлинной демократичности вождя — в пику тогдашним «партийным боровам», — но и пребывали в убеждении, что есть праведный, ленинский(!), настоящий(!) коммунизм, искаженный Сталиным и нынешними гадами-начальниками. В те годы в массах очень популярен был анекдот о том, как Ленин на один день появляется в Москве и, увидев все, кричит Дзержинскому: «Батенька, уходим в подполье и все начинаем сначала!»

Однако о росте самосознания общества, о возникновении с годами критического взгляда уже на сами идеи вождя свидетельствует более поздний и вроде бы абсолютно схожий по сюжету анекдот... но совсем с другим финалом! Итак, члены Политбюро, ища выход из кризиса в стране (уже тогда все пони-

мали, что экономика социализма идет в тупик!), тоже решили все начать заново: распределили роли, назначили сроки захвата Зимнего, почты, телеграфа... Но самый старый из них, вроде бы действительный участник штурма Зимнего, латышский стрелок Арвид Янович Пельше вдруг спрашивает: «Товарищи члены Политбюро! А что будем делать, если *опять* победим?»

История запрета, подобная нашей, конечно, не исключение. Но немало историй, как через цензуру проходило такое, что потом у понимающих волосы на голове шевелились... Десятки мифов-легенд бродят по коридорам редакций, от дедов к внукам переходя, а как было на самом деле — неизвестно.

Скажем, нескольким поколениям был известен очерк в «Комсомолке» о трудной судьбе негра-безработного в США, о его убогой... двухкомнатной квартире и пустом... холодильнике! Это печаталось в те времена, когда слова «отдельная квартира» и «холодильник» для советского человека звучали примерно так же, как нынче «мерседес».

Или — рассказы об арестантской жизни Анджелы Дэвис. Я сам читал в наших газетах, что ей по ночам не дает спать писк мышей в соседней камере, а по утрам подают *остывший* кофе. Ужас! Такого издевательства над заключенными советская действительность и представить не могла!

Памятны многим и репортажи Валентина Зорина из Америки, в которых показывались тысячные демонстрации, подходящие к Белому дому с требованием отставки президента Никсона и немедленного прекращения войны во Вьетнаме. Все правильно, я тоже в своем Петропавловске могу свободно выйти на площадь перед обкомом и сказать: «Долой Никсона!» И мне за такой поступок ничего не будет... Это не я придумал, такой остроумный, это анекдот...

Что это было? Дуболомность и усталость цензуры, наше полное идеологическое затмение в мозгах, искренняя медвежья услуга власти, тщательно рассчитанный кукиш в кармане и беспросветный цинизм? Или и то, и другое, и третье — вместе?

В общем-то, все нам ясно и понятно.

Но правда — лишь в каждом конкретном случае. И только тогда она интересна и живописна.

А наш неудавшийся в Москве кукиш получил неожиданный реванш в N — областном центре на Северо-Западе стра-

ны. (Своими глазами не видел, поэтому город и газету называть не буду.) В день 110-летия со дня рождения Ленина N-ская областная газета вышла, естественно, с громадным портретом вождя на первой странице. Слева от портрета в узкую колонку было напечатано сообщение о присуждении Л. И. Брежневу Ленинской премии за заслуги в области литературы. А справа от портрета, тоже в узкую колонку — стихотворение «Ленин». И над ним фамилия автора — «Наум Коржавин»! Сколько таких стихотворений с таким названием?! Тысячи, наверно. И надо же было в N выбрать не кого-нибудь, а именно запрещенного ко всякому упоминанию в советской печати эмигранта Коржавина!

Тут уж, конечно, чистый ляп и чистая случайность. Хотя кто знает, кто знает...

Советские парторги и комсорги были честнее и невиннее Ленина и Троцкого

Я утверждаю это не из желания пойти наперекор всем и поразить всех неожиданностью мысли, а потому, что так оно и есть на самом деле. Давайте разберемся.

В советское время утвердилось, что нет ничего более похабного для коммунистической идеи, чем образ парторга или комсорга пятидесятых—восьмидесятых годов. Под термином «парторг» или «комсорг» я для краткости подразумеваю всех партийно-комсомольских деятелей того времени. Морды протокольные — звали их в народе. (При этом нижайше прошу прощения у многих и многих парторгов и комсоргов, которые были нормальными людьми и немало полезного сделали, но я здесь излагаю массовое мнение.) Понятно, мол, что никаких идей и тем более идеалов у них нет и быть не может. А лишь стремление к теплему местечку, жажда власти, стремление хапнуть благ из спецпайков для начальства, ради чего и произносятся высокие слова о партии и народе, о трудовых подвигах и социалистическом соревновании. В общем, ясно. И всегда, конечно, им, этим «протокольным мордам», противопоставлялись, например, комсомольцы двадцатых годов — честные, идейные, бескорыстные и т. д. А уж Ленин и Троцкий — так те

просто Иисус Христос в двух лицах, окруженные апостолами — рыцарями революции. Идейнными и бескорыстными, как и подобает апостолам и столпам веры.

А ведь на самом деле — все наоборот! Отвлечемся от карьеры, корысти, пайков и прочего. В данном случае это все — шелуха. А посмотрим на секретаря сельского Занюханского райкома комсомола или партии как на политического деятеля международного масштаба, носителя определенных идей, убеждений, знаний. Поставим его рядом с Лениным и Троцким! И посмотрим, что их отличает. Опять же не в мелочах и деталях, а в корне.

Отличают знания об окружающем мире!

Что знал о мире секретарь Занюханского райкома комсомола в пятидесятые—восьмидесятые годы? Примерно то же, что и мы. А мы — примерно то же, что и хозяйка, у которой снимала квартиру Евгения Гинзбург. Она жила за 101-м километром, ей, политзаключенной, нельзя было ближе селиться к Москве. Приведу примечательный эпизод из ее книги «Крутой маршрут». Квартирная хозяйка, получив в продмаге селедку, говорит: «Вот, селедку выдали. А как там, в Америке, бедные рабочие? Им-то небось никто селедки не даст, пропадай как хочешь...»

И мы ведь примерно так же рассуждали! В принципе. Мол, у них безработица, а у нас все заборы объявлениями увешаны. У нас в любой институт поступай (и действительно так было!), а у них денежки плати. И так далее. И мы, и наши многочисленные секретари райкомов-горкомов комсомола и партии родились и выросли в тюрьме. И мы, и они были слепыми и глухими от рождения. Иного мира, кроме нашей тюрьмы, не знали и не видели. Нам не с чем было сравнивать то, что мы строим, не было выбора.

А вот Ленин и Троцкий, их товарищи и соратники знали и видели мир! Жили в эмиграции, без боязни и притеснений — то есть пользовались благами и свободами буржуазного мира. И готовили смерть этому самому миру. И привели пролетариат к бунту и к победе. Несмотря на то, что видели их очи. И бессмысленно и бесполезно зывал к ним писатель Короленко в известных письмах... Да посмотрите же, кричал он, в Европе социал-демократия добилась улучшения жизни рабочих, их

прав и свобод без крови, разрухи, войны. В Европе рабочий богаче и свободнее, чем сейчас при вашем новом строе!

Знали, видели, слышали — и не хотели слышать и видеть? И про них нельзя сказать цитатой из Библии: слепые поводыри слепых. Это мы были слепые от рождения. А они — ослепившие себя поводыри слепых. Сознательно или подсознательно — кому какое до этого дело?

Ленин — есть смутные намеки в его последних работах — к концу жизни начал осознавать, что они натворили. Многие его последние письма — крик отчаяния. Что бы с ним случилось, проживи он дольше, — можно гадать.

А вот с Троцким гадать нечего. Троцкий там, на Западе, после высылки из Советского Союза еще десять лет жил, написал книги, в том числе и о своей жизни и борьбе — и ни капли не усомнился. Жил в окружении буржуазной демократии, пользовался ею — и верил, что все делал и сделал правильно, разрушая эту демократию. Хотя сама по себе жизнь должна была заставить его ужаснуться — он, вождь антибуржуазной революции Троцкий, спасается у буржуев, в буржуйских странах!

Нет, не понял.

И разве только Троцкий? Сколько их было, апостолов революции, бежавших на Запад! Жили там, писали, обличали Сталина — и никто Не задумался, не посмотрел вокруг.

Наверно, это уже патология. Но она не снимает вины.

Потому я и утверждаю, что наши (сам я не состоял даже в комсомоле, но для меня они — мои, наши) комсорги-парторги пятидесятых — восьмидесятых годов в большом политическом смысле более чисты перед миром и совестью, чем Ленин и Троцкий.

И честнее. И невиннее.

Краткое примечание. Посмотрите, какие подлоги совершает Ленин в своих работах, блистательных по стилю и анализу. Например, знаменитая теория прибавочной стоимости. Еще при жизни Маркса ее извратил Лассаль, объявив, что коммунисты прибавочную стоимость «поделают» на всех: что заработали — то и получим. Маркс его жестоко высмеял, объяснив, что прибавочная стоимость будет и при социализме-коммунизме, потому что она дает деньги на содержание самого государ-

ства, его аппарата. Ленин этого не заметил и провозгласил теорию прибавочной стоимости краеугольным камнем, похоронщиком капитала и залогом победы пролетариата. После чего термин «прибавочная стоимость» напрочь исчез из обихода советской науки, в крайнем случае мелким шрифтом писали: «прибавочный продукт» (курсив мой. — С. Б.)...

Глава 32

ИСТОРИЯ КРАСНОГО КРЕСЛА

Последний оплот Колчака

В двадцать восьмом году, когда в Северном Казахстане началось массовое истребление всех некогда богатых и знатных, как их тогда называли — «бывших» — моего деда Баймагамбета, одного из самых богатых и влиятельных людей края, не тронули. Его защитила охранныя грамота, выданная командованием Пятой армии — той самой знаменитой Пятой армии Тухачевского, которая в последние октябрьские дни девятнадцатого года штурмом взяла Петропавловск.

А это был стратегический узел, главный железнодорожный центр, откуда открывались пути и на юг, и на запад, и на север. С его падением Белая армия оказывалась практически отрезанной от России. Сам Колчак писал в те дни, что здесь, под Петропавловском, решается его судьба. Понятно, что бои были ожесточенные, сражались до последнего. Армия Тухачевского вошла в город основательно потрепанной, обескровленной. И надо полагать, что тут помощь Баймагамбета пришлась как нельзя кстати. На родовых землях вокруг озер Белое и Шаховское, в степях за озером Майбалык паслись несметные стада крепких красных бычков, отары овец, бродили полудикие табуны лошадей — все, что жизненно необходимо любой армии.

Да, так и было. Среди тех, кто вышел встречать Красную армию, к великому удивлению горожан, оказался и Баймагамбет, восьмидесятилетний(!) патриарх петропавловских казахов. Почему? Что подвигло старца на такой шаг? Эти вопросы му-

чили в то время многих. Мучают они сейчас и нас, его многочисленных внуков, правнуков и праправнуков.

И вот что странно. Баймагамбет жил долго, очень долго, он мог все прояснить, рассказать, а уж семейные предания донесли бы его слова до нас. Но ведь нет! Он молчал и ответ унес в могилу. Может, не считал нужным кому-либо объяснять свои решения? Характер у патриарха был кремьень.

Так что нам остается только гадать.

Патриарх

В каких-то симпатиях к революционному классу и делу моего деда заподозрить нельзя. Баймагамбет был в шестнадцатом поколении прямым потомком знатного рода Каракесек. Среди его предков было немало людей, оставивших некоторый след в истории народа. Скажем, известный всей Казахии, то есть во всех трех Ордах — Старшей, Средней и Младшей, батыр Джанходжа, ярый поборник казахской независимости. (Все исторические казахские имена даются в транскрипции М. Танышпаева. См.: М. Танышпаев. «Материалы к истории киргиз-казакского народа». Ташкент, 1925 г. Репринтное издание 1990 г. Алма-Ата.) Он, Джанходжа, воевал против всех: и против кокандского хана, и против хивинского, и даже против своих, казахских ханов из рода чингизидов, то есть потомков *монгола* Чингисхана. Их, чингизидов, уже несколько веков как ставших казахами, яростный Джанходжа все равно не считал за казахов. Ну, это как если бы некий русский богатырь, знатный витязь, собрал свой род-дружину и вдруг начал воевать против всех потомков Рюрика — Долгорукого, Невского, Донского, считая их всех пришлыми, чужаками... Вот такой был человек Джанходжа. Имя Джанходжи одно время было *ураном* — боевым кличем всех Каракесеков. Сейчас именем Джанходжи (по-новому — Жанкожи) названа улица в Актюбинске.

Был и другой батыр — Джалантос, знаменитый в свое время военачальник в Самарканде; там же, в Самарканде, Джалантос построил медресе «Шир-дар».

Казахская родо-племенная знать менее всего была расположена к каким-либо теориям классового переустройства мира хотя бы в силу своей глубокой и невозмутимой феодальности. Тем более абсурдно предполагать это в восьмидесятилетнем патриархе, читавшем и писавшем только по-арабски...

Возможно, на решение Баймагамбета оказать помощь красным повлияла смерть его свата Идриса-хаджи, расстрелянного колчаковцами. Но то был *просто* трагический случай, каких немало в смутные времена, и вряд ли старец так рисковал бы и своим будущим, и будущим рода, повинувшись лишь минутному порыву.

Вернее всего, Баймагамбетом руководили инстинкт и трезвый расчет одновременно. Инстинкт выживания, сохранения рода. И здесь нельзя не принять во внимание одну деталь — **решающую** для казахского сознания той эпохи. *Родового* сознания вообще.

Мой отец Темирбулат (Темирбек), семнадцатый потомок Каракесек, последним вписанный в генеалогические таблицы историками начала XX века, был **единственным** сыном Баймагамбета. То есть **единственным** прямым потомком правителей рода Каракесек. Сам Баймагамбет был единственным сыном Джургена, Джурген — единственным сыном Куана, Куан — единственным сыном Алена, Ален — единственным сыном Джалмамбета.

Пять последних колен рода имели единственных детей мужского пола. **Единственных прямых** потомков; со смертью любого из них род мог пресечься! Не это ли обостряло инстинкт самосохранения, накладывало на главу рода совершенно особый, ни с чем не сравнимый груз.

Наверно, это так. Но все равно загадка остается загадкой. А с чего это Баймагамбет решил, что победа в той смуте останется за большевиками? Предвидел, что ли? Но скажите, кто и что мог предвидеть тогда, тем более в захолустном уездном Петропавловске? За два лишь года здесь столько властей сменилось, что и сосчитать трудно: Советы, белочехи, Директория, Временное Сибирское правительство, Колчак, большевики... Никто и ничего не мог предвидеть!

А старец как будто знал. Он спас себя и сохранил для жизни нас. Тогда еще не рожденных.

Спасители

После мятежа 1920—1921 годов (см. главу «Лютые звери») наступило затишье. По-советски говоря, НЭП. Самое удивительное то, что мы продолжали жить в нашей усадьбе, никто нас не трогал. То ли времена были еще те, советская власть не до всех добралась, то ли *охранная грамота* Тухачевского действовала. О ней и речь.

В двадцать восьмом году началось то, что старые казахи до сих пор называют простым и вполне понятным для них словом «Конфискация». Причем непременно с большой буквы. Всех «бывших», многочисленных сородичей Баймагамбета в течение нескольких суток арестовали и сослали еще дальше в Сибирь. А нас только лишь выселили из усадьбы. Но ведь не арестовали! Не расстреляли! Оставили *жить!*

С тех пор в нашей семье от старших к младшим передаются две фамилии... Первая звучит как детская считалка, она чуть ли не с пеленок молоточками стучала в моих ушах: «Пик-ка-лак! Пик-ка-лак!» Это его подпись стояла под *охранной грамотой*.

В начале семидесятых годов я работал в областной североказахстанской газете «Ленинское знамя». И не помню уже, в связи с чем получил большое письмо из Львова, от одного из тамошних краеведов-историков, собиравших материалы о своих известных земляках-львовянах. В письме том — большая групповая фотография *первых членов Петропавловского союда*. В основном из командиров Пятой армии, оставленных здесь для налаживания советской власти и жизни. И среди них — человек по фамилии *Пихоляк!* Типичная западноукраинская фамилия. Значит, спаситель наш был родом из Прикарпатья, из Львова... В казахской фонетике нет чистого звука «х». Вместо него — «к»-оглушенное. Потому и звучало: пик-ка-лак, пик-ка-лак...

Кстати, тот самый первый Петропавловский совдеп располагался тогда в доме моего деда. Не там ли и фотография была сделана? Где она сейчас? И почему я ее не сохранил? По молодости, по несерьезности отношения к семье и к истории рода. А в газете она была опубликована в семьдесят третьем или семьдесят четвертом году...

Вторая фамилия, которая повторялась в нашей семье как закланение — Артамонова. Старуха Артамонова. Сколько помню себя — отец, мать, старшие братья вдалбливали мне одно и то же, одно и то же: «Помни старуху Артамонову, помни старуху Артамонову...» На самом же деле она была Сорокиной. Полиной Ивановной Сорокиной. Артамонова — уличное прозвище, так ее звали по мужу, Артамону Исаевичу — *артамонова старуха*...

Полина Ивановна была нянькой в доме Баймагамбета. И вот когда старца выселили... Да, жизнь оставили. Но места для жизни — нет. Уже немалая к тому времени семья с детьми, с девочками, моими старшими сестрами, околевала на улице. И нельзя никого винить, что не помогли. Они ведь были как прокаженные. Сейчас-то мы знаем, что в обстановке тогдашнего всеобщего страха, террора, опасно было не то что кусок хлеба протянуть несчастным, а даже молча посочувствовать. Девочки, не увиденные мною старшие сестры, так и умерли одна за другой в те самые годы.

И единственным человеком, который не испугался, кто принял всю семью старца в свой двор и дом, — была его служанка, «классовая антагонистка» Полина Ивановна Сорокина. Она тогда спасла нас.

Да пребудет светлой се память. Да пребудут в добре и в здравии и поныне живущие в Омске и Петропавловске ее внуки и правнуки Раинчины и Сорокины...

Юдоль скорби

Потом был Смертный Голод (см. главу «Голодомор»). Двадцать лет в своем городе, как в пустыне, скиталась объявленная вне закона семья петропавловского патриарха, находя случайный приют то здесь, то там. Единственный его сын, будучи уже сорока с лишним лет, ушел на войну, сражался под Москвой, пропахал все фронтовые дороги, положенные рядовому-необученному, и вернулся в Петропавловск в санитарном поезде с отнявшимися ногами и полным набором орденов и медалей. Живой! А что еще надо для счастья? Все вынесла, всех подняла наша мама. На ее руках были дети, столетний тесть, выживший из ума от старости, муж-инвалид, не могущий встать на

ноги... — и нигде в мире не было угла, где можно укрыться, преклонить голову...

Но тут судьба вновь улыбнулась роду Баймагамбета. Вскоре после войны, кажется, в 1947 году, вышло постановление о льготах инвалидам войны — о выделении им участков под застройку. Под это постановление подпадал и мой отец! А значит, вся семья получала права гражданства на своей земле, участок, на котором подросшие внуки патриарха быстро-быстро построили то, что называлось тогда *временкой* — низкий домик в одно окошко с крышей из дерна.

В ней в 1948 году и завершился земной путь Баймагамбета — шестнадцатого потомка Каракесеков. Он умер, достигнув ста десяти лет: родившись на следующий год после смерти Пушкина, он пережил четырех российских императоров, всех вождей большевизма в России, три революции, две мировые войны и пяти лет не дожил до смерти Сталина. И по казахским понятиям кончина Баймагамбета была счастливой — ибо он прожил долгую жизнь, изведав все ее горести и радости; счастливой — ибо умер на руках у сына, окруженный внуками, на своей земле, в своем доме, хотя бы и перед смертью обретя убогий кров.

Да благословенна будет его память в потомках...

Через два года, в 1950 году, в этой же временке родился я. Младший и единственный из шестерых братьев, который родился не на улице, не в чужом дворе у добрых людей, а в своем доме. Единственный среди братьев законный гражданин страны от рождения, с пропиской от рождения! Другое дело, кто окружал меня и о чем они говорили... Как-то Петропавловский музей попросил меня написать короткую автобиографию. Я сгоряча написал. И так же сгоряча показал приятелю. А он сказал, что я преувеличиваю и почти кокетничаю... Он имел в виду то, что я единственный из братьев родился как законный гражданин на своей земле. И далее: «Первые слова, которые запоминают добрые люди: «папа» и «мама». Возможно, я и придумываю, но у меня такое ощущение, что первыми услышанными мною словами были: «58-я статья» (Измена Родине, 14 пунктов, УК СССР). Вполне возможно, потому что все приезжие и проходящие в дом только о том и говорили». Вот это мой приятель и назвал кокетством. Но его понять можно. Дело не в том, что он младше меня на пять лет, а в том, что его родите-

ли — тридцатых годов рождения, и он в пленках слышал совсем другие слова... Как грамотный, читающий человек, он многое знает, но, видно, не хочет думать, что все так было...

Абрам и Мария Брауде

Но история моя будет неполной, если я снова не вернусь в девятнадцатый год и не расскажу про двух людей, появившихся тогда в Петропавловске. Это — муж и жена Брауде. Абрам — выпускник Мюнхенского коммерческого училища и Московского финансового института. Мария — недоучившаяся студентка Сорбонны, то бишь Парижского университета. В общем, образованные московские обыватели среди революции, войны и разрухи — растерянные, ничего не понимающие, да еще с годовалым сыном на руках. А тут предлагают работу, паек, и к тому же возможность уехать из Москвы куда подальше. Так они, со штабом Пятой армии и с ребенком на руках, доехали до Иркутска... Для моего рассказа важно то, что они состояли при штабе армии, служили в продовольственной комиссии. А значит, вполне могли бывать в усадьбе моего деда, в двухэтажном доме с каменным низом и деревянным верхом, типичном для уездных городов. Да просто не могли не бывать там по делам службы! Наверно, видели деда, интересовались: фигура-то колоритная. И если так, то что они думали, глядя друг на друга: несостоявшийся коммерсант, недоучившаяся парижская студентка и восьмидесятилетний казахский феодал? Мы этого не узнаем никогда.

Абрам Борисович Брауде и Мария Александровна Брауде тоже дожили до преклонных лет и умерли в Москве, в тесной двухкомнатной квартире, окруженные внучками, на руках у единственного сына Анатолия, того самого, который в пленках проделал вместе с Пятой армией путь до Байкала.

Их судьбы через десятилетия переплелись с судьбой казахского старца, потому что моя жена Маша — урожденная Брауде и наша дочь Дина — правнучка тех самых Брауде и того самого Баймагамбета. Можно представить, как мы с Машей удивились, когда установили, что деды наши встречались в Петропавловске в 1919 году...

Неисповедимы пути твои, Господи!..

История состоит из имен

В моем очерке очень много имен. Но тому есть свое объяснение.

Как-то позвонил мне приятель и спросил, правда ли, что Целинограду вернули старое название — Акмола. (Сейчас — Астана.) И верно ли, что в переводе это — Белые могилы? Какое-то странное название для города...

Я согласился: звучит странно. Но потом спохватился: это для него, русского человека, москвича, странно. И для меня — казаха советских времен. А вот для моего отца и деда — вполне естественно. Это сейчас мы все одинаковые — что в Москве, что в Кустанае, что в Жмеринке. А еще в начале века люди были *разные*, потому что разным было *сознание*.

Для русского, латыша или молдаванина любое упоминание о кладбище связано со страхом, чертовщиной, призраками. Как говорится, не дай Бог ночью мимо проходить. А вот казахский человек начала века, не говоря уже о временах более отдаленных, если ночь заставляла его в пути, сворачивал к ближайшему кладбищу и устраивал постель среди могильников-мазаров. И во всем мире не было для него более безопасного места, потому что он находился здесь под защитой *аруахов* — духов предков.

В культуре предков, в почитании духа предков до нас дошла сторона, скажем так, чисто идеальная. По-средневековому романтично и поэтично звучит на русском языке казахское закливание: «Духи предков, в бою поддержите меня!» Но при этом осталось непереуловленным одно малопоэтическое слово, одна деталь. Но она-то как раз и передает суть национального, родового сознания казахов: «Духи предков, в бою поддержите меня *под мышки!*» То есть дух, *аруах*, был для казаха чем-то почти материальным. На том стоит родовое сознание. Для него как бы нет истории, нет прошлого. Все рядом, все близко. Все предки так или иначе участвуют в жизни человека. И вообще, в родовом космосе человек как бы не умирает: он живет в предках и будет жить в потомках точно так же, как предки и потомки сейчас живут в нем.

Отсюда — феномен родовой памяти. Отсюда — феноменальная подробность истории.

ракесеков в *восемнадцатом поколении*. Просто знали, и все. От отца, от стариков. И не задумывались, откуда и что означает сия арифметическая точность? Кто их считал, если письменности-то не было?.. Но вот вышло в свет репринтное издание запрещенных в двадцатые годы «Материалов к истории киргиз-казакского (до 1936 года *казахи* назывались *казаками*. — С. Б.) народа». Нашел я там свою родословную, которая заканчивалась на моем отце, и начал считать: семнадцать поколений, ни больше и ни меньше.

Эта малопонятная современному человеку точность — ключ ко многому. Только в детстве мы верили рассказам отца, что герой эпоса «Кобланды-батыр» жил на самом деле, как и другие герои богатырских сказаний. А когда выросли, нам в институтах «объяснили», что это фольклор... Но вот я просматриваю родословную Кыпчаков и вижу: основатель рода — Каракыпчак Кобланды-батыр. А в конце страницы сноски: жил тогда-то и тогда-то... Никаких «фольклорных героев» и «собираемых образов». Все в точности сохранила народная память. А письменные источники начала века лишь подтвердили то, что народ знал изустно.

Но родовая память уходит, как только появляется письменность. Она сделала все, что могла: сохранила прошлое в родословных, в красочной оболочке эпосов и сказаний, чтобы легче было запомнить. А теперь ответственность за историю народа как бы перекладывается на другие плечи.

Однако письменность таит в себе и опасности.

Вообще история в современном истолковании состоит из событий. Из цепи событий. А что более всего западает в память и в первую очередь отражается в письменных источниках? Конечно же, катаклизмы, кровавые деяния, войны. Все остальное — мельком. Столетия мира, когда люди *просто жили*, укладываются в одну строку хроники, а то и вовсе пропускаются.

А у народов, поздно обретших письменность, история состоит не только из событий, но еще — из *имен*. Каждый казах обязан был знать как минимум семь поколений предков. Подобно деревянному каркасу, скрепляющему войлочное пространство юрты, изустные родословные таблицы скрепляют, соединяют пространство минувших времен. И потому для ка-

захов не было в океане минувшего зияющих пустот — каждое десятилетие отмечено именем того или иного предка, который в эту эпоху просто жил, пас барашков, дрался с врагами и пил кумыс с друзьями.

С этой точки зрения история бесписьменных народов в чем-то, наверно, была подробнее, нежели история, запечатленная в хрониках. Родовая память хранила все, даже если отдельный человек что-то и забывал. Он мог намеренно умалчивать о том или ином событии, но вычеркнуть того или иного предка из родословной не мог — это было не в его власти.

История же письменная как бы отдавалась в руки одного человека — того, кто пишет. Не говоря уже об идеологических установках, своих в каждую эпоху, хроникер следует за **главным событием**, у него — **основной сюжет**. Для родового сознания полный перечень имен предков был **самоцелью и законом**. А человеку пишущему скучно излагать на десятках страниц, кто и от кого родился и кто, в свою очередь, родился от детей тех детей. Если бы «Илиада» или Библия изначально были **письменными**, мы, вполне возможно, не имели бы сейчас разветвленного родословного древа Ноя, Сима, Хама, Иафета, Авраама и Сары и всех двенадцати колен Израилевых, а также **полного** перечня кораблей, а также имен и характеристик ахейских героев, кроме Ахилла, Агамемнона и некоторых других, **основных**. Многочисленные пра-пра-правнуки и внучатые племянники все время «путаются» под ногами летописца-хроникера, «мешают» ему, поскольку не участвуют в главном событии, сюжете.

В итоге мы получаем не разветвленное древо-жизнь того или иного времени, а некую обструганную конструкцию. Каковой является и мой очерк, поскольку я не пишу историю рода, которая, кроме нас, никому не интересна, а тоже преследую некий **сюжет**, связанный с загадочным поступком моего деда в девятнадцатом году. А также с историей красного кресла.

Судьба красного кресла

В Петропавловске, в Северо-Казахстанском областном музее, на втором этаже, среди стеклянных витрин, как в сверкающей оправе, стоит один из тамошних ценных экспонатов —

диковинное красное кресло. Оно сделано неизвестным искуснейшим мастером из дымчато-палевых, причудливо изогнутых рогов тура. И ножки, и подлокотники, и спинка. А само сиденье — круглое, обтянутое красным бархатом с кистями.

Почти каждый раз, приезжая на родину, я захожу в музей и сажусь на минуту-другую в то кресло. Если хранительница новая, то ужасается, поскольку внушено же, что музейный экспонат — нечто хрупкое, на что и дышать боязно. Но я успокаиваю смотрительниц, говорю, что мы с братьями такие баталии в кресле устраивали, что летели клочки по закоулочкам, а креслу хоть бы что. Да, наверно, не только мы с Эликом и Женисом, но и старшие наши братья тоже. А может быть, и отец Элика, высоконачальственный мой дядя Ураз Малькеич с младшим братом Галижаном тоже изволили на нем скакать и прыгать? И кто знает, может и сам Мальгаждар кувыркался на нем в своем детстве, которое пришлось как раз на половину XIX века. А креслу и износу нет...

По семейным преданиям, кресло изготовлено было в незапамятные времена для Идриса-хаджи, моего прадеда по материнской линии, главы влиятельного в наших краях рода Уак. Предок-родоначальник Уаков — знаменитый батыр Ер-Кокче. (См.: М. Танышпаев. «Материалы к истории киргиз-казакского народа». Ташкент, 1925 г. Репринтное издание 1990 г. Алма-Ата.) Он погиб в начале XV века в междуусобной войне ханов за трон Золотой Орды, которая началась после смерти Тохтамыша. Ер-Кокче упомянут в Никоновской летописи как *«батыр татарский, велик суций телом и силой»*.

Исконные места обитания Уаков — как раз та самая Синяя Орда Тохтамыша, Западная Сибирь и Северный Казахстан. Видимо, отсюда и ушел богатырь Ер-Кокче вместе с Тохтамышем в бурную жизнь Европы, где были и Куликовская битва, и Золотая Орда, и Литва...

Вот в какой исторический сюжет, в самую напряженную его пору, попали витязи рода Уак во главе с моим пращуром Ер-Кокче. Кто-то из них сложил голову на рязанских, литовских или крымских полях, кто-то погиб в боях с Тамерланом на восточных границах Руси, а кто-то и вернулся в родные края, к соплеменникам. Здесь-то через несколько веков моя мать Шар-

бану и встретила с моим отцом Темирбулатом, семнадцатым потомком древнего казахского рода Каракесек.

Снова склоняюсь над страницами летописи... «В лета 6932»... То есть от сотворения мира в год 6932-й, а по-нашему в 1424-й, царь Куидадат пошел войной на князя Юрия Романовича Одоевского и с войском подступил к городу Одоеву... Витовт, великий князь Литовский, послал ему на помощь воевод. Он же, Витовт, попросил великого князя Московского Василия Дмитриевича помочь Одоеву со своей стороны... **Тогда же убили Когчю, богатыря Татарского, велика суца телом и силою.** — Того же лета во Пскове начали ковать серебряные деньги и торговать ими... — Того же лета митрополит Фотий поставил епископом в Новгороде инока Емельяна, нареченного Ефимием. — Того же лета в Новгороде поставили церковь святого Спаса... *(Полное собрание русских летописей. Т. XV. С. 239. Москва, 2002.)*

Вот что произошло на Руси и в Орде в тот год, 1424-й... Вернее, то, что отметил летописец из событий того года и занес на скрижали истории. Из чего следует, что пращур мой был на Руси и в Орде очень видным человеком. Потому как, во-первых, гибель малоизвестных людей не отмечают в событиях года. Во-вторых, сказано о нем без всяких пояснений. Как о человеке, которого все и так знают. Наряду с великими князьями Витовтом и Василием, князем Андреем Васильевичем, князем Иваном Бабой, его братом Путяттой, князем Дмитрием Всеволодовичем и воеводой Мценским Григорием Протасовичем... Больше в летописи за тот год никто из князей и воевод не упоминается. Но, с другой стороны, как убили, где, кто убил — неизвестно. На чьей стороне, в конце концов, он сражался — тоже не написано. Он ведь пришел сюда с Тохтамышем. А после смерти Тохтамыша в Орде началась великая свара, борьба за трон, в которой моего пращура Ер-Кокче и убили. Но в летописи о его гибели сказано так, будто был он сам по себе...

— Маша! — кричу жене в другую комнату. — Теперь ты понимаешь, что такое наследственность? Почему я ни в каких партиях, группах и тусовках с советских времен не участвовал и сейчас не участвую. Хотя хочется: попадешь в тусовку — и сразу на виду, там все друг друга возносят в прессе, цитируют, показывают по телевизору, друг про друга говорят, что они культовые и знаковые... А у меня не получается вступить, как будто

тормоз стоит. Потому что еще мой предок, как и я сегодня, был сам по себе.

— Потому и убили, — вставляет дочь Динка. Резонер, как и все люди в двадцатилетнем возрасте.

— Ну, тогда много кого убивали... — пытаюсь возразить я. — Борьба за трон, дело привычное, средневековое...

— Да уж, наследственность... — говорит Маша и смотрит на Динку. Я тоже смотрю.

Интересно, каким был Кокче? Ну понятно из летописи, что на здоровье не жаловался. «Велик суца телом и силою». А вот лицом каков? Может, похож был на мою маму, свою прапра... внучку. Из всех моих братьев на маму больше всего похож узколицый Амен. Камен, Камбар и Женис — широколицые, в отца. Я — серединка на половинку. А вот Динка, несмотря на половину русской, еврейской и польской крови, все-таки похожа на мою маму, на свою бабушку из рода Уак. Господи, все близко, все рядом, всего-то шесть веков...

А еще я думаю, что Ер-Кокче в его жизни «самого по себе» вела гордость, или даже гордыня. Он служил Тохтамышу, последнему великому степному властителю, а после его смерти, наверно, уже не видел в этом ханском выродившемся сброде никого достойного... В общем, как ни смотри в прошлое, а все вожди Уаков всегда отличались чрезмерной горделивостью. Да не будет это принято за обиду, я ведь и сам наполовину Уак, и многие говорят, что из меня эта зараза-гордыня иногда прет, как тесто из квашни. А я хорошо помню своих дядьев-начальничков, которые, особенно в подпитии, любили стучать себя кулаком в грудь и поминать предков... Я понимаю, эта штука-гордыня мешает успеху в обыденной жизни, с такой занозой в характере о карьере даже и думать не надо, и дядьев она до добра не довела, хотя один из них и высоко летал... Но вот вопрос: помогает она сохранить себя или, наоборот, уничтожает? Кто скажет, сохранил себя или уничтожил мой прадед Идрис в 1919 году?

Легенда гласит, что как раз гордыня и стала причиной трагедии девятнадцатого года. Якобы один из колчаковских командиров, чьи войска были расположены в ауле Идриса-хаджи, вызвал старейшину к себе. Патриарх оскорбился и отправил гонцов назад с подробным разъяснением, *кто и к кому должен являться*.

А кончилось все расстрелом. Какие, к черту, казахские церемонии, когда есть маузер и трехлинейная винтовка...

Кресло перешло к Мальгаждару, сыну Идриса-хаджи, отцу моей матери, моему деду.

В двадцать восьмом году Мальгаждара арестовали, в тридцать четвертом он вернулся, но вскоре началась новая волна репрессий — и дед мой сгинул в сталинских лагерях. И вот совсем недавно в омских архивах нашли бумаги, место захоронения, перевезли его прах на родовые земли и возле озера Майбалык поставили памятник...

А в те годы главой семьи остался Ураз, старший сын Мальгаждара. Ирония судьбы: деда расстреляли белые, отца — красные, а сам Ураз стал крупным советским сановником, деятелем уже московского масштаба. И когда приезжал в Петропавловск, то его вагон загонялся на запасной путь и к нему подводилась связь. Наверно, среди советских вельмож второго поколения это считалось знаком особой власти, даже шиком. Ведь именно так, *в своих вагонах*, метались по стране их революционные предшественники.

Но судьба вновь круто изменилась. Ураз угодил в опалу, его даже в тюрьму посадили, потом освободили, но партийной и другой власти уже не вернули. Заканчивал он свои бурные годы в Петропавловске. Я хорошо помню его, человека с осанкой и Повадками льва, униженного и бессильного. И вряд ли до его оскорбленного, уязвленного сознания доходили утешения моего отца, основанные на горьком опыте и старой казахской мудрости: «Э, Ураз, живая мышь лучше мертвого льва...»

Умер дядя Ураз в нашем доме, как раз в день моего рождения, в январские морозы. Когда его хоронили, старики вспоминали Баймагамбета, усопшего в те же календарные дни, в лютую январскую стужу сорок восьмого года, когда ломы звенели и не брали землю и на кладбище пришлось разводить костры...

Через несколько лет после смерти Ураза кресло и попало в Петропавловский музей. Его продала дочь дяди Ураза, моя двоюродная сестра Венера Мальгаждарова, в замужестве Купкина. Ее муж погиб в автокатастрофе, Венера осталась одна с маленькими детьми, в стесненных, как в старину говаривали, денежных обстоятельствах. Было это в 1967 году.

Потомки

Причудливы пути человеческие. Причудливы и ветви единого генеалогического древа.

Дядя Ураз первым браком был женат на грузинке Таисии, вторым — на русской, Надежде Миковой. Его «грузинская» дочь Венера вышла замуж за русского парня Толю Купкина. На ком женились и за кого вышли замуж их дети, я не знаю, но то, что среди потомков главы рода Уак в Петропавловске прорастают сейчас уже внуки Толи Купкина, — точно.

В Подмоскowie живет Элик Мальгаждаров, «грузинский» сын Ураза, мой двоюродный брат — прямой потомок старейшин рода Уак. Семья, дети, все у него нормально.

Гражданами Израиля и Германии стали дочери дяди Галижана, младшего внука Идриса-хаджи.

А еще про многих я не знаю. Потерялась совсем связь с двоюродными братьями Валерой Мальгаждаровым и Славой Миковым, с немецкими нашими сородичами...

Каракесеки держатся кучнее. Дети и внуки моих старших братьев — Камена, Амена, Камбара и Жениса — крепко укоренены в казахской почве.

А вот у моего сына Тимура, от брака с Люсей Ступаковой, — прабабка по материнской линии полька Зинаида Яцкевич. Прадед по материнской линии — белорус Иван Ступаков из деревни Ступаки. Они особенно были близки — маленький Тимур и дед Ступаков. Перед смертью Иван Павлович уже не мог говорить, не узнавал никого из многочисленных детей и внуков, но когда увидел Тимура, свет мелькнул в сознании, и он произнес последние слова: «Тимоня... Тимоша приехал...»

По общему согласию Тимур взял фамилию любимого прадеда. И теперь прямой потомок рода Каракесек в девятнадцатом поколении — Тимоша Ступаков.

А недавно Тимур женился. Зовут ее Зарема. Мать — украинка, отец — грек. В общем, род Каракесеков продолжается...

Кстати, Каракесеки в казахской генеалогии еще называются *Алим Улы* — *Дети Алима*. Моя теща, бабушка моей дочери Динки, донская казачка Наталья Вениаминовна, в девичестве Алимова, по этому поводу часто шутит: может, и мои предки пришли из ваших степей...

А в общем, если продолжить родословную таблицу старейшин Уаков и Каракесеков, то получится генеалогическое древо с казахско-русско-грузинско-белорусско-татарско-еврейско-польско-немецко-украинско-греческими ветвями. И все эти люди, живущие ныне в разных уголках мира и говорящие на разных языках, — прапраправнуки, потомки Идриса-хаджи, Мальгаждара и Баймагамбета.

Кем они станут, как будут называть себя их дети: казахами, немцами, русскими, евреями... — не в том суть. Каждый человек ощущает себя тем, кем он себя ощущает. Правда в том, что не бывает дороги в один конец. Потомки одного рода становятся детьми разных народов и даже говорят на разных языках. Но точно так же в начале начал, когда складывался единый народ, он ведь сливался из десятка племен и наречий.

И потому история каждого человека, рода и народа не может быть и не есть только их достояние. Она создается и пишется всеми и принадлежит всем. То есть человечеству.

Это ведь так просто.

Глава 33

ЛЮТЫЕ ЗВЕРИ

В 1920—1921 годах в Западной Сибири и Северном Казахстане запылало крупнейшее восстание крестьян против коммунистов. Восстание, о котором никто ничего не знает. О котором в официальной истории упоминалось вскользь как о «кулацком мятеже». Один только Александр Исаевич Солженицын нет-нет да напомнит молодым современникам о неподнятом пласте нашей истории.

Поразительно! Представьте себе, что мы бы ничего не знали о крестьянском восстании на пространствах, к примеру, от Воронежа до Москвы! А ведь так и было. Начавшись в городе Ишим Тюменской области, мятеж запылал по всей Западной Сибири и Северному Казахстану, по тысячекилометровой(!) железнодорожной линии Омск — Петропавловск — Курган — Челябинск! А с севера на юг — от Петропавловска до Салехарда!

Суть в том, что, поставив на грань голода Центральную Россию, большевики тотчас же ринулись в Западную Сибирь и Северный Казахстан — вот где можно взять хлеб и мясо! А брали его просто — посылали вооруженные отряды. Называлось — продразверстка. Но тутошний мужик — человек вольный, еще не был замордован властью до полной апатии. Естественно, он взялся за вилы и обрезы. Восстание вспыхнуло моментально, чуть ли не сразу во всех городках и селах. Это была истинно крестьянская война, с налетами на станции, разрушением железнодорожных путей — символов государственного продвижения вглубь их исконных территорий. Да не только станции. Было два центра мятежа — Ишим в Тюменской области и село Соколовка Северо-Казахстанской области.

Повстанческая бригада двинулась на штурм Петропавловска и 13 февраля 1921 года вошла в город, захватила исторический центр — Соборную площадь, Вознесенский проспект. Но к вокзалу, главной цели штурма, пробиться не смогла. Повстанцев остановили бойцы Первого коммунистического батальона у стен тогдашнего консервного завода, ныне мясокомбината. А через день подошло подкрепление из Омска, и 16 февраля повстанцев из города выбили.

Повторю: это было крупное восстание, которое полыхало от Омска до Челябинска. И тем не менее о нем никто не знает. Тамбовский и Кронштадтский мятежи утаить было невозможно. А тот, далекий «Ишимско-Петропавловский мятеж», наглухо замолчали.

Теперь уж не помню где, но я встречал невнятные упоминания, что именно Ишимско-Петропавловское восстание окончательно склонило Ленина к переходу на новую экономическую политику, на замену продразверстки продналогом. И в этом есть своя логика. Почти одновременно происходившие Кронштадтский и Тамбовский мятежи еще можно было списать на тогдашнюю политизированность матросов и влияние на крестьян эсеров. Но восстание сибирских мужиков, которые двумя годами ранее против Колчака выступали!? Значит, довели, допекли мужика продразверсткой! Значит, надо менять...

В редких сохранившихся свидетельствах, прошедших сквозь идеологическую мясорубку, большевистские комиссары изображались голубями, радетелями за благо и живот на-

родный, добытчиками хлеба для голодающих рабочих, а восставшие — «кулаками», которые готовы были сжечь хлеб, но не дать его «рабочим». В общем, зверье с дрекольем.

Пройдет время. (Уже прошло.) Придут другие. (Уже пришли). И напишут другую историю. Где благостные мужики с крестами и иконками на шее защищали исконно крестьянские ценности, исконную, народную нравственность и благочестие от хриstopродавцев-комиссаров. Уже написано! В газете «Известия», например, как-то опубликовали портреты лидеров белого движения с подписями: «русский генерал», «русский адмирал», а портреты большевиков просто с фамилией. Как будто они инопланетяне какие, не из русского хаоса вышли...

А лютовали — все! И власть коммунистов, и восставшие против нее! Ох как лютовали!

Сейчас я приведу выдержки из документов, которые знают очень немногие. Быть может, единицы. А может, вообще, кроме меня, никто не знает. Это происходило на моей родине, в любимых мною селах, на моей реке Ишим, где мы с друзьями детства ежегодно разбиваем палаточный лагерь!

«Тов. Мисюта изрублен топором, шашками, исколот штыком, с отрубленными пальцами и перерезанным горлом...»

«Отрублены обе ноги и одна рука. Выколоты глаза. На груди — десять штыковых ран».

«Восстанцы, раздев т. Дорского, стали медленно проводить над ним казнь. Пороли живот, резали части тела, ломали руки, размозжили голову, а потом, не найдя на теле места для побоев, вывезли и бросили в поле...»

«Убиты: Разин, Яронин (по некоторым источникам — Еро^ннин. — С. Б.), Снитков, Шашланов, Грищенко, Розенберг, Филькенберг, Новицкий... Выворочены руки и ноги, выколоты глаза, на спине вырезаны звезды и полосы...»

«Им закричали: «Эй вы, коммунисты, вам хлеба не надо, спойте «Интернационал» — и будете сыты... Били кольями, вилами и топорами. Кричали: «Не стреляйте, не тратьте на них пули...» А тех, кого не добились, довели до Ишима и спустили в прорубь...» (Живыми! — С. Б.)

«Настоял убить коммунара С. Власова, которого нагим клал на бревно и бил колом по животу, а также выкалывал пикой глаза».

«Вырезали у зараженного сифилисом кусок зараженного мяса и затерли под кожу Зелинского».

А вот действия власти:

«Приказ Сибревкома... Жители сел и деревень, расположенных на десятиверстной полосе по обе стороны от железной дороги, несут ответственность жизнью (! — С. Б.) и имуществом за целостность железнодорожного пути и телеграфной сети...»

Ничего страшнее и подлее этого не может быть. Власть побандитски брала в заложники мирное население. Получается, что группа мятежников налетела, разрушила пути, оборвала связь, а **потом** приходят чекисты, красноармейцы и расстреливают за **это** мирных мужиков и баб?!

Каратели лютовали так, что сама власть чуть ли не умоляла их поумерить кровавый пыл. В секретном предписании от 26 февраля 1921 года Тюменская губчека рекомендует «прекратить массовые расстрелы и бесшабашные расправы над крестьянами в местностях, уже очищенных от повстанцев».

Это значит, что в «местностях, уже очищенных от повстанцев», красные каратели проводили «массовые расстрелы и бесшабашные расправы» над мирным населением. Приказ Сибревкома разрешал и даже повелевал...

Скажите мне, может ли быть на свете какая-нибудь идея — красная, белая, синяя, зеленая, — которая оправдывала бы *вот это*. Нет и не может быть таких идей. Но ведь *вот это* было. И вот как оно было, люди. И это все мы, Господи...

Остается добавить, что 27 октября 2003 года в городе Ишим Тюменской области — том самом центре Ишимского восстания, том самом городе, который власть залила кровью, — местные коммунисты открыли памятник Сталину. На митинге присутствовал заместитель главы администрации.

Глава 34

ПЕРЕЛОМ НАРОДНОГО ХРЕБТА

Что было бы, если бы Ленин умер не в 1924 году? Если бы он прожил еще 10 лет?

Он бы сам отменил нэп? Или бы его самого, Ленина, «отменили»?

Иными словами — сожрали бы Ленина его партийные товарищи? Есть основания предполагать, что он встал бы поперек пути многим — от своих соратников из узкого круга до широких революционных масс включительно.

Знаете, почему Белая армия легко победила Красную армию на Украине, а Москву взять не смогла? Хотя Деникин уже молебен в Москве заказывал...

Потому что на Украине красных били с двух сторон — и белые, и крестьяне-махновцы. Украинский Совнарком отнятую у помещиков землю отдал не крестьянам, а национализировал в государственную собственность. А мужикам хрен редьки не слаще. Неведомый Наркомзем, который забрал землю, ничем для них не лучше помещиков. Украина восстала. Так началась махновщина. Не за красных и не за белых — за землю и волю.

Но как только белые армии перешли тогдашнюю границу Украинской республики и вступили в пределы Российской республики, движение затормозилось. Здесь был один фронт — Красная армия против Белой армии. А мужики — за красных. Потому что в России земля была отдана крестьянам. И приход белых они вполне справедливо расценили как попытку отобрать у них землю и отдать помещикам. Так что у белых на территории России в народе опоры не было. И «Приказ о земле», изданный Врангелем 7 июня 1920 года, по которому земля закрепляется в собственность крестьян, был уже запоздалым. К тому же раздавать крестьянам России землю, владея лишь Крымом, — это несерьезно, почти фарс...

Закончилась Гражданская война, однако продолжилась продрозверстка — и мужики вновь восстали. Кронштадтский, Тамбовский, Ишимский мятежи 1921 года были ответом крестьян на государственный грабеж. Причем проходили они под лозунгом «За Советы без коммунистов».

В 1921 году Ленин ввел нэп — и деревня успокоилась. Народ работал на своей земле и богател.

Но через год Ленин перенес первый инсульт. Затем — второй. После третьего он жил еще десять месяцев, но это уже была жизнь растения. Физического тела. Без мозга. И без власти, разумеется.

Что творилось в этой голове после 1922 года? Этого мы достоверно не узнаем никогда. Просто потому, что Ленин не ус-

пел сказать — с марта 1923 года его мозг, его гениальная голова уже не работала. Он оставил кое-какие заметки. По которым можно предполагать...

В начале этого необычного пути Ленин обозначил нэп как временное «отступление». За это слово и ухватились после его смерти. Может быть, ухватились бы и при его жизни, использовали бы в борьбе против него. Потому что Ленин очень скоро отступился от этого слова. И определил нэп иначе — **«коренная перемена всей точки зрения на социализм»!** Ни много ни мало.

Все, что ни делал Ленин за этот год, все, что ни писал после, — все было направлено на укрепление крестьянства. Его уже тогда соратники обвиняли в «крестьянском уклоне». Но он был тверд — началом начал считал деревню, землю, крестьянство, он город поставил в прямую зависимость от деревни: чем лучше будет город удовлетворять потребности крестьянства, тем больше будет зарплата промышленных рабочих. Это уже была крамола! Оскорбление! Ведь по терминологии тех лет рабочий класс — «революционный», а деревня — «косная», «мелкобуржуазная», и вообще — контрреволюционная «крестьянская Вандея». То есть Ленин пошел на пересмотр основ. На самом деле, конечно, он вернулся к первоосновам. Крестьянство, земля, сельское хозяйство — фундамент, на котором воздвигается все остальное. Мы потому и мучаемся до сих пор, что фундамент заложили кривой.

Если судить по его последней, программной статье «О кооперации», Ленин в своих мыслях и планах все дальше уходил от государственной экономики к тому, что он называл кооперацией, государственным капитализмом.

В 1921 году народ поверил Ленину и начал пахать и сеять. Уже к 1923 году были восстановлены дореволюционные посевные площади. В 1925 году зерна получили больше, чем в среднем за наиболее благоприятные для России пять лет — с 1909 по 1913 год. В 1928 году общий урожай зерна уже превысил уровень 1913 года.

Вот данные по отдельному Молчановскому району Приобья. Там народ жил таежным промыслом, к земле особо не приучен. А уж в годы военного коммунизма и продразверстки землю и вовсе забросили, несмотря на приказы властей. В

1922 году в районе посеяли... 777 десятин. А к 1927 году под пашню было занято уже 5,2 тысячи десятин — больше в семь раз! Мало того, **началась самоорганизация крестьян в артели, кооперативы.** В середине двадцатых годов в Молчановском районе действовало пять семенных и тринадцать машинных товариществ, создавались товарищества общественной взаимопомощи и общественной обработки земли. Из двух с половиной тысяч частных хозяйств было кооперировано шестьсот.

То есть никого никуда загонять не надо — люди сами решали, как им развивать хозяйство. По сути — создавали свои колхозы, свои акционерные предприятия. **Народ шел ленинским курсом кооперации!**

Смог бы Ленин дальше удержать этот курс и — более того — развить его, как он намечал в последних статьях? Одно дело — переломить мнение и настроение большинства на X съезде, в 1921 году. Там у Ленина было два мощнейших козыря. Первый — голод в стране и полная разруха. Второй — то самое «отступление». Мол, нэп — это временно, чтобы преодолеть разруху. А там всех частнособственников к ногтю... «Мы еще вернемся к террору», — говорил он.

А как было бы потом, когда он переменял взгляды на нэп? Да, Ленин был не один, с ним — Рыков, Бухарин, Томский. Но противников — гораздо, гораздо больше. Не только в верхах — в партийной массе, среди самых что ни на есть рядовых. Вполне могли сломать и Ленина, заставить его, вынудить свернуть нэп. Могли и просто свергнуть.

А уж без Ленина нэп был обречен. Тот же Рыков стал после Ленина председателем Совнаркома, вроде бы главная власть у него. Но только вроде бы. Он решительно возражал против сталинских планов коллективизации, прямо заявив Сталину: «Ваша политика экономикой и не пахнет!». Но — оказался бессилен перед волей большинства партии, большинства коммунистов, встретивших нэп как отступление, предательство революционных идеалов. Вождем их был Сталин, который обрел к тому времени огромную власть. О его всемогуществе говорит обращенная к Горькому фраза: «Думаем сменить Рыкова, пугается в ногах!» Это значит, что генсек партии уже решал судьбу главы правительства. Рыкова «ушли» с поста председателя Совнаркома в 1930 году. А еще раньше, в 1929 году, Бухарина,

Рыкова и Томского вывели из Политбюро, обвинив в «правом уклоне».

Эта победа Сталина была не только победа аппаратная, цеховская. За ним стояли и его поддерживали рядовые большевики. По сути, люмпены, за годы Второй мировой войны и Гражданской отвыкшие от дома, от хозяйства, зато научившиеся командовать, презирать крестьян, ненавидеть нэпманов. Они были опорой его политики в масштабах уже всей страны.

Они и начали самую кровавую, беспощадную, гибельную войну против своего народа. «Годом великого перелома» назвал 1929 год Сталин. Впоследствии Солженицын переименовал — *«перелома народного хребта»*.

К 1933 году количество крупного рогатого скота в стране сократилось в два раза, лошадей — в два раза, свиней — в два раза, коз — в три раза. Общий объем сельскохозяйственного производства сократился на 20 процентов. Все зерно реквизировали и продали за границу, чтобы купить машины «для индустриализации всей страны». Начался голод.

Сколько людей было согнано со своих дворов, изгнано из своих домов — теперь установить уже невозможно. В отчетах можно только запутаться. Ведь раскулачивали по разным категориям. Одних отправляли в лагеря и даже расстреливали, других ссылали на Север, в Сибирь и Казахстан — это была категория «спецпоселенцы», третьих — выселяли в пределы своей области, края, республики, четвертых — в пределы своего района. Нет сводных данных.

И потому пробуем подсчитать сами.

К концу 20-х годов в стране было 26 миллионов частных крестьянских хозяйств. По инструкции ЦИК (была такая инструкция, подписанная Калинин!), раскулачиванию подлежало 3—5 процентов от общего числа. Но местные власти, активисты из комитетов бедноты разоряли всех, кто богаче их. Потом это называли «перегибами» и «головокружением от успехов», активистов пожурили. По расчетным данным, раскулачили 10—15 процентов хозяйств.

Возьмем среднюю цифру — 12,5 процента.

Это значит — разорили, разграбили 3 миллиона 250 тысяч хозяйств.

На то время средний состав сельской семьи — 5 человек. В зажиточных семьях — больше. Потому что кулаки и середняки не дробили хозяйство, у них дети не разъезжались по свету в поисках лучшей доли, как у бедняков, они исконно сохраняли большие семьи как производственную единицу. Можно считать, что в каждом раскулаченном крестьянском доме было в среднем 6—7 человек. Это значит, 21—23 миллиона человек, от стариков до трудных детей, выгнали на улицу, отправили в ссылку.

В селах Украины, Поволжья, Казахстана, где хлеб и скотину начисто реквизируют, начался страшный голод. Люди ели людей. В СССР от голода в те годы погибло, опять же по примерным подсчетам, 7,2—10,8 миллиона человек. (Источник: «Население России в XX веке»).

В гражданскую войну жертв было гораздо меньше — 2,5—3,3 миллиона («Население России в XX веке»).

Коллективизация стала переломом народного хребта во всех смыслах. Помимо физического истребления самых работающих это было уничтожение СМЫСЛА вообще. Смысла жизни, смысла труда на земле. Представьте в деталях раскулачивание, как входят в избу к зажиточному крестьянину какой-нибудь Макар Нагульнов, герой романа «Поднятая целина», с ним молодой сельский парень, бедняк-активист, и молодой парнишка-рабочий с винтовкой. И начинают, по сути, грабёж. Имущество описывают и тут же раздают, а хозяев сажают в сани и под конвоем отправляют в райцентр и далее — на Соловки... Что думают при этом, какой урок выносят из этого молодой сельский парень и молодой городской парень? Ведь происходит что-то непредставимое для сознания человека, особенно крестьянина. Мужика, который всю жизнь работал, построил дом и хозяйство, разоряют и выгоняют как «врага». И это считается «хорошо». То есть «хорошо» быть босяком, ходить с винтовкой, а «плохо» — честно и много работать. Вот какое уничтожение Смысла происходило в масштабе страны.

Роман «Поднятая целина» — гимн коллективизации, так ведь? Потому и возьмем его в качестве доказательства от противного. Как источник информации.

Выделю двух главных для моей статьи героев романа — секретаря комьячейки хутора Гремячий Лог Макара Нагуль-

нова и рядового крестьянина Тита Бородина. У Макара Нагульнова двор и дом — пустыня. Он ни хрена не делает и «ждет мировую революции». А Тит Бородин, подлец, не ждет мировую революцию, как ему советуют местные коммунисты, а работает. Вот как рассказывает о нем Макар Нагульнов присланному для создания колхоза в Гремячем Логу питерскому рабочему Давыдову:

«— Этот Бородин, по-улишному Титок мы его зовем, вместе с нами в восемнадцатом году добровольно ушел в Красную гвардию. Будучи бедняцкого рода, сражался стойко. Имеет раны и отличие — серебряные часы за революционное происхождение... И ты понимаешь, товарищ рабочий, как он нам сердце полоснул? Зубами, как кобель в падлу, вцепился в хозяйство, возвернувшись домой... И начал богатеть, несмотря на наши предупреждения. Нажил три пары быков... мельницу-ветрянку, а потом купил пятисильный паровой двигатель и начал ладить маслобойку, скотиной переторговывать... Мы вызывали его неоднократно на ячейку и в Совет, стыдили страшным стыдом, говорили: «Брось, Тит, не становись нашей дорогой Советской власти поперек пути! Ты же за нее, страдалец, на фронтах против белых был...» Ну, он, то есть Титок, нам отвечает: «Я сполняю приказ Советской власти, увеличиваю посев... Я был ничем и стал всем, все у меня есть, за это я и воевал».

Все мужики за это воевали. Все мужики поверили Ленину, обрадовались лозунгу Бухарина «Обогащайтесь!», а теперь им сказали: вы — враги Советской власти. Не только сказали — вошли в дом с винтовками, отобрали все и выгнали нагишом на улицу. Все видели, вся страна видела, участвовала и вбивала в свои мозги и в душу: работать, стараться — это плохо, а быть бедняком, активистом — это хорошо...

Еще цитата из романа: «Тридцать два человека — гремяченский актив и беднота — дышали одним дыхом».

Я бы сказал — «дыхом» раскулачивания. К тому времени деревня раскололась на богатых и бедных. Хотя власть всем раздала землю. Всем разрешила и даже призвала работать и богатеть. Кто-то не захотел, кто-то не смог, у кого-то не получилось — да мало ли что в жизни бывает... Но земля — вот она, твоя. Старайся. Все равны. Все честно. Но нет — решила

власть. И босяки, бездельники, неумехи, неудачники, лентяи, идейные малограмотные фанатики именем власти раскулачили тех, кто умеет работать. «Уничтожили кулачество как класс».

На самом деле тогда произошло уничтожение Смысла.

И боюсь, что иначе быть не могло. Для доказательства снова вернусь к роману «Поднятая целина». Итак, Тита Бородина вызывают в комьячейку, в совет и увещевают не шибко работать. Сама постановка вопроса абсурдистская. А Тит им отвечает: «Я сполняю приказ Советской власти, увеличиваю посев... Я был ничем и стал всем, все у меня есть, за это я и воевал».

Это я уже только что цитировал. А теперь обратите внимание, чем Тит Бородин заканчивает: **«Власть не на вас держится. Я своими руками даю ей что жевать, а вы — портфельщики...»**

Все! Вот она — голимая суть того, что происходило!

Хотел того или не хотел автор романа «Поднятая целина», но он определил две стороны непримиримого конфликта. И так было в каждом хуторе, в каждом селе, в каждом районе. По всей стране.

Вопрос был поставлен ребром.

Кто в стране главный — Тит Бородин с сохой или Макар Нагульнов с портфелем?

Ответ на него вы знаете из нашей истории. И полагаю, что другого быть не могло. До сих пор не может.

И раньше говорили, но не писали, а сейчас говорят и пишут в газетах: Сталин взял Россию с сохой — оставил с атомной бомбой.

И все ведь правильно! Достижения сталинского СССР — потрясают, поражают воображение. За первые 5 лет индустриализации было построено 1500 больших заводов. В том числе металлургические гиганты в Новокузнецке и Магнитогорске. А затем — гидростанции, атомные, космические объекты! Под руслами великих рек в базальте вырубались подземные комбинаты с ядерными установками! Планетарная работа! Это все — Сталин. То есть — миллионы и миллионы рабов в лагерях.

А после Сталина началось торможение. Целину еще подняли на энтузиазме. А дальше — сплошные сбои и гниение. БАМ показал, что уже ничего не получается. Двадцать лет с ним мучились, а толком так и не построили. В чем дело?

А в том, что сталинская эпоха великих строек закончилась. Загнать в лагеря миллионы простых работяг, загнать в лагеря шарашки тысячи ученых при Хрущеве-Брежнев-Андропове-Черненко-Горбачеве уже было нельзя.

Экономика насилия кончилась.

Надо как-то по-другому.

А по-другому не получается. Что то не срабатывает в механизме.

Кто в советские времена был в сознательном возрасте, тот помнит. К тому, что мясо присутствует только в магазинах Москвы, Ленинграда и Киева, страна давно привыкла. И даже приспособилась. Например, на Чебоксарском агрегатном заводе в каждом цехе рабочие скидывались и снаряжали в Москву несколько человек с гигантскими рюкзаками и тележками. Они и закупали на весь коллектив колбасы... И так далее. Колхозы и в сталинские времена не обеспечивали страну мясом и молоком, а уж после и вовсе превратились в черную дыру советской экономики.

Казалось бы, стиральный порошок — не мясо и молоко. Но представьте себе, выступает перед страной и миром году в 1978-м Генеральный секретарь ЦК КПСС, властитель самой большой страны в мире, и говорит, что нет в магазинах стирального порошка и мыла. И потому надо увеличить, углубить, расширить производство. Смешно?

Да пусть будет смешно! Пусть враги злорадствуют и клеветают! Лишь бы после вмешательства Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР, Председателя Совета Труда и Оборона стиральный порошок появился. Так ведь нет! До начала девяностых годов, до краха СССР, со стиральным порошком что-то у нас никак не складывалось...

Иными словами, на определенном этапе экономика тотального, лагерного насилия была эффективна. А как перестали держать крестьян в колхозах принудительно, без паспортов, как перестали гигантские стройки обеспечивать миллионами заключенных — все и закончилось.

Остался только перелом народного хребта. И в физическом, и в духовном смысле.

Глава 35

ГОЛОДОМОР

Меня иногда спрашивали: неужто при богатствах твоего деда Баймагамбета у вас ничего-ничего не осталось?

Жизнь нашей семьи прошла на глазах у всех. У людей были свои дворы и дома, а мы 20 лет скитались в своем городе, как в пустыне, лишенные всех прав, по чужим углам, и только в 1947 году, когда инвалидам войны стали давать участки под застройку, в общей суматохе мой отец-фронтовик тоже получил кусок земли и поставил там времянку в одно окно, с крышей из дерева. К тому же он как сын феодала и сам бывший молодой феодал ничего не умел делать, не владел никаким ремеслом. И заработки имел небогатые. А прокормить надо пять-шесть ртов. Бедная жизнь. Беднее, чем у многих вокруг. А все равно спрашивали: не осталось ли чего от деда?

Трудно сейчас сказать, велико ли было его дореволюционное состояние. Может, он богачом-то считался лишь по уездным петропавловским меркам? Его основное богатство было в табунах лошадей, в гуртах бычков, в отарах овец. Все это моментально конфисковали, всех родичей арестовали и сослали еще дальше в Сибирь, а нас в течение суток выкинули из городской усадьбы.

И тем не менее я почти уверен, что семья все же спасла от конфискации кое-какие драгоценности. Иначе бы никого не осталось в живых, и я бы сейчас не писал эти строки.

В 1931 году в казахскую степь пришел Смертный Голод. О голоде в Поволжье и на Украине уже немало написано. Но почти никто не знает, что самый страшный Голодомор был в Казахстане. Невиданное убийство своего же населения коммунисты устроили не просто так... По всей стране отбирали хлеб и обрекали людей на смерть потому, что хлеб продавали, превращали в золото, а затем на это золото покупались машины и оборудование на Западе. Вот чем — миллионами и миллионами жизней — была оплачена та самая сталинская индустриализация, которой иные до сих пор гордятся.

Ф. И. Голощекин, назначенный руководителем Казахского крайкома партии, заявил, что в казахском ауле нет Советской власти, и надо «пройтись по аулу Малым Октябрем».

Прошлись.

Для казахов тотальная конфискация продовольствия была страшнее во много раз, потому что они казахи. Они тогда совсем не знали земледелия. Более того, во многих еще жило суеверие, что вторгаться в чрево земли — святотатство. Они только скотину держали и обменивали мясо на муку, сахар, ситец. И если узбек, кореец, поляк, русский, украинец, таджик по весне мог хоть корешок вырастить на своем дворике, то казахи моментально остались без всякого пропитания. Ведь бычок или овца — не мешочек с зерном, их не спрячешь в бурьяне или в яме от зорких глаз комиссаров. К 1934 году количество скота в Казахстане сократилось в **десять-одиннадцать раз**. То, что оставалось, числилось и принадлежало созданным колхозам и совхозам. А у населения **вся** скотина была тотчас конфискована, и казахи стали моментально вымирать сотнями тысяч.

Сын первого секретаря ЦК КП(б) Узбекистана Акмаля Икрамова, писатель, политзаключенный Камиль Икрамов с ужасом вспоминает в книге мемуаров, как он, мальчишкой еще, трое суток ехал из Ташкента в салон-вагоне своего отца через казахскую степь — и вся степь, от горизонта до горизонта, была устлана человеческими трупами.

В президиум ЦИК СССР от политических ссыльных, 1 февраля 1932 года: «В течение примерно полутора месяцев в Павлодар стекаются из районов голодные, опухшие и одетые в лохмотья люди, преимущественно казахи. Свалочные места усеяны голодными людьми, выбирающими и поедающими отбросы».

Казахский писатель Гафу Каирбеков: «Тургай. На улицах много взрослых людей. Они идти не могут, ползут на четвереньках. А некоторые уже недвижны, лежат на дороге, как брёвна. Выбежал я однажды погулять, и меня схватили чьи-то руки. Я — вырываться. А сколько мне было... ну, года четыре. Хорошо, бабушка на помощь подоспела, крик подняла. Потому-то и наказывала несколько раз за день: «Не ходи за ворота — съедят...»

Председателю ВЦИК М. И. Калинину, 10 февраля 1932 года: «Все население, проживающее в Казахстане, умирает от голода, в некоторых местах народ гибнет целыми аулами, напри-

мер: в аулсоветах № № 9,10, 11, в Павлодарском и Иртышском районах, а также во всех районах Казахстана. В последнее время везде происходит гибель, смерть населения, весь скот сдан государству... питаться населению нечем».

По переписи 1926 года, казахов в Казахстане насчитывалось 3 миллиона 750 тысяч. Всем известно, что творилось с переписями 1937 и 1939 годов в СССР и вообще с советской статистикой, и потому далее я буду оперировать цифрами из американского источника. (Edward Allworth. «Central Asia: a century of Russian rule». New York: Columbia University Press, 1967.)

Итак, через 33(!) года, в 1959 году, казахов стало 2 миллиона 750 тысяч. Убыль — в 1 миллион! И это с учетом прироста за 33 года. Теперь отнимем прирост за 33 года от 2 миллионов 750 тысяч. И получится, что в годину Смертного Голода умер, как минимум, **каждый второй казах...** Такого процента смертности от комиссарских продрозверсток не знали ни Украина, ни Поволжье. В это невозможно поверить — **каждый второй.** Как минимум.

За это же время, с 1926 года по 1959 год, таджиков и узбеков стало больше **в полтора раза.** Казахам же — почти **в полтора раза меньше.** А ведь казахи такие же **традиционно многодетные,** как узбеки и таджики. (Я, к примеру, шестой ребенок в семье, считая выживших.) Но узбеки и таджики — земледельческие народы! Им было чуть легче.

А на языке советской истории и советских историков Голодомор на Украине, в Поволжье, в Центральной России и Казахстане назывался: «Коллективизация... Великий перелом... Индустриализация народного хозяйства... Социализм к 1934 году в основном построен...»

Теперь-то я уверен, что мы имели утаенные ценности из богатств деда Баймагамбета. Иначе бы никто из семьи, выброшенной на улицу, не выжил в те годы, когда грамм хлеба равнялся грамму золота. И получается, что мои родители выжили, потому что золотом откупились от общей участи. И дали жизнь моим братьям, мне. Правда, три старшие сестры мои в те годы умерли во младенчестве, да прадеда по материнской линии расстреляли, да деда по материнской линии уничтожили в сталинских лагерях, но это уже немного другая история.

Глава 36

ВРЕМЯ СТАЛИНА

«А я как-то не думал...»

Придумать такое я бы не решился. А вернее всего — не смог бы. Я гулял по парку в нашем районе Свиблово с симпатичным мужчиной моего возраста. Совершенно мне незнакомым. Наши собачки рядом гуляют — и мы тоже рядом. Обычное дело. Тихое, благостное утро, и разговор наш тихий, благостный. Хотя говорили о политике, о прошлом, о будущем.

— А если на этой волне общего недовольства к власти снова придут коммунисты? — спрашивал он. — И что тогда будет?

— Как бы сажать не начали...

— А что, разве сажали? — спросил он.

— Как это так? — не понял я.

— Да никого они не сажали, это все разговоры непонятно откуда! — уверенно сказал он.

— А вы деда своего помните? — вдруг спросил я.

— Нет, мама говорила, что последнее письмо от него получила из Нагаевской бухты в 42-м году...

(Нагаева бухта в страшной памяти миллионов и миллионов. Сюда шли с Большой земли пароходы с заключенными, здесь начиналась для них Колыма.)

— А бабушку? — спросил я.

— Тоже нет. Она умерла в ссылке, в Акмолинске.

(Под Акмолинском, ныне город Астана, столица Казахстана, был АЛЖИР — Акмолинский Лагерь Жен Изменников Родины.)

Разговор наш проходил без всякого политического, мировоззренческого накала. Тихий, спокойный, можно сказать — благостный.

— Ну вот, а вы говорите, что не сажали, — как бы пожурил его я, мягко, но с некоторым удивлением в голосе.

— А я как-то не думал... — тоже удивился мой собеседник.

Вот и скажите: можно ли такое придумать. Это, конечно, страшно: знать — и не думать. Но он хотя бы знал на страшном опыте своей семьи. Когда-нибудь, глядишь, и подумал бы. А сколько таких, которые вообще и почти ничего не знают?

Избиение в Америке

Осмелюсь утверждать, что народ почти и не знает о преступлениях Ленина-Сталина и всей их системы. Когда в Юхнове или Ялutorовске бабушке с портретом Ленина рассказываешь, что коммунисты расстреливали священников именно в рот (смертельная пародия на причастие!), она ужасается и не верит: «Не может быть...» Не знает.

Не может быть, чтобы не знали! — воскликнут иные. — А как же хрущевские разоблачения, наша гласность и пресса в горбачевские годы!

Увы, мы газетно-журнальное бурление больших городов приняли за общенародный процесс... Доклад Хрущева о культуре личности ходил в списках, подпольно, и при этом говорили, что все его читали. Откуда эта уверенность — не знаю. Я ни разу ни у кого его не видел. Потом, с приходом горбачевской гласности, этот доклад опубликовали в только что созданном журнале «Известия ЦК КПСС». Поднимите руки, кто видел, читал такой журнал. А кто в 1988 году видел в райцентрах «Московские новости» или «Огонёк»? То-то и оно.

А ведь еще Ленин, большой специалист по обработке масс, учил, что важнейшим в этом деле является кино. В новом варианте — ТВ. На память сразу же приходят фильмы «Власть соловецкая», «А прошлое кажется сном». Но... Во-первых, это фильмы. Они хоть и называются документальными, но построены по законам художественным. А это в данном случае ослабляет эффект. Но даже и эти фильмы, как и все ТВ, сработали процентов на пять своих возможностей. По вине... Не знаю, по чьей. Наверно, по общей. Наши прогрессивные лидеры, Горбачев и Яковлев, прямого указания не дали, а сами телевизионщики не додумались. И те, и другие, видимо, считали, что одного показа чего-либо достаточно для страны в сотни миллионов людей. Хотя знали, наверно, что в Америке, например, сюжет об избиении негра полицейскими, случайно снятый любительской камерой, почти все каналы крутили две недели по несколько раз в день. Чтобы до каждого дошло: власть — страшная штука, ее нельзя ни на минуту оставлять без контроля, на месте того негра может оказаться каждый...

То, что вдалбливали в людей семьдесят лет, не вытравившись за короткий период гласности. Даже простая информация далеко не сразу до всех дойдет. Для десталинизации необходимы были годы и годы. Которые прошли впустую. **Годами надо было показывать и показывать.** И не обязательно фильмы, то есть нечто сделанное, а просто гнать хронику. То есть нам надо было (и сейчас надо!) к каждой революционной дате показывать и показывать горы трупов в местах тайных захоронений НКВД. Как горы трупов в Бухенвальде. К каждому дню рождения того или иного вождя революции. К примеру, ко дню рождения «рыцаря революции Дзержинского» — фотографии детей Гулага. Ведь это по его инициативе в тюрьмы и лагеря стали бросать детей, **достигших двенадцатилетнего возраста.**

А кто в России снял документальный или художественный фильм о том, как русские бабы из раскулаченных семей, выброшенные в тайгу, удавливали своих малых детей, чтоб не мучились? А кто в Азербайджане снял фильм о том, как в сентябре в степь под Акмолинском вывезли десять тысяч ссыльных из Азербайджана, и к апрелю из них осталась одна тысяча? Не знают люди, просто не знают...

Многие слышали о голоде в Поволжье и на Украине. Недостаточно, не в полной мере, но все же слышали. И почти никто не знает о самом страшном Голодоморе — в Казахстане, когда от голода умер каждый второй казах... Миллионы трупов в Казахстане, Поволжье, Украине — это не «жертвы Гулага» и не «жертвы политических репрессий», как мы привыкли говорить, это — **просто так...**

Колыбельная из-за колючей проволоки

Это хорошо, что Юлий Ким такой знаменитый. Значит, мой очерк привлечет больше внимания.

Алина Черсановна Ким принесла мне книгу, которую издали за свой счет она и ее сын Марат очень маленьким тиражом, только для родных и близких. Это книга их мамы и бабушки — Нины Всесвятской. Называется — «От далекой мамы».

Я эту книгу в нынешнем, книжном, виде не читал. Только в руках держу. Я читал ее давно, в оригинале, если можно так

сказать. Эти листочки, дошедшие из лагеря. Смотрел, читал. Но тогда я был помоложе и покрепче духом. А сейчас уже не могу... Сил не хватает.

Теперь, видя Юлия Кима по телевизору, слыша его песни, к примеру всенародно любимые из всенародно любимого «Бумбараша» («Ничаго, ничаго, ничаго!», гениальное «Ходят кони над рекою... Кони хотят пить...» и другие), вы будете знать, что Юлику было полтора года, а его старшей сестре Алине три с половиной, когда их отца журналиста Ким Чер Сана расстреляли, а их маму, школьную учительницу русского языка и литературы Нину Всесвятскую, бросили за колючую проволоку... Она, Нина Всесвятская, в одно мгновение из учительницы стала *чесеиркой* — членом семьи изменника Родины. И трехлетняя Аля с полуторагодовалым Юлей тоже стали *чесеирами*. Тут власть не утруждалась даже подобием законов. Какие там законы! Детей и женщин уничтожали по ведомственной инструкции!

Из приказа наркома внутренних дел ССС Ежова от 15 августа 1937 года **«Об операции по репрессированию жен и детей изменников Родины»:**

«Особое совещание рассматривает дела на жен изменников Родины и тех детей старше 15 лет, которые являются способными (?! — С. Б.) к совершению антисоветских действий. «Грудные дети направляются вместе с осужденными матерями в лагерь, откуда по достижению возраста 1—1,5 лет передаются в детские дома и ясли. В том случае, если сирот (дети названы сиротами при живых матерях! — С. Б.) пожелают взять родственники (не репресслируемые) на свое полное иждивение, этому не препятствовать» (Гуманисты! — С. Б.).

Алину и Юлика увезли в Наро-Фоминск бабушка и дедушка, врачи Валентин Васильевич Всесвятский и Елизавета Осиповна Успенская. В письмах к дочери они рассказывали, как растут Алина и Юлик под присмотром няни Гани. (Счастливая судьба! Говорю без иронии и сарказма. Бабушка и дедушка, няня... Миллионы таких были разбросаны по *детдомам, интернатам, детприемникам.*) А их мама там, в лагере, перекладывала эти рассказы в смешные детские стихи. Иллюстрации к этим стихам там же, в лагере, рисовала художница Лизико Кицмарашвили, вдова расстрелянного секретаря Тби-

лисского горкома партии, у которой тоже остался сиротой при живой матери маленький сын. Нина и Лизико складывали из стихов-рисунков книжки-самоделки: для своих подруг по лагерю, для их детей...

Кстати, одну из таких книжек-самоделок Елизавета Осиповна Успенская отнесла в 1940 году в издательство «Детская литература». Мало ли что, а вдруг... Книга не вышла. Но редакторша отметила в заключении (редакторском заключении, это такая служебная издательская рецензия!): «Чувствуется, что мать знает все мелочи жизни детей, постоянно находится с детьми...»

Страшно себе представить, что чувствовали родители, вспоминая детей. Представьте, что вас оторвали от ваших маленьких. А ведь таких детей в нашей стране — десятки и десятки миллионов. По сути, все мы — дети и внуки отцов и матерей, бабушек и дедушек, брошенных в те годы в лагеря, расстрелянных и замученных. Как можно не думать об этом, не помнить этого, я не представляю. Посмотрите еще раз на картинки, почитайте стихи. Это они, наши папы и мамы, для нас писали и рисовали за колючей проволокой.

Повторю: хорошо, что Юлий Ким такой знаменитый. Значит, заметка моя привлечет больше внимания. А то ведь у нас пожилые люди с портретами Сталина на улицах — привычное дело. Мало того, появились юноши, которые скандируют: «Сталин! Берия! Гулаг!» Не хочу думать, что креста на них нет. Не надо так. Скорее всего, обыкновенной памяти человеческой у них нет. Не сказали им. Не рассказали. А человек без памяти и знаний — машина-зомби. Введут в него одну мыслишку-программу — и пошлют куда угодно и на что угодно. Так все делается и делалось во все времена.

Дочь председателя Совнаркома

Всем все до лампочки. Никто ничего не знает и знать не хочет. Разверзлась пропасть времен. При коммунистах мало что знали о прежней, царской России, но был интерес. Хотя бы как к запретному, крамольному. Сейчас же интереса к прошлой, советской жизни и истории ни у кого и в помине нет. Такой

перелом, перепад и распад во всех областях жизни. Говорю же — пропасть.

Вот о чем я думал, прежде чем написать: в 2006 году исполнилось 90 лет Наталье Рыковой — дочери Алексея Ивановича Рыкова. Ведь очень многие юные и уже не юные в нашей новой России безразлично спросят: а кто это такой? Рыков — второй после Ленина руководитель Советского Союза, председатель Совнаркома СССР в 1924—1929 годах. Он был тогда очень популярен. Их с Бухариным лозунг «Обогащайтесь!» нашел отклик в умах и сердцах миллионов людей из народа, уставших от разрухи. Зато вызвал резкое неприятие большинства коммунистов, встретивших НЭП как отступление, предательство революционных идеалов. Вождем их был Сталин, который обрел к тому времени огромную власть. О его всемогуществе говорит обращенная к Горькому фраза: «Думаем сменить Рыкова, путается в ногах!» Это значит, что генсек партии уже решал судьбу главы правительства. Рыков не «путался в ногах» — он стеной стоял против планов коллективизации, прямо заявив Сталину: «Ваша политика экономикой и не пахнет!» В 1930 году Рыкова «ушли» с поста председателя Совнаркома, в 1937-м арестовали, а в 1938-м начался знаменитый процесс Бухарина-Рыкова, на котором Рыков, как и другие, признал все обвинения прокурора Вышинского. Но при этом, отвечая утвердительно на вопросы, хохотал. «У слышавших его хохот иностранных корреспондентов мороз пробежал по коже», — писал впоследствии Роман Гуль.

15 марта 1938 года Рыкова, Бухарина и еще 16 человек, проходивших вместе с ними по одному «делу», расстреляли. Жену Рыкова, Нину Семеновну, расстреляли в августе 1938 года.

Наташу Рыкову, тогда ей было 22 года, арестовали за 15 дней до расстрела отца, в Томске. Первые месяцы она провела в тамошней Екатерининской тюрьме, где дважды в царское время отбывал заключение революционер Алексей Рыков.

— Мыла полы в камерах и коридорах, скребла до блеска, добела! — вспоминает Наталья Алексеевна. — Я привыкла все делать как следует... Как-то разнесся слух по тюрьме, что здесь среди жен «врагов народа» — жена Рыкова. Я из окна камеры кричала: «Мама! Мама!» Конечно, все напрасно... Много чего было. Нас пугали: ведут на допрос и проводят мимо носилок с окро-

вавленным человеком — после пыток. В Новосибирске имитировали расстрел. Ночью повезли в машине через весь город в лес, высадили и скомандовали: «Вперед! Бегом!» Я споткнулась, упала, а подо мной шпалы и рельсы. Увидела, что на путях стоит вагонзак, и поняла, что расстреливать не будут... Так меня отправили в Москву. В Москве была внутренняя тюрьма Лубянки, потом Бутырка, знаменитая Пугачевская башня, куда заключенных переводили уже после оглашения приговора. Мне дали 8 лет исправительно-трудовых лагерей. Привезли в Нарьян-Мар, оттуда по Печоре развозили по совхозам, высадили в совхозе «Новый бор». Места такие глухие, что нас никто не охранял, вокруг зоны не было даже колючей проволоки. Косили, сушили сено, собирали в копны. Баржи разгружали, закладывали силос. Деревенские нас ненавидели. Это были спецпереселенцы, раскулаченные, мы для них были большевички, которые их раскулачивали! Зато у меня сложились вполне хорошие отношения с группой мужчин, осужденных за убийства, особенно с Георгием Васильевичем Тихоновым — он случайно убил человека, не рассчитал сил, просто хотел ударить. Потом меня этапировали в Воркутлаг, опять же вместе с убийцами, с Жорой Тихоновым. В трюме мои друзья-уголовники устроили меня на самое лучшее, самое светлое место. Не думайте, что за просто так! Я им пересказывала всего «Монте Кристо», Толстого, Цвейга! Меня обожали слушать уголовницы еще в Томской тюрьме. Однажды там была даже драка из-за рассказа Стефана Цвейга про любовь. Одна уголовница заспорила с другой и набросилась на нее с криком: «Что ты понимаешь в любви?!» Я смотрела на них и думала — знал бы Стефан Цвейг!.. Вначале в лагере под Воркутой работала на турнепсе, это кормовая репа для скота, мы ею там объедались... Выковыривала из мерзлой земли, давала норму 180 процентов! К зиме перевели в Воркуту, там меня Иван Тройский пристроил гладильщицей, потом была больничной санитаркой в гнойном отделении. К Тройскому часто приходил Алексей Каплер, он был лагерным фотографом, и мы втроем долго разговаривали, вспоминали прошлую жизнь...

Тут, конечно, надо пояснить нынешним молодым. Это были очень милые посиделки тех времен! В углу лагерного барака вели интеллигентную беседу три ээка — дочь бывшего

председателя Совнаркома Наталья Рыкова, бывший главный редактор «Известий» Иван Тройский и автор сценариев фильмов «Ленин в Октябре» и «Ленин в 18 году» Алексей Каплер. Он в 1943 году попал в лагерь из-за того, что в него влюбилась дочь Сталина — Светлана Аллилуева. Впоследствии, в шестидесятые годы, Алексей Каплер написал сценарии знаменитейших советских фильмов «Полосатый рейс» и «Человек-амфибия», а в семидесятые годы был известен на весь Советский Союз как ведущий популярнейшей телевизионной передачи «Кинопанорама». Рассказал бы он тогда в эфире о воркутинских посиделках — было бы то еще «кино» и та еще «панорама».

В 1946 году лагерный срок Натальи Рыковой закончился, ее освободили и... отправили в ссылку на 5 лет. Вначале жила в Казахстане, затем в Красноярском крае. Там приговор пересмотрели и сделали ссылку вечной. Но через три года умер Сталин... Наталью Алексеевну реабилитировали в 1956 году. А Алексея Рыкова и Николая Бухарина — лишь в 1988 году, через 50 лет после расстрела.

Теперь вернусь к тому, с чего начал — никто ничего не знает и не хочет знать, никому ничего не интересно... Наверно, я не совсем прав. Ведь тысячи книг издаются. Посмотрите каталоги магазинов — все есть, от Троцкого до Берии. Если издают, значит, покупают. Нынче не советские времена, в убыток печатать не будут. А Яковлев Александр Николаевич сколько издал, будучи председателем комиссии по реабилитации жертв политических репрессий! Больше пятидесяти томов! Он говорил: «Я боюсь реставрации идей. Материалы могут закрыть не сегодня завтра. Надо успеть опубликовать как можно больше».

Это — в больших масштабах. Но ведь такая же неустанная работа памяти ведется и в масштабах меньших. О предстоящем юбилее Натальи Алексеевны я узнал от нашей доброй знакомой Алины Черсановны Ким, старшей сестры Юлия Кима. Ей было три года, а Юлику полтора года, когда арестовали и расстреляли их отца, журналиста Ким Чер Сана, а их маму, школьную учительницу русского языка и литературы Нину Всесвятскую, бросили за колючую проволоку... После выхода на свободу Нина Всесвятская с детьми жила в Малоярославце, где нашли приют многие репрессированные, отсидевшие, кому не разрешалось селиться ближе, чем за 101 километр от Москвы.

Их так и называли — «сто первые». Там жила одно время и Наталья Рыкова, работала телефонисткой на ремонтном заводе. С маленьким городом Малоярославцем так или иначе связаны судьбы многих известных людей — поэтессы Натальи Кугушевой, гражданской жены адмирала Колчака Анны Тимиревой, племянницы Чайковского Анны фон Мекк, потомков знаменитых династий Бруни и Шаховских... Все материалы об этих людях годами собирают создатели городского культурно-просветительского центра Галина Ивановна Гришина и Зоя Николаевна Старыгина. Они же издают ежегодный альманах «Имена и время», выходящий тиражом 500 экземпляров. И посетители там есть всегда. Так что напрасно я считаю, будто никому ничего не интересно. Просто время сейчас такое — смутное, неопределенное, и многим молодым как-то не до своей истории...

Наша современница Наталья Алексеевна Рыкова живет в однокомнатной квартире на Большой Ордынке, получает очень солидную по российским меркам пенсию — 5000 рублей (180 долларов). Это с учетом надбавок за преклонный возраст и за 18 лет, проведенных в тюрьмах, лагерях и ссылках. Ее навещают родственники, друзья, знакомые. Они коротают вечера за чаем, а то и за рюмкой «рыковки» — так называлась водка в те времена, когда отец Натальи Алексеевны был главой правительства СССР, вторым после Ленина...

Смейся, палач

29 октября 2003 года в городе Ишим Тюменской области местные коммунисты открыли памятник Сталину. Как раз в день рождения комсомола. И тут связь самая прямая, кровная. То есть кровавая. Комсомольцы-чоновцы (ЧОН — части особого назначения) буквально залили кровью ишимскую землю при подавлении крестьянского восстания 1920—1921 годов.

В России об этом почти и не знают. Телевизионные новостные каналы промолчали. То ли прозевали, то ли им запретили показывать, то ли они и сами не знали, что сказать. Но если б и широко оповестили страну, никто б особо не возмутился и не удивился. Как не удивились и не возмутились тремя годами

ранее, когда памятник Сталину восстановили в Кутаиси. Кстати, грузинские коммунисты тогда же потребовали пересмотра решений XX съезда КПСС.

Такого не было ни при Брежнев, ни при Андропове, ни при Черненко. И уж тем более при Горбачеве или при Ельцине. Только при Путине в России стали открывать музеи и памятники Сталину. Десятки(!) городов страны уже отмечены каиновой печатью. Волгоград в каждый юбилей Победы или Сталинградской битвы полнится слухами, что городу вернут имя Сталина. И так далее.

И тут я спрошу: а почему нельзя ставить или восстанавливать памятники Сталину? На каком таком основании?

Ведь памятники Ленину стоят у нас по городам? Стоят. А чем он лучше Сталина? Как раз он-то и начал красный террор. Вспомним ленинское письмо-инструкцию Молотову, как надо уничтожать церковь, забирать церковные ценности и расстреливать священников: «Если необходимо для осуществления известной политической цели, пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый короткий срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут... Изъятие ценностей... должно быть проведено с беспощадной решительностью... Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше...»

Причем, наставлял Ленин, к этому не должен быть причастен Троцкий (еврей), эту операцию должен проводить человек с русской фамилией Калинин.

Или же пермский расстрел. Дошло до вождя пролетариата, что Красная армия в Перми разлагается от обилия веселых девиц. Тут же последовал приказ: всех проституток вывезти за город и расстрелять. То же самое проделали по его приказу и в Нижнем Новгороде.

Сталин лишь продолжил дело Ленина. Не зря же он велел называть себя: «Сталин — это Ленин сегодня».

Так почему памятники Ленину стоят, а Сталину — нет? И вообще, на каком основании были убраны памятники Сталину? То-то и оно — на основании решений партии коммунист-

тов. А народ, государство и закон тут абсолютно ни при чем. Потому что упразднение Сталина и вообще символов КПСС не имело и не имеет под собой судебной, юридической основы. Получилось и получается так: захотели коммунисты — убрали Сталина. Захотели — поставили. И никто им не указ.

Любой нравственный приговор, когда мы говорим о преступлениях против человечности и человечества, должен подкрепляться юридическим. Или — основываться на приговоре юридическом. Чтобы никаких «мировоззренческих» экивоков не было. Никто в Германии не выйдет на улицы с портретом Гитлера, потому как был суд. В тюрьму за такое посадят. Как за призыв к насилию и особо циничное оскорбление памяти павших. А мы свой Нюрнбергский процесс профукали... И получили гимн, созданный Сталиным, в качестве гимна новой, демократической России. Новых слов никто не знает, зато все помнят «Нас вырастил Сталин — на верность народу, и Ленин великий нам путь озарил». Музыка все та же. А слова переписать или восстановить, как мы знаем, легко!

Суда — не было. Юридического приговора — не было. Так стоит ли теперь удивляться, что именем Сталина уже клянутся, оперируют всю публичные политики. И никто им слова не скажет.

Пахан на зоне

В шестидесятые—семидесятые годы прошлого века мне часто встречались такие люди среди уголовников. Люди, не обремененные образованием, но желающие выглядеть выше своей среды, выше среднего уровня. (Впрочем, сей сюжет относится ко всем временам, классам и сословиям.) В чем-то они действительно были выше, отличались от своих поделльников живостью ума, восприимчивостью, тягой к книжному знанию и т. д. И дабы показать себя, свой уровень, любили порассуждать о чем-то особенном, умственном, что не для всех. То вдруг в их среде вспыхивал интерес к «Капиталу» Маркса, считалось необыкновенно шикарным сослаться в разговоре на «Капитал» (да кто ж его осиливал-то?!). Или, к примеру, докатывалась до них как эхо с воли мода на Ремарка и на само имя Ремарка. В

общем, как все люди, не имеющие широкого образования, они выбирали что-то одно из многого, из общего потока знания, и считали это одно некой отметиной своей избранности. Учтите, что по обстоятельствам тех времен и по личным обстоятельствам их школьное образование ограничивалось семью-восемью классами — в лучшем случае.

Вспоминая их, этих уголовников, я почему-то всегда представляю себе Сталина. Ведь типичный пахан, получивший неограниченную власть на зоне Российской империи. Типичный зэк, любящий порассуждать о чем-то этаким, умственном, не для всех.

Образованный человек никогда не скажет, как однажды Сталин: «Эта штучка посильнее «Фауста» Гете». В крайнем случае сказал бы: «Эта штучка посильнее «Фауста». Имя автора в таком контексте пристегивают люди, только что узнавшие и прочитавшие.

То есть признаки одни. Посмотрите внимательней на Сталина. Игра, режиссура, поза, ухмылка-улыбка про себя, выжидательное, томительное издевательство над всеми — это ж типичные уголовно-зэковские повадки. Снимите скрытой камерой несколько эпизодов из жизни пахана на «зоне», особенно когда он вершит суд среди «фраеров» или «мужиков», смонтируйте полученные кадры встык с кадрами из фильмов о Сталине — и вы онемеее. Тягучая манера, долгие-долгие паузы, интонация, движения — все одинаково!

Но люди слепы. Потому что власть гипнотизирует. Абсолютная власть гипнотизирует и ослепляет абсолютно. Даже Пастернак и Чуковский благоговели от лицемерия Сталина! Только маленький человек Мандельштам посмотрел и сказал: «малина», «сброд»...

Мы живем, под собою не чуя страны.
Наши речи за десять шагов не слышны.
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца...
А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей...
Что ни казнь у него, то малина
И широкая грудь осетина.

Мандельштам — как тот маленький мальчик из сказки о голом короле. Он всегда отличался редким даром детскости. Не случайно же в 17 лет, когда все стремятся выглядеть старше, взрослее, Мандельштам, вопреки всем законам, писал:

Только детские книги читать,
Только детские думы лелеять...

Такие поэты-дети часто видят суть людей и событий насквозь. В то время как все вокруг загипнотизированы. Иные — до сих пор. Хотя и знают, что у нас не сказка и не Дания, у нас наивно-откровенных мальчишек тотчас уничтожали в лагерях. Как уничтожили Мандельштама. И миллионы других, которые таких стихов не писали, а просто попались под сапог.

Если мы не помним о них, не знаем и не хотим знать — значит, 5 марта 1953 года умер не Сталин, но всего лишь И. В. Джугашвили, а дело Сталина живет и время Сталина продолжается.

Глава 37

А БЫЛ ЛИ XX СЪЕЗД?

Полуправда страшнее лжи

В 2006 году мировая и российская общественность отмечали 50-летие секретного доклада Хрущева на XX съезде КПСС. Того самого. С разоблачением преступлений Сталина.

Мировая общественность едина в своем мнении и отношении, а наша — нет. Так называемая державно-патриотическая общественность на страницах газет мечтает о новом Сталине и выпускает книги с оправданием сталинских репрессий, ставя по городам памятники, бюсты.

И так далее.

Сижу у телевизора, заставляю себя смотреть фильм «Кремлевская принцесса». Понятно, что у дочери Сталина, его племянницы и внука — своя память. Для них, как бы то ни было и что бы то ни было, он — отец и дед.

Кира Аллилуева: «Наша семья была полна любви... И он, видимо, хорошо себя чувствовал в этой атмосфере...»

Внук рассказывает, как Сталин, проиграв, должен был залезть под бильярдный стол. Смеется: «Странно, да, представить Сталина под бильярдным столом?!»

Кира Аллилуева: «Придет Ворошилов с гармошкой, начнет играть, тут Орджоникидзе танцует лезгинку, а Буденный — пляшет вприсядку. Микоянчики еще приходили — все было славно, вот так веселились».

Светлана Аллилуева: «Думаю, что все эти чистки и прочие жестокости, которые пошли... Потому что у него была подорвана вера в людей».

Александр Бурдонский, сын Василия Сталина: «Постепенно проявится тайна Сталина — безоглядность и щедрость, которые были в отце — они были и у Сталина».

Светлана Аллилуева: «А военным диктатором — да, он был... И другие были. Но это судьба политика. Называйте его как угодно. Мне надо сохранить собственное мнение. Мы, в семье, знали его так, как другие мало кто его знал».

Повторю — у них своя память. А у авторов фильма, у телеканала должна быть наша, общая память. Но ее нет. Вслед за словами дочери Сталина о его строгости к детям, нетерпимости к излишествам, аскетичности в быту камера показывает интерьеры Кунцевской дачи и голос за кадром поясняет: вся мебель здесь казенная, с инвентарными бирками...

Угадайте, какие мысли и чувства возникнут у человека, когда после этого фильма он увидит по ТВ роскошную жизнь российских олигархов на очередной презентации, их виллы на Лазурном берегу Франции, яхты, «Боинги», принадлежащие им зарубежные футбольные клубы? А выйдя на улицу, он увидит на окраине своего городка трехэтажные особняки начальников из местной администрации, местной милиции и других приближенных к власти государственных и деловых людей. Какой будет эффект?

В 1982 году, на похоронах Варлама Шаламова, автора знаменитых «Колымских рассказов», 17 лет отсидевшего в лагерях, за его гробом к моргу приехал катафалк с портретом Сталина на лобовом стекле. Водителю тогда сказали: парень, убери это, ты знаешь, кого хоронят?

В брежневские времена, когда предали забвению хрущевские разоблачения, и возникла мода — приклеивать на ветро-

вые стекла автомобилей портрет Сталина. Ну как же — ведь в фильме «Освобождение» показали, что великую войну с фашистами выиграл вот этот немногословный, жесткий и мудрый человек с трубкой в руках... Было там, конечно, и легкое фронтёрство, а чаще всего просто глупость и незнание.

А сейчас эффект будет совсем другой — замешанный на социальном антагонизме.

По опросам социологов, две трети россиян относятся к личности и к роли Сталина в истории без отрицания. В условиях, когда слово «демократия» дискредитировано, когда оно ассоциируется с разорением и развалом более или менее налаженной прежней жизни, простонародная общественность отождествляет имя Сталина с порядком и государственностью!

Впору задаться вопросом: «А был ли XX съезд?»

Теперь понимаешь, что никакой десталинизации у нас и не было. Настоящая десталинизация — это постоянное напоминание, постоянный показ по телевидению, допустим, «великих строек коммунизма» и голые цифры: сколько людей там зарыли в землю, превратили в лагерную пыль. Год за годом.

Ничего этого не было и нет! Зато фильм «Кремлевская принцесса» о скромном, добром, справедливом, милом, широком душой Сталине показывают уже третий или четвертый раз. И нынче — как раз к 50-летию доклада Хрущева приурочили!

А к годовщине смерти Сталина приурочили фильм известного драматурга Эдуарда Радзинского «Смерть Сталина: последняя загадка». Как объяснил автор: «Я хочу вернуть давно умершего человека, причем огромную личность». Зрителям, конечно, интересно, любопытно, а своей ли смертью умер «вождь всех времен и народов»? А мне, придире, мнится, что детектив-расследование — тоже одна из многих и многих ширм, которыми авторы вольно или невольно прикрывают его палаческую сущность и палаческую роль в судьбе страны. Особенно если назвать Сталина «огромной личностью».

Радзинский, автор широко известных исторических книг и телефильмов, в том числе и о Сталине, всегда подчеркивает, что он не историк, а драматург, его интересуют драматические коллизии. Так сказать, внутренний мир, мировоззренческая, душевная ломка. А вот мне не интересны драматические переживания палача и людоеда. Более того, любые поиски-иссле-

дования этих самых глубин палаческой души я воспринимаю как кощунство. Обман народа. Безусловный антисталинист Радзинский говорит о преступлениях Сталина, но каким-то образом получается, что они тонут в его драматургических коллизиях. И предстает перед нами снедаемый мыслями и страстями человек. Страшный, преступный, но — человек.

Радзинский — из поколения шестидесятников. Для них, как и для их старших товарищей, для Твардовского и Симонова, Сталин был отцом и вождем. Когда им открыли на XX съезде часть всей правды, они ужаснулись не только преступлениям сталинизма — их ломала и корежила драма их жизни и их веры: как же так можно было, как это произошло, во что верить? Это в равной мере относится и к тем, кто благоденствовал при сталинизме, и к тем, кто был рядовым, а то и сидел в лагере. У главного редактора антисталинского журнала «Новый мир», поэта-орденоносца с юных лет Твардовского: «И все одной причастны славе / Мы были сердцем с ним в Кремле. / Тут ни убавить, ни прибавить / — Так это было на земле». У поэта Алешковского, который носил не ордена, а лагерную робу, в его знаменитой песне, которая стала народной, говорится от имени всех эзков (!): «Мы так вам верили, товарищ Сталин, как, может быть, не верили себе».

Но с тех пор прошло 50 лет. Обнажилась почти вся правда. Такая правда, что не терпит рядом с собой никакой «драматургии».

Остались только цифры.

Количество эзков в СССР на тот или иной период можно подсчитать. Есть справки, отчеты по кадрам и пр. Только надо скрупулезно смотреть и долго складывать. Ведь ГУЛАГ, Главное управление лагерей МВД — был не один. Помимо него в системе МВД действовало много главных управлений лагерей и просто управлений лагерей — по отраслям народного хозяйства. Например, Главное управление лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС), Главное управление лагерей лесной промышленности (ГУЛЛП), гидростроительства, спецпромцветмета и т. д. Не было только главного управления лагерей сельского хозяйства. Потому что вся наша деревня в известном смысле была одним Агрогулагом, где люди жили без паспортов. Можно сказать — на вольном поселении.

Я читал годовую справку МВД СССР, складывал цифры, продираясь сквозь канцелярщину и аббревиатуры. За абсолютную точность не ручаюсь. Мог что-то и упустить в головоломной, запутанной системе отчетов. Я ведь не архивист, не скрупулезный специалист — я всего лишь пишу заметки по поводу.

Итак, на 1 сентября 1947 года в лагерях и колониях всех типов и управлений находилось 2 миллиона 29 тысяч человек. Плюс 634 тысячи на исправработах без лишения свободы. Итого — 2 миллиона 663 тысячи осужденных.

Из них, по той же справке, — «31,7 % за к/р преступления».

«К/р» — это «контрреволюция». То есть через 30 лет после победы революции в стране сидело в лагерях примерно 900 тысяч «контрреволюционеров».

Учтем, что 2 миллиона 663 тысячи осужденных — на один день, 1 сентября 1947 года. Вроде как данные по объему проточного бассейна, через который на самом деле протекает неограниченное количество воды. То есть людей, зэков. Тысячи и тысячи ежегодно погибали, выходили на волю, а взамен приходили новые и новые. Обыденностью стала в то время лагерная мудрость, запечатленная в синих наколках-татуировках: «Кто не был — тот будет...»

И тут я вынужден сделать пояснения для молодых. Дело не только в тотальной шпиономании, коммунистической паранойе, а в том, что идеологическая паранойя сочеталась с хозяйственным расчетом, с планами социалистической экономики. Надо построить ГЭС, завод, комбинат — тут же создается там лагерь и рассылается по краям и областям разнарядка: сколько людей надо арестовать и куда доставить.

Например, для строительства Рыбинского и Угличского гидроузлов создали в 1935 году Волголаг. Его слава немногим уступала страшной славе Дальстроя или Потьмы. По состоянию на 1 января 1939 года в нем насчитывалось 74 тысячи 576 заключенных. Считается, что за 18 лет через него прошло более 600 тысяч человек, сколько погибло от голода, холода, непосильного труда, болезней и расстреляно за отказ выйти на работу — неизвестно.

Беломорканал построили — за 20 месяцев. И такими же ударными темпами «расходовали человеческий материал». Еще губительнее была Северная железная дорога Салехард — Игарка, ее

строили в тундре с 1948 по 1953 год — и не достроили, забросили, 900 километров проложили. Ее называли «дорогой на костях».

А сколько всего сгинуло в лагерях — до сих пор точно не установлено.

О «контрреволюционерах» есть официальные данные. Я имею в виду докладную записку Хрущеву от 1 февраля 1954 года, подписанную руководителями МВД, Генпрокуратуры и министерства юстиции. (Насколько сведения точны — другой вопрос.)

По этой докладной, с 1921 по 1953 год только за «контрреволюционные преступления» было репрессировано 3 миллиона 777 тысяч 380 человек. Из них 642 тысячи 980 человек — расстреляны.

Большие цифры не производят впечатления. Статистика. Тогда представьте — в течение 32 лет сталинского правления каждый год в стране расстреливали 20 тысяч «контрреволюционеров». Только «контрреволюционеров».

Раскулаченные крестьяне, сосланные в Казахстан и Сибирь с 1930 по 1940 год, — 3 миллиона. (Всего раскулаченных неизмеримо больше, здесь — только сосланные в Казахстан и Сибирь.) Сколько их погибло — неизвестно. Людей ведь выбрасывали в тайгу, в степь, на мороз без одежды и инструментов.

Репрессированные народы — 2 миллиона 461 тысяча человек.

А вот умершие от голода после реквизиции хлеба и скота — от 7 до 10 миллионов — жертвами репрессий официально не считаются. Сами умерли.

И наконец, не считаны те, кого «просто так взяли». Например, отец моего друга — фронтовик-инвалид Егор Тимохин, брошенный на 6 лет в Карлаг за то, что подбирал вдоль железной дороги уголь, упавший с паровозов. Нет сводной цифры, определяющей более или менее точное количество людей, прошедших через лагеря за 30 лет сталинизма, сколько их сгинуло там, сколько расстреляли. Надеюсь, придет время, когда узнаем. Эти цифры должны быть во всех учебниках истории, на всех будущих памятниках жертвам сталинизма во всех городах страны. Все остальное — не ложь, а полуправда.

Полуправда страшнее лжи.

Десталинизации не было и не могло быть. Существующая власть еще 50 лет назад испугалась, что критика сталинизма неминуемо обернется критикой системы, строя. Нынче систе-

ма вроде другая и строй вроде другой, но природа власти все та же. Тот же инстинкт и та же идеология — государство НАД народом, а не государство ДЛЯ народа. Власть боится любого разговора о прошлом и нынешнем государственном незаконном насилии. Потому что следом за ним естественным образом возникает вопрос о контроле общества над властью. Отсюда и публичные обвинения правозащитников в том, что их снабжают деньгами английские шпионы. Давно такого не было, поневоле вспомнишь «диверсантов, по заданию английской разведки рывших туннель от Бомбея до Кремля»!

Но направление обозначено. И вот уже бывшие консультанты ЦК КПСС, а ныне независимые российские политологи пишут о «платных правозащитниках», говорящих «с чужого голоса». И в народе, параллельно с негативной оценкой экономического положения страны, растет положительное отношение к Сталину. Более половины наших граждан мечтают о «сильной руке».

Но все же одна треть россиян считает Сталина палачом и преступником.

И это, на мой взгляд, много!

Это значит, что XX съезд был! С него все и началось. 50 лет назад треснул монолит, замешанный на крови и костях. Трещину можно замазать, что делалось и делается. Но она от этого не перестанет быть трещиной. Окончательное разрушение и распыление треснувшего монолита — вопрос времени. Это время проходило, проходит и пройдет по нашим жизням. Но тут уж ничего не поделаешь.

Глава 38

ЧЕРЧИЛЬ И ОППЕНГЕЙМЕР РАБОТАЛИ НА СТАЛИНА!

В 1939 году в Советский Союз приезжал молодой ученый Роберт Oppenheimer и делился с Берией и Сталиным идеей создания сверхоружия — атомной бомбы. Но Сталин отказался. И предложил молодому гению работать в Америке, реализовать свой проект там(?!).

Так начинается телевизионный сериал «Сталин LIVE», телекомпания НТВ, 2007 г. Сразу скажу — это растянутое на 40(!) серий полное занудство. Из серии в серию нам показывают, как вождь ходит, спит, пьет, бреется, ест, а за кадром в это время звучит будто бы его голос, рассказывающий нам о сути, подоплеке всего, что было в нашей истории. Типа Сталин live — то есть Сталин «в прямом эфире», «прямое включение», на прямом проводе с нами, всю правду-матку режет.

Конечно, это занудство зрителю быстро надоело, тем более никаких особых откровений нам не представили.

Однако от первой информации — об атомной бомбе и приезде Оппенгеймера — кое-какой народ взбудоражился. Будь у нас такое оружие, мы бы Гитлера за неделю в порошок стерли! Почему Сталин отказался? Зачем? Это дурь, прихоть? Или за этим кроется какой-то величайший, неведомый нам замысел вождя и учителя, гения всех времен и народов? Не может же быть, чтобы *такое* в кино придумали!

Не может, — тотчас подтвердили некоторые журналисты. «В последнее время из архивов всплывает множество документов того времени, — взволнованно вещала в эфир корреспондентка с пресс-показа. — Например, Роберт Оппенгеймер в 39-м году гостил у Берии на даче — это факт. А вот все причинно-следственные связи, психологическая логика поведения исторических персонажей — это уже все додумано и аргументировано на основе найденных материалов».

Видите — сознание слушателя взалхлеб атакуют ключевыми словами: «архивы», «факты», «материалы». То есть приезд Оппенгеймера подтвержден архивными материалами — так получается?

На самом же деле никаких архивов, материалов, никаких фактов на сей счет нет. Легенда пошла гулять по миру с 1994 года, после выхода книги «Мой отец — Лаврентий Берия», написанной его сыном Серго Берия: «Сам я, не догадываясь об этом, прикоснулся к тайне будущего оружия в конце 1939 года. В это время у нас в доме появился молодой человек... Отец его не представлял, просто сказал, что это молодой ученый, Роберт, который приехал для ознакомления с рядом вопросов... То ли в конце сорок второго или в самом начале сорок третьего как-то за столом, помню, были Ванников, нарком боеприпа-

сов, Устинов, нарком вооружения, зашел разговор о... том, что американцы форсируют... разработки, связанные с бомбой колоссальной разрушительной силы... Тогда и услышал я, что работы эти возглавляет в Америке Роберт Оппенгеймер...

Когда гости разошлись, поинтересовался у отца:

— Помнишь, у нас несколько лет назад гостил Роберт?

Фамилию Оппенгеймер отец мне тогда не назвал, ответил коротко:

— Не забыл? Он приезжал к нам для того, чтобы предложить реализовать этот проект, о котором ты слышал. Сейчас работает в Америке».

В 1939 году Серго Берия было 15 лет. Никаких других подтверждений его мальчишеских воспоминаний-впечатлений больше нигде нет. Однако оценим его точность, или лазейку, которую он себе оставил: «Фамилию Оппенгеймер отец мне тогда не назвал». То есть к Берии мог приезжать и какой-то другой Роберт, или человек, названный в целях конспирации Робертом. И т. д. и т. п. Но эмоциональная журналистка уже утверждает по всероссийскому радио безапелляционно: «Роберт Оппенгеймер в 39-м году гостил у Берии на даче — это факт».

Ну а если и был действительно Оппенгеймер, если предложил проект атомной бомбы, то почему же Сталин отказался? Из всех ответов авторы фильма выбрали такой — нет денег. Сталин в фильме говорит Оппенгеймеру, что 2 миллиарда долларов на атомный проект — это наша страна не осилит, ведь весь бюджет СССР — 150 миллиардов.

Тут мне стало смешно.

Вся наша советская, сталинская история и жизнь — рядом, близко, вчерашний еще день. Но авторы фильма будто бы не помнят и не знают. Или не могли додуматься до элементарного, и в то же время — основополагающего. ДЕНЬГИ в советской стране, тем более при Сталине — НИЧЕГО НЕ ЗНАЧИЛИ. Тем более для государства. Полный НУЛЬ.

Деньги вообще — всего лишь условный эквивалент человеческого труда, материальных, природных богатств. А этого у нас было — больше всех в мире. Надо тебе, Оппенгеймер, миллионы тонн любой руды, сотни любых заводов, миллионы рабочих, чтобы в одной точке лопатами и бесплатно земной шар прокопали насквозь, — запросто. Даем разнарядку, арестовы-

ваем по всей стране миллионы мужиков и сгоняем в указанное тобой место. Это тебе не Америка, где правительство вынуждено за все платить, думать о каком-то *бюджете*. Вот какая у нас жизнь была, господа авторы фильма! Никакая Америка не могла бросить столько сил и ресурсов на любой проект, в том числе и атомный, как мог и смог это сделать Советский Союз времен Сталина. Посмотрите, например, на титаническое создание, на Атомград, сооруженный ПОД ВОДАМИ ЕНИСЕЯ, В КОРЕННЫХ СКАЛЬНЫХ ПОРОДАХ, — это все сделано сотнями тысяч совершенно бесплатных заключенных, господа авторы фильма. А у вас Сталин рассуждает о каком-то *бюджете*, прости, Господи, за смех! Вишь ли, денег ему не хватает на атомную бомбу... Нищий!

И тем не менее эта очевидная глупость претендует на большой смысл, на гениальную дальновидность и гениальную мысль. Вождя, разумеется. В фильме она, мысль, раз за разом повторяется голосом Сталина — умный политик не сам побеждает своих врагов, а сстраивает своих врагов и обеспечивает себе победу их вражьиими руками. Отдав идею атомной бомбы Америке, Сталин таким образом, за американские деньги, получит атомное оружие почти в готовом виде, через наших шпионов. Мало того, враг Америка этим оружием поразит других врагов товарища Сталина. Что и случилось в 1945 году с врагом Японией. Вот как мудр и дальновиден товарищ Сталин.

Грубо говоря, мы имеем китчевую, на уровне дешевенького сериала, но вполне серьезную попытку пересмотра истории вообще и возвеличивания роли в ней товарища Сталина в частности. Очень серьезную, потому что сериал смотрят миллионы. К тому же его сопровождают разглагольствования мало сведущих журналистов о «фактах», «архивах», «новых материалах», использованных в сериале.

А вот вам и действительные документы. В 2006 году вышел сборник «Прибалтика и геополитика», составленный из донесений нашей разведки. И тотчас некоторые газеты разразились бурными комментариями: «Красноармейцы, Черчилль дал приказ... Рассекречены уникальные документы времен Второй мировой, свидетельствующие: западные союзники признали — у Москвы не было другого выхода, кроме как ввести войска в Прибалтику».

414 Разумеется, нет таких документов — только закливания
вокруг да около. (Впрочем, один «документ», приведенный газетой, я процитирую в конце заметки.)

Я с уверенностью говорю — «нет», потому что история очевидна. Спрашивается: если у нас были неоспоримые документы, то почему их раньше не рассекретили? Почти 60 лет советская пропаганда отбивалась от обвинений в оккупации Прибалтики. Почему же она сразу не обнародовала эти документы? Так бы и шарахнули на весь свет: вот вам, получайте, пусть мир знает, что вы сами и одобрили оккупацию Прибалтики. То-то бы они все утерлись...

Никакое донесение разведчика не является историческим документом. Ну представим, некий наш «источник» во время войны беседовал в Лондоне с Гарри Гопкинсом, личным представителем президента Рузвельта в Англии. Затем этот «источник» передал содержание разговора нашему разведчику. А наш разведчик уже передал в Москву. Какие могут быть по пути искажения, вольные или невольные интерпретации — отдельный разговор. И вот, спустя 65 лет, печатается его донесение от 1 мая 1942 года... Не 1939-го, а 1942 года! А меж 1939-м и 1942-м — историческая эпоха! В это время возник договор СССР и гитлеровской Германии, свершился между ними раздел Польши, началась Вторая мировая война, в которой мы тогда не участвовали, то есть косвенно поддерживали Гитлера, затем Гитлер напал на Советский Союз, возникла антигитлеровская коалиция... — вот что произошло за это время! А нам теперь предлагают донесение разведки из Лондона от 1942 года, якобы проливающее свет на события 1939 года. Итак, читаем: «Гарри Гопкинс в беседе с нашим источником по вопросу о включении в состав Советского Союза после войны Эстонии, Латвии и Литвы заявил: «Если русские захотят получить Прибалтику после войны, они ее получат».

И что из этой фразы Гопкинса следует? Ровным счетом ничего, что говорило бы об одобрении нашего захвата Прибалтики в 1939 году. Может, даже наоборот. Скорее всего, в 1942 году Гарри Гопкинс имел в виду, что мы так сильны, что после войны оставим Прибалтику себе, как бы Америка ни возражала. Но составители сборника разведдонесений и газетчики трактуют слова Гопкинса так, как нынче надо. Они хорошо знают,

что массовому читателю документы и цитаты из документов скучны, он почти не читает их, только скользит по ним глазами — он читает комментарии и пояснения к ним. А из них следует, что Черчилль и Рузвельт дали приказ оккупировать Прибалтику, а Оппенгеймер предлагал Сталину атомную бомбу...

Все это было бы смешно. Если б не было четкой линии — пересмотр истории. «О Сталине мудром, родном и любимом прекрасную песню слагает народ».

Понимаю, это надо нынешней власти. Но ведь пишется, печатается и снимается руками простых людей — журналистов, редакторов, историков, сценаристов, режиссеров. Соскучились по старой палке? «Люди холопского звания сущие псы иногда: чем тяжелей наказание, тем им милей господа». А может, все проще. Получили заказ, отработали, хапнули гонорарчик — и премного довольны. И после нас хоть трава не расти.

Глава 39

34 000 000

*Памяти отца, рядового пехоты
Баймухаметова Темирбулата*

Почему такие жертвы? Почему мы так отступали? Эти вопросы будут беспокоить нас всегда. И потомков наших — тоже. Я попытаюсь дать свой ответ. А начать обязательно надо с 1939 года. О котором у нас тоже весьма смутные представления. На мой взгляд, Великая Отечественная война грянула уже в 1939 году.

Сталин — источник наших бед

60-летие Победы стало полем битвы за историю.

Прибалтийские государства требовали извинений за оккупацию.

Помощник президента США по национальной безопасности Стивен Хэдли о пакте Молотова—Риббентропа сказал совершенно определенно: «Одна из палат Верховного Совета СССР в 1989 году осудила этот пакт. Очевидно, что то же самое

было бы желательно сделать сейчас и России, правопреемнице СССР».

Наш президент Владимир Путин на пресс-конференции в Братиславе заявил, что СССР пошел на подписание пакта Молотова—Риббентропа «с целью обеспечения своих интересов и своей безопасности на западных рубежах».

Вот на этом и предлагаю остановиться. Позвольте мне быть циником и прагматиком. А то мы все время занимаемся тем, что даем отповедь Западу. Давайте без оглядки на Запад, давайте спросим **себя**: выгоден ли был пакт Молотова—Риббентропа **нам? Обеспечили безопасность или нет?**

Это ведь мы, между прочим, относились к Версальскому договору 1918 года с нескрываемой враждебностью, считали, что он несправедлив, что он поставил Германию на колени. Хотя, казалось бы, после Первой мировой войны Европа успокоилась, германский агрессор обуздан, лишен армии, прежних колоний, и вообще — загнан в клетку. Но как раз нам-то покой в Европе и не был нужен, мы ведь жаждали бури, и говорили устами Молотова, что фашизм — это идеология, а бороться с идеологией глупо... Это ведь мы, между прочим, активно помогали Гитлеру наращивать военную мощь: от поставок сырья до тактики танковых сражений, которую совместно разрабатывали Гудериан и Тухачевский...

Но — вынесем советско-германские отношения тридцатых годов за скобки. Итак, остановимся на том, что обе стороны — и Англия с Францией, и СССР — злодейски интриговали. Допустим, что Мюнхенское соглашение, когда Англия и Франция отдали Гитлеру Судетскую область Чехословакии, было направлено против нас. Премьер-министр Англии Чемберлен и премьер-министр Франции Даладье хотели натравить Гитлера на СССР, а Сталин делал все, чтобы натравить Гитлера на Запад.

Ключевым моментом стал 1939 год. 15 марта Гитлер растоптал Мюнхенское соглашение и захватил Чехословакию. То есть открыто выступил против Англии и Франции. Англия и Франция **кинулись** к Советскому Союзу. Буквально кинулись. По международному протоколу, главы правительств посещают посольства иностранных государств **только** в представительских целях: поздравить, выразить соболезнование и т. п. А Чем-

берлен 16 марта, на следующий день после падения Чехословакии, **самолично** явился в наше посольство! Так и представляю, как он, придерживая котелок, бежит по улицам Лондона. Этот придуманный мною образ как раз и передает его состояние: **срочно нужен союз с СССР!**

Но Сталин проигнорировал.

21 марта Гитлер предъявил ультиматум Польше — отдать Данциг (Гданьск).

С марта по август 1939 года премьер-министр Англии Чемберлен и премьер-министр Франции Даладьё, вместе и по отдельности, буквально атаковали Сталина посланиями, предлагая заключить антигитлеровский союз и обеспечить безопасность Польши.

Сталин — отказывал. Но не наотрез, а тянул время. Например, выдвинул условие — в случае агрессии Польша должна пропустить советские войска через свою территорию навстречу германским войскам. С одной стороны, вроде нормально для союзников. Но если помнить отношения Польши и СССР, неудавшийся завоевательный поход на Польшу в 1920 году, то вполне понятно, что Сталин выдвигал заведомо невыполнимое требование — любое появление советских войск на своей территории Польша воспринимала бы как оккупацию. И тем не менее Англия и Франция вели переговоры до последнего.

А Сталин, наверно, злорадствовал: ишь, засуетились, гады... И не спешил с ответом. 21 августа вечером начальник французского генерального штаба направил французскому военному атташе в Москве генералу Думенку такую телеграмму: «По распоряжению Председателя Совета Министров генерал Думенк уполномочивается подписать в общих интересах и с согласия посла военную конвенцию». То есть Франция и Англия еще вечером 21 августа 1939 года считали, что антигитлеровский союз Англия — Франция — Польша — СССР не только возможен, но и близок. То есть Сталин играл с ними в кошки-мышки вплоть до 22 августа! А 23 августа в Москву прилетел Риббентроп, в ночь на 24 августа был подписан советско-германский пакт и секретный протокол к нему о разделе Польши и Прибалтики, через неделю Гитлер напал на Польшу с запада — началась Вторая мировая война. Через две недели мы ввели войска в Польшу с востока.

Это потом советская пропаганда стала придумывать оправдательное вранье: мол, мы предлагали помощь, но Польша отказалась... А тогда все откровенно радовались. Газеты печатали фото с совместного фашистско-советского парада, кинохроника показывала, как прогуливаются по польской земле наши и гитлеровские генералы, Ворошилов с трибуны Верховного Совета говорил: «Оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, затем — Красной армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого порождения Версальского договора».

И тем не менее потом, в течение 50 лет, мы упорно отрицали само существование секретного протокола. И даже когда вытащили на свет божий документ с подписями и печатями, многие говорили: «Подделка!»

Я уже писал, что тут случилось чудо. На складах Министерства иностранных дел СССР нашли ту самую пишущую машинку, на которой печатался пакт, провели экспертизу и представили результаты экспертизы. И только тогда отрицатели смирились. Но это — отступление.

А я буду циником до конца: фиг с ними, с Польшей и Прибалтикой. Главное — **нам** выгодно? **Мы** — выиграли?

На тот миг — вроде бы куда уж больше! Гитлер ввязался в мировую(!) войну со странами Запада. Теперь они обескровят друг друга. А потом придем мы — и будет Советская Европа.

Но Гитлер пошел на нас.

Чтобы знать это заранее, не надо было быть «гением всех времен и народов». Гитлер не мог пойти на Англию, потому что не мог пересечь Ла-Манш. Гитлеру доложили — чтобы высадить десант в Англии, надо собрать все суда третьего рейха, остановив движение по внутренним водам, то есть парализовать производство, экономику. И даже если собрать, что пытались сделать в 1940 году, ничего не получится, потому что англичане начали бомбить скопления кораблей в портах, пользуясь своим превосходством в воздухе. (С 10 июля по 31 октября 1940 года английская авиация уничтожила 1733(!) немецких самолета, подорвав мощь люфтваффе.)

Гитлер был вынужден отказаться от уже разработанной операции «Морской лев». Оказалось, что Англия Гитлеру не по зубам. И Гитлер напал на того, кто по зубам, как он считал. Тем более, СССР открыл беззащитный бок...

К 1939 году СССР не имел границ с Германией. Польша и Прибалтика были буфером между СССР и Германией. Если хотите — щитом. Пока Гитлер будет разбираться с ними, мы сто раз успеем подготовиться, и встретим огнем...

Сталин сам разрушил этот буфер, разделил Польшу с Гитлером и получил границу с Германией. Можно сказать, своими руками убрал щит.

Гитлер и ударил. Так, что **4 миллиона пленных** за первые полгода войны.

Сталин потерпел крах. Не смог сделать элементарного расчета. То есть показал себя как полная и вопиющая бездарность.

Цена его бездарности и патологической ненависти к Польше, Англии и Франции — 27 миллионов убитых советских людей. Это как минимум. Или — 34 миллиона. В год 60-летия Победы многие ученые, военные и гражданские институты пытались установить точную цифру наших потерь, и констатировали, что ее мы уже не узнаем никогда. И потому оставились на условной цифре 27 миллионов — 18 миллионов мирных жителей и 8,6 миллиона солдат и офицеров. Но в картотеке министерства обороны хранится **15 миллионов** карточек на погибших солдат и офицеров. Теперь прибавьте к ним гражданских — 18 миллионов. **Получается — 34 миллиона!** Теперь к ним ко всем прибавьте неродившихся от этих убитых. Прибавьте горе отцов и матерей, чьи дети погибли, горе сирот, горе всей страны.

Так что пакт Молотова—Риббентропа не обеспечил нам никакой «**безопасности на западных рубежах**», как утверждал президент Путин. А совсем даже наоборот — Сталин едва не погубил СССР этим пактом, бездарным в политическом и военно-стратегическом отношении.

Но мы все словно ослепли. Не видим очевидного и талдычим о своей безопасности. И вот уже глава нашего парламента Борис Грызлов говорит, что «Иосиф Сталин — незаурядный человек», и что с течением времени «меняется и отношение к этому человеку». Лидер московских коммунистов Александр Куваев заявляет: «Сегодня Россия находится в плачевном состоянии — и России нужен новый Сталин». Депутаты в регионах ставят памятники и предлагают вернуть городу на Волге имя Сталина. И народ не очень чтобы против...

«А вы рассуждаете о том, сечь или не сечь мужиков? — писал Герцен полтора века назад. — Секите, братцы, секите с миром! А устанете, царь пришлет флигель-адъютанта на помощь!!!»

Получается, что розгами вбивается любовь надолго.

Почему же мы так отступали?

Уже к 9 июля 1941 года фронт проходил по линии: Псков — Великие Луки — Витебск — Смоленск — Рогачев — Гомель. То есть **за семнадцать дней** гитлеровцы заняли Прибалтику, Белоруссию, Западную Украину и подошли к Киеву — как это могло случиться? С приходом гласности стали появляться новые, скрываемые прежде цифры и факты. Можно сказать, ошеломительные. Пропагандистские штампы прошедших времен о невероятном превосходстве противника в живой силе и особенно в технике оказались обыкновенным враньем. На самом же деле это мы имели превосходство: в танках — **в три с половиной** раза, в самолетах — **в два** раза, в пушках и минометах — **в полтора** раза.

(Кстати, в советские годы не говорилось о нашем грандиозном преимуществе в технике на всем протяжении войны. Многочисленные пропагандистские заклинания типа «фашистские танковые армады» и «на фашистскую Германию работала вся промышленность Европы» создавали ощущение, что у гитлеровцев военной техники все-таки больше. На самом же деле даже в трудном 1941 году мы произвели танков **в два раза больше**, чем Германия, а в 1942 году — уже **в шесть раз больше**, чем Германия. За всю войну мы потеряли 100 тысяч танков. Закончили войну, имея 35 тысяч танков.)

Итак, расклад сил к началу войны:

Немецких танков — 4 000.

Наших — 14 000

Немецких самолетов — 5 000

Наших — 10 000

Немецких орудий и минометов — 42 000

Наших — 59 000

И тем не менее к концу 1941 года только в плен попали **4 000 000** (четыре миллиона!) советских солдат. (Все цифры — по данным ВНИИ документоведения и архивного дела.)

Что же там происходило такое, что **четыре миллиона пленных** за полгода. И, главное, почему?

Единственное бесспорное преимущество гитлеровцев — внезапность нападения. Но при любой внезапности просто невозможен такой разгром, такое паническое отступление. Тут была какая-то загадка...

И ни в одной книге не находил я убедительного объяснения. Конечно, и отца спрашивал, но он не испытал отступления, он начал войну в октябре 41 года под Москвой, в переломный момент. Это была смертельная оборона, но он стоял лицом к врагу, сражался, а это совсем другое знание, другой опыт... Он не понимал моих вопросов и отвечал пропагандистскими штампами...

Но тем не менее при любых встречах-разговорах с ветеранами исподволь заводил я такой разговор... А со временем и случай мне помог. Переехав из центра в московский район Свиблово, по утрам гуляя с собакой к газетному киоску, стал встречать я в сквере соседа по нашему громадному дому-кораблю — щуплого беленького старика, тоже с кипой утренних газет. А газеточитатели, сами знаете, не могут не обменяться мнениями. Так мы с ним и начали время от времени вместе гулять по скверу, разговаривать.

Сразу должен сказать, Максим Михайлович Вершаков — очень скептический человек, иногда даже резкий... В День Победы он на торжества не ходит, и чаще всего ворчит, листая газеты. Телевизор его злит: он говорит, что празднование, ликование наше непомерное — это пляски на костях. И ко многим рассказам о войне относится настороженно...

— Понимаете, — говорит, слегка заикаясь, Максим Михайлович, — войну как прямое столкновение с врагом знает мало людей, мало кто выжил. Передний край, окоп — это взвод, рота. В штабе батальона можно уже оглядеться. В штаб полка командиры батальонов идут, как бригадиры с полевых станов в деревню: отдохнуть можно, на людей посмотреть... Штаб дивизии — все равно что центральная усадьба совхоза, большое село. Штаб армии — как райцентр, а уж штаб фронта — город! И везде, в самых разных подразделениях, от полковых до фронтовых, служили миллионы людей. В окопах было меньшинство

живых участников войны. А громадное большинство — обеспечивало передний край. Они делали свое дело, очень важное, без них никакой войны не могло быть. Но в непосредственный контакт с противником они не входили, окопа не знают... Но с годами, наверно, что-то происходит с памятью, чужое выдается уже за свое. И вот они уже от себя начинают рассказывать то, что слышали от окопников, при этом многое путают и перевирают. Потому что о войне, если не знаешь, соврать не получится, обязательно на какой-нибудь мелочи промашка выйдет... Ну и ваш брат-журналист тоже много сочиняет, сам не понимая. Вот читал: один вспоминает, как Рокоссовский, выйдя из штаба, пошел по лощине, которую со всех сторон обстреливают минами. Кругом разрывы, раненые падают, а Рокоссовский идет, не склоняя головы... Это смешно! Понимаете, даже при такой плотности обороны, какая была под Москвой, штаб армии все равно находится на большом отдалении от линии фронта. Иначе войсками управлять невозможно. До штабов дивизий и армий мины не долетают. И не должны комдивы и командармы под обстрелом сидеть, у них другие задачи... А журналист из Москвы приехал в штаб армии и решил, что попал в самое пекло... Про меня в армейской газете написали: «Русский богатырь сержант Вершаков». Не видел меня тот журналист, по штабным донесениям, наверно, писал. А я самый маленький в батальоне, самый слабый, надо мной потом хохотали: «Илья Муромец, едрёна корень!»

Вот такой человек Максим Михайлович Вершаков, мой сосед по дому в Свиблове. Его рассуждения интересны сами по себе. Но дело еще и в том, что Максим Михайлович — один из немногих (может, их сейчас вообще единицы), кто встретил войну в первые часы и минуты, на западной границе, в танковом полку в Подгорцах. Вот его-то, когда мы уже поближе сошлись, я и попросил объяснить, мнением своим поделиться, почему же мы так отступали...

— Наш полк начали бомбить в первые же минуты, мы ведь стояли у границы, — начал свой рассказ Вершаков. — Срочно покинули казармы и расположились в соседнем лесу. Отрыли окопы, замаскировали танки и машины ветками. Но никто еще

не верил, что началась война. Замполиты повторяли одно слово: «Провокация».

Как понимали мы, рядовые, никакой связи с командованием и никаких приказов не было. Потому что стояли мы в том лесу три дня почти без единого выстрела. А над нами шли немецкие самолеты, ночами горизонт полыхал... Понятно было, что немцы обходят нас со всех сторон. На третий день в наш лес, по проселочной дороге, зарулила группа немецких мотоциклистов — первые гитлеровцы, которых мы увидели. Заблудились. Мы их ссадили, разоружили, все сбежались смотреть. Я до сих пор помню, как они себя вели. Они держались как хозяева, как будто ждали, что мы сейчас бросим оружие и всем полком сдадимся им в плен. Потом нас, солдат, отогнали командиромы, особисты пришли, немцев повели на допрос...

Простояв в лесу три дня, мы колонной выдвинулись на дорогу к Тарнополю. Как только вышли из леса, тут же начались бомбежки. Мы надеялись, что там будет сборный пункт. Подошли — а Тарнополь уже горит, занят немцами. И мы пошли в обход. Но после Тарнополя, после бомбежек, полка как такового уже не было, были отдельные группы бредущих в отступление людей. Мы попали в общий поток отступающих, таких же, как и мы, растерянных, ничего не понимающих. Шли под бомбежками, убитые оставались в канавах, на обочинах. Солнце палило нещадно. Мы шли без отдыха, четверо суток без крошки хлеба во рту, со сбитыми в кровь ногами. Кто-то разулся и шел босиком.

Я вышел потому, что прибил к лейтенанту из нашего полка. Я слабый был, в голодный 21-й год родился и рос в голодной деревне... Тощий двадцатилетний пацан. А этого лейтенанта я сразу заметил в нашем городке. Мы еще не знали друг друга, полк только сформировался. А про него говорили, что он отвоевал Финскую... Вот я за него и держался, ни на шаг не отставал: боевой офицер, выведет.

Среди нас все время ходили разговоры, что вот дойдем до старой границы — и там остановимся, там дадим бой. Мы знали, что Шепетовка — старая граница. Но выйти к ней точно не смогли, только видели вдаль полыхающее зарево. Так и прошли старую границу, ничего не заметив. Вышли к Волочиску, а оттуда уже на Проскуров...

Когда в газетах стали печатать сведения, которые раньше не печатались, я выписал в тетрадку одну цифру. За те первые месяцы войны в плен попали 500 000 солдат и офицеров только нашего Юго-Западного фронта. Пятьсот тысяч!

Но ведь пленных могло быть и больше. Я вспоминаю, что был день, когда мы с немцами шли рядом. В одном направлении, на восток. Они шли по параллельной с нами дороге. Иногда можно было их видеть. Пехота шла колоннами. Много солдат ехало в машинах, впереди и сзади мотоциклисты. Отдельно двигались танки.

Так они и прошли...

С годами, вспоминая, я стал думать: почему мы отступали без боя? Ведь среди нас были наши командиры, но за дни отступления я их почти не видел и не слышал, офицерского командирского голоса не слышал...

Теперь мы знаем, что до войны командный состав нашей армии был подвергнут страшным репрессиям. От лейтенантов до маршалов. Значит, обстановка среди командного состава была такая, что люди были деморализованы. Они боялись не немцев, а собственного начальства. Боялись отдать какой-нибудь приказ самостоятельно, без приказа сверху. Никто не осмелился взять на себя ответственность и организовать на каком-нибудь рубеже оборону. Просто отступали.

Сталин, как теперь говорят и пишут, в те дни куда-то исчез, две недели прятался. До сих пор, кажется, не выяснили, что там случилось и где Сталин находился. Одни говорят, что не прятался, что он думал план обороны. Другие — что у него был нервный припадок, и он не способен был руководить... Наверно, Верховный должен был дать приказ Генштабу, Генштаб спустить директиву фронтам, фронты — по армиям, армии — по дивизиям, дивизии — по полкам, полки — по батальонам и ротам... Так, наверно, должно было быть, если сейчас рассуждать. А было так или не было — откуда мне знать. Но ведь и связи с войсками все равно не было, она сразу прервалась, как у нас. Вот прочитал в «Известиях» короткое письмо Марка Модестова, тоже танкиста, судя по всему, из комсостава. Он тоже встретил войну там же, на западной границе, попал в окружение, в плен, в концлагерь... Он пишет: «Я видел в эти первые жуткие дни стреляющихся в висок командиров... В

окружении, замкнутом пятью кольцами, нас непрерывно бомбили, но мы не видели ни одного своего самолета, который сбросил бы нам весточку: что нам делать, как поступить». То есть тоже ждали приказа. Никакой приказ, если он и был, ни до кого не доходил. А самостоятельно, без приказа, командиры боялись хоть что-то сделать. И миллионы солдат отступали просто так.

А я уверен, что, если бы каждый командир дал приказ занять оборону, мы бы дали бой и не пустили немца так далеко. Ведь Брестская крепость целый месяц держалась! Сколько там немцев полегло, какие силы она отвлекла! Потому что нашелся командир, который приказал: «Огонь по врагу!» И если бы нашлись везде такие командиры, каждый батальон, каждый из нас мог стать такой Брестской крепостью. И не случилось бы того, что случилось, не откатился бы фронт до Днепра за какие-то две-три недели...

Прерву здесь рассказ Максима Михайловича. В Брестской крепости войск не было, там остались случайные люди — заведующие складами, вернувшиеся из отпуска, вышедшие из госпиталя. А вольнице приказ не нужен, она сама решила: «Что же мы смотрим?! Бей их, гадов!»

Во-вторых, в Брестской крепости было немало жен командиров. А русская баба не будет ждать приказа начальства, не позволит какому-то гаду топтать свой огород. Наши женщины так сражались, что потом немцы писали о каких-то советских женских батальонах смерти...

А Максиму Михайловичу осталось дорассказать уже совсем немного...

— В окружение мы не попали, дошли до Проскурова. Там нас накормили, работала хлебопекарня, и нам раздавали белый хлеб. Это ж Украина, там черного хлеба не пекут. До сих пор помню тот хлеб...

Что еще добавить? Подгорцы — это Львовская область, Тернополь — Тернополь, а Проскуров — теперь город Хмельницкий. То есть за десять дней отступления мы прошли три области — Львовскую, Тернопольскую и Хмельницкую.

В Проскурове нас, танкистов, собрали, сформировали новую часть и эшелоном перебросили под Киев. И уже в те дни, может быть в дороге или уже под Киевом, попалась мне газета с обращением Сталина: «Братья и сестры...»

Конечно, в записи получилось не все так, как рассказывал Максим Михайлович. Я ведь изложил вкратце, своими словами. И когда он читал, то ему все не нравилось. А что — объяснить не мог. Быть может, странно было Максиму Михайловичу, и даже обидно, что все испытанное, пережитое и передуманное им какой-то малознакомый человек вместил в несколько компьютерных страниц. А может, просто характер у него такой... Но печатать он разрешил.

К сказанному Максимом Михайловичем добавлю еще цитату из книги «Сумерки» А. Н. Яковлева, бывшего председателя Комиссии Политбюро ЦК КПСС по реабилитации жертв политических репрессий:

«Сталин боялся армии и ненавидел ее...»

Сразу же прерву цитату, чтобы попытаться объяснить не всем нынче понятное утверждение, причины страха и ненависти Сталина к армии. К тридцатым годам в руках Сталина была огромная власть, партийный и государственный аппарат страны, сплошь его назначенцы. А Красная армия — детище Троцкого. Троцкого там признавали, боялись, уважали и в тридцатые годы еще помнили. А Сталин для армии был почти нуль. В лучшем случае относились к нему снисходительно: а, мол, при Ленине и Троцком был наркомнац... То бишь нарком по делам национальностей. Понятно, выносить такое положение Сталин не мог, Сталину нужна была своя армия. Так что о каких-либо других причинах — «вредительстве», «заговоре», «укреплении обороноспособности» — тут говорить не приходится: только личная месть, личная ненависть и стремление укрепить личную власть. Продолжу цитату:

«С середины 20-х годов Сталин дает личные указания о необходимости борьбы со «шпионами» в армии. И пошло-поехало...

В июле 1929 года по докладу ОГПУ принимается... решение Политбюро о контрреволюционной деятельности в оборонной промышленности...

В 1930 году была «разоблачена» заговорщическая организация в Военно-морских силах...

16 октября 1930 года... в Артиллерийском управлении приговорены к расстрелу десять руководящих работников... Тогда же «вредительские контрреволюционные организации» были ликвидированы в Военно-топографическом управлении и Управлении военных сообщений, несколько позднее — в Инженерном управлении и Военно-строительном управлении.

Во второй половине тридцатых годов органы НКВД начали массовые аресты командиров и политработников...

29 ноября 1938 года на заседании Военного совета Ворошилов заявил: «Весь 1937 и 1938 годы мы должны были беспощадно чистить свои ряды... За все время мы вычистили больше 4 десятков тысяч человек».

Среди них были 3 заместителя наркома обороны, нарком Военно-морского флота, 16 командующих военными округами, 26 их заместителей и помощников, 5 командующих флотами, 8 начальников военных академий, 25 начальников штабов округов, флотов и их заместителей, 33 командира корпуса, 76 командиров дивизий, 40 командиров бригад, 291 командир полка, два заместителя начальника Политуправления РККА, начальник Политуправления ВМФ. Из 108 членов Военного совета к ноябрю 1938 года из прежнего состава осталось только 10 человек».

Вот на каком страшном фактическом фоне надо принимать суждения простого сержанта Максима Михайловича Вершакова. И мне представляется, они многое объясняют. Во всяком случае, для меня. **Офицеры, парализованные страхом репрессий. Командиры, которые боялись малейшей ответственности, боялись совершить самостоятельный поступок, даже Родину защитить боялись!** Такая была система, такая была атмосфера в стране. Мне кажется, что я это понимаю, потому что шестой десяток лет живу, и кое-что застал из тех времен. А вот поймут ли мои внуки. Или для них это будет холодная история, которую рассуживать всегда легко и просто. Как раньше говорили, чужую беду руками разведу...

Но когда я заговорил об этом со своими друзьями, очень образованными, знающими, мыслящими людьми, то... был ошарашен. «Да ты что?! — удивились они хором. — Нашел о чем говорить! Существует огромная литература на эту тему, все уже сказано! А ты тут хочешь одной идеей все пересмотреть?..»

Нет, они ссылались не на пропагандистские штампы советских времен. А совсем на другие факты. Которые доказывали, что Сталин сам замышлял нападение на Германию, и с этой целью к границам были подтянуты огромные силы, военная техника, которую и вывел из строя противник упреждающим ударом... Например, даже из мемуаров советских маршалов Баграмяна и Москаленко можно сделать определенные выводы. Они открыто писали, что всего за неполных два предвоенных года в Советском Союзе было развернуто дополнительно 125 только стрелковых дивизий. Плюс к ним танковые, авиационные и других родов войск. Всего за это время, два неполных года, численность Советской армии выросла более чем в два раза. Генерал-полковник Сандалов пишет, что у советско-германской границы официально количество войсковых соединений оставалось прежним, но их численный состав был резко увеличен, иногда в несколько раз. К примеру, в каждом из известных ему пулеметно-артиллерийских батальонов вместо штатных 350—400 солдат — полторы тысячи! И уж вовсе открыто в 1991 году обнародовал планы сталинского командования заместитель начальника Генерального штаба генерал армии Гареев: «Направление сосредоточения основных усилий советским командованием выбиралось не в интересах стратегической обороны (такая операция просто не предусматривалась (! — С. Б.), а применительно совсем к другим способам действий... Главный удар на юго-западе пролегал на более выгодной местности, отрезал Германию от основных союзников, нефти, выводил наши войска во фланг и в тыл главной группировки противника...»

То есть на юго-западе планировался удар, отсекающий Германию от Румынии (нефть), Венгрии, Болгарии, Италии... И подобных свидетельств много. Но ведь об этом можно было знать и не штудировав специальных авторов и специальную литературу. И не дожидаясь времен гласности и перестройки. А прочитав, например, стихотворение Михаила Кульчицкого, датированное 1939 годом. Цитирую по памяти:

И вот опять к границам сизым
Составы тайные идут.
И коммунизм так же близок,
Как в девятнадцатом году...

Поразительная точность конкретных деталей (составы тайные) в соединении со всеобщими тогдашними мечтами романтиков о мировой революции, мировом коммунизме, о Земшарной Республике Советов... А девятнадцатый год — это первый бросок мировой революции на Запад, поход на Польшу с перспективой через Польшу на Берлин. Но тогда не получилось, «панская» Польша отбила удар армий Тухачевского... И вот — тридцать девятый год... Надо полагать, никто не вызывал юного студента Литературного института Кульчицкого в Генштаб и не говорил с ним доверительно, не делился планами советского командования. Но поэты, как чуткие локаторы, ловят то, что разлито в атмосфере. А это значит, что в атмосфере конкретного 1939 года все дышало нашей подготовкой к нападению.

А сейчас уже известны и документы... В документе Генштаба от 11 марта 1941 года есть конкретная дата: начать наступление 12 июня. (ВНИИ документоведения и архивного дела.) Почему не привели план в действие — неизвестно. Наверно, не успели подготовиться, развернуть войска. И Гитлер напал раньше...

Но наш несостоявшийся план «Барбаросса» опять же не объясняет такой масштаб и такой характер отступления. И даже тем более... Ведь если сами планировали нападение, то, значит, были готовы к войне... Почему же тогда так отступали?.. Но друзья-товарищи, собеседники мои, меня не слушали. Мои попытки сослаться на участников войны, на их оговорки и прямые суждения поднимались чуть ли не на смех. То есть опять же — объяснение найдено, все ясно и очень понятно, а суждения-рассуждения о морально-психологическом состоянии командного состава, о том, что все боялись взять ответственность и дать бой врагу на своем участке, — отвергались сходу. По моему, никто из моих собеседников даже не вслушивался, не вдумывался. А это были люди очень образованные, мыслящие. Но теперь на их сознание давили уже другие авторитеты, другие книги, а по сути — все те же стереотипы, все те же пропагандистские штампы. И что тут бормочет Баймухаметов, ссылаясь на каких-то стариков, которые сами пережили отступление, им было уже неинтересно. То есть попытка другого взгляда исключалась заранее...

От Бабьего Яра до Невской Дубровки

«Не подчеркивать исключительную жертвенность евреев в Великую Отечественную войну» — такое решение было принято на закрытом заседании Политбюро в 1944 году. А поскольку памятью и символом еврейского геноцида на территории нашей страны стал Бабий Яр в Киеве, то делалось все, чтобы самого этого места не было. Вначале его превратили в городскую свалку. Потом перегородили высокой плотиной и стали закачивать воду и глину из карьеров кирпичного завода. Но в 1961 году плотина рухнула... Пришла хрущевская «оттепель» — и правда о Бабьем Яре ненадолго стала достоянием гласности. Потом ее снова пытались замолчать.

В сентябре 2006 года в Киеве прошел Международный форум, приуроченный к 65-летию трагедии Бабьего Яра. Он был организован правительством Украины, фондом «Всемирный форум памяти Холокоста» и мемориальным центром «Яд Вашем» — под патронажем президента Украины Виктора Ющенко.

В первом сообщении ТАСС от 18 ноября 1941 года говорилось, что в Бабьем Яре расстреляли 52 тысячи евреев. Но это не точно. Только в первые два дня — 29 и 30 сентября — здесь убили 33 771 человека. Потом расстреливали каждую неделю по вторникам и субботам — 104 недели подряд. Овраг, заполненный трупами, протянулся на три с половиной километра. Расстреливали там людей всех национальностей, но в абсолютном большинстве — евреев.

«Бабий Яр до сих пор остается секретной трагедией человечества, — говорит президент Российского еврейского конгресса Вячеслав Кантор. — Мало кто знает, какому чудовищному злодеянию он дал толчок. Он дал толчок 6 тысячам «бабьих яров» на территории Европы. Только на Украине было уничтожено 1,7 миллиона евреев... 6 лагерей смерти в Польше, 1100 концлагерей в Германии. На рейх работало 18 миллионов рабов. 12 миллионов погибли. Из них 6 миллионов — евреи. Память об этих людях стерта: мы не знаем ни пола, ни возраста — ничего. Это все жертвы «бабьих яров». Адская машин смерти была запущена здесь, в Киеве, 65 лет назад».

С тех пор возникло, вошло в людское сознание слово и понятие «Холокост». Ежегодные дни памяти, церемонии у Сте-

ны Плача смотрит и видит по телевидению весь мир. А я в эти минуты всегда думаю о товарищах моего отца, оставшихся под Истрой и Ржевом — без могил, без памяти, без вести пропавшими, как написано в извещениях. Ведь сама формулировка «пропал без вести» чудовищна — почему мы об этом не кричали и не кричим! Как это человек в армии может пропасть без вести — дезертировал, что ли? У нас и Петр Пятницкий считался «пропавшим без вести». Тот самый рядовой Петр Пятницкий... Площадь перед рейхстагом простреливалась насквозь. Бойцы двух батальонов лежали, не смея поднять головы. И тогда встал Петр Пятницкий и, с красным флагом в руках, побежал через площадь к рейхстагу, увлекая за собой солдат, и упал уже там, на ступенях рейхстага... А сколько их, таких, пало на долгом пути до Берлина? Два с лишним миллиона положили только во Ржевско-Вяземско-Сычевском сражении — и сколько из них «пропало без вести»? Думаю о нашем тупосердтии — упорном, до нынешних времен. После выхода моего очерка «34 000 000» главному редактору журнала звонили и выражали начальственное недовольство: «Что это вы, сказано же вам было официально — 27 миллионов». А еще раньше «сказано было», что в Великую Отечественную войну погибло 20 миллионов, еще раньше — вообще 7 или 8 миллионов. И каждый раз очередное начальственное лицо говорило сомневающимся: «Что это вы, сказано же официально...» И никогда ему, этому лицу, не приходило в голову, что счет ведется на миллионы. Пять—десять миллионов туда, пять—десять миллионов сюда... А у американцев, к примеру, на единицы. Количество жертв Второй мировой войны у них исчисляется с точностью до единицы.

Как-то получил письмо из города Полоцка, из Беларуси. Престарелая мать и ее дочь ухаживают за могилой солдата-партизана. Имя и фамилия его известны. Они несколько раз писали в Министерство обороны, чтобы нашли его родственников, известили. И ни разу не получили ответа. Я показал эту могилу по телевизору, по Первому каналу, имя и фамилию солдата назвал — и ни одна официальная душа не дрогнула. Не откликнулась. Как это объяснить?

Сразу же после передачи позвонил старик из Юхнова, и кричал сквозь телефонные помехи: «Приезжайте к нам! У нас тут!..» Понятно, это же Юхнов, через него к открытой Москве

колоннами, на марше, двигались гитлеровские танковые дивизии — счет шел на дни, и туда, под железные гусеницы, в панике бросили всех, кого могли, в том числе и подольских курсантов. Тысячи и тысячи там полегли — задержали прорыв танковой армады — и лежат поныне, безымянные. Разве что подольских курсантов помнят...

И не только в чиновниках дело. Они же, чиновники, из нас и состоят. Чужое горе нам кажется не то преувеличенным, не то... задевает нас каким-то непонятным образом. В Ираке погибло восемнадцать итальянских солдат. Италия объявила национальный траур. А некоторые из нас смотрели и думали: ишь, какие нежные, из-за восемнадцати человек всеобщий траур... у нас в Чечне каждый день гибнут, двенадцать лет подряд, никто их не считает — и ничего...

Странно нам смотреть, как американцы за останками каждого найденного во Вьетнаме солдата посылают специальный самолет, гроб с его телом накрывают флагом, выстраиваются все работники посольства, почетный караул морских пехотинцев — и торжественно отправляют на Родину. А там, в Вашингтоне, встречает сам президент. И траурная процессия в сопровождении почетного караула направляется на Арлингтонское кладбище. И вся страна смотрит. Все телеканалы ведут трансляцию.

Именно в нашей стране чаще всего говорят: «Война не закончена, пока не похоронен последний солдат». Но именно в нашей стране до сих пор по лесам и болотам лежат останки десятков и десятков тысяч солдат Великой Отечественной войны. Защитников Родины. И никому до них дела нет, кроме многочисленных молодых ребят-поисковиков, которых раз в год показывают по телевизору в День Победы. Мол, страна помнит своих безымянных героев.

Хорошо, нынче вспомнили о Невской Дубровке. Приказом министра обороны создан, работает там специальный батальон по поиску и перезахоронению. Злые языки скажут: понятно, это же Ленинград, родной город президента... Пусть и так. Главное — что-то делается. Министр обороны Иванов говорит, что такие батальоны будут создаваться и в других военных округах. Наконец-то.

Кстати, в те же сентябрьские дни 2006 года было 65 лет и трагическому подвигу наших солдат и матросов у Невской Дуб-

ровки. В сентябре 1941 года, пытаясь прорвать блокаду, части Ленинградского фронта форсировали Неву в районе поселка Невская Дубровка. Наступление было остановлено. Но наши солдаты захватили плацдарм в 4 километра по фронту и до 800 метров в глубину, вошедший в историю как «Невский пятачок». Затем ширина фронта сократилась до двух километров. Противник вел непрерывное наступление, иногда предпринимая по 12—16(!) атак в день. Под бомбежкой, под непрерывным артиллерийским и минометным обстрелом наши бойцы держались на этом пятачке земли 400 дней, вплоть до январь-февраля 1943 года, до прорыва блокады Ленинграда. Погибали одни, ночью с ленинградского берега на смену им переправлялись другие. За эти 400 дней и ночей на крохотный плацдарм обрушились сотни тысяч бомб, снарядов и мин. Земли там нет — только железо и кости. На Невской Дубровке, по некоторым подсчетам, погибло до 250 тысяч красноармейцев и краснофлотцев. Для сравнения — за всю Вторую мировую войну, с 1939 по 1945 годы, Великобритания потеряла 264 тысячи человек.

Эта главка отдельной заметкой была напечатана в газете «Русский базар», Нью-Йорк, 28 сентября 2006 года. Через четыре дня в редакцию пришло по электронной почте письмо: «Как раз в сентябре 41-го под Ленинградом у меня «пропал без вести» отец. Больше неизвестно НИЧЕГО! Я впервые слышу о Невской Дубровке. Спасибо. Новикова Светлана, E-mail: svetlananovikova@seznam.cz».

Украина отметила 65-летие трагедии Бабьего Яра как событие государственного масштаба. В Киев приехали гости из 41 страны мира, в том числе президенты Израиля, Хорватии, Черногории, главы правительств, парламентов, представители международных организаций.

Мы учимся вспоминать, помнить и поминать наших павших.

Казачи-эсэсовцы

Предательство, служение гитлеровцам в годы войны — щекотливая тема. Власть спекулировала и спекулирует ею самым гнусным образом, в своих гнусных политических целях. Когда

В восьмидесятые годы крымские татары стали требовать реабилитации и возвращения на крымскую землю, ТАСС тотчас распространил по всем каналам и газетам статейку о том, что крымские татары воевали на стороне Гитлера, наших детей сжигали в печах; стоило обостриться украинскому вопросу, как тотчас вспоминали о дивизии СС «Галичина», и т. д. И только о казаках, служивших Гитлеру — ни слова! Более того, с приходом гласности гитлеровских казаков стали изображать борцами с большевизмом и жертвами красного террора.

В 2002 году меня поразило интервью «Известий» с чилийским генералом Мигелем Красновым, осужденным в Чили за массовые преступления во времена Пиночета. (Мигель Краснов — сына генерала Семена Краснова и внучатый племянник атамана Петра Краснова.) Корреспондент спрашивал:

«— Господин генерал, вам известны события 1945 года в Ливенце, когда Великобритания выдала НКВД офицеров белогвардейского казачьего войска. Каково ваше отношение к тем трагическим дням?»

Мигель Краснов отвечал:

«— Считаю это самым гнусным преступлением... Сговор между союзниками — настоящая трагедия. Сотни тысяч, бежавшие когда-то от красного террора, были выданы англичанами Сталину. Среди замученных — мой троюродный дед атаман Петр Николаевич Краснов, мой отец — генерал Семен Николаевич Краснов, а также все члены высшего казачьего руководства».

Скажите, господа журналисты, сколько можно обманывать людей? В данной ситуации меня занимает не только правда истории, но и упорный подлог, который совершает наша пресса, когда она пытается выдать черное за белое. В прямом смысле. Черную и зеленую эсэсовскую форму — за белую. За белогвардейскую и белоказачью.

Эта сказка о выдаче Западом казаков, «бежавших от красного террора», вот уже какой год гуляет по страницам прессы. На самом же деле Великобритания «выдала НКВД» не офицеров белогвардейского казачьего войска, а гитлеровского казачьего войска.

Летом 1942 года, когда немецкая армия вышла к Волге и на Северный Кавказ, в Новочеркасске собрался Казачий сход, на котором приветствовали гитлеровскую власть и стали форми-

ровать полки для боевых действий на стороне германской армии. Казаки составляли значительную часть гитлеровской группы войск, наступавшей на Сталинград. После поражения под Сталинградом они, десятки тысяч, ушли из Советского Союза и получили от Гитлера земли на севере Италии. После капитуляции гитлеровской Германии их и передали советской стороне в соответствии с ялтинским соглашением. А вот казаков-белоэмигрантов Великобритании действительно не имела права выдавать. Они не были подданными СССР. Это действительно был сговор Сталина и союзников. В обмен союзники «получили» плененных Красной армией немецких морских офицеров во главе с адмиралом Редером.

Но представлять гитлеровских казаков исключительно как белогвардейцев — обман и подлог.

Красновы и прочие не «замучены», а расстреляны и повешены как **пособники Гитлера**. Да, Великобритания поступила юридически сомнительно. Наверно, она должна была поступить с фашистскими казаками точно так же, как и с другими гитлеровскими военнопленными. Но обманывать читателей, выдавать прислужников фашистов за белогвардейцев, «жертв красного террора» — еще более возмутительно. Почему никто из журналистов не говорит и не пишет, что с начала нападения фашистской Германии на Советский Союз руководство казачьих войск за рубежом полностью поддержало фашизм и перешло на службу Гитлеру. Было создано **Главное управление казачьих войск вермахта** под руководством Краснова. При Главном штабе СС создали **Резерв казачьих войск** во главе с генералом Шкуро.

Доверие меж фашистами и казаками было так велико, что **казачьих войск исключили из «расовой теории», признали их не славянами и тем более не русскими**, а отдаленными потомками некоего древнегерманского племени. И потому казаков принимали в СС (русских в СС не принимали, а украинцев — принимали с 1944 года, когда была создана ээсовская дивизия «Галичина»). Более того, гитлеровским казакам, как «потомкам арийцев», разрешено было создание **своего государства** и выделены для него земли на оккупированной территории Белоруссии.

Вначале я думал, что в «Известиях» просто-напросто не знают об этом. Но в конце интервью приводилась «Справка

«Известий», то есть нечто такое, что претендует почти на абсолютную объективность. И там черным по белому написано про Семена Краснова: *«С 1944 года — начальник штаба Главного управления казачьих войск, сражавшихся на стороне Германии... До сих пор не реабилитирован».*

Что это значит? В России пришло время реабилитировать гитлеровских генералов?

Тогда я написал несколько строк и отправил в «Известия». У них была рубрика «Обратная связь», где печатались отклики читателей на известинские материалы. Позвонил через неделю. Мне сказали, что мое письмо напечатали (уж не знаю, в каком виде), но — **в региональном выпуске**. То есть подальше от Москвы, от столичного скандала и столичного общественного мнения? Значит, понимают, что сотворили? И трусливо прячутся?

Тогда я отнес заметку в «Литературную газету». Отказать не отказали, но и не напечатали. Не успел я пережить известие из «Известий» и афронт «Литгазеты», как в «Новой газете» промелькнула фраза: «Английское правительство после войны выдало более двадцати тысяч казаков, **воевавших против Сталина** (выделено мною. — С. Б.)». Значит, в Великую Отечественную мой отец и миллионы живых и павших **воевали за Сталина?** Так получается? По логике?

Осталось только назвать казаков-гитлеровцев борцами с тоталитарным сталинским режимом.

И вот, наконец, сказало свое слово всемогущее телевидение. **В год 60-летия Победы**. В новостной программе «Вести» Российского **государственного** телевидения появился пятиминутный (!) репортаж «Казачи вспоминают трагедию Лиенца». Начинается он так: *«Малоизвестные страницы победного 1945 го — жертвы, о которых молчали и в СССР, и на Западе... Англичане обещали не выдавать казаков НКВД, но обещаний не сдержали. Выжить удалось немногим. Сегодня в Лиенце служили молебн».*

В огромном репортаже — **ни одного слова** о том, что эти казаки сражались на стороне Гитлера. Зато много молебна, все время повторяются слова «эмигранты», «белые офицеры», «выданы НКВД» и т. п. Заканчивается так: *«В общей сложности на территории Австрии союзными войсками было задержано и пе-*

редано в советскую зону оккупации 50 тысяч казаков. Среди них были и белые генералы Краснов и Шкуро.»

В который раз повторю: в данном конкретном случае Краснов и Шкуро — не «белые генералы», а «гитлеровские генералы». Есть разница. Белым генералом был и остался, к примеру, Антон Иванович Деникин, категорически отказавшийся от какого бы то ни было сотрудничества с Гитлером. Кстати, он тогда писал в дневнике: «Сотрудничеством с гитлеровцами Краснов и подтвердил, что русских он не любит. Русских, Россию — как нерусский казак со всей самостийностью».

И я не могу понять, что происходит. Говорят: один случай — всего лишь случай, два случая — совпадение, а вот три — уже закономерность. Но эти три случая, что только я заметил. А наверняка были и другие...

Чего хочет пресса? Замолчать то, что эти казаки воевали на стороне Гитлера? Но тогда надо молчать глухо-наглухо. Совсем. Потому что малейшее упоминание вызовет у людей, кое-что знающих, ответную реакцию. А коли пресса не молчит, значит, остается у меня единственный вывод — пресса хочет реабилитировать гитлеровцев...

Причем прибегая к самому гнусному подлогу и подтасовке, называя гитлеровцев белогвардейцами.

Повторю: понять это я не могу. Но факт есть факт.

Как я уже говорил, эту мою заметку не напечатала ни одна газета в России. Вышла она в Лос-Анджелесе, в русском еженедельнике «Панорама» под названием «Не забудьте про свастику» (№ 25, 2005 г.) Полковник в отставке Юрий Украинцев из Калифорнии откликнулся на нее статьей «Время и хаос» («Панорама», № 31, 2005 г.), которая вызвала у меня недоумение.

Приведу для начала цитату из Украинцева: *«В ней он (то есть я в своей заметке. — С. Б.) пишет о судьбе казаков в фашистской Германии... Мне думается, что роль казаков во Второй мировой войне — это продолжение той трагической доли, которая им досталась в результате революции в России».*

Но я писал не «о судьбе казаков в фашистской Германии», и не «о роли казаков во Второй мировой войне»!

Я писал о том, что российская пресса выдает казаков-гитлеровцев за казаков-белогвардейцев, «жертв красного терро-

ра». О всех других, кто воевал на стороне Гитлера, так или иначе говорят — и о Российской освободительной армии Власова, и об украинской дивизии «Галичина», о кавказцах, крымских татарах... А как только заходит речь о выдаче казаков-гитлеровцев британскими властями в Лиенце, так сразу же наводится тень на плетень: «красный террор», «белые генералы Краснов и Шкуро» и т. д.

То есть я писал о ПОДЛОГЕ в российской прессе.

Вольно или невольно, но то же получается и у Украинцева. Он значительную часть своей статьи посвятил трагедии Белого движения и заключил статью фразой: «Так и мы должны и белых генералов, и рядовых казаков понять и простить!»

Во-первых, здесь тоже подмена гитлеровцев белогвардейцами. А во-вторых, прочитав такое, человек, не знакомый с моей заметкой, может подумать, что я призывал к мести белым генералам и рядовым белоказакам. Надеюсь, что у Ю. Украинцева так вышло случайно...

Примечателен следующий пассаж, в котором Ю. Украинцев описывает отступление предателей — казаков-гитлеровцев после поражения войск вермахта под Сталинградом весной 1943 года: *«Многотысячные колонны казаков с семьями потянулись к Крыму... На повозках со скудным скарбом. Рядом с семьями гарцевали молодые казаки в бурках и каракулевых шапках. Заморозки сменялись оттепелью, грязью. Люди терпели невыносимые лишения».*

Жалко гитлеровцев... Может, надо было моему отцу во имя гуманизма не воевать с ними, а отдать им Москву, Сталинград и всю страну, тогда бы они не «терпели невыносимые лишения»?!

Еще характернее с виду безупречный призыв к покаянию и всепрощению: *«Понимание, примирение и взаимные извинения — вот условия, которые будут помогать «времени» формировать из современного мирового «хаоса» стабильность. К этому призывают убедительные примеры покаяния Германии перед народами, пострадавшими от гитлеризма; обращение епископа Польши к католикам Германии со словами: «Прощаем вас и сами просим прощения»; официальные извинения Испании за террор, инквизицию, за изгнание евреев в XV веке».*

И опять здесь все случайно или неслучайно смешивается в одну кучу. Кому — «пример»? И что значит — «взаимные изви-

нения»? Они — жгли людей на кострах и травили в газовых камерах, а мы — на другой стороне. И здесь речь может идти лишь о нашем прощении или непрощении.

Сегодняшние немцы, сегодняшние потомки тех, кто воевал на стороне Гитлера, не виноваты в злодеяниях их отцов и дедов. Но тех, кто воевал ТОГДА в фашистских рядах, тех, кто ТОГДА загубил миллионы душ человеческих, — я простить не могу, не прощу и не имею права.

Никто их сюда не звал. Это они пришли на нашу землю. Это они считали нас недочеловеками. Это их Гитлер говорил им: «Москва не город, и жители ее — не люди!»

Вот и пусть держат ответ и просят прощения у Того, Кто милосерднее нас.

Может быть, Он простит.

Памятник эсэсовцам в Москве

Попытки так или иначе почтить память оуновцев-бандеровцев в Западной Украине, лесных братьев или эсэсовцев в Прибалтике вызывают взрыв негодования в России. Как в официальных органах власти, так и в широких слоях населения. Что соответственно отражается на экранах коллективного информатора, пропагандиста и агитатора — телевидения.

А вот о памятнике эсэсовцам в Москве телевидение почему-то широко не сообщает, и народ, соответственно, не возмущается. Но о памятнике знают многие, из самых разных газет. В первую очередь знает власть. К ней непосредственно обращались, напрямую. Страсти вокруг него кипят уже второй десяток лет!

Однако по порядку. Как известно, генерал Краснов в годы Великой Отечественной войны возглавлял **Главное управление казачьих войск гитлеровского вермахта**. А генерал Шкуро — **Резерв казачьих войск при Главном штабе СС**. Причастен к ним и генерал Гельмут Вильгельм фон Панвиц — кадровый офицер вермахта, родившийся и выросший в Германии, воевавший против России еще в Первую мировую войну. С 1941 года командовал ударным отрядом 45-й немецкой пехотной дивизии, который прошел по советской земле от Брест-Литовска до Кур-

ска, уничтожив ряд сел и деревень. В апреле 1943 года по личному указанию рейхсфюрера СС Гиммлера генерал Панвиц сформировал 15-й казачий корпус СС и командовал им в карательных операциях против югославских партизан.

Вот его показания, данные им советским следователям и суду:

«Продвигаясь от Брест-Литовска до Курска, подчиненный мне ударный и другие отряды 45-й пехотной дивизии уничтожили ряд сел и деревень, разрушали советские города, убили большое число советских граждан и также грабили мирных советских людей...

Зимой 1943—1944 годов в районе Сунья-Загреб по моему приказу было повешено 15 человек заложников из числа югославских жителей...

В конце 1943 года в районе Фрушка-Гора казаки 1-го кавалерийского полка повесили в деревне 5 или 6 (точно не помню) крестьян. Казаки 3-го, 4-го и 6-го кавалерийских полков в этом же районе учинили массовое изнасилование югославских женщин. В декабре 1943 года подобные же экзекуции и изнасилования были в районе города Брод (Босния). В мае 1944 года в Хорватии, в районе южнее города Загреб, казаки 1-го полка сожгли одну деревню. Этим же полком в июне 1944 года было совершено массовое изнасилование жительниц города Метлика. По приказу командира 4-го кавалерийского полка подполковника германской армии Вольфа была сожжена деревня Чазьма, что западнее города Беловар. В этот же период, то есть летом 1944 года, казаки кавалерийского полка сожгли несколько домов в Пожего-Даруварском районе. Я также вспоминаю, что в декабре 1944 года казаки 5-го кавалерийского полка под командованием полковника Кононова во время операции против партизан в районе реки Драва, недалеко от гор. Вировитица, учинили массовое убийство населения и изнасилование женщин...»

Конец цитаты.

15—17 января 1947 года в Колонном зале Дома союзов состоялось закрытое заседание Военной коллегии Верховного суда. Генералы Петр Краснов, Семен Краснов, Султан-Гирей, Доманов и фон Панвиц признаны военными преступниками и приговорены к смертной казни через повешение.

А в 1994 году в Москве, на территории храма Всех Святых (у метро «Сокол»), создали православный мемориал «Примирение народов России, Германии и других стран, воевавших в двух Мировых и Гражданской войнах». На одном из памятников мемориала — фамилии Краснова, Шкуро, фон Панвица, Кононова и других генералов и атаманов, которые сотрудничали с Гитлером и воевали на стороне Гитлера. Не забыт и 15-й казачий корпус СС. Правда, в надписи «СС» убрали, и выглядит она так: «... казакам 15 кавалерийского корпуса, павшим за веру и отечество».

Значит, это они, казаки-эсэсовцы воевали «за веру и отечество»? А мой отец тогда за что? А вся страна от мала до велика — за что?

С тех самых пор некоторые представители общественности и протестовали, обращаясь во все инстанции, в том числе и в прокуратуру. Очередное такое обращение имело место в августе 2005 года. В сентябре Савеловская межрайонная прокуратура ответила: ограничений на установку памятника преступникам законом не предусмотрено.

Значит, любая общественная (религиозная) организация может на своей территории, открытой для свободного доступа, поставить памятник кровавому маньяку, насильнику и убийце Чикатило? Или Гитлеру? И реакция прокуратуры будет такой же: ограничений на установку памятника преступникам законом не предусмотрено...

А вот реакция церкви. Представитель Московской патриархии протоиерей Всеволод Чаплин прокомментировал ситуацию так: «Каждый человек имеет право на христианскую память. Я не оправдываю тех, кто воевал против своей Родины. Хотя диссиденты в СССР тоже действовали против своей страны. Это просто место христианского поминовения».

Не берусь спорить с отцом Всеволодом по тончайшим вопросам права на христианскую память. А вот по некоторым фактам — осмелюсь. Генерал вермахта Гельмут фон Панвиц никогда не «воевал против своей Родины» — Германии, Третьего рейха. Он воевал, отец Всеволод, против нашей с вами Родины. Вначале против Российской империи, потом — против Советского Союза. И диссиденты никогда не «действовали против своей страны». Главный, основополагающий призыв дис-

Сидентов к власти был такой: «Соблюдайте Конституцию СССР!» То есть право на свободу слова, собраний, печати. В том числе и право свободы вероисповедания...

Жуков и ленд-лиз

Накануне 60-летия Победы из-под спуда вышел интересный документ — донесение председателя КГБ Семичастного первому секретарю ЦК КПСС Хрущеву. О Маршале Советского Союза, четырежды Герое Советского Союза, бывшем заместителе Верховного главнокомандующего Сталина, то есть о Жукове. В донесении излагались слова Жукова об американской помощи в годы Великой Отечественной войны, сказанные, видимо, в узком кругу:

«...Американцы нам гнали столько материалов, без которых мы бы не могли формировать свои резервы и не могли бы продолжать войну... Получили 350 тысяч автомашин, да каких машин!.. У нас не было взрывчатки, пороха. Не было чем снаряжать патроны. Американцы по-настоящему выручили нас с порохом и взрывчаткой. А сколько они нам гнали листовой стали. Разве мы могли бы быстро наладить производство танков, если бы не американская помощь сталью. А сейчас представляют дело так, будто у нас все это было свое в изобилии».

Сказано это было Жуковым задолго до опубликования его широко известных мемуаров. А в своих «Воспоминаниях и размышлениях» Жуков пишет, что американская помощь по ленд-лизу никакой особой роли в ходе войны не играла...

Жуков и Зееловские высоты

Самые страшные потери в наступлении мы понесли в ходе Берлинской операции.

Для сравнения — в Сталинградской наступательной операции погибли 155 тысяч человек.

В битве под Москвой погибли и попали в плен 926 тысяч солдат и офицеров. Но в том оборонительном, а затем наступательном сражении с обеих сторон участвовало 7 миллионов

человек, оно разворачивалось на пространствах, почти равных территории Франции, и длилось **шесть месяцев и двадцать дней**.

А в Берлинской операции за **22 дня, с 16 апреля по 8 мая, полегло 361 367** солдат и офицеров. Только советских. А ведь на Берлин наступала еще и польская армия.

Есть еще такой показатель — **среднесуточные потери**. Под Москвой — 10 910 человек, под Сталинградом — 6 392 человека, на Курской дуге — 11 313 человек; в Белоруссии — 11 262 человека. В Берлинской операции — **15 712 человек**.

Советский человек не привычен был задумываться. Боюсь, та привычка осталась и поныне. Редко кто из нас задавался вопросом: а зачем Берлин надо было брать штурмом, отдавать за него четыреста тысяч жизней? Город зажат со всех сторон союзными войсками, перевес в силах многократный. Ну окружили бы, ну бомбили бы изо дня в день, через какое-то время сдались бы, никуда не делись. Зачем штурмовать?

Помню, в народе говорили: чтобы опередить американцев! Но ведь это ничего не давало и не дало. Судьба Германии была решена еще на Ялтинской конференции, там все поделили — кому где быть. Более того, сейчас известно, что американцы легко могли опередить нас и первыми подойти к Берлину. Но, прикинув возможные потери, отказались от штурма гитлеровской столицы — они солдат берегли. А наши полководцы — нигде и никогда. Киев — к 7 ноября! Берлин — к 1 мая!

Общее окружение Берлина не предусматривалось. По первоначальному плану Ставки его должны были взять лобовым ударом войска 1-го Белорусского фронта. Поэтому Сталин снял с командования фронтом Рокоссовского и назначил Жукова. Впоследствии Рокоссовский рассказывал, что в телефонном разговоре спросил Сталина: «За что такая обида?» И в ответ услышал: «Это не обида — тут вопрос политический». Видимо, Сталин посчитал — нельзя, чтобы человек с польской фамилией брал Берлин! Рокоссовского отправили на 2-й Белорусский, освободить от фашистов север Германии. С юга наступал 1-й Украинский фронт под командованием Конева. И только в случае «задержки наступления 1-го Белорусского фронта 1-му Украинскому фронту быть готовым нанести удар танковыми армиями с юга на Берлин», — предписывал Сталин.

По ходу сражения, когда войска Жукова застряли на Зееловских высотах, а войска Конева прорвали фронт и пошли на Берлин с юга, а с севера надвинулся Рокоссовский — создалось окружение. Которое все равно закончилось не осадой, а штурмом.

Самые тяжелые потери были на подступах к Берлину, в первые же часы наступления — на Зееловских высотах. Они протянулись на двадцать километров вдоль старого русла реки Одер, высота — 40—50 метров над долиной Одера, крутизна склонов — 30—40 градусов. Там был создан главный узел гитлеровской обороны. Сплошные траншеи, дзоты, пулеметные площадки, окопы для артиллерии, противотанковые и противопехотные заграждения. На протяжении двадцати километров перед высотами был вырыт противотанковый ров глубиной до трех метров и шириной до трех с половиной метров.

Но чтобы дойти до высот, надо было еще преодолеть открытую болотистую долину Одера. Все дороги и подходы там простреливались многослойным артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем.

И на эту твердыню наши солдаты пошли лоб в лоб. Само по себе наступление на высоты вызывает непомерное удивление. Знаменитая артподготовка — на один километр фронта 280 стволов — длилась 30 минут. Всего 30 минут! Почему не два часа или три? Чтобы огнем и железом подавить, а не костями и мясом солдат! Такое ощущение, будто Жуков очень торопился, даже минуты экономил, чтобы поскорее прорваться через Зеелов и выйти на Берлин.

По плану Ставки Зееловские высоты предписывалось взять ударами общевойсковых армий, а две танковые армии, Катюкова и Богданова, пустить в обход с севера и северо-востока. Но Жуков изменил план Ставки. Он пишет в мемуарах, что Сталин с ним согласился, сказал: «Действуйте, как считаете нужным, вам на месте виднее». Жуков поставил танки Катюкова за пехотой Чуйкова. Планировал прорвать оборону пехотной атакой, а затем ввести в «чистый прорыв» две танковые армии — прямо на Берлин! Но первая же волна пехоты утонула в крови и огне. Вторая — тоже.

Чуйков, командующий 8-й гвардейской армией, велел подтянуть поближе артиллерию, чтобы поддержать огнем атакую-

щие порядки пехоты. Когда пошли тягачи и потянули пушки, Жуков приказал двинуть танки. Чуйков в мемуарах пишет очень осторожно: «Видимо (?! — С. Б.), желая усилить темп наступления и ускорить прорыв обороны противника на Зееловских высотах, командующий фронтом принял решение ввести в сражение в полосе нашей армии 1-ю гвардейскую танковую армию М. Е. Катукова и 11-й отдельный танковый корпус И. И. Ющука... Когда танковые соединения начали проходить боевые порядки 8-й гвардейской армии, на дорогах стало еще теснее, а сойти с них в сторону было невозможно. Танки 1-й гвардейской буквально уперлись в наши тягачи, в результате чего маневр вторых эшелонов дивизий и корпусов оказался скованным... Но нам было не привыкать преодолевать различные трудности...»

То же свидетельствует член Военного совета танковой армии Катукова генерал-лейтенант Поппель: «Единственную дорогу — и ту забил стрелковый корпус генерала А. И. Рыжова... Дорогу насквозь простреливали вражеские пушки. Вскоре наши подбитые танки перегородили проезжую часть, затем были забиты кюветы: в них тоже застряли боевые машины. И все-таки авангард, а вслед за ним и остальные бригады вырвались к линии вражеской обороны. Передовой отряд сумел прорваться к высотам на максимальной скорости».

Представили картину? Все дороги на болотистой пойме Одера забиты нашей пехотой и артиллерийскими тягачами. И тут Жуков, видя это, — он находился на командном пункте 8-й армии, — отдает приказ танковой армии и танковому корпусу (а это 1 тысяча танков!) прорваться к высотам через... боевые порядки нашей пехоты. Эти свидетельства мемуаристов: «Танки уперлись в наши тягачи», «Сумели прорваться на максимальной скорости» — означают, что танки Катукова и Ющука **разбрасывали в стороны и давили своих**. Иначе там, в той обстановке, быть не могло. А сверху, с высот, по этому затору в долине молотила гитлеровская артиллерия. Мало того, пошла бомбить наша авиация, опять же по своим и чужим.

Мясорубка.

Танковый командарм Михаил Катук не оставил мемуаров с откровенным рассказом о штурме Зеелова. И теперь его слова, мысли доносит до нас его вдова, которая вместе с мужем

прошла от Москвы до Берлина. Екатерина Сергеевна Катукова говорит, что у нашего командования не было точного представления об оборонной мощи Зееловских высот, все данные разведки оказались неполными, неправильными. И плана, кроме штурма в лоб, не было. Ее слова косвенным образом подтверждает тот же Поппель, описывая беседу в штабе танкового корпуса генерала Бабаджаняна:

«— Бьют в упор! — кончил доклад Бабаджанян. — Взять в лоб Зеелов очень трудно, можем положить весь корпус — и все равно это будет без толку.

— Ваше решение?

Тогда Бабаджанян провел красным карандашом небольшую стрелку по линии железной дороги, пересекавшей Зееловские высоты на правом фланге, километрах в пяти севернее города Зеелова. Гетман на лету понял эту идею обхода, одобрительно прошептал: «Верно! Напролом лезть нечего, надо умненько...»

— Главными силами отвлеку внимание,— в черных глазах Бабаджаняна заиграла привычная хитринка,— а по насыпи железки пушу Гусаковского. Здесь крутизны нет, проем для дороги вырыт».

Создается впечатление, что, планируя операцию, не обратили внимания на карту, не увидели, что можно прорваться по железной дороге...

Танковая бригада Гусаковского пошла в прорыв по железной дороге, а остальные продолжали атаку в лоб. Но склоны очень крутые, 30—40 градусов, при таком подъеме снарядами можно бить только в небо. И танки шли зигзагами, открывая слабую боковую броню. Жуков отдельной директивой приказал командирам быть в боевых порядках. Танковая армия Катукова потеряла практически весь низший и средний командный состав. Это потрясение было столь велико, что спустя 60 лет, приехав на Зееловские высоты, 92-летняя вдова Катукова повторяла: «Там погибли 22 командира танковых батальонов и 5 командиров танковых бригад...»

За четыре дня штурма Зееловских высот, с 16 по 19 апреля 1945 года, погибло 38 тысяч солдат и офицеров. 33 тысячи советских и 5 тысяч польских. Но это — данные очень давних лет. В действительности же точное или даже приблизительное число убитых до сих пор неизвестно. По сути, все громадное про-

странство перед высотами — это кладбище, протянувшееся на многие километры по долине реки Одер.

О том, что цифры потерь на Зееловских высотах — 33 тысячи советских солдат и офицеров — явно занижены, говорит общая статистика. В Берлинской операции **среднесуточные потери наших войск составили 15 712 человек**. А под Зееловскими высотами, если исходить из официальной цифры потерь, — **8 250!** То есть в два раза меньше. Увы, этого быть не могло, поскольку общепризнанно, что самые тяжелые, кровавые бои были именно под Зееловом.

Неужели нельзя было эти высоты обойти?! Обошли бы, и пошли дальше на Берлин, оставив внутреннее кольцо окружения. Повторю: планом Ставки предписывался обход двумя танковыми армиями с севера и северо-востока. Планом Ставки даже предусматривалась задержка войск Жукова — и тогда на Берлин с юга направлялись войска Конева. Но Жуков, повторю, изменил план Ставки и ударил танками по Зееловским высотам в лоб.

Наверно, пока танковые армии идут в обход, можно было просто стоять у Зеелова — обстреливать из орудий, бомбить с воздуха. Соотношение сил в воздухе такое — 1 гитлеровский самолет на 2,5 наших. К тому же путь немецким самолетам перекрывали 3 корпуса ПВО — это почти полторы тысячи только зенитных орудий. В общем, немного времени — и высоты можно было сравнять с землей.

Но ни тот, ни другой вариант, ни оба вместе Жукова не устраивали. Потому что через Зеелов — прямая и главная дорога на Берлин, 70 километров. А обходить или бомбить — значит потерять время. Жукову надо было торопиться. Конев его опережал, отправил в прорыв две танковые армии и мог первым войти в Берлин. А он, Жуков, застрял здесь!

Таким образом, многое сводится здесь к амбициям и личности одного человека — Жукова. Его жестокость и полное презрение к людской жизни были известны всем. Рокоссовский пишет, что в 1930 году, будучи командиром Жукова, вынужден был убрать его из бригады, потому что обстановку он там создал невыносимую. «Убрали на повышение».

И записки Рокоссовского, и аналогичные мнения других наших полководцев можно расценить как зависть к Жукову,

личные неприязненные отношения. Но ведь и среди младших командиров, и среди рядового состава жестокость и беспощадность Жукова к людям были притчей во языцех. Мой друг Георгий Долгов, будучи с ветеранами на юбилее освобождения Киева, посмотрел на днепровские кручи, запрокинув голову, и с ужасом спросил одного из ветеранов: «Иван Николаевич, да туда просто так не взобраться! А как же вы, с пушкой, да еще под огнем немцев!?»

На что ветеран ответил: «Немец впереди, он, может, и промахнется, тогда жив останешься, есть шанс. А сзади — Жуков!»

Но не может лейтенант оперировать именем маршала, представителя Ставки. Для него есть командир роты, батальона, полка. В крайнем случае — где-то высоко-высоко — командир дивизии. Вот их имена он и употребляет в обыденной военной жизни. Но если артиллерийский лейтенант говорит: «А сзади — Жуков!» — значит, это имя для **всех** стало символом жестокости, беспощадности к своим.

Прошедший рядовым Отечественную войну, писатель Виктор Астафьев в конце 80-х обращался к своему товарищу, фронтовику же, Вячеславу Кондратьеву: «Тот, кто «до Жукова доберется», и будет истинно русским писателем... Достойный выкормыш вождя. Продукт времени».

Виктор Астафьев, мир его праху, был человек резкий. В его словах сквозит неприкрытая неприязнь, даже ненависть. Может быть, не только или не столько к Жукову, сколько к тому, что Жукова делают мифом. Но обратите внимание — «Продукт времени».

Этими двумя словами Виктор Петрович Астафьев выразил самую точную, объективную правду-истину. «Продукт времени!» Почти все были такими! А Жуков среди них — первый ученик в школе дьявола.

Многие маршалы той войны считали, что военные успехи Жукова были обеспечены тем, что ему Ставка давала неограниченные ресурсы и неограниченную власть. Сейчас некоторые исследователи доказывают, что полководческие таланты Жукова — миф. Когда он сталкивался с непосредственным руководством войсками, часто возникали проблемы, как на трагических Ржевско-Вяземском и Ржевско-Сычевском направлениях, где мы под его командованием потеряли **более милли-**

она солдат и офицеров. Как на тех же Зееловских высотах, когда он руководил штурмом с командного пункта 8-й гвардейской армии Чуйкова. А все успешные крупномасштабные операции разрабатывались в Генштабе, Жуков же был в войсках всего лишь надсмотрщиком, безжалостным бичом Сталина.

Может быть. Но я пишу не о полководческих талантах Жукова, а о цене наших побед, о системе. Какое время, **какая система — такой был и бич.** С этой точки зрения, повернись время иначе, мы сегодня могли жить в мифе о Великом Берии. Берия — Главный организатор и создатель энергетической системы СССР. Берия — Создатель ядерного и космического щита СССР. Берия — Отец атомной бомбы и т. д. Ведь миллионы и миллионы заключенных в бериевском ГУЛАГе строили великие наши гидроэлектростанции, придумывали бомбы и ракеты в тех же лагерях для ученых-конструкторов, названных «шарашками», воздвигали глубоко под землей, под руслами могучих рек, титанические сооружения по расщеплению оружейного плутония. Как, например, в Железногорске, он же Красноярск-26. Египетские пирамиды — мелкие холмы по сравнению с подземными залами горно-химического комбината. Все это строилось в гигантских масштабах самой большой в мире страны. Строилось под руководством Берии.

И то, что из Жукова у нас делают Святого Георгия и Маршала Победы, — отдельный разговор. Может, после ухода последних живых свидетелей этот миф станет всеобщим. А может, и наоборот. Ведь миф часто воздвигается на отсутствии точной информации. Миф о Жукове создавался среди нас, наших отцов и дедов — людей, не имевших доступа к информации, вскормленных пропагандой, промыванием мозгов. А новые поколения — совсем другое дело. Вот они и рассудят со временем.

В английском парламенте

Торжества в честь Дня Победы вызывают у меня двойственные чувства.

У нас в институте немецкий язык преподавал человек по фамилии Иванов. Эдуард Елизарович Иванов. На первом курсе, отпуская нас на майские праздники, он сказал: «Поздрав-

ляю вас с нашим главным праздником. Если бы не День Победы, вас бы немецкому языку учил человек совсем с другой фамилией...»

Я эти слова вспоминаю каждый год в этот день.

Мой отец — фронтовик-инвалид, один из тех, что закрыли собой Москву в октябре—ноябре 1941 года. Мой близкий друг и старший товарищ — один из тех, что брали Берлин. И при каком-либо неуважении к ним, тем более, покушении на их подвиг, то есть на подвиг моего народа, я ощетиливаюсь. И с годами — все сильнее, потому что... потому. Но, наверно, от них же у меня настороженное отношение к масштабным праздникам по этому поводу. Тем более — к непомерным ликованиям. Мои друзья-фронтовики всегда говорили мне, что во всем мире это — день памяти.

От них лет пятнадцать назад я узнал о решении английского парламента. Задолго до памятной даты там обсуждали, отмечать ли и как отмечать 50-летие высадки союзных войск в Нормандии. И отложили слушания, потому что никак не могли определить «тонкую грань между духом победы и духом скорби».

У каждого был свой рейхстаг

Никому неохота умирать на последней странице.

*(Василий Субботин.
«Как кончаются войны».)*

Году в шестьдесят девятом я встретил человека, который говорил, что это он водружал знамя на рейхстаге. Кажется, даже утверждал, что был первым. Не знаю, выступал ли он перед студентами, на заводах и фабриках, как тогда было принято. Но в санаториях — дело было на юге — точно выступал. Показывал фотографии. Действительно, вот он, молодой, в офицерской форме, почти на куполе рейхстага, со знаменем.

Кое-что заподозрив, я попросил рассказать, как это происходило. А его и просить не надо было. Все просто. Их часть стояла под Берлином. Его вызвали в штаб, дали задание: поехать в Берлин, водрузить знамя части над рейхстагом и сфо-

тографироваться. Дали автомобиль, сопровождающего, фотографа.

Далее ветеран говорил, что День Победы должен быть не 9 мая, а 8 мая. И не потому, что так на Западе принято, а... Вот тут я почти догадался, в чем дело, и спросил, а когда, в какой день он знамя-то водружал?

— Как это — «в какой»? — почему-то обиделся ветеран. — Восьмого мая! Не девятого же!

И я... не стал говорить, что Знамя Победы над рейхстагом было водружено 30 апреля! Я молодой был, резкий, с дурным азартом влезал в споры со старшими. Но тогда почему-то промолчал. Наверно, испугался, почувал, что имею дело с больным человеком.

Эта болезнь специфическая. Ей и названия нет. Причем этот конкретный ветеран — человек заслуженный, фронтовик. Наверно, тогда он все понимал. В те дни там, на рейхстаге, с боевыми знаменами частей и просто со своими, самодельными флагами, фотографировались все, кто только был в Берлине и кто мог доехать до Берлина. Все видел и понимал тогда наш ветеран. А потом, видимо, что-то замкнуло...

Это началось в шестидесятые годы, после выхода первых книг о штурме рейхстага, после первого торжественного празднования юбилея — 20-летия Победы. И продолжается до сих пор. Правда, не с такой активностью в связи с, увы, естественной убылью...

Помнится, уже давно, накануне 50-летия Победы, по главному каналу ТВ два ветерана уверяли, что это они водрузили первыми знамя на рейхстаге, но все эти годы НКВД их заставлял молчать... А пресса наша не то чтобы доверчива, но часто пасует перед почти бесспорными доказательствами — фотографиями и тем более кадрами кинохроники 1945 года. Тут ведь куда не денешься — кинохроника 1945 года!!!

И потому как человек, прочитавший немало книг о той операции, знающий некоторых свидетелей тех событий, предупреждаю коллег: будьте осторожны. Участие или неучастие в штурме рейхстага проверяется очень легко. Ведь тот бой вели три батальона — Неустроева, Самсонова и Давыдова — и их списочный состав на то время известен.

Нередко говорят, а потом пресса пишет о неких секретных штурмовых группах, которые устанавливали знамя. Но я в дос-

тупных мне источниках, в воспоминаниях, в рассказах людей, которые там действительно были, ни разу не сталкивался с упоминаниями о таких группах. Само их название говорит о ясной, четко поставленной цели, не так ли? А потому они должны были знать, куда идти, в каком направлении двигаться? **У них должны быть подробные карты Берлина, так ведь?** Простите, что ставлю немного странные вопросы, но дело в том, что в те дни и ночи трудно было ориентироваться в незнакомом городе. Никто точно и не знал, где тот самый рейхстаг. Просто двигались примерно к центру города, просто брали штурмом дом за домом.

Свидетельствует начальник политотдела 150-й Идрицкой дивизии (той самой, что водрузила Знамя Победы) подполковник Артюхов:

«Кому-то может показаться странным, но карт Берлина настоящих у нас не было... Когда мы наступали, мы фактически Берлина не знали... Я случайно в трамвайном депо увидел на стене огромный план города, метра полтора на полтора. Я его забрал...»

А некоторые пользовались схемами города, содранными со стен Берлинского метро. Карт не было, представляете?!

На рейхстаг войска вышли неожиданно, и в первый момент командиры батальонов даже не догадывались, что перед ними рейхстаг. Батальоны Неустроева и Давыдова заняли здание министерства внутренних дел — все называли его тогда домом Гимmlера. Неустроев знал, что оттуда должен открыться рейхстаг. И доложил в штаб дивизии, комдиву Шатилову, что перед ним какое-то серое здание, которое мешает его дальнейшему продвижению. В штабе сверились со схемами, потом сказали: «Неустроев! Да перед тобой же — рейхстаг!»

Неустроева и Давыдова, всех бойцов их батальонов понять можно. Наверно, в их воображении под словом «рейхстаг» рисовалось что-то величественное, крепость под небеса — РЕЙХСТАГ. Или иначе — ГЛАВНОЕ ЛОГОВО ВРАГА. А тут — какой-то не очень приметный четырехэтажный дом...

Комбат Самсонов из дивизии полковника Негоды рассказывал: «Звоню полковнику Негоде. Спрашиваю: «Говорят, есть еще один рейхстаг? Может, это не тот?.. Какой мне брать?» Комдив помедлил и ответил мне смеясь: «Бери этот, а если окажется, что не тот, бери другой...»

Много путаницы, смятения в умы и сердца внесла знаменитая якобы кинохроника, снятая знаменитым Романом Карменом. Потом, в мирные дни, годы и десятилетия некоторые люди приходили в газеты и журналы и говорили: «Вот, смотрите, это я там, штурмую рейхстаг...» И попробуй редактор не поверь. Ну что делать... мало человеку, что он был в те дни в Берлине, штурмом брал город, так нет — непременно надо прослыть еще и участником взятия рейхстага... Это наша пропаганда виновата, чересчур много внимания сосредоточила на штурме рейхстага. Вот у некоторых людей и случился сдвиг...

Я говорю о фильме Романа Кармена «якобы кинохроника», потому что он прилетел в Берлин уже после. И устроил постановку, спектакль. Собрал солдат и попросил их «поштурмовать» рейхстаг и снимал уже постановку. А кто там был, какие солдаты, кто ж знает... Так и пошло-поехало, и стали эти кадры называться «кинохроникой», то есть документом.

А во время действительных боев в рейхстаге не было ни одного человека с фотоаппаратом или кинокамерой! **Ни одного репортажного кадра истории не известно.** И знаменитая фотография, что в учебниках и во всех книгах, где на куполе знамя и солдаты, — сделана была после, постановочно!

Особая и опасная тема — флаги над рейхстагом. Поверьте, немало судеб было искалечено за это 40 лет (после 20-летнего юбилея) в спорах, тяжбах, жалобах, попытках доказать свое и опровергнуть чужое... Помните, с чего я начал? Человек 8 мая совершенно спокойно приехал в Берлин, установил знамя, сфотографировался, а потом решил, что он там был первым...

Это — очевидный случай. А были и есть посложнее. Рейхстаг весь был утыкан флагами и флажками. Какие-то из них ставились и во время боя...

Во время штурма комбат Самсонов приказал младшему сержанту Еремину и рядовому Савенко установить флаг на рейхстаге. Еремина ранило, но они вместе с Савенко укрепили флаг в пробоине в стене.

В батальоне Давыдова флаг устанавливали лейтенант Рахимжан Кошкарбаев и рядовой Григорий Булатов. Во время штурма, 30 апреля, они прикрепили флаг вначале к средней колонне, а потом, когда заняли второй этаж, высунули его в окно второго этажа. Затем их флаг поставили на крыше, но не на куполе, как Знамя Победы, а чуть ниже.

Все эти годы говорили, что Егорова и Кантарию подбирали специально — русский и грузин! Чушь все это, простите. Если б уж грузина подбирали, то нашли бы коммуниста или в крайнем случае комсомольца. А Мелитон Кантария даже комсомольцем не был.

К опубликованным рассказам очевидцев тоже надо относиться с осторожностью, непременно сопоставлять их с другими источниками. Потому что много времени прошло, а память человеческая не компьютер. Очень часто она совмещает в одном отрезке времени разные эпизоды, отчего происходит путаница. А если человек считает себя обиженным, он невольно преувеличивает свою роль. И вообще... Например, в Англии свидетелей авиакатастроф опрашивают только в течение первых сорока минут. Потом, считают специалисты, свидетель начнет уже излагать свое мнение, исказить в угоду своему мнению даже то, что он сам видел, невольно пересказывать от своего имени то, что слышал от других, и т. д.

Из сопоставления различных сведений из различных источников можно примерно воссоздать такую картину. Рейхстаг взяли штурмом 30 апреля. Первый штурм немцы отбили, все атакующие были убиты. Ведь площадь перед рейхстагом была абсолютно открытой, и простреливалась со всех сторон, поливалась огнем в буквальном смысле.

К вечеру 30 апреля все этажи рейхстага были заняты нашими бойцами, но в подвалах сидели гитлеровцы и стреляли фаустпатронами. К позднему уже вечеру стали устанавливать знамя. Всем девяти дивизиям 3-й ударной армии раздали одинаковые знамена в расчете именно на такой случай: кому выпадет выйти на рейхстаг. Выпало 150-й дивизии. Из штаба полка доставили знамя два полковых разведчика. То, что они были разведчиками, еще раз говорит о том, что их специально не подбирали. Разведчики — люди более или менее свободные, не задействованы в подразделениях. Вот Егоров с Кантарией и оказались под рукой...

Уйдя на крышу, они через некоторое время вернулись к комбату Неустроеву и сказали, что туда не пробраться, лестница обрушена, сплошная темь. Тогда Неустроев велел своему замполиту лейтенанту Бересту помочь им. И не потому, что замполит, комиссар должен осуществлять политическое руковод-

ство, а опять же потому, что свободен в данный момент, к тому же силен и здоров, под два метра ростом.

Видите, какая группа сложилась случайно — русский, грузин и замполит! Как будто специально подбирали!

О лейтенанте Алексее Бересте надо сказать особо. Немцы, засевшие в рейхстаге, прислали парламентаря. Который сказал, что немецкое командование готово к переговорам о сдаче. Разумеется, с офицером высокого ранга. Но больших армейских чинов, соответствующих статусу переговоров, под рукой не оказалось. Тогда юного гиганта Алексея Береста обрядили в кожаную куртку, скрывающую лейтенантские погоны, и представили полковником. Я думаю, что его невозможную для полковника молодость успешно скрывала печать непомерной усталости и напряжения — десять дней и ночей штурма никто из них не спал. Капитан Неустроев играл при Бересте роль адъютанта. Немецкий полковник сказал:

— Ваши солдаты возбуждены... Вы должны их вывести и выстроить... Иначе мы не выйдем!

И Берест ему врезал:

— Не для того я пришел в Берлин из Москвы, чтобы выстраивать перед вами своих солдат!

А перед этим, поздним вечером, Берест, Егоров и Кантария, устраивая живую лестницу, взобрались на крышу рейхстага и прикрепили знамя к бронзовой конной скульптуре на фронтоне главного подъезда. На куполе его установили уже потом...

Никто из них — и никто в батальоне, в полку, в дивизии — не считал, что они совершили что-то особенное, достойное какого-то отдельного внимания. Например, в дивизионной газете о том дне, 30 апреля, было написано так:

«Наши подразделения овладели рейхстагом...»

В этой исторической битве неувядаемой славой покрыли свои имена Петр Щербина, Николай Бык, Иван Прыгунов, Василий Руднев, Исаак Матвеев, Сьянов, Ярунов, Берест, Кантария, Егоров. Руководил этой блестящей операцией доблестный русский богатырь капитан Степан Неустроев».

Полагаю, что и в верхах, от армии до Ставки, сразу не придавали сему факту особого значения. Ведь звания Героев Советского Союза Кантарии и Егорову присвоили только через год, в июне 1946 года. Когда, видимо, решили, что это событие надо возвести в символ.

Почему исключили Береста из списка представленных на звание Героя Советского Союза? Не знаю. Надеюсь, когда-нибудь станет известно. Много ходит версий. В одной из украинских газет даже написали, что Бересту и Петру Щербине не дали звание Героя потому, что они украинцы, а вождь народов не любил украинцев и готовил их депортацию... Но самая распространенная версия — всему виной замполитская должность Береста. Мол, Жуков плохо относился к политработникам и потому вычеркнул фамилию Береста из представления.

Не факт, что представление проходило через самого Жукова. К тому времени (июнь 1945-го — март 1946-го) он был уже не командующим фронтом, а фигурой военно-политической — главнокомандующим группой советских войск в Германии главноначальствующим советской военной администрацией в Германии. Какое ему дело до Береста!

Так или иначе, но Алексей Берест был обойден наградой. Другой бы на его месте сломался, а Берест выдержал. Трудной была его гражданская жизнь, не приведи испытать такое никому. В последние годы он работал на Ростсельмаше. И погиб, как герой, 3 ноября 1970 года, спас девочку, выбросил ее из-под колес поезда. А сам — не успел.

Нельзя не сказать о Петре Пятницком. Рядовом Петре Пятницком. В первую атаку повел бойцов он. Первый флаг был в руках у него. Даже не флаг, а просто полотнище красной материи, которое дал ему комбат Неустроев в подвале дома Гимлера и сказал: «Все лежат на площади. Рейхстаг близко. Все залегли — и мои, и Давыдовские... Дойдешь — отдай мой приказ в атаку. Подними людей!..»

Петр дошел. И поднял людей в атаку. Побежал к рейхстагу под смертельным огнем. По открытой, насквозь простреливаемой площади! И добежал до ступеней, до колонн, и рухнул уже там, между колонн, у подъезда.

Это эпос. Античный эпос. Античный подвиг. Для меня фигура и судьба Петра Пятницкого — некий обобщенный образ и символ народного подвига и самопожертвования. Он ведь ЗНАЛ, что на этой простреливаемой насквозь площади шансов на жизнь у него нет.

Когда под вечер наши бойцы, во время новой атаки, добрались до рейхстага, Петр Пятницкий лежал у подъезда с флагом

в руках. Его отнесли в сторону, к колонне. А после боя, когда спохватились, его уже там не было. Наверно, похоронили в братской могиле. И Петр Пятницкий до начала шестидесятых годов числился без вести пропавшим.

А тогда, во время новой атаки, добежав до подъезда рейхстага, флаг из рук мертвого Петра Пятницкого подхватил командир отделения Петр Щербина. Этот флаг он привязал к одной из колонн рейхстага...

Мы, люди, многое сводим к символам. Так нам удобнее, понятнее, проще. И власти так очень удобно. С символами трудно, почти невозможно бороться. Как ни протестовали в душе оставшиеся в живых участники штурма, а та постановочная фотография, не имевшая никакого отношения к действительности, стала символом. И ведь символом стал и сам штурм!

Так уж получилось, что тот бой увенчал войну. И потому на особом счету. А война шла четыре года. 1418 дней. И каждый день у кого-то был свой рейхстаг и свой Берлин.

Всем, кто там был, земной поклон. Вечная память и вечная слава.

Глава 40

РУССКАЯ ЭПОХА

Все для Бога и князя, и ничего — для себя

Много лет назад, во время одного из наших походов по лесам Подмосковья, как-то застала нас ночь возле села Истомино, под Тарусой. Мы спешили к реке, чтобы разбить ночлег. Но вдруг приятель мой, обернувшись, окликнул меня: «Смотри!»

За нами, на восходе луны, на фоне светящегося горизонта, возносились к небу черные силуэты — купол и колокольня Истоминской церкви. Они возвышались над миром, и не было в обозримом сумрачном мире ничего, кроме них! А внизу, у земли, как бы лепились, прижимались к их каменному подножию сараюшки, стожки, скособоченные крыши деревеньки.

— А представляешь, как смотрели на *это* темные мужики в каком-нибудь восемнадцатом веке?! — сказал приятель. — Только на колени упасть, трепетать. Мрачное величие и непонятность! А тут они — в своих курных избенках...

Я вспомнил тот вечер, когда снимал фильм о загадке древнерусской архитектуры, о том, что города и храмы в древности ставились так, чтобы они открывались с реки, с главной и единственной дороги! Было это у стен Михайло-Архангельского монастыря в Юрьеве-Польском.

Мы стояли на земляном валу XII века, который и поныне опоясывает исторический центр города.

— Бери кадр так, чтобы первый план был подробным и четким, — наказывал я оператору Саше Терентьеву.

А на первом плане — дворы, огородики с немислимыми заборчиками, где и плетень, и разрушенная бетонная плита с разлохмаченной арматурой, и спинки старых кроватей; свинные сараюшки, дощатые сортиры, клетки и подклетки, белье на веревках, дрова, кучи непонятного барахла — обычный сор обычной жизни. И над ней — вздымаются зубчатые стены и купола монастыря — красота, мощь и величие ушедших веков.

Давно точит меня мысль, которая получила яркое, зримое воплощение именно в этой картине.

Окинем взглядом все, что мы видели и видим: наши церкви древние и не очень древние, монастыри-крепости грозные. И задумаемся: а что еще? Ну, несколько кремлей каменных да палат княжеских. И — все.

То есть архитектурный гений народа, ремесленнический талант, мастерство, все силы ума, души и тела — отданы, растрачены на строительство церквей и монастырей.

А сами как жили — так и живем. Да Господи Боже мой, если смотреть ночью, под луной, на крыши истоминских домов и не знать, что там внутри есть электричество и телевизор, то далеко ли они ушли от курных изб XVII века?

Вот и получается: все — для Бога и князя, и ничего — для себя.

Так и привыкали с годами, с веками. До того привыкли, что в Москве даже богатых людей пришлось **заставлять**, чтобы они строили **себе** каменные дома. Конечно, не из любви к ним заставляли, а чтобы пожаров не было.

Величие своими руками сотворенных храмов, необъятность полей и тьма лесов — и рядом с ними убогость собственного

существования — не эти ли крайности вековечно разрывали душу русского человека и сказались на его характере? Не в этом ли истоки российского максимализма: пан или пропал... и в то же время дикой кичливости собственной же нищетой: любите нас черненькими — беленькими нас всяк полюбит?.. И еще много чего в народном характере можно вывести из этой картины. Только боюсь уподобиться той части российской интеллигенции, которая «загадку России» сделала своей профессией. И тем самым недалеко ушла от массового сознания, потому что в основе ее метаний лежит все тот же принцип максимализма: или мы — все, или мы — ничего, или мы — и то и другое вместе...

А ведь максимализм — это потакание собственному или толпы примитивному знанию и примитивному сознанию, примитивному мышлению, а следовательно, примитивному образу жизни и поведения. Мы сами до сих пор выясняем и других учим выяснять, кто же сильнее и красивее — кит или слон. Все обсуждаем, все цитируем предыдущих спорщиков. То опять пытаем бедную Россию: «Каким ты хочешь быть Востоком? Востоком Ксеркса или Христа?», сознательно или по лености мысли не замечая, что и Ксеркс, и Христос в данном поэтическом контексте не что иное, как символы с разными знаками. А символы — опасная вещь. Стоит перейти на мышление символами, как за ними моментально теряется, расплывается реальность, уходят в сторону знания и размышления. Например, о том, что Ксеркс был обыкновенным властителем древности, строителем своего государства, не менее и не более деспотичным, чем его современники. И что именем Христа было в свое время пролито столько крови, сколько Ксерксу и не снилось.

То вспомним о степной крови, текущей чуть ли не в каждом. Вспомним, что строитель церковей святой князь Андрей Боголюбский и спаситель Руси от крестовых тевтонских походов святой князь Александр Невский — сыновья раскосых половчанок — и объявляем себя «гуннами» и «скифами», грозя обернуться к Западу «своею азиатской рожей».

А то отвернемся с досадой от «узкоглазых» и льнем к Западу, робко напоминая, что Азия-то начинается за Уралом, а географический центр Европы все-таки у нас, не то в районе Жмеринки, не то Житомира...

Цивилизация и цивилизованность всегда притягательны, и потому в Европу «хочут» все: и «узкоглазые» азиаты, и чернокудрые кавказцы, некоторые из которых даже объявили себя родичами испанских басков, и, разумеется, рыжие, русые, курносые и голубоглазые.

Только не разрез глаз и не цвет кожи определяют Европу или не-Европу. У народов — своя история, свои исторические, этнические и прочие стереотипы. В основном романо-германский по языку, католический по вере конгломерат западных народов обособился еще в раннем Средневековье, назвав себя «Европой», назвав себя «христианским миром». И в нем даже католическая, но славянская Польша чувствует явственную зыбкость своей «европейскости».

Там, в том мире, издавна сложились характерные восприятия «своего» и «чужого». Например, скандинавские бандиты-викинги три века грабили, жгли, насиловали Европу, оставляя после себя руины великих ныне городов, гарь, мор и трупы. И — ничего. Все забылось. Никто не говорит и даже не вспоминает. Потому что — «свои».

Зато не забывается мимолетное появление монголов на границах, краткие походы Суворова, казаки и калмыки в Париже. Но ведь тогда, в восемьсот четырнадцатом, против злодея Наполеона сражались вместе со всей Европой, в одной общей армии! Вместе! Однако Наполеон, исчадие ада для тогдашнего цивилизованного мира, остался «своим», а Россия — «чужая».

И это — нормально. И относиться следует спокойно. Потому как научный факт. Этнопсихология, если хотите.

Другое дело, что они свою европейскую особость превратили в высокомерие. Никогда не забуду строчку — одну лишь строчку! — из «Дневника» Гонкуров. Речь там идет о том, что приходил Тургенев, сидели, разговаривали. Потом Тургенев ушел... Ну вы знаете, Иван Сергеевич долгие и долгие годы так и прожил в Париже возле Полины Виардо. Понятно, ближе всего сошелся со своими братьями-писателями...

Так вот, после ухода Тургенева братья тут же садятся записывать впечатления в «Дневник» и о Тургеневе роняют: «Этот добродушный *варвар*...» (Курсив мой. — С. Б.)

И это пишут просто профессиональные плодovитые литераторы, которых, кроме Франции, никто нигде и не зна-

ет — о нашем аристократе, барине, великом писателе, черт возьми!

Но урок нам не впрок. Сами позволяем, сами обижаемся, сами лебезим и угрожаем. Это комплекс европейской неполноценности не дает нам покоя. Рождая тот самый убогий максимализм. От самоуничижения до угроз танками и ракетами.

Никак у нас не получается быть скромным без самоуничижения, блюсти свое достоинство без высокомерия и хамства. То есть не получается быть самодостаточным благородным человеком.

Как-то знаменитый наш режиссер, долго живший в Америке, публично, через нашу прессу, объяснил своим западным друзьям, чтобы они не удивлялись. А то они все поражаются, побывав в России: как же так, такие же люди, как они, но нравы, но быт!? Не такие же, — объяснял им режиссер. — Только по виду такие же. А на самом деле, если ехать с Запада, Европа кончается в Польше. А дальше начинается дичь...

Да, верно, уважение к личности, представления о гуманизме, о ценности самой человеческой жизни у нас такие, что ужас иногда берет. А уж над общественными сортирами только бомж брезгливо не издевался, говоря, что это и есть лицо нации.

Ну так что ж теперь — повеситься? Или быстро менять обличье, имя, паспорт и пристраиваться грузчиком в Кёльне? Так от себя не уйдешь...

Правда, почему-то вспоминается, с каким брезгливым ужасом смотрели высококультурные средневековые арабы на западных рыцарей-крестоносцев, на их нравы и быт, особенно на гигиенические особенности быта. Не могли поверить. И только когда приехали с посольством в Париж, увидели Лувр с курами и коровами, тогдашнюю европейскую жизнь, сравнимую с нашими нынешними общественными сортирами, только тогда поверили и вынесли приговор: «Дикари...»

Но это было в раннем Средневековье. А между тем чуть ли не до времен Просвещения французские и другие графини и герцогини замысловатые прически закрепляли растопленным бараньим салом, которое застывало и создавало жесткий купол. Ни расчесывания, ни мытья, естественно, не могло быть. Тотчас же и в изобилии заводились вши и блохи. И потому высокородные дамы всегда имели при себе специальные маленькие коробочки-блохоловки...

Доподлинно известно и в анналах зафиксировано, как карета одного из императоров Священной Римской империи застряла и чуть не утонула в дерьме, потому что в те времена нечистоты из дворов вываливались прямо на улицы.

Другое дело, что европейцы забыли. А вот американцы — нет. Потому что совсем недавно было. И они нынче себе поверить не могут. Не могут поверить, что это они, здоровые мужики, устраивали злобные пикеты на пути крошечных негритянских девочек, идущих «первый раз в первый класс» в общую с белыми школу. Смотрят сейчас кинохронику пятидесятых—шестидесятых годов — и не знают, куда спрятать глаза от позора.

Значит, не в дикарстве суть. А в уроках, в научаемости нации.

Брезгливое презрение к своему народу — непродуктивно. И вызывает только ответную агрессию. Гораздо честнее и полезнее прямое гневное осуждение, родственное пониманию и сочувствию. Из которых и рождается будущее.

И вообще — чего мы дергаемся? Вот что непонятно. Нам что, храм Покрова на Нерли не нравится? Двадцатипятивековые самаркандские святыни кажутся убогими? Скифская бронза тускловата? Рукописи Матенадарана начала христианской эры не внушают почтения?

Помилуйте, я же не к квасному или кумысному патриотизму взываю. А к тому, что не надо дергаться и комплексовать. Давно уже любому грамотному человеку одинаково скучны споры и метания меж «славянофильством», «западничеством» и «гуннством» и еще более того — их яростный максимализм.

Но мы отдаемся им с такою страстью не потому ли, **что никак не можем наладить нашу конкретную, действительную жизнь?**

Ведь менялись времена — а у нас менялись только названия. На месте курных изб возникли бараки, времянки, соцгородки, и стояли они уже на фоне дымящих труб и корпусов, гигантов индустрии, дворцов молодежи, дворцов советов и дворцов съездов.

Менялись идолы и кумиры, боги и князья — а мы все те же, а мы живем все так же.

Все — для Бога и князя, и ничего — для себя... — повторял я как заклинание, любуясь в Юрьеве-Польском величественными куполами на фоне сараев и сараюшек.

Примечание. К вопросу о чистоте немецких улиц, которые еще в незапамятные времена сначала мыли щелоками, несколькими мылами, а затем и шампунями. Что не вызывает у нас даже комплекса неполноценности, поскольку мы воспринимаем сие как проявление жизни инопланетных существ. А начиналась эта чистота с того, что **власть жесточайшим образом заставляла обывателей** убирать и мыть улицы перед своими домами. А потом уже это вошло в привычку, в плоть и кровь, в национальный образ жизни. Умная власть — воспитывает...

Русская эпоха

И все-таки, может, зигзаги русской истории и русского характера, величие храмов и убогость обыденной жизни, самоуничтожение чаадаевского толка и Достоевские проповеди о мессианстве, и еще многое и многое другое — всего лишь следствие и отдельные составные части чего-то большего?

Представим себе поезд, в каждом купе и в каждом вагоне которого бурно спорят, дерутся, философски беседуют или же мирно дремлют самые разные люди. Они не отдают себе отчета, что во многом их теперешнее поведение — **прямое следствие общего движения в общем поезде в общее время**. Будь они в другом месте и в другое время, они, возможно, не пили бы водку, не дрались, не спорили, не философствовали под влиянием проплывающих перед окнами просторов, не впадали бы в сон посреди дня, но тут попались такие соседи, что лучше дремать, чем смотреть на них, а тем более слушать... Конечно, любое сравнение хромает, тем более такое, потому как буян найдет причину для ссоры везде, а любитель философствовать способен умствовать в любой обстановке. Правда, в поезде они могут и поменяться ролями на время или же надолго: драчун вдруг начнет предаваться размышлениям о бренности бытия, а философ — стаканами глушить водку и открывать в себе Ваську Буслаева. Но в любом случае, согласимся, их поведение так или иначе обусловлено обстоятельствами, в какие они попали, а их сегодняшние страсти — всего лишь **составная часть** жизни поезда, который мчится в пространстве независимо оттого, что буян мнит, будто удержит его за дверную ручку купе, а философ рассуждает об относительности движения.

Никто из них не видит поезд со стороны.

Так и мы существуем внутри русской, российской, советской и снова российской истории, называемой жизнью, часто не замечая общего движения. Даже тогда, когда кипим страстями восьмисотлетней давности, **все равно мы судим о себе, про себя, выясняем отношения среди своих.**

А между тем не надо специальных знаний, достаточно общих, чтобы взглянуть на последние десять веков европейской истории со стороны и увидеть, выделить в ней три народа, оставивших наиболее заметный след и в чем-то определивших лицо тогдашнего и сегодняшнего мира.

Это — испанцы, англичане и русские.

Причем ни один из них не отличался, на первый взгляд, среди прочих ничем особым: ни уровнем государственного устройства и благоденствия народа, ни количеством населения, ни размерами территории.

Средневековая Испания, размерами чуть больше нынешней Туркмении и поменьше Таиланда, в XIV—XV веках только начиналась как самостоятельное единое государство с объединения Арагона и Кастилии. Страна была истощена, измотана многовековой войной с арабами, захватившими Пиренейский полуостров еще восемь столетий назад. Причем каждый народ боролся с маврами порознь...

И тем не менее отсюда и началось первое открытие мира европейцами. Отсюда и пошли корабли в непонятные и никому не известные дали океана. В это же время зарождалась и великая испанская литература, и великая испанская живопись, увенчанные впоследствии именами Сервантеса, Веласкеса, Эль Греко и Гойи. Одновременно пылали костры инквизиции и фанатики в рясах сжигали фанатиков без ряса, а еще чаще — рядовых обывателей. А корабли тем временем пробивались сквозь туман океана и неизвестность, открывая Вест-Индию, Магелланов пролив, Индийский океан... А вслед за ними, за первыми, шли каравеллы с офицерами, солдатами, авантюристами, искателями приключений, ловцами удачи, отчаянными бедняками, обездоленными дворянами, которые становились на новых землях конкистадорами, латифундистами, фермерами, пастухами, бандитами, мешались с неграми, индейцами, белыми, давая первые поколения мулатов, метисов и

квартеронцев, чьи потомки и составляют ныне **испаноязычный мир**, раскинувшийся от Кубы до Огненной Земли и от Кордильер до Пиренеев.

Не менее фантастична и судьба англичан.

По нашим меркам и Испания — невелика страна. А уж Англия-то и вовсе — чуть больше Талды-Курганской и гораздо меньше Вологодской области. Я говорю о собственно *Англии*, выводя за скобки *Шотландию* на севере и *Уэльс* на западе Острова. Государственное устройство здесь, в отличие от Испании, устоялось за предыдущие века и представлялось незыблемым. Но предельно истощен самый главный ресурс страны — человеческий. Англия только что **потерпела поражение** в Столетней войне с Францией, в войне, которая целый век(!) из года в год забирала самых молодых и здоровых мужчин.

Однако нашлись откуда-то силы, нашлись люди, которые вступили в новую, уже морскую войну с могущественным испанским флотом и оттеснили его на всех морях Мирового океана. Крестьяне-йомены, горожане-ткачи, эскавайры-оруженосцы, вчерашние лучники и арбалетчики, забывшие за столетие войны о мирных профессиях, младшие дети баронетов без гроша в кармане, потому что по законам *майората* все наследство оставлялось старшему сыну... — они разнесли английскую речь от Йоркшира до Пенджаба и Белуджистана, от Америки до Океании, сделав английский язык общеупотребительным, официальным или государственным в Канаде и Пакистане, США и Индии, Австралии и Новой Зеландии.

У моего заветного друга Женьки Сергеева, умершего в пятьдесят лет, есть стихотворение «Над картиной Гейнсборо», которое мы все десятилетия читали вслух на всех наших встречах, сборищах, пирушках...

Как вам жилось — превосходно ли, худо ли?
В замках замшелых, кленовых аллеях,
Черные лебеди,
Белые пудели,
Бледные леди.
Ваши мужья на судах Альбиона,
И штормы, и штиты изведав сполна,
Сюда возвращались — виски убеленные,
Профили гордые, как ордена.

К огню подвигали их, ноги им кутали,
 Кутали плечи им клетчатым пледом.
 Черные лебеди.
 Белые пудели,
 Бледные леди.
 А сыновья на спардеках корветов,
 В груди и в спине ощутив по дыре,
 От боли и брани лицо исковеркав:
 «Храни Бог Британию и королеву,
 Храни Бог Британию, черт подери!»
 Им, от холеры сдыхавшим в Калькутте,
 Им на галерах в секунду последнюю
 Вряд ли припомнились
 Черные лебеди,
 Белые пудели,
 Бледные леди...

Русская роль в истории последнего тысячелетия еще не всем очевидна просто потому, что испанские и английские события — давняя история и даже романтика, а в русскую эпоху мы живем, все — близко. Но уже достаточно времени прошло, чтобы посмотреть со стороны.

В самом начале XI века население довольно могущественной тогда Киевской Руси составляло 5,36 миллиона человек. Примерно таким же было и население Италии. А вот во Франции — 9 миллионов!

Через пять столетий соотношение осталось таким же. К XV веку во Франции было 15 миллионов подданных, а на Московской Руси — **вдвое меньше!**

Границы тогдашней Руси проходили у Волги — на востоке, у Ельца — на юге и не доходили до Смоленска — на западе, потому что примерно с XIII по XV век Брест, Киев, Смоленск, Чернигов, Полоцк, Витебск, Минск, Курск и Брянск были городами Великого княжества Литовского.

Франция, как мы знаем, так и осталась Францией, ныне процветающей и благополучной страной в прежних пределах.

А теперь окиньте взглядом то, что произошло в России и с Россией за эти пять веков.

Беглые крепостные и потомки нищих хазарских евреев-отщепенцев, степняков и непонятных бродников, ставшие тер-

скими, гребенскими и донскими казаками, честолюбивые воеводы и вельможи, ищущие славы и царских почестей, рьяные купцы и смиренно-неистовые монахи, солдаты российской армии, в которой многие офицеры не случайно были *географами*, ученые-исследователи, землепроходцы и наконец-то вольные мужики-переселенцы... — все они, где верой и правдой, где ложью и обманом, где мечом, а где крестом — раздвинули границы Российской империи от Твери до Тихого океана, от Архангельска до Памира и Тянь-Шаня. Русскоязычный мир простерся на две части света, и как бы ни сложилась дальше судьба народов, а общий язык останется русским. Как испанский и английский для многих других.

Конечно, об испанцах и англичанах легко писать и приятно читать. А здесь — горячо. Потому что близко. И, как говорил летописец битвы за Берлин, мой старший друг Василий Субботин, *все равно поймут не так*. Дело привычное. Обязательно кто-то обзовет меня казахским певцом русского колониализма, а кто-то решит, что он теперь превыше всех прочих просто потому, что родился в Тамбове, и к тому же во вторник... Понимаю бесполезность слов для них, но по обязанности должен сказать: речь не о том, о чем они подумали, а — о **научном факте, об историческом феномене**, которые все нормальные люди воспринимают как данность.

А гениальные люди, как Лев Николаевич Гумилев, анализируют и объясняют. В данном случае — *взрывом* особого вида энергии — этнической энергии, то есть энергии народа. Другой вопрос — откуда она взялась? И почему именно у них? Ведь рядом с испанцами были французы, с англичанами — шотландцы и валлийцы, с русскими — поляки и литовцы. Что общего и в то же время отличного от других у испанцев, англичан, русских?

Происхождение. Оно у всех народов сложное от слова «сложение». Но в данном случае испанцы — намного «сложнее» тех же соседей-французов. На Пиренеях, не считая древних иберов и кельтов, в одном горячем котле сплывались германские вестготы, арабские мавры, кастильцы, арагонцы, наваррцы, а также галисийцы, каталонцы и баски, которые и поныне ставят себя отдельно от всех.

Не менее достоверное доказательство взрыва энергии от метисации и сложности населения — англичане. Как известно, на

Острове древние кельты были покорены римлянами, затем смешались с германоязычными англами, саксами и прочими. Нормандское завоевание принесло туда гремучую смесь из крови буйных викингов, германских франков и латиносов Центральной и Южной Франции. И на этом фоне можно считать сущим пустяком то, что знаменитые по литературе *гасконцы* несколько веков были подданными Английского королевства и знали со своими *английскими согражданами* не только через воды Ла-Манша.

Когда англичане, влекомые непонятным мощным импульсом, «избытком энергии живого существа», отправились во все края мира, испытывая судьбу, их соседи по Острову валлийцы и шотландцы — **остались**. Они, *валлийцы* и *шотландцы*, в своих неприступных горах на севере и западе Острова не смешивались ни с кем и **сохранили в неприкосновенности** древнюю кельтскую кровь и древний кельтский язык...

А русские — уж ближе и известней. Славяне, растворившие в славянском море каплю норманнских витязей, несколько веков соседствовали и даже составляли единое государство в южно-русских степях с тюркоязычными степняками-половцами. Затем, двинувшись на север, колонизировали и полностью ассимилировали многочисленные угро-финские племена междуречья Оки и Волги — мурому, чудь, мерю, также вобрав в себя корелов, мордву, вотяков-удмуртов, черемисов-марийцев... А потом было второе пришествие степняков, смеси монголов и тюрков, когда в Золотой Орде, преимущественно христианской по вере, стали насильственно, под угрозой смерти, насаждать ислам. Тогда-то, в XIV и XV веках, тьмы и тьмы людей из Орды хлынули на Русь к своим единоверцам. А плюс к этому — средневековые прибалты, те же православные подданные Великого княжества Литовского, ушедшие на Русь от католичества. Да, очень многих пришельцев из Литвы сразу же стали прозывать Литвинами, невзирая на язык и национальность. То есть это могли быть белорусы, украинцы, русаки, литовцы, поляки, немцы, татары... — все равно Литвин. Потому-то в изобилии у нас Литвины, Литваки, Литовченки, Литвиненки, Литовцевы, Литовкины, Литвиновы... Но и они — только лишь часть пришельцев. Потому что православные литовцы носили неотличимые от остальных православные (греческие) имена и фамилии (к примеру, впоследствии принявший католичество

и ставший главным врагом православия и Руси князь Ягайло в православном крещении был Яковом) и уже во втором поколении полностью сливались с общерусским населением.

Если в XV веке на Руси **всего населения** было в два раза меньше, чем во Франции, то уже через четыре столетия только **собственно русских** было в два раза больше, чем французов, считая здесь французов канадских и африканских. Такого *прироста* в стране, подверженной голодным морам, не бывает. Русскими становились не по рождению, крови или обличью, а по вере и службе.

То есть — по судьбе.

Глава 41 ПАМЯТНИК

Когда вышел на телевизионные экраны мой фильм о Есенине, позвонил мой приятель, известный литературный критик, поздравил и растроганно сказал: «Так здорово у тебя получилось, наверное, потому, что ты казах, дитя двух культур, и потому так чувствуешь обостренно все русское?..»

А если б я по крови был русским, то что бы он спросил, интересно? Сказал бы: «Потому, что ты русский...»? Или ничего бы не спросил?

По поводу книги «Сны золотые. Исповеди наркоманов» тоже спрашивают... Эта книга к 2007 году выдержала 17 изданий в 11 городах России, пресса призывает издавать ее миллионными тиражами, видя в ней лучшее и действенное предостережение подросткам... И не проходило ни одной встречи с читателями, чтобы не спросили: «А что послужило толчком к написанию книги? Наверно, у вас есть тут что-то личное, наверно, кто-то из ваших родных или близких пострадал в свое время — и вы взялись за эту тему?» Отвечал и отвечаю — никогда и никаким боком я не соприкасался с этой бедой. Никто даже из отдаленных знакомых не был наркоманом, за долгую журналистскую жизнь до того ни строчки не писал об этом... Просто однажды книга приснилась мне полностью, вплоть до последней строчки — только и всего.

То есть читатель ищет личные мотивы. И это нормальная, бытовая реакция.

Мои очерки, исторические расследования, на протяжении многих и многих лет печатаются и перепечатываются в десятках и десятках газет и журналов. И никто не спрашивал, почему я написал о варягах, о Рюрике, об Олеге Вещем и Олеге Рязанском, о митрополите Алексии, патриархе Филарете и патриархе Никоне, о завещании Дмитрия Донского, о Кузьме Минине и Авраамий Палицыне, о Петре Первом, Румянцеве, Потемкине, Суворове... Но стоило появиться очерку, так или иначе связанному с Ордой, почти все говорили: «Ты пишешь так много об Орде и Руси потому, что ты казах, потомок ордынского князя, упоминаемого в Никоновской летописи?»

Тут бы мне и отвечать: «Ну да, конечно!» Потому как лучше ничего не придумашь, даже если захочешь! Сам казах, русский писатель, да еще потомок ордынского витязя, да еще упоминаемого в Никоновской летописи — ну прямо как по заказу!

На самом деле — ничего подобного.

На самом деле об отношениях Руси и Орды я написал не «много», а «мало». Ну, сколько мог, сколько знал. На самом деле — надо больше. Уверен, напишут другие. Потому, что это — ключевой момент в истории страны. Причем, истории, искаженной до полной невероятности. И можно ли жить спокойно, если знаешь, что история твоей страны искажена? Но даже и не это — главное...

Главное в том, что, если спрашивают, удивляются или возмущаются — значит **задевает**. А если задевает — значит занимает большое место в сознании или в подсознании. То есть эта история актуальна и доньше. **Как думаем — так и живем**. Как думаем **о прошлом** — так и живем **в настоящем...**

То же самое относится и к призванию варягов, и ко всему, что есть в этой книге.

Мы сами заселили свой дом призраками. А теперь пугаемся их, ненавидим, боремся с ними, объявляем на них охоту. Это занятие популярное, но непродуктивное. Настоящая и будущая жизнь от этого лучше не станет.

Так что дело не в моем происхождении. Полагаю, что, будь я русским писателем, а по крови чукчей или негром преклонных годов, все равно написал бы эту книгу. Ведь не мы пишем книги — книги пишут себя нашими руками.

У меня такое ощущение, что на протяжении всей книги я напрашиваюсь на памятник себе. Вроде бы шутя. Хотя все мы знаем, сколько шуток в таких шутках. Так что не подумайте, что шутя. Очень даже всерьез. Только не на гипсовый или даже бронзовый. Очень надо, чтобы украли и продали как цветной металл. Или писали на нем всякие слова. А хуже того — не замечали. Ведь на самом деле памятники существуют для того, чтобы их не замечали? Или нет?

У меня же речь о другом. О том, что я пытаюсь снять с русской нации, избавить русскую нацию от **внушенных** ей комплексов.

Комплекса **призвания варягов.**

Комплекса **монголо-татарского ига.**

Комплекса **европейской неполноценности.**

Тут уже не до шуток. Потому что такие комплексы с ужасающей **незаметностью** искривляют сознание народа, каждого человека, влияют и на повседневную жизнь, и на будущее нации.

Журнал «Огонёк» как-то опубликовал письмо читателя А. Тюрина из ФРГ о моих очерках, напечатанных в журнале. Привожу письмо полностью.

«В тридцатом номере «Огонька» г-н Баймухаметов отменил монголо-татарское иго, в розовых тонах описал взаимоотношения Руси и монголов — дружба, любовь, иногда нестрогое наказание расшалившихся русских. То, что изложенная версия никак не соответствует историческим фактам, археологическим находкам, сведениям современников и летописцев, его абсолютно не волнует. Читатель сегодня любит сенсации пуще жизни своей. Вдохновленный реакцией общественности, в статье «Варяги или «братки»?» г-н Баймухаметов взялся за Русь изначальную. Что-то больно гладко все было в летописях. Обелил Нестор отцов-основателей Русского государства, представил их благородными князьями германского происхождения. Получается, что в основе своей Россия очень напоминает Англию и Францию, а это недопустимо.

Соответственно, под пером автора превратились варяги в разбойников и террористов не хуже Басаева. И уж, конечно, монголо-татары по сравнению с такими варягами выглядят вполне достойно и симпатично.

Но тем не менее есть опять-таки историческая правда, реконструированная историками многих стран. Варяги, они же викинги, они же норманны, не занимались разрушением городов и истреблением под корень оседлого населения завоеванных территорий, как это делали монголо-татары. Напротив, они становились правящим аристократическим сословием. Так было в Северной Франции, где они дали начало Нормандии, так было в Англии, которую завоевал норманн Вильгельм, так было на Сицилии и в Южной Италии. Так было и на Руси, чья ранняя история до монголо-татарского нашествия практически ничем не отличается от истории большинства европейских наций.

Александр ТЮРИН, ФРГ »

Письмо драгоценное. Потому что типичное. Оно подтверждает то, что ученые Афанасьев и Кара-Мурза определили как **«манипулирование общественным сознанием»**. Чтобы написать такое письмо, надо пользоваться только тем, что тебе «дают». И вовсе ничего не читать. Вплоть до хрестоматийной «Повести временных лет», где киевский князь Владимир предупреждает византийского императора: *«Варяги... наделают тебе такого же зла, как и здесь...»* Эта цитата в полном, а не сокращенном, как здесь, виде была приведена в «огоньковском» очерке, на который и откликнулся А. Тюрин. То есть он ее читал. Это — цитата из летописи Нестора, на которого ссылается А. Тюрин. Но он ее **не заметил. Не хочет знать.**

А. Тюрину и так все ясно. У него есть «исторические факты» и даже «сведения современников»(?) об «истреблении под корень оседлого населения» монголо-татарами и о «благородных князьях германского происхождения».

Я и мечтать не мог о такой иллюстрации, о таком подтверждении своих мыслей, изложенных в последней главе! Ведь в этом письме, как в зеркале, отражены комплексы, **внушенные** нации: комплекс призвания варягов, комплекс европейской неполноценности («благородные князья германского происхождения»), комплекс монголо-татарского ига... Не говоря уже об общечеловеческом комплексе сопротивления всему, что не укладывается в однажды усвоенные догмы, о фантастическом умении видеть и читать не то, что написано, а то, что тебе мнится...

Понятно, что в редакции чаще всего пишут несогласные. Но с чем не согласен А. Тюрин? Что он доказывает? Я же не утверждаю, что варягов не было. Были. И я же пишу, что они и герцогство Нормандское основали, и Англию завоевали, положив начало английской королевской династии. И русской княжеской династии тоже. Я пишу, что **призвания** не было: мол, земля наша велика и обильна, но мы такие уроды, что сами с собой управляться не в состоянии, и потому приходите княжить и владеть нами... А вот **призвания**-то как раз А. Тюрин и не опровергает! Оно его не трогает, не задевает национальные чувства!

И получается, что читатель А. Тюрин, и не он один, вполне согласен и даже настаивает на том, что мы униженно просили варягов владеть нами. И что иго было, что мы триста лет сидели под монгольским сапогом и терпели! А самое главное, ничего другого знать не хочет, не допускает. Тут же *дает отповедь*.

Вот почему в последней главе «Памятник» я говорю о **массовом искривлении сознания**. Разруха, она в головах...

А «памятник» — от слова «память». То есть возьмите на заметку, в память. Авось пригодится.

1997-2007
г. Москва

Оглавление

Глава 1. Призвания варягов не было!	3
«Летописи полны лжи и позорят русский народ».....	3
Заклятие.....	5
Как создаются мифы.....	7
Возьмите нас под свою защиту.....	8
Рюрик — тезка.....	9
Кто такие варяги?.....	10
Что же было?.....	15
Особые отношения.....	16
Как создаются династии.....	17
А зачем Нестор так написал?.....	18
Все так писали.....	19
Итог.....	20
Правда всегда неприятна.....	23
Загадочное слово — «русский».....	25
Глава 2. От Олега до Ричарда	28
Летописец Нестор — изобретатель скейт-сёрфинга.....	29
Злодей Ричард, король Английский.....	34
Глава 3. Крещение	38
Глава 4. Спас на Крови	47
«Золотое кольцо» ЦК КПСС.....	47
Страшная сеча на Липице.....	49
Русский Спас.....	52
Ряд безобразий всегда на виду.....	54
Храм.....	56
Гений.....	58

Глава 5. Не смешите моих старых рваных тапочков.....	61
Глава 6. Княжеский крест.....	65
Глава 7. Сын Батые?.....	82
Глава 8. Тайна Куликова поля.....	85
Глава 9. Заговор против Дмитрия Донского.....	98
Глава 10. Клеймо предателя.....	108
Глава 11. Чего мы хотим от истории?.....	114
Новгород мог стать Нойбургом.....	115
Запрещенные болгары.....	119
Невеселый смех.....	121
«Доказать своё...».....	123
Лечебна ли правда?.....	131
Глава 12. Как Русь жила под игом.....	132
Политика: послание от Папы Римского.....	133
Экономика: какая была дань?.....	133
Экономика: русский исполин.....	134
Религия: закон Чингисхана.....	136
Религия: святой Петр — правнук Чингисхана.....	137
Религия: святой Пафнутий — правнук великого баскака Амырхана.....	140
Семья: ордынский зять.....	141
Литература: ордынский(?) летописец.....	142
Насильно мил не будешь.....	143
Европейцы или азиаты?.....	145
Москва погубила град Китеж.....	148
Патриотизм: почему не боролись?.....	150
Глава 13. Нации нужен супостат?!.....	151
Недоумение.....	151
Нации нужен супостат?!.....	152
Крестоносцы-предатели.....	154
На поводу.....	158
Молчание великих историков.....	159
Компрачикосы.....	161
А как же нелюбовь к «татарам»?.....	162
О Литве.....	166
Глава 14. Выбор веры.....	167
Ислам ускорил распад Золотой Орды.....	167
Кто живет лучше? И почему?.....	171
Выбор веры.....	175

Глава 15. Пророк, или Тайна завещания Дмитрия Донского.	176
Глава 16. Казнь Великого Новгорода.	181
Глава 17. Убивал ли Борис Годунов царевича Дмитрия?	187
Глава 18. Спаситель Кузьма.	192
Глава 19. Неистовый Авраамий.	217
Воевода-заговорщик.	217
Плагатор.	218
Предатель.	219
Народный трибун.	220
Самохвал.	221
Снова изгнанник.	224
Участник, свидетель, писатель.	224
Глава 20. Три патриарха.	225
Глава 21. Раскол.	233
Глава 22. Открытие.	242
Глава 23. Русская Атлантида.	247
Город, которого нет.	247
Как уничтожили дом Ильи Муромца.	248
Храм Рождества на «Стимороле».	250
Что ж мы за люди?	252
Другого народа у нас нет.	254
Не лепо ли бяшет, братие?	257
Глава 24. Петр Первый — оплот азиатчины в России.	261
Глава 25. Триумфальная арка.	266
Мыльный пузырь Ворошилов.	267
Каратель Тухачевский.	267
Комдив Суворов.	268
Триумфатор Румянцев.	270
Империя Потемкина.	272
Малоросский нюанс.	274
Усмиритель Польши.	275
Главком Европы, или Военный гений, от которого отвернулась судьба.	277
Загадка.	280
Детский вопрос.	280
Глава 26. Русский колониализм.	283
Тщательней надо, ребята!	283
Анна Иоанновна и хан Абулхаир.	289

Друг Пушкина — казахский Геродот.....	291
Мятежный Кенесары.....	292
Украина — не Россия(?!).....	295
Русский колониализм.....	297
Глава 27. Под звон мечей.....	301
Кто основал Западную Европу?.....	302
Лошадь — прежде всего.....	303
Буйные и грязные.....	306
Буйные и грязные стали знатью.....	307
Любовь и галантность.....	308
Они все равно победили.....	310
Глава 28. Невольники чести.....	311
Вызов.....	311
Убийственный Американец.....	312
Бретёр Пушкин.....	314
Кодекс.....	315
Бедный Мартынов.....	318
Закат.....	321
Эпилог.....	322
Глава 29. Обманутые надежды.....	322
Глава 30. Кто погубил прежнюю Россию?.....	330
Нация самоубийц?.....	331
Жажда справедливости?.....	334
Камень с горы.....	337
Деградация дворянства.....	340
Закон и кулак.....	346
Емеля на печи.....	347
Аля-улю, гони гусей.....	349
Предчувствие Гражданской войны.....	350
Декабристы.....	352
Европа без городов.....	353
Глава 31. Ленин и Троцкий — ослепившие себя поводыри слепых ...	354
Ленин хотел отомстить соратникам?.....	354
А если опять победим?!.....	356
Советские парторги и комсорги были честнее и невиннее Ленина и Троцкого.....	359
Глава 32. История красного кресла.....	362
Последний оплот Колчака.....	362
Патриарх.....	363
Спасители.....	365

Юдоль скорби.....	366
Абрам и Мария Брауде.....	368
История состоит из имен.....	369
Судьба красного кресла.....	371
Потомки.....	376
Глава 33. Лютые звери.....	377
Глава 34. Перелом народного хребта.....	380
Глава 35. Голодомор.....	389
Глава 36. Время Сталина.....	392
«А я как-то не думал...».....	392
Избиение в Америке.....	393
Колыбельная из-за колючей проволоки.....	394
Дочь председателя Совнаркома.....	396
Смейся, палач.....	400
Пахан на зоне.....	402
Глава 37. А был ли XX съезд?.....	404
Глава 38. Черчилль и Оппенгеймер работали на Сталина?.....	410
Глава 39. 34 000 000.....	415
Сталин — источник наших бед.....	415
Почему же мы так отступали?.....	420
От Бабьего Яра до Невской Дубровки.....	430
Казачьи эсэсовцы.....	433
Памятник эсэсовцам в Москве.....	439
Жуков и ленд-лиз.....	442
Жуков и Зееловские высоты.....	442
В английском парламенте.....	449
У каждого был свой рейхстаг.....	450
Глава 40. Русская эпоха.....	457
Все для Бога и князя, и ничего — для себя.....	457
Русская эпоха.....	463
Глава 41. Памятник.....	469

Научно-популярное издание

Баймухаметов Сергей Темирбулатович

ПРИЗРАКИ ИСТОРИИ

Редактор *О.Л. Чернорицкая*
Художественный редактор *О.Н. Адашкина*
Компьютерный дизайн: *М.Р. Хафизов*
Компьютерная верстка *С.Б. Клещѐва*
Корректор *М.И. Соболева*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать 03.03.08. Формат 84x108^{1/2}. Усл. печ. л. 25,20
С: Ист.библ. (84). Тираж 2000 экз. Заказ № 1152
С: Ист.библ. (новая). Тираж 3000 экз. Заказ № 1151.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.2007 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, РФ, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Агентство «КРПА «Олимп»
115191, Москва, а/я 98
www.rus-olimp.ru
E-mail: olimpus@dol.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ООО «Полиграфиздат»
144003, г. Электросталь, Московская область,
ул. Тевосяна, д. 25

Призвания варягов не было. Александр Невский — приемный сын хана Батые. Петр Первый — основатель азиатчины в России. Бездарность Сталина — источник наших бед в великой войне. Исторические расследования Сергея Баймухаметова, несмотря на то что они основаны на исторических источниках, вызывают ожесточенные споры. Осознанно или неосознанно, каждый человек выбирает для себя только ту часть правды, которая ему приятна. Полная правда раздражает всех. Автор расследует ключевые моменты истории от Рюрика до Сталина, книга читается как исторический детектив.

Историческая библиотека

ISBN 978-5-17-046745-7

9 785170 467457